

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра славянской филологии

Л. Ю. Астахина

**ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКОЛОГИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

ВОРОНЕЖ – 2021

УДК 811.161.1'373
ББК 81.053
А91

Научный редактор – профессор Г.Ф. Ковалев

А91 Астахина Л. Ю. Источники по исторической лексикологии русского языка. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. – 492 с.

ISBN 978-5-4292-0231-0

Создание академического труда по исторической лексикологии русского языка – задача будущего. В книге делается конкретный подход к теме – характеризуются источники, которые могут послужить основанием для этой работы. Приводятся примеры исследования отдельных слов, тематических и лексико-семантических групп. Описаны случаи, когда невозможно точно определить значения слов в силу утраты языком реалий, которые обозначены этими словами. В Приложениях даны списки псевдогапаксов – слов, которых не было в русском языке. Их в настоящее время насчитывается более тысячи. Они не рассматриваются как курьёз, а описаны и объединены в группы согласно их происхождению. Книга может быть полезной для лингвистов, историков, журналистов, а также для всех, интересующихся историей русского языка.

Книга издана на средства автора.

УДК 811.161.1'373
ББК 81.053

ISBN 978-5-4292-0231-0



- © Астахина Л.Ю., 2021
- © Ковалев Г.Ф. Оформление, 2021
- © НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА. ДОСТОВЕРНОСТЬ КАК ЛИНГВОИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	18
1. Проблемы изучения истории слова, связанные с лингвистическим источниковедением	18
2. Основы лингвистического источниковедения	19
а) Источник, памятник, текст, отдельная рукопись	19
б) Категории лингвистического источниковедения	25
3. Лексическая содержательность первичных и промежуточных источников	27
4. Классификация первичных и промежуточных источников по лексической содержательности	29
5. Лексическая содержательность вторичных источников	33
6. Лингвистическая информационность источников	37
а) Лингвистическая информационность промежуточных источников	40
б) Значение примечаний в промежуточных источниках	41
7. Достоверность источника как лингвоисторическая категория	44
8. Роль источников в исследовании эволюции тематической группы	49
ГЛАВА II. ВВЕДЕНИЕ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ	57
1. Проблемы издания рукописей	57
2. Систематизация источников по истории лексики	59
3. Рукописный источник, отразивший лексический процесс «от конкретного к абстрактному»	62
4. Рукописные источники, дополняющие друг друга	70
5. Семантические и словообразовательные связи регионального слова	78
6. Неопределенность семантики слова в источниках	85
ГЛАВА III. КАРТОТЕКИ КАК ВТОРИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ	94
1. Из истории создания Картотеки ДРС	94
2. Лексическая содержательность Картотеки ДРС	95

3. Источники Картотеки ДРС и «Словаря русского языка XI–XVII вв.»	102
4. Каталоги Картотеки ДРС	104
5. Количественный состав Картотеки ДРС	106
6. Территориальная принадлежность источников Картотеки ДРС	109
7. Лингвистическая информативность Картотеки ДРС	110
8. Степень достоверности Картотеки ДРС	113
9. Лексические исследования по источникам картотек	115
а) История одной лексической группы	116
б) История одного слова	128
в) Продолжение истории одного слова по источникам XVIII – XIX вв.	133

ГЛАВА IV. ПУБЛИКАЦИИ КАК ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ	141
1. Группа промежуточных источников	141
2. Виды изданий рукописей	143
3. Оптимальное лингвистическое издание рукописей	145
4. Справочный аппарат публикаций	150
5. Этапы формирования промежуточных источников	155
6. На подступах к изданию летописей	158
7. «Экстракт к пользе истории российской древней»	163
8. Работа В. Н. Татищева над «Сводом древних законов русских»	165
9. Первая публикация русских грамот	169
10. Подготовка В.Н. Татищевым издания «Русской Правды» и «Судебника» 1550 г.	172
11. Упущенные возможности русской науки	176
12. Первое издание летописи по оригиналу в России	179
13. «Древняя Российская Вивлиофика» Н. И. Новикова	187
14. К. Ф. Калайдович: издание рукописей	199
а) «Собрание государственных грамот и договоров» как один из промежуточных источников по истории русской лексикологии и лексикографии	204
б) Правила издания рукописей, предложенные К. Ф. Калайдовичем	210
в) Два издания «Русских достопамятностей»	212
г) Подготовка к изданию летописей	215
д) Издание Судебника 1497 г.	216
15. А. А. Шахматов: исследование и издание деловых текстов ..	219

16. Записи иностранцев как источник по истории русского языка.....	226
17. Б.А.Ларин о «сомнительных источниках» и об историческом словаре русского языка.....	237
18. Комиссия по изданию памятников древнерусской литературы.....	242
19. Издания для обучения	250

ГЛАВА V. ПСЕВДОГАПАКСЫ В ИСТОЧНИКАХ

ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА	260
1. К вопросу о терминах.....	261
2. Псевдогапаксы в первичных источниках	264
3. Псевдогапаксы в публикациях XIX в.	265
4. Псевдогапаксы, вызывающие неоднозначное толкование	275
5. Бесспорный псевдогапакс.....	278
6. Текстологи о причинах снижения достоверности промежуточных источников	280
7. Гапаксы и псевдогапаксы, выявленные при подготовке рукописи к изданию	285
8. Псевдогапаксы, выявленные в критическом издании рукописи.....	288
9. Псевдогапаксы в словарях	291
а) Псевдогапаксы в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского	299
б) Псевдогапаксы в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля	301
в) Псевдогапаксы в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» ..	305
г) Псевдогапаксы, выявленные при составлении Обратного словника «Словаря русского языка XI–XVII вв.»	313
д) Псевдогапаксы в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)».....	317
е) Псевдогапаксы в «Словаре русских народных говоров» ...	321
10. Псевдогапаксы в публикации вторичного источника.....	376
11. Псевдогапаксы и искажения в печатных книгах.....	383
12. Классификация псевдогапаксов	384
13. Причины появления псевдогапаксов и пути их устранения	393
14. Лексические приобретения вследствие устранения псевдогапаксов	418

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	425
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	431
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	432
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	442
СЛОВАРИ	461
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	466
а) Список псевдогапков, рассмотренных в работе.....	466
б) Список псевдогапков, не рассмотренных в работе.....	490

*Преодоление всякой научной
трудности требует работы поколений.
Л. В. Щерба. 1937 г.*

ВВЕДЕНИЕ

Книга посвящена исследованию степени достоверности разных групп лингвистических источников в связи с адекватным или неадекватным отражением в них явлений языка, что определяется способом введения их в научный оборот, а в практическом плане позволяет выявить и описать большую группу слов, которые возникли в результате ошибок в рукописях и изданиях (так называемые «фантомные», «призрачные», «несуществующие» слова или «псевдогапаксы»).

Понятие *достоверность* в когнитивной лингвистике выступает как одна из фундаментальных коммуникативных категорий, определяющих степени общения, когда в различных формах коммуникации информация может быть искажена (иногда преднамеренно), и возникает необходимость установить степень подлинности, правдоподобия или вероятности передаваемых сведений. Эта проблема решается в докторской диссертации Н. Н. Панченко «Достоверность как коммуникативная категория» [Панченко 2010]. Она пишет: «Коммуникативная категория «достоверность» является информативно-квалификативной категорией с коммуникативно-организующей и регулирующей функциями, оказывает влияние на прагматику дискурса» [Панченко 2010: 5]. Категория «достоверность» выявляется в разных сообщениях и в диалогах участников общения: «<...>Говорящий имеет возможность выбирать различные варианты выражения некоторого содержания» [там же: 4]. Указывая на актуальность исследования, Н.Н. Панченко считает, что «<...>коммуникативная категория «достоверность» является интердискурсивной категорией, свойственной для любого типа дискурса, реализация данной категории носит вариативный характер» [там же: 2]. Действительно, сведения, содержащиеся в диалогах и сообщениях, могут быть подлинными, вероятными или ложными. Н. Н. Панченко стремится исследуемую категорию достоверности сопоставить с другими логическими категориями: «Соположенными достоверности концептами являются вероятность, подлинность и правдоподобие, характеризующиеся универсальностью, высокой степенью абстрактности, синтезирующие в себе философскую, научную и коммуникативную категории» [там же: 6].

В настоящее время, используя понятие «достоверность», в лингвистической прогностике, в частности в лексикостатистике, проф. В. Т. Титов исследует соотношения многозначных и однозначных слов, а также соотношения значений многозначных слов в словарях романских языков. Он пишет: “Чем меньше значений у слова, тем больше таких слов, и наоборот” [Титов 2002: 61]. “Для каждого словаря, – продолжает автор, – существует интервал достоверности и <...> величина этого интервала прямо пропорциональна размеру словаря: чем больше словарь, тем больше интервал достоверности и наоборот» [там же: 68]. С помощью коэффициента достоверности он определяет соотношение достоверных и недостоверных значений многозначных слов и утверждает, что “<...>предложенный подход позволяет автоматически отличать достоверные значения от недостоверных” [там же]. “Таким образом, – заключает он далее, – у нас есть все основания для того, чтобы признать высокую эффективность предложенного инструмента исследования многозначности как инструмента лексико-семантической онтогностики. Приведённые аргументы представляются также достаточно весомыми для конституирования «Критики лингвистических источников» в качестве неременной и неотъемлемой части науки о языке” [там же: 80].

Вопрос же о достоверности лингвистического источника касается отражения особенностей языка того времени, к которому он относится: язык в нём либо отражён верно, либо искажён. В первичных источниках (рукописях) он искажается в ошибках и описках, что свидетельствует о низкой степени орфографической выучки писца или о недостаточном внимании его к тексту. Одной из причин искажений во вторичных и промежуточных источниках является неверное восприятие языка рукописей тем, кто первым читает их. Недостаточные навыки чтения рукописных текстов при подготовке их к изданию или при выписывании из них отдельных фрагментов для формирования картотеки снижают достоверность источников, возникающих на этом этапе и уже отличающихся от рукописей.

Условно принимаем достоверность рукописей за абсолютную, несмотря на описки писцов, обрывы писчего материала, исправления и вставки, всё это – характерные черты первичного источника. Вопрос о достоверности отражения языка с особой остротой возникает перед исследователем, имеющим дело с публикациями и картотеками

В работах историков проблема достоверности встаёт при исследовании исторических источников, из текстов которых авторы извлекают подлинные факты истории, при этом используется термин **информативность** источника. Но не всегда обращается достаточное внимание на факты языка, которые, будучи неверно прочитаны и ис-

толкованы, могут дать превратную картину исторической действительности. Об этом напомнил проф. И. Г. Добродомов в статье «Проблема исторической достоверности материала в исторических исследованиях», в которой анализируются сведения, касающиеся браков у славян. Приводя цитату из летописи “и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху оу воды девица”, автор указывает на неверное деление на слова текста в издании. Речь идёт не о воде, а о браке путём увода девиц (*увод* употреблено в старой форме творительного падежа множественного числа – *уводы*) [см. Добродомов 2002: 8]. При правильной форме *оуводы* исторический факт был бы истолкован верно.

В филологии с проблемой достоверности источников учёные столкнулись при лексикологических и лексикографических исследованиях. Так, в исторических и диалектных словарях некоторые лексемы вызывают сомнения не только у читателей и рецензентов (см. E. L. Keenan 1978, H. G. Lunt 1979, A. B. Исаченко 1977, А. Б. Страхов 1998, А. Ф. Журавлёв 2012 и др.), но и у самих лексикографов, которые в таких случаях обращаются к подлинникам, тестируя их на предмет достоверности отражения в них фактов языка.

Именно достоверные источники могли бы быть привлечены для исследований по исторической лексикологии русского языка, которые активизировались в конце 70-х годов XX века. В связи с этим в Институте русского языка Академии наук (далее – ИРЯ) была сформулирована задача создания обобщающей работы по русской исторической лексикологии. Был образован Отдел исторической лексикологии и лексикографии (в нём с 1975 г. выходит исторический «Словарь русского языка XI–XVII вв.»). Для решения этой задачи необходимо было изучить и описать лексические процессы в истории русского языка, проследить тенденции развития лексики от первых письменных памятников к современности, изучить историю семантики отдельных слов и различных лексических групп.

Проблема фундаментального описания русской лексики в её историческом развитии давно привлекала учёных. В статье 1962 г., проф. Б. А. Ларин писал: “Далёкая цель исторической лексикологии – выяснение таких компонентов словарной системы языка, которые в истории его развития эволюционируют единым фронтом, т. е. обнаруживают прочные, устойчивые связи. Таким образом, нужно нащупывать не такие произвольные группы лексики, как например, названия родства и т. п. группировки, которые исходят из культурно-общественных отношений и не имеют, как правило, единства в своём развитии, прочных связей. <...> Нужно искать целостные группы со стойкими внутренними связями. <...> Когда такие устойчивые группы будут намечены, следующая задача исторической лексикологии – установить их

взаимодействие” [Ларин 1977: 12]. Акад. В. В. Виноградов писал: “История слова должна воспроизводить всё содержание, всю цепь смысловых превращений, все «метаморфозы». Она стремится раскрыть конкретные условия употребления слова с общим ходом развития всей семантической системы языка или тех или иных её стилей. История слова всегда жизненнее, динамичнее и реальнее его этимологии. Вопрос о происхождении слова только тогда получает твёрдую культурно-историческую базу, когда он опирается на исследование всех этапов смысловой эволюции слова, всех обстоятельств его бытования в разных социальных говорах, наречиях и родственных языках” [Виноградов 1968: 19]. В 1994 г. была издана книга В. В. Виноградова «История слов», в которой собраны его очерки об отдельных словах.

Обосновать задачи начального этапа такого труда в 1982 г. стремился Ф. П. Филин: “Чтобы подготовить историческую лексикологию русского языка наподобие исторической фонетики, – писал он, – потребуются гигантские усилия поколений учёных. И всё же уже теперь можно и нужно начинать обобщающую работу <...> в которой была бы разработана историко-лексикологическая проблематика, описаны хотя бы некоторые важнейшие тенденции в длительном и непрерывном развитии словарного состава русского языка” [Филин 1982: 4]. В качестве источников он указывал на этимологические словари славянских языков, исторические и диалектные словари, толковые словари современных литературных языков, что позволило бы “<...> очертить круг прарусской лексики, далеко не тождественной с праславянским лексическим фондом” [там же].

К началу 2021 г. издан 31 выпуск «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (далее – СлРЯ XI–XVII вв.); вышло 12 выпусков «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)», (далее – СДРЯ); издано 22 выпуска «Словаря русского языка XVIII в.» (СлРЯ XVIII в.). В 1965 г. закончил печататься «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах (ССРЛЯ) и коллектив приступил к изданию «Большого академического словаря русского языка» (в 2004–2019 гг. вышло 26 томов). Издано 50 выпусков «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), 9 выпусков «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СОРЯ). Стали появляться словари языка памятников различных районов России, словари языка отдельной личности. Было положено начало исторической лексикографии Украины («Словник староукраїнської мови XIV–XV вв.», далее – ССМ). Закончен «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» (далее – ГСБМ). Вышло 42 выпуска «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд» (ЭССЯ).

Проблемы теории и практики русской исторической лексикологии рассматривались в коллективных работах и книгах отдельных авторов. В ИРЯ АН СССР были опубликованы сборники статей «Вопросы образования восточнославянских языков» (1962), «Исследования по исторической лексикологии русского языка» (1964), «Русская историческая лексикология и лексикография» (1983) и др. В Отделе исторической лексикологии и лексикографии ИРЯ был издан сборник статей «Русская региональная лексика XI–XVII вв.» (1987), на очереди были сборники статей участников историко-лексикологической работы «Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка» и «Лексические группы в русском языке XI–XVII вв.». Обе книги вышли в 1991 году.

Появились некоторые обобщающие труды, посвящённые разработке проблем исторической лексикологии, изучению лексических групп, отдельных видов источников. Наряду с известной книгой П. Я. Черных. «Очерки по исторической лексикологии русского языка» (1956), которая указывала традиционный путь исследования лексики в связи с этимологией, стали появляться другие работы, получившие широкий отклик в силу нестандартного подхода к этому вопросу. Выпустили в свет свои книги Д. Н. Шмелёв «Очерки по семасиологии русского языка» (1964) и «Проблемы семантического анализа лексики» (1973); Ф. П. Филин «Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк» (1972) и «Истоки и судьбы русского литературного языка» (1981); С.И. Котков «Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII вв.» (1970) и «Московская речь в начальный период становления русского национального языка» (1974), Н. Б. Бахилина «История цветообозначений в русском языке» (1976), С. С. Волков «Лексика русских челобитных XVII в.» (1977), К. П. Смолина «Типы синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII века» (1979), В. Я. Дерягин. «Русская деловая речь на Севере в XV–XVII вв.» (1980), А. Н. Качалкин. «Жанры русского документа допетровской эпохи в историко-лингвистическом и источниковедческом освещении» (1980), Г. А. Богатова «История слова как объект русской исторической лексикографии» (1984) и др. В 1984 г. был опубликован написанный Ф. П. Филиным проспект к предстоящей работе «Историческая лексикология русского языка». Введение лексических материалов в вузовский курс истории русского языка становилось нормой, ранее он строился на данных фонетики и грамматики.

Складывался коллектив учёных различных вузов страны, который мог бы осуществить задачу создания обобщающего труда по русской исторической лексикологии. Инициативная группа под руково-

дством К. П. Смолиной (ИРЯ) проводила конференции в Санкт-Петербурге, Уфе, Твери, Вологде, Свердловске, Красноярске, Смоленске, Воронеже, Днепрпетровске, Калининграде, Риге, на которых поднимались вопросы истории отдельных слов, групп слов и лексических процессов. Применение метода компонентного анализа способствовало появлению историко-диахронических исследований.

Был поднят вопрос об источниковой базе такого труда: необходимо было выявить корпус надёжных источников, дать их характеристику со стороны их пригодности для решения историко-лексикологических вопросов. Одной из проблем стало исследование *достоверности* источников, что направляло историческую лексикологию в сторону теоретических и практических проблем, разрабатываемых и лингвистическим источниковедением.

Лингвистическое источниковедение со своими категориями и методом возникло в русистике в начале 60-х годов XX в., теоретические основы его разработаны в трудах проф. С. И. Коткова. Оно призвано было заложить основы источниковедческих изысканий для русской исторической лексикологии. Взаимодействие двух отраслей языкознания предполагает параллельное освещение взаимно обусловленных задач, стоящих как перед исторической лексикологией и лексикографией, так и перед лингвистическим источниковедением.

До настоящего времени считалось, что каждый расписанный для словарной картотеки рукописный памятник, а тем более – публикация, *достоверно* отражают лексику, и всякие сомнения излишни. Однако работа над «СлРЯ XI–XVII вв.» показала, что такое воззрение ошибочно и отношение к источникам должно быть дифференцированным, а определение орфографического облика лексем более пристальным. Выяснилось, что *не все* источники исторического словаря адекватно отражают состояние древнего языка. Каковы эти источники? Чем вызываются искажения языка рукописей и их изданий? В настоящей работе делаются попытки ответить на эти вопросы с опорой на исследования лексикографов и с привлечением категорий и методов лингвистического источниковедения.

Две стороны лингвистического источниковедения определяют две группы задач. Первая – изучение лингвистической содержательности и информационности источников, вторая – введение в научный оборот рукописных памятников путём их издания. Обращение к категориям и методам лингвистического источниковедения стало необходимостью для историков-лексикографов, так как в процессе определения семантики древних слов они ведут свои источниковедческие разыскания. Привлекаются новые публикации с соответствующим справочным аппаратом, но множество рукописных памятников архивных

фондов страны всё же остаются неизвестными, хотя попытки ввести их в научный оборот предпринимались. Так, описаны лингвистико-коведческие параметры некоторых документов частной деловой переписки [С. И. Котков и Н. П. Панкратова 1964; Н. И. Тарабасова 1986; А. И. Сумкина 1979], отказных книг [С. И. Котков 1969], исторических хроник [А. Ю. Мазилова 1977], десятен [В. В. Юрасова 1974], переписных бортовых книг [Н.С. Коткова 1963], книг Денежного стола [Н.С. Коткова 1964], памятей [А. Н. Качалкин 1980], поручных записей [И. Б. Токмачёва 1984], посевных, ужинных и умолотных книг [Л. Ю. Астахина 1974], ревизских сказок XVIII в. [В. И. Хитрова 1976, О. М. Шагапова 1979], таможенных книг [И. А. Мальшева 1997, М. В. Мордкович 2000, О. И. Баракова 1995, Т. Д. Коркина 2018].

С 2000-го года в ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН выходят сборники статей и публикаций под названием «Лингвистическое источниковедение и история русского языка». В них помещаются исследования языка древних памятников, описываются древние рукописи из наших и зарубежных архивов, исследуются и рукописи XVI–XVIII вв. Иногда исследования сопровождаются публикациями текстов по «Правилам лингвистического издания памятников древнерусской письменности» (М., 1961). Выход таких сборников обогащает историческую науку о языке достоверными исследованиями и квалифицированно представленными публикациями.

В 1954 г. в кандидатской диссертации З. Д. Поповой было проведено изучение рукописи «Азовской записной книги» 1698–1699 гг. из Воронежского губернского архива по синтаксическим параметрам. Эта работа побудила учёных обратиться к фондам местных архивов.

20–22 ноября 1961 г. в ИРЯ на Совещании по проблемам источниковедения и издания памятников было указано: “Располагая колоссальными рукописными богатствами, сосредоточенными в наших хранилищах, мы, в сущности, имеем недостаточное представление об их лингвистическом значении” [Совещание 1962: 182]. Что касается публикаций рукописей, было подчёркнуто: “Необходимы издания, которые как в отношении отбора публикуемых рукописей, так и с точки зрения воспроизведения текста, передачи и отражения существенных особенностей рукописей могли бы служить задачам лингвистических исследований и, прежде всего, задачам, которые стоят перед исследователями истории русского языка” [там же]. С 60-х годов XX в. такие издания памятников появляются с определённым справочным аппаратом. Встаёт вопрос, как нужно изучить, описать и ввести в научный оборот источник, опубликовать рукопись, чтобы избежать несуществующих «призрачных» слов (псевдогапаксов) и что должно войти в справочный аппарат. Пришлось выделить в особую группу публика-

ции, так как именно в них зафиксировано наибольшее число псевдогапсов. Они стали фактом письменного языка, поэтому возник ещё один вопрос: как к ним относиться и нужно ли их включать в исторический словарь. С одной стороны, – их не было в языке (наука это установила) и можно не брать, но с другой, – они есть в источниках. Если их нужно отражать в историческом словаре, то какие сведения необходимо сообщать о них? Если не отражать, то в какой форме лексикографы должны их сохранить для будущих исследователей?

Критерием достоверности учёные-историки полагают *исторические* факты, а для лингвистов такой критерий как инструмент должен выявлять истинность *языковых* фактов источника. Историки языка должны бы включить категорию *достоверности* в систему понятий лингвистического источниковедения.

В связи с задачами исторической лексикологии и лексикографии встают вопросы о привлечении достоверного материала из различных источников. Система пяти лингвоисторических картотек, имеющихся в нашей стране, даёт материал для изучения лексических процессов, истории отдельных слов, эволюции тематических, лексико-семантических и корневых групп, а также разнообразных семантических и словообразовательных связей отдельных слов и групп слов.

В настоящей работе делается попытка осветить проблемы достоверности источников, с которыми приходится встречаться при подготовке работ по русской исторической лексикологии и лексикографии.

Определение степени достоверности источников по истории русского языка позволяет выявить адекватность представления языковых данных в разных типах источников, определить условия, способствующие возникновению псевдогапсов – «призрачных» слов и словосочетаний, наметить пути обнаружения и устранения этого явления. Введение понятия «достоверность источника» в лингвистическое источниковедение в качестве одной из категорий представляется шагом вперёд в развитии этой отрасли науки, укрепляет её основы и оказывает влияние на практическую работу с источниками. Обращение к истории публикаций письменных памятников в России (с середины XVIII в.) ставит лингвистическое источниковедение на прочные основы практической работы учёных с рукописями.

Лексическое наполнение рукописных и опубликованных источников «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и его базы – Картотеки ДРС (хранится в ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН) положено в основу настоящей работы. Изучению подвергалась лексика некоторых региональных исторических словарей (мангазейского, красноярского, пермского, томского, смоленского и др.), а также «Словаря русских народных говоров».

Обращение к письменным памятникам РГАДА, ГИМ ОПИ, отделов рукописей БАН, РГБ, РНБ, архива Владимирской области раскрывало роль источников в истории одного слова, тематической и лексико-семантической групп, подтверждало возможность или невозможность определения семантики отдельных слов, позволяло выявлять псевдогапаксы и несуществующие словосочетания. В работе исследуется достоверность лексической содержательности трёх видов источников (первичных, вторичных и промежуточных), последуются этапы формирования источников промежуточных, а также роль учёных в этом процессе.

Необходимо было определить и оценить степень филологической достоверности источников по истории русского языка, что способствовало бы решению одной из важных проблем исторической лексикологии и прикладной лексикографии – выявлению псевдогапаксов и предупреждению возникновения их в изданиях и исторических словарях.

* * *

В книге впервые поставлен вопрос о достоверности источниковой базы русской исторической лексикологии письменного периода (XI–XVII вв.). В связи с этим выдвигается проблема взаимодействия таких отраслей русистики, как историческая лексикология, историческая лексикография (как концентрация и практическое системное воплощение лексикологии) и лингвистическое источниковедение. Обоснован новый принцип классификации источников – по способу введения их в научный оборот. В связи с этим выделены не только источники *первичные* (рукописи) и *вторичные* (картотеки, лексиконы) по происхождению (вслед за С. И. Котковым), но и *промежуточные* (публикации). Отмечены основные этапы формирования и введения в научный оборот *промежуточных* источников путём издания письменных памятников (с середины XVIII в.): от простого копирования (для размножения) рукописей и представления их в печати до формирования лингвистических источников – изданий со сложным справочным аппаратом, с примечаниями и научными комментариями.

Впервые представлена роль трёх видов источников в изучении истории отдельных слов, групп слов и лексических процессов в русском языке с опорой на категории лингвистического источниковедения. Описана группа лексики русского языка, исследуя которую, *наука точно устанавливает* её отсутствие в языке. Предлагается закрепить для обозначения такой лексики термин *псевдогапакс*, впервые введённый в работе А. Б. Страхова, обосновывается его правомерность в системе лингвистической терминологии. Термин *гапакс* (греч. *απαξ* – ‘один раз, однажды’) относят к слову, употреблённому один раз в источнике – в руко-

писи. *Псевдо* – препозитивная морфема со значением ‘ложный, мнимый, вымышленный’, активно участвующая в формировании научной терминологии русского языка.

В работе разграничены такие понятия, как *достоверность* источника и его *подлинность*. Достоверность рукописи условно принимается за абсолютную, но нельзя считать абсолютно достоверным её издание (промежуточный источник) или сформированную на её материалах картотеку (вторичный источник). Термин *подлинник* лингвисты применяют к издаваемой рукописи (для издания может быть взят и список). Вопрос о публикации решается в зависимости от поставленной задачи, например, отразить язык времени создания именно данного списка. О существовании других списков публикуемой рукописи, если они выявлены, обычно сообщается при издании, когда из них приводятся варианты, важные в лингвистическом отношении. О *достоверности* же источника можно говорить тогда, когда встаёт вопрос о верном или ошибочном отражении в нём явлений русского языка соответствующей эпохи, в частности – лексики. Как видим, термины *подлинность* и *достоверность* источника функционируют в разных научных и практических плоскостях.

В целях развития лингвистического источниковедения в дополнение к другим его категориям вводится понятие *достоверность* лингвистического источника. На обширном лингвистическом материале доказывается, что псевдогапаксы (в публикациях древних рукописей, в исторических картотеках, в словарях, реже – в самих рукописях) могут быть выявлены с помощью методов лингвистического источниковедения с опорой на его категории: *лингвистический источник*, *лингвистическая содержительность источника*, его *информационность* и *категория достоверности*. Псевдогапаксы – это и слова и словосочетания.

В работе представлено системное описание трёх типов источников по истории русского языка в аспекте категории филологической достоверности, что вносит вклад в разработку актуальных вопросов исторической лексикологии, лексикографии и лингвистического источниковедения. Изучается группа псевдогапаксов, ранее рассматривавшаяся лишь фрагментарно. Выявлено и классифицировано более 1000 «фантомных» лексем, описанных в работах исследователей, из них около 100 единиц выявлено нами. Описанные в работе, получившие источниковедческую характеристику, они включаются в систему русской лексики как одна из словарных групп, которая может пополняться. Выработаны лексические и источниковедческие критерии их выявления на основе определения достоверности источников. Исследования по русской исторической лексикологии смогут базироваться на надёжных источниках – первичных, вторичных и промежуточных. Эта классификация – новый этап в источниковедении.

Псевдогапаксы (слова и словосочетания) как лексическую группу воспринимаем не как курьёз, а как предмет исторического, источниковедческого и лингвopsихологического исследования. Собранный материал может составить основу для подобных исследований, способствовать решению проблемы подачи несуществующих слов в корпусе исторического словаря, что уже делают авторы «СлРЯ XI–XVII вв.», создавая к каждому выпуску списки псевдогапаксов. Книга может оказать помощь при подготовке рукописей к печати, при решении вопросов о типах издания, видах справочного аппарата. Очерки по истории отдельных слов и групп слов, описания видов изданий, предпринятых лингвистами, историками, литературоведами, могут быть положены в основу спецкурсов по русской исторической лексикологии и лингвистическому источниковедению. Характеристика источников по степени их достоверности позволяет подобрать определённый массив для практической работы над историко-лексикологическими и источниковедческими проблемами.

* * *

Несколько слов об этимологии. Этимология, отражающая письменную историю слов, представляется отдельной отраслью русистики, доступной квалифицированным специалистам. О. Н. Трубочёв писал в статье «Ad septuagintam» 7 октября 2000 г.: “<...> Если речь идёт об основном фонде лексики, история, например, значений слов к началу письменности в основном уже сложилась, а на письменный период приходится то, что можно назвать периодом относительного покоя. Понятно поэтому, какая ответственная, подлинно пионерская задача в раскрытии древних значений слов, а через них – элементов древней культуры ложится на нас, лексикографов-этимологов” [Трубочёв, 2004а: 144]. Касаться этимологии «по ходу дела» в настоящей работе не представляется возможным, тем более что имеется не совсем удачный опыт – попытка поместить сведения о происхождении слов в корпус толкового словаря современного русского литературного языка [см. Добродомов 2009].

*Всякая древность к знанию полезна.
В. Н. Татищев. 1738 г.*

ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА. ДОСТОВЕРНОСТЬ КАК ЛИНГВОИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

1. Проблемы изучения истории слова, связанные с лингвистическим источниковедением

Успехи последних десятилетий XX века в области исторической лексикологии русского языка, и особенно лексикографии, связанные с выходом исторических, диалектных и этимологических словарей, вызывают проблемы, касающиеся достоверности отражённых в них лексических материалов. Под термином *достоверность* здесь понимается адекватность отражения в источнике лингвистических данных, присутствующих языку того времени, к которому относится источник.

В связи с этим возникают вопросы, адресованные лингвистическому источниковедению. Встаёт вопрос не только изучения и описания источников, в частности рукописей, с целью введения их в научный оборот путём издания, но и практическая необходимость обращения к этим источникам с целью проверки по ним лексических фактов, вызывающих сомнения лексикологов и лексикографов. Вопрос об оптимальных способах издания рукописей, о составе справочного аппарата, приемлемого для лексикологических и лексикографических исследований, требует своего решения. Вопрос о критериях, необходимых исследователю-лексикологу при подходе к источнику, чтобы избежать ошибок, обусловленных определённым состоянием источниковедческой базы русского языка, и, наконец, вопрос о дальнейшем развитии лингвистического источниковедения – всё это становится актуальным в настоящее время. Остро стоит вопрос о филологической достоверности источников, об адекватном отражении в них явлений языка так называемого «письменного» периода (XI–XVII веков). Над этой проблемой задумывались в середине XVIII века, когда впервые встал вопрос о публикации рукописей, о введении в научный оборот источников по русской истории и способах представления их в печати (см.: Татищев 1738, Барков 1767, Шлёцер 1767, Новиков 1773, Калайдович 1814, Поленов 1850, Ламбин 1858, Буслаев 1861 и др.). Что касается теоретической стороны, то возникает необходимость построения общей классификации источников, которое отражало бы реальное поло-

жение, занимаемое источниками по исторической лексикологии и лексикографии русского языка. Ответы на эти вопросы способствовали бы углублению как теоретических основ лингвистического источниковедения, так и укреплению и повышению степени достоверности источниковой базы исторической лексикологии и лексикографии. В настоящее время историческая лексикография опережает лексикологию и источниковедение, поэтому говорим об источниках, необходимых и для лексикологических, и для лексикографических работ, так как историкам-лексикографам нередко приходится выступать в роли лексикологов и источниковедов.

2. Основы лингвистического источниковедения

В начале 60-х годов XX столетия в русистике “возникло и успешно развивается лингвистическое источниковедение”, – говорится в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [М., 1990: 427]. Это научное направление призвано решать две задачи: характеризовать источники с точки зрения их пригодности для лингвистических исследований и вводить в научный оборот новые источники путём издания. “Если говорить точнее, предмет лингвистического источниковедения – выявление, аннотирование и систематизация рассматриваемых в этом аспекте источников и разработка научных оснований их эдиционного воспроизведения” [Котков 1964: 9]. Теоретические основы этой отрасли языкознания разрабатывались, начиная с 60-х годов XX в. проф. С. И. Котковым и были обобщены в его книге «Лингвистическое источниковедение и история русского языка» [М., 1980]. Он выявил основные категории этой науки, её предмет и методы, дал определение понятия “лингвистический источник”.

а. Источник, памятник, текст, отдельная рукопись

Вопрос о разграничении понятий *источник*, *памятник*, *текст*, *отдельная рукопись* в теоретическом плане ставится впервые, хотя на практике такая градация существует в сознании исследователей, по-видимому, давно, что связано с лексикологическими и лексикографическими работами. Однако лингвистическое источниковедение не ставило вопрос о таком разграничении, оно оперирует категориями *лингвистический источник*, *лингвистическая содержательность источника*, его *лингвистическая информативность*. В настоящей работе дифференцированное представление о содержании понятий

источник, памятник, текст, отдельная рукопись позволяет вывить различное отношение к рукописному или изданному памятнику историков, лингвистов, текстологов, исследователей древнерусской литературы.

Существуют определения понятий “источник” и “памятник”, приуроченные в основном к задачам палеографии. Известный палеограф В. Н. Щепкин писал: “Если разуместь под письменным памятником всякое зрительное выражение человеческой мысли на поверхностях, то в область палеографии войдут, кроме памятников литературы, также дипломатические памятники, монеты, печати, а равно надписи, резанные на камне и ином твёрдом материале <...>Памятники содержат человеческую мысль, выраженную зрительными знаками на поверхностях” [Щепкин 1920: 12]. Акад. Е. Ф. Карский определял общую цель палеографии как исследование “<...>происхождения, видоизменения и распространения письмен и всего, относящегося к последним: материала, на котором писали, способа письма, писцов и т. п.” [Карский 1925: 1]. В «Славянской кирилловской палеографии» он говорит об *источниках* для своей науки: “Источники, на которых палеография основывает свои наблюдения, это <...>все старинные памятники, содержащие в себе письма, преимущественно разные рукописи. Так как палеограф может дать заключение лишь по самим памятникам, то ему необходимо знать<...> а) где эти памятники находятся, б) есть ли их описание, в) к какому времени они относятся, г) представляют ли они из себя подлинник того или иного писателя или копию с него” [там же: 9].

Памятники письменности являются предметом изучения текстологии, которая решает свои задачи: “Текстолог ставит себе целью, – писал акад. Д. С. Лихачёв, – изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на всём его протяжении пока только изменялся текст памятников. Только путём полного изучения истории текста памятника как единого целого, а не путём эпизодической критики отдельных мест, может быть достигнуто и восстановление первоначального авторского текста памятника” [Лихачёв 1962: 23].

В другом месте он замечает: “Различные редакции текста завязят друг от друга, происходят друг от друга, заимствуют частично текст от предшествующих, часто недошедших редакций и т. д. Вот почему никогда не бывает достаточно «классифицировать» тексты – надо восстановить их историческое взаимоотношение, расслаивая различные этапы их истории, восстанавливая, хотя бы приблизительно, не дошедшие до нас этапы” [там же: 57]. Как видим, разграничение понятий “памятник” и “источник” для текстологии не является актуальным.

Именно **тексты** памятника (т. е. различные списки одного произведения) в его изменениях и преобразованиях в процессе бытования являются источниками для текстологических исследований и реконструкции первоначального текста.

Два вида источников по истории языка отмечал акад. А. А. Шахматов. На первое место он ставил изучение современных ему народных говоров, соби́рание которых как раз началось в конце XIX столетия, на второе, как само собой разумеющееся, – письменные памятники: “История языка основывается главным образом на данных современного живого языка в его говорах, ибо <...> сравнительное изучение современных говоров ведёт к восстановлению общего для этих говоров языкового основания и даёт, таким образом, прочный и надёжный материал для заключений о составе языка в более отдалённые эпохи и о процессах, по которым шло его изменение <...> Но, – продолжал он, – история языка получает яркое освещение и со стороны письменных памятников. Наша письменность восходит к XI веку; анализ памятников письменности XI–XIX века даёт весьма ценные, иногда непрекращаемые данные о наличии тех или иных звуковых явлений в указанных хронологических пределах” [Шахматов 1915: 3].

Аналогично мыслям А. А. Шахматова сформулировал определение понятия «источник по истории языка» акад. М. Н. Сперанский, который в 1929 г., после смерти акад. А. И. Соболевского, встал во главе Группы древнерусского словаря (ДРС) и активно включился в процесс пополнения Картотеки ДРС. Он также отмечал две группы источников: “С одной стороны, это будут памятники русской письменности начиная с XI в., с другой, памятники устные – живая речь современников с того момента, как на неё обратили внимание исследователи и начали прямо из уст народа собирать материалы для истории языка. [В этих группах] мы ищем отражение живой речи: в первой – в письме, во второй живая речь сама перед нами <...> Они различны по происхождению и по характеру” [РГАЛИ, ф. 439, оп. 1, №28, л. 22. 1929 г.].

С. И. Котков обобщает понятие «лингвистический источник», включая в него все его разновидности и характеризуя его с разных точек зрения: с позиции происхождения источника, заключённой в нём информации о состоянии отражённого языкового пласта, с позиции восприятия его исследователем, с позиции его содержания, физического состояния, степени его изученности и доступности для изучения, с позиции положения среди других источников.

В 1964 г. в статье «О предмете лингвистического источниковедения» он писал: “Разработка специальной науки о лингвистических источниках предполагает прежде всего выяснение самого понятия «лингвистический источник». Язык материализуется в произношении

и письме. В соответствии с этими формами материализации лингвистический источник представляет собой либо непосредственное (инструментально-физическое), либо опосредствованное (графическое) закрепление языкового материала в виде слов или их элементов, обладающего определённым внутренним единством, от древнеписьменного языка памятника до текста современного художественного произведения и магнитофонной ленты. Соответственно источники делятся на слышимые и читаемые” [Котков 1964: 4–5]. Со временем это определение несколько видоизменяется: “<...> Лингвистический источник представляет собой единицу непосредственного (инструментально-физического) или опосредствованного (графического) запечатления языка или его элементов, объём, содержание и характер которой определяются, с одной стороны, возможностями и потребностями общения, с другой – строем запечатленного” [Котков 1980: 9–10].

Расширяя понятие «источник», с учётом развития техники, следует уточнить, что он представляет собой закрепление языкового материала в звуках или на письме, а источником может быть как запись голоса на любом носителе звуковой информации, так и рукопись или публикация на любом носителе зримой информации, разнообразные надписи на камнях, на стенах (граффити), на бересте, а также существующие словари и словарные картотеки.

“По происхождению, – писал С. И. Котков, – источники делятся на объективно сложившиеся и формируемые исследователями в соответствии с характером и задачами исследования – материалы, собранные по анкетам и программам” [там же: 10]. В этой работе он разделяет их на *первичные* – естественно сложившиеся, и *вторичные* – обладающие заданными свойствами, сформированные исследователями.

В настоящее время среди слышимых, звуковых есть источники естественно сложившиеся и источники с заданными свойствами, в числе последних – разнообразные фонотеки, создаваемые лингвистами-диалектологами. Среди видимых, читаемых источников также есть естественно сложившиеся (рукописи) – они считаются первичными, и источники с заданными свойствами, сформированные с научными целями (для инвентаризации каких-либо языковых явлений, для справочной службы) – источники по происхождению вторичные (картотеки, лексиконы). В настоящее время таковыми можно считать имеющиеся в стране словарные картотеки, разнообразные словари и списки слов, в частности – указатели слов в изданиях рукописей. Таким образом, здесь приведена характеристика источников по происхождению и формированию, по разновидностям, по их роли в изучении языка.

При таком подходе не ставится и не решается вопрос о разграничении понятий «памятник», «источник», «текст», «отдельная руко-

пись». Однако в работе лексикографов-историков разграничение этих понятий оказывается актуальным и получает практическое воплощение. Так, в Указателе источников «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [М., 1975] и в Справочных выпусках [М., 2001, 2020] отдельный рукописный памятник и разновременные публикации одной и той же рукописи, выполненные по разным или одним и тем же спискам различными способами, фиксируются в качестве самостоятельных источников со своими краткими обозначениями – шифрами. В нём есть два шифра изданий Радзивилловской летописи: для фототипического издания 1902 г. **Радзив.лет.** и для издания этого же текста в 38-м томе серии «Полное собрание русских летописей» [М., 1989] с шифром **Радзив.лет.**¹. Источники разные, особенно если принять во внимание, что издание сопровождается вариантами, примечаниями и комментариями.

Свои шифры получили три издания «Жития протопопа Аввакума», предпринятые в разное время по разным спискам. В 1914 г. оно было напечатано В. Г. Дружининым в «Пустозерском сборнике», в 1927 г. – в 39-м томе «Русской исторической библиотеки», в 1975 г. – в коллективном труде «Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания», где представлено фототипическое воспроизведение текста вместе с наборным.

Для исторической лексикологии и лексикографии разграничение источников по способу введения в научный оборот оказалось актуальным. Принимается во внимание влияние, оказываемое издателем на формирование лингвистического источника – так называемый субъективный фактор. Если рукопись представляет собой первозданный источник, исходящий непосредственно от её создателя (автора или писца), то к составлению картотек и словарей (вторичных источников) имеют отношение исследователи, создававшие их на основе рукописей. Однако с некоторого времени в этот процесс стали включаться публикации, представляющие собой набранные в типографии тексты тех же рукописей. Следовательно, между первичными и вторичными источниками нередко «вставали» издания. Сначала издатели стремились познакомить с рукописью (первичным источником) как можно больше так называемых «пользователей» (по современной терминологии), поэтому рукопись нужно было размножить. Напечатанный в типографии текст (иногда очень похожий на рукописный) призван был существенно облегчить задачи изучения по его содержанию тех или иных явлений в связи с поставленными целями. Такой источник становился востребованным и исследователями. Но в настоящее время, когда выявлены слова, не существовавшие в русском языке, встаёт вопрос об адекватности печатного текста и текста рукописи. Положительно можно было отвечать на этот вопрос до начала углублённой

работы над созданием исторических и диалектных словарей русского языка. В процессе же их создания, когда нельзя пропустить ни одного слова из представленных в картотеке контекстов, выясняется, что не всегда и не во всём публикация идентична рукописи. Большое влияние на публикацию оказывали те люди, которые копировали рукопись для издания. Не всегда учёные, издававшие рукописи под своими именами, имели возможность сверить копию переписчика с оригиналом, и в публикацию проникали псевдогапаксы. Из-за невозможности сверить непонятное слово со словарём или справочником, допускалось, что в древних текстах «всё было возможно». Первый исторический словарь, который мог бы послужить для таких справок, а именно «Материалы для древнерусского словаря по памятникам письменности» акад. И. И. Срезневского (в трёх томах), выходил в 1890–1912 годах, а наибольший поток публикаций рукописей пришёлся в нашей стране на вторую половину XIX в. и на первую четверть XX в.

В настоящее время нельзя ограничиться классификацией источников по происхождению на первичные и вторичные, предложенной С. И. Котковым. Работа над «Словарём русского языка XI–XVII вв.» показала, что необходимо выделить в особую группу публикации, независимо от того, издавали их историки, литераторы или лингвисты. Этот вид источников, отличающийся от других по способу введения в научный оборот, выделяем в группу *промежуточных*.

Итак, по способу введения в научный оборот источники делим на первичные (рукописи), вторичные (картотеки, лексиконы) и промежуточные (публикации рукописей), которые отличаются специфическими чертами, определяемыми отношением к ним их создателей. Так, картотеки и лексиконы формируются не только по рукописям, но и по публикациям, и соответственно отражают как достоинства, так и недостатки промежуточных источников. Работа по выборке и выписке цитат для словарной картотеки отражает как состояние первичных и промежуточных источников, так и квалификацию выборщика. В созданном по такой картотеке словаре проявляются черты и рукописей, и публикаций. В источниках по русской диалектологии проявляются свои особенности. В экспедиции для собирания материалов о состоянии говоров ездили чаще всего студенты под руководством опытных специалистов. На карточки и в блокноты заносились материалы наблюдений обычно скорописными буквами. При составлении словарей по этим «полевым» материалам уже другими сотрудниками не всегда правильно прочитывается то, что записано. Сформированные таким образом источники промежуточного характера обладают недостаточной достоверностью, что и отражается в диалектных словарях, содержащих слова, которых нет и никогда не было в языке – псевдогапаксы.

Следовательно, источники, используемые для языковедческих исследований, обладают разной степенью достоверности, выявлять которую помогают «инструменты» лингвистического источниковедения.

6. Категории лингвистического источниковедения

Разрабатывая категории лингвистического источниковедения, С. И. Котков предложил термины *лингвистический источник*, *лингвистическая содержательность* и *лингвистическая информационность*. Термин *лингвистическая содержательность* имеет отношение к содержанию источника, термин *лингвистическая информационность* – к внешним проявлениям содержательности в источнике. “Содержание источника, – писал С. И. Котков, – интересует лингвиста главным образом с той стороны, в какой степени и как именно обусловлено употребление в источнике тех или иных средств языка” [Котков 1964: 5]. Эти средства языка, использованные в источнике, составляют его *лингвистическую содержательность*. Как категория источниковедения это понятие собственно языковое, отражающее “<...> совокупность заключённых в источнике лингвистических данных, предопределяемую его содержанием и его отнесённостью к тому или иному языку или диалекту, а также степенью проникновения науки в материю языка” [там же: 8]. В пределах “<...> лингвистически однородной группы источников (например, отказов земельных угодий в определённом уезде, хотя бы и написанных разными писцами), – пишет С. И. Котков далее, – она является величиной относительно постоянной, поскольку источники каждой группы возникают на почве одной и той же лингвистической общности – языка или диалекта” [там же: 10]. Эта систематизация источников важна при отборе их для публикации из числа однородных.

В развитие этих мыслей С. И. Коткова можно добавить следующее. Для изучения языка прошедших эпох существуют в основном источники видимые, читаемые – тексты различного рода: короткие и длинные, написанные уставом, полууставом или скорописью, опубликованные церковно-славянским или гражданским шрифтами или фототипически. Причём, каждая рукопись является особым источником для языковеда. Лингвистическая содержательность *первичных, естественно сложившихся* источников определяется содержанием, жанром, индивидуальной манерой автора (авторов) письменного памятника, временем создания, историей его функционирования и бытования: если его переписывали, то важно, когда, в каком месте, как отразились особенности языка автора, «редактора», переписчиков. Большое зна-

чение приобретает фактор «проникновения науки в материю языка», то есть степень изученности источника не только лингвистами, но и палеографами, текстологами, историками, литературоведами, результаты исследования которых лингвисты принимают во внимание.

О лингвистической содержательности *вторичных* источников, т. е. источников *с заданными свойствами*, созданных учёными с целью решения определённых задач, в работах С. И. Коткова нет данных. Однако лексикографам, авторам исторических и диалектных словарей, приходится иметь дело именно с такими источниками, а точнее – с картотеками, сформированными для создания словарей. Для лексикологических изысканий привлекаются данные отечественных картотек и существующих лексиконов. Немалую роль играют и словоуказатели, помещаемые как при изданиях письменных памятников, так и составляемые учёными к уже опубликованным текстам.

Лингвистическая содержательность картотек, лексиконов, словоуказателей – источников с заданными свойствами и по происхождению вторичных – не подвергалась исследованию. Как выяснилось, она зависит не только от содержания текстов памятников, языковые явления которых включают в свой массив словарные картотеки, но и от задач, поставленных учёными при их формировании. Она зависит и от объёма охватываемого материала, и от части его, выносимой на «единицу» источника (в картотеке – на одну карточку), и от метода эсцерпции (выборочной, полной, сплошной), и от способа расстановки карточек в картотеке (в алфавитном порядке или, скажем, по словообразовательным гнездам, по систематизированным понятиям и пр.), также и от квалификации выборщиков.

Лингвистическая содержательность такого вторичного источника, как словарь, определяется не только объёмом всего охватываемого им материала, но и частью его, включённой в каждую отдельную словарную статью. Она зависит и от способа представления этой статьи в словаре: дано ли в ней лишь толкование заголовочного слова, приведены ли в качестве иллюстраций датированные цитаты из памятников, помещаются ли графические изображения, фотографии, фрагменты живописи и др. Зависит лингвистическая содержательность и от времени создания словаря, от степени развития наук и культурного состояния общества, оказывающего влияние на эрудицию составителя.

Например, «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (и его база Картотека ДРС) является источником с заданными свойствами, источником вторичного происхождения. «Основная задача «СлРЯ XI–XVII вв.» – служить справочным пособием для чтения древнерусских текстов. <...> По типу это словарь общепилологический, диахронический. Его задача – инвентаризовать исконно русскую лексику, начиная

с древнерусского (обшевосточнославянского) периода, также лексику, которой пользовалась в обиходе русская письменность” [Инструкция 1988: 7]. Следовательно, лексика в «СлРЯ XI–XVII вв.» отражает *систему*, характерную для языка охватываемого периода, и более того – её развитие. В работе над словарной статьёй автор, осмыслив материал картотеки и данные памятников, не представленных в ней, но являющихся источниками Словаря, разрабатывает схему каждой словарной статьи (в частности – многозначного слова) так, что её наполнение показывает движение семантики лексемы во времени.

Что касается влияния на словари степени проникновения науки в материю языка, следует отметить, что именно в них проявляется наибольшая обобщённость научной мысли, основанная как на эрудиции авторов, так и на достижениях различных наук того времени, когда словари создаются. Не только субъективный фактор оставляет отпечаток на лингвистической содержательности такого источника, как словарь, но и общее состояние культуры, развитие наук, также влияющих на отражение разработки языковых явлений в словаре. Для большинства исследователей различных уровней истории языка (не только лексики, но и фонетики, грамматики) в настоящее время именно словари и картотеки становятся основными источниками и для справок, и для сверки собственного материала, и для его пополнения. Можно составить картотеки, отражающие фонетические особенности источника, его синтаксис, морфологические явления, что обычно и делает каждый исследователь соответствующего уровня языка, формируя вторичные источники с заданными свойствами. Но без проверки материалов по фондам больших отечественных картотек русского языка не обходится теперь ни одно лингвоисторическое исследование.

3. Лексическая содержательность первичных и промежуточных источников

Одним из направлений настоящей работы, касающейся вопросов достоверности источников по истории лексики, является раскрытие путей взаимодействия исторической лексикологии (лексикографии – тоже) и лингвистического источниковедения, которое, опираясь на свои категории, помогает выявить степень этой достоверности. Остановившись на источниковедческих вопросах, имеющих значение только для *лексического* уровня.

В процессе исследования необходимо было разделить понятие *лингвистическая содержательность* соответственно уровням историко-языкового изучения и говорить, в частности, о *лексической содержательности* источника. Это понятие теоретическим источником

ведением не разрабатывалось. Полагаем, что применительно к рукописям и их публикациям лексическая содержательность охватывает лексику памятника и характер её представленности в источнике, что зависит от содержания, жанра источника, а также от издания рукописи наборным или фототипическим способом.

Применительно к вторичным источникам с *заданными* свойствами (картотекам, словарям, словоуказателям) понятие *лексическая содержательность* должно вобрать не только их лексический массив, но и способ его подачи. Это может быть список-индекс слов, отобранных по определённому принципу. В публикациях, осуществлённых историками, нередко приводятся терминологические словари, а из словоуказателей – указатели личных имён и географических названий. Это позволяет приурочить ко времени и к определённому месту отражённые в источниках события, выявить имена и деяния известных исторических лиц. В лингвистических же изданиях XX века стали чаще всего появляться указатели слов и форм (с 1963 г.), указатели слов (с 1969 г.), указатели писцов (с 1977 г.). Указатели слов и форм охватывают лексику памятника во всех формах. Указатели слов объединяют все встречающиеся формы одного слова под его начальной формой: существительные, прилагательные, числительные приводятся в форме именительного падежа единственного числа, глаголы – в инфинитиве.

Словоуказатели с включением личных местоимений и служебных частей речи создаются редко, так как обилие их в тексте занимает много места в указателе, а о семантике их можно судить только в составе достаточного контекста. При публикациях иногда приводятся в качестве справочного аппарата не только прямые, но и обратные словники, которые позволяют накапливать данные об историческом словообразовании и формообразовании.

Если картотеки могут представить разнообразные материалы к отдельным словам, то словарь – это список слов либо без толкований (например, орфографический), либо снабжённый толкованиями и цитатами-иллюстрациями (толковый). Для словарей возможен определённый отбор лексики, например, по отдельной отрасли знаний, по территории, по историческим периодам и др. Есть словари, в которых слова сгруппированы по обобщающим понятиям (идеографические, семантические), по грамматическим формантам (грамматические), по отражению происхождения слов (этимологические). В словарях синонимов собраны лексико-семантические группы, а в словаре антонимов объединены слова по противопоставлению обозначаемых понятий. Лексическая содержательность источников имеет свои параметры.

От принципа расположения лексики зависит научная и теоретическая значимость словарей, их лингвоисториколингвистические возможно-

сти. Так, например, в «Словаре русского языка Академии Российской» [СПб., 1789–1794. – Т. 1–6] был принят гнездовой порядок расположения слов, тот же словарь был переиздан в 1806–1822 гг. с расположением слов в алфавитном порядке. В 1910–1912 гг. А. И. Бодуэн де Куртенэ переиздал «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, переменив гнездовой порядок на алфавитный, что делает более удобным поиск необходимого слова. В описанных случаях появились *другие* источники, отражающие новую ступень функционирования словарей, имевших прежнюю лингвистическую содержательность, но иную лингвистическую информационность.

4. Классификация первичных и промежуточных источников по лексической содержательности

С. И. Котков осуществил разделение источников не только по внешнему образу (слышимые – читаемые), но и по происхождению: объективно сложившиеся (первичные), “лингвистическое наполнение которых сохраняется в первозданном виде” [Котков 1980: 10], и сформированные исследователями для научных целей (вторичные), источники с заданными свойствами, “лингвистическое наполнение которых в процессе подготовки к исследованию, либо в целях справочной службы, было адаптировано – лингвистические картотеки, словари” [там же].

Публикациям в работе отводим особое место – *между* источниками естественно сложившимися и сформированными для научных целей, т. к. они хоть и представляют запечатления в печати текстов рукописей (источников, объективно сложившихся), но всё же несут на себе влияние издателя (субъективный фактор) и в различной степени подвергаются адаптации, что влияет на их достоверность.

В 1980 г. С. И. Котков писал: “Наступает время систематизации источников, основанной на их лингвистической оценке. Правомерной была бы систематизация по лингвистической содержательности. В пределах этой основной систематизации возможно распределение источников по признакам иного рода, например, по способам образования – графические, инструментально-физические; по характеру графики – печатные, письменные, а в пределах последних – уставные, полууставные, скорописные. Систематизация лингвистических источников, сделав их в общем обозримыми, облегчит их выбор для исследования и научной публикации” [там же: 12].

Однако эта классификация источников мало информативна для исследований отдельных уровней языка: лексики, фонетики, грамматики. Работа над выпусками «Словаря русского языка XI–XVII вв.»,

заставляющая обращаться к первоисточникам при встрече с неясными фрагментами материалов Картотеки ДРС, показала, что возможна классификация источников, согласованная с задачами исследования различных уровней языка.

Обосновывая классификацию источников по исторической лексикологии, построенную на их лингвистической (лексической) содержательности и информационности, сошлёмся на следующее высказывание С. И. Коткова: “Знание предопределяемой содержанием источников лингвистической содержательности последних обеспечивает их оптимальный подбор для исследования в намеченном направлении. Знание лингвистической информационности источников обеспечивает объективность их показаний. Осведомлённость в том и другом аспекте предостерегает русистов от серьёзных ошибок” [там же: 60].

Предлагая классификацию источников русского языка, необходимых для работ по исторической лексикологии, исходим из учёта их *лексической содержательности*. Такой подход позволяет предположить, какой круг лексики можно встретить в определённой группе памятников, какие процессы можно в них наблюдать и чего там ожидать не приходится. Строгих, чётких границ между отдельными классами источников иногда провести невозможно. В отдельных случаях идём за классификацией, уже известной в литературоведении: по жанрам памятников, т. к. лексическое наполнение источников во многом определяется их содержанием и жанром. О классификации групп вторичных источников говорится отдельно.

К группе первичных объективно сложившихся источников (рукописей) условно присоединяем и промежуточные (издания рукописей), так как лексическая содержательность мало зависит от способа введения источников в научный оборот, а такую категорию, как достоверность, пока не принимаем во внимание. Первыми приводим **литературные** памятники, которые делятся на *художественные, научные и публицистические*. Историческое литературоведение разделяет художественные тексты по жанрам: летописи, повести, сказания, жития, хождения, слова, послания, стихи, песни, плачи, причитания, заговоры, пословицы и др. Эта классификация подходит и для исследований языка. Образность, метафоризация, метонимизация, различного рода коннотации, кальки, определённый пласт старославянских слов и др. – это языковые средства, использовавшиеся авторами в большинстве *литературно-художественных* источников по истории лексики. Вопросам развития литературных жанров и применявшихся в них языковых средств посвящена книга проф. В. В. Колесова «Древнерусский литературный язык». Он пишет: “Термин «литературный язык» по своему происхождению оказывается связанным с понятием «литерату-

ра», а в этимологическом его понимании – «основанный на литере», т. е. на букве, собственно, **письменный язык**. Действительно, средневековый литературный язык – только язык письменности, соби- рание текстов литературного назначения. Все остальные признаки ли- тературного языка вытекают из этого абстрактного определения через термин» [Колесов 1989: 5].

В группу **научных литературных** памятников входят сочи- нения, относящиеся к отдельным отраслям знаний (астрономии, астро- логии, медицины, грамматики, истории, математики, музыки, химии, сельского хозяйства и др.). В них закладывались основы отраслевой и научной номенклатуры, по ним обычно исследуются процессы форми- рования терминологии различных областей науки, искусства, ремёсел, хозяйства, что определяется их лексической содержательностью. К ним примыкают конфессиональные памятники как относящиеся к оп- ределённой области знаний (Библия, Евангелие, Стихирарь, Псалтырь, Часослов, Требник, Кормчая, и др.), содержащие лексику, связанную с богослужением, среди которой обычны церковнославянизмы, заимст- вования, кальки. В этих источниках исследователи изучают особенно- сти и виды переводов на русский язык, решают определённый круг проблем, в частности, вопросы адаптации и функционирования цер- ковнославянской и иноязычной лексики.

К **публицистическим** относятся тексты посланий, слов, поуче- ний, проповедей и др., которые сохраняют риторическую направлен- ность. Возможное устное исполнение этих произведений определяло их лексическое наполнение, что исключало сложные грамматические обороты, хотя и они нередко встречаются в этих источниках; по- видимому, вносились при изложении их в письменной форме.

Деловые тексты представлены **актовой** письменностью, **учётной** и **статейной**, на что указывал в своей работе С. И. Котков [см. Котков 1980]. Актовые источники включают **государственные** и **частно-правовые** документы. Язык первых отличается обилием обще- русских нейтральных по стилистической окраске лексем, касающихся государственных законов, отношений между государствами, между государством и частными лицами, лексем, связанных с государствен- ными, юридическими и общественными установлениями. Сюда входят Русская Правда, Закон судный людям, Соборное Уложение, книги за- конные, княжеские уставы, судебники и различные законодательные акты, а также государственные грамоты разного содержания и назна- чения.

К **частно-правовой** актовой **деловой** письменности относятся грамоты, оформляющие отношения между частными лицами: дого- ворные, духовные, купчие, меновные, поручные, сыскные, кортомные

и т. п., а также расспросные речи, явки, челобитные, которые хотя и были адресованы «царю и государю», но касались лишь частных проблем. Эти тексты содержат наряду с нейтральным определённым пласт разговорно-бытовой и диалектной лексики; в них возможны образные и переносные употребления отдельных слов и словосочетаний.

Учётная деловая письменность объединяет различные книги (писцовые, переписные, таможенные, отказные, приходо-расходные, посевные, ужинные, умолотные, досмотренные, кружечные и др.), а также грамоты, памяти, отписки, которые нередко предваряли составление учётных книг, становились их основой. Они также содержат, наряду с нейтральной, народно-разговорную лексику, термины, слова из различных диалектов. Лексика этой группы памятников была и осталась основой делового стиля русского языка. Именно в учётных книгах конца XVII в. были обнаружены языковые факты, свидетельствующие о процессе поиска обобщающего способа характеристики качественной семантики объекта.

Статейная деловая письменность представляет собой отчёты российских послов, различные дневники и записи о путешествиях, вести-куранты – предшественники газет и др. Лексика здесь подобрана для описания реалий иноземного быта, межгосударственных отношений; здесь же можно найти истоки заимствований отдельных слов, их перевод. Лексическая содержательность деловых текстов характеризует основу, на которой сформировался национальный русский язык.

В группу **эпистолярных** источников объединяются материалы **частной переписки** (грамотки, берестяные грамоты), в которых находят отражение личные, частные хозяйственные, и в некоторых случаях) – государственные вопросы. В этих памятниках встречается разговорная, обиходно-бытовая лексика, а также слова и фразеологизмы, относящиеся к эмоциональной сфере, говорящие о переживаниях и чувствах человека. Именно здесь можно найти случаи преобразования семантики слова (см. далее о значениях слов **скорбь** и **печаль**, извлечённых из частного письма), также обычные для того времени, но ныне вышедшие из употребления фразеологические сращения, например: *печаль меня и с умом смяла* [МДБП: 21. 1677 г.], *одны костромские приезды с умом меня смяли* [Грамотки: 43. XVII в.]; *мах на мах* [там же] и т. п. Лексическая содержательность этих памятников отражает в значительной степени черты народно-разговорного языка.

Отдельную группу составляют **надписи** на стенах, камнях, иконах, вещах, и пр. Они лапидарны, и без учёта археологических, искусствоведческих и других изысканий крайне затруднительно исследование лексики этих источников [см. Рыбаков 1964; Высоцкий 1985; Рождественская 1992; Замятина 1997 и др.].

Таким образом, в основу классификации первичных и промежуточных источников положен принцип отражения в них различных пластов лексики: они систематизированы по степени убывания в них церковно-книжной лексики и нарастания лексики народно-разговорной.

5. Лексическая содержательность вторичных источников

Самыми объёмными вторичными источниками с заданными свойствами по истории русской лексики в настоящее время являются *пять картотек*. Три из них находятся в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге: Большая словарная картотека (БСК), Картотека «Словаря русского языка XVIII в.» (СлРЯ XVIII в.) и Картотека «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), ещё две – в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН в Москве: Картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (КДРС) и Картотека «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» (СДРЯ). Лексическая содержательность всех картотек в целом охватывает не только «письменный» период функционирования русского языка, но и его «печатный» массив, что позволяет проследить историю слова, начиная от первых фиксаций в ранних памятниках до настоящего времени, до функционирования его в современной речи, в научных и художественных произведениях.

Языковой материал в картотеках расположен чаще всего в алфавитном порядке заголовочных слов. Фонды трёх картотек (БСК, КДРС и СлРЯ XVIII в.) характеризуются выборочным характером материала из источников, хотя в некоторых случаях, например в КДРС, проводилась и полная и сплошная выборка. Расположение цитатного материала всех имеющихся картотек о каждом слове, скажем, в хронологическом порядке, позволяет изучить историю слова в XI–XX вв., группировка материала по отдельным видам источников многое скажет об употребительности слова в определённых жанрах письменности.

В Картотеке СДРЯ отражён *весь* материал *каждого* памятника, входящего в перечень источников. Здесь применялось только сплошное расписывание: на карточках выписывался контекст на каждое слово. При таком способе формирования вторичного источника возникают иные возможности исследования лексики изучаемого времени: например, лексики источников одного жанра, отдельного периода, определённой территории, можно вести статистические наблюдения.

Картотеки – источники вторичные, это собрания выдержек из произведений различных жанров русской письменности XI–XX вв. (литературных, деловых, эпистолярных), сформированные для создания исторических словарей, словарей современного языка или слова-

рей диалектной лексики. Однако в словари попадает только часть материала картотек (например, исторических), поэтому картотеки и после окончания словарей останутся важными источниками по русской лексике. На карточке вместе с цитатой даётся шифр источника (его сокращённое обозначение), номер страницы издания или листа рукописи и в большинстве случаев – дата. На карточках картотеки «Словаря русских народных говоров» указывается ещё и территория, где зафиксировано слово, и фамилия информанта. Таким образом, все картотеки русского языка, вместе взятые, выполняют функцию справочной службы и в то же время играют роль резерва – источника для пополнения материалов исследователей. Благодаря наличию больших по объёму картотек (в Москве и Санкт-Петербурге) открывается возможность проведения исследований в области исторической лексикологии.

Говоря о *словарях* как источниках, необходимо иметь в виду, что развитие русской лексикографии пошло по пути дифференциации лексики. Раньше всех появились азбуковники и алфавиты, пришедшие на смену словарям-приточникам, составлявшимся для истолкования непонятных русскому читателю слов в каком-либо одном произведении. Азбуковники и алфавиты составлялись на основе глосс и содержали списки иноязычных слов, извлечённых из разных переводных книг, с толкованием их на русском языке [подробнее см.: Ковтун 1977, 1989]. Позднее этот путь привёл к составлению двуязычных и трёхязычных лексиконов, как например, «Лексикон славено-русский» Памвы Беринды (1627), «Лексикон словено-латинский» Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского (XVII в.), «Лексикон трезязычный...» Ф. Поликарпова (1704). Отметим составленный Н. А. Смирновым «Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого» [Сборник ОРЯС, 1910, т. 88, с. 27–360]. Эту линию продолжили двуязычные словари, издающиеся для чтения литературы на иностранных языках. Сюда же примыкают двуязычные разговорники.

Ещё одно направление русской лексикографии привело к созданию других источников по истории лексики – толковых словарей современного языка. Такими словарями стали «Словарь Академии Российской» в шести томах (1789–1794) и «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (1806–1822). Если в период создания эти словари, отражая состояние языка своего времени, были словарями «современного» языка, то в XXI веке они могут рассматриваться как исторические. Как произведение «синхронической» лексикографии формировался семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» (1948–1965), хотя в нём и сохраняются слова, ныне вышедшие из активного употребления, но с указанием на их наличие в предшествующие времена.

В четырёхтомном «Словаре русского и церковнославянского языка» (1847 г., 2-е изд. – 1867 г.) присутствует элемент историзма, т. е. при истолковании архаизмов имеется помета *устар.* (устаревшее), а в качестве иллюстраций даются (не часто) цитаты из Священного писания и древнерусских источников. Но истинным историческим словарём русского языка считается словарь И. И. Срезневского, озаглавленный «Материалы для словаря древнерусского языка по памятникам письменности» (1890–1912. – Т. I–III).

Региональные исторические словари, созданные учёными по местным памятникам письменности, нередко вносят в исторический корпус русского языка существенные дополнения. Известны недавно законченный «Словарь пермских памятников XVI–XVII вв.» Е. Н. Поляковой (Пермь, 1996–2002, вып. 1–6), «Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в. (2001) под ред. В. В. Палагиной и Л. А. Захаровой, «Региональный исторический словарь» (Смоленск, 2000) под ред. Е. Н. Борисовой. В Чите начал выходить «Региональный исторический словарь нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.» под ред. Л. М. Любимовой и Г. А. Христосенко (1998–1999).

В настоящее время издаются исторические словари, содержащие лексику, извлечённую из источников определённого времени: «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», «Словарь русского языка XI–XVII вв.» и «Словарь русского языка XVIII в.». Вышел «Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков» под ред. Л. А. Глинкиной (Оренбургское книжное изд-во, 1998).

В глубину истории слов проникает этимологическая лексикография, раскрывающая происхождение слов: «Этимологический словарь» А. Преображенского (1910), «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (т. 1–4, 1972), «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О. Н. Трубачева, затем – А. Ф. Журавлева, затем – Ж. Ж. Варбот (издаётся с 1974 г., в 2019 г. вышел 42 вып.), «Этимологический словарь русского языка» под ред. Н. М. Шанского, «Русский этимологический словарь» А. Е. Аникина (в 2020 г. вышел 14 вып.), двухтомный «Этимологический словарь современного русского языка» А. К. Шапошникова (М., 2010).

Особое место в системе русской лексикографии занимают словари иностранных слов, в которых даются сведения как о значении слов, так и о языках, из которых слова заимствованы в русский язык.

Со временем немало слов вышло из активного употребления, некоторые остаются в местных говорах. Задачу отражения местной и диалектной лексики решает ещё одно направление русской лексико-

графии, тесно связанное с исследованиями по истории языка. Начало ему было положено «Опытом областного великорусского словаря» (1852), «Дополнением к Опыту...» (1858), «Толковым словарём живого великорусского языка» В. И. Даля. (1861). В настоящее время (с 1965 г.) издаётся «Словарь русских народных говоров» (в 2019 г. вышел 49 вып.). Имеются многочисленные словари, отражающие состояние местных говоров, например «Опыт словаря говоров Калининской области» (1972), «Словарь русских говоров Новосибирской области» (1979), «Словарь русских говоров Забайкалья» (1980), «Ярославский областной словарь» (1981–1991), «Словарь вологодских говоров» (1983–1991), «Словарь русских говоров южных районов Красноярского края» (1988), «Словарь русских говоров северных районов Красноярского края» (1992), «Новгородский областной словарь» (1995) и др. Известны словари говора одного района и даже одной деревни: «Словарь современного русского народного говора (деревни Деулино Рязанской области)» (1969), «Системный словарь предметно-обиходной лексики говоров Талицкого района Свердловской области» (1980), «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» (1984). В Томске создана картотека «Полного словаря диалектной языковой личности» (см. работы Л. Г. Гынгазовой и Е. В. Иванцовой) и др. Делает уверенные шаги региональная этимологическая лексикография, представленная «Этимологическим словарём русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» А. Е. Аникина (М.; Новосибирск, 2000). Подготавливается и частично опубликован «Словарь финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера» (Новосибирск, 1995) и др.

В систему русской исторической лексикографии включаются разнообразные отраслевые терминологические словари [например, двухтомный «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» (1843–1844) В. Бурнашева, «Материалы для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина (1937), «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» (т. I–III, 2003–2015), «Опыт лесного словаря» (1997), «Словарь лексики лесного сплава» (2007) и др.], а также энциклопедии, которые являются незаменимыми источниками в лексикологических и лексикографических работах. В них представлены не только слова и их семантика, но раскрываются понятия и описываются реалии, названные этими словами. В предметно-терминологических словарях, которые представляют собой списки слов и нередко сопровождаются историческими публикациями (а подчас и издания литературных произведений), иногда даются толкования слов. Такое распределение русской лексики по указанным направлениям позволяет охватить раз-

личные аспекты её бытования, что отвечает потребностям науки и культуры, но мешает их разрозненность, поэтому формируется Национальный корпус русского языка.

Особый вид источника представляют собой различные списки слов – *указатели слов, указатели слов и форм*, сопровождающие публикации. В первых приведена значащая лексика в начальной форме и указаны страницы издания (или листы письменного памятника), где слово встречается в различных грамматических формах, или номер текста, если издание объединяет небольшие отдельные рукописи. Указатели слов и форм содержат при заголовочном слове *все* формы одного слова, употреблённые в издании. К переводным памятникам в них иногда приводятся иноязычные параллели при каждой форме. Иногда создаются иноязычные словники, к которым добавляются соответствующие русские слова. Лексикографам-историкам эти источники помогают не только пополнить словник лексикона по изданным рукописям, но и дать правильное толкование слов.

Обратные словники, в которых слова расположены в алфавитном порядке букв, начиная с конца слова, способствуют развитию грамматических исследований.

6. Лингвистическая информационность источников

Другая категория источниковедения – *лингвистическая информационность* – скорее “приязыковое” понятие, подразумевает выявление способов “<...> прямой или косвенной отражённости в источнике лингвистических данных” [Котков 1980: 9]. Она “имеет отношение прежде всего к внешним средствам выражения языка и внешним условиям его существования (характер графики и орфографии, правописные навыки писцов и т.п.)” [Котков 1964: 9]. Если говорить о рукописях, то выявление их лингвистической информационности основано на изучении особенностей делопроизводства, степени орфографической грамотности писца, особенностей его почерка, состояния писчего материала и др. В работах С. И. Коткова понятие “лингвистическая информационность” конкретной разработки не получило.

Оценивая значение этой категории при работе с первичными и вторичными источниками, следует отметить, что на информационность первичного источника (рукописи) влияет не только характер графики (устав, полуустав или скоропись), состояние писчего материала, чернил, орудия письма, но и принятая в определённое время вариативность в написании строчных и выносных букв, что зависело во многом от способа изображения их гусиным пером, т. е. от совокупности возможных и допустимых движений этого пера. Влияет харак-

тер поправок в тексте, вставок, приписок на полях, разная конфигурация букв при изображении одного и того же звука. При изучении берестяных грамот следует иметь в виду состояние писчего материала (бересты) и возможности процарапывающего инструмента «писала», а также особенность древней орфографии [см. Зализняк 2004].

Встречаясь с источниковедческими исследованиями, осуществляемыми отечественными лингвистами, считаем необходимым обратить внимание на разграничение понятий, называемых терминами **информативность**, **информационность** и **информация**.

В исследованиях историков основой объективного изучения считается достаточная **информативность** языка письменных источников. “Под информативностью, – пишет Ю. В. Коваленко в книге «История и лингвистика», – понимается способность различных элементов структуры языка нести определённую информацию, т. е. **сообщения, сведения** (курсив автора – Л.А.) о чём-либо, которые получает или передаёт человек в результате производственной, познавательной или иной деятельности” [Коваленко 1970: 34–35].

В языковедческих исследованиях памятников иногда в словосочетании **лингвистическая информационность** употребляется слово **информативность**. Так, в автореферате кандидатской диссертации М. С. Выхрыстюк написала, что предметом анализа её работы является “лингвистическая содержательность и информативность деловых документов Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII века в рамках традиционного источниковедения” [Выхрыстюк 1999: 5]. Автор исследует **информацию**, которая содержится в этих источниках, полагая, что использует термин лингвистического источниковедения. Однако следует сказать, что в автореферате даны две копии скорописных текстов исследуемых документов, но нет характеристики почерков, бумаги, хотя и сообщается о хорошей выучке писцов. Лингвистическая **информационность** (термин лингвистического источниковедения), видимо, должна бы включить сведения о физическом состоянии этих памятников, почерках, вариациях в изображении отдельных букв, приписках и поправках, наблюдения автора над тем, как вследствие этого раскрывается или затемняется содержание текста и – соответственно – выявляется лингвистическая содержательность изучаемых источников. Смешение двух различных терминов, в которые авторы пытаются вложить один и тот же смысл, происходит, видимо, вследствие того, что понятие **лингвистическая информационность** только намечалось С. И. Котковым, на что было указано в нашей рецензии на его книгу [ВЯ, 1981, № 5].

Что касается объёма **информации** о языке или диалекте, отражённой в источнике, то здесь имеются ограничения: например, в дело-

вой рукописи не будет специальных сведений об интонации, о чём писал С. И. Котков: “Вследствие отсутствия в составе графики обычного русского письма знаков для передачи интонации информация о ней из рукописи не может быть получена” [Котков 1964: 9]. Однако как пример источников, по которым исследователи могут восстановить звучащий говор прошлых эпох, можно указать на записи русской речи иностранцами. Впервые их издал Б. А. Ларин (1937, 1949, 1959). В настоящее время эти работы опубликованы его учениками в книге «Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков» со сводным указателем слов (С.-Петербург. ун-т, 2002).

Относительно лингвистической информативности источников с *заданными свойствами* (картотек и лексиконов) нужно сказать, что она исследуется впервые, а содержание этого понятия имеет специфические черты. Если перед исследователем картотека с ручной выпиской цитат, то не исключены опiski и ошибки выборщиков, сделанные при работе с текстом рукописей и публикаций (см., например, о слове *тынье* в главе 5), что уменьшает степень достоверности картотеки как источника. Из текстов, неверно переданных при издании рукописей, лексемы-псевдогапаксы могут «перекочевать» в картотеки и словари, что говорит о недостаточной достоверности таких источников (см. о словах *грыдья, маштук, пенце, сдарывать, смутеник* и др. в главе 5).

Индивидуальные особенности почерка выборщика (если картотека рукописная), его квалификация, начитанность в древних текстах или отсутствие её, способность вычленить контекст, содержащий наиболее полную представленность семантики слова, – всё входит в понятие “лингвистическая информативность источника с заданными свойствами”. Невнимательное отношение к почеркам подобных источников приводит к ошибкам в словарях по этим материалам (см. примеры из «Словаря русских народных говоров» в главе 5).

Изучение лингвистической информативности важно и при исследовании источника, и при подготовке его к изданию. Таким образом, лингвистическое источниковедение, ставящее вопрос о *достоверности источника* и включающее это понятие в число своих категорий, даёт в руки издателя и исследователя своего рода инструмент, помогающий исключить ошибки и оказывающий влияние на повыше- ние степени достоверности источника.

а. Лингвистическая информативность промежуточных источников

Всё, сказанное выше о лингвистической информативности, касается первичных и вторичных источников. Особое место занимают

публикации, помещённые нами *между* источниками естественно сложившимися, и источниками с заданными свойствами, созданными учёными. С. И. Котков в устных беседах относил публикации к первичным источникам, считая, что они приближаются к рукописям, хотя и допускал, что учёные могут осуществить публикацию, согласуясь с особыми, поставленными перед ними задачами.

Место публикаций определяется способом введения письменного памятника в научный оборот путём издания. На характере публикаций в значительной мере сказывается *субъективный фактор*, т. к. происходит осмысление текста и определённая адаптация оригинала человеком, который первым читает и копирует рукопись, – первичный, объективно сложившийся источник. Поэтому лингвистическая информационность публикации должна включать и иные, по сравнению с рукописью и картотеками, параметры: способ передачи в издании текста рукописи (наборный, факсимильный или совмещающий оба способа), наличие или отсутствие деления сплошного текста на слова, характер справочного аппарата (примечаний, комментариев, указателей). Немалую роль играет специфика и вид самой публикации: иногда текст памятника бывает так представлен в печати (нечёткий шрифт, тёмная бумага, чаще это касается изданий памятников на ротапринте), что надёжнее обратиться к подлиннику, если возможно.

Важным является, какой шрифт применён при наборе (гражданский или церковно-славянский), с употреблением древних букв или без них; как в издании обозначены цифры, выносные буквы; как переданы сокращённые слова (под титлами или без них); сохраняются ли знаки препинания и надстрочные знаки рукописи; как и где (в тексте или вне его) отражены вставки и исправления (писца, редактора); отмечены ли в публикации концы строк и страниц, где приводятся варианты, примечания, комментарии издателя.

Немалое значение приобретает справочный аппарат публикации: комментарии, характер примечаний, содержание вводной статьи, наличие или отсутствие архивных данных о рукописи («легенды»). Важно, сопровождается ли публикация наличием указателей слов, слов и форм, личных имён, писцов, географических названий, наличием терминологических словарей; есть ли данные о других списках, о прежних изданиях памятника, об исследованиях его текста и языка, приводится ли иноязычный оригинал при публикации переводного памятника и где он размещён – на той же странице, что и русский перевод, или в особом разделе книги, и пр.

б. Значение примечаний в промежуточных источниках

В изданиях рукописных памятников отдельное место выделяется для примечаний к тексту. Так, в издании Лаврентьевской летописи отдел, в котором приводятся подстрочные примечания, состоит из двух частей. В первой, названной «Варианты», издатели приводят варианты из других летописей, сходных с Лаврентьевской (список 1377 г.): из Радзивиловской XV в. (Р), Московской духовной академии XV в. (А) и Троицкой XIV–XV вв. (Т), а в тексте слова, к которым даны варианты, помечаются цифрами. Во второй части, «Примечаниях», даются самые разнообразные пояснения к словам, помечаемым буквами. Например: в издании помещён текст “По тѣм бо городъ сед#ху велиции кнзи подолгом суще да приход#чи¹¹ Рус слюбное¹² емлют елико хотя#чи¹³” [Лавр.лет., 31]. В разделе «Варианты» находим: “¹¹Т приходяще А приходячи; ¹²Т дань; въ *Ипатьевскомъ* и *другихъ спискахъ*: хлѣбное; ¹³Т хотяче”. К другому отрывку, которым заканчивается изданный список летописи “да не твор#тъ пакости в селѣх в странѣ нашей^ж” [там же], в разделе «Примечания» читаем: “^жНа этом словѣ оканчивается печатное, не выпущенное въ свѣтъ, изданіе Лаврентьевскаго списка, сличеннаго съ Радзивиловскимъ и погибшим Троицкимъ” [Лавр.лет., 31].

В лингвистических изданиях подстрочные примечания по большей части касаются описок и правки, обнаруженных в рукописи. Приведём несколько примеров из публикации «Памятники Владимирского края»: “переписал... мѣста дворовые и бригады и урочища”. Пам.Влад., 20. 1627 г. К слову *бригады* дано примечание: “*Так в ркп., присады?*” Как видим, в рукописи – описка, и исходя из содержания документа, посвящённого отказу поместья, издатели исправляют её, тем более что в тексте этой отказной грамоты встречается слово *присады* неоднократно. Не исключается и фонетическая значимость подобного примечания – озвончение звука “п”.

Когда издатель не может уверенно передать в издании фрагмент рукописи, то в примечании предлагает своё прочтение, сопровождаемое знаком вопроса. Приведём примечание, касающееся фрагмента из того же памятника: “да на ево Тиханову половину тое пустоши половина манишново мѣста и дворового и огороду, что жил мел<ь>ник Кондратей” [там же]. К слову *манишново* дано примечание: “*Так в ркп., мельничного?*” Издатели предполагают, что речь идёт о месте на мельнице, после ухода (или смерти) мельника отводимом другому человеку, и осторожно предлагают своё прочтение вне текста, как принято в лингвистических публикациях. Текст документа передан буква в букву, отражает особенности письма, языка и недостаточное внимание

его создателя, который допустил отклонения от принятой орфографической нормы, возможно, при переписывании с другого текста.

Иногда в примечаниях сообщается о сделанной в документе правке: “досталная вся [земля] поросла лесом в плаху и в бревно”. Пам.Влад., 17. 1626 г. Здесь к слову *бревно* дано примечание: “б исправлено из п” [там же: 18]. В другом документе к слову *градобоиноу* приведено примечание: *Буквы доб написаны по бод*. Пам.Влад., 49. 1692 г. К слову *четвертныи* [пашии] дано примечание: *Буквы ны исправлены из каких-то других*. Пам.Влад., 18. 1626 г. Своё место занимают примечания, касающиеся смены в документе почерков, типа: *Далее вторым почерком*.

В «Житии преподобного Даниила Переяславского» (М., 1908) имеются примечания, поясняющие старинные, вышедшие из употребления слова. Приведём одно из примечаний издателя. Пребысть Даниль в монастырьѣ Пахнугъевѣ 2 лѣта... без лѣности всѣмъ служба, яко сѣтовень рабѣ* и ко всѣмъ имѣя любовь нелицѣмѣрную, и всѣхъ послѣдний вмѣняшеса. Ж.Дан.Пер., 10. XVI в. Издатель замечает: “*сѣтовный, сѣтовень значит употребляющийся во время сѣтования, печальный, жалобный”.

В изданиях памятников эпистолярного характера встречаются примечания, которые заставляют задуматься, правильно ли мы понимаем то, что имели в виду люди, писавшие ту или иную грамотку. Так, в частной переписке обнаруживается не только деловое содержание, но и описание переживаний человека, его мыслей. Как пишет Н. И. Тарабасова, именно грамотки “дают наиболее доказательный материал для изучения различных сторон живого языка” [Тарабасова 1964: 161]. В них находит отражение не только процесс формирования и становления нормы в языке, но и факты изменения семантики слов в умах и представлениях непосредственных носителей языка того времени, когда создавалась рукопись – писалась грамотка.

Для иллюстрации возьмём пример из книги текстов «Грамотки XVII – начала XVIII века» (М., 1969). Это был не первый (четвёртый – по времени) сборник лингвистического издания текстов Сектора лингвистического исследования и издания памятников Института русского языка АН СССР, но именно здесь впервые помещён Указатель слов.

Слово *печаль* отмечено в нём 27 раз. В тексте № 5, датированном 1665 годом, читаем: “А что гѣдрь гѣдь бѣгъ изволил тебя гѣдря моево такою полезною [так!] печалью посетил, что сем(ь) твои гѣдрни Олены Федоровны не стало, и то гѣдрь конечное немалое розорение, дом пуст...” И даётся примечание: “печалью *написано над зачѣркнутым* скорбию” (с. 14).

Из этого примечания можно сделать вывод: слово *скорбь*, написанное ранее и зачёркнутое потом, ещё не стало обозначать ‘горестное чувство, печаль’, но уже тот, кто писал первым, этот оттенок в слове уловил. Тот же, кто зачеркнул, знал, что *скорбь* – это ‘болезнь’, каково было первоначальное значение слова. Здесь – редкий случай, когда проявляются два восприятия одного и того же слова непосредственными носителями языка XVII в. Отразился факт сложного процесса развития лексической семантики, когда разные носители языка неадекватно относятся к изменению смысла знакомого слова, не одновременно осознают это изменение.

Если же зачеркнул тот, кто и писал, то, скорее всего, он был ещё не совсем уверен, что слово *скорбь* можно употребить в значении ‘печальное, горестное чувство’, а не ‘болезнь’, но, уже повинувшись своему внутреннему восприятию, всё же употребил. Здесь проявляется факт точной хронологии: 1665 год – это время изменения семантики слова *скорбь* в народно-разговорной речи, её расширения, появления такого *оттенка*, который со временем смог вытеснить прежнее основное значение этого слова ‘болезнь’. Необходимо подчеркнуть, что именно в народно-разговорной речи наблюдается колебание в употреблении этого слова в XVII веке. В книжном же языке это новое значение нашло отражение в более ранних источниках. Так, в посланиях священника Сильвестра, оказывавшего некоторое время влияние на Ивана Грозного, в середине XVI в. *скорбь* выступает в значении ‘печаль, горестное чувство’ [Сильвестр 1553: 1–40], а в переводе Пандектов Антиоха Черноризца оно известно в этом значении с XI в.: Скръбь убо есть унынье д<у>ши. Панд.Ант.¹, 43.

Публикации с лингвистическими примечаниями подобного рода важны для исторической лексикологии и лексикографии. Специальную статью посвятила примечаниям Н. И. Тарабасова, неоднократно участвовавшая в издании памятник деловой письменности XVII в. Она выделяет “примечания трёх видов: 1) примечания, сообщающие сведения о сохранности памятника, его состоянии в данный период, а также сведения о некоторых особенностях письма, смене почерков, чернил; 2) примечания, фиксирующие особенности речи писавшего (ошибки, исправления – зачёркивания, написания по другим буквам, дописывание между строк, дополнительные записи на полях и под. – всё то, что нельзя причислить к механическим опискам); 3) примечания, предлагающие прочтение отдельных мест текста” [Тарабасова 1974: 259].

В языковедческом издании примечания, отражающие лингвистическую информационность источника, помогают понять степень сохранности текста, состояние материала, на котором написан памятник.

ник, отражают особенности письменного языка оригинала и списка, виды правки автора и «редактора», показывают направление правки. Это может дать сведения о путях и времени становления орфографической нормы, её основных этапов, отражённых в вариантах слов. Примечания позволяют публикатору предложить интерпретацию отдельных фрагментов текста, иногда с трудом поддающихся прочтению, – его рекомендациям в известной мере можно доверять, так как он работает непосредственно с рукописью, имея в качестве инструмента категории лингвистического источниковедения. Примечания могут также содержать различного рода дополнительные сведения как о тексте, так и о событиях, отражённых в нём.

7. Достоверность источника как лингвистическая категория

В терминологическом ряду, характеризующем источник со стороны его происхождения, наряду с термином *подлинник* необходимо поставить такие термины, как *копия*, *список*, *компиляция*. Лингвистическое источниковедение, принимая во внимание достижения палеографии и текстологии, решает свою задачу: введение в научный оборот рукописей путём их издания. Источниковед старается сохранить в издании все особенности языка рукописи. Но когда к источнику обращается лексиколог или лексикограф, тогда и встаёт со всей остротой вопрос о *достоверности* отражения в источниках (рукописных или изданных) явлений русского языка соответствующего времени. А с подлинником или списком он встречается, изучая источник, – этот вопрос приобретает актуальность, когда имеются сомнения в верности отражения языка и возникает необходимость выяснять истину по другим спискам того же памятника, если они есть. Нередко источник существует в единственном экземпляре, особенно если это рукописный памятник делового содержания.

Касаясь вопроса *достоверности* такого первичного источника как рукопись, следует отметить, что её достоверность можно условно принять за абсолютную. Все особенности отражённого в ней языкового пласта, со всеми описками и ошибками, вставками и исправлениями, – это её исконные черты, характерные особенности, с которыми исследователю приходится считаться, искать и находить объяснения. Другое дело – вопрос о *подлинности* рукописи, который решает палеография. Именно с применением приёмов и процедур палеографического анализа устанавливается время и место создания рукописного памятника, его подлинность, принадлежность тому или иному автору. Текстологи в свою очередь прослеживают историю текста, изучая из-

вестные списки памятника, относя их к различным редакциям и изводам, чтобы восстановить первоначальный текст памятника.

В настоящем исследовании речь идёт о необходимости разграничить такие понятия, как *подлинность* источника и его *достоверность*. Если достоверность рукописи объявляется абсолютной, то не всегда это можно сказать о её издании. А вопрос о том, подлинник или список издаёт лингвист-источниковед, решается в зависимости от поставленной задачи, например, отразить язык времени создания именно этой конкретной рукописи. И термин *подлинник* лингвисты чаще всего применяют только к издаваемой ими рукописи. О существовании других списков публикуемой рукописи, если они выявлены, обычно говорится в примечаниях при издании. Можно приводить из них варианты, если это важно в лингвистическом отношении. Варианты, например, различных списков летописей помогают лексикографам точнее определить семантику слова и дать адекватное толкование. Как видим, термины *подлинность* и *достоверность* источника функционируют в разных научных плоскостях.

Если представить себе идеального издателя, то для осуществления издания рукописи он, вооружённый инструментами лингвистического источниковедения, изучает источник на предмет его достоверности, т. е. отвечает на вопрос, верно ли отражён в источнике определённый пласт языка. В развитие лингвистического источниковедения и в дополнение к другим его категориям вводим понятие *достоверность* лингвистического источника.

Историческое источниковедение применяет эту категорию как своего рода инструмент для определения достоверности *фактов*, отражённых в изучаемом источнике. Лингвист-источниковед понимает под термином *достоверность* адекватность отражения в источнике языковых данных, свойственных как времени возникновения источника, так и времени появления его списков.

Изучение источника со стороны его лингвистической содержательности и информативности помогает определить степень его достоверности. При нынешнем состоянии источниковой базы для историко-языковедческих работ категория достоверности, вводимая как своеобразный инструмент лингвистического источниковедения, позволит избежать ошибок как в публикациях, так и в исторических словарях.

Как известно, большинство источников, выборки из которых используются в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», опубликованы историками в XVIII–XX вв. с целью ввести в научный оборот как можно больше рукописного архивного материала, содержащего важнейшие сведения *по истории* России. На начальном этапе издания рукописей о специальных публикациях, отражающих особенности

языка и пригодных для лингвистических исследований, мало кто задумывался (разве что К. Ф. Калайдович в 1814 г.). Поэтому при изучении языка по этим публикациям возникает необходимость в особом внимании к ним. Главный вопрос, который должен стоять перед историком-лингвистом, лексикологом, лексикографом-историком, – насколько адекватно отражены в издании особенности языка рукописного текста, т. е. проводится ли издателем принцип *достоверной* передачи в публикации не только исторических, но главное – лингвистических данных.

Для медиевиста-языковеда абсолютной достоверностью *условно* обладает рукопись. Все разрывы, обрывы, помарки, элементы букв, пропитавшиеся с оборотной стороны, все исправления, описки и ошибки, искажающие или не искажающие язык, смена почерков, зачёркивания и вставки в текст, написанные в междустрочии или на полях пояснения типа глосс – всё это является принадлежностью рукописи, отражает её лингвистическую содержательность и информационность. Именно с ними имеет дело исследователь и издатель.

В публикации, выполненной по правилам лингвистического издания, максимально учитывается информационность рукописи. Достоверность публикации как источника по истории языка даже в этом случае не будет абсолютной. Публикатор, как показывает опыт работы с рукописями, изданиями и материалами Картотеки ДРС, даже если это опытный специалист, стремящийся с наибольшей точностью передать в печати все черты памятника, вольно или невольно (чаще – невольно, из лучших побуждений) оказывает влияние на будущего исследователя. Прочитывая рукопись и разделяя сплошной текст на слова, он иногда расставляет знаки препинания, заботясь об удобстве читателя, но при этом привнося своё понимание содержания текста, его отдельных фрагментов и слов. Исследователь, имеющий дело с публикацией, рискует подпасть под влияние мыслей и толкований публикатора. Так, в весьма корректно выполненной публикации «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.» (М.; Л., 1950) при перечислении оброчников – “А что мои люди деленыи ловчане, и они свои мѣста и ужожаи вѣдают по старинѣ и городские рыболове, истобники, псари, подвозники меховыи, подвозники кормовыи, и садовники, ястреб(ь)и, подвозники медовыи и гончары...” – между словами *садовники* и *ястребы* стоит запятая во всех четырёх изданных текстах “Докончания великого князя рязанского Ивана Васильевича с князем Фёдором Васильевичем” 1496 г. [Дух. и дог. гр.: 334, 335; на с. 339 – 2 раза]. В этом случае каждое слово должно обозначать отдельное понятие: *садовник* – ‘тот, кто работает в саду’, *ястребий* – субстантивированное прилагательное, которое могло относиться к человеку, имеющему дело с ловчими птицами – ястребами. При провер-

ке по рукописному подлиннику XV в. оказалось, что ни запятой, ни точки на этом месте в нём нет, словосочетание *садовники ястребы* означает единое понятие. Так называли людей, которые ухаживали за молодыми ловчими ястребами, приучали их к поведению на охоте и выполнению различных команд. В «СлРЯ XI–XVII вв.» (вып. 24: 16) дано верное толкование ‘лицо, ведающее содержанием в неволе ловчих птиц’. А запятая обнаружилась в копии XVIII в., заверенной Н. Н. Бантыш-Каменским. Значит, в публикации оказались представленными не тексты грамот XV в., а их поздние копии.

В XVIII–XIX вв., когда филология (и в частности, языкознание) только делала попытки выделиться из лона других наук, например, наука об истории языка из археологии (термин, охватывавший тогда все знания и исследования о древностях), проблема адекватности отражения в источнике явлений древнего языка ещё не вставала.

В настоящее время, когда наряду с публикациями рукописей для исторических исследований появились специальные издания для лингвистических работ, необходим дифференцированный подход к опубликованным ранее памятникам с проверкой степени адекватности отражения в них особенностей языка. При оценке источников таким инструментом, как критерий достоверности, ещё раз находим подтверждение нашему положению о том, что публикации можно и нужно расположить *между* первичными (рукописями) и вторичными по происхождению источниками с заданными свойствами (картотеками и лексиконами): в них всегда ощущается влияние условного издателя. Поэтому введение в историко-лингвистическое (и в частности – в историко-лексикологическое) исследование понятия *достоверности* того источника, на котором оно основано, представляется закономерным. Эта категория применима, по-видимому, к трактовке любой древней рукописи, её списков, компиляций, а в особенности – публикаций, извлечений из различных памятников (картотек), т. е. к любому вторичному и промежуточному источнику по истории языка.

Особенно актуально это при подборе источников с целью исследования лексики. Представляется, что путь выяснения, существовало ли в языке то или иное слово, встретившееся в публикации или в картотечной выписке, лежит в обращении к подлинной рукописи. При необходимости проверки фрагментов текстов публикаций по рукописям бывает порой трудно установить, где хранится изданная рукопись, не удаётся проверить сомнительные места публикаций, т. к. нередко в издании не указан номер листа. Рукописи разрушаются, сведения о них переносятся в новые описи без учёта прежних. Так, например, в составленных после 1945 г. описях фонда «Таможенных книг Тихвинского монастыря» (СПб., ИИ РАН, ф. 132, оп. 2) поменяли номера

книг, не соотнося с описями, существовавшими ранее. А для картотеки ДРС эти книги расписывала Н. Г. Богданова, скончавшаяся в 1942 г. во время блокады в Ленинграде. Новые номера не всегда удаётся идентифицировать с прежними, а значит, некоторые выписки невозможно проверить, поэтому появление невероятных слов – псевдогапсов – в Картотеке ДРС исключить нельзя.

Оценивая по категории достоверности Картотеку ДРС, убеждаемся, что достоверность её в большинстве случаев зависит от способа издания рукописных текстов, от характера выписки (выборочной, полной, сплошной), от квалификации выборщика, от понимания им расписываемого текста, от его опыта деления на слова сплошных уставных, полууставных и скорописных текстов рукописей, от его сосредоточенности во время работы, от особенностей его почерка и т. п. Для источника, формируемого учёными с определёнными целями и обладающего заданными свойствами, указанные факторы являются первостепенными.

Признавая условно достоверность рукописей абсолютной, приведём пример выявления в известном источнике слова, не зафиксированного словарями. Систематического описания источников применительно к отдельным уровням языка (скажем, источников по истории русской лексики, синтаксиса) ещё нет. Возможно, это является одной из причин извлечения новых слов из уже описанных археографами рукописей. Многие из них, казалось бы, давно известны исследователям-историкам, но опубликованы не были. Так, в столбце № 35 Московской Оружейной палаты 1614 г. [РГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 1, № 35] обнаружено слово **наструга**. Царь приказывает тверскому воеводе: “для нашего дѣла к посохом [*слово написано над зачёркнутым*: посошного дѣла] взяти во Твери в рядѣх у посацких людии и у токареи пят<ь> гривенок наструги лутчие, чтоб к нѣшему дѣлу к посохоу пригодилася”. И далее напоминает: “И вы к нам тое наструги по ся мѣста февраля по Ді число не присыльвали... [и чтобы] изготовя ту настругу прислали к нам к Москве вскоре и велѣи отдать в Серебряном приказе кравчему нѣшему... а с кѣмъ тое настругу к нам к Москве пошлете и в котором числѣ и вы б о том отписали к нам к Москве... чтоб нам про тое настругу было вѣдомо”. Слово **наструга**, отсутствующее в исторических словарях, встречается в грамоте неоднократно в родительном и винительном падежах, так что начальную форму восстановить легко. Ясно и предназначение её: **лучшая наструга** нужна для изготовления посохов. Но в данном случае без точного указания на предмет определить семантику слова невозможно. А. И. Успенский, описавший эти столбцы в трёхтомном труде, приводит в кавычках написание «прислать на струги» [Успенский 1912, Ч. 1: 11], и таким образом, в его

обзоре слово *наструга* исчезает. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля читаем: “**Наструг**, *м.* – общее название снарядов различного вида, для строганья: широкая стамеска (железко), вставленная в колодку наискось и прижатая клином” [Даль 1989, т. 2: 476]. Слова *наструга* (женского рода) в Словаре В. И. Даля нет. В «Словаре русских народных говоров» словом *наструга*, зафиксированным в 1855 г., обозначена ‘тягота’. В «Словарь русского языка XI–XVII вв.» это слово не вошло. Возможно, его удастся включить в дополнительный том к Словарю.

8. Роль источников в исследовании тематической группы

Заканчивая главу, рассмотрим, какое исследование по исторической лексикологии можно провести, опираясь на теоретические категории лингвистического источниковедения. Самые надёжные исследования лексики могут быть основаны на материалах первичных источников – рукописей, подобранных в соответствии с поставленными задачами. Неожиданные результаты принёс опыт изучения эволюции тематической группы на материале рукописных деловых памятников XVI – начала XVIII в., в которых языковые явления отражены с надлежащей достоверностью.

По мнению некоторых учёных, тематические группы – это отраслевые перечни различных наименований, в них едва ли возможно какое-либо развитие. Высказывались мнения о том, что тематические группы лежат *вне* сферы лингвистического изучения. Однако, если правильно подобрать необходимый корпус источников для исследования тематических групп, окажется, что развитие в них происходит, но не внутри группы, а на гиперо-гипонимическом уровне, по мере изменения родовых и видовых соответствий, когда, скажем, наименования полевых культур становятся терминами, т. е. в процессе формирования и становления терминологической системы русского языка.

Источниками для исследования послужили 390 деловых книг различных монастырских хозяйств XVI–XVIII вв., извлечённых из архивных фондов, а также памяти того же времени. Некоторые из них теперь опубликованы в сборнике «Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край» (М., 1984).

Родовые и видовые связи – одна из универсальных разновидностей отношений внутри групп слов, присущих как лексико-семантическим, так и тематическим группам. Источники позволяют рассмотреть эволюцию родовых и видовых отношений в группе памятников XVI–XX вв., содержащих названия полевых культур. Были исследованы посевные, ужинные, умолотные, опытные и другие сель-

скохозяйственные книги и памяти XVI–XVIII вв., а также вторичные источники XVIII–XX вв. – словари и энциклопедии для регистрации конечного этапа эволюции этой группы.

Для исследования привлекались книги белозерских, устюжских, новгородских, волоколамских, подмосковных и владимирских территорий. Были обнаружены аналогичные материалы, относящиеся к брянским, рязанским и сибирским хозяйствам. В качестве вторичных источников по современной сельскохозяйственной терминологии послужили различные словари, «Сельскохозяйственная энциклопедия» (М., 1960–1975), а также специальные научные работы, посвящённые отдельным культурам. Эти источники в совокупности дали возможность проследить изменение родовых и видовых соответствий в группе названий полевых культур во времени.

Лексическую группу, о которой идёт речь, образуют названия культур, встречающихся в сельскохозяйственных книгах XVI–XVII вв.: *рожь, овес, ячмень* (или *жито, житарь*), *пшеница, ярица* (или *овыдь, ярая рожь*), *греча (гречиха), горох, лён, семя конопляное, конопельное* или *сия* – без определения.

По современной сельскохозяйственной терминологии, список полевых культур – зерновых (хлебных и бобовых), а также технических – значительно шире, однако для изучения привлекались только те названия, которые есть в книгах XVI–XVIII вв. Как писал Ф. П. Филин, рост или убыль “словарного состава в тематической группе не оказывает сам по себе какого-нибудь влияния на соотношение уже установившихся родовых и видовых понятий” [Филин 1982: 234].

По своей внутренней структуре эта группа является тематической. “Объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений, можно назвать тематическими словарными группами” [Филин 1957: 526]. С развитием науки о сельском хозяйстве эта группа предметно-бытовой лексики становится составной частью сельскохозяйственной терминологической системы. Некоторые лингвисты считают, что тематические группы “характеризуются такой совокупностью признаков, которая стоит вне собственно лингвистических измерений” [Шмелёв 1973: 151]. Действительно, синонимических отношений (не говоря уж об антонимах) в данном лексическом объединении найти трудно, если не принимать во внимание местных наименований одних и тех же растений: ячмень называли *житом* в новгородских и волоколамских книгах, а в некоторых владимирских – *житарём*. Скорее, это такая группа, где проявляются признаки “относительной автономии”, если к связям между словами в тематической группе возможно прило-

жение терминов, употребляющихся для характеристики лексическо-семантических групп. Можно усмотреть здесь признаки так называемого морфосемантического поля, которое акад. О. Н. Трубочёв определил как “наличие ряда общих характерных черт семантики и словообразования при мозаическом принципе примыкания и взаимосвязи слов, образующих замкнутое целое, без чёткой противопоставленности элементов” [Трубочёв 1963: 4]. Общие черты словообразования не характерны для этой группы и не являются предметом настоящего исследования. Мозаический же принцип примыкания и взаимосвязи этих названий, образующих незамкнутое целое, – это, по-видимому, и есть характерная черта тематических групп конкретных существительных, в частности, группы наименований полевых культур.

Собственно языковых связей, по мнению, Ф. П. Филина, в тематических объединениях или вовсе нет “или они могут быть случайными, неустойчивыми, вызванными лишь какими-либо частными конкретными обстоятельствами” [Филин 1957: 532]. В нашем случае – это синонимические названия одной культуры (ячменя), известные в разных местах. Важнее проследить, какие родовые и видовые отношения в группе названий полевых культур существовали в XVI–XVIII вв. и какие семантические процессы в этой группе можно наблюдать во времени, изучая выбранные источники.

Общий признак значений слов этой группы «полевые культуры». Он свидетельствует о том, что в ней объединены названия культурных растений, выращиваемых на значительных земельных площадях, – не в садах или огородах, а на полях. Дифференцирующим признаком значений, разделяющим эту группу на две неравные части, является признак, характеризующий эти слова как названия растений, имеющих различное *время* посева. Осимой была только рожь, высеваемая осенью, все остальные культуры – яровые. А рожь, которая высевалась весной, имела свои названия: *ярица* – в белозерских, волоколамских, сибирских книгах, *ярая рожь* – во владимирских и *овидь* – в новгородских. Слова *оводь*, *ободь*, *оудь* ‘яровая рожь’ отмеченные в новгородских говорах, зафиксированы и в XX веке [Филин 1936: 130].

Соответственно времени посева вели в хозяйствах учётные посевные, ужинные, умолотные и другие книги: «ржаные» – о сборе урожая ржи и посеве её осенью, и книги «яровому хлебу», в которых отражался весенний посев и осенний сбор яровых культур. Так, в книге Иосифо-Волоколамского монастыря (ИВ) читаем: “Книги рженые и яровые, что бѣ послал ужато и умолочено новаго всякаго ярового хлеба 126 году”. ИВ, № 30а: 16. 1618 г. В книге Суздальского Покровского монастыря (СП) находим: “Книги ужинные и опытные и посевные села Хрепилева... ржаному хлебу”. СП, № 229: 23. 1698 г., “Кни-

га... монастырскому яровому хлебу овсу, пшенице, гороху села Шипова”. СП, № 23: 10. 1659 г. Все книги Троицко-Гледенского монастыря (ТГ), названные “хлебными”, содержат записи и о посеве конопляного семени («симяни»): “Книга ржаным симянам, что посеяно во всех тро<и>цких вотчинах ко 191-му году ржи и что посеяно будет во 191-м году овса и ячмени и всякого ярового хлеба, и то в сей книге писано статьями”. ТГ, № 1417: 1. 1683 г. В той же книге на листе. 2 находим: [Посеяно] “симяни конопляного 2 решета”, а на листе 16 об. читаем: Приполону... симяни 2 решета. В книгах Суздальского Покровского монастыря есть сведения о посевах льна: “Книги ужинные и опытные... яровому хлебу овсу, и гороху, и пшенице, и ячменю, и льну”. СП, № 229: 54. 1698 г.

Примеры можно продолжать, но уже из приведённых фрагментов видно, что слово **хлеб** было обобщающим, родовым наименованием для всех полевых культур независимо от времени посева. Приведём итоговую запись книги Кирилло-Белозерского монастыря (КБ): “И всего всякого ярового хлеба высеял старец Игнатей житник около монастыря на монастырскую пашню, на крестьянские десятины и что дворовые люди пахали, пшеницы и ячмени, гороху, семени конопляного и овса 370 чети с осминою”. КБ Ник.: 0XLV. 1606 г. О том же свидетельствует и запись о расходе зерна из книги Иосифо-Волоколамского монастыря: “И всего всякого ярового хлеба овса, и жита, и солоду, и ярицы, и пшеницы, конопель и гороху... вышло в год”. ИВ, № 30а: 11 об. 1617 г.

Наряду с действительно «хлебными», т. е. зерновыми (злаковыми, по современной терминологии) культурами словом **хлеб** объединяли и те, которые теперь именуются культурами **техническими** (лён, конопля) и **зернобобовыми** (горох). “Отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями, причём, при различных классификационных целях слова могут объединяться и разъединяться, что не затрагивает в чём-либо существенном их значения” [Филин 1982: 235; он же 1957: 529].

Тот факт, что в современной сельскохозяйственной терминологии лён и конопля относятся к техническим культурам, а горох – к зернобобовым, не меняет их значений, но показывает, что произошло родо-видовое перераспределение в группе наименований полевых культур. Из наименований, объединявшихся родовым **хлеб**, со временем выделились названия зернобобовых и технических культур. Отметим, что в книгах XVI–XVIII вв. о посевах и урожаях гороха, а особенно конопляного семени и льна, сообщалось **после** сведений о зерновых яровых культурах, ни в одной книге не меняется этот порядок. Возможно, это происходило потому, что размеры посевов и урожая их

были невелики, не играли главной роли, а может быть, и потому, что пишущие интуитивно ощущали некоторое несоответствие в том, что в одной книге на одной и той же странице приходилось записывать о столь различных растениях, особенно если иметь в виду их обработку и применение. Но хозяйственная необходимость и существовавшая традиция учёта диктовали форму ведения книги, организацию её содержания по единому принципу: одновременную регистрацию расхода семян при одновременном посеве хотя бы и столь различных культур. “История лексики, – писал акад. В. В. Виноградов, – тесно и органически связана с историей производства, быта, культуры, науки, техники, с историей общественных мировоззрений <...> Связь истории языка с историей общественного развития обнаруживается непосредственно и всесторонне” [Виноградов 1977: 70].

Объединение наименований различных по характеру культур словом *хлеб* в книгах определялось условиями производства. Первым звеном так называемой «производственной цепочки» был крестьянин, он пахал, сеял, собирал урожай. Потребителем большей части урожая являлся вотчинник, землевладелец (феодал или монастырь), а меньшей – опять же крестьянин. Это значит, что здесь же, на месте производились и изделия из выращиваемых растений: мука для выпечки хлеба, солод для кваса или пива, крупы для каш и т. п. Из льна и конопли получали масло и волокно, делали льняные ткани, а из пеньки – разнообразные нити и «ужища» (веревки, канаты и др.). Большинство этих продуктов и изделий потреблялось в натуральном хозяйстве. Как видим, принцип производства и потребления определял характер учётной документации: разграничение проводилось только *по времени сева*, урожай же собирали одновременно – осенью. Даже тогда, когда не вели особых «ржаных» и «яровому хлебу» книг, о севе ржи всё равно сообщалось отдельно: “Во 145-м году апреля в 26 де<нь> посеяно на пельмской подгородной пашне яровых семян, а рожь сеяна августа в 1 де<нь>” [РГАДА, ф. 214, оп. 1, № 67: 114. 1636 г.]. Далее следуют обычные записи о количестве посеянного каждым крестьянином: “Нефетко Рожков на полдесятине посеял две чети овса да ко 145-му году посеял четь ржи”. Там же: 114 об. и т. д.

О взаимоотношениях языкового и внеязыкового в лексической группе О. Н. Трубачёв писал: “Природа этого взаимоотношения такова, что системе реалий всегда соответствует лексическая система” [Трубачёв 1963: 5], употребляя в этом случае слово *система* в широком смысле, для обозначения организации лексической группы, связанной некоей общностью. В исследуемой тематической группе в XVI–XVIII вв. наблюдалось своего рода лексическое единство, в котором с течением времени происходили внутренние семантические пре-

образования. В то время общий признак значений «полевые культуры» объединял в микросистему эту группу наименований. Существенный момент, определявший мотив разделения (своего рода градации) внутри группы, – это признак «время посева», который можно считать дифференцирующим признаком значений. Впоследствии он утрачивает свою актуальность, и граница, разделявшая наименования полевых культур внутри группы, смещается.

С развитием мануфактурного и промышленного производства, с оживлением товарообмена между отдельными областями в XVII–XVIII вв. меняется и отношение к сельскохозяйственным культурам. Лён и конопля становятся сырьём для промышленного производства, возрастает потребность общества в продуктах их обработки. Теперь их семена и волокно перерабатываются и находят применение не только там, где выращиваются эти растения. Целые отрасли промышленности заинтересованы не во всём «яровом хлебе», а только в тех культурах, которые со временем объединяются под названием **технические**, т. е. которые “используют как сырьё для различных отраслей промышленности... Прядильные... содержат волокна текстильные в стеблях – лён-долгунец, конопля, джут... Лён, конопля и хлопчатник кроме волокна дают жирное масло” [СЭ, т. 6: 155].

Зерновые культуры, по современной терминологии, подразделяются на хлебные и зернобобовые. **Зерновые бобовые** растения (горох, фасоль, вика и др.) не только имеют огромное продовольственное и кормовое значение, но и являются сырьём для получения казеина, клея, пластмасс и др.

В то время, как **зерновые хлебные** растения продолжали использоваться по-прежнему там же, где их выращивали, технология их обработки изменялась медленно, **зернобобовые** и **технические** растения находили более широкое применение в хозяйстве страны. Возникла потребность и в терминах, которые зафиксировали бы такое выделение названий культур, объединяемых ранее словом *хлеб*. Однословного термина не образовалось, а стали применяться двух- и трёхсловные: **технические** культуры и **зерновые бобовые** (**зернобобовые**) культуры. Как видим, если раньше родовым наименованием служило слово *хлеб*, то теперь для таких культур, как *рожь*, *овёс*, *ячмень*, *пшеница*, *ярица* и другие злаковые растения, употребляется термин **хлебные зерновые** растения, для таких, как *горох* – **бобовые зерновые** (**зернобобовые**) растения, а для *льна* и *конопли* – **технические**. Время посева теперь не играет первенствующей роли при учёте и классификации; с развитием селекции появились и озимая пшеница, и озимый ячмень, а не только рожь, как было прежде. Так, с изменением производства изменился принцип учёта, повлиявший на изменение принци-

па классификации наименований полевых растений, что в свою очередь привело к смещению родовых и видовых соотношений в этой лексической (тематической) группе.

И ещё один вывод следует сделать на основании этих наблюдений. Причины подвижности родовых и видовых соотношений здесь объясняются, видимо, тем, что тематическая группа названий полевых культур со временем превратилась (и это закономерно) в одну из терминологических систем науки о сельском хозяйстве и стала развиваться в соответствии со своим новым статусом.

Как видим, отбор необходимого и достаточного количества достоверных источников (первичных и вторичных) помогает восстановить один из не сразу заметных, но распространённых лексических процессов – смещение родовых и видовых соответствий в (казалось бы) весьма «консервативной» лексической группе. Разработка методики подбора таких источников актуальна для лингвистов, решающих проблемы истории лексики русского языка.

* * *

Таким образом, лингвистическое источниковедение различает понятия *памятник*, *источник*, *текст* и *отдельная рукопись*. Разграничение этих понятий структурирует терминологию лингвистического источниковедения и исторической лексикологии и лексикографии. Введение в число категорий лингвистического источниковедения понятия *достоверности* даёт учёным инструмент для определения степени адекватности отражения в источнике явлений языка. С этих позиций охарактеризованы различные источники по истории русской лексики. В рамках теории лингвистического источниковедения, разработанной С. И. Котковым, выделены источники *первичные*, объективно сложившиеся (рукописи) и *вторичные* – сформированные учёными для различных научных целей (картотеки, лексиконы, указатели слов и т. п.). Опыт работы над «Словарём русского языка XI–XVII вв.» показал, что публикации как источники по истории лексики занимают особое место *между* первичными и вторичными, на что влияет способ введения их в научный оборот. Таким образом, выделяем источники первичные *объективно сложившиеся*, вторичные *с заданными свойствами*, сформированные учёными, и *промежуточные*, объединяющие *все* публикации. Это деление произведено согласно анализу источников по категориям лингвистического источниковедения – *лингвистической содержательности*, *информационности* и вводимой нами в этой работе *достоверности*. В зависимости от способа введения в научный оборот каждая из трёх групп источников имеет различную достоверность.

Необходимое разграничение пришлось сделать между понятиями *достоверность* и *подлинность* источника. Вопрос о достоверности возникает при исследовании лексики источника, в то время как «подлинником» лингвистами называется та отдельная рукопись, которая представлена в издании. Эти понятия функционируют в разных плоскостях историко-лингвистических исследований. Разграничены понятия, обозначаемые терминами *информация*, *информативность*, и *лингвистическая информационность*, так как смешение их вносит путаницу с систему терминов лингвистического источниковедения.

Предлагаемая классификация первичных и промежуточных источников построена на основе изучения их лексической содержательности, отражающей изменение состава лексики памятников в зависимости от жанра. **Литературные** произведения, **деловые** и **эпистолярные** выделены по принципу присутствия в них определённых видов лексики, а именно: постепенного нарастания народно-разговорных элементов и убывания лексики церковно-славянского обихода.

Введение в научный оборот новых рукописных источников способствует не только выявлению новых слов, но и показывает, какие возможности открываются для изучения, например, тематических групп лексики по памятникам, охватывающим большой хронологический отрезок. Эволюцию в тематической группе на гиперо-гипонимическом уровне стало возможным проследить вследствие подбора датированных рукописных источников XVI–XVIII вв., обладающих сходной лексической содержательностью и достоверностью и функционировавших на протяжении длительного времени.

*Тиснение книг
великий свет миру открыло
и неописанную пользу приносит.
В. Н. Татищев. 1734 г.*

*Весь прогресс филологической науки
связан с проблемой издания текстов.
А. Дэн. 1949 г.*

ГЛАВА II. ВВЕДЕНИЕ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Главной задачей лингвистического источниковедения является подготовка и введение в научный оборот путём издания памятников письменности, а также развитие эдиционной теории. Под словом *подготовка* подразумевается «исследование памятника для издания» и «издание его для исследования», как не раз декларировал С. И. Котков. Эти задачи предполагают различное отношение к первичным источникам, начиная с их отбора среди аналогичных и кончая определением способа их введения в научный оборот. Обосновывая широкое понимание задач лингвистического источниковедения, проф. И. А. Малышева, считает, что издание не должно быть его единственным направлением, что лингвоисториколингвистические задачи необходимо понимать комплексно. «Не менее важно, – пишет она, – готовить памятник к лингвистическому исследованию: изучить рукопись в разных аспектах (происхождение, назначение, авторство, состав и структура, связь с другими текстами, обусловленность языка памятника обстоятельствами его создания и бытования и т. д.) с целью определения её ценности для лингвистических изысканий» [Малышева 1997: 4]. Это утверждение бесспорно, с ним нельзя не согласиться. И. А. Малышева продолжает: «Издание текста в таком случае может не быть обязательной задачей, главное – показать степень лингвистической значимости источника» [там же]. Против этого можно возразить.

1. Проблемы издания рукописей

Задача определения лингвистической значимости источника стоит перед каждым исследователем рукописей, но без издания другие учёные вынуждены принимать на веру предложенные выводы как истину, т. к. не имеют возможности проверить правильность их по источнику, тем более, если рукопись не всегда доступна. Навыки чтения

рукописей, особенно скорописных, вырабатываются не сразу, и читать сплошной рукописный текст непросто, тем более в условиях архивохранилища. Лингвистическое источниковедение в первую очередь ставит задачу дать возможность исследователю обеспечить объективность извлекаемых из источников выводов. Можно вспомнить: А. А. Шахматов дал полное исследование языка новгородских (XIII в.) и двинских (XV в.) грамот и в подтверждение справедливости полученных им результатов и выводов поместил в издании *полные* тексты грамот в наборном виде с самыми подробными комментариями (подробнее см. в главе 4). Можно вспомнить, что только обнародование путём публикации больших массивов южновеликорусских памятников XVI–XVII вв. по правилам лингвистического издания подтвердило, что, например, конструкция «именительный объекта с инфинитивом» (типа *земля пахать, баня топить*) была органична для русского языка в целом, тогда как до этих публикаций её считали только северновеликорусской. Издания памятников обеспечивают более глубокое и широкое проникновение науки в материю языка, т. к. разные исследователи, решая научные задачи, в состоянии изучить и оценить значение опубликованного текста памятника с различных позиций. Учёные обладают не одинаковым научным потенциалом и разной «лингвистической зоркостью», изданная же рукопись становится достоянием всех.

Как издавались рукописи в России в конце XIX в., когда возникли благоприятные условия для публикаций письменных памятников и было осуществлено издание большого количества древних рукописей самыми разными специалистами? Здесь уместно привести выдержку из письма акад. А. И. Соболевского от 2 марта 1884 г., адресованного из Киева заведующему Отделением русского языка и словесности Академии наук акад. А. А. Шахматову: «Кажется, что переписчик списывает не особенно точно, т. е. опускает титла и надстрочные буквы [т. е. выносные – Л.А.] пишет в строку. Вследствие этого желательно было бы, чтобы он при продолжении работы (пусть он продолжает и списывает другой №, указанный мною) был бы более точен и сохранял по возможности все особенности оригинала» [СПб. отделение Архива РАН, ф. 134, оп. 3, № 1429, л. 1]. По-видимому, А. И. Соболевский проверил, что же выходит из-под пера человека («переписчика»), который первым прикасается к рукописи, готовя её к изданию. Его слова «не особенно точно» объясняют причины того, что в настоящее время, работая с текстами публикаций, учёные нередко встречаются со словами, ошибочно переданными при издании рукописи, неверно прочитанными теми, кто копировал рукопись для издания. Так, в рукописи «Книга переписная дворов и лавок г. Москвы» 1670 г. карандашом подчёркнуто слово, которое в печатном экземпляре передано как *сус-*

лени: двор суслени Федора Матвѣева. Кн.пер.Моск.П.: 133. По-видимому, «переписчик» усомнился в правильности своего восприятия, а проконсультроваться было не с кем, он и написал, как смог прочесть, что отразилось в издании. При анализе рукописи выяснилось, что искажено слово *суконника*: конечный слог *-ка* недописан, вместо *-ко-* прочитано *-се-*, а выносная буква *н* принята за *л* и вставлена после второго *с*, за которую был принят первый элемент буквы *к*.

Лингвисты-источниковеды, издавая рукописи буква в букву, стремятся сохранить памятники для будущих исследований. Вспомним хотя бы о судьбе рукописи «Слова о полку Игореве» или – на недавней памяти – о наводнении в Польше, уничтожившем во Вроцлаве около половины библиотечных и архивных богатств, или о пожаре в ИНИОН в Москве в конце 2014 г. Поэтому, вслед за С. И. Котковым, необходимо повторить, что обнаружение памятника путём издания является неременной задачей лингвистического источниковедения.

Тезис С. И. Коткова «исследование для издания» предполагает изучение источника в такой степени и по таким параметрам, чтобы будущий исследователь знал, *что* он может найти в нём для своих работ и в каком состоянии сама рукопись. Но и необходимо опубликовать памятник так, чтобы не осталось (или осталось как можно меньше) вопросов, которые нужно было бы исследователю выяснять, обращаясь к рукописи. Порой рукописи становятся недоступными вследствие объективных и субъективных обстоятельств, а количество вопросов, встающих перед историками-лексикологами и лексикографами относительно достоверности отдельных слов, в настоящее время велико, и есть уверенность, что оно со временем возрастёт. Лексические данные новых источников по истории русского языка, вводимых в научный оборот у нас и за рубежом, часто сразу получают отражение в исторических словарях. Поэтому в настоящей работе считаем целесообразным разделить задачу отбора источников для издания соответственно уровням языка (лексическому, фонетическому, грамматическому, хотя разделить их не всегда можно), признавая лексический уровень первостепенным для исторической лексикологии и лексикографии.

2. Систематизация источников по истории лексики

Для решения задач исторической лексикологии (и лексикографии) необходимо привлекать такие источники, которые освещают историю отдельных слов и групп лексики, помогают проследить лексико-семантические процессы. Это необходимо для верного толкования слов в историческом словаре, особенно слов многозначных.

Лексические процессы обычно выявляются при изучении ряда аналогичных или сходных по содержанию памятников. Редко встречаются источники, в которых на определённом отрезке времени отражается *один* лексико-семантический процесс. Так, в сельскохозяйственной книге дворцового села Измайлова на протяжении трёх лет (1689–1691) отразилось изменение способа наименования качества собранного с полей хлеба: было *добрый, средний, худой*, затем поменяли на *первой, второй, третьей статьи*, а потом вернулись к прежним обозначениям. Характеристика *статьями* применялась и раньше для оценки общественного положения или материального состояния людей, качества тканей, лекарств, предметов военного дела или домашнего обихода и пр.

В периферийных архивохранилищах обнаруживаются рукописи, в которых содержатся новые слова, уточняющие значения лексем, открытых давно, но не имевших однокоренных образований. Эти источники укрепляют и обогащают базу исторической лексикологии и лексикографии. Так произошло с группой слов с начальным *изор-*, известных из Псковской судной грамоты XV в. (список XVI в.), когда однокоренные слова нашлись в памятниках Владимирского края XVII в.

Значение лексемы не всегда можно определить и представить в историческом словаре по контексту. Мысль акад. Д. Н. Шмелёва о том, что сочетаемость – это не значение слова, а показатель значения, что определить семантику слова “невозможно без соотнесения определяемого слова с какой-то внеязыковой «реалией»”, многократно подтверждается в лексикологических разысканиях при работе над историческим словарём. Можно согласиться и с его утверждением, что в таких случаях “никакие контексты употребления слова не будут достаточными для его понимания” [Шмелёв 1964: 72]. Нередко автор исторического словаря остаётся один на один со словом, о котором в науке нет никаких сведений, кроме единственной фиксации. Лексикограф-источниковед по опыту знает, что встречаются письменные памятники, лексическая содержательность которых максимально приближает семантическую разгадку. Необходимо выявлять их, чтобы ещё на стадии подготовки корпуса очередного выпуска Словаря исключить псевдогапаксы – слова, которых никогда не было в русском языке. Но порой даже длительные интуитивные поиски тематически однородных и семантически значимых контекстов, которые должны бы дать точную дефиницию, например, слов *кобица, трушка*, во вновь привлекаемых источниках рукописных архивных фондов результатов не дают, а архивные описи не ориентированы на решение языковедческих задач.

На один из выходов, касающихся источников первичных, объективно сложившихся, указал С. И. Котков в своём труде «Лингвистиче-

ское источниковедение и история русского языка», предложив характеризовать полууставные и особенно скорописные памятники XVI–XVII вв., объединяя их в своего рода *серии*. “Предстоит разработка критериев отбора из разновидностей – серий <...> источников <...> типичных, необходимых для общей характеристики каждой из данных серий по её лингвистической содержательности, а характеристики в свою очередь послужат основой систематизации”, – писал С. И. Котков [Котков 1980: 13].

Каковы же могут быть характеристики серий по их лингвистической содержательности? Это могут быть группы памятников, объединённых по жанровому принципу (например, жития, послания, десяти, поручные и кабальные записи, челобитные, расспросные речи, явки, “сказки”, хроники, различные учётные хозяйственные книги и др.), обладающие близкой лингвистической (и в частности, что важно для исторической лексикографии, – лексической) содержательностью.

По-видимому, серии могут быть сформированы по территориальному признаку (смоленские, рязанские, владимирские, южновеликорусские памятники и др.). Массивы изучаемых памятников в изданиях могут объединяться по наличию в подготовленных к печати рукописях сходных признаков на различных уровнях языка. Письменные источники могут быть объединены и по хронологическому признаку.

Подобные публикации возможны тогда, когда памятники будут изучены «для издания», по словам С. И. Коткова, то есть с позиций основных категорий лингвистического источниковедения – содержательности и лингвистической информативности. Эта работа ждёт источниковедов-лингвистов, что было бы большой помощью историкам языка, т. к. только свободная ориентация лексиколога и историка-лексикографа в несметных богатствах изданий и рукописных фондов поможет привлечь и для исследований, и для создания исторического словаря новые памятники, содержащие семантически достаточные контексты, необходимые для формулировки точной дефиниции слова. Выделяя лингвистическое источниковедение в особую отрасль отечественного языкознания, С. И. Котков прокладывал путь к приведению отечественных источников в обозримое состояние. К настоящему времени лингвистами-источниковедами изучены челобитные, поручные записи, явки, десяти, хроники, отказные, сельскохозяйственные, приходо-расходные, кабальные и таможенные книги.

В рукописных фондах Псково-Печерского монастыря недавно был найден не известный до сих пор жанр деловой письменности. Доцент Псковского государственного педагогического университета Н. Д. Сидоренская обнаружила и опубликовала «нетные» книги: в 1682 г. проходила ревизия в монастыре и недостающее имущество

фиксировалось в этих книгах. “Цель и назначение их, – пишет Н. Д. Сидоренская, – сформулированы так: «Да против переписных книгъ, по которымъ архимандриту Паисию Печерской мѣстръ отписан, недостало и него архимандрита Паисе# к отдаче все#кие казны, и порознь, чево недостало, и то писано в сих нѣтных книгах» (л. 304)” [Сидоренская 2010: 25. – Знаки препинания расставлены нами. – Л. А.]. В известных до настоящего времени *нетных* списках “обычно давался перечень лиц, не явившихся к сроку на военную службу” [там же]. Как видим, нетные книги обладают своей лексической содержательностью и пополняют репертуар памятников учётной деловой письменности.

В определённых группах источников выявляются некоторые категориальные характеристики лексики и грамматики. Теперь ясно, что не следует искать, например, сложных глагольных конструкций в посевных, ужиных и умолотных книгах, а вот краткие страдательные причастия прошедшего времени в роли сказуемого в них – закономерное явление. Не найдём в них и лексики, выражающей человеческие эмоции, тогда как в явках, сказках, грамотках она обычна. Зато эти книги (их обнаружено более 390) помогают проследить путь превращения тематической группы названий полевых культур из группы обиходно-бытовой лексики в группу терминологическую, когда слова употребляются в специфически организованной номенклатурной системе. Эволюция происходит на уровне гиперо-гипонимического общения, когда изменяются родо-видовые соотношения между членами тематической группы при переходе её в терминологическую, что выявляется на протяжении длительного отрезка времени (см. главу 1).

3. Рукописный источник, отразивший лексический процесс «от конкретного к абстрактному»

В 1971 г. в процессе работы в хранилищах с рукописными источниками только один раз (!) нам встретилась деловая книга учётного характера, в которой полностью отразился лексический процесс: его начало, становление и прекращение, то есть возврат к прежнему порядку. Речь идёт о переходе обозначения качества сжатого хлеба от выражения его прилагательными с конкретным значением к выражению этого качества путём словосочетаний с абстрактным значением и – возвращение к прежним прилагательным. Направление лексического процесса «от конкретного – к абстрактному» считается закономерным в любом естественном языке и прослеживается при анализе множества источников, образовавшихся на протяжении определённого времени. Здесь же весь процесс сконцентрировался в одной книге, которую вели на протяжении трёх лет. Казалось бы, новое обозначение, имевшее

широкое хождение в деловом языке этого и более раннего времени, должно закрепиться (впоследствии так и произошло), тем более, что это явление получило отражение в книге *дворцового* села Измайлова. Но тогда, в конце XVII в., автор этой деловой книги вернулся к прежнему способу обозначения качества. В 2008 году «Книга посевная, ужинная и умолотная всякому хлебу дворцового села Измайлова (1689–1692)» была издана в журнале *Palaeoslavica*. – XVI / 2008. – № 1 – С. 148–164 (Cambrige, Massachusetts).

Так называемая «трёхступенчатая» характеристика качества хлеба, встречающаяся в сельскохозяйственных (ужинных, умолотных и опытных) книгах, была обычной для деловой речи XVI–XVII вв. Из сжатого хлеба обмолачивали на опыт три сотни различных по качеству снопов, смотрели, сколько зерна получается из каждой сотни в отдельности, а затем подсчитывали общее количество зерна, которое должно быть получено из всего сжатого хлеба (приводим минимальное количество примеров; в текстах рукописей XVI–XVII вв. передаём числительные арабскими цифрами, знаки препинания привносятся нами – Л.А.): “А умолот из сотницы доброког [так в ркп.] овса середняго и худова по чети с полуосминою, и того овса по умолоту будет 377 чети”. ИВ, № 9: 48. 1600 г.; “А умолот из сотницы лутчие ржи по чети, а средние ржи по полуосмине, а худой ржи по осмине; и по опыту умолоту будет тое ржи 45 чети пол 2 осмины”. ИВ, № 14: 29–29 об. 1604 г.; “Ржаного хлеба 139 [1631] году доброго и середняго и худого по опыту 455 чети”. СП, № 48: 33. 1632 г.

Эта оценка (*добрый, середний, худой* или *лучший, средний, плохой*) применялась к хлебу в снопах, в кладях, и реже – к хлебу в зерне, хотя сотницы (100 снопов) и обмолачивали для получения зерна. Встречалось и «двухступенчатое» обозначение качества, когда по указанию келаря или житничного старца, из монастырских житниц брали для обмолота на обиход снопы из определённых сотниц: “И обоего добрые и худые ржи с костерем, что на солад оброщено, бог послал 1243 чети”. ИВ, № 52: 5 об. 1627 г.; “И та пшеница омолочена вся, а умолочено добраи 16 чети пшеницы, да ухоботнаи 4 чети”. ИВ, № 77: 6. 1631 г. Ср. “**Ухоботь, ухоботье, ухвостье, охвостье, озадки, относ, мякина** – сорные и лёгкие зерна, относимые при вейке под ветер и лежащие хвостом” (Даль). При уборке урожая оценка качества сжатого хлеба была только «трёхступенчатой». Наименования *лучший, середний, плохой* были характерны для новгородских книг конца XVI – начала XVII в., которые составлялись при отказе имений: “Лутчие ржи выжато семь копен сотных, средние ржи 15 копен сотных, плохие ржи 11 копен сотных”. ВК, № 16968: 127. 1607 г. Слова *добрый, середний, худой* встречались в волоколамских книгах: “И тое ржи омо-

лочено на опыт добрые ржи 3 сотницы... да средние ржи омолотили 3 сотницы... да худые ржи омолотили 3 сотницы ж”. ИВ, № 14: 28 об. 1604 г.; в суздальских книгах: “Ис тое ржи по опыту умолоту доброй ржи из сотницы по 2 чети бес полуосмины, ис средней то ж, ис худой пол 2 чети”. СП, № 48: 33. 1632 г.

Но во второй половине XVII в. в суздальских книгах *худой* заменяется словом *плохой*: “Ужато... доброй и средней и плохой 75 сотниц 50 снопов ржи”. СП, № 238: 34–34 об. 1688 г., “Обмолочено на опыт доброго и середняго и плохова полторы сотни [так в ркп.] овса”. СП, № 229: 10. 1699 г. (ср. в книгах дворцового села Измайлова: “Все-го ужато ржи доброй и средней и плохой 1858 сотниц”. Изм.: 10. 1689 г.). Не исключаем московского влияния на характеристику качества хлеба в суздальских монастырских хозяйствах.

По мнению проф. Л. Л. Кутиной, в XVII в. “наблюдается коренная перестройка в семантической структуре слов *добрый* и *худой*: вытесняются на второй план некогда центральные их значения и выдвигаются вперёд другие, иногда второстепенные” [Кутина 1958: 126]. Сельскохозяйственные книги XVI–XVII вв. не позволяют проследить этот процесс: в них *добрый* выступает в значении ‘хороший, хорошего качества, лучший’, а *худой* – в значении ‘плохой, плохого качества’. В Картотеке ДРС отмечено два случая, когда *худой* характеризует качество: В лето 7070 рожь худа родилася. Псков. I лет., 314. XVI в.; “У нас хлеб ржаной худ, не родился, не поспел”. Хоз. Мор. II: 182. 1652 г.

Ф. П. Филин, изучая летописи, пришёл к выводу о необходимости и целесообразности анализа языковедами сходных или одинаковых по содержанию источников: “Тщательное сравнение языка памятников, особенно однородных по своему содержанию, даёт возможность установить весьма сложную картину «семантических аспектов», в которых выступает та или иная форма или слово, открыть целую гамму семантических и стилистических признаков” [Филин 1949: 288]. Сходные по содержанию погодные записи в посевных, ужиных, умолотных и опытных книгах позволяют исследователю наблюдать в тождественных контекстах динамику развития средств выражения качественных понятий на системном уровне, проследить возникновение и развитие в языке тех явлений, которые впоследствии станут общепринятыми.

Так, в ужиных и умолотных книгах села Измайлова 1689 г. (Приказ Большого дворца) находим обычные обозначения качества хлеба: “Доброй шестьсот осмнатцеть сотницъ, а по | опыту в имолоте бидеть двѣсти семдесят | чети с полуосминою и с четвериком из сотницы по осми|не без получетверика.

Средней пятьсотъ восемьдесятъ шесть сотницъ, | а по опыту в имолоте бидеть двѣсти | двадцеть *чети* без полуосмины из сотницы | по осмине без четверика” (л. 9 об.);

“Плохой шестьсотъ пятьдесятъ четыре сотницы, | а по опыту в имолоте бидеть двѣсти девять | *чети* с осминою из сотницы по полуосмине с получетвери|ком и половина малого четверика

Всего ужато ржи *доброи* и *средней* и *плохой* | тысяча восемьсотъ пятьдесятъ восемь сотницъ, а по опыту в имолоте бидеть шестьсотъ | девяносто девять *чети* с осминою и с четве|рикомъ” (л. 10).

При обмолоте качество указывалось аналогично: “Ржи | обмолочено на опытъ *доброи* и *средней* и *плохой* | восемьдесятъ сотницъ, а вымолочено тритцеть | семь *чети* без получетверика да обронной вывезено | двѣ *чети* с осминою и того тритцеть *девет чети* | с осминою без получетверика” (л. 11 об.); “да *доброи* же и *средней* и *плохой* ржи обмолочено | августа съ 4-го числа августа *ж* по 7-е число | тритцеть сотницъ, а вымолочено семь *чети* | с осминою без получетверика | И того обмолочено ржи и с опытом сто десеть | сотницъ, а вымолочено и с обронною семь | *чети* без четверика” (л. 12).|

Однако в 1690 г. качество собранного хлеба обозначается иначе: “Хлеб, которой родился в прошлом во РЧИ-м [1690] году к нѣшнему РЧ→-му [1691] году рожь и горох и ячмень и овесъ пожать весь... Ужато | ржи *первои* статьи на сороке на одной десетине | четыреста десеть сотницъ на десетине по | десети сотницъ, а по опыту в имолоте бидет | двѣсти пять *чети* из сотницы по осмине.

Второи статьи на пятидесятъ на дву десети|нах триста семдесятъ двѣ сотницы і в том | числѣ на пяти десетинах на десетине по осми | сотницъ. На сороке на семи десетинах на де|сетине по семи сотницъ, а по опыту в имолоте | бидеть сто шездесятъ три *чети* без полуосмины, | из сотницы по три четверика с поличетве|рикомъ

Третьей статьи на сте на девяносте на де|вети десетинах шестьсотъ двадцетъ двѣ| сотницы і в том числѣ на двадцети на пяти | десетинах на десетине по четыре сотницы | на сте на семидесятъ на четырех десетинах | на десетине по три сотницы, а по опыту | в имолоте бидеть двѣсти двадцеть три | *чети* с осминою и пол пол четвериком из сотницы по | три четверика без малого четверика

Всего ужато ржи *первои* і *второи* и *третьей* | статьи тысяча четыреста четыре сотницы, | а по опыту в имолоте бидеть пятьсотъ девяносто одна *чет* с полуосминою” (л. 21 об. –22 об.).

Аналогичны записи о сжатом овсе: “Овса *первои* статьи на сороке на одной || десетине четыреста десеть сотницъ на де|сетине по десети сотницъ, а по опыту в имо|лоте бидеть триста восемьдесятъ четыре | *чети* с осминою без четверика, из сотницы по *чети* | без получетверика

Второи статьи на сте на *тринадцети* десетинах | *восьсотъ* *двадцеть* пять сотницъ і в том | числѣ на *пятидесят* на *одной* десетине на десетине по осми сотницъ, на сороке на *шти* | десетинах на десетине по семи сотницъ | на *шеснатцети* десетинах на десетине по *шти* | сотницъ, а по опыту в имолоте *бидет* *шесть* || *сотъ* *девятнатцеть* *чети* с осминою, из сотницы | по *чети* без *полоосмины* [так в ркп.]

Третьеи *статеи* [так в ркп.] на сте на осми десетинахъ | *шесть* *сотъ* *девет* сотницъ і в том числѣ на | *тридцети* десетинах на десетине по семи | сотницъ, на *тридцети* на *трех* десетинах | с *полудесетиною* на десетине по *шти* сотницъ | на *двадцети* десетинах на десетине по *пяти* | сотницъ на *двадцети* на *четырех* десетинах с *полудесетиною* на десетине по *четыре* | сотницы, а по опыту в имолоте *бидеть* | *триста* *сорокъ* *двѣ* *чети* с осминою и с *полу*||*четвериком* из сотницы по осмине с *полу*||*четверикомъ*

Всего *ужато* овса *первои* і *второи* и *третей* | статьи *тысеча* *восьсотъ* *сорокъ* *четыре* | сотницы, а по опыту в имолоте *бидеть* | *тысеча* *триста* *сорокъ* *шесть* *чети* с осминою без *получетверика*” (л. 22 об.–24).

Когда в книги вносились сведения об обмолооте на опыт ржи и овса в этом году, то качество их характеризовалось также *статьями*: указывалось, какого числа которой статьи ржи и овса обмолачивали и сколько получалось зерна: “Ржи | обмолочено на *опыт* *первои* і *второи* и *третьей* | статьи *триста* сотницъ, а *вымолочено* | *сто* *тридцеть* *четыре* *чети* с осминою и с *полу*||*четвериком*, да *обронной* *вывеяно* *три* *чети* і *того* | *сто* *тридцеть* *семь* *чети* с осминою и с *получетве*||*рикомъ* || да *первои* же і *второи* и *третьей* *статеи* ржи | обмолочено...

Сентября со 2-го числа сентября *ж* по 28 число | *восмьдесят* сотницъ, а *вымолочено* *пятдесят* | *восмь* *чети* с *полуосминою* и с *четвериком*” (л. 25 об.–26).

Новое обозначение качества распространилось и на вторую по значению в дворцовом хозяйстве полевую культуру – овес: “Овса | обмолочено на *опыт* *первои* і *второи* и *третьей* | статьи *триста* сотницъ, а *вымолочено* *двѣ*||*сти* *двадцеть* *двѣ* *чети* | Да *первои* же і *второи* и *третей* статьи овса | обмолочено... сентября со 8-го числа сентября *ж* по 14 число | *двѣ*||*сти* *девянсто* сотницъ ” (л. 28).

Здесь сохранена трёхступенчатая характеристика, только вместо прилагательных *добрый*, *средний*, *плохой* употреблены числительные *первый*, *второй*, *третий*, качественной семантики не имеющие, в сочетании со словом *статья*. В них скорее мог бы отразиться очерёдность обмолоота, хотя в приведённых записях можно признать, что рожь и овёс первой статьи брали из лучшей по качеству партии сжатого хлеба, второй статьи – из партии среднего качества, а третьей статьи

– из плохого хлеба. Подсказывает ранее принятый порядок фиксации качества сжатого и связанного в снопы хлеба при обмолоте на опыт: сначала речь шла о добром хлебе, потом – о среднем, затем – о плохом.

Отсутствие качественной семантики у порядковых числительных *первый, второй, третий* не позволило в этот раз надолго закрепиться новой системе: вероятно, сильна была отвлечённость её от предмета и его существенных признаков. Уже через год в книгах того же села Измайлова встречаем записи с прежней системой обозначения качества хлеба: “Ужато | ржи *доброи* на сороке на девети десетинах | с полудесетиною семьсот *двацет* семь | сотницъ, а по опыту в имолоте бидеть | шестьсот *восмьдесят* одна *чет* с осминою | и с получетвериком из сотницы по *чети* без полу|четверика

Среднеи на девяносте на пяти десетинах | деветьсот *пятьдесят* шесть сотницъ | а по опыту в имолоте бидеть *семьсот* | *тритцет* две сотницы с *чет*|вериком... || Плохои на сте на *пятидесят* на *пяти* десетинах | с полудесетиною *шестьсот* *пятдесят* | *пять* сотницъ а по опыту в имолоте *будет* | *триста* *шездесят* *восмь* *чети* с осминою без по|лучетверика из сотницы по осмине с полу|четверикомъ

Всего ужато ржи *доброи* и *среднеи* и *плохои* | двѣ тысячи *триста* *тритцет* *восмь* *сот*|ницъ а по опыту в имолоте бидет *тысеча* | *семь* *сот* *восмьдесят* *двѣ* *чети* без полу|четверика” (л. 52–54).

О качестве сжатого овса сообщается в тех же выражениях. Приведём здесь только итоговую запись: “Всего ужато овса *доброго* и *средняго* и *пло|хово* *тысеча* *триста* *деветнатцет* *сотницъ*, | а по опыту в имолоте бидеть *пятьсот* | *шездесят* *четыре* *чети* с осминою” (л. 54).

Итак, в книге села Измайлова проявилась попытка унифицировать обозначение качественной семантики в русском языке для собранного и обмолачиваемого хлеба. Произошёл семантический сдвиг «от конкретного к абстрактному» – и (по неясным пока причинам) обратно. Когда в одном источнике в записях всего лишь за три последовательных года отражается лексический процесс, то такие источники должны быть на особом учёте у лексикологов-историков.

В деловом языке XVII в. шёл поиск универсального эквивалента обозначения качества, который мог бы применяться для характеристики любых объектов. И такой эквивалент в русском языке был, о чём говорит сочетание порядковых числительных со словом *статья*. Обращаемся к материалам Картотеки ДРС и словарей.

Слово *статья* происходит от *стать* ‘осанка, фигура; причина, повод, способ’, *диал.* ‘возможность, случай’, *олонецк.* (Кулик.); ‘обычай, характер, манера’, *арханг.* (Подв.); *сербск.-цслав.* *постать* *меѣрос*, *трѣпос*, *сербохорв.* *постѣт* ‘ряд (при жатве)’, *др.-чеш.* *podstat* ‘substantia’ [Фасмер III: 748.]. Приводя соответствия из индоевропей-

ских языков, М. Фасмер указывает: «Отсюда *кстати, статья*» (Котошихин: 74 и сл.), др.-русск. *статие* ср.р. ‘стояние, осада’. Родственно *стать, стану, стоять*» [там же].

В «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» *статья* приводится в двух значениях: «1. Разряд, степень состояния кого или чего. *Народ разделяется на разные статьи*; 2. В сочинениях особое какое деление. *Главу какого-л. сочинения разделить на статьи*» [Словарь Акад. Росс., 1826, VI: 499].

По данным Картотеки ДРС, значение ‘род, разряд’ у слова *статья* встречается с середины XVI в. Одна из ранних фиксаций относится к 1550 г. На три статьи были разделены дети боярские, получавшие разное количество земли: “А дѣтем боярским в первой статьѣ дати помѣстья по 200 ж четьи, а другои статьѣ дѣтем боярским дати помѣстья по 150 чети, а в третьей статьѣ детям боярским помѣстья по 100 четьи”. ААЭ I: 217, сп. XVII в. В 1594 г. в Троице-Сергиевом монастыре “слуг расписали и разобрали на три статьи: в первой статье лутчих тридцать один человек, а в другой статье шестьдесят девять, а в третьей молодых и пеших служек сорок три человека”. А. Тр.-Серг.м.: 47. Здесь *статья* в значении ‘разряд, степень’ употреблено с порядковыми числительными, сами же словосочетания обозначают качество (см. выше: “в первой статье лутчих тридцать один человек”).

В XVI–XVII вв. лексема *статья* употреблялась во множестве абстрактных и конкретных значений. *Статьей* называли сторожевой отряд: “Посылают [с головной сторожи] статью после статьи кругом ходити”. Учен.ратн.строения: 203 об. 1649 г. Это и статьи договора: “Первая статья: поступит<ь>ся на мену соловецким по Грязной ручей, другая статья – по Средней ручей, третья статья – по речку”. АХУ II: 255. 1618 г. Это и часть богослужения: “На молебнах де вдруг в одной статье многия каноны говорят”. Спис.единогл.Аг.: 60. XVII в. Это и группа однородных записей в деловой книге: “Статья стихарям и подризникам”. Кн.пер.Нил.Столб.пуст.IV: 9. 1673 г. *Писано порознь по статьям (статьями)* – такие записи встречаются в начале почти всех деловых учётных книг. Известны и статьи дохода казны: “Оброчные деньги с лавок и с мельниц и с иных оброчных статей”. АИУ: 76. 1679 г.

Этим словом называли и компоненты, используемые при приготовлении пороха: “Пороховой промысл: [кубышку или кувшин] наполняти по статьям: статьюю зженою золою, другую – статьюю мелкою сухою сеяною известью”. Устав ратных д.П: 124. XVII в. Из статей могло состоять лекарство: “Мазь сделана из многих статей, и чайть де в ней сулема положена”. Мат.медиц.: 1111. 1679 г. *Статьей* называли всё, что нужно было перечислить в определённом порядке, даже бо-

лезни: “Орехи те угодны к трем статиям, то есть от поветрия морового, от мелы тяжёлой, от ветров злых жестоких”. Козм.: 375. 1670 г.

В сочетаниях с прилагательными *больший, средний, меньший* слово *статья* употреблялось для качественных обозначений, но это было, скорее, деление на определённые группы разновидностей предметов в зависимости от их размера: “Гранаты, которые делоны по оброссом по наряду... большие статьи 608 гранат, весу во всех 846 пуд, меньшие статьи 696 гранат, весу во всех 625 пуд”. Кн.Тул.и Каш.зав.: 104. 1663 г.; “Посуды железныя взято в домовую патриаршу казну: 6 блюд большие статьи, 6 блюд средние статьи, 6 блюд третьи статьи, 3 блюдечка меньшие статьи”. Росп.им.Н.Ром.: 76. 1659 г. В последнем примере соединяются со словом *статья* как качественное прилагательное, так и порядковое числительное.

Качество ткани, точнее, её плотность, толщина, определялась также *статьями*: “Куплено холсту средние статьи 1955 аршин”. Кн.прих.-расх.Ивер.м.: 48 об. 1665 г.; “Куплено полотна тонкой и средней статьи 5031 аршин”. Там же, № 53: 225. 1668 г. Здесь реализуется конкретное значение слова *статья* ‘группа, вид, разновидность’. А при характеристике групп людей словосочетание “порядковое числительное + *статья*” получает значение ‘род, вид, разряд, сорт’. Ср.: “Изо всяких чинов торговых людей из лутчей, из средней и меньшей статьи вѣлено выбрать окладчиков добрых и знающих людей”. ДАИ VIII: 80. 1678 г.

Как видим, в деловом языке XVI–XVII вв. идёт поиск универсального способа определения качества разнообразных объектов. Ещё пример: “Велел им дать своего государева жалованья в приказ иконником первые статьи пяти человеком да подьящику по камкѣ доброй да по сукну лундышу человеку, второй и третьей статьи иконником 22 человекам по тафте человеку”. Заб.Ик.: 11. 1650 г. В этом случае реализуется значение ‘степень в состоянии кого’ (по Словарю Акад.Росс.), т. е. качественное значение словосочетания (ср. в морской терминологии: матрос или старшина первой, второй статьи).

В книге дворцового села Измайлова словосочетания *первой, второй, третьей статьи* были использованы для характеристики сжатого хлеба. В настоящее время в обозначении качества зерновых известны три категории, класса: “Классы семян – качественные группы семян разной посевной ценности. Семена зерновых, зернобобовых и масличных культур в зависимости от их посевных качеств в соответствии с требованиями ГОСТов делят на три класса”, – читаем в Сельскохозяйственной энциклопедии [СЭ, т. 2: 1216].

В близком значении к *статья* в XVII в. употреблялось слово *рука*: “Под хлѣбные запасы дано сто кулеи малой руки”. Арх.Он., №

203: 36 об. 1672 г. “По мере окачества <...> слово *рука* <...>настолько теряло свою самостоятельность, свой первоначальный смысл, – писал С. И. Котков, – что становилось синонимичным слову *сорт*” [Котков 1985: 141].

Видимо, слово *статья* было ближе к *сорт*, чем *рука*: ведь с *рука* до настоящего времени зафиксированы только словосочетания (*товар*) *первой руки* и *из первых рук* (второй, третьей *руки* – не встретилось). В современном языке сохранилось в основном “трёхступенчатое” деление товаров по сортам, отдалённое свидетельство которого проявилось в книге села Измайлова. Тенденция прослеживается, однако новаторство не закрепилось в конце XVII в., хотя направление развития средств выражения качественной семантики – от конкретного к абстрактному – было «угадано» автором книги села Измайлова.

4. Рукописные источники, дополняющие друг друга

В зависимости от лексической содержательности источников выводы исследователя могут существенно изменяться. Приведём историю постепенного открытия (выявления) источников, содержащих однокоренные слова. Поиск длится уже более полутора веков; недавнее же обнаружение подобных слов во множестве сходных контекстов приблизило учёных к определению их семантики, но не позволило её уточнить. И лишь одна грамота, содержащая слова в ином контексте, дала более или менее точный ответ об их значении.

Так, более 100 лет историки и лингвисты не имели текстов со словами *изорник*, *изорничь* (или однокоренными), которые впервые встретились в Псковской судной грамоте. Грамота хранилась в библиотеке М. С. Воронцова; специалисты датируют её 1397–1467 годами. В 1847 г. её издал Н. Мурзакевич. В 1914 г. Археографическая комиссия опубликовала её наборным способом и фототипически, по этому изданию она цитируется в СлРЯ XI–XVII вв. и здесь (далее – ПСГ).

Приведём некоторые статьи ПСГ, в которых употреблено слово *изорьникъ* с вариантом *зорникъ* и притяжательное прилагательное *изорьничь*: “А которой государь захочет отрокъ дати своему зорнику или огороднеку или кочетнику, ино отроки быти ѿ Филипове заговѣине” (ПСГ, ст. 42); “А оу которого человка у государѣ изорникъ помреть в записи, в покрути, а жена у него ѿстанетсѣ и дѣти не в записи, ино изорничи жене и детем ѿкличи неть” (ПСГ, ст. 85).

В «Объяснительном словаре» к изданию Н. Мурзакевич написал: “**Изорникъ.** Пахарь, земледелец?” (с. 2). В рецензии Н. В. Калачов высказал суждение: “Нужно понимать слово ‘изорник’ в смысле земледельца, нанимающего для обработки чужое поле” [Калачов 1847:

178]. Один из первых исследователей ПСГ Ф. Н. Устрялов указывал, что **изорник** происходит “от глагола ‘изорати’ – вспахать ралом поле”. В словаре, приложенном к исследованию, он поясняет: “Изорник – это крестьянин, земледелец, получивший покруту от хозяина и потому обязанный служить ему известное время” [Устрялов 1855: 166].

В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. кроте глагола **изорати** находим: “**Изоратися**. Церк. Быть вспахану, взрыту. Сионь яко нива изорется. Мих. III, 12” (т. 2: 121). Ср.: “**Изорати поле**, взорать всё, вспахать или испахать, **-ся**, быть изорану. **Изорникъ** м. стар. ратай, пахарь, хлебопашец” [Даль, т. II: 32].

Людей, называемых **изорниками**, историки считали “чёрными людьми”, “крестьянами”, ставя в один ряд с серебряниками, сиротами, рядовыми людьми, которые “свободно могли переходить из городов в деревни и из деревень в города, как от частных землевладельцев на общинные земли, так и с общинных земель к частным землевладельцам” [Беляев 1860: 6]. Д. Я. Самоквасов писал: “Постановления Русской Правды, Псковской судной грамоты и княжеских жалованных, духовных и договорных грамот о ролейных закупах, изорниках, исполовниках, огородниках, кочетниках, серебряниках и вольных переходящих крестьянах относятся к вольным людям, состоявшим из вольноотпущенных, зарубежников и изгоев” [Самоквасов 1909, т II: 22]. Изорник, по мнению Б. Д. Грекова, “это бывший недавний смерд, сейчас лишённый средств производства и тем самым – своего звания. Это разновидность той группы сельского населения, которая широко, в разных местах Руси известна под разными терминами людей похожих, серебряников, рядовых, юрьевских, половников” [Греков 1952: 439].

Псковская судная грамота – не единственный текст, в котором встречается слово **изорник**. В статье «Псковские “изорники”» Б. Б. Кафенгауз упоминает об **изорнике**, употреблённом в «Житии Ефросина», основателя Трёхсвятительского монастыря (1425 г.) близ Пскова, написанном до 1510 г. В Житии читаем: “Изыде преподобный Ефросимъ изъ монастыря своего во внутреннюю пустыню и наченшу ему творити шествие, и абие усрѣте его диаволь во образѣ знаемаго ему изорника, и представъ ему лицемъ къ лицу и поклонися святому глаголюще: Добре грядеши, авва, и азъ хочу съ тобою сий день ходити”. [Повести 1862: 78, цит. по: Кафенгауз 1939: 39]. Анализируя приводимую в Житии беседу Ефросина и изорника, автор пишет, что изорник “является человеком, зависимым от монастыря как землевладельца... Однако повесть нигде не намекает на резкую разницу в социальном положении собеседников, возможно, что изорника не следует считать непременно стоящим очень низко на социальной лестнице” [там же].

В Расходной книге 1531 г. псковской Завеличской церкви Успения, указанной также Б. Б. Кафенгаузом, есть ещё одна фиксация этого слова: “Дали 30 денег и две деньги на хлѣбъ и на рыбу и на мясо, как изорники приѣзжали съ хлѣбомъ” [Кафенгауз 1952: 133]. В комментарии № 9 публикатора И. Сахарова поясняется: “Успенская церковь имела свои земли, которые отдавала в наём посельщикам из третьего и четвёртого и пятого снопов. Сбором хлеба с посельщиков заведовали церковные старосты” [Кн.расх.Завелич.ц.: 4].

Склоняясь к мысли о том, что слово *изорник* происходит от названия карельского племени *ижора*, а не от свойственного славянским языкам глагола *изорати*, Б. Б. Кафенгауз привлекает топонимы, извлечённые из новгородских писцовых книг XV–XVI вв. Водской и Шелонской пятин, земли которых граничили с псковскими. Это названия *Изорники*, *Изоринки*, *Изоринское*, *Изор*, *Изори* [Кафенгауз 1952: 136, 138]. Ю. А. Трусман отметил слово *изорь* ‘запущенная полоса, пустырь’ в 1884 г. в Гдовском уезде и отнёс его к финским элементам [Трусман 1884: 13].

Долгое время ни из говоров, ни из письменных источников не поступало никаких свидетельств о словах с начальным *изор-*, что дало повод С. Г. Капраловой заметить: “Состоящее из приставки *из-*, корня *-ор-* и суффикса *-ник* это слово не отмечено ни в одном русском говоре и не зафиксировано ни одним словарём для русских говоров” [Капралова 1954: 178]. В 1955 г. О. С. Мжельская писала о словах *изорник* и *изорничь*: “Слова эти возникли и употреблялись в период псковской самостоятельности и вышли из употребления после присоединения Пскова к Москве, когда резко изменилась вся жизнь в Пскове” [Мжельская 1955: 29–30]. Выражая несогласие с точкой зрения Б. Б. Кафенгауза о происхождении слов, она предлагает параллель *išarti* ‘вспахать, распахать’ из литовского языка [Серейский 1933: 266].

Исследования историков и лингвистов за последние десятилетия XX в. значительно расширили круг источников, и теперь можно говорить уже о группе слов с начальным *изор-*. В картотеке «Псковского областного словаря» (хранится в Санкт-Петербургском университете) зафиксировано *изорье* ‘вспаханное поле’, записанное в 1962 г. в деревне Трубецкое Ашевского р-на: “Да уш думала н’е праѣти. | Мал’ен’ка изор’jem | мал’ен’ка д’ер’евн’еј”. В рукописной «Ужинной и опытной книге» 1692 г. села Шипова Суздальского Покровского монастыря (хранится в Гос. архиве Владимирской области) обнаружилось словосочетание *изорные десятины*: “Ужато на крестьянской пахоте на мнстръском жеребю на взгоне и на изорных на пятидесят на девяти десятинах без четверти десятины двести... сотниц ржи” [Котков 1969: 217]. Тогда же С. И. Котков начал собирать свидетельства исто-

риков и лингвистов XIX–XX вв. о словах *изорник* и *изорничь*, которые предложил использовать в настоящей работе.

Позднее, в 1972 г., при лингвоисточниковедческом изучении полевных, ужиных, умолотных и опытных книг, составленных в различных хозяйствах [см. Астахина 1974], *изорные десятины* предстали перед исследователями в сотнях контекстов. Некоторые из этих рукописей опубликованы в кн. «Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край» (М., 1984, – Пам.Влад.). Самым ранним оказалось употребление 1658 г. в «Умолотной книге» сел Шипова, Слободки и Глядкова Суздальского Покровского монастыря: “обмолотили на мнстрском гумнѣ села Слоботки съ их крстьянских пахотных изорных десятин прошлово ꙗꙑсꙑ (166) году ужина... одение овьса дватцат сотницъ”. (Пам.Влад., 34. 1658 г.); “обмолотили... на мнстрскомъ гумнѣ села Гляткова съ их крстьянских пахотных изорных десятин съ их поля шесть сотницъ пятьдесят снопов овса” [там же: 35].

Другие источники из тех же мест – сельскохозяйственные памяти – сохранили ещё два слова этой корневой группы, которые не были зафиксированы ни другими источниками, ни словарями, а в Картотеке ДРС представлены нашими материалами: *изоры* и *изорницы*. Самая ранняя фиксация слова *изорницы* обнаружена в памяти 1621 г.: “Привезли села Селца кресяня с кресянских изорницъ сорок сотницъ... Всево мнстырскова хлеба ржаново с мнстырсково жеребю и со кресянских изорницъ и выделново двести трицат пят сотницъ и четырнадцат снопов”. (Пам.Влад., 32). Самая поздняя фиксация – в книге села Шипова 1697 г.: “Ужато [ржи]... на их крстьянскои пахоте на взгоне і на изорницах и на плужининѣ на пятидесят на четьрех десятинах с полудесятиною двести... сотницъ” (Пам.Влад., 54).

Изоры впервые встретились в памяти 1632 г. того же монастыря: “И ту рож высеяли на манастырские изоры в селе Навоселке и в дрвне Вндреице... оужато в селе Навоселке на манастырских изорах манастырскаго овса восемьдесят сотницъ” (Пам.Влад., 33).

Хранящиеся в РГАДА сельскохозяйственные книги Спасо-Евфимьева монастыря (г. Суздаль), датированные 1703 г., также содержат *изоры* и прилагательное *изорный* (но не *изорницы*!) в аналогичных контекстах: “Высеяно на мнстрскомъ жеребю на одиннатцет десятин с четверухою по четьре четверти овса... в мнстырскию меру да на изоры на дватцети десятинах по четьре четверти” [РГАДА, ф. 1203, оп.1, ч.1, № 21: 53 об.–54]; “В селе Ѡедоровском четьрнатцет десятин изорнои да згонной двѣ десятины с тремя четверихи и на тѣх десятинах высѣяно овса шездесят семь чети” [там же: 50]. Это самые поздние свидетельства в исследованных источниках.

Близость рассматриваемых элементов псковской и владимиро-суздальской лексики, возможно, объясняется тем, что во владимирские и муромские места были переселены многие знатные новгородские и псковские семьи в XV–XVI вв. после присоединения к Московскому княжеству Новгорода и Пскова [см. ПСРЛ, т. 4: 286–287]. Не исключается, впрочем, и древняя общность по этим лексическим элементам той и другой территории.

Единая область бытования, устойчивость и многочисленность сходных контекстов со словами *изорные десятины*, *изорницы*, *изоры* позволяют признать их синонимичность, однако конкретное представление об участках, именуемых этими словами, оставалось не совсем ясным. В «СлРЯ XI–XVII вв.» дано обобщённое толкование при слове **изоры**: *Полевые участки в монастырском хозяйстве, отдававшиеся для обработки крестьянам на определённых условиях* [вып. 6: 198].

По мнению Г. Е. Кочина, барская запашка появилась в XVI в. Это “определённая доля земли на общей площади крестьянских полей, обрабатываемых полностью крестьянами, которые свозили готовый хлеб в житницу феодала взамен основного оброка” [Кочин 1965: 349–351]. Исследовавшая монастырские хозяйства Н. А. Горская утверждает, что в XVII в. рост монастырской пашни прекратился из-за перевода на оброк большинства крестьян, но в Суздальском Покровском монастыре “барская запашка” сохранялась [Горская 1977: 10].

Точное значение исследуемых слов так бы и оставалось неопределённым, если бы не один документ из фонда Я. П. Гарелина в Отделе рукописей РГБ. В нём была обнаружена «Память строителя Суздальского Покровского монастыря Воина Лукьяновича Карсакова приказчику села Усолье Талицкой волости Постнику Конькову», датированная 1631 годом, в которой идёт речь о межевании монастырских и крестьянских земель. Слово *изорницы* содержится здесь в иных контекстах, чем в сельскохозяйственных книгах, где участки в большинстве случаев назывались *крестьянские пахотные изорные десятины*. Приказчику напоминают, как выделять земли в “монастырские изорницы”, указывают на допущенные ошибки: “Писал ты... что вымер”ли вы с крстьяны | в мнстрырские десятины пашни на выт<ь> | по две дес”тины в визорницы, и того дватца[ть] шесть десятин, а с одворицы вымѣр”ли служни пашни у Тимофѣя Гостева да у Мики|ты Ушакова в тѣ ж мнстрырские изорни|цы по десятине земли, да крсть”нские | пашни четверть дес”тины, что та их земля | пришла к мнстрырскимъ дес”тинам смеж”но, а против тои выделеной пашни служни | и крестьянской осталос<ь> две дес”тины | мнстрырские земли, от мнстрырских изорни|ць отошли, а земля худа и потому вы тоѣ | земли и не вмѣривали в

мнстрьские изо|рницы, да на взгон вымеряли земли | на мнстрьскую пашню сверхъ изорницъ по де|с"тине на выт<ь>, и тово тринадцат дес"тин | ис крсть"нских и и<з> служних пашен" [ОР РГБ, ф. 67 Гарелин, карт. 25, № 101, л. 1]. В изорницы попадали и луговые земли: "А про два лижка, про | которые староста Васка сказываль, что они вошли в пашню в мнстрь|скои жеребеи, і вы б те лижки, будет при|годятца в мнстрьскую пашню под пар | в ызорницы и хлѣби на них начаятца быт<ь>, і вы б те лижки вмѣр"ли в мнстрь|скую ж пашню в ызорницы, а в то мѣсто | земли с краю от леси отделили из ызорницъ в крсть|янскую пашню, да и про то б вамъ обыс|кат<ь>, гдѣ земли крстьяном выделит<ь> в то мѣсто, | что и них отошло в мнстрьские изорницы и на взгон" [там же, 2; знаки препинания в тексте грамоты расставлены нами. – Л. А.].

В наименованиях полевых участков в книгах и памятях прослеживаются две тенденции. Одна отражает их агротехническое и биологическое состояние перед посевом – от этого зависело количество семян и качество труда, необходимое для их обработки. Эта группа включает названия *поле, пашня, пар, дерба, новочисть, подсека* и др. Другая тенденция отражала стремление подчеркнуть принадлежность участка или указать на то, кто обрабатывает землю. В отличие от агробиологического здесь просматривается так называемый «социальный» аспект. В приведённой памяти упоминаются три вида земельных участков. С одной стороны, это монастырские десятины – *изорницы (изорные десятины)* и *взгон (взгонная земля, сгон)*, а с другой – *крстьянские и служние* полосы. Крестьянские и служние полосы крестьяне и слуги монастырские обрабатывали на себя, с них же несли государственные повинности.

"Сгон – по крепостному порядку, общая валовая работа, невзачёт чередной барщине" [Даль, т. IV: 163]. Монастырскую землю, естественно, обрабатывали крестьяне, реже – монастырские детёныши. Весь урожай со взгонной земли и с изорниц (хотя их и называли *крстьянскими пахотными изорными десятинами*) шёл в монастырь. Следовательно, эти участки (в конце грамоты они названы *монастырские изорницы*) и составляли "барскую запашку", о которой говорилось в работах Г. С. Кочина и Н. А. Горской. В «СлРЯ XI–XVII вв.» можно будет дать более точное определение: "Участки монастырской земли, на которых крестьяне работали как на барщине", или "Участки обрабатываемой крестьянами монастырской земли, урожаем с которых полностью принадлежал землевладельцу".

Отсюда, возможно, *изорником* в Псковской судной грамоте называли того, кто обязывался работать именно на барской земле и отдавать с неё землевладельцу весь урожай, а не другие какие-либо повин-

ности нести за взятую у хозяина «покруту». Но этот вопрос ещё требует изучения и уточнения: не найдено пока других источников со свидетельствами XV в., когда создавалась и «действовала» Псковская судная грамота, а во владимирских и суздальских памятниках XVII в. не найдено слов *изорник* и *изорничь*.

Однако в других местах были выявлены источники, знакомство с которыми расширяет группу слов с начальным *изор-*. В Отводной книге 1668 г. Биричевского села Онежского Крестного монастыря встретилось слово *изорка*, упоминаются “три сохи изорки, заступ, четырнадцать кирок”. [РГАДА, ф. 1195, оп. 1, № 149, л. 4 об.].

Как видим, в русском языке к концу XVII в. группа слов с начальным *изор-* была значительной. Приведём эти слова с указанием источника и времени самой ранней фиксации:

Изорник – ПСГ (1397–1467 гг.) и Житие Евфросина Псковского (до 1510 г.), Книга расходная Завеличской церкви (1531 г., Псков);

Изорничь – ПСГ (1397–1467 гг.);

Изорати, изоратися – Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г. (Мих. III, 12 – Библия);

Изоран – причастие, СРНГ (1920 г.);

Изорь – Гдовский уезд С.-Петербургской губ. (1884 г.);

Изорье – деревня Трубецкое Ашевского р-на (1962 г.) – картотека Псковского областного словаря;

Изорницы – сельскохозяйственная память с. Сельцо Суздальского уезда, Пам.Влад. (1621 г.);

Изорные (десятины) – сельскохозяйственная память с. Усолье Владимирского уезда, Пам.Влад. (1631 г.);

Изоры – сельскохозяйственная память с. Новосёлки и дер. Ондрейцево Суздальского уезда, Пам.Влад. (1632 г.);

Изорка – Отводная книга с. Биричевское Онежского Крестного монастыря, РГАДА (1668 г.).

Кроме того, в писцовых книгах Новгородской Водской пятины 1500 г. отмечены топонимы *Изоринки, Изорники* и *Изоринское*; в Шелонской пятине: *Изор, Изори* – в книгах 1498 г. и 1539 г., *Изори* – в книге 1500 г., пожня *Изор* – в книге 1571 г.

Важным источником являются словари славянских языков. Как источники с заданными свойствами, они помогают уточнить семантику слов, определить территорию их распространения, а исторические и этимологические словари способствуют углублению хронологии. Опора на их данные позволяет увидеть значимость издаваемых рукописей, в частности, рукописей XVII в. Владимирского края, содержащих лексемы с начальным *изор-*.

Славянские языки южной и западной групп имеют слова с начальным *изор-*, *зор-*, являющиеся в них «живыми», употребляющимися в современной речи. В болгарском языке существительное **изораван<ье>** ‘вспахивание’ образуется от глагола **изоравамъ** (соверш. вид **изор@**). В Словаре Н. Герова этот глагол представлен в четырёх значениях, которые можно передать по-русски так: 1. Пахать землю для посева; 2. Напахать много, распахать всё; 3. Выпахивать, доставать что-л. из земли, находить; 4. Зарабатывать пахотой, получать доход, обрабатывая чью-л. землю: Изорава по десять грош" на день. Причастия **изораний**, **изоратый** имеют значения ‘выпаханный, вс(ис-)перепаханный, выоранный’ [Геров 1897, ч. 2: 257]. В современном болгарском языке причастию **изоран** свойственно и переносное значение ‘обезображенный’ [Бернштейн 1966: 223].

В сербском и хорватском языках также активны слова с начальным *изор-*: **Изор** – ‘хлеб в отплату за орание’, **изорать** ‘выбрать, приобрести что за орание’, **изорьяк** ‘вол, выданный на день для пахания’ [Лавровский 1870: 197], **изор (изора)** ‘хлеб зерновой в отплату за орание, за помощь волами’ [Мичатек 1903: 196]. К слову **изор** ‘вознаграждение за наём тягловой силы для пахоты’ в Сербско-хорватско-русском словаре добавляются словосочетания **дати на изор** или **под изор** ‘дать в наём для вспашки (тягловую силу)’ [Толстой 1970: 173]. В языках западнославянской группы приставке *из-* соответствует приставка *z-*: **zorać** ‘пахать; избороздить, перепахать’ – в польск. языке [Linde 1860, т. VI: 1141]; в чеш. – **zorat** ‘вспахать’, **zorávat, orat** ‘вспахивать’, **zorávat** ‘напахивать’ [Копецкий 1978, т. 1: 125, 503], **zorané pole** ‘пахота’ [там же, т. 2: 13]; в словац. – **zorat'** ‘вспахать’ [RSS: 87].

Восточнославянские языки также сохранили слова с исследуемыми элементами: “Ст.-укр. **зорати** ‘вспахать’, XVII в. (Картотека Словаря Тымченко); укр. **зорати** ‘то же’ (Гринченко II: 180) – ЭССЯ, т. 9: 56. В новгородских и северодвинских говорах в 1920 г. было записано причастие от глагола **изорать**: “Полоса изорана”. СРНГ, т. 12: 164. О. Н. Трубочёв возводит слова с *изор-* и *зор-* к праславянской основе *jъzogatī, указывая на соответствие в литовском išarti ‘вспахать, распахать’ и в латинском eхaго, eхарatum, eхарare ‘распахивать, выкорчёвывать’ [ЭССЯ 9: 56].

Всё сказанное убеждает в том, что слова, извлечённые из русских источников различных территорий XIV–XVIII вв. (**изорник**, **изорничь**, **изорати**, **изор**, **изорница**, **изорный**, **изорка** и однокоренные топонимы) и обнаруженные диалектологами в XIX–XX вв. (**изорь**, **изорье**, причастие **изоран**), родственны образованиям от общеславянского корня *ор-* глагола **орати** и по составу и по семантике.

В совокупности источники первичные и источники с заданными свойствами (картотеки, словари) на примере лексической группы с начальным *изор-* подтверждают общность лексико-семантических процессов, протекающих в славянских языках. Они по-разному освещают бытование группы слов с начальным *изор-*. Если обращение к неопубликованным рукописям деловых документов расширяет состав группы, добавляя новые контексты и новые слова, сформированные по известным в русском языке моделям, то словари, аккумулировавшие сведения различных языков об исследуемых образованиях, ставят группу с начальным *изор-* в единый ряд слов, содержащих славянские и индоевропейские корни. Отсутствие сомнений в достоверности источников, содержащих лексику с начальным *изор-*, позволило наборным способом опубликовать в книге «Памятники деловой письменности. Владимирский край» (1984 г.) многие рукописи с этими словами, и сформировать достоверный промежуточный источник, небезынтересный как для лексикологов, так и для историков.

5. Семантические и словообразовательные связи регионального слова

При определении семантики слов, встречающихся во вновь выявляемых рукописных источниках, возникают трудности, когда невозможно точно указать, что собой представляет предмет, названный тем или иным словом. Ушли в прошлое общественные отношения, связанные с определёнными производственными процессами, исчезли предметы, употреблявшиеся при этом. Речь идёт о словах, связанных с бортничеством и мелкими промыслами, распространёнными в XVII веке на Руси. Приблизиться к определению семантики этих слов иногда можно через исследование их словообразовательных и семантических связей, и то не всегда.

Во Владимирском государственном архиве хранятся две рукописные отписки, в которых встретились слова, имеющие территориально ограниченное бытование. 2 сентября 1630 г. в Суздальский Покровский монастырь из деревни Родники было “послано триста яиц да три трушкы гмелю” (так в ркп.). Пам.Влад., 222, а из села Хрепилёво “послали тысячу триста яиц да тринадцеть овчинь да | тринадцеть трушкков хмелю” [там же]. Из других вотчин хмель в монастырь посылали, измеряя четвертями и четвериками. Некоторое представление о величине трушки (трушка) можно получить из записи другим почерком на нижней стороне родниковской отписки: “не дошло против отписки полутретьих московских четвериков хмелю” (там же). Три трушки, видимо, были больше двух с половиной московских четвериков.

Начальная форма по родниковской отписке восстанавливается как *трушка* (*трушѣка*), по хрепилевской – *трушок* или *трушек* (*трушѣкъ, трушьѣкъ*). В диалектах отмечается безударное окончание *-ов* в родительном падеже множественного числа слов женского рода [см.: Виноградов 1975: 80], поэтому будем указывать форму *трушка*. Слово в подобных контекстах не зафиксировано в картотеках, в словарях исторических и современного русского языка. В Картотеке ДРС представлено нашими материалами. В таких случаях, как писал Б. А. Ларин, “чтобы построить историю этого слова, надо идти на этимологический поиск и прежде всего выяснить словопроизводственные связи” [Ларин 1977: 23].

Толкование слова дать невозможно, пока не найдётся текста, в котором будет точно указано на обозначаемый предмет. Чтобы приблизиться к определению его значения, проследим по соответствующим контекстам его словообразовательные и семантические связи.

Словообразовательные (словопроизводственные, по Б.А. Ларину) связи регионального *трушка* восходят к корням *труш-*, *трус-*, *трош-*, *трас-*, *трах-*. В материалах Картотеки ДРС, относящихся к первой половине XVII в., находим *трушение, трушничество, труска, труха* в документах о промыслах посадских людей, связанных с их торговлей овсом, хмелем, а чаще – сеном. Отметим *трушничество, трушник, трушничный* в Московской книге (здесь и далее в цитатном материале курсив наш – Л.А.): “С сенного извозу с *трушников* оброку 3 рубля и 17 ал. полпяты деньги. А по отписи... в Зарайском сенной извоз и *трушничество* отдано в откуп... посацким людем Левке Салтанову с товарищи, а откупу на них взято для разоренья и пустоты 2 р. И убыло тех *трушничных* денег против старого окладу рубль 17 ал. полпяты деньги. Да по отписи же... взято в Зарайском у сенных *трушников* у Юдки Григорьева с товарищи откупных денег за сенной извоз и за *трушничество* откупу... рубль 3 алтына”. [Кн.прих.-расх.Моск.: 59–60. 1614 г.]. Во владимирских местах также был распространён откуп на эти промыслы: “С сенные *трусхи* откупу 7 рублей”. [Там же: 10]. С них платили оброк: “С сенной *трусхи* на володимерских стрельцѣх... оброку на год 5 рублей” [Писц.д. I: 480. 1626 г.].

Экстралингвистические условия, т. е. состояние российской экономики в начале XVII в., повлияли на распространение слов с исследуемыми корнями. Они встречаются в царских грамотах: “И по государеву указу... в городѣх, которые ведомы в Новгородцкой чети, квасу, суслу, браги, ботвинья, сѣнново и хмельново *трушенья*, мыленново рѣзу, овсяново откупу и иных таких же мелких промыслов, которые учинились в откупу не в давних лѣтѣх, вперед в откуп отдавать не велѣтъ” [Кн.зап.Моск.ст.III: 187. 1639 г.]. Аналогично царское посла-

ние в Муром: “А откупу ему с тое сенные площадки велѣно заплатить рубль... а со 130-го по нынешней по 148 год то сенное *трушенье* было в откупе за розными откупщиками... И мы муромцов... пожаловали, велели теми промыслы: площадным письмом и сѣнным *трушьем* промышляти и торговати им муромцом... кто каким промыслом торговати похочет, без откупу и безоброчно... и откупщику Ивашку Трофимову в сѣнном *трушенье* велели отказать” [ААЭ III: 437. 1640 г.].

В середине XVII в. вопрос о мелких промыслах был решён, и они перестали быть статьёй дохода казны. Уставной грамотой 1654 г. царь Алексей Михайлович постановил не отдавать в откуп “в Москвѣ и повсюду в градѣх и в селах... от сего времени... солодородения, овсяной *трухи*, хмелевой *труски*, хлебного и соленого и важенного и бережного извозу, сенной *труски*, шелку, писчей площадки” [СГГД III: 518–519. 1654 г.]. Этот пример – один из поздних. Правда, неопределённо датируется переписная книга Ростова Великого, в которой находим: “оброку со скамей свѣчных и хлѣбных и с колачных и луковых и с чесноковых и с масленых и с сѣнных *трушников* и вандышников и со всяких торговых людей, которые торгуют всякими мелкими розными товары на площади перед рядами, 10 рублей” [Кн.пер.Рост.: 69. XVII в., по списку XVIII в.].

Если слова *труска*, *труха*, *трушничество*, *трушенье*, *трушничный*, *трушник*, а также наше *трушка* находим в текстах первой половины XVII в. во владимирских, рязанских, муромских местах, то *трушник* и притяжательное *трушников* встречаются в Новгородских писцовых книгах 1583–1584 гг.: “В полудворѣ в тяглом Климко *трушник* да Гаврилко рыбник, молотчие люди” [Новг.п.кн.I: 3]; “место пусто тяглое Иванка Юрьева *трушника*” [там же: 198]; “место пусто тяглое воротниково Федковского *трушниково*, и воротник Федко *трушник* померли” (вм. помер – Л.А.)... “место пусто тяглое Ивашковское *трушниково* да Офонкинское квасниково” [там же: 172]. Псковские памятники также фиксируют *трушник* в XVI в.: “клѣть Малофеика *трушника*” [Псков.п.кн.: 55. 1587 г.].

В нижегородских текстах первой половины XVII в. отмечаем *трушеник*: “двор посадцкого челоуѣка Фалки сенного *трушеника* з детми, в тягле, 3 денги, молотчей” [Кн.п.Нижегор.: 45. 1622 г.]. В деле о закладчиках Нижнего Новгорода говорится: “Ивашко Оксентьев колачник и лесник и *трушеник*, старинной посадцкой человек, стал в каменщики... женился у посадцкого человека Ивашка *трушеника* на дочери во двор” [А.закл.: 158. 1643 г.].

Таким образом, слова, однокоренные с *трушка*, распространённые в первой половине XVII в., представляли собой названия процессов *трушенье*, *трушничество*, *труска*, *трушение*, предметов про-

мысла (*овсяная, сенная*) *труха*, наименования лиц *трушеник, трушник* и признаков: относительное прилагательное *трушничный* и притяжательное *трушников*. Все эти названия связаны с промыслами, торговлей хмелем, сеном, овсом. В таком «соседстве» естественно появление и слова *трушка* как название ёмкости, а потом и меры для лёгкого сыпучего вещества – хмеля..

Какова же семантика этой группы в диахроническом аспекте? Здесь помощь могут дать вторичные источники – словари и картотеки. В картотеке «Словаря русских народных говоров» зафиксировано слово *трушничать* «*сбирать сено, оставшееся на месте зародов*». Арх. Пин. Кевр. Когда сено все уберут из загородов, останется там кака трушка – *трушничать* пошли. Матвеев А.К. 1961 г.». Ср. там же: “**Трушить** – *крошить, сорить*. Псков. Осташ. Твер.” Как видим, на севере *трушкой* называют остатки сена – мелкое, сыпучее вещество.

В словах с этим корнем намечается три основных семантических признака (семы), составляющих элементы его значения: 1. ‘сено’, 2. ‘остатки чего-л., что-то некачественное (что вследствие изменения своего состояния непригодно к употреблению для определённых целей в том качестве, в котором оно использовалось первоначально)’ и 3. ‘что-л. мелкое, сыпучее’. Те же признаки находим и в слове *труха*: “Измельчённое сено и семена сенные, остающиеся в яслях от ежи скота или в сенниках. *Сенная труха*, употребляемая на припарку опухолей” [Сл.Акад.Росс. 1806–1822 гг.]. В современном языке: **Труха** – ‘измельчившееся, перетёртое сено или солома’ (ССРЛЯ). Объединение словом *труха* понятий ‘сено’ и ‘солома’ стало возможным, вероятно, из-за их функциональной близости: используются для приготовления корма скоту. На юге, в донских говорах, такой корм называется *трушанкой*: “Замишайте трушанки скату” (СДГ). На севере, в холмогорских и шенкурских местах, подобное значение имеют слова *трясенка* и *трясеница*: ‘изрубленная и смешанная с сеном солома для зимнего корма скота’ (Подвысоцкий). Ср.: *трясенка* ‘сено смешанное с соломой’ дер. Селино Моск. обл. [Филин 1936: 80]. Как видим, указанные выше три семы выявляются и в образованиях с корнями *труш-*, *трус-* и *тряс-*.

Остановимся на образованиях с *трус-*. В XVII в. *труска* (сенная, хмелевая) – названия промыслов, в XIX в. – действие по глаг. *трусить* (Даль). “**Трусить**, натрусить, трушу, натрусил. Неплотно класть или сыпать что тоненьким слоем, натрусил сена. *Трусит* порох на полку” [Сл.Акад.Росс. 1806–1822 гг.]. “**Трусить** что, трушивать, трясти сыпучее, посыпать чем, точить, сыпать, за(на, по)сыпать; потряхивая сыпать. *Трусить* сено, солону на гряды, от мороза” (Даль). Признак ‘сено’ – главный у неизменного при глаголе *трусить* объек-

та: словари дают примеры *трусить сено* (для просушки). Та же сема проявляется в названии лица: “**Трусник** – маклак, кулак, барышник, перекупщик сена, перегряживающий возы для обману” (Даль).

Сема ‘мелкое, сыпучее’ – тоже признак объекта, возможного при глаголе **трусить**. Ср. на севере: “**Трусить** – сыпать, посыпать, просыпать” (Куликовский). Как семантический признак она проявляется и в диалектном “**труска** ‘соль’. Торопец. Великол.” (Добровольский). Употреблённое в знач. ‘стряхивать, рассыпать, ронять’ **трусить** известно по «Слову о полку Игореве»: “Коли Игорь соколом полете, тогда Влурь вълкомь потече, *труся* собою студеную росу”. Употребил его и Даниил Заточник в XIII в. в своём Молении: “Княже мои, господине! Яко же море не наполнится многи реки приемля, тако и дом твои не наполнится множеством богатства приемля, зане руцѣ твои яко облакъ силенъ, взимая от моря воды – от богатства дому твоего, *труся* в руцѣ неимущих” [Сл.Дан.Зат.: 64, сп. XVII в.]. Таким образом, **трусить** можно то, что достаточно мелко, чтобы сыпаться.

В образованиях с *трус-* семантическое развитие шло (при сохранении элемента ‘сыпать, сыпучее’) по линии уточнения и расчленения семантического признака ‘трясти, встряхивать’, ‘то, что колеблется, тряётся, дрожит’. Ограничимся списком слов с корнем *трус-*: **трусъ** – отрясение, землетрясение; буря; смятение; шум, гром; перен. – трепет (Срз.); **трускъ** – треск вм. *трусъ?* – землетрясение (там же); **труситься** 1.страд. к *трусить* и 2.трястись, сыпаться (Ушаков); **труска** действ. по глаг. *трусить*; **трусик** (обл.) ‘кролик’ (Даль). Есть и омонимы: **трусить** ‘бежать, ехать мелкой рысцой’, **трусца** ‘ленивый неторопливый бег’, и с ударением на у: **трусить** ‘испытывать страх, обнаруживать трусость, робость, бояться, пугаться кого-, чего-н.’; **трус** ‘робкий трусливый человек’ и (церк.-книжн., устар.) – землетрясение. (Ушаков). В говорах: **трусью** ‘со страху’. Псков, Твер. *Остаи*. (Доп.).

Образование омонимов как следствие углубления и развития полисемии идёт не только по линии конкретизации семы ‘трясти(сь)’, но и по линии расширения семантических элементов, отмеченных в *трус* как переносные ‘трепет, смятение’, характеризующих состояние человека, что к тому же сопровождается переносом ударения в глаголе.

Сема ‘ёмкость, мера сыпучего’ обнаруживается в приставочном образовании. “**Натруска** *ниж.* Набирка, кузовок, вят. Ковш на мельнице, над жерновами; рожок, небольшая порошничка для насыпки пороху на полку; мера, сколько можно вытрясти в два, три удара. Дай *натрусочку* табачку щепоть, понюшку, напойку; мера хлеба *в натруску* – дозволенье тряхнуть меру, ударить по ней кулаком” (Даль). Способ наполнения ёмкости **в трусок** был известен в начале XVII в.: “Велено отдавать ...муки ржаные в два верха, а крупы и толокно вровно, и

они воровали, давали... наше хлебное жалование муку и крупу не против нашего указа, *в трусок*, без верхов”, – читаем в грамоте 1601 г. Бориса Годунова в Туру о выдаче жалования служилым людям. [Гр.Сиб.Милл. II: 170]. Сформированная по этой же модели, с близкой семантикой, в XVII в. бытовала и такая мера, как *насыпка*, в устюжских местах, в посевных, ужиных и умолотных книгах Троицко-Гледенского монастыря: “Посѣял ячмени Е (мер) с насыпкою”. [РГА-ДА, ф. 1187, оп. 1, № 1216, л. 2. 1674 г.], “ячмени пол (меры) две насыпки”. [там же, № 1326, л. 13. 1679 г.].

В образованиях с корнем *тряс-* сема ‘сено’ (см. приведённые выше *трясенка, трясеница*), по-видимому, не получила дальнейшего развития: в ССЛРЯ в статье “**Трясти**” значение ‘ворошить, растрясать (сено) для просушивания’ приводится под номером 6. Зато разнообразны слова с разветвлённым и как бы «обогащённым» семантическим признаком ‘трястись, дрожать, колебаться’, ‘то, что колеблется, дрожит’: *трясение, тряска, трясновение, тряскость* – ‘действие и состояние по глаг. *трясти(сь)*’; *трясавица (трясовица), трясеница, трясуница, трясуня, трясуха, трясушка, тряса, трясь* – ‘лихорадка’; *трясина* – ‘зыбкое, болотистое место’, в донских говорах – ‘осина’; *трясилка, трясылыцик, трясылный* – термины обработки льна; *трясун* – ‘устройство из встряхивающихся желобов для транспортировки сыпучих тел’. С семой ‘ёмкость’ отметим слово *трясогузка* – ‘тачка’ (ССРЛЯ), а в Сибири – ‘двухколёсная одноколка, употребляемая... для возки навоза’ (Бурнашев).

В словах с *трох-, трош-* получил развитие признак ‘мелкий, маленький; мало’: *трѣхѣть, трохоть, трѣхѣть, трѣхоть* – кроха; мелкая монета (Срз.). *Трошник* – мелкая монета, копейка серебром. Урал. (Доп.). *Трохи, трошки* – немного *зап., южн.* (Даль). *Трохи, трошку* – то же; *смол., укр. троха, трохи* – то же; *блр. трохі, троху; сербск., ц.-слав. троха; др.-русск. трошьнь* – ‘мелкий’, *по трошьну* – ‘подробно’ (Срз.); *болг. троха* – крошки хлеба, мелочь; *сербохорв. троха, словен. troha* – обломок, кусочек; то же – *чеш. trocha, словц. troche, польск. troche, в.-луж. trocha, н.-луж. tsocha* (Фасмер).

Уже в XVII в. названия промыслов *труска* и *труха* требовали уточнения прилагательными: “Мелких промыслов... овсяной трухи, хмелевой труски... на откуп не давать” [А.Пыскор.м., № 388, л. 158. 1654 г.]. Ср.: “Надобно яровое поле избирать, а по собрании хлеба оное вспахавши сѣнною трухою посеять” [Флор.ек.: 183. 1738 г.]; “Уж где мне быка привязать?.. – Привяжи к частоколинке И дай ему соломинки, Трухни трухи сенной” (ВНП VII: 99. 1902 г.). Не говорит ли такое уточнение об утрате (пусть – не полной) словами *труска, труха* дифференциального семантического признака ‘сено’, хотя пример из

народной песни недостаточно информативен. В словаре Д. Н. Ушакова в слове *труха* на первое место выносятся толкование ‘рассыпчатая или рассыпавшаяся сухая масса’, на второе – ‘измельчившееся сено, оставшееся в яслях’, на третье – *перен.* ‘о чём-то мелком, дрянном, негодном к употреблению’. Ср.: *Труивить*. Крошить. Псков. Твер. *Осташ.* (Доп.).

Из ранних источников известны *трухавый* и *трухлый* со значениями ‘подгнивший, ветхий, испорченный’, а также ‘мрачный, печальный’ (Срз.) в текстах, не имеющих отношения к сену. “Царь турецкий... повелѣ приступати... идѣже стѣна трухава. И бив пушками взя Царьград”. Львов.лет.І: 262, под 1453 г.; “Разобраша старую церковь на Троецком дворѣ бѣ бо трухла вельми и заложи новую на том же мѣстѣ”. Воскр.лет.VIII: 205, под 1480 г. Ср. *Трухавый*. 1. Гнилой, дыривый, дряблый. 2. *Перен.* Хилый, хворый. Новгород. *Тихв.* (Опыт). Состояние, настроение, описываемое словом *трухлый*, наблюдается у одного из персонажей И. Флавия: “И абие трухль быс(ть) Антипатръ, и явлено быс(ть) всем яко опечалися зѣло” [Флавий, І: 96. XI в., по сп. XVI в.]. Наречие *трухло* ‘мрачно, печально’ находим в чтении о святой Фекле: “Рече же Александръ ко князю: Быка имамъ зѣло люта, да ю да привяжемъ. Князь же трухло рече к нему: Твори яже хочещи”. [ВМЧ, Сент. 14–24: 1384. XVI в.].

В современном чешском языке имеется целое гнездо слов с подобной семантикой, образованное от основы *truchl-*: *truchlití* ‘грустить, скорбеть, горевать’, *truchlivost* ‘печаль, грусть, скорбь’, прилагательное *truchlivý*, наречие *truchlive*, сложное *truchlohra* ‘трагедия’. В украинском языке синонимы *трухлявий*, *трухлий* ‘гнилой’ в образном употреблении означает ‘дряхлый, старый’, устаревшее – ‘утлый’, а также с пометой *неточно* – ‘прогнивший (о досках, дереве)’.

Труха, трухлявый, трухлявость, трухлявиться, трухляветь, трухавиться в современном русском языке обнаруживают общие семы, относящиеся к ‘остаткам чего-либо, к чему-нибудь некачественному’ и непременно ‘мелкому, сыпучему’. Ср.: “Карнизы [Болдинской церкви] сыпались, разрушенные корнями трав, шатёр пронзали забытые кирпичной *трухой* трещины”. (В. Чивилихин. Память). Определение *кирпичная* при слове *труха* характеризует тот материал, который подвергся разрушению, распадению на мелкие частицы. Конкретное содержание, связывавшееся когда-то с сеном, утрачивается у слова *труха*.

Из множества производных с указанными выше корнями семы ‘ёмкость, вместилище’ или ‘мера сыпучего, мелкого’ имеют слова в русском языке *трушка* (влад. XVII в.), *натруска* нижегор. (ср. *насыпка* устюж.) и отмеченное В. Бурнашевым как название малороссийское *трыня* ‘ящик, короб’; *трясогузка* ‘тачка’ (ССРЛЯ). Из славянских языков этот семантический элемент получил распространение в чеш-

ском языке в однокоренных образованиях: *truchla* 1. Сундук, ларь. 2. Гроб; *truchlice* ‘сундук, сундучок, ларец’; *truchlicka* ‘сундучок, ларчик’; *truchlik* ‘ящик’; *truchlicek* ‘ящичек’. Ср. польск. *trugla*, *truchla*; в.-луж. *truchla*; словц. *truga*, *trugla* с теми же значениями.

В. Махек и А. Брюкнер считают, что в славянские, в частности, в польский, чешский и словацкий языки эти слова заимствованы из немецкого (точнее – из баварского) *Truche*, где оно имеет значения: 1. сундук, ларь; 2. юж.-нем. гроб; 3. швейц. тачка (Брюкнер, Махек).

Фонетически восхождение русского *трых-* и немецкого *Truche* к одному и тому же индоевропейскому корню невозможно. Однако семантика созвучных слов близка в славянских и германских языках.

Итак, лингвистические свидетельства первичных, вторичных и промежуточных источников позволили включить слово *трушка* в ряд однокоренных образований, убедиться в правомерности его существования в системе русского языка. Чтобы как-то приблизиться к определению его значения, обратимся к нелингвистическому описанию. В «Беседах петербургского жителя в Удельном земледельческом училище о сельском хозяйстве» В. Бурнашева находим совет: “Сухой хмель дней на 5 или 6 оставить в сарае до набивки, чтобы несколько отволг. После этого набивать его в лари для собственного употребления или в мешки для продажи. Набивать как можно крепче, в противном случае хмель очень скоро портится” (с. 215). Вероятно, *трушкой* была та ёмкость для собранного хмеля, лёгкого, рассыпающегося, в которой отправляли его из вотчин в монастырь, о чём и сообщалось в двух отписках из селений Суздальского Покровского монастыря. Таким образом, словообразовательное гнездо с корнями *труш-*, *трых-*, *трус-*, *трош-*, *трях-*, *тряс-*, в которое входит и региональное слово *трушка* XVII в., имеет разветвлённую семантику, отражённую в лексических и хронологических аспектах в разных регионах бытования русского языка, о чем говорят исследованные источники, которые, однако, не дают возможности точно указать, какая именно ёмкость названа *трушкой* во владимирских хозяйственных отписках.

6. Неопределенность семантики слова в известных источниках

Историческая лексикография опирается на лексикологические исследования. Но, как известно, многие слова, содержащиеся в первичных источниках, не стали (и возможно, никогда не станут) предметом изучения лексикологов, а в словари попадают с приблизительной дефиницией.

Слово *кобица* толкуется в «СлРЯ XI–XVII вв.» как ‘название бортного знамени’ и иллюстрируется примером из Рыльской отказной книги 1634 г.: “На Литвиновской дуброве знамя мотурса задняя кобица... По Волокитинской земли знамя тебенек задняя кобица”. Отказн. кн. южновеликорус.: 278, 279 (Вып. 7: 209). Заметим: второй пример заканчивается в Рыльской книге несколько иначе, чем это дано в Словаре: “знамя тебенек задняя кобица с правог<о> боку” [там же: 279]. Примеры Словаря мало информативны. Однако уточнение в источнике «с правого боку» относительно слова *кобица* и отсутствие этого уточнения в Словаре настораживает.

В 1980 г. вышел 7-й выпуск с этим словом, а несколько позднее в число источников Словаря была включена и выборочно расписана для Картотеки ДРС рукописная Писцовая книга Путивльского уезда 1628–1629 гг. (далее – Кн.п. Путивл.). Сохранились ещё три путивльские книги [РГАДА, № 10553, 10554 и 10555], которые, наряду с первой, изучала Н. С. Коткова, но в своей статье, посвящённой названиям бортных знамён и оснащённой их схематическими изображениями, *кобицу* в числе бортных знамён она не указала [см.: Коткова 1963: 120–133], хотя несомненно это слово принадлежало к терминологии пчеловодства, точнее – бортничества.

Обращение к рукописи Кн.п. Путивл. 1628–1629 гг. показало, что она содержит более разнообразные контексты со словом *кобица*, которые заставляют усомниться в точности толкования этого слова в «Словаре русского языка XI–XVII вв.».

Помимо *задней* кобицы отмечена *передняя* и *боковая*: “Да знамя три рубежа с протесом... две кобицы передняя да боковая, а левая две трети того уходя за Олешкою Селиным” (л. 205. – Рисунки бортных знамён опускаются, знаки препинания расставлены нами – Л.А.); “Да знамя мотовило ж другое... кобица боковая” (л. 81 об.).

Иногда в книге точно указывается, в каком положении относительно борти находилась *кобица*: “Знамя в том уходяю три рубежи с протески... кобица против борти левая, а то знамя у него у Олешки вопче с Васильем с Чорным да з Богданом с Халтуриным” (л. 143 об.), “Знамя в том уходяю мотовило... да знамя три рубежи с протесом да по концом тески... кобица задняя, да против борти другая кобица с правой стороны” (л. 144 об.).

Как в рыльской, так и в путивльских книгах, составленных одновременно, в 1628–1629 гг., речь идёт о бортничестве, о добыче мёда в бортях, о содержании “пчёл в лесах в специально устроенных жилищах – бортях (естественных или сделанных в живом или срубленном дереве дуплах); обрубки с дуплами помещали на деревьях. В безлес-

ных районах для содержания пчелиных семей использовали... корзины, обмазанные глиной” [СЭ, т. 5: 169].

Исходя из описания кобиц в Путивльской книге, допускаем несколько предположений относительно семантики слова.

Предположение первое. Это какое-то дополнительное жилище для пчёл, помещаемое рядом с основной бортью (деревом, помеченным бортным знаменем), чтобы при роении вылетевший рой обрёл своё пристанище поблизости от прежнего, не улетел бы далеко, не потерялся для владельца (см. выше об обрубках деревьев с дуплами).

Ранняя литература по пчеловодству относится к XVIII в. Так, Календарь 1793 г. призывает любителей-пчеловодов “стараться об ульях и коробах... Не полезно сажать рои в новые и за несколько часов перед сим выдолбленные колоды” [Терновский: 45]. Хорошие хозяева, указывается далее, “заблаговременно запасают больше жилищ для будущих роёв” [там же: 46].

Следующие примеры из Путивльской книги как бы подтверждают это предположение о значении слова **кобица**: “Знамя ребра, сверху тен, снизу тен же... кобица задняя на корени дуба”. Кн.п.Путивл.: 77 об., “Знамя три палицы с протесом... ходят по кобицам, Степашки Валкова передняя кобица к земли тес, а Куземкина да Ивашкина Чайкова кобица передняя ж, сверху кобицы тес, а другая половина того ухожья за путивльцом... Офонасием”. [там же: 147].

“Кобица с рожками” – так могла выглядеть стоячая колода с ручками по бокам для удобства переноски: “Знамя в том ухожью красное мотовило с приметком... кобица передняя с рожки, а другая половина того ухожья за Романом” [там же: 153 об.].

В статье «Следы язычества в славянской лексике» О. Н. Трубачев упоминает, что И. В. Ягич сближал слово **koby* с лит. *kabėti* ‘висеть’. Указывая на свидетельства этнографов о сохранении до недавнего времени священных роц у некоторых народов, он пишет: “Обычай вешать на священное дерево предметы с целью предотвратить несчастье, вызвать выздоровление, обеспечить счастье в будущем, а также чтобы узнать волю божества, отмечен также в разных частях славянской территории <...> Что касается прочих индоевропейских соответствий, то слав. *koby* вместе с лит. *kabėti* ‘висеть’ и с другими родственными балтославянскими формами имеют ближайшие соответствия, по-видимому, в нем. *heben* ‘поднимать’ *heften* ‘прикреплять’ (герм. **hafja-*) с общей исходной формой **kar-* / **kabh-* – хватать” [Трубачёв 2004: 706]. В корне **kob* присутствует сема ‘висеть, подвешивать’, так что словом **кобица** могли назвать дополнительный улей, прикрепляемый к бортному дереву или вблизи от него.

Второе предположение о значении слова основано на этимологических исследованиях. Ж. Ж. Варбот сближает слово *кобица* с *(s)koba- из индоевропейского (s)kemb- ‘сгибать, искривлять’ с семантикой ‘нечто согнутое, крюк, крюкообразное соединение’ и отмечает, что «на базе семантики ‘сгибать’ в индоевропейских языках в различных этимологических гнездах развиваются соотносительные значения ‘выпуклость, кочка, гора’ и ‘выемка, углубление» [Варбот 1981: 34, 36]. В связи с этим предмет, именуемый *кобицей*, можно сблизить с тем, что в словаре В. Бурнашева названо словом *подкоп* применительно к пасечному пчеловодству: “В Западной России называется яма, вырытая под бортнем, чтоб дать пчёлам побольше помещения” [Бурнашев, т. 2: 87]. Подробнее такое углубление под ульем было описано в 1795 г. В. А. Левшиным: “Иные... выкапывают под ульем (разумеется, бездонным) в земле большую яму, окружением соразмерную дну улья. Пчёлы заносят [заполняют мёдом – Л.А.] улей и яму полны. В исходе сентября вынимают весь мёд, сколько оно вошло в яму, а улей полн мёду переставляют на место к зимованию” [Левшин, т. 10: 218].

В связи с исследованием Ж. Ж. Варбот и с описанной выше технологией расширения пространства улья для изъятия мёда без уничтожения пчёл можно допустить, что *кобица* – это ‘углубление в земле под ульем’. Но такому толкованию противоречит следующий пример из Кн.п.Путивл.: “Иванова кобица на корени дуба против борти, а другая кобица сь ялового бока на том же дубе; а Яковлева да Карпова кобица на корени ж дуба против борти ж, а другая кобица на том же корени дуба (л. 163). Как видим, разным бортникам принадлежало по две кобицы на одном и том же “корени дуба”. Следовательно, второе предполагаемое толкование слова *кобица* ‘подкоп, яма’ невозможно.

О бортничестве в «Русской Правде» говорится в статье 71: “Аже разнаменае борть, то 12 гривен”. В комментариях сообщается: “Тетц <...> заметил, что слово *борть* означает как единичное бортное дерево, т. е. дерево с ульем в нём, так и часть леса с такими деревьями, составляющими лесные пчеловодческие участки”. [Правда Рус., т. II: 544]. Каждое дерево с пчёлами было помечено особым знаком владельца – бортным знаменем.

О распространённости взимания дани мёдом среди славян, и в частности на Руси, известно давно. Л. Нидерле писал, что начиная с XI в. в славянских источниках “упоминаются рядом с поселениями специальные, коллективные, огороженные плетнями пасеки (*horti arum, mellificia*), а вскоре появляются и специальные пасечники, обученные пчеловодству (*бортникъ*)” [Нидерле 1956: 321]. Однако специалисты утверждают, что пасечное пчеловодство появилось позднее, чем бортничество. В русских источниках этот факт отмечен именно в

путивльских местах в документе 1653 г., выписка из которого имеется в Картотеке ДРС: “Путивльские бортники платять в твою гос<удареву> казну медвеного оброку по 900 пудь, а имь, худому бортнику, сойдется себе пудовъ по 100 и болши потому, гос<ударь>, что сверхъ верхового меду завели себе въ бортныхъ ухожьяхъ пчелиные пасеки ульевъ по 500 и болши, да имь же, гос<ударь>, путивльцамъ сходится ис техъ вотчинъ на всякого человека по 100 р<ублей> денегъ и болши” [Баг.Мат.: 19. 1653 г.].

На существование в XVII в. пасек (пчельников) в путивльских дубравах указывает С. И. Котков, приводя свидетельство из более поздней путивльской же книги 1678 г., хранящейся в Курском областном архиве: “В бортном ухож(ь)и пасечное место... подле того пасечного места сенные покосы... я же Тимофеи отдал на том пасечном месте в пустынной Печерской Молчанской мнѣстръ им, Софронию с брат(ь)ею, пасечной своєї пчелы триццать три улья”. [Котков 1969а: 139–140]. О «пчельной десятина», которая существовала ещё и в XIX в., писал Н. Витвицкий. Со своего участка бортник должен был “отдавать владельцу земли или леса десятый лучший пень, т. е. улей, а из бортей и ульев лесных половину собранного за лето мѣда”. [Витвицкий 1835–1845, ч. 2: 120–121].

В Руководстве к содержанию пчёл 1788 г. есть совет: на пчельнике прибавить “во всю длину онаго выше полки [на которой стоят ульи – Л.А.] вершков пять, четырёхвершковые шириною, тоненькие тесницы, наподобие отливу, для защищения пчёл во время косых дождей” [Руководство 1788: 65], а соломенный улей “покрыть сверху снопом соломы” [там же]. Здесь возникает третье предположение: **кобица** в книгах 1628–1629 гг. – это прообраз позднейших небольших индивидуальных пасек, когда на них было ещё не по 500 ульев, а меньше, но уже наличие таких устройств отмечалось в писцовых книгах.

Кобица в путивльских местах была своего рода владельческой единицей, т. к. нередко встречаются выражения **ходить по кобицам, владеть по кобицам**: “За жилым казаком за Фомкою... бортнои ухожай в Биркинской волости... а знамя в том ухожью косои крест... а другая половина того ухожья в поместье за Иваном Череповым, а ходят по кобицам, его Фомкина кобица передняя” [Кн.п.Путивл. 194 об.–195]; “Ходят по третям с Ываном Череповым по кобицам, ему Радке кобица боковая” [там же. 210]; “А ходят по кобицам, у Васки да у вдовы Оксиницы в трети ухожья бортного кобица передняя, а другая треть того ухожья бортного у них у Васки да у вдовы Оксиницы вопче, дол<я> её с Серешкою по третям, кобица боковая, а треть того всего ухожья бортного за Богдашком Кулевым” [там же: 87 об.]; “А другая половина того ухожья за вдовою Дарьею Савельевою женою Козмина,

владеют по кобицам, Елистраткова кобица передняя” [там же: 186]; “Знамя тренога... поперег дуба, владеют по кобицам, Саввина задняя кобица, а Володкина передняя кобица” [там же: 40 об.–41].

Небольшие пасеки могли быть расположены в разных местах бортного участка. Эту систему пчеловодства описал в XVIII в. В. А. Левшин: “Нередко строят нарочно для пчёл длинные полуоткрытые сарайцы с помостами в два и три яруса, что всего лучше, ибо в небольшом пространстве в саду или иной части, можно поместить много ульев. Если ульев мало, довольно для них навеса, толсто покрытого соломою... В намерении развести много пчёл должно делать помосты или лавки из камня или дерева с широким уступом одну над другою<...> Лавки эти должны быть каждая на своём особливом подмостке, не опираясь на нижние лавки, учреждены уступом или подобием амфитеатра, чтоб каждый из поставленных на них ульев не был застеньем от солнца”. [Левшин 1795, т. 10: 166]. И далее: “Лавки, на которых стоят ульи, должны быть на своих подставках возвышены от земли не меньше полуаршина, чтоб жабы, мыши и муравьи всползати не могли” [там же: 171–172]. Такого рода пасеки, видимо, могли существовать и в XVII веке.

Реконструируя семантику слова *кобица*, привлекаем и вторичные источники (картотеки и словари). Слово *кобица* применительно к пчеловодству не зафиксировано в региональных словарях. Однако в «Словаре донских говоров», охватывающем территорию Ростовской области, читаем: “**Кобица** (произносится – кабица). 1. Печка во дворе, служащая летней кухней, *На-кабицы иду гатовить...* 2. Углубление в земле, используемое в качестве летней печи, *Ямку роют для ние в земле, а крышы нет – эта кабица. На ней гатовють...* 3. Логово. *Защ сидит у-кабицы, в-гнезде – ямка такая.* [СДГ, т. 2: 64].

«Словарь русских народных говоров» даёт несколько шире семантику этой лексемы: **Кабица** и **кабыца**. 1. Печь. 2. Летняя кухня под открытым небом, земляная печь на дворе. 3. Будка для собаки. 4. Логово зайца. 5. Балка, овраг [СРНГ 12: 285]. Здесь же находим: “**Кобицы**, *мн.* Выбоины от лошадиных копыт. Ахтуб. Астрах. 1908 г. [СРНГ 14: 15]. В «Словаре народного языка южан» Ф. Пискунова отмечено: “**Кабиця**. 1. Подвижный очаг. 2. Малороссийское снадобье для варенья кореньев” [Пискунов: 98].

А. Никовский отметил сходные значения и в украинском языке: “**Кабиця**. 1. Очаг в земле. 2. Яма гончарной печи. 3. Небольшая дворовая печь” [Никовский: 339]. Изданный в Киеве в 1966 г. словарь П. Билецкого-Носенко зафиксировал это слово в одном значении: “**Кабиця**. Очажок в кошу или в калмыцкой кибитке, в шалаше” [Билецкий: 175]. В словаре Б. Д. Гринченко находим: “**Кабиця**. 1. Очаг в

земле (в сенях или на дворе) для приготовления пищи. 2. Круглая или четырёхугольная яма, в которой помещается гончарная печь” [Гринченко, т. II: 203].

В украинских диалектах встречаются и другие значения: **кобиця** ‘ножка старинной кровати’ (Материали до словника буковинських говірок, 6: 62); **кобиця** ‘ножка лавки’, ‘углубление под припечком’ [Г. Ф. Шило. Південно-західні говори на північ від Дністра, 246 – цит по ЭССЯ 10: 91]. В качестве украинизма в польских говорах зафиксировано (по словарю А. Кремера 1870 г.) слово **ковбиця** (**kowbica**) ‘ножки для скамеек, вкопанные в землю’ [Чубинский: 263].

Итак, известные на сегодня первичные (рукописи), промежуточные (публикации) и вторичные (картотеки и словари) источники не дают возможности точно определить для XVII в. значение слова **кобица**. Нет описания того предмета, с которым можно это слово соотнести, точно указав: это – кобица. Но постараться приблизиться к определению значения этого слова всё же можно. Слово **кобица** (**кабица**) в своей эволюции имело, как видно, несколько ведущих сем. Во-первых, это сема, связанная с кривизной, «естественное углубление в земле», что отразилось в таких значениях, как ‘выбоины в земле от лошадиных копыт’, ‘логово’, а также ‘балка, овраг’. Во-вторых, – сема, связанная с огнём в земляной яме, что отражено в значениях ‘очаг’, ‘земляная печь во дворе’, ‘углубление, в котором помещается гончарная печь’, ‘очаг в кибитке или в шалаше’ и потом – ‘печка во дворе, служащем летней кухней’ и ‘летняя кухня под открытым небом’.

Прослеживается несомненная связь и с первой и со второй семой в отмеченном в 1965 г. в Новосибирской области слове **кабичка** ‘небольшая изба’ [СРНГ 12: 285]; см. выше: ‘шалаш, конура для собаки’. Здесь реализуется новая сема «устройство для жилья, жилище, пристанище», которое в сибирских условиях включало, вероятнее всего, и печь. Необходимо подчеркнуть, что имеется в виду сооружение, созданное человеком.

Отметим ещё одну сему, проявляющуюся в следующих значениях: ‘подставка’, ‘ножки скамейки, вкопанные в землю’, ‘ножка старинной кровати’. Возможно, в более ранние периоды функционирования русского и украинского (а может быть, и восточнославянского) языков реализовалась сема «подставка» без указания на находящийся на ней предмет. На подставке мог быть улей-колода; небольшая индивидуальная пасека также располагалась на подставках (см. выше).

В многовековой терминологии пчеловодства сформировались понятия, имеющие указанные выше семантические признаки. Они тесно связаны и с изменениями в технологии самого «медового» промысла. Так, П. И. Прокопович, изобретатель рамочного улья, писал: “Много ли

родов улья выдуманно для содержания пчёл?.. 1) стояки с бортиями, борти, лежаки и ульи с колознями <...> 2) ульи круглые, лёгкие (дуплянки), выдолбленные из деревьев, выплетенные из прутьев, камыша, соломы; 3) складные четырехугольные ящики из досок <...> 4) втулочные ульи” [Прокопович 1960: 103]. Ср.: **Стоян**. “Бортневый улей, в столбе выдолбленный” [Бурнашев, т. 2: 296] и замечание Н. Витвицкого: “Колодный стоячий улей был главнейшим предметом усовершенствования” [Витвицкий, ч. 2: 153]. Напомним также его слова о том, что боровки (лесные пчелы) были гораздо выносливее, чем домашние, и долгое время пчеловоды “ходили” за пчелами, помещавшимися “в ульях на одрах по многим лесам” [там же, ч. 1: 110]. Можно добавить сведения, приведённые В. Бурнашевым в толковании термина **ступень**: “Это тот уступ, который делается в пне дерева, на котором устроить намерены бортъ” [Бурнашев, т. 2: 302 (252)] и **ступка** “выдолбленная кадочка, употребляется на Украине вместо улья” [там же].

Таким образом, кажется наиболее убедительным предположение о том, что словом **кобица** в XVII в. в путивльских и рьльских местах обозначали созданный руками человека улей, помещаемый рядом с бортевым деревом. Приведём ещё некоторые важные сведения о бортевом пчеловодстве из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: “Первыми ульями были дуплянки или бездонки, и пенки или колодки, распространённые и теперь у крестьян. Представляют они собой отрезки стволов, кругло выдолбленных внутри. Удалять соты из такого улья возможно лишь убивая пчёл” [вып. 50: 866]. Допускаем, что такой способ могли применять путивльские бортники в XVII в. Технологию этого процесса описал В. А. Левшин: “Убивают пчёл пусканием серного чаду или утоплением, опуская улей в воду. Однако употребление курения серою удобнее. К сему должно обмочить лоскуток холстины в растопленной горючей сере, оной положить на жар, высыпанный в горшок, и поставить в выкопанную в земле ямку, наставить на оную улей и к нижним краям привалить землёю. Серный чад умерщвляет пчёл в одну минуту <...> Этот способ не худ к истреблению пчёл худой породы” [Левшин 1795, т. 10: 7]. Заметим, что в 1788 г. был описан и иной способ добывания мёда, при котором пчеловод, перегоняя пчёл в подставленный свободный улей, “спасает жизнь пчёл, не имея надобности окуривать оных серой во время подрезывания ульев” [Руководство 1788: 27].

Как видим, при таком способе добывания мёда необходимо было иметь вблизи бортей, ульев огонь, т. е. очаг или печь, во избежание пожара (скорее всего) устроенные в земле. Следовательно (в четвертых!), слово **кобица** могло иметь отношение и к этому явлению бортничества XVII в. Это тем более вероятно, что известны факты вроде описанных в посланном к воеводе донесении 1658 г. о поведении жителей г. Волуй-

ки: “Волуйчане всяких чинов люди твоего указу не слушают, живут на пасеках и пчельниках своих с жёнами и с детьми, и с животиною, а в город не едут” [АМГ I: 633]. А там, где есть семья и хозяйство, естественно ожидать наличия жилища и печи. Отметим, кстати, бытование слова *кобица* в современном украинском языке: “Открытая летняя кухня (печь) во дворе или в саду (варила обед в глиняной кабицы на подворье). || Яма, где помещают котёл, под которым раскладывают огонь для варки, топления чего-л.” [Сл. укр. мови, т. 4: 64].

Итак, все семы, присущие слову *кобица* в современных русском и украинском языках и диалектах могли быть свойственны этому слову и в XVII в., однако на сегодня точный смысл его остаётся неясным.

* * *

Отметим, что при подготовке историко-лингвистического исследования важен оптимальный подбор источников. Для приведения в известность многообразных материалов наших архивохранилищ оптимальным было бы развертывание источниковедческой работы для характеристики ещё не исследованных рукописных памятников, например, по сериям – жанровым, временным, территориальным и др.

Определяя круг источников, первостепенную роль отводим анализу их лингвистической (в частности, лексической) содержательности. Для определения степени их достоверности выявляем лингвистическую информационность источников, что позволяет прийти к достоверным выводам относительно семантики слов, их словообразовательных и смысловых связей. В данной главе использованы источники, проверенные на филологическую достоверность: рукописи, издания, сведения, почерпнутые из картотек, словарей.

Исследована история отдельного лексического процесса, отражённого на протяжении трёх лет в одной хозяйственной книге. Этот источник введён в научный оборот путём издания.

Выявление новых источников, содержащих слова с одной корневой группой, позволяет более точно определить семантику древних слов. Однако в ряде случаев точное толкование слов, которые вышли из употребления, оказывается затруднительным или почти невозможным, несмотря на обилие контекстов. Тогда исследователь стремится определить семантические и словообразовательные связи изучаемого слова, помогающие «встроить» его в русскую лексическую систему, доказать, что здесь реальное слово, а не псевдогапакс. Порой проходит много времени, прежде чем выявляются новые источники, необходимые для бесспорных выводов, касающихся семантики тех или иных слов. Чаще всего это происходит теперь случайно.

*Слово есть главное и самое естественное
орудие предания. К нему как к средоточию
сходятся все тончайшие нити родной старины,
всё великое и святое, всё, чем крепится
нравственная жизнь народа.
Ф. И. Буслаев. 1861 г.*

ГЛАВА III. КАРТОТЕКИ КАК ВТОРИЧНЫЕ ИТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ

1. Из истории создания Картотеки ДРС

Картотеки, по классификации С. И. Коткова, это источники с заданными свойствами, сформированные учёными с определёнными научными целями, а по происхождению – вторичные. Состояние любой большой картотеки, развитие и пополнение её фонда связано с задачами, которые ставят учёные при её создании. Пять больших картотек русского языка невозможно охарактеризовать в одной работе. Остановившись на описании исторической Картотеки ДРС, хранящейся в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (далее – КДРС). На примере девятидесятилетней истории этой картотеки представляется возможным проследить судьбу её фонда, роль его в разнообразных исследованиях, касающихся истории русского языка и разнообразных явлений истории и культуры России. С 1975 г. её посетили учёные и преподаватели вузов из 98 городов нашей страны и 17 зарубежных стран; более 600 тем по различным отраслям знаний разрабатывались с привлечением её данных.

Начало картотеке было положено акад. А. И. Соболевским, который вложил в неё более 100 тысяч своих карточек с выписками из рукописей XV–XVII вв. и публикаций. В 1925 г. (25 сентября) он встал во главе «Комиссии по собиранию материалов по древнерусскому языку» Академии наук. После 1929 г. картотеку возглавил акад. М. Н. Сперанский; некоторое время документы КДРС хранились у С. Г. Бархударова, а в 1934 г. КДРС принял проф. Б. А. Ларин, издавший в 1936 г. «Проект древнерусского словаря», в котором разрабатывал теоретические основы будущего словаря.

Задачи русской исторической лексикографии за время существования КДРС неоднократно менялись [подробнее см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. – М., 2001: 7–56], что отразилось на её содержании. Ныне её фонд приближается к 2 млн.

карточек – цитат из различных памятников русской письменности XI–XVIII вв.

Большой объём и значительный хронологический охват материала способствовали утверждению особого статуса этой картотеки в науке о языке. Она стала не только базой исторического словаря (в 2019 г. вышел 31 выпуск «СлРЯ XI–XVII вв.»), но и своего рода справочным центром для учёных, работающих над проблемами русской и шире – славянской филологии, истории и культуры. Не только лингвисты, литературоведы, но и историки, этнографы, искусствоведы, юристы, математики, физики, геологи, педагоги и другие исследователи, работая в фондах КДРС, решают вопросы проверки и пополнения своих материалов. Картотека ДРС стала средоточием широких историко-культурных изысканий и своеобразным самостоятельным источником. Пришло время источниковедческого описания этого собрания, оценки его роли в исследованиях по истории русской лексики. Такого обследования заслуживает каждая из пяти больших картотек. Известна книга Р. П. Рогожниковой «Сокровищница русского слова» (СПб., 2002) о Большой словарной картотеке, находящейся в Институте лингвистических исследований (ИЛИ РАН) в Санкт-Петербурге. Здесь остановимся на источниковедческой характеристике Картотеки ДРС.

Как источник по истории языка с заданными свойствами всякая картотека может быть исследована по общим параметрам лингвистического источниковедения, так же, как исследуются источники объективно сложившиеся, т. е. со стороны её лингвистической содержательности, информативности и достоверности. Лингвистическая содержательность Картотеки ДРС, видимо, может быть сведена к более частному понятию, к её *лексической содержательности*, т. к. картотека включает определённый пласт лексики XI–XVIII вв. Выявление фонетической и грамматической содержательности этой картотеки с точки зрения лингвистического источниковедения окажется опосредованным, но возможным через изучение *лексики* указанного периода. Но для исследования фонетики и грамматики нужны картотеки, основанные на иных принципах и имеющие другие «заданные свойства», хотя источники КДРС включают памятники, пригодные и для таких работ.

2. Лексическая содержательность Картотеки ДРС

Лексическая содержательность входит в понятие «лингвистическая содержательность» и применима к исследованию лексического уровня языка. Определение категории *лексическая содержатель-*

ность не было сформулировано в источниковедческих трудах, поэтому в настоящей работе придерживаемся используемой на практике рабочей формулировки. Итак, лексическая содержательность Картоteki ДРС – это набор представленной в ней знаменательной и служебной лексики, расположенной в таком порядке, который определяет её специфику. Порядок расположения слов в КДРС – алфавитный, но не тот, который соответствует древнерусской азбуке. Слова расставлены по современному алфавиту, а на разделителях древнерусские буквы заменены современными аналогами: s буквой з, f – ф, w – о, ~ – е, \ – ю, буквы ц, @, q – одной буквой ч, ", #, > – буквой я; i, i, j, v – одной буквой и; буквосочетаниями заменены древние ^ – от, k, – кс, j – пс. Эта замена определялась задачами «Древнерусского словаря XV–XVIII вв.» (ДРС), создававшегося на её материалах в 30-х годах XX в.

В силу заданности свойств картоtek их лексическая содержательность обусловлена особенностями лексики отобранных и расписанных для них памятников. Расписывание памятника заключается в том, что из его текста на отдельные карточки выписываются цитаты по определённой программе и расставляются по алфавиту содержащихся в них слов. Для исторических словарей важно иметь такие выписки, в которых слово представлено в наиболее ярком контексте, раскрывающем его семантику.

Говоря о *характере выборки*, отметим, что для КДРС выписывались цитаты из отобранных источников тремя способами: путём *выборочной* выписки, *полной* и *сплошной*. “Чаще всего, – писал Б. А. Ларин в «Проекте древнерусского словаря», – для большинства текстов принимаем **выборочную** выписку (здесь и далее разрядка автора – Л.А.), наиболее ответственную, т. к. в этом случае выборщику предоставляется самостоятельный отбор нужных слов <...> Трудность всякой выборки заключается в правильном выделении отрезка текста, в нахождении таких границ цитаты, в которых она оказалась бы вполне вразумительной и меньше всего потеряла бы в своих семантико-стилистических свойствах после извлечения из полного текста” [Ларин 1936: 24]. Далее автор предупреждал: “Нельзя выбирать только редкие или исчезнувшие слова <...> Надо выписывать материал для всех почти слов <...> Главным критерием отбора является яркий контекст, сконцентрированный на выбираемом слове” [там же: 30–31]. Большинство текстов расписано выборочно; участники этой работы в 30-е годы XX в. назывались выборщиками.

Полная выписка применялась “для текстов большой литературной ценности, особенно известных и популярных в своё время”, что означало “извлечение из памятника всех слов его лексического запаса в лучших, отобранных контекстах. Разные значения и разные

оттенки значений одного слова должны быть представлены на отдельных карточках, так же, как отдельные слова” [там же: 34].

Сущность **сплошной** выписки состояла в том, что “наиболее богатые по лексическому составу и типичные в литературном отношении памятники” расписываются “так, чтобы в словаре было представлено каждое <...> слово в каждом контексте. Весь назначенный к сплошной выписке контекст без всяких пропусков делится на связные, законченные по смыслу части, в среднем по 5–6 строк или по 30–35 слов. Важно выделять синтаксически связные целостные части” [там же: 35]. Такая карточка дублировалась четыре раза, а на верхнем поле в алфавитном порядке надписывались начальные буквы всех входящих в цитату слов, т. к. при составлении словарных статей весь текст такой карточки предполагалось путём перестановки по алфавиту использовать последовательно для всех этих слов [см. там же: 35–36].

Относительно **хронологии источников** КДРС можно заметить, что её материалы охватывают весь «письменный период» русского языка (с XI в.), включая многие произведения и «печатного» периода, особенно XVII – начала XVIII века.

Из памятников XI в. для КДРС были расписаны Изборник Святослава 1073 г. и Изборник 1076 г. по рукописям, Синайский Патерик, Пандект Антиоха Черноризца, Слово Ипполита об антихристе, Тринадцать слов Григория Богослова, произведение Иосифа Флавия «О полонении Иерусалима» (по сп. XV–XVI вв.), Житие и чудеса Николая Мирликийского (по сп. XIV в. и XVI в.), списки краткой и полной редакции Правды Русской (по сп. XV в.) и др. К XI–XII вв. относится Повесть об Акире (по сп. XV в.), Служебные минеи (сентябрь–ноябрь 1095–1097 гг.), опубликованные И. В. Ягичем в 1886 г. Материал из Апракоса Мстислава Великого (до 1117 г.), изданного с указателем слов и форм в 1983 г., попадает в Словарь, минуя картотеку.

Из памятников XII в. расписаны Стихирарь, Златоструй, Древнеславянская кормчая XIV титулов (Ефремовская), Толкование на литургию св. Германа (в редакциях VIII–X вв.), Александрия русских хронографов (по сп. XV–XVII вв.), жития Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, Алексея человека Божия, Афанасия архиепископа Александрийского, Андрея Юродивого (по сп. XVI в.), произведения Кирилла Туровского (по сп. XIII–XVI вв.), Климента Смолятича (по сп. XV в.), Житие и хождение в землю святую Данила игумена (по сп. XV в.), Книги законные (по сп. XVI в.), Учение Кирика Новгородца (по сп. XVI в.), Девгениево деяние XI–XII вв. (по сп. XVIII в.) и др.

XII–XIII веками датированы памятники, составляющие Успенский сборник (издан в 1971 г.); некоторые из них были расписаны для

КДРС по более ранним изданиям. К этому же времени относится Книга глаголемая Козма Индикоплов (по сп. XVI в.).

XIII век представлен такими памятниками, как Моление Даниила Заточника (по сп. XVI–XVII вв.), списки краткой и пространной редакции Правды Русской (1282 г.), Пчела (по сп. XV в.), жития Авраамия Смоленского (по сп. XVI–XVII вв.) и Савы Освященного, Апокалипсис, Хождение Антония Новгородца (по сп. XVI в.), Патерик Киево-Печерской лавры (по сп. XV в.), Шестоднев Иоанна, ексарха Болгарского (1263 г.), Хроника Иоанна Малалы (по сп. XV в.) и др.

Мерило Праведное – одно из значительных произведений XIV в., выписки из него сделаны по фототипическому изданию 1961 г. Расписана рукопись БАН Измарагд XIV в (по сп. XVI в.). Были взяты и многие грамоты, как по рукописям, так и по публикациям, например, грамоты Новгорода и Пскова, относящиеся к XII–XVI вв., Духовные и договорные грамоты русских князей и др. “Всего, – писала О. И. Смирнова, – расписано около 118 памятников XI–XIV вв. Это памятники древнерусского и церковно-славянского языка в различных списках. Из неизданных памятников этого времени в картотеку вошли 17 рукописей (в том числе некоторые отсутствующие в «Материалах» И. И. Срезневского). Наиболее полно представлена лексика летописей (выборочно расписаны все летописи раннего периода), довольно полно – материал грамот, менее полно – материал житийной литературы, посланий, поучений, слов, молитв, служб русским святым, церковных и монастырских уставов и т. п.” [Смирнова 1967: 106].

Но более широко в фондах КДРС отражена лексика памятников начиная с XV в. [см.: Богатова 1966: 525]. Это рукописная Библия новгородского архиепископа Геннадия 1499 г., Судебник 1497 г. Ивана III, два жития Сергия Радонежского (по спискам XV–XVI вв.), Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. (по сп. XVI в.), Повесть о Царьграде Нестора-Искандера (по сп. XVI в.), Новгородские писцовые и кабальные книги, памятники дипломатических сношений с западными государствами, Псковская судная грамота (по сп. XVI в.), Двинские грамоты, опубликованные А. А. Шахматовым. Это также и духовные, жалованные, купчие, меновные, сотные и др. грамоты, использованные И. И. Срезневским в его «Материалах», но расписанные для Картотеки ДРС по новым публикациям. Это и памятники, привлечённые из числа рукописей РГБ и ГИМ московской группой выборщиков, работавших под руководством А. И. Соболевского (до 1929 г.), а затем – под руководством М. Н. Сперанского (до конца 1934 г.). Потом работа по пополнению КДРС переместилась в Ленинград и шла с перерывами до середины 1941 г. под руководством Б. А. Ларина.

На долю памятников XVI в. приходится основная масса житий, сказаний, хождений, повестей, посланий, деловых хозяйственных книг, таможенных записей. В качестве источников по истории русской лексики привлечены труды таких писателей и государственных деятелей, как Иосиф Волоцкий, старец Артемий, Максим Грек, Вассиан Патрикеев, Зиновий Отенский, митрополит Даниил, Иван Грозный, Андрей Курбский, Иван Посошков и др. Расписаны такие рукописи БАН, как Кормчая Балашова и Требник. Из числа рукописей ГИМ нужно отметить подробно расписанный А. И. Соболевским Травник (Лечебник) 1534 г. в переводе немчина Николая Любчанина [Булева] (по сп. XVII в.). К этому времени относятся и ранние азбуковники, а также первые двязычные толково-переводные словари, и в частности разговорники, в которых русские слова записаны по орфографии создававших их иностранцев (например, Парижский словарь москвитов 1586 г.). Записи русской речи иностранцами помогают реконструировать звучащую речь прошлых эпох. Необходимо отметить появление в XVI в. так называемых «статейных списков», в которых содержались отчеты о русских посольствах в разные страны.

К памятникам XVII в., кроме произведений известных ранее жанров, относятся мемуары, драматические, сатирические и стихотворные произведения. Появляются вести-куранты – предшественники русских газет. Учётные книги и памяти, отражающие состояние сельского хозяйства страны, полотняных и железоделательных мануфактур, документы, посвящённые развитию деловых и торговых связей с сопредельными государствами и народами, памятники, свидетельствующие о становлении научной и производственной терминологии, – всё это включалось в число источников КДРС. Сюда вошли и произведения кирилловской печати середины XVII в. – есть выписки из опубликованных в Москве «Соборного Уложения» царя Алексея Михайловича 1649 г., «Скрижалей» Арсения Грека 1656 г., Пролога 1643 г., перевода книги И. Я. Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1647 г., «Устава ратных пушечных и других дел, касающихся до воинской науки 1607 и 1621 г.» О. М. Радишевского (издание 1777–1781 гг.).

Расширен репертуар эпистолярных памятников. Выдержки из писем царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, из переписки патриарха Никона, князя П. И. Хованского, князя Н. И. Одоевского, дьяка Третьяка Васильева, священника Сильвестра Медведева, доктора П. В. Постникова, опричного думного дворянина В. Г. Грязного, из писем, посланных В. В. Голицыну, и др. вошли в число материалов КДРС. Выписки из многочисленных документов конца XVI – начала XVII в., скопированных в архивах сибирских го-

родов для акад. Г. Ф. Миллера во время его путешествия в 1733–1743 гг. и изданных в 1937–1941 гг., также внесены в картотеку. Многочисленны выписки из отчётов о путешествиях Спафария в Сибирь и в Китай. Есть в КДРС и фольклорные материалы (песни, былины, поговорки, заговоры и др.), датированные концом XVII – началом XVIII в.

Из произведений XVIII в. нашли отражение в картотеке сочинения В. Н. Татищева (до 1750 г.), А. Т. Болотова (1738–1795), дневники путешествия И. И. Лепёхина (1768–1772) и Н. Рычкова (1771), Автобиография А. В. Суворова (1786), «Флоринова Экономия», переведённая в 1738 г. С. Волчковым; Письмовник Н. Курганова (1790), Записки С. Порошина (1764–1766), Записки А. В. Храповицкого (1782–1789), материалы по истории Академии наук (1716–1738), Бумаги Верховного тайного совета (1726–1730), материалы Комиссии, созданной Екатериной II для сочинения проекта Нового уложения (1767), материалы из архива А. Ф. Куракина (1674–1727), География генеральная (1718), «Эсоповы притчи» (1717), Генеральный регламент (1720), Торговый устав (1724), материалы из писем и бумаг Петра I и др.

Особую группу составляют рукописные памятники XVIII в.: Артикул поварничь (1704), Книга зовомая земледельческая (1705), Книга землемерия (1738), Описание государства Китайского (1738), История норвежской королевы Ильдежерты (1759), Книга о содержании псовой охоты, Наука красноречия, Гистория о турецком принце Зизимии, Сказание о Астрахани летописное, Весёлый Меландр и др. К сожалению, обстоятельства сложились так, что выдержки из них не попадают ни в «СлРЯ XI–XVII вв.», охватывающий источники до 1700 г., ни в «Словарь русского языка XVIII в.», включивший в число своих источников только изданные произведения. [Нужно сказать, что в 19-м выпуске этого словаря помещено «Дополнение № 10 к Указателю источников», в которое вошли некоторые рукописные памятники из РГАДА, СПб. Института истории, Гос. архива Архангельской области и др. – см.: СлРЯ XVIII в., вып. 19. – СПб., 2011. – С. 4]. Выписки из источников XVIII в., а также фольклорные записи конца XIX в. остаются в Картотеке ДРС как фоновый материал, который нередко помогает уточнить семантику слова, зафиксированного в более ранних памятниках.

В статье о перспективах пополнения Картотеки ДРС С. П. Мордовина и Г. Я. Романова писали, что её “документальную основу составили сотни и тысячи памятников XI–XVIII вв., опубликованных и неопубликованных, оригинальных и переводных, сохранившихся в подлинниках и списках. В картотеке представлены все типы источников указанного периода” [Мордовина, Романова 1974: 36].

При отборе круга источников организаторы Картотеки исходили из конкретной задачи: наиболее полно охватить лексический состав

русского языка определённого периода, зависящего от хронологических рамок предполагаемого словаря. В 1934–1937 гг. начал составляться «Древнерусский словарь XV–XVIII вв.» в 8 томах (по 100 печатных листов в томе), который предполагалось, доведя число карточек в КДРС до миллиона, завершить в 1945 г. Из числа его источников, относящихся к XVIII в., исключалась так называемая «большая литература», которая была представлена в картотеке академического «Словаря русского языка», выходявшего отдельными выпусками с 1891 г. под редакцией акад. Я. К. Грота, а позднее – акад. А. А. Шахматова. В конечном итоге две эти картотеки должны были по времени представленного в них материала сомкнуться.

Летом 1937 г. фактически прекратилась работа по пополнению Картотеки ДРС и по составлению словаря, т. к. было сокращено финансирование и уволены все внештатные выборщики. А затем в конце 1938 г. Группе ДРС, руководимой Б. А. Лариным, было предложено составить Краткий исторический словарь учебного характера. Но без полного словаря, отражающего семантику слова во всём объёме, сделать это было невозможно.

В 1940 г. нижняя граница словаря была отодвинута к началу XI в., к самым ранним из сохранившихся памятникам письменности. Акад. С. П. Обнорский, возглавивший с конца 1940 г. Главную редакцию ДРС, считал, что академический “Словарь должен <...> обнять всю основную лексическую наличность русского языка <...> не только древнейшие (“исконные”) русские слова, но и заимствованные, не только общеупотребительные, но и специальные слова и выражения (из области ремёсел, торговли, культуры, наук и искусств феодального русского общества)”. Он пояснял, как нужно разрабатывать семантику включаемых в Словарь лексем: “Слова даются с указанием, в лаконичном виде, всей подходящей канвы их значений; значения документируются точными цитатами, редкие и исторически важные слова сопровождаются полным перечнем текстуальной их документации; при заимствованных словах по возможности указываются источники заимствований, в необходимых случаях при русских словах даются славянские к ним параллели, а также отмечается социальная принадлежность для слов специального употребления или даётся жанрово-стилистическая характеристика известных категорий словоупотребления. Общий объём словаря не должен превышать 12 томов по 80–100 печ[атных] л[истов] каждый” [см.: Обнорский 1940].

С этого времени картотека начала интенсивно пополняться ранними материалами из памятников XI–XIV вв. В связи с поставленными С. П. Обнорским задачами в КДРС стали вливаться материалы, посвящённые описанию реалий, двуязычные и трехязычные выписки.

Привлекались для расписывания памятников известные историки, папатографы, специалисты по древнерусской литературе. Вскоре было решено довести объём Словаря до 30–32 томов. В конце мая 1941 г. был опубликован пробный выпуск «Древнерусского словаря XI–XVIII вв.», предназначенный для обсуждения способов представления в издании разных элементов словарной статьи.

В послевоенные годы (в 1946–1950 гг.) верхняя временная граница составлявшегося словаря то достигала конца 80-х годов XVIII в., то отодвигалась к 1725 и к 1700 году, а затем возвращалась к 1725-му, и соответственно для Картотеки ДРС расписывались соответствующие памятники, а количество томов исторического словаря сокращалось то до двенадцати, то до семи [подробнее см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. – М., 2001. – С. 7–56].

В связи с этим выявляется многообразие лексики из памятников, опубликованных и рукописных, относящихся к значительному периоду – к XI–XVIII вв., к разнообразным жанрам письменности, хотя составляющийся в настоящее время «Словарь русского языка XI–XVII вв.» не включает материал, датированный уже 1701-м годом.

3. Источники Картотеки ДРС и «Словаря русского языка XI–XVII вв.»

Как видим, лексическая содержательность КДРС отражает богатство русского языка значительного периода. Она определяется разнообразием привлечённых источников: в ней представлены все “жанры памятников, отражающие тематические слои лексики разных сфер жизни русского народа, – пишет В. Г. Демьянов. – Создатели картотеки стремились представить в ней материал всего хронологического периода, отразить территориальную распределённость дошедших до нашего времени памятников, привлечь источники, имеющие не только оригинальное происхождение, но и переводные. По этим (очевидно, далеко не исчерпанным) показателям, можно оценивать круг источников «Словаря русского языка XI–XVII вв.»» [Демьянов 1977: 124].

Хронология фонда КДРС в значительной степени определяется и объясняется задачами, которые в разное время выдвигались перед создателями будущего древнерусского словаря. Если А. И. Соболевский, в 1925 г. возглавивший «Комиссию по собиранию материалов по древнерусскому языку», предлагал распределять карточки по четырём направлениям: для словаря церковно-славянского языка (продолжение работы А. Х. Востокова), для пополнения и продолжения «Материалов» И. И. Срезневского, для составления словаря Московской Руси

XV–XVII вв. и словаря Польско-Литовской Руси того же периода по памятникам юридического и делового характера [см. Соболевский 1960], – то впоследствии все направления оказались объединёнными в одной картотеке. Однако М. Н. Сперанский ещё в 1927 г. предлагал формировать для заимствованных слов карточки с параллелями из тех языков, откуда они пришли в русский, тем самым расширяя сведения о словах, содержащихся в картотеке.

В 1934 г. Группа ДРС вела работу под руководством Б. А. Ларина над составлением «Древнерусского словаря XV–XVIII вв.» (ДРС). Причины для выбора такого хронологического отрезка были: «Материалы» И. И. Срезневского отразили лексику известных к тому времени произведений XI–XIV вв. и отдельных памятников более позднего периода. Формирование Русского национального государства, рост городов и торговых связей, увеличение объёмов деловой документации и переписки и её разнообразие, а одновременно и формирование русского национального языка, укрепление и преобразование делового и литературного стилей, возрастающее влияние народно-разговорного языка в этих процессах – всё это определяло особое место периода XV–XVIII вв. в развитии русского языка. О необходимости создания словаря этого времени Б. А. Ларин писал: “Установление состава слов и их значений в русском языке XV–XVIII вв. даст надёжное средство для точной научной интерпретации текстов – средство, необходимое для филологов и историков. Значительное количество хронологически определённых текстуальных примеров, сравнительные языковые материалы дадут важное пособие для лингвистических исследований. Наконец и историки материальной культуры Московской Руси получат важный сборник языковых источников, мало известных и ещё меньше использованных в их работах. О большом учебном значении ДРС и говорить не приходится: он послужит широкой популяризации научных сведений по истории языка и культуры наших средних веков” [Ларин 1936: 10]. Подчёркивалось и международное значение такого издания: “Связи и взаимоотношения между языками Запада и Востока, Юга и Севера, Европы и Азии получают новое освещение, т. к. Московская Русь была посредником и трансформатором мировых культурных течений” [там же: 11].

Соответственно этим планам осуществлялась и комплектация картотеки. Группа ДРС поставила задачу искать “пути к раскрытию историко-языкового процесса во всей конкретности – в теснейшей связи с социальными отношениями и базой материальной культуры” [там же: 6]. В картотеку включили большую группу источников “Петровской эпохи, а затем и середины XVIII в. (вплоть до 80-х гг. его) <...> Нельзя было остановиться на 1725 годе, – писал Б. А. Ларин, – если

решено было отразить в словаре с возможной полнотой те мощные языковые сдвиги, какие произошли в Петровскую эпоху и завершились значительно позже. С другой стороны, необходимость полного смыкания с академическим Словарём современного русского языка, захватывающим из источников XVIII в. только «большую литературу» второй его половины, также побуждала к широкому охвату «просторечных», мемуарных, юридических и исторических источников XVIII в. в Древнерусском словаре» [там же]. В 1935 г. были привлечены диалектные материалы (по крестьянским и городским говорам) в записях XIX в., затем стали включать и реально-исторические комментарии историков и специалистов по изучению материальной культуры.

Рассматривая состав источников картотеки, нельзя обойти молчанием и проблему источников составляемого на её основе «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Верхней границей Словаря является 1700 год. В него не входят материалы XVIII в. Но диалектные и фольклорные записи, датированные XVIII в. и более поздним временем, служат важным фактором при работе над словарными статьями. С этой стороны картотека шире Словаря. Однако Словарь охватывает материалы новых, в частности, лингвистических публикаций, оснащённых указателями слов, указателями слов и форм. Такие публикации последних лет, минуя картотеку, обрабатываются сразу для Словаря. В этом отношении Словарь шире картотеки.

4. Каталоги Картотеки ДРС

Списки источников первым начал составлять А. И. Соболевский, когда отправлял материалы московской группы и свои в Ленинград, где предполагалось формировать, хранить, пополнять картотеку и составлять словари: там в это время были сосредоточены главные научные силы, была Академия наук. Его 17 списков датированы 10 мая 1926 г. – апрелем 1929 г. (в последнем – без указания числа). В каждом списке приводятся названия памятников, библиографические сведения, сокращённые обозначения источников (шифры) и количество отправляемых карточек с цитатами. В особой так называемой «чёрной тетради» (тетради в чёрном переплете) он составил реестр источников, в котором помимо названных выше сведений указывал фамилии выборщиков. Эта тетрадь закончилась 28 апреля 1928 г. На последней странице внизу сохранилась его запись карандашом: «Далее друг[ая] книга». Но эту «другую книгу» пока найти не удалось. Впоследствии «чёрная тетрадь» А. И. Соболевского получила такое назва-

ние: «Данные о картотеке. Перечень расписываемых источников и количество карточек в них. № 1». Она хранится в СПб. университете в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина (далее – МСК), копия – в ИРЯ. Это был первый каталог источников картотеки.

В 1934 г., когда Группа ДРС влилась на правах секции в Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра, Б. А. Ларин начал составлять каталоги источников в более удобной форме – на карточках. В рабочем «Дневнике» ДРС он записывал 21–22 февраля: “Разбирал списки источников и протоколы Моск[овской] группы <...> Начал составлять алфавитный каталог источников словаря”. А 23 февраля “продолжал составление алфавитного каталога источников и начал составление каталога сокращений, применяемых в <...> картотеке” («Дневник занятий в комиссии Словаря русского языка XV–XVIII вв. при ИЯМ его сотрудников». 20 февраля 1934 г. – 2 января 1936 г., л. 2, 2 об., 3 и след. – Хранится в Архиве КДРС в ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН).

Со временем к этим двум каталогам прибавились ещё два. В «Проекте древнерусского словаря» (1936) Б. А. Ларин поместил «Алфавитный список сокращённых обозначений и полных названий использованных источников» и «Список источников, прорабатываемых в 1936–1937 гг.», как сказано в Оглавлении. В тексте же «Проекта» эти списки названы иначе: «Список 1. Источники древнерусского словаря» [Ларин 1936: 87], «2. Список источников, намеченных для выборки или находящихся сейчас в работе» [там же: 168]. Помимо этих составлял каталог авторов и владельцев произведений, расписываемых для КДРС.

В Отчёте за первое полугодие 1939 г. Б. А. Ларин писал: “Каталоги источников до декабря 1938 г. вёл я (их четыре), затем эту работу продолжал А. П. Конусов (бесплатно), а последние два месяца 1939 г. – С. Ф. Геккер, которой было поручено произвести полный пересмотр всех каталогов для пополнения их имеющимися в литературе данными” [«Отчёт Б. А. Ларина о работе Секции ДРС за 1-е полугодие 1939 г.» – Архив КДРС в МСК]. К началу 1941 г. С. Ф. Геккер, получившая специальность библиографа научных библиотек, закончила «Указатель источников картотеки ДРС», который отпечатали на машинке в 10 экземплярах. Позже было напечатано ещё 3 экземпляра с дополнениями, а в 1951 г. с новыми дополнениями он был напечатан также на машинке в 10 экземплярах.

В 1975 г. вместе с выходом первых двух выпусков «СлРЯ XI–XVII вв.» был издан «Указатель источников Словаря русского языка XI–XVII вв.», и одновременно на ротапринтере в количестве 100 экз. напечатан «Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв.». Во второй раз с тем же названием он вышел (также на ротапринтере) в 1984 г. тиражом 600 экз. с учётом списков дополнений,

помещённых в 5 и 10 выпусках. В этом Указателе отразилось соотношение источников картотеки и словаря: указатель объединил все источники, используемые в словаре, в том числе и не получившие отражения в картотеке. Он содержит ещё и отсылки к более поздним публикациям от сокращённых обозначений источников, которые были использованы И. И. Срезневским в его «Материалах для словаря древнерусского языка» (1890–1912), так что теперь авторы Словаря и исследователи, приезжающие в Картотеку ДРС, получили возможность проверять и цитировать её материалы по новым изданиям. Этот указатель, основанный на составленном С. Ф. Геккер в 1941 г., был дополнен и сверен С. П. Мордовиной и Г. Я. Романовой.

Одно из последних изданий «Указателя источников Древнерусской рукописной картотеки (Картотеки ДРС) и Словаря русского языка XI–XVII вв.», сверенного и вновь дополненного Г. Я. Романовой, вошло в состав Справочного выпуска Словаря (М., 2001, – С. 263–390). Здесь помимо прибавившихся с 1984 г. источников и тех, списки которых помещались в 5, 10, 15 и 20 выпусках «СлРЯ XI–XVII вв.», отражены поиски и подбор греческих и латинских оригиналов к переводным памятникам, проводимые с 1979 г. М. И. Чернышёвой и подключившимися позднее К. А. Максимовичем и В. Б. Крысько. В разное время в этой работе принимали участие А. А. Пичхадзе, С. В. Дёгтев и К. В. Гадзацев.

В 2002 г. в серии «Компьютерная лингвистика» вышел «Электронный указатель источников» Картотеки ДРС и СлРЯ XI–XVII вв. За основу взят Указатель источников 1984 г. Авторы – Ю. Н. Филиппович и А. Ю. Филиппович. Здесь описана технология создания компьютерной версии Указателя источников, приведена информационно-поисковая система и индексы её базы данных, сведения об оригиналах переводных памятников, представлена распечатка в виде двух полей базы данных – шифры и библиографическое описание источников. Прилагаемый компакт-диск расширяет возможности использования этого издания в различных аспектах исследования источников по истории русской лексики.

5. Количественный состав Картотеки ДРС

Исследовательский подход к данным «Указателя источников картотеки и Словаря» в настоящей работе определяется понятием *лингвистический источник* – главной категорией лингвистического источниковедения. Если диалектолог стремится получить звучащие,

слышимые источники для своих исследований, то для исторической картотеки источниками служат графические фиксации языка – рукописи и их издания. Для исследователя древнерусской литературы желаемым источником будет тот, в котором восстановлен первоначальный полный текст памятника, приведены различные списки памятника. Историком важно, чтобы источник содержал подлинные и точные исторические данные. Для лингвиста источником может служить и подлинник, и любой список – ведь в нём отражён языковой пласт определённого времени. Выписки из видимых, читаемых источников всех описанных выше видов вошли в массив Картотеки ДРС.

Вопрос о *количественном составе* источников КДРС неоднозначен. Казалось бы, подсчитав шифры памятников в Указателе источников (а их около четырех тысяч), можно дать точные сведения о распределении текстов, скажем, по столетиям. Но продолжительность существования картотеки и специфика её формирования наложили свой отпечаток.

Следует указать, что в её состав включены выписки из более чем 540 рукописных памятников; некоторые из них в настоящее время считаются утраченными. Что касается изданий, необходимо отметить, что некоторые памятники публиковались неоднократно по разным спискам с различной степенью адаптации рукописей, с различным справочным аппаратом. Каждая такая публикация расписывалась для КДРС и принималась в качестве отдельного источника будущего словаря, получая своё сокращённое обозначение (шифр). Так, список «Слова Даниила Заточника» XVII в., опубликованный В. И. Малышевым в 1948 г. [ТОДРЛ, VI], получил шифр *Сл.Дан.Зат.(Мал.)* в отличие от списков XVI–XVII вв., восходящих к редакциям XII–XIII вв., изданных в 1932 г. Н. Н. Зарубиным (шифр *Сл.Дан.Зат.*).

Пять шифров имеет Псковская летопись. Для КДРС она расписана не только по изданию А. Н. Насонова (вып. I – 1941 г., вып. II – 1955 г.), но и по изданию М. Погодина (1838 г.), по серии ПСРЛ (т. IV – 1848 г., т. V – 1851 г.). Авторы же Словаря все материалы этих летописей цитируют по публикации А. Н. Насонова, производя переводы материала Картотеки ДРС на это издание, так как оно с наибольшей достоверностью передаёт язык рукописей.

Известны три издания «Псковской судной грамоты». Два из них получили отражение в Указателе, но в «СлРЯ XI–XVII вв.» даются ссылки только на листы фотомеханического воспроизведения рукописи Археографической комиссией 1914 г. Снабжённая знаком ¹ и двумя звёздочками в «Указателе источников» публикация этого памятника Московским университетом в 1951 г. в Словаре не цитируется. К нему обращаются авторы в случаях затруднений при толковании отдельных

слов, т. к. оно включает раздел, озаглавленный «Историко-юридическое исследование».

Каждый из 16 памятников Смутного времени (нач. XVII в.), зарегистрированных в КДРС под сокращением **Смутн.врем.** или **Пам.Смутн.врем.**, получил свой шифр, хотя все они опубликованы в двух изданиях 13-го тома «Русской исторической библиотеки» в 1900 и 1925 годах.

Иногда даже значительные собрания памятников цитируются под единым сокращением (например, **Лавр., Пон. I–III, П.отреч. I–II, РИБ II, РИБ VI** и др.), перед которым для приведённой в словарной статье цитаты принято указывать название конкретного памятника. А такие многотомные публикации, как «Акты, относящиеся до юридического быта Древней России» (т. 1–3), «Акты исторические» (т. 1–5), «Дополнения к Актам историческим» (т. 1–12), «Акты Московского государства» (т. 1–3), «Памятники дипломатических сношений с Римскою империей» (т. 1–10), «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским» (т. 1–5) и др., имеют по одному шифру для всего собрания: **АЮБ I–III, АИ I–V, ДАИ I–XII, АМГ I–III, Рим.имп.д. I–X, Польск.д. I–V**. В «Указателе источников» 2001 г. каждый из томов описан отдельно с указанием года издания.

Произведения автора XII в. Кирилла Туровского изданы дважды: К. Ф. Калайдовичем в 1821 г. и И. П. Ерёмным в 1955–1957 гг. Для КДРС они расписаны по первому изданию, а в Словаре цитируются по изданию И. П. Ерёмина, поэтому с прежних выписок делается перевод на новый источник (за исключением тех случаев, когда перевод невозможен). Все материалы идут в «СлРЯ XI–XVII вв.» под шифром **Кир.Тур.** с указанием тома Трудов Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). В вопросах о целесообразности перевода цитат на новые издания принимается во внимание «точность их в филологическом отношении» [Мордовина, Романова 1974: 36].

Тексты трёх редакций «Жития протопопа Аввакума» (**Ав.Ж.**) содержатся в 39 томе «Русской исторической библиотеки» (Л., 1927), в «Пустозерском сборнике», изданном В. Г. Дружининым в III-м выпуске «Памятников первых лет русского старообрядчества» в 1914 г. (**Пустоз.сб.**), и в публикации «Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания», подготовленной коллективом авторов под ред. В. И. Малышева, Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева в 1975 г. Этот последний с сокращением **Пустоз.сб.**¹ используется в Словаре: именно по представленным в нём рукописным листам авторы разыскивают соответствия материалам опубликованных ранее редакций. Когда сделать этого не удаётся, приводятся ссылки на предшествующие издания, так что все три сокращения остаются действительными,

хотя в КДРС расписаны две предшествующие публикации. Казалось бы, источник под шифром **Пустоз.сб.**¹ можно не принимать во внимание, но в нём представлен рукописный подлинник!

В Указателе выделяется в качестве отдельной единицы и документируется как *издание* памятника по различным спискам, подходящим по хронологии и другим параметрам, так и сама *рукопись*. Здесь получил отражение взгляд лингвистов на источник, тем более что в КДРС представлены и такие источники, выписки из которых делались непосредственно по оригиналу, а не по публикации. Таковы, например, выписки Ф. И. Покровского из текста Изборника Святослава 1076 г., который позднее был дважды издан – в 1964 г. и в 2012 г.

Не все рукописи, расписанные для КДРС, были изданы, некоторые со временем оказались утраченными в Киеве и Смоленске. Из них остались только выписки в фонде Картотеки. Лингвисты-историки отмечают высокое научное значение «Указателя источников» как наиболее полного библиографического описания важнейших памятников русской письменности XI–XVII вв. [см.: Демьянов, 1977].

6. Территориальная принадлежность источников Картотеки ДРС

Характеристику источников КДРС по территориальному признаку, вероятно, можно включить в качестве конкретизирующей черты понятия *лексическая содержательность* картотеки как источника с заданными свойствами. О территориях, охваченных источниками КДРС, можно с уверенностью судить по деловым текстам: они почти всегда локализованы. Так, из фондов РГАДА, и особенно из материалов СПб. ИИ РАН (бывш. ЛОИИ), были расписаны деловые учётные книги различных хозяйств и монастырей, названия которых говорят о соответствующей территории, тем более что в этих книгах отражены местные особенности быта и языка. Чаще всего их писали местные люди. Вспомним утверждение С. И. Коткова относительно местного происхождения южновеликорусских писцов: “Вопреки распространённому представлению о периферийных писцах-профессионалах как людях обыкновенно не местных, а посланных из Москвы, утверждаем, что в южновеликорусской области писцы-профессионалы были в подавляющем большинстве из местного населения, причём, имеются сведения о превращении в ряде случаев этой профессии в наследственную” [Котков 1963а: 24].

Среди монастырских книг есть записные, веревные, переписные, писцовые, отводные, приходо-расходные, посевные, ужинные, умо-

лотные, таможенные, досмотренные, книги кружечных дворов таких монастырей, как Иверский Валдайский, Иосифо-Волоколамский, Успенский Тихвинский, Александро-Свирский, Кирилло-Белозерский, Николаевский Корельский, Онежский Крестный, Спасо-Прилуцкий вологодский, Соловецкий, Покровский и Спасо-Евфимьев суздальские, Нижегородский Печерский, Макарьев Желтоводский, Болдин Дорогобужский и др. Расписана масса книг и актов, рукописных и опубликованных, созданных в таких городах, как Москва, Новгород Великий, Псков, Смоленск, Ярославль, Ростов Великий, Углич, Старая Русса, Кострома, Владимир, Суздаль; в северных городах, таких, как Архангельск, Мурманск, Холмогоры, Вологда, Тотьма, Великий Устюг, Каргополь; в поволжских – в Нижнем Новгороде, Казани, Арзамасе, Симбирске, Саранске, Самаре, Астрахани; в уральских, – в Перми, Вятке (Хлынове); в сибирских – в Кунгуре, Тобольске, Тюмени, Томске; в южновеликорусских – в Рязани, Тамбове, Воронеже, Карачеве, Ельце, Путивле, Рылъске и др.

Изучение территорий, охватываемых письменными памятниками КДРС, – тема, ожидающая своего раскрытия и конкретизации, а из приведённого краткого перечня видно, какие возможности содержат материалы этого собрания для исследований, например, по исторической диалектологии.

Итак, Картотека ДРС – источник с заданными свойствами – отражает состояние первичных, объективно сложившихся и промежуточных источников по истории русского языка, хотя и неравномерно распределяющихся в хронологическом, жанровом и территориальном отношении.

7. Лингвистическая информационность Картотеки ДРС

Характеристика КДРС как источника будет неполной, если не сказать о её лингвистической информационности. Категория **лингвистическая информационность** была недостаточно разработана основателем лингвистического источниковедения проф. С.И. Котковым. Но дальнейшие исследования в этом направлении и работа с материалами картотеки исторического словаря показали что, изучая лингвистическую информационность КДРС, можно говорить о степени достоверности этого источника – вторичного по происхождению и обладающего заданными свойствами. Как известно, лингвистическая информационность имеет отношение к внешним условиям существования источ-

ника, а в нашем случае, когда речь идёт о большой картотеке, – к условиям её формирования, хранения и использования.

Что касается условий формирования, то информационность КДРС в большой мере зависит от характера выборки, от способности выборщика выписать на карточку из множества цитат, содержащих определённое слово, именно ту, которая наилучшим образом отражает его семантику в контексте. Имеет значение наличие иноязычных параллелей при цитатах из переводного произведения, комментариев и примечаний издателей и самих выборщиков. Наконец, многое зависит от почерка выборщика: не будем забывать, что картотека – рукописная. Лишь некоторые тексты изданных произведений, которых у сотрудников Группы ДРС в 30-е годы XX в. было не менее трёх экземпляров, разрезались на фрагменты и наклеивались на карточки. Это так называемая «разрезная» часть Картотеки ДРС. Она не содержит тех погрешностей, которые могли возникать по вине выборщика (например, из-за неразборчивости его почерка), однако в таких карточках иногда забывали указывать название источника и номер страницы наклеенного текста, но иногда можно их разыскать..

Как писала О. И. Смирнова, “<...> Картотека ДРС отражает несколько этапов её составления” [Смирнова 1967: 111–112], которые определили формат карточек, качество бумаги, чернил и т. п. Добавим: отражает и состав выборщиков. Первым этапом было выписывание цитат на узких полосках бумаги акад. А. И. Соболевским для своей работы и привлечёнными в 20-х годах XX в. к этому труду сотрудниками московской группы «Комиссии по собиранию материалов по древнерусскому языку». Так, в картотеке сохранились карточки (формат 3×10 и 4×10,5 см.) А. Д. Седельникова, С. И. Соболевского, И. М. Тарабрина, М. Ф. Богдановой, Т. А. Борзовой. На многих карточках контекст был слишком краток и недостаточен для составления словарных статей. Поэтому в 1934 г. в Группе ДРС их стали дублировать с более широким контекстом. Процесс дублирования стал называться «исправлением дефектных карточек». В фонде КДРС сохраняются и «дефектные» карточки и дубликаты, причём, на дубликаты переносились ремарки с карточек А. И. Соболевского и его коллег.

Вторым этапом считается работа московской группы под руководством акад. М. Н. Сперанского (1929–1934 гг.), когда к созданию картотеки были привлечены А. М. Селищев, В. Ф. Ржига, Н. Л. Туницкий, П. А. Расторгуев, Н. П. Попов, И. А. Виноградов, Ф. В. Буслаев. В это время были расписаны многие рукописи ГИМа и Румянцевского музея. Карточки приобрели другой формат: 6×11 см. Председатель «Комиссии по собиранию материалов по древнерусскому языку» находившийся в Москве акад. М. Н. Сперанский предлагал добавлять к

выпискам из переводных источников иноязычные параллели, таким образом расширяя лингвистическую содержательность картотеки. Сам он нередко работал с двумя источниками – русским и иноязычным – и внёс в картотеку более 36 тыс. карточек, расписав 127 памятников, чаще всего – рукописных.

Третьим этапом О. И. Смирнова считает работу Группы ДРС под руководством проф. Б. А. Ларина (1934–1949 гг.), которая пополнила картотеку почти на миллион карточек. Именно в это время перед авторами была поставлена задача создания и издания «Древнерусского словаря XV–XVIII вв.», именно тогда делалась сплошная и полная выборка из отдельных памятников. Были привлечены такие квалифицированные специалисты в области древнерусской литературы, как Д. И. Абрамович, Ф. И. Покровский, Н. А. Порфирьев, В. М. Верюжский, В. В. Майков, В. К. Комарович, историки М. Д. Присёлков, Б. А. Романов, П. А. Садиков, искусствовед и палеограф П. К. Симони, писатели Л. В. Успенский, В. В. Успенский, Е. А. Казанович. Формат карточек увеличился (8×10 см.). В «Проекте древнерусского словаря» в 1936 г. Б. А. Ларин ставил задачу довести количество карточек в картотеке до одного миллиона и закончить к 1945 г. издание 8-томного словаря по 100 печатных листов в томе. В это же время к пополнению картотеки привлекались студенты ленинградских вузов, некоторые из них потом были участниками войны 1941–1945 гг.

В это же время появилась «разрезная» картотека, составленная по ряду томов «Великих Миней Четьих», «Писем и бумаг Петра Великого», по «Памятникам Смутного времени», «Хронике Иоанна Малалы», по «Архиву П. М. Строева», по двухтомному «Сборнику грамот Коллегии экономии».

В целях более полного охвата лексики было начато составление указателей слов к таким публикациям, как «Домострой» и «Патерик Киево-Печерской лавры» (П. В. Акимов), «Задонщина» (Р. С. Лисовская), «Торговая книга» XVI в. (И. Н. Шмелева), «Горе-Злочастие» (М. А. Соколова), «Слово о полку Игореве» (Д. И. Абрамович), Ефремовская кормчая XII в. (С. П. Обнорский).

На четвёртом этапе (с 1963 г.) пополнение КДРС продолжалось группой сотрудников под руководством С. Г. Бархударова в Москве, когда также выборочно осуществлялось расписывание издаваемых историками и сотрудниками Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) памятников. К 1975 г. этот дополнительный московский фонд насчитывал более 50 тыс. карточек.

С 1975 г., когда вышло два выпуска «Словаря русского языка XI–XVII вв.», пополнение КДРС происходило во время студенческой практики, когда расписывались для картотеки в основном небольшие

по объёму публикации лингвистов. Иногда пополнение шло за счёт материалов, передаваемых в фонд учёными, собирающими данные для своих исследований в различных архивах страны. Эта лексика, предоставленная Е. Н. Борисовой (Смоленск), Е. Н. Поляковой (Пермь), Ю. И. Чайкиной (Вологда), сразу попадала в Словарь, а иногда выписывалась на карточки, которые расставлялись в картотеку.

8. Степень достоверности Картотеки ДРС

Работа с материалами Картотеки ДРС, расписанными для неё рукописями и публикациями, приводит к мысли о необходимости введения в число понятий лингвистического источниковедения такой категории, как *достоверность источника*, которая является инструментом для проверки любого источника. Условно принимаем лингвистическую достоверность рукописи за абсолютную, все её особенности, ошибки и опiski являются её характерными чертами.

Большое значение для определения степени достоверности такого источника с заданными свойствами, как Картотека ДРС, имеет осмысление сплошного рукописного текста, который из-за отсутствия в нём пробелов между словами выборщики иногда неверно разделяли на слова, что приводило к ошибкам в картотеке и словаре, к снижению достоверности этих источников. Так, в Картотеку ДРС попало слово **грьдля** из текста рукописной Кормчей Балашова XVI в. Оно включено в 4 выпуск «СлРЯ XI–XVII вв.» (с. 147) без толкования в следующем примере: “О еіспѣх и о причетницѣх иж(е) играют и глумягьс<я> и упиваюгься и ловы дѣют и на позорища ходят и грядля дают и гробы воскапывають” (л. 16).

Неверное деление текста на слова привело к ошибке. А. Б. Страхов в статье «По страницам Словаря русского языка XI–XVII вв.» пишет: “Таинственное ...*грьдля дают*... из Кормчей Балашова проясняется, если обратиться к переводу «Синтагмы в XIV титулах» по Рязанской кормчей 1284 г.: <...> і ловы дѣють ілі на позорища приход#т і ігры глядають ілі гробы вьскоповають” [Страхов 1998: 254]. Как видим, в Кормчей Балашова XVI в. произошла порча текста: писец в слове *глядяють* вместо буквы г написал д, а выборщик вследствие этого неверно разделил текст на слова. Из другого рукописного текста в картотеку попало словосочетание **сверла киперить** вместо **сверлаки перить**, что также говорит о неверном понимании и делении на слова сплошного скорописного текста. Поправка сделана в слове **перить** в 14 выпуске Словаря (указал Г. В. Судаков).

Даже опытные источниковеды, авторы публикаций, порой могут неверно прочитать скорописный текст и внести ошибку в издание (см.

далее в «Грамотках XVII – начала XVIII в.» слова **пенце** вместо *пенье* ‘пни на меже’, **маштуки** вместо *с В-ма [=с двумя] штуками*). Слово **пьявство** ‘пьянство’ из сборника документов Н. Новомбергского «Слово и дело государевы» (Т. 1 – М., 1911) после проверки по рукописи пришлось снять: оказалось, в публикации допущена опечатка, не оговоренная издателем. Филологическую достоверность материалов Картотеки ДРС эти факты, разумеется, снижают. К такому материалу, выявленному в результате разысканий, в КДРС ставится помета об ошибочном прочтении слова.

Однако есть в Картотеке ДРС признаки, повышающие её филологическую достоверность по сравнению с памятником, рукописным или опубликованным. В связи с этим необходимо упомянуть о дополнительных сведениях, содержащихся на её карточках, которые порой отсутствуют и в первичных источниках и в промежуточных. В ней встречаются краткие комментарии А. И. Соболевского к выписанным им цитатам; сохраняются бесценные комментарии к выдержкам из таких рукописей, как «Апокалипсис» XIII в. и «Библия» новгородского архиепископа Геннадия 1499 г., сделанные Ф. И. Покровским (а к выпискам из Библии – ещё и В. М. Верюжским). А в цитатах из таких памятников, как «О основании Царяграда и зданиях его изряднейших», выписанных Е. М. Иссерлин, в цитатах из «Скрижалей» Арсения Грека 1656 г. издания, выбранных Д. И. Абрамовичем, из «Похождения князя Радивила Сиротки в Святую землю», 1629 г., извлечённых С. Б. Бернштейном, русский текст сопровождается соответственно греческим, латинским, польским, когда параллельно расписывалось сразу два или три (как при работе с Библией) разноязычных текста одного и того же памятника. Иноязычные параллели обогащают фонды КДРС, раскрывая источники заимствований. Двужычные и трёхязычные карточки полнее характеризуют древнерусское слово, идентифицируя обозначаемое им понятие на двух и трёх языках, что почти исключает ошибку в определении семантики слова. Таким образом, в Картотеке ДРС возобновлена и поддерживается традиция, идущая от акад. А. Х. Востокова, который в 1843 г. в издании «Остромирова евангелия» (1056–1057 гг.) параллельно на тех же страницах привёл греческий текст, а в указателе слов и форм – греческие соответствия.

Картотеку ДРС отличает ещё одна особенность: в ней сохранились выписки из рукописей, утраченных во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в Киеве и Смоленске. Это, например, «Лунник» – рукопись XV в. из собрания бывшего Златоверхого Михайловского монастыря в Киеве, «Наука красноречия си есть Риторика» – рукопись Смоленского пединститута, две книги 1731 г. «Описание книги сея государства Китайского или Хинского» и «Книжица о

покорении государства Китайского богдойскими татарами», книга 1744 г. «Совершенный кучер, или как... у кареты на козлах ездить» из того же рукописного собрания и др. Их для картотеки успел расписать Д. И. Абрамович будучи преподавателем Смоленского пединститута в 1937–1938 гг., но работавший до конца своих дней в Вильнюсе. Произведения исчезли, а выписки дают некоторое представление о произведениях, об их жанре, содержании, стиле, языке.

Исторически сложилось так, что по богатству словника на первом месте среди исторических картотек стоит Картотека ДРС. «Наблюдения лексикографов показывают, – пишет Г. А. Богатова, – что после определённого количества карточек (разного для разных типов слов) новой информации о слове уже не поступает <...> Зон избыточных объёмов, благодаря ориентации на выборочность, Картотека ДРС не знает. Она отличается высокой плотностью зафиксированных слов на каждую тысячу карточек, обзорностью материала» [Богатова 1984: 68–69].

Лингвистическая содержательность и информационность такого источника с заданными свойствами, как Картотека ДРС, выявляется в работе над проблемами исторической лексикографии русского языка с привлечением её фондов [о научном потенциале КДРС см.: Астахина 1995: 21–45]. Оценивая значимость этой картотеки для русской науки о языке, Д. С. Лихачёв, участвовавший в обследовании КДРС в 1957 г., писал: «Она в основном составлена выдающимися лингвистами, литературоведами, историками, принявшими участие в самой предварительной, «чёрной» работе по расписыванию памятников <...> Можно с уверенностью сказать, что такого состава крупнейших учёных, которые бы в такой степени были начитанны в древнерусских текстах, собрать для написания карточек ДРС никогда больше не удастся <...> Картотеку ДРС, составленную учёными, всесторонне изучившими первые восемь веков русской истории <...> следует уже по одному этому признать уникальной» [см.: Лихачев 1957].

9. Лексические исследования по источникам картотек

Первостепенными источниками для изучения лексики русского языка являются словарные картотеки, которые охватывают русскую письменность, начиная с XI в. Пользуясь материалами находящихся в нашей стране пяти картотек, можно проследить как историю отдельного слова, так и лексических групп, потому что они помогают не только проверить собранные автором материалы, но и пополнить их.

Главной задачей исторической лексикологии В. В. Виноградов считал изучение закономерностей изменения групп лексики в их историческом движении, в неразрывной связи с развитием общества, с ис-

торией народа, т. к. “словарный запас языка быстрее и шире, чем другие стороны языковой структуры, реагирует на изменения во всех сферах общественной жизни” [Виноградов 1977: 70].

Материалы наших картотек обладают большим потенциалом, что позволяет рассмотреть историю слов от первых фиксаций до настоящего времени. Исследования, проводимые с использованием картотечных фондов на пути создания обобщающего труда по исторической лексикологии русского языка, определяют основные направления этой работы.

а. История одной лексической группы

Лексическая группа со значением ‘игра, развлечение’ отражает одно из немаловажных проявлений человеческой активности, по сути противоположных его трудовой деятельности. Собранный материал, показывает, что при исследовании этой группы возникает (как один из частных) вопрос об изучении эволюции “лексических ресурсов в контексте борьбы язычества и христианства” [Историческая лексикология 1988: 6]. История группы слов со значением ‘игра, развлечение’ отразила в своём развитии один из возможных путей, которые приближают к ответу на эти вопросы.

Объектом лингвистического исследования в указанном аспекте эта одна из древнейших лексических групп ещё не являлась, хотя о названиях игр есть некоторые работы (см.: Михайлова 1976 – о народных играх и танцах; Шмелёва 1969 и Вагитов 2007 – о карточных играх, Меркулова 1973 – об игре в бирюльки).

При решении задачи об эволюции лексической группы встаёт вопрос об источниках для исследования. Один из возможных путей – изучение изменения семантики компонентов группы по существующим словарям, т. е. по вторичным источникам с заданными свойствами. При многообразии направлений русской лексикографии такой путь представляется оправданным: без опыта предшествующих исследователей невозможно обойтись. Однако есть опасность пойти за мнением авторов словарей и представить развитие группы по уже существующим концепциям.

Надежнее познакомиться с первичными (рукописными) и промежуточными (опубликованными) источниками, с текстами, которые содержат исследуемые слова. Здесь на помощь приходят фонды отечественных картотек. Так, Картотека ДРС указывает адрес слова, представляя на отдельное значение “одну цитату из одного источника” XI–XVII вв. [Ларин 1936: 25]. Для более позднего периода собраны фиксации слов этой группы в картотеках ИЛИ РАН (Санкт-Петербург) – в

Картотеке «Словаря русского языка XVIII в.» и в Большой словарной картотеке, на основе которой создан «Словарь современного русского литературного языка» (в 17 томах). В словари, как правило, включается не весь имеющийся материал, а в картотеках остаётся много такого, что может оказать неоценимую помощь при исследовании эволюции лексической группы.

Группа с избранной семантикой включала к XVII в. слова *игра, потеха, потешение, забава, веселье*. Это абстрактные существительные со значением действия, поэтому при исследовании представилось актуальным привлекать соответствующие глаголы. Группа по статусу – лексико-семантическая, слова объединены семантическим инвариантом «игра, досуг». Можно назвать её и тематической, так как она называет определённые понятия, свойственные деятельности человека: “границы между тематическими и лексико-семантическими группами не всегда чётки” [Филин 1982: 230–231].

Из многочисленных наименований минимальной единицы плана содержания используем термин *сема*. В диахроническом исследовании, когда приходится иметь дело только с текстами прошедших времён, опираемся на высказывание акад. Д. Н. Шмелёва о том, что “значения многозначного слова находятся в отношении комплементарной дистрибуции (дополнительного распределения) друг к другу, т. е. проявление тех или иных значений зависит от употребления слова в различных лексико-семантических позициях” [Шмелёв 1973: 80]. Группа организуется на основе интегральной семы «способ проведения свободного времени» в противоположность семе «работа, труд, дело».

Для исследователя нужны источники, из которых можно было бы выбрать языковой материал, отражающий наибольшее разнообразие позиций с этими словами. Наблюдения показали, что эти позиции для исследуемой группы можно встретить в источниках любого жанра, начиная с древних богослужебных книг, летописей, повестей, поучений, житий святых и кончая деловыми книгами, письмами и дневниками.

Образования с корнями *игр-, весел-, (за-)бав-, (но-)тех(ш)*- свойственны всем славянским языкам, уходят в глубь веков в индоевропейские соответствия: достаточно заглянуть в этимологические словари.

Игра. Это семантически наиболее ёмкое слово. Материалы Картотеки ДРС показывают, что отношение носителей русского языка к игре долгое время было отрицательным, что отражено и в некоторых современных фразеологизмах: *игра(ть) на нервах, игра(ть) судьбою, игра(ть) с огнём* и др. Наибольшее распространение это слово получило из-за «способности» выражать как родовое, так и видовое понятие, хотя не всегда их можно чётко разграничить.

Родовое понятие встречаем в цитатах из Пандектов Антиоха и Жития Феодосия Печерского: “Дяволя мудрованья еже есть... пьянства, игры, скръня, юродословье, смѣх”. Панд.Ант.¹, 297. XI в.; “О семь же многашды родителие его нудящема и облещися в одежду чисту и на игры съ дѣтьми изыти”. (Ж.Феодосия) Усп.сб., 75. XII–XIII вв. В текстах конца XVII – нач. XVIII в. всё чаще появляется словосочетание **всякие игры**, которое призвано выразить родовое понятие: “Отданы на откуп карты, тавлеи, шахматы... кости и всякие денежные игры, чтоб не явя тѣх инструментов, и не заклеяма, и не заплатя пошлину, не играли”. Арх.Курак.,V, 270. 1704 г.; “Покупают [в Китае] малыя дѣвочки и учат всяким играм на инструментах и в тавлеи играть, такожде шить, всякому ремесву”. Опис.гос.кит., 99. 1731 г. Производные **играние, игрище** и др. имеют общую сему со словом **игра** и выступают в значениях ‘развлечение’, ‘увеселение’, ‘театральное представление’, ‘ритуальный обряд с песнями и плясками’ и др. Эти значения нашли отражение в 6 выпуске «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

Видовое понятие отражено в записи 1683 г. Холмогорской таможенной избы: “Явил дватцать игор шахмотных”. А.Холмог.там. избы, № 205. В большинстве случаев видовые наименования представляют собой сочетания слова **игра** с различными лексемами. Они образуют кустовую структуру [см.: Ларин 1977: 53; Богатова 1984: 140–141], включая два лексико-семантических варианта: ‘игра, связанная с досугом’ и ‘игра, связанная с языческой обрядностью’.

Первый ЛСВ предполагает столько названий, сколько можно представить себе **объектов** игры: игра биричем, в карты, шахматы, зерню, пилою (мячом) и т. п. Музыкальные инструменты тоже считались объектами игры, однако в сочетаниях с названиями музыкальных инструментов в XVII в. наблюдается метонимический перенос на привлекаемые звуки. Метонимия зафиксирована в тексте «Книги глаголемой гречески алфавит» XVII в. при описании музыкального инструмента: “Псалтырь во евреох бе сосуд, на нем же бе десять струн... еже есть песневец, ко игре бо его припеваху песни”. Алф.¹, 168 об., 172 об. В том же употреблении слово **игра** находим в «Повести о Василии Златовласом, чешском королевиче»: “Он же... заигра в гусли иную игру”. Пов.Вас.Злат., 7. XVIII в.~XVII в. Метонимия проявляется и при назывании мелодии, издаваемой часами: “Часы боевые с игрой”. АИ II, 406. 1612 г.

К слову **игра** присоединяются существительные во всех падежах (кроме, может быть, дательного), образуя наименование игры, причём, со временем всё большую продуктивность приобретают словосочетания с существительными в винительном падеже с предлогом **в**: **игра в шахматы, в прятки, в классики, в бирюльки, в мяч, в дочери-матери,**

в городки и т. п. Здесь можно согласиться с В. А. Меркуловой. “Названия игр, – пишет она, – как правило, образуются по двум семантическим моделям: или по названию основного действия в игре (ср. *салки, прятки* и т.п.), или по предмету, который используется в игре (*играть в карты, в кости, в бабки*)” [Меркулова 1973: 186].

Второй ЛСВ ‘игра, связанная с языческой обрядностью, пением с пляской при исполнении ритуального обряда’ способствовал длительному сохранению отрицательной окраски у слов *игра, играть*. А. А. Потебня (его в разное время поддержали в своих работах И. В. Ягич, О. Н. Трубачёв) высказал предположение о том, что первоначально эти слова связывались с языческой сакральной сферой. Он “предложил типологически вероятное выделение *-r-* суффиксального и дальнейшее сближение с древнеиндийским **уајаті* ‘читать божество’, греч. *ἵγιος* ‘священный’<...> Действительно, христианство упорно открещивалось от всего, что определялось им как «бесовские игрища», невольно наделяя обозначаемое таким образом отрицательной сакральностью”, – пишет О. Н. Трубачёв в статье о происхождении и фонетических истоках слова *игра* и производных в «Этимологическом словаре славянских языков» [ЭССЯ 8: 208–209].

Семантическая история слова *игра* в русском языке своеобразна, судя по данным словарей. Если объём значения первого ЛСВ (‘игра с объектом’) предполагает участников игры, то второй ЛСВ предполагает, кроме участников, ещё и зрителей, созерцателей: игра исполняется для кого-то; одни действуют, двигаются, издают звуки, другие наблюдают, смотрят (заметим: «наблюдать» иногда могло одно только божество, в честь которого исполнялось действие). У слов с корнем *игр-* долго сохранялась негативная окраска: “А ты храмляющая о вере научи и ноги текущих на игры в церкви обрати”, – читаем в Послании черноризца Иакова. [Макарий. ИРЦ II, 341. 1660 г.].

Эта направленность семантики привела к появлению ЛСВ ‘зрелище, театральное действие, представление’, отмечаемого во второй половине XVII в.: “А за всякую б игру или окомедию, что перед великим государем учнут творить, давать по 50 рублей... Им давать от игры по 50 рублей”. Док.моск.театра, 3, 7. 1672 г. Эта же сема «зрелищность» позволяла назвать *игрой* сражение, схватку: (1149): “Гордящю же ся ему и створи игру пред градом. И сразивъшуся ему со Воршемъ”. Ипат.лет., 801. Ок. 1425 г.; “Вельможи руского царя... крепко за веру христианскую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют, тем Богу лгут и государю”. Ив.Пересветов: 175. XVII в. ~ XVI в.; “Почта... принесла нам ваши письма, из которых уведомлены о щастливой вашей игре [об успешном сражении под Нарвой], о чём зело возрадовались”. Пётр, III, 637. 1704 г. В современном языке сло-

восочетание *военная игра* осталось применимым только к названию детской игры «Зарница», в военной терминологии используются слова *учения, маневры* (ср. косвенное отражение этой семы в названии *театр военных действий*).

Сема «зрелищность» как один из отличительных признаков слов *игра, играть* позволила протопопу Аввакуму сказать о людях, подверженных истерическим припадкам: “Помаза бешеных... изрядные детки стали, играть перестали и правильца держаться стали”. Ав.Ж., 31. 1673 г. Сема «подвижность (участников действия)» позволяет называть *игрой* забавы детей (ср. *подвижные игры*) и игры молодняка животных. Спортивные соревнования также получили названия игр: Олимпийские игры, Игры доброй воли (ср. Дельфийские игры – соревнования будущих корреспондентов, журналистов и других «интеллектуалов», проводившиеся, например, в 2004 г. в Рязани). А сема «несерьёзное занятие, ненастоящее дело» способствовала тому, что в спортивную терминологию буквально «хлынули» военные термины: спортивные *баталии* хоккеистов, *сражения* на шахматной доске. Здесь *баталия, сражение, состязание* выступают синонимами к *игра*.

Сема «изменчивость» не всегда отражена в контексте явно, однако известно, что в процесс игры ситуация постоянно меняется (ср. выражение *удача мне изменила*), что в итоге ведёт к проигрышу одного и выигрышу другого, когда всяким изменениям (а следовательно, игре) наступает конец: “С ним Любимком играл зернью, и выиграл де он Любимка у меня д<e>не>гь полтора рубли да зипун белой сермяжной”. Якут. а., карт. 1, № 1, сст. 280. 1639 г.

Сочетание сем «подвижность», «изменчивость», а также «зрелищность» делает применимыми слова *игра, играть* к наименованию движения морских волн, к блеску света на воде или в гранёных камнях. Однако такое понимание – явление более позднее, хотя образованные от корня *игр-* прилагательные *игрливый (игрьливый, игреливый)*, перешедшие в *игривый*, указывают на закономерность этого направления развития семантики: “Море сотвори волну иг<r>ливу”. (Рус.ист.сб.) Свед. и зам. III, 119. XV в.

Приведённые примеры взяты из источников, представленных в Картотеке ДРС. Это и рукописные Якутские акты, расписанные для КДРС по материалам СПб. Института истории РАН (бывш. ЛОИИ), и опубликованные И. И. Срезневским в сборниках ОРЯС «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках», и материалы, составившие целые тома «Русской исторической библиотеки», и многие другие. Но при поездке проф. МГОУ Рупосовой Л. П. в Вильнюс и ознакомлении с рукописной «Селенографией» Яна Гевелия (XVII в.) выявился ещё один лингвистический факт, который указывает на иное

направление в развитии семантики слов с корнем *игр-*: “Краины солнечные не суть смысла нашего некие игралищные дела и несть прелестные объявления”. [БАН Литвы, F 19/318, л. 87]. Не в этом ли семантическом русле (*смысла нашего игралищные дела*) позднее возникло словосочетание *игра воображения*? В Картотеке ДРС это употребление не зафиксировано.

Негативное отношение к игре – занятию несерьёзному, ненастоящему, даже богопротивному, как можно было видеть из приведённых выше примеров, – прослеживается и тогда, когда словом *игра* обозначают языческое ритуальное действие, и тогда, когда *игрой* называют обусловленные особыми правилами действия с объектами: “Егда ли видиши многи, събирающес<я> к кощунником и к чародѣем и к сатанинским пѣснем и играм, прослезися убо о них”, – говорится в Поучении Иоанна Златоуста. Сл. и поуч. против языч., 194. Сп. XVI в. Второй пример – это осуждение действий людей с определёнными объектами: “А которые учнут у соляного озера зернью и иными какими закладными играми играти... тѣхъ судовых работных людей... бить батоги”. АИ V, 287. 1678 г. На бытовом уровне отрицательное отношение к игре толкало людей к доноситељству: “А как ходил с памятью я, б<о>гомалец твои, к нему Богдану Протасьеву, и у него сидит троецкѡи поп Иосиф Суслов и играет с нимъ приказшиком онѣ Иосиф шахматы в большую игру. И какъ я, б<о>гомалецъ, пошоль из горницы, и он попь Иосифъ тут остался играть шахматы”. (Отписка поповского старосты) Пам.Влад., 225. 1681 г.

Негативная окраска прослеживается в сочетании с определением *злой*: (1229): “Мнози [по вар.] впадаху в рѣку, инии же избѣни быша, инии же изоимани быша, яко инде г<лаго>л<е>тъ: Скрыть река злу игру сыгра гражаномъ”. Ипат.лет., 761. Ок. 1425 г. В связи с этим отметим одну особенность употребления глагола *играть*: гимны, псалмы можно было *петь*, песни же (в народно-разговорном языке) – *играть*. Ср. в пословице: Песню играть – не поле пахать.

Источники, представленные в КДРС, дают возможность наметить хронологические границы – время, когда слова группы с корнем *игр-* (и в частности, глагол *играть*), начинают осознаваться как нейтральные. В Слове митрополита Даниила (первая половина XVI в.) находим: “Велико бо прочитающим божественное писание приобретение и польза бывает, и кто... поты проливая, искьи уразумети любомудрие сих и волю Божию, и отбегая, яко от змия, от срамословия и суесловия... и бесед душе вредящих, точию приемля заповеди Господня и предания, и учения святых апостол и преподобных... Отцев, и в сицевых *играет* и утешается и радуется душа, неже скомрахи, и плясци, и шахматы, и тавлеи, их же отрекоша Святии Отцы”. Сл.мт.Дан.,

80. Возможно, в это время связь с язычеством лексем с корнем *игр-* не осознавалась явно даже в конфессиональной сфере. Эти слова «избавлялись» от оттенка предосудительности, непропорциональности и постепенно становились нейтральными.

Своеобразным и незаменимым источником для исторической лексикологии являются «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. В одном из примеров словарной статьи *игра*, взятом из «Временника Георгия Амартола» (по списку XIV–XV вв.), нашла отражение сема «несерьёзное, ненастоящее действие, дело» в реализации лексико-семантического варианта ‘шутка’: “И ударив его за ланиту на игру”. Георг.Ам., 104.

Потеха. Сема «несерьёзное дело» более прочно закрепились за словом **потѣха** в значении ‘развлечение, забава’: “Король тѣшилсѣ [т. е. охотился, а не решал государственные дела – Л.А.] и прислал к нам те козы своей потѣхи”. Ст.сп.рос. послов, 5. 1564 г.; “Царская зимняя и летняя потѣха на звѣри”. Котош., 84. 1667 г.; “Царская лѣтняя потѣха птицы: кречеты, соколы”. [там же, 85]; “Государь пожаловал своей царские потѣхи рыбные ловитвы ко мне... прислал белужку да пять осетров”. Переп.Мих.Фед., 54. 1619 г.

В слове **потѣха** определяется и другая, не менее сильная прежде, но впоследствии несколько утратившая свою валентность сема: «зрелищность». Потехой было прежде всего ‘зрелище’. Афанасий Никитин писал: “Салтан выешает на потѣху с матерью да с женою, ино с ними человек на конех 10 тысящ, а пеших 50 тысящ... да пред ними 100 человек трубников, да плясцев 100 человек, да коней простых 300 въ снастех золотых”. Х.Афан.Никит., 22. XVI в. ~ 1472 г.; “Бился на государеве потѣхе с медведем”. Кн.прих.-расх.Каз.пр., 233. 1614 г.; “Около града поставиша царь до 1000 шатров, и вельможи в них кормьчествоваше, и пьюще, и веселящесе, и всякими потехами царскими веселящесе, честь празднику своему творяще”. Каз.ист., 28. XVI в.

Ярким зрелищем была **огненная** или **огнестрельная потеха**, т. е. фейерверк. В «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» Н. А. Смирнова так поясняется: “Фейверк – потеха огненная с фигуры”. Лекс.вокаб.нов., 19. XVII – нач. XVIII в.; “В празднество... Петра и Павла была огнестрельная потѣха”. Пох.журн., 27. 1698 г.

Потехой называли развлечение не только для зрителей, наблюдателей, но и участие, которое принимало в игре само действующее лицо. Когда Иван Грозный пришёл в Коломну «по крымским вестям» и вынужден был задержаться, “тут у него была потѣха: пашню пахал вешнюю и з бояры и сеял гречиху, и инья потехи, на ходулах ходил и в саван наряж<ал>ся”, – сообщается в Пискаревской летописи под 1546 годом (с. 73). Ссылаясь на И. П. Сахарова, публикаторы этого памят-

ника дают пояснение: “Игры (потехи) назывались внешней пахотой и посевом гречихи и сопровождались народными обрядами” [там же].

Вероятно, в XVI в. семантический объём слов *игра* и *потеха* был близок, и можно предположить взаимозаменяемость этих слов в некоторых контекстах; например: “В роши ходят [православные христиане] и в наливки бесовские потехи деяти”. Стоглав, 91. XVII в.~1551 г.; вместо *потехи* можно поставить слово *игры*.

Употребление в одном или сходном контексте позволяет, хотя и не всегда, дифференцировать слова по их семантическому объёму: “Учали в той столовой палате играти игрецы в сурны и в трубы и в иные многие игры, а дворяне королевнины с боярынями и з девицами учали танцевати. И советники ж Федору и Неудаче говорили: У гдрыни у нашей у королевны в обычае так ведетца, по вся дни после стола живут потехи и танцеванье”. Англ.д., 43. 1582 г. Если слово *игры* здесь обозначает ‘музыкальные инструменты’, то *потехи* – это ‘игра на музыкальных инструментах’, ‘музыка’. Возможно и другое: если *многие игры* – это ‘разнообразные развлечения, игры’, тогда слово *потехи* будет обозначать то же. Синкретизм слов не позволяет уточнить их значение из контекста, однако синонимичность их налицо.

В Картотеке ДРС встретилось и употребление слова *потеха* в значении ‘игра с предметом, объектом’, хотя можно в этом усомниться: “Царевич, его гости и девицы ту первѣе обретоша ся шахматные потехи, игры вскоре разгнеvimыя тавлеинныя, и скорыя шкоты, и прибитки напрасныя зерни”. Ист.Грои, 73. 1709 г. Отметим *чудные птичьи потехи* в одной из первых переведённых и поставленных “на театре” пьес «Артаксерсово действо» (л. 65). Ср. *игры молодняка животных* в современном языке.

Однако главное назначение потехи было приносить радость, удовольствие, развлекать, как видно по выпискам из столбцов Оружейной палаты, собранным И. Е. Забелиным: “Взяты те серги к царевне для потехи”. Заб.Разр., 674. XVII в. Ср.: *тешить* ‘баловать’ [Фасмер IV: 54]. *Потехой* называли рыцарские турниры: “Тригорий и Ивашко королевнину потеху видели, как пред нею билися, съезжалися меж себя князи, и боярские дети, и дворяне в полных dospѣсах на аргамацех и на жеребцех с дреvцы”. Англ.д., 332. 1600 г. Значение ‘борьба’: находим в фольклорном тексте: “У князя Владимира... после стола пошла потеха молодецкая... Ой еси ты посол... Василий Иванович, есть ли с тобою борцы с моими бы поборолися, а нас... потешили?” Былн.Т., 57. XVII–XVIII вв.

Сема «развлечение, увеселение» [может быть, также «отдых, удовольствие»] в противоположность семе «работа, труд, серьёзное дело» так прочно закрепилось за словом *потеха*, что христиане-послы

называли обязательные для мусульман ритуальные омовения тоже *потехой*: “То де у шаха последняя потеха, а отпустя де вас, шах идет тотчас в горы к ключевым водам в холодные места тешиться”. Посольство Барятинского, 463. 1619 г.

Потеха, игра – занятие несерьёзное, но приносящее удовольствие: “Грызут орехи для потехи”. Сим.Послов., 91. XVII в., т. е. для развлечения, от безделья, но с удовольствием. Вероятно, эти слова долго сохраняли отрицательную окраску потому, что были связаны с отдыхом, с языческой обрядностью, а также потому, что представлялись противоположными по своей семантике словам *труд, работа, дело*. Ср. в пословицах: “Играй, играй, да дело знай. Играть не устать – не ушло бы дело”.

Несерьёзным, ненастоящим могло быть (или только восприниматься?) сражение: вспомним *потешное войско* Петра I. В его письме 1695 г. к Ф. М. Апраксину *игра* и *потеха* – синонимы: “Ведает ваша милость, какими трудами нынешней осени под Кожуховом через 5 недель в Марсовой потѣхѣ были, которая игра, хотя въ ту пору, как она была, и ничего не было на разуме больше”. Пётр, I, 29. А вот что говорят участники обороны Азова, так называемого «азовского сидения»: “И начаша казаки турецким пашам насмехаться: Шедше скажите царю своему Брагиму – то у нас с ним первая потеха, только мы с ним оружие прочистили. А сколько ему под градом не стоять, а Азова города у нас не взять”. Аз. пов. (сказ.)¹, 105. XVII в.

Отрицательное отношение к ненастоящим делам, к забавам звучит в предупреждении от чрезмерного увлечения потехами: “А Бог [на] сем свѣте всякими потехами и радостью порадует и чад своих, а на том свѣтѣ вѣчной платежь будет”. Рим. имп. д. II, 138. 1595 г. Похвально, если человек внимал этим предупреждениям и вёл достойную жизнь: “Бе тои ц<a>рь, кн<я>зь великий, и много при себе памяти и похвалы достоино сотвори... от юны версты не любляше никакие потѣхи царския... и всяко смехотворение от себе отрину”, – сообщает об Иване Грозном. Каз. ист., 175. XVI в.

«История семи мудрецов» (XVII в.) содержит слово *потеха* в неопределённом, обобщённом значении, что в русском языке не получило дальнейшего развития, а в тексте конкретизируется описательно: “Милый цысарю, аз еще у тебе не понесла во чреве. Н<ы>не же для моей потехи прошу тебя, чтоб еси послал по с<ы>на своего” (л. 200 об.) и далее: “Жена его взем ключи ис под зголовья и поиде къ юноше к любимому для потехи ради тела своего” (л. 212 об.). Видимо, переводчик не смог подобрать однословный русский эквивалент для описания этой ситуации.

Слова *потеха* и *игра* выступали как полные синонимы при обозначении театрального представления; в этом наименовании реализовались семы «зрелищность», «подвижность»: “Поставил театрум, то есть каменного дела высокое здание со многими теремы, для всяких комеди, то есть дѣйственных потех”, – говорится в Козмографии. Козм., 384. 1670 г.; “Да он же Николай приговорил для потех царского величества экомедиантов магистра Фелтона да Чарлуса с товарищи”. Док.моск.театра, 6. 1672 г. Примеры с *игра* в подобных контекстах приведены выше.

Постепенно в слове *потеха* сужалась семантика, оно теряло нейтральный стилистический оттенок и приближалось к разговорному. В «Словаре современного русского литературного языка» стилистическая принадлежность этого слова не отмечается: даётся несколько иллюстраций, где *потеха* употребляется в канве произведений XIX в. на исторические темы («Борис Годунов» А. С. Пушкина, «Иван Грозный» А. К. Толстого) и является нейтральным.

Думается, в современном литературном языке *потеха* не принадлежит к нейтральному стилю. Слово *потеха* и раньше больше тяготело к разговорным жанрам, постепенно уступая место пришедшему относительно поздно (в XVIII в., по данным Картотеки «Словаря русского языка XVIII в.») слову *развлечение*, которое осознаётся как нейтральное и по семантике приближается скорее к *игра*, чем к *потеха*. Смысловой объём последнего сужается, слово архаизируется.

Забава. Архаизация происходит ещё и потому, что с конца XVI в. развиваются общие с *потеха* семы у слова *забава*, которое могло употребляться и в значении ‘дело, занятие’, и в значении ‘развлечение, удовольствие’: “Того ж дни пришед писарь к митрополиту к Арсению... говорил, чтоб не покручинились, – гетман съѣхал для своих забав, а приказал во всем с вами мнѣ говорить”, – пишет Арсений Суханов. Арс.Сух.Ст.сп., 310. 1651 г.; “Вѣлми ты меня опечалил, послѣднего друга моего от меня взял... а у нас было в печалех наших толко было и забавы”. Пётр, I, 559. 1696 г.

Забавой и *потехой* могли называть военные действия: “Тем татарские войска от иных своих военных забав удержаны”. Петр, I, 207. 1697 г. Видим закономерность в том, что слово *потеха* в процессе семантического развития сближалось с *забава* (от и.-евр. *bava ‘забава, игрушка’, ‘довольство, достаток, обилие’. Ср. глагол *baviti укр. ‘развлекать, забавлять, интересовать’ и ‘медлить, задерживать, терять время’ – ЭССЯ, Фасмер).

В современном языке *забава* отмечается в одном ЛСВ: ‘развлечение’ с оттенком значения ‘то, что развлекает, веселит’. Ср. в СлРЯ XI–XVII вв.: *Бавитися* – ‘заниматься, развлекаться’ (польск. bawić

się). М. Фасмер (т. I: 101) даёт *-бава* только как составную часть слова *забава*, а О. Н. Трубочёв указывает на «почти полное возобладание в русск. языке продолжений приставочного **zabaviti* (se) с семантикой ‘забавлять, развлекать’» [ЭССЯ 1: 168].

Потешение. Слово вышло из употребления в современном языке, осознаётся только в связи с *потеха*, однако в XVI–XVII вв. оно было активно и обладало специфическими семами. В значении ‘игра, развлечение’ оно было полным синонимом к *потеха*: “Бѣ бо обычаем кроток... и игры дѣтския ни царьскаго потешения не внимаше”, – сказано в Житии Игнатия Вологодского (л. 80 об. XVII в. ~ XVI в.). В «Лексиконе полоно-словенском» (1670 г.) слово *Krotofila* переведено словами *утеха, потешение, увеселение* (с. 88). Это же значение отмечено в былинах: “То старина, то и деянье, синему морю на утѣшение, быстрым рекам слава до моря, а добрым людям на послушанье, весѣлым молодцам на потешенье”. [Кирша Дан., 12. XVIII в.]. Но чаще оно употреблялось в значении ‘удовольствие’, особенно если это связывалось с редким, вкусным кушаньем: “Пирогы – семье потешение”, – читаем в Домострое. Дм., 33. XVI в.; “Посылает некоего от служащих ему къ преподобному с различными брашны и питии в потешение старцу с братьями”, – сообщается в Житии Сергия Радонежского. Ж.Серг.Р.Епиф.², 137. XVI в. ~ 1418 г. В большинстве случаев слово *потешение* эксплицирует сему «хорошая еда, угощение, гостинец»: “А рыбки де им дает на неделю по двожды, по одиножды на день, а раненым де и больным потешенья нет, и в запрос питья и ѣствы не дают”. АИ II, 283. 1609 г.; “На господские праздники и на ваши великих государей торжественные дни и на ваших государских родителей память потешение бывало в трапезе и пище”. (Челобитная соловецких иноков) Суб.Мат. III, 48–49. 1666 г. Здесь речь идёт о редкой, не повседневной пище, предлагаемой как лакомство, поощрение.

Поощрение могло быть сделано и в виде дополнительной платы за внеурочную работу, что в слове *потешение* обуславливает метонимический перенос значения: “Молотили дѣти [т. е. монастырские дѣтёныши – Л. А.] в воскресной день, дано им потешенья два алтына”. Кн.прих.-расх.Прил.м., № 13, 8 об. 1609 г.; “На расход давати монастырским спевакам для потешения на Светлое Христово воскресение десять алтын”. Кн.Ивер.м.I, 120 об. 1666 г. Могли вознаградить за трудную работу: “Да по игуменскому приказу дано потешенья что на судех ходят по камень: Омельяну десять алтын, Кирею... десять алтын”. Кн.расх. Болд.м., 95. 1598 г. Плата в дополнение к той, за которую рядились, вероятно, и воспринималась как милость нанимателя, проявление внимания, поощрение старания, т. е. с удовлетворением. Получали *потешение* и те, кто выполнял работу сверх своих обязан-

ностей: “Дано... двум дворником потешенья 8 алтын 2 денги, что онѣ стряпали зиму у лошадей”. Кн.расх. Дорогобуж.м., 297. 1585 г.

Все эти употребления реализуют семы «поощрение дополнительной оплатой», «что-то случайное, непредусмотренное, но приносящее удовольствие, радость». Последняя сема сближает слова *потеха* и *потешение*, хотя различия в их семантике весьма заметны уже в XVI–XVII вв.

Веселье. Лексема *веселье* имеет в «СлРЯ XI–XVII вв.» два прямых лексико-семантических варианта: 1. *Веселье, радость*: “Кому Белое озеро, а мне чернее смолы, кому веселие, а мне плач горький”, – читаем в Молении Даниила Заточника. Сл.Дан.Зат., 39. XVII в. ~ XII в.

2. *Развлечение, увеселение*. “(986): Руси есть веселие питье, не можем бес того быти”. Лавр.лет., 85. 1377 г.; “Веселые были иноволос<т>ные, а были в д<е>р<е>вни и збирали себе хлеб, а у меня веселье не играли”. А.Свир.м., № 204, сст. 5. 1659 г. Характерно употребление глагола *играти* при слове *веселье*: скорее всего, веселье обязательно сопровождалось играми, пением. В Минеях (например, XVI в.) словом *веселье* обозначалось радостно-приподнятое состояние человека, когда он совершал добрые дела [см. РГАДА, ф.381, № 122, л. 99–102]. Как видим, слово *веселье* имело небольшой семантический объём и было нейтральным. С другими словами группы его объединяет значение ‘развлечение, увеселение’.

Рассмотренные лексемы совпадают в своих лексико-семантических вариантах не во всех позициях, а только при реализации общих сем. Со временем в группе происходит стилистическая дифференциация: слово *игра* становится нейтральным, избавляясь от оттенка языческой сакральности, и теряет негативную окраску. Слово *потеха* всё более тяготеет к разговорной речи, а как нейтральное выступает в качестве историзма. *Забава* с конца XVII в. начинает обозначать не только занятие, дело, но дело, связанное с развлечением и вызывающее удовольствие. *Потешение*, близкое некогда к слову *потеха*, имело тесную связь с семой «удовольствие, радость», поэтому оказался возможным метонимический перенос: слово стало использоваться для обозначения поощрения за труд, а потом – дополнительной платы за внеурочную или за хорошую работу. В этом значении оно в языке не закрепилось. *Веселье* было и осталось нейтральным, а словосочетание *веселье не играли* сближает его с лексемой *игра*, может быть, и с отрицательной окраской, о чём невозможно судить утвердительно из-за недостатка фактического материала. В современном языке *веселье* – это прежде всего ‘беззаботно-радостное настроение, радостное оживление’, а уж потом – ‘весёлое времяпрепровождение, развлечение, забава’. Причину того, что группа слов со значением ‘игра, раз-

влечение' сохранилась до настоящего времени без особых «потерь», видим в том, что в ней произошла стилистическая дифференциация. Утрату историзма *потешение*, видимо, следует рассматривать в свете исчезновения тех социальных отношений, которые складывались между монастырём и его работниками. В современном языке дополнительное материальное поощрение за труд именуется *премией* – как видим, понятие не осталось без названия.

В исследовании использованы разнообразные источники, но главными оказались фонды наших больших картотек: Картотеки ДРС, СДР, картотеки «Словаря русского языка XVIII в.», Большой словарной картотеки, по которым не только проверялись собранные материалы, но и пополнялись. Нельзя умалять в подобных исследованиях и роли русской лексикографии: исторической, этимологической, региональной, словарей современного литературного языка. Все источники (первичные, вторичные и промежуточные), с разных сторон освещающие исследуемую лексико-семантическую группу, предоставляют возможность рассмотреть различные аспекты её формирования и функционирования, проследить развитие её компонентов на протяжении большого временного отрезка, отметить утраты и приобретения.

б. История одного слова

Удобнее всего начинать сбор материалов по истории одного слова с обследования фондов больших картотек, т. е. вторичных источников, сформированных с целью создания различных словарей. Указания на публикации и рукописи, фиксирующие «адреса» изучаемого слова, помогут дополнить материал, так как и в картотеки с выборочной выпиской попадает не весь материал из источников. Исключение составляет Картотека СДР, в которой на каждое слово стоит карточка с контекстом.

Проследим семантическую историю слова *персть* от первых фиксации до выхода его из активного употребления, слова, которое является архаизмом в современном русском языке. Важно также увидеть лексемы, которые пришли на смену этому своеобразному семантическому конгломерату.

В образном восприятии поэтов и писателей идея создания человека Богом остаётся и в наше время. В древнерусской письменности отчётливо осознавалось, что человек был создан из *персти*. В произведении XIV в. «Мерило праведное» сотворение человека описывается так: “Прмдростию си созда съ дшйнаго члвкв... смѣси персть с дхмь, кровь с плотью, студено с тепломъ без вреда связв” (с. 4–5). В более позднее время, в XVII в., этот процесс описан подробнее в «Сказании,

како сотвори Бог Адама»: “Создати в земле Мадямстей человека, вземь земли горсть, ото осми частей: 1) от земли – тело, 2) от камня – кости, 3) от моря – кровь, 4) от солнца – очи, 5) от облака – мысли, 6) от света – свет, 7) от ветра – дыхание, 8) от огня – тепло. Лож. и от реч.кн., 12. Вместо слова *персть* употреблено *горсть земли*.

При изучении древних памятников выявляется представление их авторов о том, что существовал своеобразный «круговорот вещества в природе»: всё, что создано из земли, в неё и возвращается. Возможно, поэтому одно и то же слово *персть* употреблялось как для обозначения того вещества, из которого создан человек, так и того, что остаётся от него после смерти. И всё это объединялось понятием «земля», обозначаемым словом *персть*. Так, в «Сказании Агапия» читаем: “А хотящу умрѣти и с прьстию смесити ся, нъ обаче съкажу ти: да ся не блазниши”. Усп.сб., 471. XII–XIII вв. А в «Житии преподобного Варлаама Хутынского» также подтверждается эта мысль: “Не все ли умоша и с перстию смѣсишася”. Пролог (П.), 49. 1677 г.

Есть свидетельства древней письменности о том, что слово *персть* использовалось для обозначения верхнего слоя земли, почвы, например, в Лаврентьевской летописи под 988 годом: “Корсуняне подькопавше стену градскую и крадуше сыплемую перьсть и ношаху собе во градъ”. Лавр.лет., 109. 1377 г.; “Место то не имеша прьсти, бяше бо камень”, – сообщается в «Палее исторической» XII в. (по сп. XV в.); “Преподобный Марко многа места ископав пещере своима рукама и на своєю плещу прьсть износя”, – читаем в «Патерике Киево-Печерского монастыря». Патерик Печ., 110. XV в. ~ XIII в.

Этим же словом называли пыль, песок: “Влекомы же по земли ветви, въздвизаше же ся прьсть, и въсхожаше прахъ до Олимпа, якоже прьсомъ, съ града зрящимъ, мнети, яко мнози суть воины безъ числа”. Александрия, 59. XV в. ~ XII в. А автор «Казанской истории» (XVI в.), описывая подобную ситуацию, избежал слова *персть* и употребил уже более точное *песок*: “От конских ног бо взимаему на высоту песку, и не бѣ видѣти солнца, и небеси, и всего воиска идуща”. Каз.ист., 162 об.

В «Требнике» XVI в. *персть* – это мельчайшие твёрдые частицы, присутствующие в дыме: “Дым есть житие се пара, и перьсть и попель в мале является и вскоре погибает” (л. 153 об.). Значение ‘ил, мельчайшие частицы на дне моря и в воде’ отмечается при описании Красного моря в рукописной «Козмографии» начала XVIII в.: “Нарицает же ся море Египетское море Чермное, занеже есть персть оного чермная, и сего ради вода видится чермна” (л. 95).

В обиходе книгописцев и иконописцев тоже употреблялось это слово. Так, в публикации П. К. Симони «Материалы для истории техники книжного дела и иконописи» есть целый раздел, который называ-

ется “О персти”. Можно предположить, что *персть* здесь – это ‘мелкая, сыпучая земля’, что, кажется, подтверждается и текстовой глоссой: “Персть, сиречь землю черну или белу взем, и положи в сосуд” (с. 47. XVI–XVII вв.). Но дальнейший текст показывает, что, скорее всего, здесь имеется в виду тёмная или светлая глина, т. к. речь идёт об изготовлении изразцов, поэтому продолжим цитату: “И воды наложи, и размутя рукою, сливай мут во ин сосуд... и иж<е> от мута что на дно падет, то размеси на квасу, и соли положи по мере... Меси насухо... и тем печатати израсцы” [там же]. Здесь *перстью* названа глина, которую можно было развести водой.

Многообразие лексико-семантических вариантов, объединяемых словом *персть* в древнерусской письменности, приводило к тому, что слово постепенно выходило из употребления. Оно заменялось такими эквивалентными для отдельных сем словами, как *земля, песок, прах, пепел* и др. А. А. Уфимцева, на материале английского языка рассмотревшая эволюцию значений слов, употреблявшихся для понятия «земля», пишет, что процесс развития многозначного слова влияет на всю систему языка: “Отдельные значения полисемантических слов, т. е. лексико-семантические варианты слова, находятся в различных соотносительных связях внутри слова, по-разному перегруппировываясь от эпохи к эпохе; меняя своё отношение друг к другу, они изменяют своё место и роль во всей лексико-семантической системе языка” [Уфимцева 1962: 162].

К концу XX в. слово *персть* из активного употребления вышло; только в отдельных случаях авторы употребляют его, да и то с определённой эмоциональной окраской: “Со студенческих лет помню напряжённо-неприятное отношение к бутафории – то ворчал в генах прагматик дед, персть земная, его крутая деревенская закваска” [Эбаноизде, 197].

Персть земли, земная персть – эти словосочетания говорят о том, что слово *персть* в своей истории в русском языке постепенно десемантизировалось, теряло связь с понятием «земля», но сохраняло сему «что-либо мелкое, сыпучее». Так, в Трактате Иосифа Волоцкого о неприкосновенности церковных и монастырских имуществ встретилось восклицание: “Персть земли оная окааннии мои очи засыпаша”. Иос. Вол. Сл. соб., 133. XVI в. А в Кормчей Балашова (XVI в.) сообщается, что мусульмане “аще не обрящется вода, прием персть тонку, трут руцѣ и лице”. Корм. Балаш., л. 492 об. В «Записках Сильвестра Медведева» также встретилось слово *персть* с определением *земная*: “Бог же... [не оставляет] без промысла своего, не токмо царства своего, ниже малыя горсти персти земная”. Зап. Сильв., 16. XVII в.

Одновременно у слова *персть* остаётся (или появляется?) сема «множество мельчайших частиц» и далее по принципу метонимии – сема «неисчислимое множество»: “Кто ес<ть> изчьль прьсть земнуя, или пѣськъ морскы, или капля дъждевние, или росу?” – читаем в Книге Еноха Праведного XIII в. (с. 47, по сп. XV в.). А ранее в переводе Пандекта Антиоха (XI в.) представлена ещё одна абстрактная сема этого слова: «что-то мелкое, ничтожное, не достойное внимания»: “Слава бо члѣа в прьсть въселиться, добродетельная же слава пребываетъ въ вѣкъ”. Панд.Ант., 95.

В XVII в. настолько ясно осознавались различные лексико-семантические варианты слова *персть*, что в одной и той же фразе оно было употреблено в двух разных значениях: ‘земля, сыпучая её часть’ и ‘останки, прах, труп’: Нафанаил с Иоанном “честныя и святагы его [Савватия] мощи во гробе положиша, и вдаша персть персти мѣсяца сентебря в двадесят седмый день”, – сообщается в Житии Савватия. Пролог (П.), 28. 1677 г. Видимо, десемантизация слова *персть* началась давно, что получило отражение в памятнике XII в.: “В персть смерти изведе мя”. Златоуструй, 3 (до состояния небытия, ничтожества).

В середине XVIII в. В. К. Третьяковский попытался увидеть в слове *персть* некую торжественность, придать ему возвышенную стилистическую окраску. Так, в работе 1750 г. «О сочинениях Сумарокова» он писал: “Тело Петра Великого надо было назвать не прахом, а перстию, жертвенностию, или останками <...> с почтением”. Но стилистической дифференциации по отношению к словам *прах*, *останки* у слова *персть* не произошло, видимо, из-за тех значений, которые указывали на связь с землёй. Поэтому оно, возможно, и было вытеснено из активного употребления.

В современной литературе иногда находит отражение мнение прежних поколений о сотворении человека Богом. Но материал, из которого он создан, видится по-другому. Так, Д. А. Гранин в повести «Зубр» употребил словосочетание *божья глина*, поставленное в кавычки. Обрисовывая ситуацию в конце войны (в 1945 г.) в Бухе и положение Тимофеева-Рисовского, автор пишет: “Теперь ничего его [Зубра] не могло стронуть с места [из Буха]. Это был даже не выбор. Под мощным прессом пропаганды человек практически не мог устоять, его сминало, «божья глина» расплющивалась, принимая всеобщую форму. Свободы выбора не было. Непонятно, каким образом он сумел сохранить себя”. [Гранин 1988: 67]. Тот же образ (глина) – у Н. Овчинниковой в статье о подростках «Не сломать судьбу»: “Меня всегда удивляют люди, которые не боятся сломать, изувечить судьбу [подростка]... человек-то ещё не вырос, и глина, из которой он слеп-

лен, не затвердела. Не смять бы его непоправимо!» [Известия, 3 сент. 1987 г.].

Мягкость и пластичность воска как «образ» материала, из которого был создан человек, в XIX в. был использован Д. И. Писаревым. В статье «Реалисты» он так характеризовал Аркадия Кирсанова, одного из персонажей романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»: «Аркадий... похож на кусок очень чистого и очень мягкого воска. Вы можете сделать из него всё, что хотите, но зато после вас всякий другой точно так же может сделать с ним всё, что этому другому будет угодно». Как видим, в трёх последних примерах речь идёт уже не о теле человека, а о его характере, о его стойкости или податливости по отношению к чужим, посторонним влияниям.

Другие лексико-семантические варианты слова *персть* ‘останки’, ‘что-либо разрушенное и смешанное с землей’, ‘пыль’, ‘прах’ изредка получают отражение в произведениях современных писателей. В историческом романе Д. М. Балашова «Симеон Гордый», в котором описываются события первой половины XIV в., встречаем *персть* в значении ‘пыль’, ‘прах’ в молении князя Симеона Ивановича: “Пройдут года и века пройдут, и минет всё сущее днесь, и ты, великий, невестимо для меня, возвеличишь прославив, или сотрёшь в персть родимую Русь. И ежели прославишь и утвердишь, – помяни меня, Господи”. [Балашов, 7]. В переводе «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели находим *персть* в неопределённом, синкретичном значении, к которому трудно подобрать синоним (разве – ‘ничтожество?’):

Шермадин, собрав придворных и иных достойных чести,

Показал указ владыки, и его читали вместе.

С поражёнными сердцами все внимали этой весте.

Рвали волосы от горя, уподобленные персти [Руставели, 54].

В Национальном корпусе русского языка дано 100 примеров употребления слова *персть* в произведениях писателей XVIII–XIX вв. Изучение их показало, что чаще всего *перстью* называли саму землю, пыль, песок (68 примеров), останки (9 примеров) и человека, как существо, созданное из земли и потому достойное презрения, сожаления (15 примеров), и вообще что-л. ничтожное, не стоящее внимания (6 примеров). Заметим, что два примера попали сюда случайно: 1) массивными перстями и тесными кольцами – здесь, видимо, нужно читать *перстнями*; 2) нюхали со швычка, брали перстью... табак – здесь имеются в виду *персты* ‘пальцы, сложенные щепотью’.

В произведении «Evgenia Ivanovna» Л. М. Леонова отразилось семантическое богатство понятия, которое раньше охватывалось одним словом *персть*. Автор ни разу не употребил его, он нашёл другие, не менее выразительные средства.

В повести есть сцена, когда археолог Пикеринг, будучи в Месопотамии, переживает свою встречу с остатками (останками!?) прежних времён, вернее, со своим образным представлением о древних цивилизациях, покоящихся под слоем песка и пыли:

“– Какая тут злая, беспокойная пыль, – сказала однажды Евгения Ивановна...

– Не браните её, Женни, – отвечал англичанин... – Перед вами глиняный пепел библейских царств. Он помнит слишком много, чтобы остыть, примириться, предаться заслуженному забвению”. Далее автор пишет: “Он размышлял вслух о гигантских сгустках неистовой человеческой плазмы, которая непрерывно в течение столетий возникала из этой почвы ради единственной в сущности цели – грудью в грудь сшибиться с ордами других наречий, пронзить друг друга мечами во имя демонов, в те времена владевших миром, и безжалостно раствориться всё в той же песчаной позёмке. С тех пор, по заключению Пикеринга, большая зола мучается и мечется в поисках прежних сочетаний, когда она была локоном красавицы, горлом певчей птицы, лепестком шафрана...

– Вот все они ушли, но они по-прежнему тут! – И горсть взятого из-под ног праха дымными струйками пролилась сквозь сомкнутые пальцы. – Ничто не пропало... Не ропщите на него, прах прежней жизни, за то, что он ластится и льнёт к живым. – По привычке он закончил лекцию перечислением сект, династий, деспотов и прочих исторических жерновов, помогавших превращению руд, плодов, костей и драгоценностей в нынешние частицы пылевого помола”.

Беспокойная пыль, глиняный пепел библейских царств, гигантские сгустки неистовой человеческой плазмы, песчаная позёмка, большая зола, (которая) мучается и мечется, дымные струйки праха, прах прежней жизни, частицы пылевого помола – вот те слова и выражения, которые пришли на смену богатому по своей семантике древнему слову *персть*. Язык – самонастраивающаяся система, в ней обязательно найдутся лексические средства для выражения понятий взамен утраченных, которые под пером мастера оказываются несомненным шагом вперёд в развитии языка.

в. Продолжение истории слова в источниках XVIII–XX вв.

Чтобы проследить историю появления, функционирования слова в языке и затем уловить момент выхода его из активного употребления, всякое диахронически исследованное слово принято проверять по материалам русских классиков, известных картотек и исторических словарей. Особенное значение приобретает в таких случаях «Словарь

языка А. С. Пушкина» как обобщение лингвистических сведений о русском языке XVIII–XIX веков. Этот вторичный по происхождению источник является своего рода мерилем наших предположений, отразивших явления языка предшествующего «письменного периода», им измеряется степень правдивости и достоверности исследования. В нём более 20 тысяч слов, но одного старинного слова в нём нет. А. С. Пушкин наверняка знал это слово, но он ни разу не употребил его в своих стихах, прозе, переписке, представленных в академическом «Полном собрании сочинений» 1937 г., по которому составлен словарь его языка. Это слово *персть* и производное *перстный*.

В стихах его друга, поэта В. К. Кюхельбекера это слово есть.

Увы! давно цветы те отцвели,
Давно смешались с перстию земли [“Брату”– БСК].

Поэтам и писателям старшего поколения в начале XIX в. слово *персть* было близко. Они обращались к нему в своих произведениях, чтобы подчеркнуть как божественное происхождение человека, обладающего «душою живою», так и его несовершенство, подверженность земным страстям – качествам, свойственным ему искони вследствие создания его из персти. Ср.: “Первый человек от земли перстен”. Послание коринфянам, гл. 15, ст. 47 (по Ефремовской кормчей XII в.).

Слово *персть* было многозначно. В «Материалах для древнерусского словаря» авторитетного историка языка И. И. Срезневского (издан в 1890–1912 гг.) отмечено шесть значений: 1. *прах, пыль*, 2. *земля* (с примером из «Повести временных лет»: “крадуще сыплемую персть” под 988 г.), 3. *земля, страна* (с примером из Ис.Нав. VIII, 28 по сп. XIV в.: “Персть без уселения”), 4. *плоть, тело* (с текстом из сентябрьской Минеи 1096 г.: “Вся чь<ловъчь>ская персть в тѣло създася” – л. 61), 5. *тлен* (с текстом из Пандекта Антиоха XI в., л. 95: “Слава бо члѣча въ прьсть въселиться, добродѣтельная же слава прѣбываеъ въ вѣкъ”), 6. *локут, тряпье* (с цитатой из Пандекта Антиоха, что и в «СлРЯ XI–XVII вв.», где она приведена под 4-м значением ‘*ветошь*’: “Якоже бо прьсть усѣдящая правда наша” – л. 114). Заметим: «Материалы» Срезневского начали издаваться в конце XIX в.

В «СлРЯ XI–XVII вв.» схема значений *персть* немного иная. На первое место выдвинуто значение ‘земля (в разрыхлённом состоянии), пыль, персть, т. ж. перен. тлен.’ Сюда даны словосочетания *положити персть на главах своих, главу свою перстию посыпати* – без толкования. Здесь же в качестве оттенка приведено толкование ‘о телесной природе человека’: “Да не имуть вины глаголати яко ина персть есть Адама и ина Евы” [Скрижаль, V: 50. 1656 г.] и другое употребление с толкованием – об Адаме: “Персть нашего рода един есть пра-

отец» – из Послания Сильвестра 1553 г. Второе значение ‘мощи, останки’, третье – ‘земляная насыпь, холм, гряда земли’ с примером из «Сказаний о чудесах Бориса и Глеба» [Усп.сб., 60]: “Откопати персть сущюю надъ гръбьмъ стюю”, и четвертое – ‘ветишь’, как было у И. И. Срезневского под 6-м значением.

В источниках XVIII–XIX вв. слово *персть* встречается как в поэтических, так и в прозаических произведениях.

Персть в значении ‘материальное в противоположность духовному’ находим в «Акростихе» поэта конца XVIII – нач. XIX в. Ив. Долгорукова:

Ты можешь, Боже, всё – в твоей руке союзы,
Непостижимо персть связавшие с душой,
И сущие в борьбе всегда между собой [т. I, с. 21– БСК].

В значении ‘труп, останки, прах’ встречаем *персть* у А.С. Хомякова в стихотворении, посвящённом памяти В. Киреевского:

В тебе пылали жизни волны,
В тебе пылал огонь страстей,
И ты сошёл, надежды полный,
В жилище дедовских страстей.
Счастлив! Там персть твоя сокрыта
От стрел мучительных забот,
И от судеб тебе защита
Могилы каменный оплот [К В.К. 1827 г. – БСК].

В значении ‘пыль’ использует это слово Н. И. Гнедич в переводе «Илиады»:

В бою и голову персть покрывала державного старца [Приама]
Коею сам он себя, пресмыкаяся в прах, осыпал [гл. 24 – БСК].

Часто *персть* встречается в переносном значении, когда автор стремится подчеркнуть слабость, ничтожность человека, «приземлённость» его желаний и устремлений в противоположность неземному, возвышенному, одухотворяющему, что поддерживается и усиливается приведёнными здесь же синонимами, как например, в «Князе Таврическом» у А.Н. Апухтина в монологе больного Г. Потемкина:

Да, бредил я, и бред тот был мне сладок,
А впрочем, я могу свободно бредить:
Уж я не князь, я больше не светлейший,
Я – персть, я – прах, я – только человек

[Апухтин, 342 –БСК].

Человек – существо земное, он создан из персти, ему свойственны мирские желания. “Славный г. Ривароль должен был ... принятися за убогий завтрак, ибо мы, сыны персти, похлебкою живём, не красными словами”, – иронизирует К. Н. Батюшков в «Анекдоте о свадьбе Ривароля» –[БСК]. В «Ивиковых журавлях» у В. А. Жуковского находим словосочетание *чада персти*: “Не шествуют так чада персти”. Здесь это звучит торжественно, как торжественна и вся поэма. Эту же мысль о слабости, тленности, «конечности» человека выразил Ив. Долгоруков в скорбном стихотворении «На кончину дочери моей княжны М. И.», употребивший весьма распространённое в то время прилагательное *перстный* – единственное производное от слова *персть*:

Создавший тленный мир и перстна человека,
В законе положил непостижим творец
Ничтожество вещам и существам конец. [БСК].

Персть – это мелкая, сыпучая земля, верхний её слой, почва, из которой, по преданию, был создан человек в результате акта божественного творения. Возможна здесь связь с *персты* ‘пальцы’: только “перстами” можно взять малую часть, щепотку сыпучей земли. Кстати, в «СлРЯ XI–XVII вв.» этот лексико-семантический вариант выделен как омоним: ‘щепотка горсть, горстка чего-л.’ в сопоставлении с польским словом *piersć* ‘горстка’.

В «Златоустуе» XII в. читаем: “И взя Бог персть от земля рукою творящую созда человека, взя персть, а не груду, не дебелу землю, но дробну персть” (с. 3). В Библии, из которой приведены цитаты в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (первое издание закончено в 1866 г.), слово *персть* употреблено в том же значении: “Сзда Бог человека персть вземъ от земли”. М. Фасмер связывает *персть* с глаголом *прати, пирати*. Только усилием можно скрепить щепоть земли с другой такой же щепотью, придать ей форму. После смерти всё живое уходит в землю, смешивается с нею, превращается в землю. Так, в «Успенском сборнике» XII–XIII вв. находим восклицание Иоанна Златоуста: “Не вьсе ли [умершие] пьрьсть, не вьсе ли прахъ и попел, не вьсе ли смрад? – и далее: Къде великовеличавый человек? Се паку пьрьсть бысть”. Усп.сб., 447–448.

Существующий на Востоке обычай посыпать голову землёй, пеплом в знак большой скорби, отчаяния в древнерусской письменности описывается словом *персть*. Так, в Библии, которая была у В. И. Даля, в Книге Иова встретилось: “Посыпа перстию главу свою и пад на землю” (Иов. I: 22).

Не вызывает сомнения синкретичность семантики слова *персть* как в древнерусском языке, так и в языке XVIII – начала XIX в. Это

своего рода «архаический семантический комплекс» [см. Б. А. Ларин 1977: 100]. В нём, по мнению Б. А. Ларина, “нельзя не видеть глубокой древности развития значений, для которого характерен комплекс единства противоположностей, отражающий более ранний, примитивный этап мышления” [там же: 21]. Возможно, вследствие такой неопределённости и широты смыслового наполнения А. С. Пушкин, привыкший к точности избираемого им слова, не прибегнул ни разу к слову *персть*. Но понятия (хотя и не все), которые сочетала в себе семантика этого слова, нашли отражение в его поэзии.

Относительно создания человека из земли у А. С. Пушкина свидетельств нет. Значение ‘рыхлое вещество, образующее почву, верхний слой земли’ отражено в поэме «Скупой рыцарь» в слове *земля*:

... Читал я где-то,
Что царь однажды воинам своим
Велел снести земли по горсти в кучу.
И гордый холм возвысился.

[Примеры приведены по «Словарю языка А. С. Пушкина»].

Мелкое, сыпучее вещество (но не земля!) у него называется словом *прах*:

Ах! если превращённый в прах
И в табакерке, в заточеньи
Я в персты нежные твои попасться мог, –

пишет он в стихотворении «Красавице, которая нюхала табак», заканчивающееся восклицанием: “Ах, отчего я не табак!”

Предание о целебной силе земли, *персти*, взятой с могилы святого, отражено в «Хожении Даниила игумена во святую землю»: В Палестине есть гроб Иоанна Богослова, и “исходит персть святая из гроба того... И взимают вѣрнии челоѡвѣци персть ту святую на исцеление всякого недуга” Х.Дан.иг.: 6; 1107 г., по сп. 1496 г. У А.С. Пушкина это предание в примечании к «Песням западных славян» несколько трансформировалось, согласно поверьям его героев. “Лекарством от укушения упыря служит земля, взятая из его могилы”, – написал он в примечании.

Для обозначения останков былого, результатов разрушения он находит такие слова, как *пепел*, *мощи*:

Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи...

[«Поедем, я готов: куда бы вы, друзья...»].

В стихотворении «Приветствую тебя, моё светило» – своя особенность и своя лексика:

Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню,
И власти древнюю гордыню
Развевял пеплом и стыдом.

Восточный обычай посыпать землёй голову в знак скорби, смирения перед ударами судьбы А. С. Пушкин вспомнил в стихотворении «Когда владыка ассирийский народы казнию казнил...»:

Народ завыл, объятый страхом,
Главу покрыл золой и прахом [т. I, с. 580].

Заметим, что и М. Ю. Лермонтов в «Пророке» в строфе об изгнании мудрого и потому неугодного человека из отечества, о его скорби и одновременно покорности судьбе тоже не выбрал слова *персть*:

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я, нищий,
И вот в пустыне я живу
Питаюсь даром божьей пищи.

В середине XIX в. слово *персть* оказывается востребованным поэтами. А. В. Кольцов в «Послании к Я. Я. Переславцеву» употребляет словосочетание *персть земли* в значении ‘мелкое сыпучее вещество, в которое превращаются останки человека’, ‘его тело после смерти’. Это значение поддерживается стоящим здесь же словом *прах* в значении ‘останки, труп’:

Прах наш гордый обратится
Только в малу персть земли. [БСК].

В стихотворении Ф. И. Тютчева «Поминки» слово выступает в значении ‘плоть, тело человека’. Автору важно указать на недолговечность человека, его подверженность разрушению, исчезновению:

На земле, где все изменно,
Выше славы блага нет:
Нашу персть земля возьмет,
Имя славное нетленно. [БСК].

А у А. С. Пушкина о смерти сказано иначе, с оптимизмом, и без слова *персть*:

Нет, весь я не умру! Душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит
И славен буду я... [«Памятник»].

Остаётся добавить, что в переводе Библии, в каноническом тексте, опубликованном в 1913 г., к 300-летию Дома Романовых, слова *персть* нет. Об отчаянии Иова сказано: “Разодрал одежду свою, остриг голову и пал на землю и поклонился”. Иов. I, 22. Друзья же его “поднявши глаза свои издали... не узнали его, и возвысили голос свой, и зарыдали, и разодрали каждый верхнюю одежду свою, и бросали пыль над головами своими к небу”. Иов. II, 12. А появление на Земле человека описывается здесь так: “И создал Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою”. Быт. II, 7.

Таким образом, к XX столетию слово *персть* не употреблялось даже в Библии. А. С. Пушкин же архаику этого слова почувствовал гораздо раньше.

Что можно сказать о роли источников в исследовании истории одного слова? Несомненна роль исторических картотек, в которых собраны материалы со словом *персть*. Неоценимую помощь оказывают словари: «Материалы» И. И. Срезневского, «СлРЯ XI–XVII вв.», Словарь языка А. С. Пушкина, «Словарь современного русского литературного языка». Пришлось сопоставить разные издания одной и той же книги – Библии, внимательно читать классическую и современную русскую литературу и периодику, выбирая произведения, в которых могло бы встретиться исследуемое слово или связанное с ним понятие. Такие источники, как словари, представляют слово в системе русского языка времени их создания, в системе языка писателя, а художественные произведения, случайно зафиксировавшие изучаемое слово, представляют его употребление в том или ином лексико-семантическом варианте по велению, по произволу автора.

* * *

Как видим, Картотека ДРС содержит наиболее полный корпус лексики, извлечённой из первичных, вторичных и промежуточных источников XI–XVII вв. без избыточных объёмов и с наибольшей плотностью материала по отдельным лексемам. Лингвистическая содержательность картотеки, её информационность и достоверность определяются текстами, которые были для неё расписаны, и квалификацией сотрудников-выборщиков, выполнявших эту выборку. Роль материалов Картотеки ДРС для историко-лингвистических, историко-культурологических работ определяется способами формирования её

фонда, которые зависели от различных задач, ставившихся перед Группой ДРС в разное время в течение XX века.

Система пяти больших лексических картотек в нашей стране объединяет фонды, позволяющие осуществить разнообразные языковедческие работы. Картотеки содержат необходимые материалы для изучения эволюции *лексико-семантических групп* от самых ранних фиксаций до современного состояния. Привлекая материалы картотек и вышедших из печати словарей, можно с определённой долей уверенности проследить историю *отдельного слова* – его эволюцию, от появления его в ранних памятниках до современного положения в системе языка. Источники позволяют проследить дифференциацию понятий, отражаемых в словах, представляющих собой «архаический семантический комплекс» (по терминологии Б.А. Ларина) и со временем выходящих из активного употребления, а также обнаружить те языковые средства, которые приходят на смену таким словам. Основные понятия, сконцентрированные в этих словах, не остаются без новых средств выражения, которые терпеливо ищут и находят талантливые писатели.

Значение картотек как источников по истории лексики не уменьшится в связи с окончанием тех словарей, которые создаются на их основе, потому что словари охватывают только определённую часть материала картотек. Так, в «Словарь русского языка XI–XVII вв.» включается около 25 процентов материала Картотеки ДРС, но зато он пополняется лексическими фактами из публикаций издаваемых ныне древних письменных памятников, которые всё чаще сопровождаются разнообразным справочным аппаратом.

*Только тогда науки
восходят до высшего совершенства,
когда учёные разных дарований
и разных наций во оных трудятся.
А. Л. Шлёцер. 1799 г.*

ГЛАВА IV. ПУБЛИКАЦИИ КАК ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ

Отвечая на вопрос, органична ли эдичионная функция для лингвистического источниковедения и свойственны ли ему особые правила, отличные от принятых в археографии, С. И. Котков писал: “Введение памятников в научный оборот, а это осуществляется и посредством издания, – неперенная конечная цель лингвистическоеведческого исследования” [Котков 1980: 11]. И позднее: “В свете наиболее актуальных проблем исследования древнерусского языка необходима разработка общей концепции целенаправленного изучения и последовательного издания ещё не опубликованных или неудовлетворительно воспроизведённых памятников древнерусской эпохи” [Котков 1991: 11]. В поисках путей развития лингвистического источниковедения он опирался на традиции, завещанные великими языковедами: “Все корифеи отечественной науки о русском языке занимались исследованием старинных рукописей и изданием древнерусских памятников, печатные воспроизведения которых служили в то время образцами для учёных других стран. Назовём имена А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, И. В. Ягича, А. А. Шахматова, В. Н. Щепкина, Е. Ф. Карского” [Котков 1980: 11]. Но, отмечал он далее, “культура изучения памятников русского языка в их первоизданном, рукописном виде вот уже в течение полувека, начиная с тридцатых годов, всё более и более угасает и нуждается не только в возрождении, но и всемерном расширении и усовершенствовании” [там же].

1. Группа промежуточных источников

Если идти от классификации источников, предложенной С. И. Котковым (по характеру фиксации языка, по внешнему состоянию, по способу и времени – ступени – формирования и др.), то необходимо в дополнение к этой классификации добавить следующее. Для исследователей языка, (лексикологов и лексикографов-историков) актуальным представляется различение источников по *способу введения* их в научный оборот. По этому признаку следует выделить в особую

группу публикации. Их можно считать как объективно, естественно сложившимися источниками, так и источниками с заданными свойствами, сформированными учёными с определёнными научными целями.

К первым они могут быть отнесены потому, что в издании, несомненно, должен быть точно передан текст естественно сложившегося источника – рукописи. Но ставя лингвистические издания в один ряд с рукописями, нельзя недооценивать роль так называемого «субъективного фактора» – воздействия публикатора на характер издания. Возможно, издатель и не ставит особых задач, приступая к работе над рукописью с целью ввести её в научный оборот путём издания, но публикации несут на себе следы «прикосновения» его руки и разума. Издатель первым читает сплошной рукописный текст, осмысливает его содержание, лингвистическую информационность, предлагает своё разделение на слова, отыскивает способ отразить в издании различные особенности рукописного памятника (выносные буквы, отдельные буквосочетания, надстрочные и другие знаки, приписки и поправки в тексте и на полях, передача сокращённых слов, помещаемых в рукописях под титлом, передача чисел и др.), вносит свою интерпретацию неясных написаний, готовит примечания, вступительную статью, комментарии, определяет, какие шрифты необходимо использовать, и обдумывает состав справочного аппарата. Все эти моменты привносят свои особые черты в публикацию и отличают её от рукописи, таким образом создавая новый источник. Учитывая эти особенности публикаций, считаем необходимым выделить их в особую группу – в группу источников *промежуточных*. По степени достоверности они серьёзно отличаются от оригинальных рукописей, так как в них большую роль играет внимание автора публикации к рукописному тексту, к написанию в нём различными способами тех или иных букв, направленность на выполнение поставленных при издании задач. Теперь известно, что многое зависит от того, осуществляется ли издание для исследования исторических проблем, для литературоведческого анализа или для изучения языка памятника.

Одним из главных при формировании промежуточных источников является вопрос членения на слова сплошного рукописного текста. Так, С. И. Котков говорит о встреченном в «Изборнике» 1076 г. написании **издроуки** ‘из руки’. Приводя три варианта для возможного словоделения в издании (**изд роуки**, **из дроуки** и **из-д-роуки**), автор считает их одинаково неприемлемыми. В лингвистической публикации, полагает он, нужно оставить “слитное написание **издроуки**, а в подстрочном примечании желательна помета: **издроуки** – из роуки” [Котков 1964: 6–7].

С этой же проблемой столкнулся К. Ф. Калайдович, обнаруживший много неточностей в первом томе «Собрания государственных грамот и договоров», изданном в 1813 г. [подробнее см. гл. 5]. Встретив в публикации, например, написание *А и Суждальской земли*, К. Ф. Калайдович предложил свой вариант: **А и-Суждальской земли** и пояснил: “Черта между буквами «и» и «С» поставленная, здесь, через соединение, будет означать предлог **ишь** или **изъ** – точность в таких мелочах почитается добродетелью в палеографии” (с. 6). Текст рукописи, по его мнению, нужно было делить на слова так: А из (ис) Суждальской земли. Но в то время вопрос о точном отражении древнего языка в печатных источниках ещё не приобрёл актуальности.

2. Виды изданий рукописей

В практике подготовки рукописей к изданию сложилось несколько видов публикаций. Ввиду того, что каждый письменный памятник отличается своей спецификой, С. И. Котков писал о том, что лингвисты издают не “т е к с т (здесь и далее разрядка автора – *Л.А.*) того или иного произведения, история сложения которого представлена многими списками”, а каждую “конкретную р у к о п и с ь” [Котков 1991: 6]. “В первом случае издание приобретает характер филологического, во втором, в отличие от первого, остаётся в основе своей лингвистическим” [там же].

В арсенале «Словаря русского языка XI–XVII вв.» есть памятники, дважды и трижды опубликованные в разное время по разным спискам. Каждая такая публикация является самостоятельным источником со своим шифром и особым справочным аппаратом. Это позволяет отразить в Словаре вариативность лексики, обусловленную временем и пространством (о вариантах см., например, работы Р. П. Рогожниковой «Варианты слов в русском языке» – Л., 1966; К. С. Горбачевича «Вариантность слова и языковая норма» – Л., 1978; Н. И. Тарабасовой «Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в.» – М., 1986 и др.).

Среди многочисленных «долингвистических» публикаций памятников древней русской письменности есть издания, ориентированные на исторические исследования, а есть и другие, связанные с проблемами литературоведения. Все они используются при подготовке исторического словаря «СлРЯ XI–XVII вв.», являются его источниками. Лингвисты-источниковеды увидели необходимость разграничения понятий «источник», «памятник», «текст», «отдельная рукопись» [см. гл. 1] ввиду того, что учёные, использующие в своих исследованиях языковой материал (историки, литературоведы, языковеды), по-

разному представляют задачи издания рукописей. Первые ищут в источнике и стремятся отразить в издании истинность исторического факта и меньше заботятся о точности передачи древнего языка. Литературоведы публикуют текст произведения, как он сложился за время его бытования, порой создавая сводный текст из всех имеющихся рукописных списков. Таковы, например, «Сказания о святых Борисе и Глебе» по Сильвестровскому списку XIV в., опубликованные И. И. Срезневским в 1860 г. В наборном тексте издатель объединил 27 известных в то время списков из различных сборников, миней, торжественников и др., внося недостающие фрагменты из них в текст основного списка XIV в., причём, без указания, откуда взято вносимое слово. Таким способом был восстановлен полный текст памятника, что, естественно, необходимо и важно для его литературной истории. Но в Приложении И. И. Срезневский (всё же в душе он был лингвист!) дал фотомеханическое воспроизведение рукописи Сильвестровского списка XIV в., а в Предисловии поместил ещё и текст «Сказаний» по найденному им списку XII в. с дополнениями, взятыми из списка XIV в. В этом случае он использовал курсивные литеры, кавычки и скобки, чтобы отличить фрагменты текстов разного времени и разных списков. Получилась публикация, пригодная и для литературоведов, и для языковедов: именно фотомеханическую копию рукописи используют как источник авторы «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

Готовя свои публикации, лингвисты-источниковеды предложили осуществлять издания рукописных текстов совместно с историками, чтобы в них были учтены не только потребности языковедческих, но и исторических, исследований. В 1975 г. такое издание состоялось: были изданы «Акты Русского государства. 1504–1526 гг.» (далее – «Акты»), в работе над которыми приняли участие историки Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, Л. И. Ивина, С. М. Каштанов и лингвисты С. И. Котков и Р. В. Бахтурина. Целью издания было “представить весь комплекс актов троицкого архива [Троице-Сергиева монастыря – Л.А.] за определённый промежуток времени, как неизданных, так и опубликованных” [«Акты»: 4].

В способе подачи текста прослеживается своего рода компромисс: “Буквы, вышедшие из употребления, кроме «ѣ», заменяются буквами современного гражданского алфавита, а буква «ъ» сохраняется не только в середине, но и в конце слов, если она имеется в рукописи” [там же]. Выносные буквы вставляются в строку и передаются курсивом, “буквы в сокращённо (под титлом) написанных словах или опущенные при выносной, восстанавливаются и даются в круглых скобках” [там же]. Лингвисты-источниковеды в своих изданиях также опускают выносные буквы в строку, изображая их курсивом, но пропущен-

ные при этом буквы не восстанавливают, а сокращённые слова, написанные в рукописи под титлом, оставляют не раскрытыми, иногда и без титла.

При ассимиляционном написании двух одинаковых букв, например, на стыке предлога и слова, в случае типа *старостою* = *с старостою* (гаплография), в тексте Актов в скобках восстанавливается соответствующая буква: **(с)** *старостою*. Лингвисты такие случаи обычно отмечают в подстрочных примечаниях, предлагая варианты прочтения (по современной орфографии), а в тексте дают написания по оригиналу. Буквенную кириллическую цифирь, а иногда и числительные, написанные словами, в Актах историки заменяют арабскими цифрами, а лингвисты в своих изданиях сохраняют варианты оригинала. Обозначены в Актах концы строк и страниц, как и в лингвистических изданиях.

Все особенности текста отмечаются здесь, как и у лингвистов, в подстрочных примечаниях, с той разницей, что опiski и ошибки писцов исправлены прямо в тексте издания, тогда как лингвисты случаи этого рода обычно отражают в примечаниях: ведь они могут проснить многое, касающееся произношения, времени и путей становления орфографической нормы. Введён в Актах и такой элемент справочного аппарата, как «Разнотечения», в котором приводятся варианты по разным спискам одного и того же памятника. В изданиях лингвистов такого элемента нет, т. к. для них каждая отдельная рукопись – особый источник, а разнотечениям отводится второстепенная роль, “поскольку привлечение разнотечений к воспроизведению <...> конкретной рукописи не имеет самостоятельного значения в плане познания истории текста, а выполняет вспомогательную роль, помогая уяснению тёмных мест лишь данной, воспроизводимой рукописи” [Котков 1991: 6]. Если же говорить о рукописях делового содержания XVI–XVII вв., то редко можно найти разные списки одного и того же документа, разве что иногда они встречаются среди монастырских книг. Необходимо далее отметить, что «Акты» сопровождает «Терминологический словарь», дающий толкование исторических понятий, с указанием, в каком тексте встретилось слово. Лингвисты, особенно историки-лексикографы, остро нуждаются в указателе слов, чтобы иметь возможность ознакомиться со **всеми** случаями употребления лексемы в публикуемых текстах, так как именно разнообразие контекстов ярче высвечивает семантику слова и позволяет дать более точное толкование в словаре.

3. Оптимальное лингвистическое издание рукописей

Со времени издания подготовленных А. А. Шахматовым летописей в середине 20-х годов XX в., «Слова Даниила Заточника»

Н. Н. Зарубина (1932 г.) и изданной в 1934 г. книги М. Н. Сперанского «Из старинной новгородской литературы XIV в.» практика публикации рукописей лингвистами была предана забвению. В 60-х годах XX в. возобновился интерес языковедов к рукописям, что дало импульс теоретической разработке лингвистического источниковедения и вопросов издания памятников. В совместной статье Л. П. Жуковская и С. И. Котков предложили критерии отбора памятников для публикации. Это должны быть как уникальные произведения русской письменности, так и массовые актовые материалы, насыщенные «проявлениями живой речевой стихии» и относящиеся к определённым древнерусским областям, с тем чтобы в них была широко представлена «вся территория русского языка» [Жуковская, Котков 1960: 139]. Авторы считали, что «факсимильное воспроизведение памятника полезно сопровождать не только научным комментарием его внешних особенностей, но и наборным изданием самого текста» [там же: 140]. В статье было высказано убеждение в том, что должны осуществляться особые лингвистические издания, отвечающие требованиям исследования русского языка. Работа в этом направлении началась в Институте русского языка Академии наук СССР, где был создан особый сектор под руководством С. И. Коткова.

«В процессе выявления, описания и особенно исследования источников по истории русского языка <...> с учётом опыта их издания, – писал позднее С. И. Котков, – складывались теоретические основы лингвистического источниковедения и разрабатывались некоторые вопросы эдичионной теории» [Котков 1980: 9]. Возникла проблема оптимального представления рукописи в печати для лингвистических исследований: необходимо было определить вид издания, способ передачи текста и его особенностей, виды шрифтов, место для внесения исправлений, характер примечаний, составные части справочного аппарата и др. Рассматривая значимость наборных и факсимильных публикаций для историко-лингвистических исследований, С. И. Котков пришёл к заключению: «Оптимальной лингвистической публикацией можно считать такую, в которой представлено и наборное, и факсимильное воспроизведение рукописного текста или по меньшей мере его фрагментов» [там же: 14]. И ещё весьма желательны, – дополнили бы эту мысль лексикографы и лексикологи, – указатели слов или указатели слов и форм.

Р. В. Бахтурина, принимавшая участие в совместном с историками издании «Актов Русского государства. 1505–1526 гг.», констатируя различия критического и дипломатического изданий в статье «Воспроизведение скорописного текста и учёт графических вариантов», также поднимает вопрос об оптимальных формах публикаций, в

частности приемлемых и для языковедческих исследований. Отмечая достоинства и недостатки публикаций, выполненных фотомеханическим способом, автор приходит к заключению, что порой “трудоемкость чтения подобных изданий равна или (при нечётком воспроизведении) превышает трудоемкость чтения рукописи <...> Можно думать, – пишет она далее, – что издания, выполненные типографским набором, останутся и в будущем едва ли не основным видом изданий скорописных текстов” [Бахтурина 1963: 35–36].

Рассматривая особенности так называемых «долингвистических» публикаций (дипломатических, критических), Р. В. Бахтурина замечает: “Если максимальное приближение к оригиналу в дипломатическом издании обыкновенно понимают как воспроизведение без замены другими всех букв оригинала и выделение скобками всего вносимого в текст публикаторами, то отступления от оригинала в критическом издании обычно бывают чрезвычайно разнообразными, начиная с замены букв и кончая произвольным чтением того или иного места издаваемого текста. Замена букв в исторических и литературоведческих изданиях является общим правилом, причём, мотивировка её обычно чисто внешняя – исключаются буквы, отсутствующие в современном алфавите” [там же: 35].

Необходимо отметить положительные и отрицательные стороны изданий различного рода. Достоинством факсимильного издания является то, что читатель может ясно представить внешний вид рукописи, характер графики, особенности почерков, расположение строк на странице и места внесения исправлений, ознакомиться с буквицами, заставками и другими элементами оформления памятника, как цветными, так и чёрно-белыми. По такому изданию можно проверить неясные места, попавшие в наборный текст. Однако к такому изданию затруднительно составить указатель слов, невозможно дать примечания. Обращение к подобной публикации равносильно каждый раз чтению рукописи.

При появлении первых наборных лингвистических публикаций высказывалось мнение, что “наборное издание – устарелый способ воспроизведения и [оно] непременно должно уступить место фотомеханическому <...> единственно научному в наше время воспроизведению”, против чего имелись серьёзные возражения [см.: Котков 1963: 10]. Опыт показал, что факсимильное издание невозможно осуществить, если тексты с трудом читаются невооружённым глазом, если они имеют пятна и помарки различного происхождения, если есть трещины и разрывы писчего материала, затемнения по склеям листов, если разрушились их края, если пропитались чернилами с обратной стороны и др. “Волосные линии букв, произведённые сухим пером, – писал

С. И. Котков, – даже в самой лучшей фотографии не получают отражения <...> В тех случаях, когда та или иная буква написана по другой, фотография не позволяет установить последовательность написания данных букв и, следовательно, выявить смысл исправления, если правильное прочтение данного места не подсказывается содержанием рукописи <...> Идеальным было бы сочетание обоих способов воспроизведения в составе одной публикации” [там же: 10–11].

Отметим в связи с этим невероятное слово **тыньне**: “пимы долгие половинчатые тыне иские | цена шесть алтнь” в недавней публикации «Енисейских товарных ценовых росписей XVII в.» Л. М. Городиловой, осуществлённой по сделанному с рукописи микрофильму, когда оказалось невозможным увидеть букву, которая есть в рукописи. На месте слов **тыньне иские** в рукописи читается слово **тынгуские**, крупная буква *z*, написанная в середине слова высушающим пером, выходит за строку вверх, а по микрофильму оказалась прочитанной неверно [см. Palaeoslavica, XV/2007.– No.2: 207–260].

Говоря об оптимальных для лингвиста изданиях, С. И. Котков, скорее всего, опирался на анализ опыта предшественников. Среди множества публикаций рукописных памятников, осуществлённых в конце XIX – начале XX в., необходимо отметить изданную в 1907 г. П. К. Симони «Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин» [Сб. ОРЯС. – Т. 83. – № 1], где на чётной странице приводится текст подлинника, выполненный фотомеханическим способом, а на нечётной – наборным. Отдельной книгой эта рукопись (начала XVIII в.) издана в серии «Памятники старинной русской лексикографии по русским рукописям XIII–XVIII столетий, собранные Павлом Симони» [Вып. VII, 1. – СПб., 1907]. В третьем выпуске этой серии также П. К. Симони был издан памятник «Речь тонкословия греческого» [Известия ОРЯС, 1908. – Т. XIII. – Кн. 1], а к нему присовокуплены половецкий и татарский словарики, даны переводы отдельных слов и помещены примечания акад. Е. Ф. Корша. Тогда же, но уже в серии «Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII столетий» [вып. II, 1] П. К. Симони опубликовал «Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619–20 гг.»

В 1922 г. в этой же серии он издал ещё две рукописи. В первом выпуске – «Сказание о киевских богатырях как ходили во Царьград как побили цареградских богатырей, учинили себе честь» по рукописям XVII в. Е. В. Барсова и XVIII в. Ф. И. Буслаева [Сб. ОРЯС. – Т. 100. – № 1. – Пг., 1922]. В третьем выпуске опубликована по Кирилло-Белозерскому списку 1470 г. «Задонщина великого князя Димитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича». Способ представления этого источника включает и факсимильный и наборный тек-

сты, как и в «Горе-Злочастии». Тексты издавались строка в строку, страница в страницу: справа (нечётная) – страница наборного текста, слева (чётная) – рукописная страница. В наборном тексте сохранены все старинные буквы, титла, выносные буквы приподняты над строкой. Но в этих книгах, небольших по объёму, есть белые (так называемые «порозжие») страницы – это обороты листов, на лицевой стороне которых помещены фотокопии рукописей. Вероятно, делался отдельно набор и отдельно печатались снимки с рукописей, а потом происходила брошюровка.

Как видим, издание, с точки зрения лингвиста, оптимальное: можно всё проверить, дать примечания под наборным текстом. Так П. К. Симони и сделал. Приведём некоторые из примечаний к «Задонщине», чтобы показать, что издавая произведение литературы, он ставил и решал и литературоведческие, и лингвистические, и источниковедческие задачи.

Стр. 20 (л. 122 об.) строки 13-16:

...восхва|
лишь вѣщаго гобояна в го|
родъ в Киевѣ, гораздо гоуд|
ца. Тои бо вѣщи боянь...

П. К. Симони даёт примечания к пронумерованным строкам наборного текста, однако слово или отрезок текста, к которому сделано примечание, никаким знаком не отмечены, зато выносятся в своеобразный «заголовок» примечания:

“**гобаяна** – тут **ГО** лишнее, вызвано опискою писца и предыдущим **ГО**. Может быть, так уже было и в его подлиннике, с которого он списывал, иначе зачем бы ему ставить необычную запятую среди строки (Ср. в строке 14).

гораздо гоудца – следует читать: **гораздого гудьца**. Возможно, что **ГО** опискою пропущено ввиду того, что одно слово оканчивается слогом **ГО**, а другое слово тем же слогом начиналось (гаплография); но может быть, писец вообще это **ГО**, здесь пропущенное, поместил ошибкою строкою выше: обе эти строки заставили осмысливать содержание их. Может быть, надо читать иначе: **горазда гоудца?**”

Ещё два примечания:

ме

Примечание к строке – "рославу володировичю: “**ме** стоит над буквами **ир** над строкою, приписано тою же рукою и чернилами”.

Примечание к строке – стославу ярославичю: «Буква “**ч**” выправлена писцом же, вероятно, из начальной части буквы “**г**”».

Назовём некоторые издания, в которых целиком воспроизводятся тексты как фототипически, так и наборным способом: «Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский сборник» (СПб., 1860); «Псковская Судная грамота» (СПб., 1914); А. Л. Хорошкевич «Новые новгородские грамоты» // АЕ за 1963 год (М., 1964); «Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания» (Л., 1975); Ильина книга, изданная наборным способом с греческим текстом в 2005 г. В. Б. Крысько, а в 2006 г. факсимильным способом Е. М. Верецагиным с обширными комментариями.

Фрагменты рукописей, приведённые фототипически в изданиях, помогают составить представление о характере письма в рукописях, но в вопросах подбора материала и проверки цитат для исторических словарей особого значения не имеют, хотя обращения к рукописям неизбежны. Такие фрагменты приведены в следующих публикациях: А. А. Шахматов. «Исследование о двинских грамотах XV в.» (СПб., 1903); Синайский патерик (М., 1967), Успенский сборник (М., 1971), Назиратель (М., 1973), Апракос Мстислава Великого (М., 1983) и в изданиях скорописных памятников: «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. (Из фонда А. И. Безобразова)» (М., 1965); «Грамотки XVII – начала XVIII века» (М., 1969), «Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги» (М., 1977), «Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги» (М., 1982), «Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край» (М., 1978), Н. С. Бондарчук, Р. Д. Кузнецова. «Тверская письменность XVII–XVIII вв.» (Тверь, 1986), Л. М. Городилова. «Русская скоропись XVII века» (Хабаровск, 2000), а также в изданиях «Вестей-Курантов» (М., 1972–2009) и др.

В настоящее время развитие компьютерной техники и применение её к языковым исследованиям и изданиям позволяет дать в лингвистическом издании и наборное и факсимильное воспроизведение рукописного текста, облегчает трудоёмкий процесс составления указателей, позволяет увидеть на экране нужный фрагмент текста как набора, так и подлинника, который содержит слово, приведённое в указателе и т. п. [см.: Чукунов, 2001, Зеленцов, 2011]. Однако чаще всего на компьютерный носитель переносятся все страницы рукописей без каких-либо примечаний, даже без оглавления, что было бы не лишним (с точки зрения лингвиста).

4. Справочный аппарат публикаций

С середины 60-х годов XX в. начала складываться определённая структура лингвистических изданий. Постепенно сформировалась тра-

диция, согласно которой монографические издания и сборники текстов до XV в. включительно сопровождаются указателем слов и форм, а к сборникам деловых текстов XVI–XVIII вв. составляется указатель слов, в котором представлена только начальная форма слова, объединяющая употребления его во всех других формах с обозначением в указателе их места в издании. Эта традиция изредка встречалась в более ранних публикациях (в частности, в некоторых изданиях конца XIX в.) и нашла отражение в «Правилах лингвистического издания памятников древнерусской письменности» (М., 1961), составленных О. А. Князевской и С. И. Котковым.

По этим правилам одним из первых был напечатан сборник «Смоленские грамоты XIII–XIV вв.», подготовленный Т. А. Сумниковой и В. В. Лопатиным под редакцией Р. И. Аванесова (М., 1963). К нему был составлен *указатель слов и форм*. Первым *указателем слов* к сборнику текстов XVII–XVIII вв., опубликованному по правилам лингвистического издания, стал указатель к эпистолярным текстам делового содержания в книге «Грамотки XVII – начала XVIII века». Издание подготовили Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова, под редакцией С. И. Коткова (М., 1969).

Способ публикации рукописного памятника и состав сопровождающего его справочного аппарата в настоящее время всё чаще отвечают запросам исторической лексикологии и лексикографии. Поэтому вопрос о пополнении, например, Картотеки ДРС становится менее актуальным. Лингвистические издания письменных памятников, снабжённые указателями слов или слов и форм, позволяют брать недостающие материалы из публикаций непосредственно в «Словарь русского языка XI–XVII вв.». Так, в издательстве «Индрик» вышли две лингвистические публикации древних текстов: в 1997 г. – «Книга, глаголемая Козма Индикоплов» (изд. подгот. В. С. Голышенко и В. Ф. Дубровина) и в 1998 г. – «Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского» (издание подгот. Г. С. Баранкова). В издательстве «Азбуковник» в 2000 г. издано «Житие Андрея Юродивого в славянской письменности», подготовленное акад. А. М. Молдованом. Первая имеет указатель слов и форм, вторая и третья – указатель слов, поэтому лексика всех этих памятников попадает в «СлРЯ XI–XVII вв.», не оседая в картотеке. Следовательно, авторы публикаций имеют возможность сразу увидеть востребованность результатов своего труда историками-лексикографами.

Многое из лексического арсенала русского языка средних веков по-прежнему определяется интерпретацией публикатора, но квалификация издателей, например, названных выше произведений такова, что их данным можно доверять, хотя не обходится и без «накладок». Так, в Указателе «Шестоднева» одной орфограммой *смърдь* [207а 19, 2396 6]

объединены два разных слова – ‘смад’ и ‘смерд’. Для доказательства приведём фрагменты с этими словами: “‘коже *смердъ*, и нищъ члкъ, и страненъ пришедь издалуча к преворамъ кн#жа двора и видивъ # дивится” [207а 19, с. 470] и “обон#ваюшу@ силу имать ноздри си же еста оустремленіа н#какого ествства на чювьство разуомъва# и добровоніе и *съмрадъ* на двое же с# предѣли носъ” [239-б 6, с. 535].

В Указатель слов к «Житию Андрея Юродивого» включено слово *требольший* к 22 строке. В тексте читаем: “Егдаже господинъ его купи сего и съ прочими... яко смилитися ему у гѣна своего велми, и прѣд нимъ ему служити орудья требльшая, абие же вда его, да ся научить сѣмъ книгамъ” [Молдован 2000: 160]. В подстрочных примечаниях даются варианты других списков: *требѣиша#*, *требенна#*. Как видим, начальная форма слова восстановлена неверно: в тексте присутствует причастие от глагола **требовать**, что подтверждается как вариантами, так и греческим текстом на с. 452.

Укажем на одну ошибку из Вестей-Курантов 1600–1639 гг. (изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина / под ред. С. И. Коткова. – М., 1972). Здесь в Указателе помещено слово *терраса* (с. 292), тогда как в тексте 1621 г. встретилось другое, не отражённое в указателе: “Крепят городаы и дѣлают новые *тарасы* и осипи (так в ркп.) земляные” (с. 55).

В лингвистических публикациях справочный аппарат (примечания, комментарии, указатели и пр.) занимает особое место, приобретая принципиальное значение для работ по русской исторической лексикологии и лексикографии. Историки, издавая рукописи, заинтересованы в указателях личных имён и географических названий, т. к. публикуемые ими документы – чаще всего, акты государственного значения – содержат имена реально действовавших исторических лиц, относясь к определённым территориям, отражают реальные события своего времени, социальные отношения и др. В сборниках деловых текстов XVI–XVII вв., опубликованных лингвистами, когда вслед за историками они оснащали их указателями только личных имён и географических названий, такие указатели оказывались мало информативными. Лингвисту-историку, и в частности, лексикографу, нужны указатели **всех** значимых слов, входящих в опубликованный текст. Опыт показывает, что при составлении словоуказателей, указателей слов и форм автор публикации вынужден ещё и ещё раз осмыслить текст и ответить на вопрос, существовало ли то или иное слово в древнем языке, и только после этого внести его в текст и в указатель.

Первый в исторической русистике *указатель слов и форм* с греческими параллелями создал А. Х. Востоков к «Остромирову евангелию» (1843 г.). Он написал грамматику, используя языковые данные

этого произведения и приведённый на каждой странице публикации соответствующий греческий текст. Греческий и русский указатели слов составил В. М. Истрин к своему изданию «Хроники Георгия Амартола» (Пг., 1920).

По такому же образцу сформирован и издан отдельной книгой указатель слов и форм к новому изданию Изборника Святослава 1073 г. болгарскими учёными под общей редакцией академика П. Динекова «Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.)» в три тома. – Том 2. Речник-индекс (София, 1993). Так же созданы древнерусский и греческо-древнерусский указатели слов и форм к изданной в 2004 г. коллективом авторов Института русского языка РАН «Истории Иудейской войны. Древнерусский перевод» И. Флавия (М., 2004, т. II, издание подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова и А. А. Уткин); древнерусско-греческий и греческо-древнерусский указатели к «Пчеле» (М., 2008, т. II, издание подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева), славяно-греческий и греческо-славянский указатели к «Изборнику 1076 г.» (М., 2009, т. II, издание подгот. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко, под ред. А. М. Молдована).

Отдельно (в двух книгах) издал Славяно-греческий указатель слов к Ефремовской кормчей К. А. Максимович во Франкфурте на Майне (2010). О специфике этого указателя он пишет: “В славяно-греческом указателе общая структура леммы такова:

славянское слово – его орфографический (иногда даже морфологический) вариант – указание на часть речи – (с новой строки) греческое соответствие (иногда с вариантом по рукописям) – указание на страницы и строки издания.

В конце леммы приводятся, если это необходимо, отсылки к другой лемме (леммам)” [Максимович 2010: с. XXV].

К изданным ранее памятникам, не оснащённым справочным аппаратом, лингвисты составляют указатели в виде отдельных книг, иногда включающих и их исследования. Так, в книге Е. М. Иссерлин «Лексика Моления Даниила Заточника» (Л., 1981) представлена вся лексика памятника с толкованием, грамматическими пометами и указанием, в каких списках встретилось слово (по ленинградскому изданию 1932 г. Н. Н. Зарубина). О. В. Творогов издал книгу «Лексический состав “Повести временных лет” (словоуказатели и частотный словарь)» (Киев, 1984), в которую вошли отдельные словоуказатели по Лаврентьевскому, Радзивиловскому и Ипатьевскому спискам, в которых, правда, отражена не вся лексика этих источников. Отдельно вышел «Словоуказатель к тексту “Повести о Варлааме и Иоасафе”, памятнику древнерусской переводной литературы XI–XII вв.», составленный И. Н. Лебедевой и снабжённый греческими параллелями (Л.,

1988). Ранее (в 1985 г.) она подготовила и издала сам текст этой повести (без использования древних букв).

В Отделе исторической лексикографии ИРЯ составлены указатели к МДБП, Княж.уставы, Переп.Безобразова¹, Переп.частн.лиц, Патерик Рим., к Огласительным поучениям Кирилла Иерусалимского мартовских четых миней. Они не изданы, но используются авторами «СлРЯ XI–XVII вв.» и посетителями Картотеки ДРС.

Публикации, осуществлённые историками, порой сопровождались терминологическими словарями (см. «Акты»), но иногда в них указывались страницы, на которых встречается то или иное слово, т. е. появлялись и элементы словоуказателя. Так, в публикации 1887 г. «Материалы для истории Воронежа и соседних губерний. Т. I. Воронежские акты», изданные Воронежским Губернским статистическим комитетом, включившей письменные памятники 1599–1705 гг., есть указатели: «Систематический указатель предметов, содержащихся в первом томѣ Воронежских актов», включающий: «А) Страны и народы, находившиеся в сношениях с Россиею, Б) Россия вообще. I. Внешние отношения, II. Внутренние события, III. Государственное устройство», далее «Алфавитный указатель имён личных и имён географических» с указанием на номера актов в издании, затем – «Словарь старинных слов», и замыкает справочный аппарат «Словарь иностранных слов», в котором приводятся слова, напечатанные в тексте латинским шрифтом. Указатели слов имеются в трёх томах грандиозного издания «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной России конца XIV – начала XVI в.» (М., 1952–1964), в трёх томах издания «Акты феодального землевладения и хозяйства» (М., 1951, 1956, 1961), в издании «Судебники XV–XVI веков» (М.;Л., 1952) и др.

Однако отражение лексических явлений памятника часто не являлось основной задачей издателя-историка. В связи с этим можно отметить пример из публикации И. Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.» (Ч. I. 4-е изд. – М., 1918), в которой есть «Указатель предметов, упоминаемых в материалах». Среди слов на букву “Т” встретилось слово: “Термометр. 584, см. Фигуры”. Обращение к указанной 584-й странице показало, что слова *термометр* в тексте памятника нет, но есть описание: “Три фигуры нѣмецкихъ орѣховые, у нихъ в срединахъ трубки стекляные, на нихъ по мишени мѣдной, на мишеняхъ вырезаны слова нѣмецкие, а подъ трубками въ стеклянныхъ чашкахъ ртугъ, цѣна по 5 р.” Историк в указателе дал описание предметам, находившимся в XVI–XVII вв. в Крестовой палате, но употребил наименование, появившееся в русском языке позже.

5. Этапы формирования промежуточных источников

Источники по истории языка можно изучать с XI в.: к этому времени относятся самые ранние из сохранившихся рукописей. Однако большинство исследований уже долгое время основывается на публикациях. Важно проследить, какой путь прошла историко-лингвистическая наука, вырабатывая свои требования к тем или иным типам изданий рукописных памятников.

В середине XIX в., когда наука об истории русского языка только начинает осознаваться как самостоятельная отрасль, исследователи чаще всего обращались непосредственно к рукописям, хотя к этому времени некоторые из них были опубликованы как источники для изучения истории России или как памятники древнерусской литературы. Лингвисты изучали историю языка по этим же публикациям, особенно если они были филологически достоверными, т. е. древние слова в них были переданы с достаточной точностью. Так, например, когда акад. И. И. Срезневский в 50-х годах XIX в. приступил к созданию картотеки для словаря древнерусского языка по памятникам письменности, он обращался как к рукописям, так и к публикациям, а также сам изучал и издавал памятники и фрагменты из них (см. Др.пам.^{1 и 2}).

В источниках, опубликованных историками, не всегда точно передаются древние слова, чаще всего орфография их соответствует той, которой владеет публикатор, то есть модернизируется. Иногда древние слова заменялись современными, то есть публикатор «переводил» фрагменты древней рукописи на современный ему язык. Такие «переводы» не отражают особенностей языка времени создания рукописи, хотя могут служить для изучения исторических фактов. Перевод имеет право на существование: он верно передаёт смысл текста, но как источник для изучения древнего языка непригоден.

Постепенно были выработаны определённые требования к публикациям древних текстов, предназначенных для лингвистических исследований, а именно: текст в издании должен быть передан буква в букву, с сохранением букв, вышедших из употребления со времени введения гражданской азбуки («гражданки») в 1708 г. Все сокращённые слова, которые раньше писались под титлом (**гѣдрь**, **црѣ**, **Бгѣ**, **члѣвкъ**, **мѣць** и др.), должны так и передаваться в публикации, в крайнем случае – без титла. Выносные буквы должны отмечаться особо, хотя бы в скобках, лучше курсивом; необходимо фиксировать конец строки, страницы, столбца. Остаётся и требование обозначения чисел буквами кириллицы с особыми знаками для тысяч, десятков и сотен тысяч, миллионов и других величин, добавляемыми к буквам с числовыми значениями. Любой из способов издания (наборный или факси-

мильный) выводит рукопись на арену научных исследований, хотя и с разной степенью достоверности.

Лингвистическое источниковедение, обращённое к исследованию памятников языка с целью введения их в научный оборот, в той своей части, которая решает эдиционные проблемы, имеет свою предысторию. Встаёт вопрос: когда и кто первым предложил издать для научного исследования русскую рукопись? Кто это осуществил?

Прошло более 250 лет с того времени, когда впервые были опубликованы русские рукописи в России с научной целью. Но книги на кириллице начали печататься ещё в 1491 г. в типографии Швайпольта Феоля в Кракове. Однако начало книгопечатания и начало введения рукописных памятников в научный оборот не совпадают по времени.

С начала книгопечатания в России Иваном Федоровым были изданы Апостол (1564 г.), Часослов и Псалтирь (1565 г.) в Москве. Это были книги, по которым обучались грамоте многие поколения русских людей – от крестьянина до великого князя. Патерик Киево-Печерского монастыря (Патерик Печерский) до начала XVIII в. был издан 5 раз: в 1597 г. – в г. Остроге, в 1661 г. и 1678 г. и дважды в 1702 г. – в Киеве. Кроме богослужебных книг печатались буквари, грамматики [см.: Каратаев 1861].

Сначала все книги издавались так, как если бы рукопись переносилась на печатные страницы. В этих публикациях часто не выравнивался правый край, не указывалось ни имени издателя, ни даты издания, ни названия места, где книга была напечатана, не говоря уж о примечаниях, комментариях и других элементах справочного аппарата к тексту. К. Ф. Калайдович так писал о Часослове 1491 г., напечатанном в краковской типографии Ш. Феоля: “Шриффт букв употреблённых для Часослова, снят с современных [XV в. – Л.А.] рукописных книг, исключая нескольких букв, особенного начертания. И вообще вся книга при первом взгляде столь подобна рукописи, что оную без дальнейшего рассмотрения трудно почестъ за печатную” [Калайдович 1820: 8].

Это сходство с рукописями подтверждают и данные И. Каратаева, помещённые в первом издании его труда «Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491–1730» [Каратаев 1861]. В нём даётся описание около 1600 опубликованных книг, что, по мнению автора, составило около трёх четвертей всего изданного кириллицей в конце XV – первой трети XVIII в. Строгое библиографическое описание этих книг оказалось невозможным, и в связи с этим И. Каратаев задаёт себе 15 (!) вопросов, на которые ему хотелось бы получить ответы, создавая «Роспись». Ему нужно знать название книги, сведения о том, где и когда она была напечатана, формат, количество листов в ней, какая в ней нумерация листов и страниц

(кирилловская, арабская или римская) и где она размещается, какой шрифт в книге, есть ли в ней знаки переноса слов, выравнен ли правый край, по сколько строк на странице, где книга находится, кто о ней писал или упоминал в своих работах. Есть вопросы о заголовках, о применении киновари, о гравюрах, переплетах и т. п. [там же: стр. XV]. На эти вопросы он попытался дать ответ в своей книге, хотя из-за отсутствия достоверных сведений ему это удавалось не всегда.

Проблема публикации рукописных памятников для исследовательских работ возникла в начале 30-х годов XVIII в., когда в образованных кругах российского общества начала осознаваться необходимость создания *истории* страны и встал вопрос о подготовке источников для этой цели. Одним из первых это понял В. Н. Татищев. Естественно, с предложением своих подготовленных к публикации текстов русских рукописей он обратился в Академию наук. Но Академия и сама пыталась что-то сделать в этом направлении.

Напомним: по «Проекту» Петра I, представленному в Сенат 22 января 1724 г., Академия наук должна была стать как научным, так и учебным заведением: “К распложению художеств и наук употребляются обычайно два образа здания: первый образ называется университет, второй – академия, или соиетет художеств и наук” [Материалы АН 1885: 14]. Знакомясь с опытом организации науки в странах Западной Европы, Пётр I “не мог не знать, что в целом университеты утратили своё господствующее положение в научной жизни, и государственные задачи, связанные с наукой, решались уже в большей мере с помощью организаций нового типа, какими стали в ту пору научные общества и академии” [Копелевич 1977: 39].

В «Проекте» читаем: “Понеже ныне в России здание к возрощению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтоб здесь следовать в протчих государствах принятому образу; но надлежит смотреть на состояние здешнего государства как в розсуждении обучающих, так и обучающихся, и такое здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего государства для розмножения наук нынешним временем распространилась, но и чрез обучение и розпложение оных польза в народе впредь была” [Материалы АН 1885: 15].

Для воплощения этих государственной важности задач при Академии, как учреждении научном, было решено организовать университет, в котором студентам читали бы лекции академики, и гимназию, где занятия вели бы студенты университета. “И таким бы образом, – говорилось далее в «Проекте», – одно здание с малыми убытками тое ж бы с великою пользою чинило, что в других государствах три разные собрания чинят” [там же: 16].

В Академии наук было организовано три «класса» по основным в то время научным направлениям: “В 1-м классе содержались бы все науки математические и которые от оных зависят [арифметика, алгебра, геометрия, астрономия, география, навигация]; во 2-м – все части физики [теоретической и экспериментальной, а также анатомия, химия и ботаника]; в 3-м – гуманиора, история и права [красноречие, древности], история древняя и нынешняя, право природы и публичное, купно с политикою и этикою” [там же: 17].

Регулярные заседания в Академии, называемые Конференцией, на которых должны были присутствовать все члены академии, адъюнкты, а иногда и студенты, начались в конце декабря 1725 г. В отличие от первых двух классов гуманитарный класс с первых же дней своей работы встречал препоны и противодействия.

6. На подступах к изданию летописей

Герард Фридрих Миллер (18.11.1705 – 11.10.1783), ставший известным в России под именем «Фёдора Ивановича», родился в Герфорде (Вестфалия) в семье ректора гимназии. Обучение он начал в этой же гимназии, с 1721 г. учился в Ринтельне, а с 1724 г. – в Лейпцигском университете. В Санкт-Петербург он прибыл 5 ноября 1725 г. в звании студента. В 1726–1728 гг. посещал заседания академической Конференции, преподавал латинский язык, историю и географию в академической гимназии. Одновременно его обязанностью было составление «Санкт-Петербургских ведомостей» (два номера в неделю) из сведений, почерпаемых из иностранных изданий, а также «Примечаний» к ним. В «Примечаниях» сначала разъяснялось русскому читателю, что ему могло быть непонятно из опубликованного в «Санкт-Петербургских ведомостях», а позднее – популярно рассказывалось о различных научных проблемах и достижениях. «Примечания» издавались на русском и немецком языках. Г. Ф. Миллер наблюдал за печатанием этих изданий, сам держал корректуру. Это помогло ему впоследствии стать издателем первого в России научного журнала «Ежемесячные сочинения» (1755–1765 гг.).

В 1729 г. Г. Ф. Миллер заменял советника Академии И. Д. Шумахера в управлении Академической канцелярией, когда тот был в Москве; вёл протоколы заседаний Конференции и иностранную переписку. После поездки в Германию в 1729–1730 гг. на похороны отца, когда его шкафы в Санкт-Петербурге были вскрыты и вынуты из них письма И. Д. Шумахера к нему, отношения между ними испортились навсегда.

Г. Ф. Миллера интересовала российская история и география. Он видел здесь необъятное поприще для научной деятельности. В 1728 и 1730 годах был дважды издан его труд по генеалогии графов Сапега. А. Л. Шлёцер писал, что “работа была для него не только удовольствием, но и истинною потребностью” [Шлёцер 1875: 64].

25 августа и 1 сентября 1732 г. Г. Ф. Миллер выступал на заседаниях Конференции Академии наук с составленным им «Предложением об улучшении русской истории посредством печатания выпусками сборника различных известий, относящихся до обстоятельств и событий в Российском государстве». Это предложение было опубликовано на русском и немецком языках. Русскую историю Г. Ф. Миллер “вознамерился не только сам прилежно изучать, но и сделать известною другим в сочинениях по лучшим источникам” [Пекарский 1870: 318], что предполагало издание рукописных памятников, и в первую очередь – летописей.

В том же 1732 г. в Санкт-Петербурге вышел из печати первый составленный им сборник *Sammlung Russischer Geschichte* на немецком языке («Собрание российской истории»; далее – SRG), затем в 1733 г. – ещё два. Материалы четвёртого, пятого и шестого выпусков он передал адъютанту А. Б. Крамеру, т. к. сам отправлялся в длительное путешествие по Сибири (1733–1743 гг.). Эти шесть выпусков составили первый том SRG. “Главное содержание этого сборника, – писал впоследствии в автобиографии Г. Ф. Миллер, – по моему предположению, должно было заключаться в извлечениях и переводах из русских летописей и других исторических рукописей” [Пекарский 1870: 319]. Наряду с другими сочинениями и исследованиями по русской истории (например, об Олеге и Игоре, об Александре Невском, о царе Алексее Михайловиче и др.) в первой части SRG, занявшей ок. 500 страниц, помещено пять отрывков из Радзивилловской (как считал сам Г. Ф. Миллер) летописи в переводе на немецкий язык.

Хотя в 1731 г. Г. Ф. Миллер стал профессором, но на седьмом году своей адъютантской и профессорской службы, по его собственному признанию, ещё “не был в состоянии сам читать русские сочинения, а должен был прибегать к переводчику” [Шлёцер 1875: 4].

Переводчик И. В. Паузе, к которому он обратился, с 1705 г. заведовал гимназией в Москве (после смерти её директора Э. Глюка) и, помимо работы по переводам, трудился вплоть до 1734 г. над составлением Славяно-русской грамматики [см.: Успенский 1975: 9–10]. С 1725 г. он был переводчиком при Академии. По-видимому, по мнению Г. Ф. Миллера, привлечение такого специалиста должно было уберечь его публикацию от ошибок и неточностей. Фрагмент в SRG из Радзивилловской летописи, переписанный для Петра I в Кенигсбергской биб-

лиотеке, когда он проездом посетил её, относится к 860–1175 гг., заканчивается эпизодом гибели Андрея Боголюбского. Имени Нестора в начальных строках летописи упомянуто не было: “Сия книга Лѣтописецъ. Повесть временныхъ лѣтъ, черноризца Феодосьева монастыря Печерьскаго, откуда ес(ть) пошла Русская земля и кто в ней почал первое кн(я)жити”. Радзив.лет.¹: 11. Эта цитата приведена в издании летописи в SRG на русском языке.

В переводе летописи на немецкий язык И. В. Паузе всё же допустил ошибку, приписав авторство Феодосию, настоятелю того монастыря, где летописец Нестор был иноком. Позднее Г. Ф. Миллер в том же SRG в одной из статей 1754 г. исправил эту ошибку. Написал он о ней и в февральском номере 1755 г. «Ежемесячных сочинений», упомянув летопись “первого российского историка преподобного Нестора, а у нас переводчичьим погрешением под именем Киево-Печерского монастыря основателя святого Феодосия на немецком языке напечатанную” [Ежемесячные сочинения, 1755: 87]. Однако ошибка продолжала бытовать на Западе длительное время (более 30 лет). И сам Г. Ф. Миллер, по словам А. Л. Шлёцера, “лишил <...> значения эту свою публикацию” [Шлёцер 1875: 4]. Это был первый опыт учёных представить в печати русский письменный источник.

Не так давно Е. А. Савельева задала вопрос: какую летопись переводил И. В. Паузе – Радзивиловскую или иную? Ответ её показывает, что и здесь переводчик подвёл Г. Ф. Миллера. “Ни один специалист по русскому летописанию не усомнился в правильности сведений, приведённых в статье Миллера в первом томе «Sammlung Russischer Geschichte» относительно перевода «Петровского списка», хотя основания для сомнений, безусловно, были” [Савельева 1999: 507]. По словам И. В. Паузе, он “впервые узнал и прочитал Петровский список Радзивиловской летописи только в 1731 г., и сразу понял, что перед ним один из лучших источников по русской истории, и начал делать её перевод на немецкий язык. Но господин переводчик, – пишет Е. А. Савельева, – немного погрешил против истины” [там же: 508]. Ещё в Москве он начал заниматься историей России и тогда же стал переводить на немецкий язык летопись, близкую по своему составу к тексту Радзивиловской. В его библиотеке был список XVII в. Никаноровской летописи, “которая и помогла ему в дальнейшем понять ценность Петровского списка. Именно поэтому он так легко согласился на предложение Миллера” [там же]. В автобиографических записках И. В. Паузе говорится, что уже в феврале 1732 г. он передал в Канцелярию Академии переводы летописи на латинский и немецкий языки и комментарий к ним” [см.: Винтер 1959: 320]. “Возможно ли было, – спрашивает Е. А. Савельева, – впервые увидев летопись в 1731 г., в 1732 г. не толь-

ко перевести её на два языка, но ещё и прокомментировать?” [Савельева 1999: 508]. Автор приходит к отрицательному выводу. Переводчику И. В. Паузе “безусловно, помог составленный им самим на основе Словаря Ф. П. Поликарпова-Орлова церковнославянско-русско-немецко-латинский словарь<...> При составлении этого словаря Паузе пользовался именно русской летописью и Степенной книгой” [там же: 508].

Если принять во внимание небольшой объём опубликованного в SRG в 1732 г. летописного материала и тот факт, что у И. В. Паузе был опыт работы над летописью, можно допустить, что он работал быстро. Однако изучение Е. А. Савельевой помет И. В. Паузе в Никаноровском и Радзивиловском списках убеждают её в правильности своих выводов: переведён Никаноровский список. Думается, что для полной ясности в этом вопросе необходимо сравнение двух списков с немецким переводом – работа для будущих текстологов.

Но вернёмся к делам Академии первой половины XVIII в. В конце 1733 г. президент Академии Г. К. Кейзерлинг уезжал на дипломатическую службу в Польшу. Он предполагал, что вскоре вернётся, и на время своего отсутствия поручил управление Академией четырём академикам, которые должны были быть директорами попеременно, и двум секретарям. Академик Х. Гольдбах известен как математик, конференц-секретарь, академический советник; в 1727–1729 гг. был воспитателем императора Петра II, внука Петра I.

И. С. Бекенштейн, академик по кафедре правоведения, “враг сплетен и поборник справедливости”, как его характеризует Г. Ф. Миллер, умел ясно излагать самые запутанные вопросы, был сведущ как в римском праве, так и в местных законодательствах; именно у него слушал лекции Г. К. Кейзерлинг в Кенигсберге. Известен труд И. С. Бекенштейна по русской геральдике.

Третьим директором был И. Д. Шумахер, библиотекарь и советник академической канцелярии. Он с 1718 г. много сделал для организации Академии, особенно, что касалось приглашения в Санкт-Петербург западных специалистов по поручению Петра I. Но известен он более тем, что долгое время фактически самоуправно вершил дела в Академии, распоряжался её денежными средствами.

Четвёртым был Г. З. Байер. Он приехал в Санкт-Петербург 17 февраля 1726 г. Ему было предложено сделаться придворным историографом или занять кафедру истории. Он же выбрал древности и восточные языки. По словам Г. Ф. Миллера, это был человек, созданный для классических древностей. Он знал философию, древние языки: наряду с семитическими – языки маньчжурский, тунгусский, китайский, арабский, сирийский, эфиопский; знал историю различных религий, а до приезда в Санкт-Петербург читал в Кенигсбергской гим-

назии курсы греческой и римской литературы. В России проводил разыскания по русской истории, которую, по словам Г. Ф. Миллера, объяснял “из греческих и северных писателей”. Русские же источники не использовал, русского языка не знал и изучать не имел намерения. В своих трудах он, по его собственному признанию, “решился сообщить публике то, что было уже собрано [им] со многими стараниями и огромными издержками, чтобы другим предоставить в будущем дальнейшие исследования и усовершенствования <...> желал облегчить те многие труды, которые потратил сам” [Пекарский 1870: 188]. Впоследствии на русский язык были переведены его сочинения о скифах, варягах, о городе Азове, сочиненная им «География» России. Это краткое правление четырёх академиков продолжалось с декабря 1733 г. до 11 ноября 1734 г., когда президентом Академии наук был назначен И. А. Корф.

Возможно, предложение Г. Ф. Миллера об издании рукописей именно в это время нашло отклик у академиков-директоров: они не могли не понимать важности публикации в России источников по её истории. Именно Г. Ф. Миллеру поручено было помогать Г. З. Байеру в составлении статей для SRG и в предварительной обработке сборника. Г. З. Байер был уверен, что Г. Ф. Миллеру удастся изучить русский язык, т. к. он был молод и деятелен.

25 апреля 1734 г. в Сенат было направлено представление, в котором Академия сообщала, что она “имеет намерение, чтоб по прикладу других народов, которые о исправлении истории отечеств своих тщание имеют, обретающихся российских древних летописцев, по приложенной при сем форме, в печать выдать, не пременяя во оных ни наречия, ни материи, кроме некоторых мест, которые со историею светскою никакого союза не имеют, но токмо до духовности касаются и о которых святейший правительствующий Синод впредь рассмотреть может”. Далее авторы представления указывали не только на научное значение этого предприятия, но и на выгоды для Академической типографии: “А понеже можно надеяться, что через сей способ российской история будет приведена со временем в лучшую ясность, к тому же и типографии истая будет польза и народу чтением оных приятное упражнение”. Поэтому, говорилось далее, “Академия наук покорно просит, дабы соблаговолено было вышереченных российских древних хронографов ныне и впредь при Академии наук в российской типографии печатать, также и продавать по настоящей цене” [Пекарский 1870: с. LXVI–LXVII].

Академия, разумеется, справилась бы с этой задачей. Тем более, что в 1732 г. уже имелся опыт публикации отрывков из русских летописей Г. Ф. Миллера в издании «Sammlung Russischer Geschichte».

Возможно, этот первый (хотя и не совсем удачный) опыт побудил Академию выступить с предложением издать русские источники – в частности летописи – по оригиналам, т. е. на русском языке. Известно, что несмотря на ошибку в публикации Г. Ф. Миллера, европейские учёные высоко оценили сведения, содержащиеся в ней. Они были уверены, что русские летописи написаны на латыни. “Сколько иностранцев громко вздыхали по изданию этих летописей и основательно ожидали от них чрезвычайного расширения всей истории Севера”, – писал А. Л. Шлёцер [Шлёцер 1875: 45]. Сам он, один из немногих немецких учёных, овладев за три месяца русским языком, изумлялся его “богатству, великолепию <...> его силе в звуках и выражениях” [там же: 61].

Инициатива Академии наук встретила резкую отповедь Синода: “Рассуждаемо было, что в Академии затевают истории печатать, в чем бумагу и прочий кошт терять будут напрасно, понеже во оных писаны лжи явственные <...> отчего в народе может произойти не без соблазна” [Пекарский 1870: с. LXVII]. Так окончилась первая попытка учёных гуманитарного класса Академии наук представить русские рукописные источники в печати. Академия не стала свободным сообществом учёных, а получила статус государственного учреждения.

Опубликовать же, по-видимому, предполагалось, Новгородскую первую летопись (список XIII в.), о которой позднее, 21 декабря 1735 г., В. Н. Татищев напишет И. Д. Шумахеру: “При моём отъезде вы обещали напечатать полученную от меня Новгородскую летопись и показали мне один лист, но как вижу, это дело прекращено” [Татищев 1990: 214]. В том же письме В. Н. Татищев объяснял, что рукописная летопись ему необходима в работе над «Историей Российской» “для некоторых исправлений в родословии князей и в хронологии” [там же], чем он занимался с 1719 г. А в это время Новгородская летопись была уже на Урале в числе книг, взятых из библиотеки Сената И.К. Кириловым.

7. «Экстракт к пользе истории российской древней»

Иван Кириллович Кириллов (1695 – 14.4.1737) был одним из первых, кто стал деятельно готовиться к написанию истории России. В молодости он был подьячим Сената. В 1716 г. его перевели в «старые подьячие». В 1719 г. он – канцелярист Приказного стола, в 1720 г. – регистратор, а с 17 октября 1721 г. переведён в секретари Сената и пожалован в потомственные дворяне. В 1726 г. он выполнял обязанности обер-секретаря Сената и получил чин статского советника. П. И. Рычков писал: “Он хотя незнатной породы был, но прилежными

своими трудами и острым понятием в канцелярии Правительствующего Сената, из самых нижних чинов порядочно происходя, ещё при жизни высокославной памяти императора Петра Великого в чин сенатского секретаря произведён” [Рычков 1762: 223–224].

В конце 20-х годов XVIII в. правительство организовало топографо-картографические работы на территории России, которые велись вплоть до 1744 года. В 1734 г. И. К. Кирилов был назначен начальником Оренбургской экспедиции, которая кроме этой работы выполняла задачу укрепления позиций России на юго-восточных границах.

И. К. Кирилов известен как государственный деятель, географ, картограф, составитель Генеральной карты и «Атласа Всероссийской империи», инициатор Второй Камчатской экспедиции, как автор замечательного труда «Описание губерний и провинций, в них города, гарнизоны, артиллерии, конторы, управители с подчинёнными, епархии, монастыри, церкви, число душ и расположенные полки и доходы, как оные ныне состоят. Собрано в Сенате. Совершено 1727». Заметим, что этот труд И. К. Кирилова в Академию наук передал В. Н. Татищев в 1739 г., через 2 года после смерти автора (хранится в ОР БАН под шифром 31.3.25). Книга же была напечатана почти через сто лет – в 1831 г. в университетской типографии в Москве под названием «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привёл и оставил неизреченными трудами Пётр Великий, отец Отечества, император и самодержец всероссийский».

Собираясь в Оренбургскую экспедицию, И. К. Кирилов обратился к обер-прокурору А. С. Маслову с просьбой: “Которые, государь, летописцы старые собрал я в бытность в канцелярии сенатской для сочинения из них экстракта к пользе российской истории древней, кой и зачат у меня, но за многотрудием не окончан. А ныне дорогою и на месте может свободное время сыскаться, того ради с расписанием оставил я их при себе” [Гольденберг, Троицкий 1971: 147].

Среди книг, взятых И. К. Кириловым из архива Сената, были рукописные летописи из Владимирского Рождественского и Кириллова Белозерского монастырей, из Троице-Сергиевой лавры, а также книга об избрании на царство великого государя Михаила Фёдоровича, «Степенная книга царского родословия», описание событий Смуты 1609 г., походов русских войск в 40–70 годах XVII в., сведения о «бывших бунтах» в 1682–1709 гг. [см. там же: 150].

В начале 20-х годов И. К. Кирилову по долгу службы приходилось отвечать на присылаемые к нему запросы. Так, 15 января 1721 г. он послал в Москву обер-секретарю Сената И. Д. Позднякову и секретарю С. Кирееву «Ведомости к истории», которые содержали справки и выписки «О начатии российского флота», сведения, касающиеся на-

чала возведения Адмиралтейства в Петербурге, строения гавани при острове Котлин и всего Кроншлотского порта, о Котлинском канале и доках.

И. К. Кирилов подходил к документам как к историческим источникам: он составлял таблицы, делал выписки, вычёркивал в сделанных для него копиях те части, которые не касались существа дела. Исследователи нашего времени Л. А. Гольденберг и С. М. Троицкий считают И. К. Кирилова знатоком источниковедческой базы истории России. Разрабатывая приёмы сравнения («снесения») текстов памятников, И. К. Кирилов, по их мнению, «содействовал выявлению и обработке необходимых документальных материалов» [там же: 154]. В начале же 30-х годов XVIII в. он несомненно начал какую-то работу по истории России, уже написал часть её, безусловно, зная, какие источники ему понадобятся для дальнейшей работы. Учёные надеются отыскать этот экстракт И. К. Кирилова среди архивных материалов.

8. Работа В. Н. Татищева над «Сводом древних законов русских»

После смерти И. К. Кирилова (14 апреля 1737 г.) экспедиция была преобразована в Оренбургскую комиссию, во главе её был поставлен Василий Никитич Татищев. Книги он разобрал и отослал в Сенат, а Новгородскую летопись вместе с трудом И. К. Кирилова «Описание губерний и провинций...» отправил в Академию наук.

Ещё в 1731 г., после прихода к власти царицы Анны Иоанновны, когда В. Н. Татищеву было поручено описать историю государственного герба, он получил доступ к архивам Разряда, Дворцового приказа и Коллегии иностранных дел. Возможно, тогда сложилось у него убеждение в том, что задуманная им «История Российская» должна быть «собранием из древних русских летописцев». В поисках источников он обнаружил и не летописные, но важность их для понимания истории была для него очевидна. Поэтому со временем он составил из них свод древних русских законов.

В статье С. Н. Валка, посвящённой материалам, опубликованным в седьмом томе «Истории Российской» В. Н. Татищева, говорится о начале его работы по подготовке рукописей к печати. Первой такой рукописью был текст «Судебника» царя Ивана Васильевича 1550 г. Бывший у него список В. Н. Татищев относил к 1610 г. Он купил рукопись у Бартенева, потомка Бахтеярова, состоявшего казначеем в доме Александра Никитича Романова, и в 1734 г. поднёс её императрице Анне Иоанновне, а копию отдал в Академию наук (хранится в ОР БАН, № 17.8.19). «Эта рукопись, – пишет С. Н. Валк, – явилась наиболее ранней в ряду работ Татищева над будущим «Собранием законов».

Татищев снабдил здесь текст «Судебника» лишь небольшим количеством своих примечаний. Она никогда не была издана и является первым опытом работы Татищева над рукописным источником» [Валк, 1968: 39].

В публикации 1968 г. в седьмом томе помещены 25 статей, к которым В. Н. Татищев сделал комментарии в 1735 г. К самому началу «Судебника», представляющему своего рода развёрнутый заголовок, дано 7 примечаний. В заголовке читаем: царь “сей Судебник изложил: как судити бояром, и окольнічим, и дворецким, и казначеям, и дьяком, и всяким судиям приказным людем, и по городом наместником, и по волостям волостелем, и тиуном, и всяким судиям” [Татищев 1968: 203].

Примечания даны В. Н. Татищевым к словам *боярин, окольнічий, дворецкий, дьяк, наместники, волостели и тиун*.

Приведём некоторые из них: “**Боярин** хотя некоторые хотят, от боления производя, *боярин* именовать, однако ж сие видится нововымышленное, и как в славенском произвождении сыскать нельзя, то мною, что оно от сарматского *поо ярик* – разумная голова – произошло. Что же *П* я вместо *Б* принял, оно для того, что фином *Б* неупотребляемы и часто они вместо латинских *В* выговаривают *Р*. Противно же тому черемиса выговаривают *боо* (курсив наш – *Л.А.*)” [там же].

М. Фасмер пишет: “Этим словом именовали старую родовую знать в отличие от нового служилого дворянства (дворянин). При рассмотрении этимологии необходимо считаться с тем фактом, что ст.-слав. **боляринь** представляет собой наиболее древнюю форму. Поэтому Ягич... объяснял из неё др.-русск. **бояринь** как результат влияния слова **бои** ...Слово **боляринь** произошло из дунайско-болгарского (тюркск.) языка, откуда пришло в ст.-слав.” [Фасмер I: 203–204]. Приводя тюркские и греческие соответствия, М. Фасмер указывает на фонетические трудности, сопряжённые с этими этимологиями. Ему ближе иное: “Более удовлетворительно в фонетическом отношении объяснение Корша <...> из кокандск., башк., тат., туркм., азерб. *baġaġ* ‘хозяин, русск. офицер, чиновник’, но это слово... заимствовано из русск. <...> *Возм<ожно>*, *правы Малов<...>* и *Младенов<...>* указывая источник в др.-тюрк. *baġ* ‘знатный, богатый’ + *är*, т. е. ‘знатный человек’, от-куда **боляринь** получено в результате влияния **болии**. Доказательство древности формы ***бояринь** Корш<...> усматривает – отнюдь не убедительно – в стяжении **барин, барыня** – из ***бояринь, боярыни**” [там же].

“**Окольнічей** от словенского *околичность*, зане они имели суд пограничный и межи надзирали; в протчем же бояром яко помощники, сослужители, а при царе Иване Васильевиче в вышней свет введены” [Татищев 1968: 203]. Ср. у М. Фасмера: “**Около, окольный, околица**, укр. (*о*)**коло** ‘вокруг, около’, др.-русск., цслав. *около* ‘circum’, *околь*

κύκλος, болг. *óкол* ‘вокруг, по кругу’, сербохорв. коло ‘вокруг’, словен. okóli, чеш. około, польск. około, в.-луж. wokoło, н.-луж. hokoło. От *о* и *kolo* (см. *колесо*). [Фасмер III: 129].

“**Дворецкой** значит самое то, что ныне именуется *гофмейстер*, и оные были по разным уделам для сборов и суда ко двору надлежащих...” [Татищев 1968: 203].

“**Диак** есть ассессор. Оные купно с судьями за столом сидели. Понеже судии дел не подписывали, того ради оная должность лежала на диаках. Имя же сие произошло от греческого *дьяк*, церковного служителя, которых сначала яко умеющих писать употребляли, а потом, как дьяки от церковного служения отлучены, то церковных для разности стали именовать уменьшительно *дьячек*” [там же]. Ср.: “ст.-слав. дьякъ (Супр.). Вероятно, из ср.-греч. *διάκος*, *διάκων* ‘слуга’, греч. *διάκονος*” [Фасмер I: 560].

“**Наместники** значат самое то, что по латине *vicarius*. Оные были двойки: одни от государя наместничество имели, и все чрезвычайные доходы, яко пошрины и прочее, себе получали, другие от бояр, если кому государь которого города доходы пожалует, то они определяли от себя наместников и некоторую часть доходов им поступались...” [Татищев 1968: 203].

“**Волостели** – управители дворцовых волостей” [там же]. “**Тиун** – судия; мнится мне, что от татарского взято” [там же]. Ср.: **Тиун** – ‘управляющий, судья’; стар., др.-русск. <...> ‘казначей князя <...> должностное лицо на волоке’ [Фасмер IV: 63].

К статье 2 «Собрания законов древних русских» даётся пояснение выражения *А обвинит не по суду*: “Здесь не по суду розумеется, яко не по закону или не по правам”. К статье 3 в выражении *а пошрины на царя и великого князя, и езд, и правда* В. Н. Татищев поясняет слово *правда*: “значит, что с правого положено за труд”. В 4-й статье он толкует: “*Нарядить список: нарядить* – выписку сочинить” [Татищев 1968: 204]. В статье 9 он поясняет начало *А досудятся до поля*: “Поле именуется *поединок* или *битва* судящихся. Сие употреблялось в делех, не имущих доказательства, и персональных обидах, брани, бою и проч.” [там же: 205]. Иногда, не зная точного определения термина, он высказывает свои соображения. Так, к статье 10 даётся такое пояснение: “**Вязчее** что здесь розумеется, неизвестно, в купечестве же *вязчики* назывались маклеры” [там же].

Примечания только к 25 статьям из более чем 100 статей «Судебника» говорят о том, что, возможно, тогда, в 1735 г. у В. Н. Татищева не было твёрдого намерения представить его в печать. Внимательно изучив «Судебник» 1550 г., он увидел, что некоторые из этих законов продолжали применяться в юридической практике и в его время.

В XVIII в. потребность в распространении знаний о действующих законах была насущной необходимостью. Об этом В. Н. Татищев писал в декабре 1735 г. в письме к И. Д. Шумахеру, когда узнал, что готовится к переизданию «Соборное Уложение» 1649 г. царя Алексея Михайловича: “Это в высшей степени нужное и полезное дело, так как повсюду в Уложении чрезвычайная нужда <...> Судьи часто по неведению ошибаются, а просители вовлекаются в более тяжёлые тяжбы <...> Если будет напечатано 2000 экземпляров, то они в короткий срок будут разобраны” [Татищев 1970: 204].

В. Н. Татищев предлагал совершенно новый подход к публикации Уложения. Он видел в нём не только свод действующих законов, но и исторический источник, и формулируя свои требования к будущему изданию, пояснял, что “если Уложение будет напечатано в том виде, в каком оно сейчас имеется, то большой пользы оно не принесёт, так как в нём имеется много несовершенств, неисправностей или отклонений” [там же: 214]. В том же пространным письме (написанном по-латыни) подробно анализируется текст Уложения применительно к судебной практике середины XVIII в. Вот некоторые замечания В. Н. Татищева: “Иногда указывается, что в таких-то статьях установлено что-либо, чего, однако, в них нет, как например, сроки вынесения приговора в зависимости от отдалённости мест, которые находятся в указах царя Ивана Васильевича, но эти указы не напечатаны, и немногие знают об их существовании” [там же: 215]. В таких случаях В. Н. Татищев предлагал в издаваемом Уложении помещать комментарии: “Если что-нибудь отменено или изменено другими указами, то следует отослать к этим указам; если последние не напечатаны – напечатать во второй части” [там же: 216].

В. Н. Татищев раскрывал связь «Судебника» царя Ивана Васильевича 1550 г. с готовящимся к печати Уложением: и то и другое было актуально в XVIII в. Что же касается языка, которым в будущем должны быть написаны законы, то, по его мнению, в предисловии к изданию “нужно ясно описать, *что* при составлении законов следует соблюдать в словоупотреблении, синтаксисе, расположении и тому подобном, для того, чтобы те, кому поручено составление законов, могли пользоваться этими советами как предостережениями против ошибок” [там же: 215–216].

В первой части будущей публикации, по мнению В. Н. Татищева, должен быть текст «Уложения» с перекрёстными отсылками к статьям, дополняющим и поясняющим друг друга, а во второй части можно напечатать, по его мнению, все не издававшиеся ранее указы, начиная с Устава Всеволода, т. е. с законодательных актов XIII и XIV веков. “Однако, – пишет он далее, – нужно, чтобы опытный человек

объяснил *старинные слова*, которые сейчас вовсе не употребляются (курсив наш – *Л.А.*)” [там же: 216]. Естественна забота историка о верном толковании незнакомых слов, но об этом заботится и лингвист. Как видим, в своей работе над историческими источниками В. Н. Татищев не мог не ставить и не решать лингвистических задач, связанных с вопросами правописания, актуальными в XVIII в.

В переписке В. Н. Татищева с И. Д. Шумахером, относящейся к этому времени, последний не раз упоминал, что президент Академии И. А. Корф распорядился ознакомить академиков с его “подробными размышлениями об Уложении”, подтверждал, что его предложения и критика непременно будут приняты во внимание. Но ни в издании 1737 г. ни в последующих предложения В. Н. Татищева учтены и реализованы не были.

9. Первая публикация русских грамот

В 1733–1743 гг. Г. Ф. Миллер предпринял путешествие по Сибири, т. е. участвовал во Второй Камчатской экспедиции под руководством В. Беринга. За это время он овладел русским языком, приобрёл опыт работы с архивными документами. По его указанию местные переписчики копировали для него различные грамоты в архивах сибирских городов. Эти документы нужны были для работы над историей и географией России. Они хранятся в архиве Академии наук в Санкт-Петербурге и Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве под названием «Портфелей Миллера». Он обследовал архивы в 20 городах, а в Тобольске от енисейского воеводы Петра Мировича получил старинную Сибирскую летопись, которую передал в Библиотеку Академии наук.

Возвратившись в Санкт-Петербург, Г. Ф. Миллер узнал, что в Академии исторический департамент ликвидирован. В 1744 г. он выдвинул большой план по собиранию и изданию исторических источников. В «Предложении об учреждении при Академии наук исторического департамента для сочинения истории и географии Российской империи» он писал, что история есть “зеркало человеческих действий, по которому о всех приключениях нынешних и будущих времён, смотря на прошедшие, рассуждать можно” [Пекарский 1870: 339]. Только в России, продолжал он, “не сделано ещё никаких учреждений на пользу науки русской истории, а потому она и находится ещё во младенчестве” [там же]. Это было справедливо для того времени: со-

чинение В. Н. Татищева «История Российская» не было напечатано, хотя и известно было во множестве списков.

Г. Ф. Миллер предлагал пути выявления материалов для большого научного начинания: “Источники русской истории следует искать в степенных книгах, летописцах, хронографах как целой России, так и областей её<...> в делах, хранящихся по архивам столичным и провинциальным, в житиях святых, в рукописных известиях о построении монастырей и церквей, надгробных надписях, родословных книгах, в разных русских древностях, в иностранных сочинениях о России и сопредельных государствах, которые вели с нею войны, заключали союзы, писали договоры” [там же: 340]. Исторический департамент должен был собирать подобные источники. Необходимо было позаботиться и о штате, и о прочном каменном доме, где должны были храниться такие материалы. Это учреждение, по мнению Г. Ф. Миллера, должно было располагаться в Москве, “ибо сей город <...> за центр всего государства почесть можно” [там же: 341].

Историограф должен иметь право, писал он далее, просматривать местные архивы, но то, что имеется в Санкт-Петербурге и что поступит из коллегий и канцелярий, необходимо непременно привести в порядок. Предполагалось периодически посылать адъюнктов по разным местам России для сбора источников из архивов, которые от “прежних четвертных приказов московских остались” [там же: 342] и лучше сохранялись на местах, чем в столице. Нужно было также отыскать архивы Разрядного и Посольского приказов. Такие архивы “от древности и мокроты погнили, мышами и червями съедены или разодраны и побросаны в кучи” [там же]. С оставшимися материалам этих фондов имеют дело в настоящее время современные источниковеды.

В предложении Г. Ф. Миллера академические власти усмотрели стремление учёного “высвободиться из зависимости от Академии”, а также ввести её в излишние расходы и убытки. Поэтому дело тянулось до 10 ноября 1747 г., когда, по определению из Академической канцелярии, Г. Ф. Миллер всё же был назначен государственным историографом с условием принятия им российского подданства и с тем, чтобы после окончания своей «Сибирской истории» он принял за сочинение истории России.

Только 27 января 1749 г. вновь был учреждён исторический департамент, а 29 января Г. Ф. Миллер принял российское подданство. Позднее, в 1762 г. он писал И. Д. Михаэлису в Германию: “Если кто желает действительно сделать что-нибудь по этой части, то должен он всю свою жизнь посвятить на то и находиться в России при издании в свет своих произведений, потому что всегда накаплиются известия, не попадавшие прежде окончательной обработки. По крайней мере, я

это испытал на опыте. Всякая вне России изданная русская история будет наполнена промахами и недостатками даже и в том случае, когда сочинитель знает русский язык и жил некоторое время в России” [Пекарский 1870: 376].

В книге Г. Ф. Миллера «Описание Сибирского царства» (СПб., 1750) в подстрочных примечаниях напечатаны тексты 100 русских грамот из сибирских архивов. Как историку, Г. Ф. Миллеру представлялось необходимым привести тексты документов в подтверждение своих научных положений. Это был первый случай издания русских документальных рукописных материалов – грамот – в России. Они были напечатаны по правилам орфографии XVIII в. гражданским алфавитом. Это было значительное событие в научной и культурной жизни страны.

Г. Ф. Миллер предлагал в качестве приложения издать ещё и переданную им в Библиотеку Академии наук Сибирскую летопись, в которой описывались события от начала похода Ермака. Такое издание было бы значительным подспорьем и для будущих историков, и для лингвистов.

Отношение Академической канцелярии к книге Г. Ф. Миллера «Описание Сибирского царства» и публикации в ней грамот было резко отрицательным. В мае 1749 г. И. Д. Шумахер писал назначенному в 1746 г. президенту Академии наук К. Г. Разумовскому: “Понеже из поступка Миллера, который предлагал напечатать летописцы при его истории и оную без нужды наполнил жалованными грамотами, довольно видно, что он никакого другого намерения не имеет, как свою историю увеличить и время провождать, то лучше б и безопаснее было, чтоб летописцы и жалованные грамоты особенно напечатать, показав их наперёд в надлежащем месте для апробации, ибо оные – дела такие, о которых рассуждать должны министры или правительствующий Сенат” [Пекарский 1870: 354–355]. Даже читанное Г. Ф. Миллером в марте 1749 г. в историческом собрании Предисловие к «Описанию Сибирского царства», по мнению И. Д. Шумахера, “больше клонится на распространение суетной его (Миллера) славы, нежели к чести президента и Академии” [там же: 354]. Как видим, намерение обнародовать исторические документы в России постоянно встречало препятствия. Но необходимость публикации рукописных источников по истории России со всей очевидностью вставала перед страной.

Г. Ф. Миллер скончался 11 октября 1783 г. Ещё во время путешествия по Сибири (1733–1743 гг.) он копировал материалы местных архивов, и в частности, сгоревшего впоследствии Чердынского архива. [Заметим: В. П. Козлов указывает 1745 год копирования этих документов (Козлов 1981: 71), но Г. Ф. Миллер в 1743 г. уже вернулся из пу-

тешествия]. К концу XVIII в. он успел напечатать Степенную книгу (вместе с С. Башиловым), Судебник 1497 г., Свод законов царя Ивана Васильевича 1550 г., подготовленный к изданию В. Н. Татищевым в 1738 г. и дополненный в 1750 г., а также его «Историю Российскую». Но 100 грамот из сибирских архивов, помещённые им в качестве подстрочных примечаний в «Описании Сибирского царства» (СПб., 1750), открыли путь к изданию русских деловых документов.

10. Подготовка В.Н. Татищевым издания «Русской Правды» и «Судебника» 1550 г.

Отправляясь в 1734 г. в Оренбургскую экспедицию, уже много лет работавший над созданием «Истории Российской» В. Н. Татищев с сожалением узнал, что издание Новгородской летописи остановлено: Синод в 1734 г., как уже было сказано, решительно отклонил попытку Академии наук начать публикацию летописей.

Разбирая книги умершего в апреле 1737 г. начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова, В. Н. Татищев обнаружил в Новгородской летописи (сп. XV в.) попа Иоанна ещё один, более древний по сравнению с «Судебником» 1550 г., свод законов – «Русскую Правду». 14 января 1740 г. он послал в Академию тетрадь с переписанным текстом этого памятника и своими комментариями, предлагая его опубликовать. В письме к И. Д. Шумахеру он изложил широкую программу публикации русских письменных источников: “Посылаю древние законы для напечатания, которые, мною, и списывать не надобно, токмо бы приложенный лист моей руки не утратили <...> Древностей <...> русских ещѣ не напечатано и <...> можно сие за первую часть почесть, а к тому новизны, положенные в немецких, приобсчитать. II-я часть может духовные великих князей сделать, в III-ей – некоторые старинные грамоты, в IV-й – соборы, бывшие в Руси. И так оны[e] из таких вещей собирать, которые в гисториях вносить неудобно” [Татищев 1970: 276]. В том же письме он сообщил, что посылает 13 тетрадей написанной им «Истории Российской», которые могли понадобиться издателям “при исправлении примечаний”.

В подготовленное в это время В. Н. Татищевым к изданию «Собрание древних законов русских» входила «Русская Правда», «Судебник 1550 г. царя Ивана Васильевича» с комментариями и «Указы дополнительные к Судебнику». Такое собрание русских законодательных документов могло бы стать первым представленным в печати юридическим источником как по истории России, по истории русского

права, так и по истории языка. Тетрадь В. Н. Татищева, содержащая «Русскую Правду» с внесённой его рукой правкой, хранится в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук под шифром 16.14.9.

Если в 1735 г. В. Н. Татищев сопроводил текст «Судебника» только краткими комментариями, то теперь к «Русской Правде» он подошёл по-другому. Страницы его тетради разделены на две колонки. Левая озаглавлена «По ветхому наречию Правда Русская». В ней помещён текст памятника, разделённый В. Н. Татищевым на статьи. В правой колонке он дал перевод на современный ему язык и озаглавил «Новоприложенное». Под каждой отдельной статьёй во всю ширину страницы В. Н. Татищев привёл толкования *вышедших из употребления слов* и свои комментарии, помечая в тексте поясняемые слова латинскими литерами вверху строки при конце слова, как теперь в книгах даются указания на наличие подстрочных примечаний и отсылок.

Уже после первой статьи дано пояснение к слову **гридень**: “По-неже *гридня* называлось царской покой или комната, то мнится, *гридень* есть придворной человек (здесь и далее курсив наш – Л.А.)” [Татищев 1968: 219]. К словам, которые В. Н. Татищев ни перевести, ни объяснить не может, он приводит свои предположения и прямо пишет об этом: “*Ябетник* что значит, неизвестно; не описано съ ли вместо *обетник*, когда чужеземец обещается вечно служить. *Изгой* или *изгонь*, не знаю; если последнее, то значит изгнанца откуда-нибудь” [там же]. Пояснения и толкования старинных слов и выражений сделаны ко всему тексту «Русской Правды» рукой В. Н. Татищева до конца тетради, переписанной писарским почерком. Сталкиваясь с непонятными словами, он был вынужден искать способ их объяснения, давать толкования. Так началась лексикографическая работа первого русского историка над словарём, который был доведён им до слова **ключник**. Имея в виду его «Лексикон исторический, географический, политический и гражданский», а также мысли В. Н. Татищева о русской орфографии, высказанные им в переписке с В. К. Третьяковым, проф. Б. А. Успенский пишет, что “дошедшее до нас лингвистическое наследие В. Н. Татищева относится преимущественно к области лексикографии” и что он был автором ряда предложений, на которые ссылаются, – часто полемически – В. Е. Адогуров, В. К. Третьяковский, а иногда и М. В. Ломоносов [Успенский 1975: 76].

Лингвистическим наследием В. Н. Татищева являются и те комментарии, которые он предлагает, объясняя вышедшие из употребления слова в подготовленных им к печати «Русской Правде» и «Судебнике царя Ивана Васильевича» 1550 г.

Вторую тетрадь с теми же текстами он был вынужден прислать в Академию наук 14 февраля 1750 г., когда, обвинённый в злоупотреб-

лениях, вольнодумстве и отставленный от должности губернатора Астрахани, уже длительное время жил в своём селе Болдино Дмитровского уезда. Он назвал её «Собрание законов древних русских». Поводом для нового обращения к этим текстам послужило письмо-запрос И. Д. Шумахера. Профессору юриспруденции Академического университета Ф. Г. Штрубе де Пирмону для составления задуманного им «Краткого руководства по российским правам» понадобился текст «Русской Правды». Забыв, что Новгородская летопись, в которой был обнаружен этот памятник, отправлена была В. Н. Татищевым в Академическую библиотеку ещё в 1737 г., И. Д. Шумахер послал к нему в Болдино запрос. На это В. Н. Татищев отвечал: “Хотя Вы мне запросом о древних законах неколико в Истории воспрепятствовали и немалой труд нанесли, что я не имея способного писца, принуждён сам оные переписать, но<...> благодарю, что Вы дали мне причину внятнее оные понять и рассмотреть и обстоятельнее изъяснить” [Татищев 1970: 352].

Эта тетрадь хранится в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН под № 434 в коллекции № 115. Она так же, как и первая, разделена на две колонки, как и первая, снабжена «Предъизвещением», но комментарии в этой редакции обнаруживают исследователя более зрелого. Для сравнения приведём пояснения к тем же словам, которые комментируются и в первой редакции. “Гридня именовалось покои господски или княжески, как ниже судебную избу или канцелярию *гридня* именовал, и от того дворянин, или шляхтич, *гридень* именован <...> *Ябетник*, мню, описка, вместо *обетник* или по двору служасчий, т. е. холоп. *Изгой* что значит, неизвестно; и хотя чаятельно по древности, что сей закон от вандал принесённой, но потом переменённый и переправлённый” [Татищев 1968: 281].

В примечаниях этого времени появляются и культурно-исторические сведения. Так, к статье 10 *И буде варяг, оли колбяз, то на роту* Татищев даёт такое примечание: “Чужеземцем *рота* или *присяга* не без политики допущена, опасаясь, что подлость, не разумя пользы и вреда государства, оных ненавидит и легко лжесвидетелей прибрать могут. О свидетельстве Петр Великий в «Процессе военном» презрительно изъяснил, но в гражданстве никакого достаточного на то закона не имеем” [там же: 282].

Примечания к «Судебнику царя Ивана Васильевича» 1550 г. обозначены в этой тетради как «Изъяснения». Первое из них, как и в тексте 1735 г., посвящено слову **боярин**: “Боярин слово сарматское испорченное, прямо *боярик* или *поярик* значит ‘умная голова или мудрый человек’. Чин сей был первый в государственном правлении из самой древности, они все обще называны *ближние бояре* и преимуще-

ствовали по старшинствам. По избрании царя Михаила Федоровича для его юности определили к нему для нуждных и тайных рассуждений четырёх бояр и надёжнейших, и оных именовали *комнатные бояре*. Которое непрерывно продолжалось до возраста Петра Великого, который ту разность учинил *действительными* и просто *тайными* советниками. При императрице Екатерине Алексеевне учинён Верховный тайный совет во осьми персонах, которой до вступления на престол императрицы Анны Иоанновны продолжался, а ею оной отставлен и учинён Кабинет, состоящий в 3-х или 4-х министрах и одном или двух секретарях. Число бояр ближних неопределённое было, кроме что у всех удельных князей были собственные, в полате при государе, при войсках и по городам знатными воеводами до 30-ти и более.

Окольников имя от околичности. Они имели в смотреии границы и суд пограничный, как в его Наказе губных старост написано, что им в пограничные суды не вступать, а отсылать к окольниковим. И они имели власть с заграничными иметь переписку, они же присутвовали при полевом бою, или поединках, как ниже показано, потом введены в Полату, или Сенат, и имели место по боярех выше думных дворян” [Татищев 1968: 288].

Далее он приводит сведения о трансформации в России такой должности, как **дьяк**: “*Диак*, греческое *диакос*, служитель церкви, и как сначала, кроме церковников мало письма умеющих было, то их для письма в канцеляриях употребляли и были равно как ныне писари. Потом учинили *поддиачих*, а *дьяки* стали быть яко ныне ассессоры, и так сильны при сем государе были, что бояре без согласия их ничего делать не могли. Сей же государь учинил *думных диаков*, которые в Сенате яко обор-секретари докладывали и все определения подписывали. Сначала их было 2, потом до 7-ми умножено, и сидели с бояры в разных приказах, иногда и сами главными” [там же].

Как видим, комментарии В. Н. Татищева касаются по большей части вопросов управления государством, социальных процессов, но и толкованию слов он, как прежде, уделяет внимание. Не закладывались ли здесь, в трудах гениального русского историка, основы источниковедения, не только исторического, но и лингвистического? Ведь в то время история и филология раздельно не существовали. Страстное желание В. Н. Татищева видеть напечатанным уж не свой грандиозный труд «История Российская», а хотя бы необходимые и крайне важные источники, освещающие вопросы законодательства Древней Руси, не осуществилось при его жизни: ни одна рукопись, подготовленная им к публикации, не увидела света. Только в 1786 г. Г. Ф. Миллером была издана «Русская Правда» с комментариями В. Н. Татищева в «Продолжении Древней Российской Вивлиофики» Н. И. Новикова.

Оценивая работу В. Н. Татищева над рукописными источниками, А. И. Юхт пишет: “Понимая огромное значение рукописных материалов для воссоздания прошлого России, Татищев рассматривал собирание, описание и публикацию источников как важнейшую государственную задачу” [Юхт 1990: 17]. И пусть не всегда точны сведения о происхождении и значении древних терминов, приведённые В. Н. Татищевым, современная лингвистическая наука должна отдать дань благодарности за его огромный труд, за смелую самостоятельную попытку работать с русскими источниками, решая как исторические (в первую очередь), так и языковедческие задачи.

Высоко оценивал труды В. Н. Татищева приехавший в Россию в 1761 г. немецкий учёный А. Л. Шлёцер, который писал, что в России “сверх летописей, с 1739 г. существовала история, которую могли и должны были напечатать, но не напечатали: я говорю о знаменитом сочинении Татищева”. Это был, по его словам, “истинный исторический гений, даже со способностями к критике слов и предметов <...> он был рождён для истории своей страны” [Шлёцер 1875: 51].

11. Упущенные возможности русской науки

В 1755 г. государственный историограф Г. Ф. Миллер начал издание в Санкт-Петербурге научного журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». В февральском номере он писал: “Российские летописи и хронографы <...> для их точности и совершенства особой похвалы достойны<...> Но сего весьма мало печатного находится” [Ежемесячные сочинения: 87]. Он считал, что “Нестор <...> вместе со своими продолжителями должен быть напечатан”: ведь при изготовлении рукописных списков с летописей ошибки неизбежны, и только издание позволит от них избавиться. В апрельском номере 1755 г. он писал о том, *что и как* следует издавать: “Татищев сравнил несколько списков и таким образом составил общую летопись (General Chronik). Но читатель желает знать и сам убедиться, сравнены ли различные способы чтения с надлежащею проникательностью, всегда ли избраны лучшие из них. Но это невозможно, если не напечатаны буквально и верно самые списки, почитающиеся лучшими, а из остальных не собраны важнейшие варианты” [цит. по: Шлёцер 1875: 55].

«Ежемесячные сочинения» издавались Г. Ф. Миллером до времени его переезда в Москву в 1767 г. Они, по его мысли, должны были подготовить русскую публику к восприятию изданий летописей и других рукописных исторических источников. Высокую оценку этому

журналу дал митрополит Евгений (Болховитинов) в «Словаре русских светских писателей»: «Вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый русский ежемесьячник, в котором много помещено иностранных переводных, а большая половина русских любопытнейших статей исторических, географических, коммерческих, учёных и других» [Евгений 1845: 67]. В 1851 г. в «Очерке русской журналистики» В. А. Милютин писал: «Ежемесячные сочинения» не только приохотили к чтению русскую публику <...> но <...> распространили в ней множество полезных сведений и ближе познакомили её с прошедшим и настоящим состоянием России» [Современник, Т. XXV. – Отд. II: 2].

В возобновлённом в конце 50-х годов «Sammlung Russischer Geschichte» Г. Ф. Миллер писал о русских летописях: «Нестор и продолжители [так!] его временника составляют связь русской истории, которая так полна, что ни одна нация не может похвалиться, чтобы имела такое сокровище, которое продолжалось бы непрерывно через такое множество лет» [цит. по: Шлёцер 1809: 125].

Будучи в России в 1761–1765 гг. (сначала – как помощник Г. Ф. Миллера, затем – в качестве адъюнкта Академии и академика), А. Л. Шлёцер обнаружил и впоследствии отметил в своих воспоминаниях, что в то время русские люди любили читать книги об отечественной истории и собирать всякого рода хроники. Все монастыри, частные библиотеки, даже ветошные лавки были полны рукописных летописей, но ни одна не была напечатана.

В 1674–1762 гг. вышло пять изданий киевского «Синописа» – исторического сочинения о России, который был составлен по данным переписчиков русских летописей, а не по первоисточникам. «Непонятно, как никто ни в Академии, ни вне её не напал на мысль напечатать одну из бесчисленных летописей так, как она есть», – писал А. Л. Шлёцер [Шлёцер 1875: 52]. По рукам ходило много списков «Истории Российской» В. Н. Татищева, и, по словам А. Л. Шлёцера, «многим было удобно тайно почерпать свою мудрость из этого немногим известного источника. Но какая потеря для народа! Какая масса исторических сведений распространилась бы в нём с 1740 до 1760 года, если бы глупость, трусость и личный интерес не воспрепятствовали изданию» [там же: 55].

Даже в 1765 г. директор Академической канцелярии И. К. Тауберт ответил отказом на предложение, высказанное А. Л. Шлёцером, напечатать без всякого вознаграждения принадлежащий Тауберту список сочинения В. Н. Татищева «История Российская». И только в 1768–1784 гг., благодаря стараниям Г. Ф. Миллера, постепенно появились в печати 4 части этого труда. Понимая всё значение трудов великого учёного, Г. Ф. Миллер предлагал приобрести для Академии ар-

хив, книги и рукописи скончавшегося в 1750 г. В. Н. Татищева, но Академия медлила; пожар в селе Болдино уничтожил его наследие.

Ещё 16 февраля 1722 г. Пётр I издал указ, по которому предписывалось всем епархиям и монастырям “выслать в Москву в Синод находящиеся у них хроники и хронографы, писанные на пергамене или на бумаге”. Запрещалось утаивать книги и высказывалось обещание, что по снятии копий они будут возвращены. А из Синода должны были быть разосланы в разные места люди для осмотра и собирания рукописей. Вследствие этого к началу 60-х годов в архиве Академии накопилось семь летописных списков; в частных же коллекциях их было гораздо больше. Один из древнейших, который для В. Н. Татищева на Урале переписал раскольник, был утерян. Семь списков обнаружил в архиве Академии А. Л. Шлёцер и впоследствии использовал их в своей книге «Нестор», которая вышла в 1802 г. в Германии и была переведена на русский язык Д. Языковым в 1809 г. [далее – Шлёцер 1809].

О состоянии российских архивов того времени А. Л. Шлёцер с горечью замечал: “Тут сотнями валяются временники <...> которым даже нет и описи; тут тысячами пылятся древние сочинения, грамоты, монеты, древности, которых никто ещё не считал, а того менее описывал и изъяснял” [Шлёцер 1809: 125–126]. Такое состояние источниковедческой базы науки в России А. Л. Шлёцер объяснял тем, что “в продолжение последних тридцати пяти лет Академия была наполнена почти одними иностранцами, из которых, кроме Миллера, никто не знал по-русски” [Шлёцер 1875: 48].

Не лучше оценка состояния архивного дела была дана и в XIX веке. Грамоту 1130 г. великого князя Мстислава новгородскому Юрьевскому монастырю митрополит Евгений в 1807 г. буквально спас, вынув её из кучихлама, которую инок вёз на берег Волхова, чтобы спустить в реку [см.: Ильинский 2000: 325–326]. В 1867 г. акад. П. П. Пекарский нашёл в старинных бумагах Академии разъяснение, по какой причине дела походной канцелярии князя А. Д. Меншикова находятся в её архиве: в 1749 г. “известный собиратель сведений о Петре Великом дворянин Пётр Крекшин довёл до сведения Академии, что в Петропавловской крепости лежат без всякого надзора и подвергаются гниению дела помянутого князя” [Извлечение 1867: 79].

По ходатайству академической Канцелярии Сенат разрешил разобрать и принять на хранение все бумаги А. Д. Меншикова, имевшие историческое значение. Разбор и описание их были возложены на академиков Г. Ф. Миллера, Ф. Г. Штрубе де Пирмона и К. Ф. Модераха. Г. Ф. Миллер предлагал озаботиться о всех вообще исторических материалах, хранящихся при казённых учреждениях в Петербурге и Москве, “дабы без должного времени потеряния такие к истории весьма

потребные доказательства в бережное охранение отданы были и потом к всеобщей пользе употреблены быть могли. На это представление, впрочем, не обращено было внимания, и дела, не принадлежащие к походной канцелярии бывшего любимца Петра Великого, оставлены были по-прежнему гнить в сырых помещениях, не защищённых от наводнений: о них снова вспомнили только в начале царствования императора Николая Павловича” [там же: 80]. П. П. Пекарский написал об этом в «Истории Академии наук»: “Что же касается до дел Тайного приказа, то об них вспомнили в весьма недавнее время, именно тогда, когда две трети их от наводнений в прошлом и нынешнем столетиях сгнили или так слиплись от подмочки, что сделались совершенно негодными к прочтению” [Пекарский 1870: 359].

12. Первое издание летописи по оригиналу в России

В 1749 г. к очередному годовому заседанию Академии наук историограф Г. Ф. Миллер подготовил диссертацию «Происхождение имени и народа Российского», которая осенью этого же года была передана членам Академии для рассмотрения. Получил её и М. В. Ломоносов, который “множкратно прочитав и рассмотрев” её, представил в Канцелярию свои замечания в виде «репорта». В нём он выдвинул серию аргументов для доказательства древности пребывания славян в Европе и отверг теорию Г. Ф. Миллера о том, что Русское государство обязано своим возникновением исключительно норманнам.

Полемика была очень острой. М. В. Ломоносов писал: “Из всего видно, что он весьма немного читал российских летописей, и для того напрасно жалуется, будто бы в России скудно было известиями о древних приключениях” [Ломоносов 1986: 18].

Сам он знал русские летописи хорошо: вероятно, годы учения в Славяно-греко-латинской академии в Москве посвящал и знакомству с содержимым библиотеки Заиконоспасского монастыря. Об источниках по русской истории он написал в своём «Репорте»: “Правда, что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках” [там же].

М. В. Ломоносов не издавал летописей или других источников, но привлекал их для создания своей Российской истории. В сентябре 1751 г. он сообщил И. И. Шувалову, что работает над составлением плана «Древней Российской истории». Долгое время господствовало мнение, что он стал писать историю России по заказу императрицы Елизаветы II. Это оказалось неверным: она только через два года, уз-

нав от И. И. Шувалова, пожелала, чтоб отечественная история была написана его (Ломоносова) “штилем”.

В 1759 г., когда печатание книги «Древняя Российская история» шло полным ходом, М. В. Ломоносов взял рукопись из типографии, чтобы изменить расположение примечаний. Работа затянулась, и книга вышла только в 1766 г., уже после смерти автора. Трудно сказать, в каком направлении шла правка. Однако по существующим примечаниям видно, что М. В. Ломоносов более 40 раз ссылается на летописи и другие рукописные источники (Степенные книги, Новгородский летописец, Соборный временник и др.). Целыми страницами в его «Древней Российской истории» идёт пересказ сообщений из летописей, которые были в его руках при работе над книгой. Во многих случаях автор исправляет даты подлинника, оговаривая это в подстрочных примечаниях. Он полагал, что судьбы России могли дать историкам множество сюжетов для описания различных деяний народа: “Из великого их [древних писателей] множества немало по общей судьбине во мраке забвения покрыто. Однако противу мнения и чаяния многих, толь довольно предки наши оставили на память, что, применясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдём причины. Немало имеем свидетельства, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют внешние писатели. Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою” [Ломоносов 1986: 49]. Язык древних памятников также был доступен М. В. Ломоносову. В «Предисловии о пользе книг церковных» он писал, что “<...> российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуметь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой перемены, случившейся через то время” [там же: 201].

Хотя в 1746 г. граф К. Г. Разумовский был назначен президентом Академии наук, распоряжались в ней И. Д. Шумахер и Г. Н. Теплов. Диктаторство академической Канцелярии усилилось с назначением её членами советника И. К. Тауберта, зятя Шумахера, и близкого к нему академика Я. Я. Штелина.

М. В. Ломоносов ратовал за отмену сословных ограничений при приёме в академический университет, отстаивал и свои предложения об устройстве академической гимназии как всесословного учебного заведения, предлагал направлять в университет способных студентов из Александро-Невской и Нижегородской семинарий. Академический университет был организован в 1747 г., когда для Академии наук был утверждён устав – «Регламент». В нём в университет на казённое со-

держание повелевалось набрать 30 “молодых и годных людей в студенты”. Кроме того, разрешался приём “вольных” студентов, число которых не устанавливалось [СПб. отделение Архива РАН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 456: 58]. В 1757 г. в связи с отставкой И. Д. Шумахера членом академической Канцелярии был назначен М. В. Ломоносов, а в 1760 г. президент К. Г. Разумовский расширил его административные полномочия, передав в его ведение гимназию и университет.

Первый набор студентов в академический университет был поручен М. В. Ломоносову и В. К. Третьяковскому. Одним из студентов стал сын священника Иван Семёнович Барков, обучавшийся в Александро-Невской духовной семинарии. Он пришёл к М. В. Ломоносову и заявил о своём желании “учиться в Академии”. Хорошее знание латинского языка и большие способности И. С. Баркова обеспечили ему казённое содержание в университете. Занятия в академическом университете начались 16 мая 1748 г.

И. С. Барков слушал лекции по стихотворству у В. К. Третьяковского, курс поэтики и красноречия у И. Э. Фишера. В 1750 г. представил свой перевод К. Г. Саллюстия «Война Катилинина», а в 1751 г. был исключен из университета “за проступки и дерзости” и определён учеником “наборного дела” в академическую типографию. Потом академическая Канцелярия разрешила ему учиться “российскому штилю” у С. П. Крашенинникова, а французскому и немецкому языкам у преподавателей академической гимназии П. Сузи и Я. Кожика.

В 1753 г. И. С. Барков (по его просьбе) был переведён из типографии в Академическую канцелярию на должность копииста [СПб. отделение Архива РАН, ф. 1, оп. 3, ед. хр. 57: 172 и ф. 3, оп. 1, ед. хр. 158: 424–425]. Его посылали для переписывания сочинений и служебных бумаг М. В. Ломоносова, для снятия копий с разных документов. В 1755 г. Барков дважды переписал для Ломоносова его «Российскую грамматику», в 1757 г. снял для него копию с Радзивиловского списка (XV в.) летописи Нестора, а в 1759 г. ежедневно после полудня ходил к Ломоносову для переписывания его «Древней Российской истории».

Работая над первоисточниками под наблюдением М. В. Ломоносова, И. С. Барков “приобрёл знания в области источниковедения и опыт исторического исследования” [Кулябко 1977: 30]. Первой самостоятельной его работой была «Краткая российская история» от Рюрика до Петра I, вышедшая в свет в 1762 г. как приложение ко второму русскому изданию «Сокращённой универсальной истории» немецкого историка Гильмара Кураса, переведённой учеником М. В. Ломоносова Борисом Волковым (первое русское издание этой книги было напечатано в 1748 г. в переводе академического переводчика С. Волчкова).

Имя автора «Краткой российской истории» не было указано в издании, что привело многих, писавших об И. С. Баркове, к заключению, что его работа осталась ненапечатанной. Лишь в 1910 г. этот ошибочный вывод был исправлен В. П. Семенниковым, обнаружившим в Архиве Академии наук в «Журнале» академической канцелярии запись от 22 октября 1762 г. В ней говорилось, что к переводу книги Г. Кураса 1762 г. «была приобщена «Сокращенная Российская история», составленная вопросами с ответами «в пользу учащегося юношества» на стр. 231–323. Составитель этой истории не назван, но из архивных документов выясняется, что краткая история составлена Барковым<...> За сочинение им «Сокращённой Российской истории» выдать 20 экземпляров книгами или деньгами» [Семенников 1914: 11]. Кроме найденной записи в «Журнале», имеются расписки И. С. Баркова о полученном им вознаграждении за эту работу [СПб отделение Архива РАН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 1099: 443]. Обнаружен в Архиве РАН подлинник рукописи [там же, р. II, оп. 1, № 28: 101–118 об.]. Она вклеена в один фолиант с переводом «Сокращённой универсальной истории» Г. Кураса, выполненным Б. Волковым [см. Кулябко 1977: 30–31].

В 1763 г. в журнале «Ежемесячные сочинения и известия о учёных делах» появилась рецензия на книгу Г. Кураса, напечатанная без подписи, в которой говорилось и о «Краткой российской истории». Автор рецензии Г. Ф. Миллер, высоко оценивший труд И. С. Баркова, писал, что «сообщаемые им сведения более полны и точны, чем в изданной в те годы известной «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера (1763, май, с. 461). «Краткой российской историей» Барков оказал большую услугу русскому читателю, дав ему возможность познакомиться с основными этапами и событиями отечественной истории» [Кулябко 1977: 31].

Второй научной работой И. С. Баркова было издание Радзивилловской летописи, которое положило начало публикации памятников русской письменности. «В 1761 г. в академической типографии начата была печатанием летопись Несторова по Кенигсбергскому списку» по непосредственному распоряжению И. К. Тауберта, о чём А. Л. Шлецер, несмотря на дружеское расположение к нему, оставил такие заметки: «Миллер за много лет перед тем сделал предложение об издании летописей. Не должно ли было быть ему чувствительно, что он был профессором истории, а Тауберту поручено исполнение. Поэтому он не принимал здесь впоследствии никакого участия» [цит. по: Пекарский 1870: 656].

Более чем через 40 лет после Указа Петра I о сборе и копировании русских рукописей, в 1767 г., вышла первая книга под названием «Библиотека Российская историческая, содержащая древние летописи

и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. Часть 1. Летопись Несторова с продолжением по Кенигсбергскому списку» (далее – Б-ка РИ). Этот богато иллюстрированный летописный список XV в., подаренный Б. Радзивиллом Кенигсбергской библиотеке, был в 1697 г. показан Петру I, когда он проезжал через Кенигсберг. Пётр приказал сделать копию, но впоследствии, в 1761 г., сам этот список Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи оказался в Санкт-Петербурге.

Предисловие к этой публикации было написано А. Л. Шлёцером [Шлёцер 1875: 63], а переводил его на русский язык канцелярист и переводчик Академии наук И. С. Барков. Он же копировал текст летописи для издания. Современники сожалели, что его непосредственный начальник И. К. Тауберт, который не понимал задач исторической науки и источниковедения, “позволил или, лучше сказать, приказал этому издателю 1) изменять старую орфографию, или подновлять её, 2) пропускать целые отрывки неисторического содержания, как то: религиозные рассуждения со многими цитатами из Библии (которые могли быть полезны при собирании вариантов); 3) непонятные места изменять по догадкам и делать их понятными; старые обветшалые слова заменять новыми по соображению; 4) пробелы пополнять из других списков” [там же: 60].

В Предисловии А. Л. Шлёцер писал: “Главнейшая наука для человека состоит в знании себя, а для гражданина в познании его Отечества” [там же]. Судя по названию книги, задумывалась целая серия публикаций источников из русских архивов, и не только летописей, а для написания труда по истории России именно изданию русских летописей “непрерывно предшествовать надлежит, прежде чем в сем важном деле далее поступить возможно будет” [Б-ка РИ: 7]. Если в других странах созданию истории предшествовали многие отдельные исследования “в критическом рассматривании источников истории и в издании летописцев <...> в описании церковной истории” (там же), в географии, хронологии, в изучении родословия, старинных монет, то здесь, в России, всё надо было начинать с самого начала.

Для создания истории страны, говорилось далее, “надлежит критическим образом рассмотреть летописи, сличить между собой великое число списков, исправить бесчисленные от переписчиков происшедшие погрешности; чего в некоторых списках нет, а в других оно находится, дополнить; а напротив того, что в новейшие времена включено и приписано и чего в самих древнейших списках не упомянуто, с осторожностью исключить, и вообще стараться, чтоб через сравнение многих списков добраться до того смысла и до самых тех слов, какими древний летописатель повествование своё написал” [там же: 23].

Указывая на трудоёмкость такой работы и на её необходимость для дальнейших исследований, автор Предисловия пишет: “Незнающие смеются сему труду, который требует столько же искусства, сколько и прилежности. Они называют такое строгое показание разностей и несходств в древних списках бесполезным педантством, не помышляя, что часто важное историческое положение, из которого многие другие проистекают, от одного словца зависит” [там же]. Далее эта мысль историка, привыкшего с особой тщательностью доискиваться до истины, развита так: “Когда им смешно кажется, чтоб для одного словечка справляться в десяти разных списках, то не долженствует ли гораздо смешнее быть, когда такое слово из первого списка, какой только в руки попался, принято будет за достоверное, включится в систему истории, а наконец найдётся, что творцу летописи о таком слове и во сне не грезилось, что оно произошло единственно от незнания переписчика; и что единственно все, основанные на оном важные положения, разрушиться должны” [Шлёцер 1875: 24]. Приведён пример из книги Г. З. Байера, который нашел слово *ковгородцы* (в Кабарде?), не узнав в нём жителей Новгорода – новгородцев.

Издание 1767 г. Радзивилловской летописи сопровождается справочным аппаратом. Это «Реестр достопамятным делам и собственным именам лиц, народов, стран, городов, урочищ, морей, озёр и рек, упоминаемых в летописи преподобного Нестора». Он занимает 47 страниц. Немецкий учёный Э. Винтер (Winter E. Schlözer und Russland. – Berlin, 1961. – S. 189) ошибочно приписывает этот Реестр А. Л. Шлецеру, а П. Г. Софинов – И. С. Баркову [Софинов 1967: 36]. Над Реестром к этому изданию работал академический переводчик Семён Башилов, а не И. С. Барков: ведь через два года после смерти М. В. Ломоносова были закрыты университет и гимназия при Академии наук, а его ученики подверглись гонениям.

Впервые здесь был составлен своеобразный указатель к летописи, объединивший в себе такие элементы, из которых впоследствии выкристаллизовались примечания, комментарии, указатель слов, указатель личных имён, географических названий и другие компоненты справочного аппарата. Этот Реестр вместил в себя и оглавление. Иногда его записи повторяют заголовки, вынесенные в тексте публикации на поля. Приведём несколько начальных записей из этого «Реестра»:

“Абарук, князь половецкий 175

Аби Абиар Фастов, посол Игорев 38

Агаряне. Война их с греками 17

Александр Македонский. Повесть о нём 145, 146

Альто, местечко 178, 221

Амфилохий, поставлен епископом Владимирским 172

Андрей апостол. Его путешествие. Его пророчество о Киеве 8
Быково, болото близ Галича 240

Белгуковна, жена Рюрика Ростиславича 230

Белоезерский полк, ходил на Болгаров 272

Белоозерцы помогали Изяславу Владимировичу 147

Белорусская земля 272

Варязи 5. Берут дань с разных народов 15. Поход их в Грецию

70. Насилие от них новгородцам и побиение их от новгородцев 96

Яким Кучкович убил князя Андрея Георгиевича Боголюбского 254” и т. п.

Не относится к справочному аппарату запись, помещённая в издании после этого «Реэстра» и имеющая собственную пагинацию. Здесь даётся нечто вроде пространного извещения о посмертном издании сочинения академика М. В. Ломоносова «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины вел. кн. Ярослава Первого или до 1054 года», опубликованного в Санкт-Петербурге в 1766 г. В конце записи приводится оценка этой работы: “Полезный сей труд содержит в себе древние, тёмные и самые ко изъяснению трудные Российской истории части <...> Великостью сего дела закрыться должно всё, что разум от правды отвратить может” [Б-ка РИ, запись: 4].

Современниками публикация Радзивиловской летописи оценивалась невысоко. А. Л. Шлёцер считал, что “неучёный Барков испортил летопись”, не сличив различных списков, подновляя старинную орфографию, сокращая текст, прибавляя то, чего в нём не было. Но со временем взгляд на это издание стал более объективным. В «Библиографическом обозрении русских летописей» Д. В. Поленов писал: “Шлёцер горячее всех и слишком неумеренно высказывал при случаях негодование своё на издателя и на издание, может быть, и потому, что в то время он сам издавал Никоновскую летопись и совместничество ему было неприятно” [Поленов 1850: 24].

Хотя в Предисловии от издателя было сказано, что “некоторые к Истории совсем не принадлежащие описания выставлены, в чём следовал я примеру собранной покойным Василием Никитичем летописи” [Б-ка РИ: 32], митрополит Евгений упрекал И. С. Баркова и в том, что он пополнял изданную летопись только “выписками из Татищева”. “Барков сделал ту ошибку, – отвечал критикам Д. В. Поленов, – что не везде показывал выпущенные им места” [Поленов 1850: 24].

Действительно, издателем выпускались “благочестивые размышления писавших летопись, тексты, приведённые в ней из Ветхого и Нового завета, и другие события, казавшиеся ему не принадлежащими истории, например, о появлении в разных местах волхвов, об урде,

пойманном в Сетомле... Прибавления же (на стр. 14, 145, 175, 231, 236, 244, 271, 284, 287, 299) сделаны были по причине недостатка листов в Кенигсбергском списке и заимствованы из рукописных Никоновской и Новгородской летописей <...> Небольшие вставки (по большей части имена или отчества князей), помещённые в самом тексте для пояснения его, но неизвестно откуда взятые, означены курсивом. Толкования некоторых малопонятных слов показаны в скобках курсивом же. Немногие примечания, находящиеся внизу страниц, не имеют особой важности. Что же касается поправок в самом тексте, то этот укор несправедлив” [Поленов 1850: 25–26]. Д. В. Поленов соглашается с Перевощиковым, который в статье «О русских летописях и летописцах по 1240 год» [Труды АН, IV. СПб., 1841. С. 80] писал, что “текст Кен<иг>сбергской> летописи передан довольно верно, исключая пропусков <...> Если же и найдутся против ея ошибки или несходства, то они в сущности маловажны и по количеству незначительны” [цит. по: Поленов 1850: 25].

Добавим, что в фонде Музея книги Российской государственной библиотеки (Москва) хранится экземпляр этого издания летописи, на полях которого в 1802 г. от руки вписаны те части, которые были выпущены И. С. Барковым: исправлений в тексте действительно немного. Д. В. Поленов сообщил об экземпляре, который незадолго до кончины начал сличать с Троицкой летописью (сгоревшей впоследствии в Москве в 1812 г.) Г. Ф. Миллер, дошедший до 21-й страницы, и “на котором сделал отметки Н. М. Карамзин”, когда работал над «Историей государства Российского». Итак, 1767 год можно считать годом начала издания на государственном уровне русских рукописей в России по оригиналам. И здесь следует привести слова историка М. Погодина, который подытожил деяния и свершения учёных XVIII столетия: “Шлёцер, Миллер, Стриттер – это благодетели русской истории и забывать их услуги или отзываться об них как о людях обыкновенных, своекорыстных – есть просто неблагодарность. Его [Шлёцера] метода, его приёмы, его уроки, его впечатления, его огонь – о, их достанет ещё на много поколений, имеющих уши слышати и разум разумети. Шлёцер показал достоинство наших летописей, сравнил с иностранными, представил их древность и правдивость, подал понятие о списках, научил их сравнивать, доказал важность вариантов и необходимость издания, дал примеры доказательств, представил образцы изданий, учёных рассуждений, возбудил охоту разыскивать, дал отведасть сладости открытий, привёл в движение дух: вот его заслуги” [Погодин 1847: 169].

13. «Древняя Российская Вивлиофика» Н. И. Новикова

Первое издание летописей в России вдохновило отечественных учёных, и уже в 1773–1775 гг. Н. И. Новиковым были изданы 10, а в 1789–1791 гг. ещё 20 томов «Древней Российской Вивлиофики». Полное название этой публикации говорит о её содержании: «Древняя Российская Вивлиофика или собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения российских стихотворцев, издаваемые ежемесячно Николаем Новиковым» (далее – ДРВ и ДРВ-2).

Из обращения «К читателю» ясно, что первоначально публикация древних текстов задумывалась как интересное и познавательное чтение на исторические темы: “К тебе обращаюсь я, любитель Российских древностей, для твоего удовольствия и познания предпринял я сей труд; ты можешь собрать с сего полезные плоды и употребить их в свою пользу” [ДРВ: 5 об.]. “Полезно знать, – писал Н. И. Новиков, – нравы, обычаи и обряды древних чужеземских народов, но гораздо полезнее иметь сведение о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных, но стыдно презирать своих соотечественников, а ещё паче и гнушаться оными” [там же: 5]. Любители древностей, обещает Н. И. Новиков, “с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с не меньшим удовольствием увидят некое начертание нравов и обычаев, и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою” [там же]. Заметим, что такое обещание давалось издателем русскому читателю, когда ещё не была написана история России.

В двух изданиях ДРВ и в двух томах «Продолжения» к первому изданию (1782 и 1786 гг.) Н. И. Новиков ввёл в научный и культурный оборот огромный архивный материал: “Это было первое издание литературных, исторических и документальных памятников” [Моисеева 1976: 35]. В первом издании видно стремление привлечь “любопытного читателя” занимательностью сюжета. Январский отдел первого тома (“части”, по терминологии Н. И. Новикова) начинается с «Описания брачного сочетания государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича с Евдокиєю Лукьяновною Стрешневою, бывшего в 1626 году» (с. 1–40). Это второй брак царя; в первый раз бракосочетание состоялось в сентябре 1625 г. с Марией Владимировной Долгоруковой. Во втором издании ДРВ эти два документа помещены в XIII томе, в котором собраны материалы о всех свадьбах великих князей и царей начиная с 1500 г.

В той же январской книге опубликовано «Ведение о строении первого в России корабля, именуемого Орёл, каков построен был во дни великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России близ села Деднова и о плавании того корабля Волгою до Казани, а оттуду в Астрахань, и по всему морю Каспийскому, под правлением господина Брукмана. Выписано из книги зовоной “Вояж Иоанна Стрюса в Москву и Персиду и в прочия страны”, из первого тома, напечатанного в Лионе 1684 года от Рождества Христова, на французском языке, а по славенску 1719 года». Далее следовала «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича Ягану, королю Свейскому в 1574 годе» (с. 52–59), затем – «Перевод с шертных грамоты, какову дал Мурат Гирей Хан посланникам стольнику Василью Тяпкину да дьяку Никите Зогову 1681 г.». Завершался январский номер «Зерцалом историческим государей Российских» (с. 66–72), продолжение которого помещено в февральской части того же тома (с. 197–225).

Во втором томе в сентябрьском разделе помещены «Стихи царевне Софии Алексеевне, при поднесении привилегии на Московскую Академию поданная» (с. 195 и след.) и «Привилегия на Академию, данная царём и великим князем Феодором Алексеевичем 1682 года» (с. 205 и след.).

Названия документов I и II томов ДРВ показывают, что в первом издании не соблюдалось ни хронологической, ни тематической последовательности. Публикация составлялась по принципу построения журналов: документы располагались помесечно; продолжения обширных документов, как и в журналах, следовали в книгах другого месяца. Первый том включал книги за полугодие: январь – июнь. А начинался он со списка «Любителей российских древностей, подписавшихся на сие издание в Санкт-Петербурге». Приведём несколько записей, говорящих о составе читателей Новиковского издания.

“Для двора Ея императорского величества на александрийской бумаге – 10 книг”,

“Его превосходительство Адам Васильевич Олсуфьев на александрийской бумаге – 1 книга”,

“Его сиятельство князь Александр Михайлович Голицын на александрийской бумаге – 1 книга”,

“Его высокоблагородие Григорий Васильевич Козицкий на любской бумаге – 1 книга”,

“Его высокоблагородие Петр Матвеевич Херасков на простой бумаге – 1 книга”,

“Его превосходительство Василий Евдокимович Адодуров на простой бумаге – 1 книга”,

“Его благородие Александр Николаевич Радищев на александр-
рийской бумаге – 1 книга”,

“Его светлость князь Григорий Григорьевич Орлов на александр-
рийской бумаге – 10 книг” и т. д.

Как видим, список включает и вельмож, и писателей, и учёных, и известных общественных деятелей XVIII в., а для императорского двора заказано 10 книг, как и для Г. Г. Орлова.

Заканчивается первый том «Извещением» о том, что “В Луговой миллионной улице у переплётчика Миллера продаётся Ежемесячного сочинения Древней Российской Вивлиофики часть I по 2 руб. 40 коп. А кто соблаговолит, купя оную, подписаться на вторую часть и заплатит наперёд деньги, те получать будут вторую часть помесечно за 1 руб 80 коп. По окончании же года сия вторая часть продаваться будет так же, как и первая, по 2 руб. по 40 коп.” [ДРВ: 477–478].

Это «Извещение» подтверждает, что Н. И. Новиков (издатель журналов «Трутенъ», «Пустомеля», «Живописец», «Утренний свет») и «Древнюю Российскую Вивлиофику» (первое издание) задумал печатать как периодику. Однако во втором издании ни один том (ДРВ-2) не имеет помесечной рубрикации.

В Предисловии ко второму изданию автор пишет: “Выпуская в свет второе издание, надеюсь я доставить любезным соотечественникам моим приятное, а вместе и нужное и полезное чтение” [ДРВ-2: VIII]. Издатель решает, что имея предыдущие 10 томов и дополнительно собрав ещё немалое число исторических документов, “в сем настоящем издании привести оные в возможный хронологический порядок, и по крайней мере в каждом томе сблизить пиесы, относящиеся к одному предмету” [там же]. Это обусловило увеличение формата издания, объём же каждого тома вырос до 30 печатных листов.

Подбирая материалы для своего издания, Н. И. Новиков несомненно пользовался «Камерным каталогом» А. И. Богданова, изданным в 1742 г. Книги и рукописи были описаны в нём по их расположению в комнате (“камере”) и по формату: “в десть, в полдесть, в четверть десть”. Рукописи размещены по разделам: Книги рукописные церковные; Книги гражданские рукописные различного содержания, Книги рукописные до Российской истории надлежащие. «Камерный каталог» давал “достаточно полное описание книг и рукописей, хранившихся в Библиотеке Петербургской академии наук” [Моисеева 1976: 26].

Именно во втором издании (ДРВ-2) появляются некоторые черты, характерные для научных публикаций, в частности – сведения о месте хранения публикуемых рукописей. В том же Предисловии Н. И. Новиков сообщает, что императрица Екатерина II “благоволела

повелеть именным своим указом” Г. Ф. Миллеру (“Федору Ивановичу”) различные документы “отпускать мне из Московской архивы Государственной коллегии Иностранных дел, под ведомством его бывшей, для помещения в мою Вивлиофику, чем одним сие собрание учинилось драгоценным” [ДРВ-2, т. I, с. IX–X].

В первом издании ДРВ в обращении «К читателю» Н. И. Новиков просил благосклонных читателей “о вспоможении в сем издании”. Он писал: “Хотя я уже и имею много разных любопытства достойных списков для наполнения сего издания, но может быть, у охотников хранятся ещё достойнейшие оных <...> я списав <...> возвращу вам в целости с засвидетельствованием моего благодарности” [ДРВ: 6]. И читатели, собиратели древностей, не замедлили откликнуться. Во втором издании после некоторых текстов указывается, кто предоставил их для издания. Так, завершая текст «Известия исторического о Антоне Посевине, после от Римского папы Григория XIII, присланном к царю Иоанну Васильевичу в 7088 (1580) годе, в бытность его в России сочиненного», Н. И. Новиков пишет: “Сия записка получена мною из книгохранительницы г. коллежского советника Федора Ивановича Миллера” [ДРВ-2, VI: 107]. Напомним, что с 1767 г. Г. Ф. Миллер возглавлял в Москве архив Коллегии иностранных дел.

От Г. Ф. Миллера же были получены и другие материалы: помещённый в V томе «Посольский наказ дворянину и наместнику Болховскому князь Михайлу Петровичу Борятинскому с товарищи, отправленному в посольство к Персидскому шаху 1618 г. мая 18 дня»; все документы VIII тома, 7 грамот IX тома, а ещё «Грамота к преосвященному Ефрему, митрополиту Казанскому и Свияжскому из Ярославля от князя Пожарского и ото всех чинов людей во время междоцарствия в России» и «Жалованные три грамоты на дворячество с путём из Посольского приказа», помещённые в XV томе; документы о службе, наградах и опале князя В. В. Голицына, нашедшие своё место в XVII томе, и «Сказка о Стеньке Разине» (1672 г.) – в XVIII томе.

Некоторые родословные IX тома (Щербатовых, Репниных, Сонцовых, Мосальских, Одоевских, Шаховских), все грамоты XII-го и 18 грамот XV-го тома предоставил известный историк М. М. Щербатов. Статейные списки посольства стольника И. И. Чемоданова в Венецию 1656 г. и посольства В. Лихачёва во Флоренцию 1659 г. [ДРВ-2, IV, № 4] хранились у самого Н. И. Новикова.

«Устав Московских святейших патриархов российских» 1668 г., занявший весь X том, сообщён протоиереем Алексеем Егоровичем Левшиным, а указы, наказания, грамоты, памяти и другие бумаги, “относящиеся до фамилии Левшиных”, – Василием Алексеевичем Левшиным. Некоторые документы были получены от П. М. Волконского

[т. X, № 50], от М. П. Шереметевой через её сына Владимира Федоровича [т. XX, № 1], от Н. Н. Бантыш-Каменского [т. XIV, № 8], от С. Д. Кантемира [т. XV, № 18], от В. П. Ознобишина [т. XV, № 3], от А. Н. Неустроева [т. III, № 2], от П. С. Потёмкина [т. VI, № 6].

Рукопись под заглавием «Ведение о строении первого в России корабля, именуемого Орёл, каков построен во дни великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича...» опубликована Н. И. Новиковым в обоих изданиях [ДРВ № 2; ДРВ-2, т. III]. Она и доныне хранится в Отделе рукописей БАН (шифр 1.4.16), как установлено Г. Н. Моисеевой [Моисеева 1976: 28]. Новиков мог узнать о ней из «Камерного каталога» Богданова, где она под № 16 описана в «Разделении II. Книги гражданские рукописные различного содержания».

Из того же хранилища взята рукописная «Книга Урядник или Новое уложение и устройство чину сокольничья при державе царя Алексея Михайловича», представленная в I томе (июнь) первого издания ДРВ и в III томе второго. По рукописи БАН (32.4.29) напечатана «Грамота государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, писанная к Ягану королю швейцкому в 7080 (1572) год» в первом и во втором издании. А рукописи «Перевода с шертных грамоты, какову дал Мурат Гирей хан посланникам стольнику Никите Тяпкину да дьяку Никите Зотову» [ДРВ: 59–65] и «Зерцала исторического государей российских» Б. А. Селлия не сохранились, о чём узнаём из статьи Г. Н. Моисеевой [Моисеева 1976: 29].

Во втором же издании Н. И. Новиковым были опубликованы рукописи, хранящиеся в «Патриаршем книгохранилище» [т. VI, № 3, 7, 17, 18, 20; т. XV, № 24; т. XVI, № 1, 2; т. XVIII, № 10]. В XVI-м томе под № 37 и № 38 помещены документы из Разрядного архива, в XVII томе – из Киево-Печерского семинарского книгохранилища [№ 1], а в XVIII-м томе – из Нижегородской семинарской библиотеки. От нижегородского епископа Дамаскина Н. И. Новиков получил «Инструкцию старостам поповским, их благочинным смотрителям от святейшего патриарха Московского Адриана» 1699 г. [т. XV, № 25] и «Надписи Заиконоспасского училищного в Москве монастыря» [т. XVIII, № 4]. «Летописец Двинской, избран вкратце о двинских жителях» прислан от «преосвященного Антония, епископа Архангельского и Холмогорского» [т. XVIII, № 1]; «Краткое топографическое описание Синбирской губернии» взято из сочинения Маленицкого [т. XVIII, № 5].

В начале второго издания документы расположены в хронологическом порядке, иногда подобраны по территориям их создания. Первый том начинается с древнейших новгородских грамот, затем идут грамоты, относящиеся ко времени княжения Ивана Калиты и его наследников. Далее приводятся грамоты времён Дмитрия Донского,

Василия Дмитриевича и Василия Васильевича Тёмного. Второй том содержит «Грамоты во время владения великого князя Иоанна Васильевича III-го» до 1504 г. включительно. В третьем томе – «Грамоты во время владения великого князя Василия Иоанновича» (до 1534 г.). Затем следовали «Записки, к Сибирской истории служащие» и Собрание грамот, относящихся к городу Полоцку, “в бытность оною под Российской державою при государе царе Алексее Михайловиче с 1654 по 1662 г.” Сюда же вошла книга «Урядник» и «Ведение о строении корабля... именуемого Орёл», которое в первом издании было помещено в I-м томе.

В IV-м томе было опубликовано 7 статейных списков, а в V-м – Посольский наказ М. П. Борятинскому, Статьиные списки посольства Н. М. Толочанова в Грузию в 1650 г. (точнее в 1650–1652 гг.) и Б. П. Шереметева – в Краков, Венецию, Рим и Мальту в 1697 г. Документы о свадьбах русских великих князей и царей занимают весь XIII-й том, а о рождении, крещении и погребении их детей – часть XIV-го тома.

Как видим, в первых пяти и некоторых других томах второго издания Н. И. Новиков строго выдерживал хронологический порядок и тематический принцип. В остальных соблюдалась только хронология, вероятно потому, что разнородные по тематике документы поступали к нему уже после начала издания.

Так, в VI-м томе помещён самый ранний документ всего издания – «Устав по греческим Номоканонам Святого и великого князя Владимира Киевского и всея Руси, крестившего Русскую землю: о церковных судех, и десятинах и о церковных людях, между 988 и 1015 гг.». За ним в том же томе следуют датированные 1213 годом «Ярлыки, сиречь жалованные грамоты, иже давали первые цари Ординские, и сущии по них вси, святейшим преосвященным митрополитам Киевским и всея Руси, легость церковным домом и людем православным». А затем помещены «Путешествие Исидора митрополита на Флорентинский собор в 1436 г.» и упомянутое выше «Известие» 1580 г. о приезде в Россию папского посла А. Поссевина.

В опубликованной в «Санкт-Петербургских учёных ведомостях» (27 января 1777 г.) анонимной рецензии давалась высокая оценка публикации рукописей в первом издании «Древней Российской Вивлиофики». Рецензент высказывал пожелание, чтобы “приложены были ко всякой части алфавитные росписи находящимся в оной части материям <...> чтобы сколько возможно делаемы были примечания на тёмные и невразумительные места и слова <...> чтобы древнее правописание не было изменяемо на новое, а наипаче чтобы ничего прибавляемо, убавляемо или поправляемо не было, но печатано было бы точно так, как обретається в подлиннике <...> чтобы означаемо было точно, откуду

получен список, где находится подлинник, и каким почерком писан, старинным или новым” [см.: Неустроев 1873: 27–28].

Изучая метод работы Н. И. Новикова над «Древней Российской Вивлиофикой», Г. Н. Моисеева замечает: “Новиков начинал подготовку издания по копиям, но при окончательной доработке текста обращался к подлинным рукописям. Счастливое стечение обстоятельств – в Эрмитажном собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [ныне – РНБ] <...> сохранились копии московских рукописей, присланных Щербатову, – позволило прийти к этому выводу” [Моисеева 1976: 30].

“Что касается до изъяснения некоторых тёмных и невразумительных мест, равномерно и критических примечаний, – пишет Н. И. Новиков в Предисловии, – то не мог я ещё приступить к тому и при сем втором издании” [ДРВ-2, т. I, с. IX]. Однако некоторые примечания и пояснения есть уже в первом издании. Характер и вид их различен. В самом тексте они даются в скобках, или выделяются шрифтом, и, в конце концов, приобретают привычный для нас вид подстрочных примечаний, к словам, помечаемым в издании звездочкой или маленькой буквой сверху строки в скобках.

В «Ведении о строении... корабля именуемого Орёл» в первой же фразе Н. И. Новиков даёт пояснение в скобках: “По возвращении моём (пишет автор) из Ливорны, желал я пробыть несколько дней только в покое, а потом отправиться снова в путь” [ДВР, I: 40]. После текста «Перевода с шертных грамоты, какову дал Мурат Гирей Хан» 1681 г. находим запись, в которой издатель использовал курсив: “Внизу печать чернильна, а в ней написано: Рабъ Божий Мурат Гирей Ханъ. К той же грамоте привязана на шнурку печать золотая: Богъ единый, есть Богъ, а Магометь посланный Божий; а на другой стороне вырезано: Султановъ сынъ Муратъ Гирей Ханъ Мубарекъ Гирей Султановъ сынъ, Мубарекъ Гирей Салметъ Гирей Хановъ сынъ” [ДРВ: 65].

В «Чине поставления» на патриарший престол Филарета Никитича [апрельская часть I тома ДРВ] в примечании помещено толкование и этимология выражения “исполати деспота”. В тексте: “А певцы пели: *исполати деспота*^(*) сиречь много лет ти владыко”. В примечании читаем: “^(*) εἰς πολλὰ ἔτη Δέσποτα (ись поллὰ эти деспота) выговаривать должно” [там же: 245].

Примечания к содержанию текста, говорящие о состоянии рукописного списка, с которого готовилась публикация, появляются уже в открывающем первое издание «Описании брачного сочетания...» Михаила Федоровича. Примечание в виде сноски сделано к тексту: А до лесницы с конюшни аргамака вели^(*). В сноске: “^(*) В сем месте в под-

линнике пропущено”. Можно отнести это примечание к числу палеографических, хотя оно и сделано для разъяснения смысла текста.

В документе «Об устройении училищ по чину Академии...» сноски даны к тексту: “От мнстря к Неглинским вратам в длину на * саженой, поперег на ** саженой”. В примечаниях издатель пишет: “(*)В подлиннике числа не означено. (***)Так же не означено” [там же: 213].

Таких примечаний мало. Больше – других, поясняющих смысл текста, уточняющих географические названия. Так, при избрании на патриарший престол Иосифа, когда царь Михаил Федорович “принял от боярина... тот жребий... распечатав узре ... быти... патриархом Иосифу архимариту Симонова монастыря(*)”, Н. И. Новиков поясняет: “(*)Избрание сие происходило 20 марта 1642 года” [там же: 184].

В апрельской части ДРВ при заглавии «Чин поставления на патриаршеский Российский престол преосвященного Филарета Никитича(*)» даётся такое примечание: “(*)Преосвященный Филарет, фамилии Романовых, невольно повелением царя Бориса 1599 года пострижен в монахи, Лжедмитрием 1605 года произведён в митрополита ростовского. Во время междоцарствия отправлен в 1610 году сентября месяца полномочным послом к Польскому королю Жигмонту (Сигизмунду) и в Польше, по причине бывшей тогда с Россиею войны, девять лет в неволе содержан; откуда не прежде как 14 июня 1619 года, в силу učinённого с Польшею перемирия, в Москву возвратился и поставлен Патриархом” [там же: 228].

Текст этого документа имеет и другие примечания. Н. И. Новиков поясняет фразу: “К иерусалимскому патриарху Феофану(*)” послал государь про то объявить”. В примечании он пишет: “(*)бывшему тогда в Москве” [там же: 229].

Есть примечания по топографии Москвы. В тексте: “Игумен богоявленский из-за торгу(*)” – в примечании: “Что в Москве противу греческого монастыря” [там же]. В тексте: “Шёл от Благовещения к Фроловским воротам(*)” – в примечании: “Фроловские ворота ныне именуются Спасскими, что в Кремле” [там же: 286].

В апрельской части заканчивается «Зерцало историческое...», к которому Н. И. Новиков даёт пояснение, озаглавленное «Известие»: “Сообщённое мною Историческое Зерцало государей Российских сочинено на латинском языке Бургардом Адамом Селлием. Сей муж родился в Королевстве Дацком в городе Тондере, что в Шлезвиге, от родителей лютеранского исповедания. Пришед в совершенный возраст, обучался сперва в отечестве своём, а потом в иностранных академиях богословским наукам” [там же: 369–370]. Далее сообщается, что Б. А. Селлий “учился философии и словесным наукам”, потом “уверился в неправости учения лютеранского”. Около 1722 г. он приехал в

Петербург и был секретарём у графа Лестока, в Москве – учителем. “Во всё же сие время обучался он в свободные часы российскому языку, а обучаясь прилежал к чтению церковных книг и разных летописей российских”. Будучи в 1744 г. пострижен в католические монахи и наречён Никодимом, он “возлюбил преподобного Нестора и столько летописи пристрастился, что просил при крещении наречи его Нестором” [там же: 370]. “По крещении, – пишет далее Н. И. Новиков, – прилежал он наипаче в собирании записок о гражданской и церковной российской истории. Первый опыт трудов его было сие *Историческое зеркало*, и многие потом другие, которые остались по смерти его не окончены” [там же: 371]. Б. А. Селлий просил сжечь его записки после смерти, но это не было исполнено. Московский патриарх “Амвросий собрал все записки его трудов и переплетши поставил в книгохранильницу Невского монастыря. По любви же своей к Никодиму Селлию, сей оный страдалец Амвросий преложил *Историческое зеркало*, обще с Гавриилом Кременецким, что ныне митрополит в Киеве, на российские стихи и поднёс именем Невские семинарии императрице Елисавете Петровне” [там же].

Во втором томе первого издания, в июльской части ДРВ, Н. И. Новиков помещает «Выписку из грамот новгородских», которая представляет собой краткий пересказ каждой из 18 “поименованных грамот”, посылавшихся из Новгорода с 1263 г. Приведём текст грамоты, помещённой здесь под № 1: “Сия грамота писана от епископа новгородского, от посадника и от всех старейших. В ней они требуют, чтобы князь Ярослав Ярославич учинил присягу сохранить их прежние права: исправил бы учиненные оных нарушения братом его Александром, и возвратил бы взятые им данные грамоты отцом его Ярославом. Входя в некоторую подробность своих прав, описывают, где он может подати собирать и какие, которые земли и города принадлежат к Новгороду, кои должны сими правами пользоваться; как ему суд и расправу производить; когда может в некоторые области Новгородские ездить, как может торговать на Немецком дворе; и заключают, чтобы не гневался и не мстил их епископу, посаднику и другим новгородцам; и какие права их купцы имеют в Суздальской земле” [ДРВ-2, II: 41–42].

Как видим, издатель кратко пересказывает грамоту и сопровождает её примечанием: “У подлинной грамоты привязана свинцовая печать, на другой порожней странице подписано тако: Се приехала послы от Менгутемира царя сажать Ярослава с грамотою Чевгу и Банши князя Ярослава” [там же: 42].

С тем же названием даётся грамота под № 3: “Так же, как и в прежних требуют, чтобы сей князь учинил при послах их присягу в сохранении их прав, и чтоб без посадника волостей их не раздавал;

также описывают принадлежащие страны Новгороду, чтоб ему самому ни другим окроме новгородцев никаким образом земель себе в Новгородских областях не приобретать; предписуют [так!] время, когда судьям для суда и расправы ездить, и требуют возвращения земель, которые брат его князь Александр у Новгорода захватил” [там же: 42–43].

Все другие новгородские грамоты приведены в подобном же пересказе. Древний язык по этому изданию исследовать нельзя, но в этом случае существенную роль приобретают примечания издателя о состоянии писчего материала, а соответственно – и текста грамот, не говоря уж об описании прикреплённых к ним печатей. Так, к грамоте 1309 г. новгородцев к великому князю издатель даёт следующее примечание: “У подлиннаго паргаминоваго листа вырезана свинцовая печать, а на ней с одной стороны вырезан образ Знамения Пресвятыя Богородицы, а на другой стороне вырезано Феокист, архиепископ Новгородской” [там же: 45].

О состоянии грамоты от цесаря Рудольфа царю Ивану IV, приведённой в августовской части первого издания ДРВ под № 5, датированной 6 октября 1580 г., издатель сообщает: “Сия грамота весьма погнила и подклеена. Тут же и копия с оной”; о грамоте французского короля к Российскому двору 1595 г. сказано: “При сей грамоте находится концепт перевода” [ДРВ, т. II].

В октябрьской части II-го тома находим «Роспись старинным грамотам великих князей московских, тверских, рязанских, суждальских, смоленских, литовских и прочих удельных князей». О состоянии каждой грамоты говорится после её текста. Так, после «Духовной грамоты великой княгини Софьи Витовтовны, жены великого князя Василия Дмитриевича» 1453 г. читаем: “К сей грамоте, в которой по обеим краям многих слов недостаёт, привешены две восковые печати” [ДРВ, т. II: 278]. О грамотах № 71 и 72 узнаём, что из них “одна в начале несколько слиняла”, грамоты 1455 г. № 73 и 74 – “погнили”. О документах № 75 и 76 (1476 г.) говорится, что “одна в нескольких местах молью съедена”. О грамотах № 78 (1462 г.) и № 79 (1465 г.) написано: “К сим двум грамотам, кои по краям во многих местах так прогнили, что и прочесть нельзя, привешены две восковые печати” (с. 282). Договорная грамота великого князя Ивана Васильевича с можайским князем Михаилом Андреевичем 1464 г. “раскрошилась” (с. 283). Грамота № 81 “несколько повреждена” (с. 284), № 83 – “попортилась” (с. 285), № 84 – “повредила” (с. 286).

В ноябрьской книге при тексте грамоты «Слово по плоти Иоакима, патриарха русского» Н. И. Новиков впервые пишет о месте хранения рукописного источника: “Сие соборное изложение в подлиннике находится в Москве в Патриаршей Вивлиофике” (с. 336). Узнаём и о

месте хранения «Грамоты в Путивль из Ярославля во время междоцарствия в России от стольника и воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского именем всех чинов, о присылке и приходе к Москве всего дворянства для освобождения от польских и литовских людей»: “Список с сея грамоты получен из книгохранительницы его сиятельства князя Сергея Дмитриевича Кантемира” (с. 463). Это примечание даётся к заглавию грамоты, а сопровождается она ещё одним примечанием: “Прим. Такого же содержания посланы были грамоты от него князя Пожарского и в прочие северские и украинские города” (с. 478).

Есть примечание в третьем томе ДРВ – перевод даты, указанной в грамоте «от сотворения мира» на дату «от Рождества Христова». В тексте: “В прошлом во сто шестьдесят седмомь годе^(*) по разезде... послов...” – в примечании: “^(*)Того же 1659 года”.

В январской части III тома опубликовано 46 грамот под общим заглавием, данным курсивом: «Собрание жалованных грамот, царских указов, поздравительных речей и разных писем, касательно города Полотска, к духовным и светским людям, в бытность онаго под Российскою державою, при государе царе Алексее Михайловиче, с 1654 по 1662 год». В конце этой публикации сообщается: “Сие собрание грамот находится в Москве в Патриаршей книгохранительнице под № 121, разноязычных книг” (с. 149).

Такие сведения о состоянии рукописей, о местах их хранения приближают публикацию памятников в «Древней Российской Вивлиофике» к научным изданиям, но их эпизодичность, отсутствие элементарной систематизации – напротив, отдаляют. Пройдёт почти два столетия, прежде чем эдиционная подготовка и лингвистическое издание рукописных источников обретут строгую научную основу. Публикация же Н. И. Новикова оказала огромное влияние на изменение отношения образованного русского общества к своей старине, к памятникам письменности, к архивным сокровищам. И хотя А. Л. Шлёцер, ознакомившийся с этим изданием будучи уже за пределами России, сожалел, что “издатель не имеет ни малейшего понятия о учёной дипломатике и о том, что от неё требуется”, «Древняя Российская Вивлиофика» показала, какое рукописное богатство таилось в русских архивах. Подновлённый язык текстов, пересказ грамот вместо подлинного их текста – главные упрёки, обращённые к издателю, но всё же необходимо учесть, какую цель ставил Н. И. Новиков: ещё не была создана история России, а поэтому нужно было ввести в научный оборот подлинные отечественные источники путём их издания.

“Может показаться удивительным, – пишет П. П. Пекарский, – когда и каким способом успел Новиков собрать и приготовить к изданию столько превосходных древних и старинных актов, какие поме-

щены им во втором умноженном издании Древней Российской Вивлиофики”... Недоумение это разъясняется после прочтения следующего места во втором издании Вивлиофики: “Не могу я пройтить в молчании, чтоб не засвидетельствовать перед читателями моими об отличном усердии покойного г<осподина>. Миллера [скончался 11.10.1783 г. – Л.А.] в ревностном споспешествовании сему изданию. Сей отличный и знаменитый ревностью и усердием своим муж ко всему тому, что могло только споспешествовать пользе истории Российской, доставил ко мне множество не только что из Архивы Государственной коллегии иностранных дел, но и из собственной книгохранильницы, которую собирал он с великим тщанием во всю жизнь свою” [Пекарский 1870: 332–333].

Что касается свидетельств оценки деятельности Н. И. Новикова как издателя «Древней Российской Вивлиофики», то можно привести высказывание М. Н. Муравьева, современника Н. И. Новикова (в 70-х годах XVIII в. Муравьев был сержантом Измайловского полка, а впоследствии – попечителем Московского университета), с размышлением о деятельности которого связана его запись 1803 г.: “Изыскания древностей Российских привлекали к себе некоторое время внимание публики. Можно после Миллера с честью упомянуть Шлёцера, Стриттера и Новикова, который послужил бы более Отечеству, оставшись в пределах учения древностей его. «Вивлиофика» есть национальное сокровище, из которого любопытные немцы будут когда-нибудь черпать” [РНБ, ф. 489, ед. хр. XXI, л. 1; цит. по: Кулакова 1976: 16–23].

Впоследствии, в течение двух столетий, многие из рукописей, помещённых в 32 томах «Древней Российской Вивлиофики», были опубликованы вновь с более точной датировкой и тщательной передачей текста, с учётом особенностей языка, с разнообразными примечаниями, но можно утверждать: Н. И. Новиков проложил дорогу своим последователям в деле издания рукописных памятников, то есть в деле формировании промежуточных лингвистических источников.

Напомним, что к концу XVIII в. разными издателями были напечатаны почти все известные тогда списки летописей:

- в 1769 г. – Царственная книга (события 1534–1553 гг.),
- в 1773 г. – Царственный летописец (события 1114–1482 гг.),
- в 1774 г. – Древний летописец (1254–1424 гг.),
- в 1775 г. – Степенная книга (в Москве),
- в 1781 г. – Архангелогородский летописец (852–1598 гг.),
- в 1781 г. – Новгородский летописец (1017–1352 гг.),
- в 1784 г. – Безымянный летописец (1206–1534 гг.),
- в 1786 г. – Новгородский летописец (946–1441 гг.),
- в 1796 г. – Софийский летописец (1-я часть).

В 1768–1784 гг. Г. Ф. Миллером была опубликована «История Российская с самых древнейших времён, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым». Если к этому добавить опубликованные летописи, материалы двух изданий «Древней Российской Вивлиофики» Н. И. Новикова с двумя томами «Продолжения», то историки теперь могли, опираясь на эти источники, решать проблему создания истории России, что и сделал вскоре Н. М. Карамзин. Но летописи и другие памятники были изданы по правилам орфографии и пунктуации XVIII в., поэтому изучение древнего языка по ним было ещё преждевременно.

14. К. Ф. Калайдович: издание рукописей

В официальных бумагах от 1777 г. в городе Ельце Орловской губернии значился на службе лекарем Фёдор Дмитриевич Калайдович, из дворян. 19 (31) мая 1792 г. родился у него сын Константин. Старшие его братья Фёдор и Пётр, получившие хорошее образование, интересовались древностями и историей русского языка, оставили некоторый след в науке, но роль Константина была несравнима.

В начале XIX в. отец купил дом в Москве, у Тверских ворот, у церкви Рождества в Палашах, и поступил на службу врачом при Московском благородном пансионе. События 1812 г. стали катастрофическими для семьи: дом сгорел, отец оказался в Казани, где зарабатывал чтением лекций по медицине и где в 1813 г. смог опубликовать своё сочинение «О сохранении здравия или краткие правила гигиены». Возвратившись в Москву, он поселился в доме священника в том же приходе, где жил раньше, и скончался в возрасте около 80 лет, прожив более 40 лет в чине надворного советника.

Об обучении Константина известно следующее: «Положив первые начала учения в Елецком народном училище и в Киевской академии, в гимназию императорского Московского университета вступил 1799 года сентября 9, и в одной же на своём коште обучась разным наукам и языкам, при публичном экзамене произведён студентом 1807 года июля 2... По принятии в Университет, слушал профессорские лекции 1) Греческого, латинского и французского языков, 2) Всеобщей и Российской истории и Хронологии, 3) Красноречия и Поэзии, 4) Статистики, 5) Умозрительной философии, 6) Теории гражданских и уголовных законов, 7) Политической экономии, 8) Антропологии, 9) Натуральной истории и Сельского домоводства, 10) Технологии, 11) Геометрии, Тригонометрии и Алгебры<...> За отличное прилежание и успехи удостоен, по надлежащем испытании, степени Кандидата

Словесных наук и получил диплом на сие звание 1810 года мая 27”, – написано в Послужном списке К. Ф. Калайдовича [Бессонов 1862: 8-9].

Более всего его привлекали древности. Один из его сверстников по Университету писал: “Дух любознательности обнаруживался в нём ещё в юности. Замечательное по чему-нибудь ископаемое, растение или насекомое <...> старинная книга, или деньга, надгробный памятник – всё возбуждало в нём любопытство” [там же: 9]. Но было у него стремление обнародовать свои знания. Вместе с братом Петром он “издавал” в виде рукописных брошюрки журнал «Русская муза». В 1808 г. братья “отважились явиться в публику” с журналом «Русский критик». Но напечатан был всего один авторский лист. Однако будучи студентом, Константин всё же издал в 1808 г. «Плоды трудов моих, или сочинения и переводы К. Калайдовича» в Московской типографии Решетникова.

С мая 1809 г. по июль 1812 г. в Университетской гимназии и в Благородном пансионе он (по собственному желанию, без жалованья) обучал истории и географии; а кроме того, в течение полутора лет читал “лекции Российской истории для чиновников, гражданскою службою обязанных”. Императорское Общество истории и древностей Российских (далее – ОИДР), существовавшее при Московском университете с 1804 г., избирает его своим членом 19 сентября 1811 г., и с этого времени его деятельность постоянно связана с ОИДР. Он подарил Обществу 30 старопечатных книг и 3 рукописных (2 летописи и одну книгу крюкового пения), 16 различных древних орудий, 8 старинных монет. Уже 1 декабря 1811 г. он читал в ОИДР свое «Разыскание о пришествии Рюрика в Ладугу», а в начале 1812 г. – свою статью «О смерти царя Феодора Алексеевича». По решению Общества, эта статья не была включена в 1-ю часть «Русских достопамятностей» из-за сомнения в изложенной автором версии. Тогда же ему было поручено рассмотреть списки с трёх грамот и предложенное для покупки в Общество собрание древних рукописей профессора Ф. Г. Баузе. Позднее он постоянно решал вопросы исследования и оценки рукописей по поручению Государственного канцлера графа Н. П. Румянцева, приобретавшего их для своего собрания, которое превратилось впоследствии в Румянцевский музей.

В 1812 г., когда “престолу и Отечеству угрожало бедствие немощное, – как писал К. Ф. Калайдович, – я не мог быть зрителем равнодушным <...> Я записался подпоручиком в Московскую Военную силу” [Бессонов 1862: 24]. Участник Бородинского сражения, зная о пожаре Москвы, К. Ф. Калайдович беспокоился, успели ли спасти Московскую Патриаршую библиотеку и ризницу, и с облегчением узнал из письма отца, что взятые им из Синодальной библиотеки книги

были своевременно возвращены, не сгорели вместе с отчим домом. В Указе от 23 июля 1813 г. за подписью Главнокомандующего графа И. И. Моркова читаем об участии К. Ф. Калайдовича в военных действиях: “Сентября 17, 1812 г. находился в сражении под Чириковым. Октября 6 под Тарутином. Октября 12 под Малым Ярославцем. Участвовал в походах в преследовании и прогнании неприятеля до города Орши. 1813 года июля 23, по прошению, от службы военной уволен, для определения к прежней должности. Во всё время военной службы вёл себя добропорядочно” [там же: 25]. Этот документ впоследствии служил К. Ф. Калайдовичу паспортом.

По возвращении в Москву К. Ф. Калайдович жил у М. Т. Каченовского, затем снимал квартиры на улицах Пятницкой, Тверской, Мясницкой, на Глебовском подворье и на Плющихе. Здесь, на Плющихе, он скончался в апреле 1832 г., не дожив до сорока лет.

В чём же нашёл К. Ф. Калайдович “предназначенное ему поприще”? По словам университетского товарища, “с неутомимым терпением, истинно удивительным, железным <...> он умел находить, с пронизательностью Гейне, справки в книгах греческих и латинских, и приводил самые верные цитаты, критически рассмотренные” [там же: 10]. Большое внимание он уделял русским рукописным памятникам.

Правила публикации памятников в то время только формировались. Широкою известность получили принципы издания, сформулированные А. Л. Шлёцером, который жил в России в 1761–1765 гг., всего за три месяца изучил русский язык и увлечённо занимался историей. Его привлекали русские летописи и личность Нестора. “Разверните летописи всех времён и земель, – писал он, – и покажите мне историю, которая превосходила бы или только равнялась с русскою!” [Шлёцер 1809, ч. 1, с. XXXV]. В 1767 г. он вместе с переводчиком Академии С.С. Башиловым осуществил издание первой части Никоновской летописи с вариантами по Патриаршему списку. “Шлёцер видел свою задачу в создании источниковедческого критически обработанного фундамента для последующих исторических построений” [Черепнин 1984: 72].

Работая над своей книгой «Нестор», А. Л. Шлёцер сравнил 21 список летописей для того, чтобы явить научному миру “очищенного Нестора”, т. е. первоначальный текст летописи, свободный от искажений, допущенных якобы в процессе переписки. Историки характеризуют такую публикацию как «источниковедческую», впоследствии она получила название «критической». В том же году он издал и «Русскую Правду» Ярослава Мудрого, найденную в 1738 г. В. Н. Татищевым в Новгородской летописи XV в., по правилам дипломатики – дисциплины, изучающей подлинность документа и выработавшей к тому времени в западноевропейской науке особые приёмы публикации

рукописей, особую систему комментариев и примечаний, определённый состав справочного аппарата. Источниковедческие задачи, поставленные А. Л. Шлёцером, были новы и привлекательны для русских учёных. В 1809 г. Д. Языков перевёл на русский язык книгу А. Л. Шлёцера «Нестор» – результат его сорокалетнего труда.

Общество истории и древностей российских при Московском университете намеревалось подготовить именно «источниковедческое издание» русской летописи. В Протоколе первого заседания ОИДР записано, что “приняв в помощь критические замечания славного историографа г. Шлёцера”, путём сравнения “самых древних и верных” летописных списков Общество определит “самый лучший и вернейший текст с необходимыми выносками разностей в чтении, некоторых объяснений и прочее” и осуществит это издание [цит. по: Козлов 1981: 107].

К. Ф. Калайдович в одном из писем к С. Ф. Глинке написал, что “учился исторической критике у великого Шлёцера в его Несторе” [Безсонов 1862: 23]. Он воспринимал рукопись как источник, обладающий абсолютной достоверностью, и первым почувствовал (пока ещё – почувствовал!) необходимость передавать все особенности языка древней рукописи в публикации.

Эти мысли К. Ф. Калайдовича получили воплощение во втором томе «Собрания государственных грамот и договоров» (1819 г.), в котором наряду с историческими фактами нашло отражение и состояние древнего языка. И если бы его научные интересы были поняты и поддержаны современниками и его непосредственным начальником А. Ф. Малиновским, то лингвистическое источниковедение могло бы возникнуть гораздо раньше, в первой четверти XIX века.

К. Ф. Калайдович задумывался над оптимальным способом представления в печати текстов рукописей. И когда в 1813 г. вышел в свет первый том «Собрания государственных грамот и договоров, хранящихся в архиве Государственной Коллегии иностранных дел» (далее – СГГД, Собрание), он со всей страстью молодого энтузиаста буквально “набросился” на тексты, нашёл в них массу погрешностей и написал письмо директору Архива Н. Н. Бантыш-Каменскому, который сообщил о его письме государственному канцлеру графу Н. П. Румянцеву, распорядившемуся издать это письмо. В «Письме действительного члена Общества истории и древностей российских К. Калайдовича к Н. Н. Бантыш-Каменскому об издании государственных российских грамот и договоров» (М., 1814) он привёл свои исправления и предложения. Здесь именно К. Ф. Калайдович впервые поставил вопрос о передаче в издании особенностей древнего языка рукописного источника [подробнее см. гл. 5].

Незадолго до своей кончины (в 1814 г.) Н.Н. Бантыш-Каменский просил Румянцева назначить на своё место А. Ф. Малиновского, а в помощники ему – своего сына Дмитрия. Беспokoясь о продолжении издания «Собрания государственных грамот и договоров», он предлагал: “Но, как при печатании сих трактатов требуется человек, знающий крепко литературу и российскую историю, то и рекомендую на сие место находящегося в Университете и давно желающего быть при Архиве г[осподина] кандидата Калайдовича. Он уже известен по многим историческим и критическим отрывкам в истории – он нашёл и в 1-й части вкравшиеся ошибки”. Н. Н. Бантыш-Каменский упоминает и о «Примечаниях» К. Ф. Калайдовича на Киприяновскую Степенную книгу, которые, по его мнению, показывают “из его начертаний оборотность его ума” [Безсонов 1862: 100–101]. Н. П. Румянцев пожелал подробнее узнать о рекомендуемом ему человеке: “Давно уже желал я для службы приобрести г[осподина] кандидата Калайдовича. За напоминание об нём я Вам весьма благодарен и прошу Вас теперь доставить ко мне токмо его прошение с аттестатами, и дать мне знать, на каком основании он желает поступить в службу” [там же: 143].

К. Ф. Калайдовичу предлагалось переехать в Петербург. На это предложение он ответил графу: “Я желал посвятить всю жизнь свою русским истории и особенно древностям и дипломатике, и чувствуя, что место теперешней моей службы в Московском университете не столько может доставить мне способов усовершенствовать себя в сей части, искал случая употребить слабые мои познания и силы на служение Архиву Коллегии иностр[анных] дел <...> Мои обстоятельства, учёное знакомство и здешние библиотеки древностей, хорошо мне известные, посредством коих я был бы в возможности быть некогда полезным, располагают меня остаться к продолжению службы в Москве” [там же]. В результате К. Ф. Калайдовича определили контроктором в Комиссию по печатанию СГГД и позднее, в 1819 г., – в Архив Коллегии иностранных дел в Москве.

После тяжёлой болезни и пребывания в 1816–1817 гг. в Николо-Пешношском монастыре (Дмитровский уезд) К. Ф. Калайдович составил и послал Н. П. Румянцеву два описания рукописных собраний Новоспасского и Данилова монастырей. Он видел необходимость в библиографическом описании и других собраний. “При сем случае, – писал он Н. П. Румянцеву 10 декабря 1816 г., – весьма важным нахожу для нашей древней словесности и истории описание рукописей Московской библиотеки Синодальной и Патриаршей. Сие описание откроет новый свет в древней нашей литературе, покажет непрерывный ряд памятников славянских с самого IX в. (это есть найденный мною перевод Иоанна, экзарха Болгарского книги Иоанна Дамаскина «Небеса»)

до XVIII в. Греческие рукописи описаны уже Афанасием Схиадою и профессором Маттеем: неужели нашим отечественным памятникам суждено скрываться так долго во прахе?» [Безсонов 1862: 25]. Впоследствии завязалась многолетняя переписка, показывающая, что К. Ф. Калайдович был для Н. П. Румянцева авторитетным экспертом в деле приобретения и издания рукописей.

К. Ф. Калайдович стал одним из активных членов так называемого «Румянцевского кружка», этого своеобразного «департамента русской истории», в который объединились люди, увлечённые и искренне заинтересованные в судьбах русской науки. «Кружок представлял собой неофициальное объединение исследователей, – пишет В. П. Козлов, – финансирование деятельности которых Румянцевым создавало возможность для коллективного решения разнообразных научных проблем» [Козлов 1981: 43–44]. Основная задача кружка состояла в том, чтобы «вводить в научный оборот разнообразные исторические источники» [там же: 45]. Кроме того, после 1812 г., когда в огне погибли тринадцать частных коллекций рукописных и старопечатных книг, особенно остро встал вопрос о сохранности и издании национальных исторических и литературных памятников. Архивные разыскания членов «Румянцевского кружка» и публикация рукописей содействовали решению этой задачи.

а. «Собрание государственных грамот и договоров» как один из промежуточных источников по русской лексикологии и лексикографии

Этот промежуточный источник «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и Картотеки ДРС является одним из самых объёмных и ранних по времени введения в научный оборот. В публикации, предпринятой *историками*, отражён один из этапов на пути совершенствования изданий русских рукописей, поиск оптимального их представления в печати. Было задумано обнародование подлинных актов документов, способных пролить свет на истинную историю России. Именно в этом издании вырабатывались основы отбора и способы воспроизведения актов текстов в печати. Вслед за двумя изданиями «Древней Российской Вивлиофики» Н. И. Новикова (1773–1793 гг.), которые выявили богатство наших архивов, но были вроде бы частным делом издателя, предполагалось решить вопросы издания на государственном уровне.

Во главе архива Коллегии иностранных дел в Москве в XVIII – начале XIX в. стояли известные историки: Г. Ф. Миллер, И. Ф. Стриттер, Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский. К началу XIX в.

архив превратился в крупный научно-исторический и культурный центр Москвы. Именно здесь работал Н. М. Карамзин, создавая «Историю государства Российского».

Ещё в бытность Г. Ф. Миллера директором архива возникла мысль об издании дипломатических документов по образцу роскошной французской публикации XVII в. Ж. Дюмона. Тогда же были выявлены и подобраны соответствующие документы, произведён расчёт денежных средств, «но смерть Миллера и отсутствие финансовой базы привели к тому, что проект не был реализован» [Козлов 1981: 18].

Потомок молдавского княжеского рода Кантемиров, ученик Г. Ф. Миллера и сотрудник по изданиям Н. И. Новикова, Н.Н. Бантыш-Каменский, получив духовное и университетское образование, прослужил в архиве свыше 50 лет, пройдя путь от рядового архивариуса до директора. Он был одним из первых отечественных археографов и библиографов. «Обзор внешних сношений России» – его многотомный труд о внешней политике государства с древнейших времён до начала XIX в. В 1812 г. он добился эвакуации документов архива и тем спас их от гибели.

В ответ на предложение канцлера Н. П. Румянцева возродить замысел Г. Ф. Миллера о публикации документов, касающихся дипломатических сношений России, Н. Н. Бантыш-Каменский прислал тщательно разработанный план издания. Предполагалось в первой части напечатать “внутренние акты” – новгородские грамоты, духовные, договорные грамоты великих московских и удельных князей, которые хранились в Московском архиве Коллегии иностранных дел и копии с которых уже были подготовлены для издания, намеченного Г. Ф. Миллером. Эта часть должна была стать введением к изданию дипломатических документов, посвящённых внешним сношениям России. Но впоследствии оказалось, что последующие четыре части «Собрания государственных грамот и договоров» стали продолжением первой – в них были все те же “внутренние акты”, а само издание закончилось в 1894 г.

3 мая 1811 г. император Александр I утвердил доклад канцлера Н. П. Румянцева, была учреждена особая комиссия, состоявшая из главного смотрителя и двух чиновников, и в этом же году была сдана в печать первая часть Собрания (издана в 1813 г.), в которую вошли ранние новгородские грамоты, духовные и договорные русских князей. Эвакуация архива в 1812 г., смерть Н. Н. Бантыш-Каменского в 1814 г. привели к приостановке издания.

Отечественных исторических актов было так много, что Н. П. Румянцев “решил отложить публикацию дипломатических материалов и продолжить издание внутренних документов” [Козлов 1981: 19].

Десятки славянских рукописей, составивших собственную коллекцию графа Н. П. Румянцева, были приобретены в первой четверти XIX в. при посредничестве К. Ф. Калайдовича. Он же, обнаружив погрешности в документах первого тома СГГД и написав письмо Н. Н. Бантыш-Каменскому, выступил здесь не только как историк, но и как лингвист. Он предложил, чтобы “собрание государственных грамот, которые несравненно важнее летописей по своей достоверности, и потому что переписчик их не есть уединяющийся переписчик летописей, было издано со всюю палеографическою точностью” [Калайдович 1814: 4], так как “точность в <...> мелочах почитается добродетелию палеографии” [там же: 6]. Все замечания, как он писал далее, “относятся к погрешностям против палеографии, в которой каждое слово, всякая буква, не так поставленная, есть уже преступление. Возможная точность, не допускающая никаких перемен в подлиннике, есть важнейшее оной достоинство” [там же: 8–9]. Он полагал, что “для вернейшего соблюдения сих правил нужно бы отлить и употреблять <...> особые буквы, теперь вышедшие из употребления <...> Без сохранения сих правил к чему послужит такое издание, которым хотят приучить молодых людей к палеографической точности? Оно не даст о ней никакого понятия” [там же: 11].

Ознакомившись с этим письмом, Н. П. Румянцев потребовал “выдавать следующие части со всюю буквальною точностию текстов”, что и было сделано во II томе СГГД, который вышел в 1819 г. под наблюдением К. Ф. Калайдовича и его помощника П. М. Строева.

В Предисловии говорилось: “Испытатели древностей российских и желавшие приобрести познание в дипломатике отечественной не могли довольствоваться неисправными и противоречащими отрывками грамот в «Древней [Российской] Вивлиофике» помещённых; им потребно было полное собрание коренных постановлений и договоров, которое бы объясняло постепенность возвышения России. Не имея сего путеводства, они принуждены были допытываться о происшествиях и союзах своего Отечества у иностранных писателей, и сочинениями их руководствоваться; но недостаточные сведения чужеземцев и ошибочные их суждения не всегда удовлетворяли изысканиям истории, а молодых людей, вступающих без указателя в сие неведомое поприще, часто приводили в недоумение”. Теперь же “открываются неопровержимые доводы к деяниям веков минувших”, а для людей, служащих в Министерстве иностранных дел, “сие единственное на природном языке полное дипломатическое собрание государственных грамот и договоров послужит наставительным пособием в приобретении политических знаний для уразумения истинных польз Империи Всероссийской” [СГГД II, с. I–II]. Помещённые во втором томе грамо-

ты (начиная с 1229 г.), опубликованы гражданским шрифтом по орфографии начала XIX в., но с сохранением древних букв; сделана уступка орфографии подлинника в таких случаях, как Михаилу Ярославичу в новгородских грамотах 1305 г. и 1307 г. [там же: 13–14]. Утраты текста в подлинниках отмечены многоточием. Как пишет В. П. Козлов, “тексты издавались с сохранением их языковых, орфографических особенностей, славянской буквенной цифири, раскрывались титла, в строку вносились выносные буквы, явно пропущенные слова восстанавливались в скобках с оговорками в текстуальных примечаниях” [Козлов 1981: 102]. В. П. Козловым неточно указано, что титла раскрывались, – они сохранялись над сокращёнными словами. Этот способ издания применён к документам только второго тома.

Обращает на себя внимание обилие подстрочных примечаний (по сравнению с публикацией Н. И. Новикова), отражающих написание слов в рукописях и не изменённых авторами в издании.

Приведём некоторые из них.

с. 3: *можесть на него Дѣткого(**) приставити* – Читай: *Дѣтского*;

с. 3: *а будоуть на(*) него послоуси* – В подлиннике ошибкою: *на на*;

с. 4: *товарь его свобонь(*)* – Читай: *свободень*;

с. 4: *на березь(**)* – В подлиннике по ошибке написано: *на беререзь*;

с. 4: *за лихли(***) моужь* – Должно быть: *за лихи*;

с. 15: *А рубежа не чити(*)* – Должно быть: *не чинить*;

с. 17: *князя Векого(*)* – Читай: *Великого*;

с. 18: *возвѣденныхь(*) на вѣликии степень* – Читай: *возведень быхь*;

с. 19: *агарянь имѣнѣну(*) и озлоблену* – Читай: *плѣнѣну*;

с. 19: *и па(**)* – Должно быть: *и паки*;

с. 32: *о всемъ вашемь(*) хрѣстьянствѣ* – После сего в списке ошибкою ещё повторено: *вашемь*;

с. 35: *нелюбки на тебя ни которые не ржимь(*)* – Читай: *не держимь* – и т.п.

Как видим, в издании передаётся точное написание рукописного текста, а исправления даны в примечаниях.

Появляются здесь и примечания, касающиеся внешнего вида публикуемых грамот, мест их хранения. «Договор (в списке) Смоленского князя Мстислава Давидовича, заключённый с городом Ригою и Готским берегом 1229 г.» занимает стр. 1–5. После текста идёт примечание: “К сему договору(*), писанному на пергаменте уставом, привешены следующие две двухсторонние печати, составленные из двух тонких серебряных пластинок, вместе спаянных, сквозь которые про-

пущен шёлковый полинявший снурок. По-видимому, была третья печать, что явствует из оставшегося между ними на пергамене прореза для снурка” [СГГД II: 5]. Изображены печати с лицевой и оборотной стороны, а внизу страницы – сноска со знаком (*): “Подлинники как сего договора, так и следующих за сим 3, 8, 14, и 16 грамот отысканы старанием Его Сиятельства Государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцова в Архиве города Риги; а снятые с них точь-в-точь списки и рисунки печатей хранятся ныне в Московском Государственной Коллегии Иностранных дел Архиве между грамотами удельных князей” [там же].

В Собрании обращается внимание на хронологическую точность документов. На с. 17 сноска посвящена датировке грамоты жителей города Полоцка: “Сей год в подлинном списке написан таким образом: Лѣта тысяча Дѣ ста І Дѣ. Хотя в точности и неизвестно чтение сего места, ибо над Д, І и Д не находится титл, означающих счисление, почему должно бы здесь полагать тысяча четыреста и четвёртый год; однако вероятнее можно заключить, что сия грамота писана тысяча четыреста десятого четвёртого, то есть 1414 года”.

Другие примечания издания приближаются к описанию лингвистической информативности источника. Так, например, указывается на особенность формы документа. После текста грамоты № 51 «Чин венчания на Всероссийское царство царя Феодора Иоанновича 1584 июня 30» следует: “Сей акт писан книгою в четверть листа, на лощёной бумаге, полууставным почерком XVI века. Начало заглавного листа начертано золотом и украшено разноцветными красками; отличённые же здесь разбивкою слова, в подлиннике означены киноварью. – Самая книга обложена малиновым, от времени полинявшим штофом, с наибольшими серебряными застёжками” [СГГД II: 85].

“Разбивкою” же, т. е. в разрядку, даны в издании некоторые цитаты и слова, представляющие собой своеобразные заголовки частей документа, например: “Рѣчи црѣя и Великого кнѣся Митроуполиту” [там же: 75], “И глѣть митрополить млѣтвую сію во оуслышаніе всѣмь...” [там же: 77], возглас “Ты бо еси црѣь мирови” [там же] и др. Это говорит о стремлении издателей отразить особенности внешнего вида и формы подлинника.

После текста документа «Следственное дело о убиении царевича Димитрия Иоанновича, произведённое в Угличе... Писано 1591 года в мае» (№ 60) читаем: “Подлинное дело писано на столбце тремя различными почерками, на пятидесяти осми небольших листках, один к другому приклеенных. – К сожалению, начало сей драгоценной бумаги утрачено” [там же: 123]. В тексте приводятся скопированные из подлинника “снимки” приложения рук – подписей [там же: 110, 111, 112,

114, 117, 119]. Как видим, издатели стремились представить в печати особенности почерков рукописей. Это направление работы над рукописью в дальнейшем приведёт к появлению “снимков с рукописей” – факсимильных изданий древних подлинников.

О состоянии рукописей, которое лингвистическое источниковедение впоследствии отнесёт к информативности источника, узнаём также из примечаний. Так, после «Доклада царю Федору Иоанновичу от цареградского патриарха Иеремии...» 1589 г. дана ремарка: “Подлинник писан скорописью, на одном листке, столпцем, и весьма ветх” [там же: 95]. К «Грамоте патриарха Иова к Казанскому и Астраханскому митрополиту Гермогену» 15 марта 1598 г. приводится примечание после текста: “В списке сей грамоты недостаёт начала” [там же: 142].

Есть во втором томе СГД подстрочные примечания, указывающие на писца. Так, в грамоте № 93 «Поимённая роспись духовным и светским чинам, составлявшим Государственный совет в правление Лжедмитрия Отрепьева. Писана 1605 г. в июне на польском и русском языках» после текста напечатано: “Роспись сия, по-польски, писана рукою самозванцева секретаря Яна Бучинского” [там же: 210]. Автограф самозванца “Inperator” приведён в «Грамоте Лжедмитрия Отрепьева к Сендомирскому воеводе Юрию Мнишке уведомительной» (№ 104) с примечанием: “Означенная подпись учинена собственной рукою Самозванца; печать же приложена под кустодию красная, восковая” [там же: 227].

Восполнение пропущенных фрагментов рукописи иногда даётся из других списков в самом тексте, но с оговоркой в примечании. К списку 1611 г. «Грамоты из Казани в Пермь о взаимном соединении против разорителей Российского государства поляков» дано такое пояснение: “Сии строки начиная выше со слов *И мы, жьда*, в подлинном списке грамоты ошибкою писца пропущены; а помещены сюда из другого современного списка” [там же: 542]. О необоснованных повторях в тексте также сообщается в примечаниях, как, скажем, к «Окружной грамоте от осадивших Москву воевод: Дмитрия Трубецкого, Ивана Заруцкого, Пронки Ляпунова в сибирские города 23 июня 1611 г.»: “*«и Жигимонт король, по тому гетманскому договору, со всеми литовскими* Здесь в подлиннике ошибкою повторены слова: *и польскими людми*” [там же: 547]. В напечатанном тексте грамоты повтора, естественно, нет, а знак (*) поставлен в тексте после слова *людми*.

Всего во II томе опубликовано 288 грамот. В конце дан лист опечаток «Ошибки, замеченные во второй части Собрания государственных грамот и договоров». Этот раздел издания должен бы присутствовать при всех наборных публикациях, что однако встречается не часто. Лист опечаток содержит 5 разделов: «№ страницы», «№ колон-

ки», «№ строки», «напечатано», «читай». Исправлены такие ошибки и опечатки, как породихъ мя – породихъ тя, покорию му – покори ему, повалужь – повалушь и др.

“Таким образом, – пишет В. П. Козлов, – вторая часть «Собрания» в вопросе воспроизведения текстов грамот и старинных с них списков отразила позицию не только Румянцева, но ещё и Калайдовича. Исключение здесь было сделано только для древних документов, представленных копиями XVIII в. из так называемых «портфелей Миллера»: они опубликованы согласно правописанию начала XIX в.” [Козлов 1981: 102]. Особенности, отмеченные выше в качестве примечаний, говорят о том, что не только о лингвистической содержательности представленных во втором томе рукописей можно судить по этой публикации, но и об их лингвистической информативности, особенно когда отмечены погрешности рукописей против современной К. Ф. Калайдовичу орфографии. Нашла отражение и характеристика физического состояния самих подлинников.

Такое отношение к изданию древних памятников не было поддержано учёными – современниками К. Ф. Калайдовича, и третий том «Собрания государственных грамот и договоров» в 1823 г. был издан по другим правилам. В Предисловии начальник К. Ф. Калайдовича А. Ф. Малиновский написал, что теперь “при печатании <...> не наблюдалась прежняя затруднительная точность в буквах, ныне из употребления вышедших; а при том и ненужные в гражданской азбуке титла исключены” [СГГД III, с. II]. В качестве оправдания такой перемены позиций говорилось, что акты относятся к недавнему времени. Глубинной же причиной, скорее всего, было то, что перед обществом и наукой стояли задачи накопления материалов для создания *истории* России. Особенности же языка в таком случае принимались во внимание постольку, поскольку они проясняли или искажали смысл текста. Эту черту изданий всех историков отметил С. И. Котков, когда предлагал приступить к публикации памятников совместно с представителями исторической науки [см.: Котков 1963: 6].

б. Правила издания рукописей, предложенные К. Ф. Калайдовичем

Вероятно, вопрос о способах представления рукописного материала в 3-м томе СГГД и в последующих был окончательно решён А. Ф. Малиновским после того, как К. Ф. Калайдович обратился к нему с «Доношением» 10 января 1821 г., в котором изложил свои мысли о правилах издания рукописных памятников в Собрании. Приводим «Доношение» по рукописному подлиннику:

“При печатании III части Государственных грамот и договоров Комиссия, обязанная руководствоваться некоторыми особенными правилами, представляет свои мнения, в 5-ти параграфах состоящие, на благоусмотрение Вашего превосходительства. В плане сего издания предполагается следующее:

1) исключить все сокращения равно и буквы, не находящиеся в гражданской азбуке,

2) удержать в подлинниках [это слово вставлено автором над строкой – Л.А.] слова и речения неприкосновенными касательно старинной грамматической оных перемены,

3) в бумагах же, взятых из Миллеровых портфелей, и других списках допустить [под этим словом зачёркнуто *удержать* – Л.А.] совершенно ныне употребляемые грамматические изменения,

4) собственные имена и нарицательные в подлинниках и списках должны быть сообразно оригиналам,

5) славянские цифры во всём издании оставить неприкосновенными.

Касательно же печатания в подлинниках тех слов и имен собственных, которые в оных имеют двоякий выговор и начертание, как например, *великого* и *великаго*, *Ермогенъ* и *Гермогенъ* и им подобных, Комиссия испрашивает разрешение Вашего превосходительства” [РНБ, ф. 328 Калайдович, ед. хр. 271, л. 1–1 об.].

Это был первый свод правил издания рукописей, сформулированный в частном «доношении». Начиная с 3-го тома, в «Собрании государственных грамот и договоров» раскрывались титла, т. е. сокращённые слова печатались полностью по правилам орфографии начала XIX в., исключались буквы, не вошедшие в гражданскую азбуку 1708 г., буквами обозначались только числа. В дальнейшем истории (хотя и не всегда) следовали этим правилам; они с незначительными изменениями сохранились до настоящего времени.

В 1813–1894 гг. были изданы 5 частей «Собрания государственных грамот и договоров», к которым были составлены географический и именной указатели. Всего в них было помещено около 1000 документов.

Проблемы, которые попытались разрешить К. Ф. Калайдович и П. М. Строев в ремарках и примечаниях ко II тому СГГД, так или иначе встанут перед издателями рукописей и ныне. Практические способы решения их в этом издании заложили основы эдиционной теории. Она здесь делает первые шаги к формулированию требований, которые предъявит к изданию рукописей лингвистическое источниковедение в 60-х годах XX столетия, а именно: представить в наборном издании языковые особенности письменного памятника таким образом, чтобы исследователю лишь в крайнем случае пришлось обращаться непосредственно к рукописи, скажем, для палеографических разысканий.

Второй том из всех пяти наиболее предпочтителен для языковедов-историков: постарались публикаторы, ещё не осознавая всей значимости своего труда. Здесь впервые были приняты во внимание проблемы лингвистической науки. Но в начале XIX в. наука о древностях именовалась «археологией» и включала в себя всё то, что впоследствии стало называться историей, литературоведением, сфрагистикой, нумизматикой, языкознанием, палеографией, палеонтологией и др., и наконец – лингвистическим источниковедением.

в. Два издания «Русских достопамятностей»

Будучи контр-корректором Архива Коллегии иностранных дел, К. Ф. Калайдович получил доступ к древним сокровищам московских библиотек: Синодальной и Патриаршей, библиотеки Архива Коллегии иностранных дел, имел возможность брать книги под расписку домой. Для него было исходатайствовано отношение во все библиотеки подмосковных монастырей от имени Н. П. Румянцева и от ОИДР с просьбой оказывать содействие. Это ему помогло при подготовке к изданию двух томов «Русских достопамятностей», в которых предполагалось публиковать древние рукописи. Учреждён был особый комитет от ОИДР, чтобы рассматривать приготовленные к печати документы. В январе 1812 г. определено и одобрено содержание первой части, в которой были помещены в основном материалы XI–XII вв.: Поучение Луки Жидяты, Послание митрополита Никифора, Грамота новгородского князя Всеволода, Устав новгородского князя Святослава, здесь же был помещён Крестининский список «Русской Правды».

Заметим: эта работа была начата между 1810 и половиной 1812 года, гораздо раньше составленных К. Ф. Калайдовичем правил издания рукописей, поэтому в «Русских достопамятностях» реализовались намерения автора отразить все особенности древнерусского языка. Первая часть была уже отпечатана в 1815 г. [Безсонов 1862: 12]. В Предисловии он пишет: “При издании Правды Русской [и других рукописей – Л.А.] я последовал тем же правилам, которые предназначал для Нестора один из почтенных членов Общества г[осподин] профессор Тимковский: то есть чтобы ничего не прибавлять и не убавлять в сем древнейшем списке, а испорченные места поправлять вне текста с возможною осмотрительностью, помощью вариантов, из коих все важнейшие здесь исчислены” [Рус.дост. I: 27]. Напомним: до 1812 г. проф. Московского университета Р. Ф. Тимковский подготовил к печати 13 листов Лаврентьевской летописи, рукопись которой погибла в огне в 1812 г. “Приняв в основание древнейший список, он с точностью передавал чтение подлинника, объясняя и исправляя его от оши-

бок переписчика посредством вариантов” [Поленов 1850: 105] Тщательно изучив листы Тимковского, К. Ф. Калайдович опирался на его систему, готовя первый том «Русских достопамятностей».

Второй том (вышел в 1843 г.) К. Ф. Калайдович не успел увидеть напечатанным, но о работе над ним может дать представление его письмо к председателю Общества истории и древностей российских А. А. Писареву, избранному в 1823 г.: “Приискание писца зависело от меня, а утверждение его с годовым жалованьем по 250 рублей должно последовать от Вас по официальному отношению к казначею Общества <...> Но одной переписки недостаточно. Перед каждою статью должно присоединить объяснительное предисловие, как поступал я прежде, а внизу текста выставить варианты или разноречия других списков” [Безсонов 1862: 15]. Такое воспроизведение древнего текста, осуществлённое К. Ф. Калайдовичем, важно для историков, для исследователей древней литературы, и особенно – для лингвистов, которые, изучая «разноречия» (т. е. варианты) различных списков, видят по направлению правки пути развития языка от далёких эпох к настоящему времени.

Уже к заседанию 24 февраля 1824 г. К. Ф. Калайдович представил 11 “статей”, приготовленных им для второй части «Русских достопамятностей». Сохранился список произведений, которые он собирался поместить. Здесь и «Путешествие по святым местам игумена Даниила в княжение Святополка», и «Устав Владимира», и «Послание к князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке 1448 г.», и «Молитва при заздранной чаше Годунова», и «О товарах, ввозимых в Россию в XVI в.», и «Грамота в Сийский монастырь о старце Филарете, бывшем потом патриархом», и «Три письма царя Алексея Михайловича к патриарху Никону», и «Сказание об осаде Азова» и другие не менее важные для русской истории материалы – всего 20 исторических “писес”, как тогда называли предназначенные для публикации памятники. К. Ф. Калайдович успел подобрать для издания рукописные подлинники и другие их списки, а также некоторые осуществлённые ранее издания тех же текстов для подведения вариантов, написать предисловие к публикации нового списка «Русской Правды», который вместе с подстрочными примечаниями занял в издании 56 страниц (с. 10–65). В Предисловии он писал: “При издании принято следовать во всей точности правилам Шлёцера и Р. Ф. Тимковского, т. е. ничего не убавлять и не прибавлять к харатеиному чтению. Исправлены одни грубые ошибки, но так, что подлинные слова рукописей внесены в варианты; дополнены пропуски из других списков и также вне текста. Церковные буквы, которыми писан весь сборник, заменены гражданскими, но сообразно с подлинником<...> недостающие буквы #, ~, q, w, ^ и др. отлиты нарочно, и сходственно с рукописью употреблены при печатании. Слова,

писанные в харатейном тексте сплошную строкою (включая где оставлено место для точек), разделены согласно с правилами <...> для удобства чтения выставлены новейшие знаки” [Рус.дост. II, с. VI]. О знаках, встречающихся в рукописях, у К. Ф. Калайдовича была особенная забота: он предлагал сохранять их в издании для будущих исследований: “Чтобы не издавать текста вдвойне, т. е. не печатать чтения рядом в двух столпцах: на одном с расстановками рукописи (*cum interpunctione codicis*), а на другом с новейшими мыслеразделительными знаками (*cum distinctione editoris*), редактор соединил ту и другую необходимость в одном чтении, как это сделал Башилов при издании Судебника и древних переводных законов Юстиниана. Единственный знак препинания в рукописи – *точка* – выставлен в печатном тексте везде соответственно с харатейным чтением: так издание сборника для читателя сохраняет все достоинства рукописи!” [там же: VII].

Восклицательный знак в конце этой фразы свидетельствует о том, что издатель, бережно относящийся к древним документам, решил для себя трудную задачу: нашёл способ отразить особенности орфографии и пунктуации рукописи в публикации. “Удержаны, – продолжает он, – даже в конце статей знаки древней пунктуации <...> которые, по-видимому, употреблял древний писец не без разбора. При этом редактор позволил себе одно отступление: там, где древний знак (точка) имеет силу новейшей точки, он выставлен по принятому теперь условию, рядом с буквою, и уже не повторен вверху, как то сделано в других местах, где древняя точка или не у места, или заменяет нынешнюю запятую, точку с запятой, двоеточие и мыслеразделительные знаки – удивительный и вопросительный” [там же].

Приведём другие сведения об этом издании: “Страницы подлинной рукописи выставлены на полях рядом с чтением для тех, которые пожелали бы справиться с харатейным подлинником. При издании сохранены самые знаки придыхания над гласными, как они выставлены в рукописи; слова под титлами <...> печатаны складом для того, чтобы издание удержало все признаки оригинала, общие всем харатейным, что весьма важно для желающих ознакомиться с древним нашим письменным словоначертанием: таких слов в подлинной весьма немного и при том они чаще других встречаются, так прочтена рукопись! Редактор присоединил к тому варианты и свои примечания” [там же]. Далее перечислены и раскрыты в едином списке все слова, которые встречаются в рукописях под титлом. В конце издатель упоминает списки «Русской Правды», которые были изданы ранее: именно из них он приводит в подстрочных примечаниях варианты. Это издание А. Л. Шлёцера 1767 г., два издания И. Н. Болтина, И. П. Елагина и А. И. Мусина-Пушкина 1792 г. и 1799 г., издание списков Крестинина

1786 г. во II части Продолжения «Древней Российской Вивлиофики» и Синодального Софийского, а также – рукописный Годуновский список.

г. Подготовка к изданию летописей

Большое значение К. Ф. Калайдович придавал изданию летописей, о чём написал свои предложения к заседанию ОИДР 14 июня 1823 г. Сначала он напоминает о подготовленных в 1812 г. проф. Р. Ф. Тимковским 13 листах Лаврентьевской летописи: “Для чести общества необходимо нужно обнародовать сие первое в России критическое издание с предисловием, в коем можно показать правила, которыми руководствовался покойный сочлен наш” [Безсонов 1862: 16]. В 1824 г. эти листы с предисловием К. Ф. Калайдовича вышли в свет. О глубоком уважении к труду своего учителя проф. Р. Ф. Тимковского свидетельствует письмо Калайдовича к его брату в Георгиевск от 4 июля 1824 г.: “Прошу принять благосклонно препровождаемый отрывок Лаврент. летописи, с которым (утешительно мыслить) я воскресил достойный полного уважения труд Вашего покойного братца, моего достопочтенного наставника” [там же: 17]. В письме (от июня 1823 г.) к Н. П. Румянцеву, на средства которого было осуществлено издание, К. Ф. Калайдович, упоминая о том, что издание Р. Ф. Тимковского “прервано было нашествием врага и истреблением противня с Лаврентьевской летописи и других важных списков, употреблённых для вариантов”, предлагал “стараться по возможности о продолжении и окончании древнейшей Несторовой летописи (здесь и далее – курсив автора. – Л.А.)” [там же: 18]. В своём «Предложении об издании летописи» К. Ф. Калайдович перечисляет, наряду с Лаврентьевской, все известные к этому времени летописи: Троицкая, погибшая в 1812 г.; Киевская и Волынская летописи вместе с Ипатьевским списком Волынской летописи, принадлежащим Академии наук, и два его сокращения XVII в. в библиотеке графа Ф. А. Толстого; Кенигсбергский, “весьма неверно напечатанный, принадлежит Публичной библиотеке”; Архивский, “названный так Карамзиным, XVII в., по словам Карамзина, весьма исправен – от Василия Дмитриевича до 1560 г.” [там же: 17]. Затем он упоминает четыре Псковских списка (два Архивских, Синодальный и Толстого) и высказывает следующее предложение: “Как многие опыты показали, что нет пользы повторять одни и те же известия в десяти книгах, а должно в *сравнительном учёном* издании, положив токмо древнейший список за основание, представить *разноречия* из всех тех списков, какие можем приобрести, то сперва необходимо привести в известность наши исторические сокровища. В библиотеке Софийской Новгородской и монастырей Антониева Сийского,

а более Соловецкого, хранится многое, нам неизвестное. При тех событиях, какие имеет Общество, было бы весьма нужно отправить для обозрения помянутых библиотек одного из членов” [там же]. Точно так же нужно было, по его мнению, поступить с Хронографами: “Собрав их, сперва сличить, а потом в сравнительном издании представить учёному свету. В одной библиотеке графа Толстого находим оных до двадцати” [там же].

Прежде всего К. Ф. Калайдович предлагал издать Архангелогородский и Новгородский летописцы, которые были опубликованы в конце XVIII в., но теперь должны быть представлены по новым правилам, отражающим все особенности языка рукописей. В течение пяти лет он готовил к печати Новгородскую летопись, с которой, по его мнению, “едва ли может равняться древностью и самая Лаврентьевская летопись” [там же, 57]. Её нужно было напечатать “церковными буквами с удержанием сокращений и самих интерпункций подлинника <...> на противоположной стороне прибавить верный перевод <...> присоединить примечания и объяснения древних слов и речений <...> в конце припечатать указатель исторических лиц, происшествий, географических мест с означением страниц <...> В Предисловии прибавить разыскание о сочинителе, языке и правописании летописи” [там же]. Это издание не было осуществлено, но здесь К. Ф. Калайдович предначертывал планы, которые позднее приводились в исполнение другими издателями и, в частности, основанной в 1834 г. Археографической комиссией, которая, однако, не ставила задачи отражения особенностей древнего языка.

Среди прочих компонентов справочного аппарата К. Ф. Калайдович предлагал создавать указатель наподобие «Реэстра», помещённого в первом издании русской летописи 1767 г. И. С. Баркова – И. К. Тауберта.

д. Издание Судебника 1497 г.

В 1841 г., уже после смерти К. Ф. Калайдовича, П. М. Строев опубликовал Судебник 1497 г. под его и своим именем. Полное название автор дал в публикации: «Законы Великого князя Иоанна Васильевича <...> (1497) года. По списку, внесённому в Библиотеку Московской Государственной Коллегии иностранных дел Архива П. Строевым». В издании сохранены древние буквы: йотированное а, ук, ять, зело, омега, юс малый в соответствии с оригиналом. Сохранено и обозначение чисел древнерусскими буквами. Публикаторы дали литографированную страничку рукописи, которую можно сравнить с соответствующей страницей публикации и увидеть, какие изменения, по срав-

нению с рукописью, сделаны в издании [в наших извлечениях здесь текст рукописи делим на слова, выносные отмечаем курсивом, титла опущены – Л.А.].

В рукописи

ЛѢТА .SSГО мѢСА
 СЕПТЕМВРІА
 иЛОЖИИ
 КНѢЗЬ ВЕЪЛНИ ИВАН
 ВАСИЛЕВИЧ
 ВСЕ" РИСИ. С ДѢТМИ
 СВОИМИ
 И С БО"РЫ О СИДѢ. КАК
 СѸДИТИ БО"РОМ
 И ОКОЛНИЧИИ
 СѸДИТИ СОУД БО"РОМ
 И
 ОКОЛНИЧИИ.
 А НА СИЪДѢ БЫТИ
 И БО"РЪ, И И
 ОКОЛНИЧІХ ДІАКОИ.
 ^ СИДА, И ^
 ПЕЧАЛОВАНІА НЕ ИМАТИ,
 ТАЪКОЖ И ВС"КОМУ*
 СИДИ-, ПОСИЛА ^ СИДА
 НЕ ИМАТИ Ъ НИКОМУ*,
 А СИДОМЪ
 НЕ МѢТИТИ, НИ Ъ
 ДРИЖИТИ НИКОМУ*.

* му здесь – лигатура.

В издании

ЛѢТА .SS^{го}, мѢСА
 СЕПТЕМВРІА
 ОУЛОЖИИ
 КНѢЗЬ ВЕЛНИ ИВАНЪ ВАСИ-
 ЛЬЕ ВИЧЬ
 ВСЕ" РИСИ С ДЕТМИ СВОИМИ
 И С БО"РЫ О СИДѢ, КАКО
 СИДИТИ БО"РОМЪ И
 ОКОЛЬНИЧИМЪ.
 СѸДИТИ СОУДЪ БО"РОМЪ И
 ОКОЛНИЧИМЪ,
 А НА СИДѢ БЫТИ
 ОУ БО"РЪ И ОУ ОКОЛНИЧИХЪ
 Д"КОМЪ

^ СИДА И ^ ПЕЧАЛОВАНІА
 НЕ ИМАТИ; ТАКОЖЪ И
 ВСЯКОМУ
 СОУДНЕ ПОСИЛА ^ СИДА
 НЕ ИМАТИ НИКОМУ,
 А СИДОМЪ
 НЕ МСТИТИ, НИ ДРИЖИТИ
 НИКОМУ.

В Предисловии читаем: “В печатании <...> Законов наблюдали мы возможную точность и смело можем ручаться, что не только одно слово или речение, но ниже самая буква, не проронены против подлинника. Для показания же древности списков мы почли за нужное при сем точные изображения их почерков и знаков державы в бумаге, на коей написаны Законы В. К. Иоанна, искусно выгравированные г[осподином] Фроловым” [с. XXIX].

Это издание, как видим, отражает особенности древней рукописи. Знаки ъ и ь в основном добавлены там, где в рукописи – выносные буквы. В слове *месяца* (мѢСА) в издании авторы попытались обозна-

чить выносную букву *с* под титлом, но, вероятно, в силу особенностей печати, бумаги, красителя и др. вместо выносной буквы в некоторых экземплярах получилась маленькая клякса [см. страницу издания № 3].

Публикаторы дали примечания под заголовком «Погрешности подлинного списка», указывая не только страницу, но и строку (хотя строки в издании не пронумерованы), в которой ими замечена ошибка, как грамматическая, так и историческая.

Приведём некоторые из них:

К стран. 3, стр. 4: *Кнзь Велии* – читай *князь Великій*.

К стран. 4, стр. 9: *а Околничему и Діаку и Недѣльщикомъ пошлинь полевыхъ нѣтъ*. Здесь слово *Діаку* написано по ошибке, ибо сему чиновнику выше, в сей же статье, назначена пошлина.

К стран. 5, стр. 5: вместо *разбоиш* должно быть *разбой*.

К стран. 7, стр. 15: *отъ пописи* – читай *отъ подписи*.

К стран. 8, стр. 10: *ино та грамота*. Слова сии неправильно написаны в подлиннике киноварью.

К стран. 9, стр. 9: *Подъячему*. Так написано в подлиннике, но последний слог *му* киноварью зачёркнут, а над буквою *е* поставлено *и* неправильно, ибо здесь и должно быть: *Подъячему*.

К стран. 23, стр. 8: *годе* напечатано согласно с подлинником – читай: *городъ*;

К стран. 23, стр. 22: Вместо *проклитать* должно: *прокликать*...

После помещённого текста Судебника читаем: “К собственным нашим погрешностям против оригинала принадлежит удержание буквы *ь*, следуя нынешнему правописанию в словах: *Окольничий, Недѣльщикъ, деньги, больше, меньше*, которые в старину имели твёрдый выговор, что видно из тех мест, в коих слова сии без сокращений написаны. Подобные ошибки сделаны первым издателем Судебника Башиловым в словах *недельщикъ* и *деньги*. См. критические примечания, присоединённые к Судебнику. СПб., 1768, стран. 102” [стр. 26]. Как видим, отражено требование будущего лингвистического источниковедения, которое поставит вопрос о проникновении науки в материю языка: указаны предшествующие публикации памятника и их особенности.

Наиболее значительной по объёму публикацией К. Ф. Калайдовича, кроме перечисленных, является книга «Памятники российской словесности XII в.» (М., 1821), входящая в число источников «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Он опубликовал 15 сочинений Кирилла Туровского, извлечённых из рукописей Синодальной библиотеки, библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря, из собраний Н. П. Румянцева и Ф. А. Толстого. В Предисловии даётся точное опи-

сание списков, проведено разыскание о том, где жил автор XII в., приводятся цитаты из сочинений К. Туровского. Но все рукописи опубликованы по орфографии первой четверти XIX в. В подстрочных примечаниях К. Ф. Калайдович приводит вариант того слова, который есть в рукописи, иногда ссылаясь на некоторые издания, тогда как в тексте даёт орфографически верное (для XIX в.) написание. Как видно, отступая от желательного для него способа издания – представить рукописи в их первоизданном виде, – он подчинился требованию А. Ф. Машиновского избегать излишней для чтения трудности и сформулировал свои правила для публикаций. Его намерение приучить молодых исследователей к палеографической точности не осуществилось. Но два тома «Русских достопамятностей» и 2-й том «Собрания государственных грамот и договоров» остаются бессмертными памятниками его труда как промежуточные источники, которые представляют неоценимые материалы для исследования древнего русского языка.

15. А. А. Шахматов: исследование и издание деловых текстов

“Шахматов охватывает своим взором всю историю явлений языка, от глубочайшей древности до настоящего времени <...> Те исследователи, которые стоят на почве сравнительно-исторического направления, все идут по следам А. А., и его влияние в их работах ощущается явственно” – писал В. М. Истрин [Истрин 1920: 30].

А. А. Шахматов возглавлял работу по изданию огромных массивов русских летописей. О его работе в этом направлении писал С. Ф. Платонов: “Он решительно уклонялся от старого приёма – пользоваться только печатным текстом летописей – и обратился непосредственно к рукописям. Он отказался от прежнего, установленного П. М. Строевым, взгляда на летописи как на своды случайного и разнохарактерного исторического и литературного материала. Он искал в них внутреннего единства и цельности, руководящей идеи или тенденции <...> Поучительна и та прямота, и искренность, с какими он брал назад высказанную гипотезу, если она его переставала удовлетворять” [Платонов 1920: 136–140].

Издание летописей А. А. Шахматовым – особая область исследования. В настоящей работе останавливаемся только на рассмотрении двинских и новгородских деловых грамот, публикуя которые, он выдвигал некоторые теоретические положения.

А. А. Шахматов не формулировал принципов, категорий и методов лингвистического источниковедения, не определял предмета этой науки. Но его опыт издания деловых памятников XIII–XV вв. способствовал развитию лингвистического источниковедения и знаменовал

новый этап в деле формирования промежуточной группы источников. С. И. Котков называл А. А. Шахматова своим учителем в вопросах подготовки к изданию древнерусских текстов.

А. А. Шахматов полагал, что историю языка нужно изучать не только по говорам, но и непосредственно по письменным памятникам. Он с большой тщательностью публикует деловые новгородские XIII в. и двинские XV в. грамоты, отмечает неточности в прежних публикациях и предваряет свои издания обширными исследованиями. Грамоты он издаёт по рукописям, а в тех случаях, когда рукописи оказывались недоступными, обязательно указывает, по какой прежней публикации воспроизведена грамота.

В теоретических работах А. А. Шахматова соединялось его внимание как к рукописным источникам, так и к живым говорам, изучение которых начиналось в России в конце XIX в. Для него не было вопроса, что важнее: рукописи или живые говоры. Ещё гимназистом он начал исследование древнерусского «Жития Феодосия» по Успенскому сборнику (XII–XIII вв.) и нашёл в осуществлённой в 1858 г. публикации (Чтения ОИДР, № 3, с предисл. О. М. Бодянского) более 600 неточностей в передаче рукописи.

«Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века» А. А. Шахматова вышло в 1885–1886 гг., «Исследование о двинских грамотах XV в. – Ч. I и II» – в 1903 г. А. А. Шахматов, ученик и друг И. В. Ягича, состоявший с ним в переписке, как и его учитель, видел в издании древних памятников письменности своего рода иллюстрацию для подтверждения выводов исследования. Но чутьё лингвиста подсказывало ему, что нельзя ограничиваться только выписками из издаваемых грамот, нужно их издавать полностью по определённым правилам. Так, публикуя новгородские грамоты он предначертал будущие параметры лингвистических изданий: «Правила, которым мы следовали, – писал он, – самые простые: передавать оригинал настолько, насколько это не затруднительно в печати; различные формы одной какой-нибудь буквы или одного значка передавать одинаково, одним печатным знаком; соблюдать всякие сокращённые написания подлинника, состоят ли они во введении одного знака титла или в выносе букв; вводить в текст отдельные буквы на место не разобранных в подлиннике, но тщательно отделяя их скобками и оговаривая, когда это важно, в подстрочных примечаниях; в тех же грамотах, где восстановить все стёршиеся и попорченные места невозможно, мы совсем не вводили кониектуральных чтений в текст и предлагали их в примечаниях. Наконец, в кратком описании при каждой грамоте, а также в подстрочных примечаниях мы делали указание на внешность грамоты, а иногда также на форму букв, где это может быть важно в каком-

нибудь отношении; в примечаниях же мы отмечали случаи, где в Собрании госуд[арственных] грамот и договоров вместо буквы подлинника стоит другая” [Гр.новг.: 288].

Подчёркивая необходимость при палеографических исследованиях обращаться к рукописям, а также оценивая значение публикации, он заключает: “Конечно, такое издание заменить подлинников не может; палеографу оно даёт мало, но лингвисту достаточно и такое издание, если оно исполнено аккуратно” [там же].

В подтверждение этих слов лингвист А. А. Шахматов на страницах 131–226 даёт фонетическое и морфологическое исследование новгородских грамот «О звуковых особенностях» и «О формальных особенностях», а в «Дополнении» исследуются рефлексы буквы “Ѣ”. Та часть, где помещаются тексты двадцати грамот, хранящихся в Государственном Древлехранилище в картоне № 1, носит название «Приложение».

Такое же отношение было у А. А. Шахматова и к двинским грамотам XV в., и соответственно строилась композиция книги: сначала – исследование, затем – тексты, с величайшей точностью переданные в издании, и в конце – фотоснимки некоторых грамот.

Исследованию двинских грамот отведено 140 страниц, текстам – 184. Издано 115 грамот, в Приложении I – 7, в Приложении III – ещё одна. В Приложении III автор сообщает, что “благодаря любезному содействию С. А. Пташицкого” он “получил фотографический снимок с грамоты № 86. Нелишним считаю перепечатать текст её ещё раз по этому снимку”. Снимок приводится в конце книги вместе со снимками грамот № 15 и № 24. Именно такой способ публикации памятников письменности, когда наборный текст сопровождается фототипическим воспроизведением, признаётся теперь лингвистами оптимальным.

Публикацию двинских грамот XV в. А. А. Шахматов сопроводил Указателем личных имён, встречающихся в грамотах № 1–115, и в грамотах, помещённых в Приложении (№ I–VII), а также Указателем географическим.

В первом указателе о людях сообщаются все сведения, которые можно почерпнуть из грамот (даются номера грамот). Приведём примеры:

Авдей, собственник в Тойнокурье (Арх[ангельский] мон[астырь]). Авдук: № 42, 46;

Акинфий, собственник на Косткове горе, отец **Софонтия** (Арх[ангельский] мон[астырь]): № 44 (ср. № 51);

Александр, дьяк, писец (Лод[омская церковь]): № 101;

Антон Кузьмин, свидетель (Чухч[енемская] вол[ость]): № 35;

Воляшь, сын игумена, брат Григория и Федота, собственник (Чухч. вол.): № 26;

Гаврилковская полоса земли, принадлежащая Гавриле Малафеевичу, а потом игумену Василию (Чухч. вол.): № 12;

Гаврилова земля (Чухч. вол.): № 22, 24, 25.

Есть в указателе и отсылочные статьи типа: **Георгий** см. Юрий.

По-видимому, А. А. Шахматов ориентировался на то, как издавали историки грамоты государственного значения, когда в подобные указатели включали имена реально существовавших и активно действовавших лиц, оставивших заметный след в истории страны.

Именной указатель, составленный по деловым документам (типа купчих, меновных и др. грамот), может отразить распространённость тех или иных имён в определённом месте, в том или ином общественном слое. С. И. Котков, рассмотрев на примере южновеликорусской письменности XVII в. вопрос о местном происхождении лиц, писавших деловые документы, предложил составлять указатели не личных имён к подобным текстам, а указатели писцов. Обычно большинство деловых текстов (особенно хозяйственных книг) анонимны, и выявить имена грамотных людей XVI–XVII вв. – это своего рода удача для лингвиста-источниковеда. К тому же, долгое время бытовало никем не оспариваемое утверждение, что московские чиновники, отправлявшиеся для переписи, например, местных земель и угодий, привозили своих писцов. Исследования С. И. Коткова, А. Г. Хабургаева и др. показали, что писцы в большинстве случаев были люди местные, что в регионах существовали целые династии писцов. Но кроме них были и другие грамотные люди, которые могли выступать в качестве свидетелей при оформлении документов и ставить свои подписи, т. е. могли “приложить руку”. Поэтому указатель писцов было решено разделить на две части: в первой давать список тех, кто писал тексты грамот или книг, а во второй – тех, кто “руку приложил”. Такими указателями оснащены публикации, осуществлённые под ред. С. И. Коткова «Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги» (1977), «Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край» (1984), «Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI – начало XVII в.» (1990), «Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и распросные речи» (1993).

Ещё одним доказательством того, что языковед А. А. Шахматов, с особой тщательностью и бережным вниманием к малейшим особенностям рукописей осуществивший издание грамот, принимал их как иллюстрации к своему исследованию, является отсутствие указателя слов, входящих в состав сформированного им промежуточного источника. В настоящее время (с 1969 г.) лингвистические публикации деловых текстов без указателя слов или слов и форм уже не выходят.

В своём исследовании А. А. Шахматов даёт широкий исторический, юридический, этнографический и, наконец, филологический комментарий ко всем тематическим группам лексики двинских грамот. Он изучил их как историк, как этнограф, как социолог, как юрист, хотя и есть у него оговорка, что он не специалист в этой (последней) области в главе II «Состав издаваемых актов». Указывая, что в публикацию входят купчие, выкупные, закладные, меновные, отдельные, рядные, судные и др. грамоты, он пишет: «Позволю себе сделать несколько замечаний о каждом из этих видов гражданских актов. Замечания эти принадлежат не юристу. В них, конечно, окажется много неточного и ошибочного. Тем не менее, я как издатель и исследователь, не мог не обратить внимание и на юридическую сторону изучаемых грамот» [Гр.Дв.: 21].

Как источниковед, он подробно рассматривает 9 составных частей купчей, а затем не менее подробно характеризует лексику и других видов грамот. Такая характеристика лексики не может быть определена как простое ознакомление с лексической содержательностью источника. Она даёт подробный историко-юридический комментарий к действиям, описанным в грамотах: сделкам купли-продажи, дарения, завещания, обмену, вкладам в монастыри и пр. В характеристике грамот перечисляются наименования участков земли, наименования действующих лиц с их правами, например, правом продавца, который часто оказывается и «стоящим у печати». Идёт речь и о правах наследников, которые, например, если захотят получить обратно землю, проданную в монастырь, должны будут заплатить в десять раз больше, – таковы условия одной из купчих. Рассматривая правовую сторону этих сделок, А. А. Шахматов помещает «Несколько замечаний о территории и населении» [там же: 30–61]. В этой части даются описания монастырей и церквей как «участников» юридических актов; описания социального состава населения, которые автор извлекает из текстов грамот; подробные сведения о формах землевладения. В этих замечаниях А. А. Шахматова приводятся пояснения к таким понятиям, как *село*, *двор*, *дворище*, *общее поле*, *обчиха* и др., а также – к наименованиям денежных единиц: *белы*, *бѣлки*, *куны*, *рубли*. Выявляется и их реальное соотношение: *кунь* равна 25 белкам. Автор отмечает и появление в XV в. «сравнительно новых («татарских») названий денежных знаков: *два рубля денег*, *полтина*» [там же: 60]. В результате его «несколько замечаний» превращаются в развёрнутое описание юридической лексики, когда определяется не столько филологическое значение слова, сколько его правовое содержание и функционирование. Следовательно, А. А. Шахматов выступает здесь не только как источниковед-лингвист, но скорее, как источниковед-историк и правовед. Его

исследование гораздо шире, чем предполагает лингвистическое источниковедение, когда речь идёт об описании и представлении лингвистической содержательности и информативности источника.

А. А. Шахматов выступает и как археограф. В некоторых местах исследования он возвращается к вопросу о том, где хранятся оригиналы грамот, кто, где и когда публиковал их, каково качество этих публикаций. Некоторые грамоты он переименовывает по указаниям других учёных или в соответствии с более ранними наименованиями. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть “длинный ряд поправок к изданным текстам, а также к примечаниям и указателю” [см.: Гр.Дв., ч. II, с. III–V].

Перед каждой грамотой А. А. Шахматов даёт подробное археографическое описание, включающее двенадцать позиций:

1. Название грамоты.

2. Место хранения подлинника.

3. Дата.

4. Описание ситуации отражённой в грамоте сделки и связь её с другими актами этой публикации.

Приведём описание, данное при грамоте № 6: “*Духовная схимника Федота Острохвоста*. Подлинник в Имп. Публ. Библ. Любопытно, что на обороте указан 6939 (1431) год, но указание это сделано позднейшею рукой. Общих с другими грамотами имён, кроме имени игумена Чухченемского игумена [так в изд., монастыря? – Л.А.] Василия нет. Впрочем, Фефилову землю надо, кажется, сопоставить с Фефиловою позже № 24, так как и та и другая земля на носу за озером (ср. № 12 и здесь слова: напротив на носу)”. [Гр.Дв., ч. II: 9–10].

5. К какой территории (волости) относится грамота: “Относится на [к?– Л.А.] Чухченемской волости. Вероятно, Федотова земля находилась на Курострове (напротив на носу); ср. «за рекою на носу на великом острове» № 12” [там же: 10].

6. Характеристика подлинника: “Подлинник писан на лоскуте пергамена длиною почти 3 и вышиною 1½ вершка” [там же].

7. Сведения о наличии печати: “От печати сохранилась только часть шнура” [там же].

8. Пометы на обороте грамоты: “На обороте имеются отметки: $\frac{3}{4}$ (зачеркнуто) № 37 ѣѣ ѣ ѣ по ко¹могору № 54. На обложке рукой А. Ф. Бычкова написано: около 1400” [там же].

9. Где ранее была напечатана грамота: “По подлиннику, как грамота XIV в., эта духовная напечатана во Врем. Общ. Ист. и Др. Росс. XVI, с. 19–20. Позднейший список в сборнике Архива Мин. Юст. № 14385 (1), гл. 216. [После этого номера главы А. А. Шахматов даёт указание на подстрочное примечание: “Там, на стр. 10, прочтено:

почнить”, тогда как в грамоте в 10-й строке написано иначе, что он и передаёт в своей публикации: “а хòì ìñññ ^èìàðè...” – Л.А.]. Из описи 1612 г., имеющейся в том же сборнике, видно, что в то время духовная хранилась в Чухченемском монастыре (л. 260 об.)” [там же].

10. Есть ли копии и где они хранятся: “Другая копия – в сборнике Троицкой Лавры № 532, гл. 37. Упомянется в акте 1611 года, копия с которого помещена в Пам. книге Никольской Чухченемской церкви («Духовная Федота схимника Острохвоста <...> а в котором году та духовная писана, и того не написано, печать у духовной свинчатая»). Также в описи 1615 г. (см. ту же Пам. книгу)” [там же].

11. Замечания по правописанию текста: “*Правописание*. В начале слов *q*, в середине *q*; в начале слога “, после согласных #; *o* в начале слов больше, чем в середине, *ï* имеет над собой две точки; пишется |; йотированное *g* обозначается буквой ~; над буквой *è* не после согласных обыкновенно две точки” [там же].

12. В этой позиции А. А. Шахматов указывает, по какому источнику печатается грамота. О грамоте № 6 сказано: “Печатается по подлиннику” [там же].

Грамота состоит всего из 14 строк, но ей предпослано обширное введение, в котором А. А. Шахматов помещает это исчерпывающее археографическое описание письменного памятника. Необходимо отметить, что все грамоты А. А. Шахматов передаёт древнерусской кириллицей, а свои примечания – гражданским шрифтом.

Задачу дать фототипическое воспроизведение грамот в издании А. А. Шахматов перед собою не ставил – поместил только 6 фотокопий в качестве иллюстраций. Тексты грамот, написанные полууставом, в наборном издании разделены им на слова и переданы буква в букву. В круглых скобках в самих текстах грамот он обозначил номера строк подлинника. Такая адаптация не затрагивает содержания текста и не искажает источник, а делает его доступным читателям и исследователям, не владеющим навыками чтения сплошного уставного, полууставного или скорописного текста.

Но А. А. Шахматов не останавливается только на издании грамот, он сам исследует тексты. Для него грамоты “заговорили” языком XV в. в процессе решения его основной задачи – по письменным памятникам воссоздать картину языка давнего времени, причём языка звучащего. Поэтому в главе IV «Исследование о языке двинских подлинных грамот» он на первое место выдвигает «правописание» и даёт большое исследование о соотношении звуков и букв, посвящая этому всю первую и вторую части главы. По записям в грамотах он находит слоговые и неслоговые гласные, дифтонги и трифтонги, рассматривает

согласные по способу артикуляции, корреляты по мягчѐнности – тѳвѳрдости и др.

Если смотреть с точки зрения категорий лингвистического источниковедения, то необходимо сказать, что А. А. Шахматов не только описал фонетико-орфографическую и лексическую содержательность источника, но постарался воспроизвести особенности двинского говора XV в. по орфографическим данным.

Что может извлечь лингвистическое источниковедение из работ А. А. Шахматова, посвящѳнных изданию письменных памятников делового характера? Сформированы промежуточные источники для изучения русского языка XIII и XV веков, обладающие высокой филологической достоверностью, так как рукописи переданы в издании с высокой точностью. Приведены обширные исследования разнообразных аспектов жизни и деятельности русских людей в это время. Издания новгородских и двинских грамот А. А. Шахматова ещѳ раз убеждают в том, что идеальной публикацией для лингвиста явилось бы параллельное воспроизведение текста наборным и факсимильным способом. Передавать же особенности рукописи в издании наборным способом необходимо с максимальным приближением к оригиналу, используя все буквы кириллицы, в том числе и не включѳнные в «гражданку» в 1708 г. Палеографические и археографические сведения – необходимый атрибут лингвистической публикации. О справочном аппарате издания в расчѳте на работу с текстами лингвиста (и в частности, лексикографа) А. А. Шахматов не говорит, хотя, как выяснилось позже, этот аппарат должен включать не столько географический и именной указатели, сколько указатель слов. Сами же исследования А. А. Шахматова двинских и новгородских грамот показали, какие разнообразные аспекты могут быть раскрыты учѳными разных специальностей при изучении рукописей делового характера и их изданий. Правила, сформулированные им при издании грамот, способствовали появлению в печати целого ряда деловых текстов в процессе формирования достоверных промежуточных источников.

16. Записи иностранцев как промежуточный источник по истории русского языка

С именем Б. А. Ларина лингвистическое источниковедение связывает введение в научный оборот промежуточных источников нового типа. Он изучал и публиковал рукописные источники, содержащие свидетельства о том, как *говорили* люди в XVI–XVII вв. Эти свидетельства Б. А. Ларин нашѳл в записях русской речи иностранцами и в 1937–1959 гг. опубликовал три таких рукописи. Источниковедческое и

лексикологическое исследование этих источников он представил в своей докторской диссертации.

В 1937 г. Б. А. Лариным была опубликована «Грамматика Г. Лудольфа» 1696 г., а в 1948 г. – «Парижский словарь московитов» 1586 г. Время и история развития науки показали, что эти публикации, как и изданный Б. А. Лариным же в 1959 г. «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса», являются важными этапами на пути к разработке теоретических основ лингвистического источниковедения и к практическому осуществлению подобных изданий учёными разных стран. Эти публикации переизданы в Санкт-Петербургском университете учениками Б. А. Ларина в одной книге: Б. А. Ларин. «Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков» в 2002 году. Характеризуя Б. А. Ларина как учёного, Д.С. Лихачёв писал: “Все его исследования проникнуты заботой о будущем науки, говорят о задачах изучения, дают примеры и образцы для аналогичной разработки близких тем” [Лихачёв 1959: 9].

Работы Б. А. Ларина открыли путь публикациям источников, содержащих записи русской речи иностранцами в XVI–XVII вв. В 1970 г. в Копенгагене вышел в свет «Псковский разговорник» 1607 г. Т. Фенне (Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607. / Ed. by L. L. Hammerich, R. Jakobson, E. van Schooneveld e. a. Vol. I. Faksimile Copy. – Copenhagen, 1961; Vol. II. Transliteration and Translation. Editors L. L. Hammerich, R. Jakobson. – Copenhagen, 1970). В 1984 г. издан «Венский немецко-русский словарь» XVII–XVIII вв. Г. Биркфельнера (Teutscher und Reussischer Dictionarium (Dictionarium Vindobonense). Das Wiener deutsch-russische Wörterbuch (Cod. Conv. FF. Minorum Vindobonensis XVI). Herausgegeben und eingeleitet von Gerhard Birkfellner. – Berlin, 1984). В 1989 г. закончила свою работу над Словарём И. Г. Спарвенфельда в Упсале У. Биргегорд («Lexicon Slavonicum» edited and commented by Ulla Birgegord. Vol. I–III. – Uppsala, 1987–1989). Анонимный русско-немецкий разговорник издан А. Фаловским (“Ein Rusch Boeck...” – ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert. Hrsg. von A. Fałowski. Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reine B. Neue Folge. Band 3(18). – Köln, Weimar, Wien. 1994). В 1997 г. в Кракове издан русско-немецкий разговорник середины XVI в. Томаса Шрове (“Einn Russisch Buch” Thomasa Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Część II. Transliteracja tekstu. Indeks wyrazów i form rosyjskich. / Opracowali Anna Bolek, Halina Chodurska, Adam Fałowski, Jolanta Kunińska. Pod redakcją Adama Fałowskiego. – Kraków, 1997), фототипически опубликованный коллективом учёных под руководством проф. В. Ч. Витковского в 1992 г.

Б. А. Ларин первым в отечественной русистике дал всестороннюю оценку подобных памятников и ввёл их в круг источников по историческим дисциплинам: лексикологии, лексикографии и диалектологии. Он писал: “Для нас все такого рода книги представляют первостепенной важности источник по истории языка, культуры, быта – наряду с памятниками художественной литературы, с одной стороны, и историческими документами – с другой” [Ларин 2002: 512].

«Русская грамматика» Г. В. Лудольфа была опубликована в серии «Материалы и исследования по истории русского языка. Ч. I» в Ленинградском НИИ языкознания при ЛИФЛИ. Это издание было осуществлено через 240 лет после выхода в свет в 1696 г. в Оксфорде. Генрих Вильгельм Лудольф, широко образованный выходец из саксонского бюргерства, посетил Россию в 1693 г. (может быть, в 1692 и 1694 гг.). Приступая к своему труду, он писал: “Полагаю, что моя попытка составить начальное руководство по русскому языку, – насколько возможно это в деле никем ещё не испытанном, – послужит общей пользе. И те, кому необходимо отправиться в Московию по политическим или по своим частным делам, не останутся впредь без всякого пособия для изучения разговорного языка этой страны. В России есть не одно издание Славянской грамматики, но для иностранцев она мало пригодна. Она написана, главным образом, для русских, изучающих славянский язык” [там же: 602].

Г. В. Лудольф решил так передавать на письме русские слова латинскими буквами, чтобы они отражали именно те звуки, “какие слышатся в произношении, чтобы книга послужила на пользу тем, кто хочет научиться разговорному русскому языку” [там же: 603].

Книга Г. В. Лудольфа в первой части содержит грамматику разговорного языка разных слоев общества, но преимущественно господствующего класса. Вторую её часть составляют записи, отражающие религиозные споры того времени, диалоги на разнообразных бытовых темы, сведения, говорящие о некоторых русских обрядах и т. п. Эти диалоги – памятник исключительный по своему жанру, имевший для иностранцев практическое назначение. В книге выдержан тематический план диалогов, реалистичных и точных по языку [см.: Ларин 2002: 511]. Б. А. Ларин определяет жанр книги Г. В. Лудольфа как занимающий промежуточное место между научной, учебной и художественной литературой. Эта «Грамматика» была переведена с латинского на французский, немецкий и английский языки. В Библиотеке Академии наук хранятся три экземпляра этой книги на латинском языке.

Существуют упоминания о более ранней книге такого рода, но «Грамматика» Г. В. Лудольфа остаётся “первым учебником русского языка для европейцев <...> первой научной грамматикой русского

языка”, – считает Б. А. Ларин [там же: 512]. “Верные взгляды Лудольфа на языковые отношения Московской Руси XVII в. не только поражают своей исключительностью на фоне лингвистической литературы того времени, но имеют большое значение для построения точной и достоверной истории русского языка, как авторитетное свидетельство учёного и умного современника” [там же: 513].

Относительно способа издания Б. А. Ларин пишет, что он дал фототипическое воспроизведение нескольких фрагментов изданной Лудольфом книги; сохранил своеобразие пунктуации, но ввёл прописные буквы в начале каждой реплики в диалогической части. В переводе с латинского со всей возможной точностью он передал смысл текста, стараясь сохранить и его возвышенный стиль, но исправлял опечатки, оговаривая эти исправления в сносках. Орфография в русском тексте выправлена, но в латинском тексте воспроизведена точно. “В немногочисленных и кратких примечаниях я пояснил то, что потребовало бы справок или вызвало бы недоумения у подготовленного читателя. Чтобы сделать эту книгу широко доступной, надо было бы издавать её вовсе без латинского текста и со сплошным почти комментарием, – но в этом пока нет нужды”, – писал Б. А. Ларин в Предисловии [там же].

В России во времена Г. В. Лудольфа и позднее его книгу или не знали или не оценили по достоинству. Автора упрекали за то, что книга наполнена выдержками из «Грамматики» Мелетия Смотрицкого. Только С. Булич написал в диссертации «Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке» [СПб., 1893: 57–63], что Лудольф “является первым учёным, отличившим великорусский язык от церковнославянского и обратившим внимание на их разницу в написанной им грамматике живого великорусского языка <...> Точность, меткость и глубина целого ряда никем не оспариваемых утверждений Лудольфа заставляют с большей серьёзностью, с доверием отнестись и к остальным его показаниям, и к тем, которые кажутся сомнительными” [Ларин 2002: 523].

Г. В. Лудольф отметил важную словообразующую и формообразующую роль глагольных приставок, установил три времени у русского глагола, одно повелительное наклонение и одно сослагательное, “констатировал отмирание двойственного числа в склонении и спряжении, совпадение формы звательного падежа с именительным <...> сделал первую попытку собрать русские безличные глаголы” [там же: 527].

В статье 1937 г. С. П. Обнорского «Русская грамматика Лудольфа 1696 года» проведён тщательный анализ всех компонентов книги, существовавшей тогда ещё в оксфордском издании. В ней отмечены черты литературного языка, церковно-книжные, диалектные и просто-

речные элементы. Естественно, нормативной грамматикой, по мнению автора, её считать нельзя. Но С. П. Обнорский определил её назначение и дал верную оценку этого труда: “Встречаясь с представителями разных диалектных групп, Лудольф, острый наблюдатель, неизбежно схватывал и аккуратно регистрировал самые разнородные элементы диалектной речи, в которых, однако, разобраться, нормальны ли они или непозволительны для литературного употребления, он не мог, да и не признавал такую для себя аналитическую работу нужной, полагая с точки зрения своих интересов все эти материалы равноценными как данные живого русского языка” [Обнорский 1960: 161]. Почему-то Б. А. Ларин считал, что в его статье содержится отрицательная оценка «Грамматики» Г. В. Лудольфа [см. Ларин 2002: 526].

В статье С. И. Коткова проявляется источниковедческий подход: автор уделил внимание рассмотрению употребления редуцированных *ъ* и *ь* в «Грамматике» Г. В. Лудольфа, степени отражения в ней московского говора. Автор считает, что она была написана скорописью и является ценным пособием для изучения истории русского языка [см.: Котков 1976].

В своей публикации Б. А. Ларин помещает латинский текст издания 1696 г., в подстрочных примечаниях отмечает приведённые в книге Г. В. Лудольфа и замеченные им самим опечатки с указанием страниц, а затем даёт свой перевод этой «Грамматики». Многолетняя археографическая и лингвистическая работа над «Грамматикой» позволила Б. А. Ларину поместить в издании два Приложения. В первом он пишет о подносном экземпляре Петру I с перечнем военных терминов под заглавием «Война к миру дорога», которых нет в «Грамматике» Г. В. Лудольфа. Б. А. Ларин приводит это добавление полностью. Во втором Приложении издатель даёт оценку книге И. Копиевича 1706 г. «Руководение в грамматыку во Славенороссийскую или Московскую», хранящейся в ОР РНБ, и выписывает из неё восемь приведённых на латинском и русском языке диалогов – для сравнения с диалогами Г. В. Лудольфа.

В следующей части даны Примечания Б. А. Ларина, относящиеся ко всей книге Г. В. Лудольфа и имеющие культурно-историческую направленность. Приведём некоторые из них:

“1. К выходному листу. Шелдонов театр – одно из зданий Оксфордского университета, построенное епископом Кентерберийским Жильбертом Шелдоном (G. Sheldon, 1598–1677) в 1669 г. для университетских актов и представлений, а потом вместившее в себя типографию Оксфордского университета. Изображение фасада Шелдонова театра стало в XVII–XVIII вв. маркою изданий Оксфордского университета. Я воспроизвёл его на снимке выходного листа, табл. 1”

[там же: 640]. Во втором примечании Б. А. Ларин помещает автограф Г. В. Лудольфа, его посвящение книги профессору Вольтэмагэ, пишет о своих поисках свидетельств об этом профессоре и об отрицательном результате этих поисков. В третьем примечании говорится о посвящении книги Б. А. Голицыну, о свидетельствах И. Корба и французского шпиона де ла Невилля о Голицыне. Далее даются пояснения к отдельным страницам книги. Всего 19 примечаний.

Но самым ценным для лексиколога и лексикографа-историка является составленный Б. А. Лариным «Указатель русских и церковнославянских слов, встречающихся в книге Лудольфа». Указатель опубликован по современному русскому алфавиту. Для частотных слов указаны наиболее важные места (не все). Слова, встречающиеся только в цитатах из священных книг, помечены буквой “ц”. Все слова в Указателе даны в начальной форме, но если у Г. В. Лудольфа нет исходной формы, то слово даётся в той, которая встретилась в тексте. Это касается редких слов. Фразеологические сращения и терминологические соединения приводятся без восстановления исходных форм, например, *челом бью*. В прямых скобках помещены все добавления, сделанные Б. А. Лариным. В ссылках указана пагинация книги Г. В. Лудольфа, а не переиздания. Видимо, в 1937 г. Б. А. Ларин готовил к публикации этот источник, принимая во внимание задачи, связанные с работой над «Древнерусским словарем XV–XVIII вв.». Заметим, что авторы издания трудов Б. А. Ларина 2002 г. составили «Сводный словоуказатель», в котором отмечают, в каком из трёх источников встречается слово.

«Парижский словарь москвитов» 1586 г. Б. А. Ларин называет второй частью своей докторской диссертации (далее – ПСМ). Она состоит из краткого «Введения», «Истории Словаря москвитов», «Анализа текста», за которым следуют «Текст и комментарии», «Указатели» и «Приложение», включающее четыре листа ротокопий рукописи Парижской национальной библиотеки № 844 в 1,5 натуральной величины, дающие представление об оригинале памятника.

В главе «История Словаря москвитов» рассказывается о возможном его авторе (капитане Жане Соваже из Дьеппа и его спутниках – купцах Коласе и Дю-Ренеле), о времени пребывания одного из первых французских кораблей летом 1586 г. в устье Северной Двины, где находился Николо-Корельский монастырь. Рукопись, как предполагает Б. А. Ларин, была отослана в Париж Ж. Соважем 20 октября вместе с отчётом о его плавании. Королевский космограф Андрэ Тэве “в том же 1586 г. включил переработку этого словаря в свой труд *Grand Insulaire*, выдавая его за своё произведение” [Ларин 2002: 24–25]. Роль А. Тэве в работе над рукописью Словаря москвитов Б. А. Ларин оценивает от-

рицательно: он не только перемещал словарные статьи, располагая их по первой букве первого слова, добавлял французские фразы без русского перевода, но и допускал многочисленные искажения первоначального текста из-за незнания русского языка.

В 1905 г. Поль Буайе издал этот словарь по списку Андрэ Тэве. Варианты из этого списка в качестве доказательства Б. А. Ларин приводит в подстрочных примечаниях к опубликованному им другому списку – рукописи Парижской Национальной библиотеки из собрания Дюпюи № 844. Этот список “хуже той копии, какою пользовался А. Тэве; в нём есть несколько пропусков (6–7 статей), есть описки <...> Однако, – пишет далее Б.А. Ларин, – число посредствующих списков едва ли может быть больше одного-двух, т. к. оба сохранившиеся списка относятся, по-видимому, к 1586 или 1587 году, а таких искажений, какие указывали бы на значительное удаление от оригинала, в них нет” [там же]. С помощью обоих списков Б. А. Ларину удалось разобрать испорченные места, путаницу французских и русских соответствий, дать правильную реконструкцию первоначального текста.

С воеводой Архангельской крепости французы объяснялись через переводчика, именно здесь и была особая трудность, отразившаяся в ПСМ. По мнению Б. А. Ларина, “купцы (или их переводчики) могли знать английский или голландский язык, а уж с этого языка переводил русский толмач <...> Этот двойной перевод французских вопросов и объясняет нам большое количество семантических отклонений русского перевода от французских вопросов, фраз, слов, какими начинается каждая строка этого разговорника” [там же: 25–26].

Относительно того, как и с какой целью составлялся ПСМ, Б. А. Ларин пишет: “Значительная часть Словаря москвитов состоит из ответов на вопросы, объединённые в тематические группы, отвечающие нуждам торговли и официальных сношений; по-видимому, эти циклы фраз и наименований подготовлялись заранее, и лишь в дополнение к ним, между ними, вписывались случайные слова и фразы, не предусмотренные программой торгового разговорника” [там же: 26]. Так, среди напитков появляется не имеющее эквивалента во французском языке слово *мед* (*medou* – № 30), между названиями лошади, быка, коровы, козла, волка, медведя, предусмотренными программой, вписывается название лося (*ung cerf* – № 77), а между названиями пряностей – *моржовы кости*, *кость рыбы*. Такие явления позволяют “уверенно связывать эти записи с определённой диалектной средой” и утверждать, что словарь составлен “в устье Северной Двины, в Новых Холмогорах, на месте ещё не построенного тогда Архангельска” [там же].

В разделе «Анализ текста» Б. А. Ларин помещает раздел «Восстановление оригинала». Филологическая критика и реконструкция

необходимы для того, чтобы далеко не исправный текст двух списков ПСМ стал “общедоступным и чтобы можно было использовать его для истории” [там же: 27]. Издатель приводит факты совпадения скорописных букв в латинице, объясняет замену **g** через **o**, **y** через **cq** или **s** и др. [см. с. 27], отмечает пропуски и перестановку слогов и букв, случаи гаплографии и диттографии и т. п. [см. с. 28].

Во втором разделе «Приёмы записи русской речи» подчёркивается трудность предварительной разработки такого источника, как запись русской речи иностранцами. Отклонения от прямого и адекватного изображения русского языка обусловлены, как пишет Б. А. Ларин, “естественным и неизбежным преломлением впечатлений от чужой и неосвоенной речи сквозь призму норм родного языка” [там же: 29]. Не могли не проявиться навыки французской орфографии, хотя записи свидетельствуют о знакомстве составителей ПСМ и с другими орфографическими системами. “В подавляющем большинстве случаев средства французской орфографии были совершенно достаточны для записи русской речи. Но встречаясь с такими элементами, для которых не оказывалось никакого соответствия во французском языке, составители словаря обращались к знакомым им системам письма: английской и немецкой” [там же: 31]. Так, для русского ÷ использовалось английское сочетание **ch**, для **ō** – немецкое **h** и **ch**, для **ö** – **cz** и др. Иногда одна и та же графема использовалась для передачи нескольких русских звуков: так, сочетанием **ch** передавались **ø**, ÷, **ñ'**, **ñ**, **ō**, **ê**, **æ** [там же].

Отмечая верный слух и находчивую передачу диалектных особенностей северной русской речи средствами французской орфографии, Б. А. Ларин посвящает “недослышкам и ошибкам записи” особый раздел, объясняя их некоторым ослаблением внимания записывавших, а также особенностями речи говоривших. Таковы, в частности, конечные заударные слоги, артикуляция которых в русском языке бывает ослабленной.

Лексические и грамматические данные ПСМ детально разрабатываются Б. А. Лариным в двух следующих разделах. Особый раздел назван «Состав лексики». В нём приведены несколько перечней слов, употреблённых в ПСМ. В первом перечне – слова, засвидетельствованные в древнерусской письменности с XI–XII вв., во втором – документированные XIII веком, в третьем – XIV веком, в четвёртом и пятом – XV веком, в шестом – XVI веком. Слова этих списков имеются либо в «Материалах» И. И. Срезневского, либо в Картотеке ДРС. После шестого списка Б. А. Ларин пишет: “Все остальные слова, записанные в Словаре московитов 1586 г., могут быть датированы XVI в. только по свидетельству этого источника, так как отсутствуют в «Материалах» Срезневского, а в картотеке Исторического словаря

АН СССР [ныне Картоoteca ДРС – Л.А.] представлены позднейшими источниками” [там же: 55]. Два последних списка – это слова «Парижского словаря московитов», которые подтверждаются источниками XVII и XVIII веков. Все эти данные сведены Б. А. Лариным в таблицу «Состав Словаря московитов в сравнении с другими источниками (хронологическая таблица)», которая содержит и статистические данные: 72 процента слов ПСМ засвидетельствованы ранее XVI в., а 12 процентов документируются этим словарём впервые.

Наряду с разделом «Социологическая характеристика», посвящённым территориальному и тематическому описанию лексики словаря, в источнике есть раздел, названный «Семантическая перспектива», содержащий “положения для исподволь подготовляемой русской семасиологии” [там же: 59]. В нём отмечены “древние значения слов, какие забыты или отошли в сферу пережиточных реликтов современного языка” [там же]. Приведём несколько примеров:

“**Жито** (446) – имеет здесь ещё общее значение ‘зерновые хлеба’, как в древнейших русских текстах. Теперь это слово осталось только в диалектах, но лишь как частное обозначение одного вида (либо ржи, либо ячменя и т. д.). Некоторые слова застигнуты Словарём московитов на переходном, промежуточном этапе между древнейшим и современным значением”...

“**Ябетник** (559) – когда-то: ‘помощник судьи, тиуна, его спутник при объезде волости, осуществлявший привод ответчика, исполнение судебного решения’, в Словаре московитов означает уже ‘обвинителя на суде’, а скоро этим словом будут именовать ‘клеветника, доносчика’. Первые примеры такого употребления этого слова относятся к тому же XVI веку”...

«**Деревня** (204, 597) – уже не значит ‘росчисть из-под леса для пахоты’, но ещё не значит и ‘мелкий населённый пункт (без церкви, без волостного правления)’. В нашем словаре оно означает и ‘посад’ и ‘посёлок’».

«**Мудрец** (321) – объяснено здесь посредством ‘алхимик’...

Стрелец (564) – уже не ‘лучник, стрелок’, а ‘рядовой постоянного московского войска, вооружённый пищалью и копьём’...

Стрельба (575) – объяснено посредством ‘артиллерия’» [там же: 57–60].

Здесь в сжатом виде Б. А. Ларин дал в некоторых случаях историю слова, а в других не только констатировал значение слов в конце XVI в., но и отметил точно документированные случаи вхождения в язык иностранных слов (*алхимик, артиллерия*).

Особую часть образует раздел «Текст и комментарии» – наборная публикация текста «Парижского словаря московитов» (по списку

№ 844) с подстрочными примечаниями по списку А. Тэве, с переводом и комментариями Б. А. Ларина. В разделе «О приёме издания текста» он пишет: “Я стремился к абсолютной точности издания, опуская только чисто графические особенности рукописи (сводя разные написания одной и той же буквы к одному печатному знаку)” [там же: 61]. Понимая, что для специалистов желательно было бы знакомство с подлинником, Б. А. Ларин предполагал “дать в приложении и фототипическое воспроизведение снимка с рукописи” [там же], но его нет, видимо, вследствие определённого состояния полиграфической базы в 1948 г.

В наборной публикации, – пишет Б. А. Ларин, – “перед каждой статьёй-фразой словаря [их всего 621 – Л.А.] мною вставлен её порядковый номер для удобства ссылок и розысков. В конце каждой словарной статьи я указываю в скобках страницу издания проф. Поля Буайе, где надо искать соответствующую статью *по другому списку*, положенному им в основу своего издания Парижского словаря” [там же]. В отделённых от текста ПСМ горизонтальной линией примечаниях из списка Т (А. Тэве) “жирным выделены те варианты <...> которые помогают восстановить текст оригинала, давая более исправное чтение, чем основной список” [там же]. Отсутствие варианта означает совпадение словарной статьи в обоих списках. Дополнения, сделанные А. Тэве, приводятся под литерными номерами в примечаниях.

Основную часть издания Б. А. Ларина занимает комментарий, отделённый на каждой странице от примечаний ещё одной горизонтальной линией. Б. А. Ларин говорит об этом кратко: “После вариантов приводятся примечания, иногда исправляющие путём конъектур текст издаваемого списка словаря. С основным текстом издания эти примечания связаны номерами статей словаря. Тут же приводятся мои пояснения, справки исторического порядка, текстуальные параллели, приводимые мною в большинстве случаев по материалам картотеки Древнерусского словаря АН СССР” [там же].

Анализ лексики, проведённый Б. А. Лариным, показал, что в ПСМ зафиксированы как новые слова (*разнастать* – с. 66), так и новые значения уже известных слов: *смирный* в знач. ‘целомудренный’ – та девица смиренная [там же: 70].

Давая оценку «Парижскому словарю московитов», Б. А. Ларин писал: “Этот словарь ценен уже потому, что мы не знаем другого более раннего источника такого значительного объёма по русскому разговорному языку” [там же: 5].

Ко времени защиты докторской диссертации (1947 г.) Б. А. Лариным была проанализирована ещё одна рукопись, составляющая единый жанр с ПСМ, – «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.)», издать который ему удалось только в 1959 г.

Здесь Б. А. Ларин подробно описал метод своей работы над графикой и орфографией словаря. Как и при работе с ПСМ, ему приходилось заниматься именно реконструкцией тех слов, которые были записаны с помощью сложной системы графических сочетаний букв латинского, греческого и русского алфавитов.

В этой публикации Б. А. Ларин разделил страницу на три колонки. В первой дал подлинный текст Словаря-дневника, во второй – свой перевод слов и комментарии к ним Р. Джемса, а в третьей привёл в русской орфографии то слово, которое Р. Джемс записал в Холмогорах в начале XVII в. Такими приёмами в процессе подготовки рукописи к изданию Б. А. Ларин создал особый источник, относящийся к промежуточным, который отражает не только текст подлинника, но и его прочтение и осмысление, а также сложный анализ, проведённый публикатором. Таким образом, Словарь-дневник подготовлен для исследования русского разговорного языка начала XVII в. А чтобы исключить сомнения будущих исследователей, которые могут заподозрить в своеволии при прочтении и переводе, Б. А. Ларин даёт фототипическое воспроизведение текста по фотокопии подлинника, хранящегося в Бодлеанской библиотеке Оксфорда. Сам он описал старохолмогорский говор и особенности фонетики этого источника. Издание, включающее и фотокопию текста подлинника и его наборное воспроизведение, считается у языковедов-историков оптимальным. Б. А. Ларин первым сформировал подобный источник и осуществил его издание и исследование в 1959 г.

Каждая из трёх публикаций снабжена указателем слов, включающим лексемы в современном алфавитном порядке. Историко-лингвистические комментарии Словаря-дневника, сделанные Б. А. Лариным, так же подробны, как и в «Парижском словаре москвитов».

В Словаре-дневнике Ричарда Джемса есть «Приложения», в которых отражена история первой попытки публикации этого Словаря-дневника, предпринятая в 1897–1904 гг. искусствоведом П. К. Симони [с. 322–335]. У него был, по его мнению, сомнительный список, который нельзя было принять за достоверную копию труда Р. Джемса. Только полная фотокопия, запрос о которой был послан Б. А. Лариным в Англию в 1934 г., позволила осуществить этот замысел.

Три источника, являющиеся записями русских текстов иностранцами, которые опубликовал Б. А. Ларин, позволяют исследовать устную речь русских людей XVI–XVII вв., чего невозможно сделать по письменным памятникам, созданным по правилам русской орфографии.

Оценивая публикации, осуществлённые Б. А. Лариным, рассматривая их с позиций лингвистического источниковедения, следует признать большой удачей, что за этот труд взялся учёный такой обра-

зованности и эрудиции, которого увлѣк титанический труд и оказался ему по силам. Сомневаться в достоверности этих источников нет причин. Благодаря работе Б. А. Ларина русская историческая наука о языке имеет редкостные источники – записи русской “звучащей” речи иностранцами. Сами же публикации текстов, сопровождаемые уникальным справочным аппаратом, предоставляют такие возможности для исследователей, какие никогда бы не открылись, имей мы простое воспроизведение текстов фототипическим способом, который отдельные издатели всё же считают единственно возможным и достаточным для лингвистических исследований. Заглядывая в будущее, Б. А. Ларин написал: «Лингвистическое, историческое и сравнительное изучение обработанных мною источников – дело дальнейших исследований» [Ларин 2002: 7].

Более чем через полвека после первой публикации, вслед за Б. А. Лариным пошли другие учёные, издающие аналогичные памятники письменности, которые постоянно используют при работе над словарными статьями авторы «СлРЯ XI–XVII вв.». Однако Б. А. Ларину в конце 40-х годов XX в. со стороны коллег были адресованы, мягко говоря, упреки за изучение и обнаружение этих источников.

17. Б. А. Ларин о “сомнительных источниках” и об историческом словаре русского языка

Защитивший докторскую диссертацию 3 апреля 1947 г., профессор Ленинградского университета, член-корреспондент Украинской академии наук, академик Литовской академии наук, Б. А. Ларин оказался виноватым в космополитизме из-за того, что опубликовал «Грамматику» Г. В. Лудольфа (1937) и «Парижский словарь московитов» (1948), которые были названы источниками “сомнительными”, а поступок Б. А. Ларина – “антипатриотическим”.

11 мая 1949 г. в газете «Культура и жизнь» появилась статья «За передовое советское языкознание». Учёный совет ИЯМ и ЛО ИРЯ собрался на открытое заседание. В выступлениях Е. А. Бокарева и Ф. П. Филина прозвучала критика в адрес И. И. Мещанинова и Б. А. Ларина. Приведѐм отрывок из стенограммы Протокола заседания 28–29 июня 1949 г. Учёного совета Института языка и мышления и Ленинградского отделения Института русского языка, хранящейся в Московском отделении Архива РАН и посвящённой обсуждению этой статьи.

Е. А. Бокарев говорил: “Антипатриотический характер носит преклонение проф. Б. А. Ларина перед сомнительными в научном отношении свидетельствами иностранцев о русском языке прошлого. Широко представлена в работах по русскому языку апологетика доре-

волюционного либерально-буржуазного языковедения. Это мы видим в работах проф. Булаховского, Истриной и др.” [Стенограмма: 127]. Более конкретно развивал эту мысль Ф. П. Филин: “Ошибки космополитического характера, с моей точки зрения, допустил Б. А. Ларин в ряде своих работ, в которых он преувеличивал роль иностранных источников о русском языке. Я тут мог бы сослаться на такие работы Б. А. Ларина, как «Парижский словарь москвитов 1586 г.», «О записях иностранцев как источниках по истории русского языка», «Три иностранных источника по истории русского языка XVI–XVII вв.»” [там же: 145]. Поясним: последнее – название докторской диссертации Б. А. Ларина. Третьим источником был «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса», который Б. А. Ларин смог издать только в 1959 г., но в диссертации имеется исследование этого памятника по фотокопии.

В Стенограмме совещания есть и ответ Б. А. Ларина: “Ф. П. Филин предложил мне высказаться подробно по вопросу об иностранных источниках. Я считаю, что это нужно сделать, т. к. в том, что было сказано по этому вопросу, не столько сделано что-нибудь для ясности вопроса, сколько поднята нездоровая муть вокруг него. Прежде всего, исходный общий вопрос: нужно ли, законно ли, можно ли пользоваться иностранными источниками, представляют ли они ценность? Едва ли для серьёзного учёного, а не для какого-нибудь шарлатана или клеветника, представляет какие-нибудь сомнения вопрос о ценности и важности иностранных источников.

Для каждого русиста, как известно, огромной важности исследования Марра по вопросам палеонтологии и генезиса славянских и особенно русского языка сосредоточены в V томе. Но том открылся рядом статей по скифскому вопросу. Они основаны на анализе сведений Геродота, т. е. на исследовании иностранных источников. В отличие от своих предшественников Марр указал, что Геродот является источником не сомнительным, не лживым, не баснословным, не вздорным, а достоверным источником огромной важности. И другие работы, скажем, в этом же роде – легенда о Киеве и армянская легенда, статья, посвящённая хазарским источникам и т. д. основаны на широчайшем привлечении широкого и значительного круга иностранных источников. Значит, дело не в иностранных источниках. Дело в том, как и для чего они используются, как они оцениваются, в методе работы над ними. Здесь, конечно, возможны ошибки на каждом шагу.

Мне инкриминируется переоценка иностранных источников, инкриминируется и то, что источники, привлечённые мной, сомнительны, что я ввожу в заблуждение читателя, утверждая, что они имеют большую ценность.

Начну с последнего вопроса. Сомнительными источники, которым посвящены мои работы, не являются, или давайте точно договоримся, что значит слово сомнительный. Если дело идёт о том, что в любом исследовании любого учёного не всё является убедительным и бесспорным, есть какие-то детали, какие-то вопросы, которые вызывают сомнения у читателя, тогда, конечно, моя книга, как и любая другая, содержит в себе много таких частных, которые вызывают большие сомнения у читателя, и вовсе не обязательно со мной соглашаться и признавать, что всё, что я написал, верно. На это никто и никогда, конечно, не претендует. Таких сомнительных мест в моей книге может быть очень много, но это несколько не делает источник сомнительным, сомнительным в этом случае является мой комментарий.

Можно говорить о сомнительности в другом смысле. Каждый источник представляет огромные трудности, и чем он более древний, тем более сложный. Иностранные источники значительно труднее своих, туземных источников. Сомнительных мест много и в летописях и в Русской Правде (в третьем смысле сомнительных, т. е. неясных, загадочных, представляющих огромные трудности для окончательного истолкования). В этом смысле опять-таки и в тех иностранных источниках, которыми я занимаюсь, немало таких очень трудных мест, но и это не делает их и не позволяет называть сомнительными. В этом смысле они несколько не более сомнительны, чем значительная часть русских источников.

Но есть ещё смысл, который, по-видимому, имеет в виду инициатор этой квалификации, когда говорит о сомнительной репутации человека, о сомнительном душе вокруг какого-нибудь происшествия. Этот смысл я категорически отрицаю, — сомнительного в смысле недоброкачества, вредности и т. д. ничего нет в этих источниках.

Теперь о преувеличении ценности этих источников. Я наперёд скажу, что здесь я виноват, я несомненно допустил немалую ошибку, но всё-таки давайте точно установим, в чём ошибка и какова она, потому что в Москве была процитирована (и это говорил Ф. П. Филин) одна фраза из моей работы. Вырванная фраза, конечно, может быть всяко истолкована. Ф. П. совершенно правильно сказал, что из этого могут быть сделаны дальнейшие выводы в сторону космополитизма. Можно делать выводы, но если читать небрежно и вырывать из контекста. Той фразе, которая была процитирована, предшествует другая, и для верного понимания надо напомнить и вторую: “Иноземные источники не имеют никаких преимуществ перед туземными, когда они содержат данные о литературном языке. Даже те немногие из них, которые искусно составлены и точны, беднее, оспоримее в этом случае, чем прямые русские источники. Драгоценны для нас свидетельства

иностранцев о разговорном языке, т. к. он почти не отражён в древнерусской письменности, прежде всего в силу постоянного осознанного противоположения книжного языка, осенённого высоким авторитетом религии, мирскому просторечию”.

Далее приводится перечень многих иностранных источников, которыми до меня занимались многие учёные, и каждый раз я подчёркиваю, что эти источники для истории русского языка ценности не представляют. Но три источника, которые я выделил среди множества других, я считаю важными и ценными, и о них я сказал, что мои многолетние поиски <...> позволяют мне утверждать, что эти свидетельства иностранцев о русском языке при должной критической обработке дадут несравненно больше для реконструкции диалектов XVI–XVII вв., чем памятники московской письменности той эпохи.

Следовательно, не то, что мне приписывается – что все русские источники ничего не стоят по сравнению с иностранными и что три иностранных источника дают неизмеримо больше, чем все остальные для истории русского языка. Я утверждаю, что для истории разговорного языка, которая у нас ещё не писана и не начата, русские источники дают чрезвычайно мало.

В этой статье довольно подробно дан обзор того, что можно извлечь из русских источников. Иностранные источники, даже скудные и немногочисленные, дают очень много. Это моё утверждение. И конечно, здесь есть некоторое преувеличение, есть неудачные, неточные, неряшливые формулировки, неполнота, беглость; излишняя образность формулировки является если не абсолютно, то в большинстве случаев ошибкой и ведёт к дурному пониманию и к дурным выводам, дурному использованию всякого такого положения. Тут я согласен с Ф. П. Филиным, что можно из плохой формулировки, которая представляет научную ошибку, сделать далеко идущие большие политические выводы, которые сведут на нет всю небольшую ценность, которая, может быть, и оказалась бы в работе, если бы формулировка была совершенно точна. Здесь вины своей я не могу не признать, но должен сказать, что не в этой статье, написанной за 4 года до того, как была опубликована соответствующая часть моей диссертации, а именно в диссертации нашло полное развитие и полное выражение моё отношение к иностранным источникам. Кто не поленился прочесть хотя бы вышедшую вторую книгу, тот знает, что вся ценность иностранных источников в этом исследовании определяется целиком соответствием русскому материалу, широкой сетью параллелей из русских источников. Следовательно, более точная формулировка для определения ценности иностранных источников должна была бы звучать так, что сами по себе чрезвычайно неточные, чрезвычайно неудовлетворительные,

эти источники при использовании огромного числа надлежащих параллелей из древнерусской письменности и современных народных говоров, дают такой результат, которого не может дать исследование одних только русских источников.

Это тоже нуждается в некотором ограничении не по отношению ко всем категориям разговорной речи, но в известной части состава разговорной речи. Таким сравнительным методом, именно привлечением огромного количества русских источников, добываются очень ценные результаты.

Если и этот итог, если и этот метод работы над иностранными источниками вызывает сомнения, то я не понимаю своих ошибок, я должен это прямо признать.

Но существенно не то. Гораздо более существенные, мне кажется, недостатки указаны выступавшими сегодня товарищами, когда они говорили о чрезвычайном отставании разработки русского языка, о совершенно недостаточном проявлении и применении в разработке русского языка идей и методов нового учения о языке. Известно, что я много лет отдал работе над историческим словарём русского языка. Началом этой работы, попыткой её теоретического осмысления был «Проект древнерусского словаря», как тогда было признано на повторяющихся трижды широких общественных обсуждениях этой книги. Этот «Проект» ставил на особые пути русскую историческую лексикографию. Ценность его заключается в том, что в нём в какой-то мере, может быть, недостаточной, но были использованы идеи и итоги разработки нового учения о языке. Эту работу теоретического осмысления методики исторической лексикографии я продолжал недостаточно энергично и углублённо, и тот продукт, который получился в результате, не вполне удовлетворяет меня, и возможно, не будет удовлетворять и широкий круг читателей. Вот здесь, в том, что теоретическое осмысление не велось достаточно энергично наряду с практической работой по словарю, в том, что вся работа по словарю велась несколько замедленными темпами – я вижу свою гораздо большую вину, чем та, о которой до сих пор шла речь; и если теперь работа над историческим словарём почти прекращается и, по намерению главного редактора [С. Г. Бархударова – *Л.А.*], насколько я могу его понять, вместо исторического словаря предполагается делать какие-то дополнения к Срезневскому в самом ветхозаветном духе (в чём я, конечно, участвовать не буду), то в этом тоже есть доля моей вины, и серьёзной вины. Однако сейчас же скажу, что я рассчитывал найти энергичную поддержку со стороны искренних сторонников нового учения о языке в том, чтобы словарь продолжался именно в начатом направлении, а не другом, прежде всего со стороны Ф. П. Филина. Я её не видел и не по-

лучил. В дальнейшем и на него ляжет тяжёлая ответственность за то, что исторический словарь, который мог бы быть большим достижением русской науки, превратился в позор <...>.

Я ничего не сделал пока ещё для освещения современного этапа развития народной речи в современный период жизни народа, и это, конечно, моя вина. Я слишком мало сделал, хотя кое-что сделал, и в разработке литературного языка советской эпохи, сделал неизмеримо меньше того, что надо было сделать. Я совсем не участвовал в работах по орфографии, орфоэпии, хотя учитель мой [акад. Л. В. Щерба – Л.А.] находил время для всех этих вопросов. Таким образом, счёт может быть предъявлен ко мне большой, и своё отставание, свои значительные недовыполнения в названных направлениях я не могу не признать, и это имеет большое отрицательное значение для развития русистской науки. [Московское отделение Архива РАН, ф. 678, оп. 4, № 14 б, л. 181–188. Протокол заседания Учёного совета ИЯМ и ЛО ИРЯз, посвящённого обсуждению статьи «За передовое советское языкознание», напечатанной в газете «Культура и жизнь» 11 мая 1949 г. Дискуссия 28–29 июня 1949 г.].

Материалы этой дискуссии приведены здесь для того, чтобы показать, что порой учёное сообщество было озабочено не поисками научной истины и оценкой проделанной исследовательской работы над малоизвестными рукописными источниками, а совсем иными, порой конъюнктурными соображениями. И легко было, не проявив искренней заинтересованности в рассмотрении результатов серьёзной научной работы, обвинить даже такого учёного, как Б. А. Ларин, в использовании «сомнительных» источников, в преклонении перед иностранцами и в антипатриотизме.

18. Комиссия по изданию памятников древнерусской литературы

Промежуточные источники (издания памятников письменности) содержат значительный материал, который склонны исследовать и историки, и лингвисты, и литературоведы. Сами же рукописи были предметом изучения наших корифеев, таких, как лингвисты А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, В. М. Истрин, историки С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, литературоведы Н. К. Никольский, Д. И. Абрамович, В. Н. Комарович, В. Ф. Ржига, исследователи церковной истории В. М. Верюжский, Н. Гальковский и др. Начиная с 30-х годов XX века эта практика была забыта. Было приостановлено издание рукописей. Но к этому времени уже существовало множество дореволюционных изданий рукописных текстов.

В течение XIX в., особенно во второй половине, было опубликовано много письменных памятников. Они представлены в таких периодических изданиях, как «Временник» и «Чтения» Московского Общества истории и древностей Российских (1826–1917), 100 «Сборников» и 50 «Известий» Отделения русского языка и словесности АН, «Православный Палестинский сборник», «Памятники древней письменности и искусства» (188 выпусков), издания Общества любителей древней письменности, а также в 39-томной «Русской исторической библиотеке» (1872–1927). Разнообразные древние памятники XI–XVII вв. были напечатаны в них в большинстве случаев гражданским шрифтом, реже – древнерусским шрифтом. Несколько рукописей было издано литографическим способом: «Житие царевича Димитрия» (1879), «Изборник Святослава» 1073 г. (1880), «Житие Сергия Радонежского» (1885), «Палея Толковая» 1477 г. (1892), «Радзивилловская летопись» (1902). Все эти публикации являются источниками «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

В самом конце XIX в. Академия наук решила упорядочить издательское дело и предложила, как казалось, реальный проект – напечатать **все** значительные произведения русской письменности по **лучшим** спискам. Теперь должны были сказать своё слово исследователи *древнерусской литературы*. Для этого была создана особая комиссия при Отделении русского языка и словесности АН. Она просуществовала около 30 лет и успела приступить к выполнению своих задач.

Работа по программе комиссии началась с 1898 г., когда академики М. И. Сухомлинов и А. А. Шахматов составили «Проект издания собрания сочинений русских писателей». С привлечением широкого круга учёных предполагалось, начиная с древнейших времён, собрать всё, что было написано отдельными авторами (митрополитами Леонтием, Иларионом, Георгием, черноризцем Иаковом, игуменом Печерским Феодосием, монахом Киево-Печерской обители Нестором и другими), и опубликовать в хронологической последовательности по спискам, “которые издатель признает за лучшие и наиболее исправные” [Сухомлинов 1898: 19]. В предисловии к подобному изданию должны быть описаны и сгруппированы по редакциям и изводам все известные списки публикуемого произведения. Списки одного произведения, значительно различающиеся между собой, должны были издаваться полностью или по отдельным частям. В справочный аппарат следовало включать биографические сведения о писателе, объяснительные примечания и библиографию. Издавать же основной список, по мнению А. А. Шахматова и М. И. Сухомлинова, необходимо было с “возможной точностью... с соблюдением надстрочных знаков и сокращений <...> Издание снабжается, – говорилось в Проекте, – критикою текста,

где издатель представляет свои соображения относительно первоначального чтения подлинника <...> разъясняет смысл отдельных тёмных мест и малопонятных слов” [там же: 20]. Примечания могли быть подстрочными или в виде приложений. Здесь, как видим, приняты во внимание особенности, предъявляемые к критическому изданию памятника, которое отвечало бы требованиям исследователей истории литературы. Также предполагалось отражение древних особенностей языка: речь шла о возможной точности текста, о сохранении надстрочных знаков и сокращенных слов, однако не ставилась задача составления каких-либо указателей.

К этому времени большинство западноевропейских стран уже располагало изданиями древнейших памятников своей литературы как звеньев общечеловеческой культуры: там собирательская деятельность проходила начиная с XVII в. “Научный пробел, заполнить который признало своевременным б[ывшее] ОРЯС, – писал акад. Н. К. Никольский, – был одной из причин того низкого и прискорбного состояния научных знаний о судьбе так называемой древнерусской литературы, в каком они находились в 80–90-х гг. прошлого столетия и продолжают оставаться донныне” [Никольский 1929: 2]. Обнародование древнерусских памятников, отражённое в предложенном Проекте, позволило бы обосновать и продвинуть теоретические основы литературоведения. “У нас<...> производилось и производится так называемое «построение» истории древнерусской литературы <...> не с собирания и систематизации сохранившихся фактов литературной истории, а <...> с обобщающей теории, основанной на недостаточном количестве отдельных наблюдений, и с применения к ним предвзятых идей и заимствованных схем”, – продолжает Н. К. Никольский. Перед Комиссией выдвигалась задача сгруппировать фактический материал, систематизировать его, оценить его качество и пригодность для поставленной задачи не с точки зрения современных понятий, представлений и схем, а с точки зрения его места в литературе минувших столетий.

При конкретном подходе к осуществлению этих задач возникли непредвиденные трудности. Во-первых, не было пособий в виде списков писателей и их произведений; во-вторых, многочисленные рукописи, из которых предстояло извлекать лучшие списки, оставались неописанными и потому не подготовленными для использования. Кроме того, предстояла трудная критическая работа по выделению оригинальных произведений и переводных.

Перед Отделением русского языка и словесности (ОРЯС) встали две главные задачи:

1) предварительно определить объём материала, который должен войти в предполагаемое издание, составить полный список не

только тех литературных произведений, которые подлежат обнародованию, но и тех, которые должны быть приняты во внимание издателями, но находятся в разных библиотеках и хранилищах,

2) одновременно приступить к снятию копий с древнейших или лучших списков, чтобы предоставить эти копии в распоряжение учёных, которые будут участвовать в подготовке текстов к печати.

Эти задачи со всей очевидностью были осознаны в 1899–1900 годы, когда по заданию ОРЯС проф. Николай Константинович Никольский с прикомандированным к нему молодым учёным Фёдором Ивановичем Покровским посетили до 35 хранилищ рукописных собраний в разных городах и местечках, обозрев *de visu* не один десяток тысяч рукописных книг. Это были Москва, Тверь, Владимир, Ярославль, Кострома, Казань, Вологда, Архангельск, Соловки, Вильно, Киев, Тула и др. Позже они побывали в Новгороде, Пскове, Кишинёве, Полтаве, Петрозаводске, Львове. В это же время проф. М. Н. Сперанский, преподаватель гимназии и Историко-филологического института в Нежине (впоследствии член Комиссии), также в поисках славянских и русских рукописей обследовал хранилища Загреба, Софии, Белграда и других западноевропейских городов.

Результаты обследований показали, что без предварительных работ было бы неосторожным и непроизводительным приступать к изданию памятников. Был открыт ряд до того времени не известных сочинений и множество новых списков произведений известных: прежние библиографические данные увеличились почти в 10 раз. Часть собранных сведений была опубликована Н. К. Никольским в 1906 г. под заглавием «Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.)». Этот том в 600 страниц охватил памятники русского пера только за одно столетие – первое, наиболее бедное ими, хотя и не исчерпал всего историко-литературного материала, сохранившегося от древнейшего периода. Некоторые произведения дошли до настоящего времени в десятке списков, некоторые – в одном, тогда как другие насчитывали более 1000. Выяснилась характерная особенность русского писательства: немногие сочинения удержали имена своих авторов. Большинство их анонимно или подписано именами греческих авторов (так называемые псевдоэпиграфы), хотя явно принадлежат русским писателям, время жизни которых остаётся неизвестным.

Было намечено две серии публикаций. В первой предполагалось собрать всё, что было написано каждым отдельным писателем. Здесь главным был хронологический критерий. Вторая серия должна была объединить всё, что относится по содержанию к группе сродных сочинений. В 1907 г. Комиссия составила «Перспектив издания памятников русской литературы (домонгольского периода)». С этого времени она

стала получать по 4 тыс. рублей ежегодно для гонорара учёным, которые согласились бы участвовать в подготовке публикаций памятников. Одновременно с изменением плана издания стала очевидной необходимость расширения пределов подготовительных работ, касающихся библиографии. О значении таких работ Н. К. Никольский писал в 1914 г.: “Если бы большинство произведений древнерусской литературы было правильно поставлено в ряд книжных памятников церковного быта и религиозности, то уже давно, вероятно, была бы найдена здесь подходящая норма оценки и была бы открыта искомая линия исторического процесса” [там же: 4].

В дальнейшем обнаружилось, что судьба древнерусских литературных памятников была иной, нежели памятников западноевропейских. Они были лишь одним из частных отделов библиотечной книжности, с которой были неразрывно связаны. Появление их на свет вызывалось не столько интересами литературными, сколько практическими. “Большинство так называемых произведений древнерусской литературы было лишь местным, а иногда и случайным дополнением к тому основному фонду переводного материала, которым были насыщены наши старинные книгохранилища и от которого они заимствовали свой стилистический и своеобразный идеологический отпечаток”, – к такому выводу пришёл Н. К. Никольский, изучивший не один десяток тысяч рукописных сборников, содержащих по двадцати и более отдельных сочинений каждый [Никольский 1929: 8].

Комиссия по изданию памятников древнерусской литературы (далее – КПДЛ), несмотря на все трудности, эти задачи на себя приняла. Русская книжность представляет собой уникальное явление, отсутствующее в других странах. Критическое её изучение сулило открыть не одну тайну отжившей культуры не только Руси, но и Востока и Запада, т. к. “в древнерусских списках и переводах уцелели во многих случаях единственные и незаменимые первоисточники, необходимые для разнообразных отраслей знания” [там же: 9], тем более что древнейшая кирилловская письменность западнославянских земель была истреблена в периоды войн и проявлений религиозного фанатизма.

Для превращения неведомой доселе русской книжности в поле научной деятельности Комиссия решила одновременно с подготовкой изданий памятников древнерусской литературы “принять посильное участие в составлении и издании описаний русских рукописных сбораний, ещё неописанных, и указателей к ним, облегчающих научные занятия” [там же: 10]. В 1915 г. Г. П. Георгиевский издал описание «Рукописи Т. О. Большакова, хранящиеся в И. Московском и Румянцевском музее», а в 1916 г. вышел в свет «Указатель к каталогу хранящегося в И. Публичной Библиотеке собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова», составленный Ф. А. Мартинсоном.

Уверенность в том, что в ближайшее время удастся издать все известные сочинения русских писателей древнейшей эпохи, основывалась на успехах научных публикаций, осуществлённых в рамках КПДЛ: в 1912 г. были изданы «Жития преподобного Авраама Смоленского и службы ему» С. П. Розановым; в 1916 г. Д. И. Абрамович опубликовал «Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им». Но далее наступает перерыв в издательской деятельности Комиссии. В. М. Истрин, её председатель, в 1917 г. сложил с себя свои обязанности. ОРЯС назначает председателем Н. К. Никольского, незадолго до этого избранного действительным членом Академии наук. Типография разобрала набор очередного выпуска «Памятников древнерусской литературы». В тяжёлые годы в России произошла перегруппировка рукописных собраний, утрата рукописей; сотрудники потеряли связь с КПДЛ (одни уехали из России, другие скончались). В 1919 г. помещение, в котором находилась картотека и снятые с рукописей копии (их было около 500), подверглось обстрелу, что привело в беспорядок собранные материалы. Н. К. Никольский один работал над картотекой. Она составлена путём описания неопубликованных рукописей различных библиотек, а также путём разрезания и расклейки на карточки печатных описаний рукописей. Картотека охватывает почти весь объём русской книжности допетровской эпохи.

После выхода в свет «Материалов для повременного списка русских писателей и их сочинений» (1906 г.) материалы картотеки были приведены в систематический порядок, продолжалось их пополнение. Систематизация в 1924–1928 гг. проходила в соответствии с планом, намеченным в книге Н. К. Никольского «Рукописная книжность древнерусских библиотек (X–XVII вв.)». Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей». — Вып. 1. А–Б. Изд. ОЛДП № 132». Дата издания этой книги не указана, но библиографы относят её к 1914 г. В ней было намечено 5 главных отделов с разделением внутри их:

1. Алфавитный список авторов и их сочинений допетровской книжности с указанием рукописей, в которых они находятся.
2. Список пергаменных рукописей с указанием содержащихся в них сочинений.
3. Хронологический список славяно-русских датированных рукописей от XI до начала XVIII в. как материал для хронологизации литературных памятников.
4. Географический указатель библиотек, как прежних, так и современных, где хранились и хранятся славяно-русские рукописи; он призван был служить пособием для справок о развитии областной письменности.

5. Алфавитный список владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков, книгохранителей.

Общее количество карточек, как писал Н. К. Никольский, не поддаётся учёту, но они, “будучи сдвинуты в один столбец, занимают пространство... ок. 25 метров. И так как в пределах Союза, в частности в РСФСР, не существует центра, который мог бы осуществить задачу учёта и изучения древнерусской книжности в её целом, то эта задача должна быть осуществлена в АН СССР” [Никольский 1929: 15].

Ещё в 1918 г. Н. К. Никольский внёс в ОРЯС проект об образовании Историко-библиографического музея древней славяно-русской книжности, который “собирал бы и приводил в систематический порядок материалы по библиографии и истории славяно-русских рукописей и библиотек, как то: материалы, относящиеся к минувшему и современному состоянию рукописно-книжного дела на Руси (и в пределах славянских), т. е. печатные и рукописные описания собраний славяно-русских рукописных книг, старинные описи древнерусских и славянских книгохранилищ, документы (в копиях), относящиеся к их истории, копии и воспроизведения (фотографические и иные) с памятников письменности, издания их и исследования о них и т. п.” [ГИМ ОПИ, ф. 37 П. К. Симони, оп. 1, № 125, л. 29]. Этот музей просуществовал 4 года (1924–1928). В нём было два штатных сотрудника – Н. А. Порфирьев и Н. Н. Зарубин – помимо председателя Комиссии Н. К. Никольского.

После кончины Н. К. Никольского в 1928 г. на общем собрании АН СССР старшим учёным хранителем Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы был избран Н. Н. Зарубин. Именно он издал в третьем выпуске серии «Памятники древнерусской литературы» в 1932 г. «Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам» в списках XVI–XVII вв. Н. Н. Зарубин высоко ценил труды академика Н. К. Никольского, подчёркивая уникальную значимость его картотеки, которая содержит сведения о многих редких изданиях, не говоря уж о рукописях. В 1936 г. Н. Н. Зарубин писал: “Представленная рядом сводных каталогов, систематизированных руками акад. Н. К. Никольского, картотека имеет своей целью быть справочным бюро для издания памятников древнерусской письменности” [ОР РГБ, ф. 369, к. 387, № 7, л. 1–2].

Н. Н. Зарубин приготовил к изданию снятые в своё время Н. К. Никольским копии с неизвестных и малоизвестных рукописей, предназначавшихся для Историко-библиографического музея; подготовил собрание старинных описей русских библиотек. Он собрал материал для истории Соловецкой библиотеки, материал для словаря технических терминов, относящихся к древнерусской книге. Он про-

должал дело Н. К. Никольского вплоть до своей кончины в 1942 г., хотя музей был закрыт в 1928 г. Позднее, в 1947 г., была проведена инвентаризация картотеки Н. Соколовым. В ней насчитали около 174 тысяч карточек и около 600 копий со списков древнерусских произведений.

Последним в серии «Памятники древнерусской литературы» был 4-й выпуск, вышедший в 1934 г. С именем репрессированного к тому времени акад. М. Н. Сперанского на обложке и титульном листе была издана книга «Из старинной новгородской литературы XIV в.», в которой было опубликовано «Хождение Стефана Новгородца» (по списку XVI в.) и «Описание Константинополя начала XIV в.». Кроме текстов произведений, М. Н. Сперанский опубликовал здесь своё исследование, комментарий, указатель слов и предметно-топографический указатель, тем самым расширив первоначально поставленную перед КПДЛ задачу. Большую ценность представляют в исследовании его сравнения с предыдущими публикациями, а для лингвиста чрезвычайно важны его подстрочные примечания. Издания КПДЛ можно считать образцовыми по полноте представленных списков, по разработке историко-литературных вопросов.

В 1960 г. Л. П. Жуковская и С. И. Котков в статье «О публикации памятников русского языка и письменности» писали, что «при наличии колоссального количества источников в собраниях рукописей нашей страны и разбросанности хранилищ разыскание необходимых для лингвиста материалов чрезвычайно затруднено», и напоминали о предложении члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц «закончить составление картотеки всех сохранившихся памятников древнерусской письменности, на основе которой можно будет группировать источники, объединяя их по разным признакам. Такую картотеку составляла в своё время группа сотрудников под руководством акад. Н. К. Никольского. После смерти руководителя работа остановилась, и картотека поступила на хранение в Отдел рукописей Библиотеки АН СССР <...> Закончить эту огромную работу можно лишь при деятельном участии коллективов отделов рукописей московских и ленинградских древлехранилищ» [ВЯ. – 1960. – № 4: 139].

В XX в. стали создаваться обширные каталоги по отдельным отраслям гуманитарных наук. Так, известны «Библиографический указатель литературы по языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1957 год. Вып. I. Книги и сборники на русском языке, изданные в СССР. 1918–1955» (М., 1958), «Славянское языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1960 г. Ч. I. 1918–1955» (М., 1963), библиографические указатели «Славянское языкознание», содержащие сведения об изданных произведениях за каждые

последующие пять лет, выходящие в 1961–1965, 1966–1970, 1971–1975, 1976–1980 годах.

Археографической комиссией под редакцией акад. С. О. Шмидта выпущено два библиографических описания: «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.» (М., 1984) и как продолжение – «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. I. Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская» (М., 2002). Они включают сведения о рукописных книгах, написанных на славянских алфавитах – кириллице и глаголице. Этими каталогами могут пользоваться и лингвисты, и литературоведы, и историки, т. к. в них даётся не только полное археографическое описание, состоящее из 17 элементов, но и приводится библиография по каждому памятнику. Однако тех задач, которые стояли перед КПДЛ (поиск и издание древнерусских произведений по лучшим спискам), эти каталоги не решают, хотя и могут во многом способствовать их решению. «Кириллические издания Ростово-Ярославской земли 1493–1652 гг.» под редакцией И. В. Поздеевой (Ярославль–Ростов, 2004) также можно бы привлечь для достижения поставленной перед Комиссией цели. Известны «Библиографические указатели древнерусской литературы», издаваемые с 1963 г. Институтом русской литературы (Пушкинским Домом), которые содержат описания публикаций и статей по древней литературе, но продолжением работы, начатой Н. К. Никольским и его сотрудниками, всё же не являются.

19. Издания для обучения

Сказанное выше касается системных проектов изданий рукописей историками и литераторами с научными целями. Первые публикации такого рода в России относятся к 1767 г., когда вышли в свет издания Радзивиловской летописи И. С. Баркова – И. К. Тауберта, Русской Правды и Никоновской летописи (Ч. I) А. Л. Шлёцера – С. С. Башилова. Но учёные задумывались и над *распространением* достоверных знаний об истории России, а попутно – и о древнерусском языке, что заставляло их искать соответствующие формы представления в печати древних текстов.

Особое место занимают публикации, предпринятые с педагогическими целями, когда ставилась задача ознакомления с древними рукописями в процессе обучения. Первой такой публикацией было издание в 1792 г. «Русской Правды», осуществлённое “любителями отечественной истории” И. Н. Болтиным, И. П. Елагиным и А. И. Мусиным-Пушкиным (второе издание – в 1799 г.). Приведём пространный заго-

ловок: «Правда Русская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха с преложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших». В предисловии сообщается, что найдены “в шести разных книгах Законы Ярославовы и Владимировы, в один состав соединённые; кои, дабы увидеть разность между списками, сводили мы один с другим, а равно и с изданными уже в свет, и нашли один из оных списков, на пергамене писанный весьма древним почерком, всех прочих полнее, который ныне и издаётся” (с. I). Однако какой именно это список, когда создан и где хранится, не указано. Акад. Б. Д. Греков считал, что издание сформировано путём пополнения основного текста вставками из других списков [см.: Правда Рус. 1940: 13]. Необходимо отметить, что краткие и пространные списки «Русской Правды» были выявлены не сразу, а с течением времени, и к 1940 г. они были расклассифицированы по двум редакциям. В конце XVIII в., ко времени появления издания И. Н. Болтина и соавторов, было известно две публикации: А. Л. Шлёцера (1767 г.) и Н. И. Новикова (1786 г.). Об этих публикациях «Русской Правды» издатели пишут, что они “должны будут уступить сим, издаваемым ныне”, потому что эти последние “полнее, исправнее, достаточнее всех прочих, не только оных, тиснению преданных, но и рукописных доныне известных” [с. II].

О композиции этого издания сказано так: “Самый текст законов рассудили мы напечатать в полстраницы церковными буквами, ради лучшего изображения древних слов и правописания, а против текста в другом столбце поставить преложение на нынешнее наречие гражданскими буквами; под каждою статьею внизу приложить объяснения и толкования слов, вышедших из употребления, дабы читатель мог удобно смысл текста по толкованию слов понимать и видеть, сходно ли с ним сделанное нами преложение; итак, всё то, что напечатано церковными буквами, есть находящееся в древнем рукописном списке издаваемых законов, а напечатанное гражданскими буквами есть сочинённое нами. Текст законов точно так напечатан, как он в рукописи находится, без всякой перемены не только в словах, ниже в одной букве <...> Где нашлись в списке, которому мы следовали, упущения в словах, небрежением писца учинённые, а в других списках оные слова находятся, те мы внесли в текст, без всякого усумнения; находящиеся же в других списках отмены в словах и целых речах, показали токмо в примечаниях” [с. VI].

Это издание осуществлялось не столько с научными целями, сколько с педагогическими. Предполагалось познакомить читателя (и в частности, учащегося) с древнерусскими буквами, дать наглядное

представление о древнем языке, о юридическом содержании текста «Русской Правды». Издатели формулировали древние законы, разделяя текст на статьи и слова, давая параллельный перевод на современный им язык. С параллельным переводом в настоящее время публикуют рукописи литературоведы: известен «Домострой», изданный В. В. Колесовым и В. В. Рождественской в 1984 г., а также серия «Памятники литературы Древней Руси», основанная акад. Д. С. Лихачёвым и изданная в последние десятилетия XX века.

В конце же XVIII в. публикация И. Н. Болтина и его соавторов отвечала задачам обучения истории Отечества и древнему языку. Все сокращения были раскрыты (кроме слова *отец*), расставлены ударения. Но самое большое (скорее – главное) место в книге занимали комментарии, следовавшие непосредственно за каждой статьёй «Русской Правды». Так, слову *мужъ* посвящены с. 2-4, слову *гривна* – с. 4-6, *гридинъ* – с. 6-7, *ябетникъ* – с. 7-8 и т. д.

Приведём обширный (но далеко не самый большой в книге) комментарий к слову *гривна*: «**Гривна** яко вес, содержала в себе фунт, а яко монета представляла цену фунта золота или серебра, но та и другая была сугуба, но яко монета, и многим переменам подвержена в следствии времен. Касательно веса, гривна киевская гораздо была меньше гривны новгородской; первая была равна греческой литре и состояла из 72 золотников, а новгородская гривна была равна нынешнему фунту, состоящему из 96 золотников, следственно, сия целою четвертью киевской гривны была больше. Гривна яко монета разделялась на 4 части под названием *рубль*, который не что иное был, как кусок серебра длиною вершка в полтора, толщиною в перст, имеющий на себе клейма с надписью и изображением некоторых знаков<...> И так от глагола *располоть*, сиречь на две половины вдоль разделить, произошло слово *полтина*, то есть половина, равно как и *полоть* называется оттого, что свиная туша вдоль надвое разделена <...> и даже в самые поздние времена новгородские рубли и другие серебряные деньги были гораздо больше московских, вследствие чего и в хождении цену имели различную.

Гривна, яко монета числительная, в отношении ходячих денег, каковы были куны, векши или ногаты, с первоначалия была равна гривне серебра, но в последствии времени стала быть различною, потому что ходячие деньги, состоящие из кожаных лоскутков, не имея никакого внутреннего достоинства, не могли удержать равные цены с монетою, имеющею внутреннее достоинство, и время от времени теряли соразмерность свою против серебра <...> За гривну серебра платили кунами по 120 <...> [Это уменьшение] заставило псковитян вскоре после, а именно в 1411 году, куны вовсе уничтожить и оставить хо-

дядую монету серебряную и медную. Для различия гривны серебряной от гривны кунами, первую называли *гривна серебра* или просто *гривна*, а вторую *гривна кун* или кунами” [с. 4–6].

До середины XIX в. эта публикация была одним из основных пособий в школах при изучении древних законов и языка. Об отношении современников к этому изданию С. Н. Валк пишет: “А. Л. Шлёцер вынужден был признать его появление в свет «отрадным событием», так как «ещё никогда не печаталась старая рукопись, при издании и объяснении которой было бы обнаружено столько критического духа и учёного знания отечественных древностей»... Издание Болтина было громадным шагом вперёд в деле изучения Русской Правды<...> В его распоряжении, кроме напечатанных к тому времени Краткого Академического и пространного Крестининского списков, оказались, как он сам указывает, ещё шесть рукописных списков, полученных в Синоде после издания указа 11 авг. 1791 г.” [Валк 1958: 650–651].

С целью изучения специально древнего языка в 1848 г. была издана в Москве «Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка» А. Д. Галаховым. Она должна была состоять из двух томов: в первом – памятники древней письменности до XVIII в., а во втором – “от Петра до Карамзина”. Примечания предполагалось издать “особой книжкой” или приложением ко 2-му тому. В них должны были быть “а) известия о жизни автора, б) исчисления его сочинений и характеристика литературной деятельности, в) разбор помещённых статей в отношении к языку и содержанию” [Галахов 1848: I]. Так как главной целью хрестоматии объявлялось опубликовать памятники языка, то в первый том включили “образцы трёх родов языка: а) церковнославянского, б) народного, в) собственно литературного или славяно-русского, слагаяемого из двух элементов: церковнославянского и народного, с преобладанием того или другого” [там же]. Автор предупреждает, что ему пришлось “исключить в некоторых памятниках места или выражения, не соответствующие возрасту юношества” [там же: с. II], и констатирует: “Историческая хрестоматия – первая книга в своём роде” [там же].

Порядок размещения памятников письменности в книге А. Д. Галахова – хронологический. Отрывки из текстов печатаются по изданиям «Русских достопамятностей» (ч. 1 – 1815 г., ч. 2 – 1847.), «Актов исторических» (АИ), Актов Археографической экспедиции (ААЭ), по изданиям летописей и первого издания «Сборника Муханова» (Мух.сб. 1836). Начинается хрестоматия с «Остромирова евангелия» текстом от Иоанна (I, 1–17). На странице – три колонки: в левой – набранный древними буквами текст евангелия, в средней, озаглавленной «То есть», приводится перевод (шрифт – гражданский), а в третьей

– цитаты из Библии издания 1820 г. К тексту от Матфея (V, 1–12) в третьей колонке даются выдержки из «Острожской библии» 1581 г.

Начиная со следующего памятника «Поучение Луки Жидаты», шрифт применяется гражданский, колонок нет. Далее идёт обширный текст «Русской Правды», перепечатанный из 2-го тома подготовленного К. Ф. Калайдовичем «Русских достопамятностей», затем – извлечённые из летописи договор князя Олега, отрывок о княгине Ольге и её сыне Святославе. Приведены Послание митрополита Никифора, Духовная Владимира Мономаха, Грамота Мстислава 1130 г. Юрьевскому монастырю, Слово Кирилла Туровского в неделю по пасхе XII в., Слово Даниила Заточника, затем – несколько деловых текстов из публикаций актов.

Следующая (вторая) часть, озаглавленная «Народные песни», содержит былины, духовные песни и сказки. В третьем разделе помещены приветственная речь Иевлева при въезде царя Алексея Михайловича в Полоцк в 1656 г. (из Древней Российской Вивлиофики Н. И. Новикова), отрывки из «Соборного Уложения» 1649 г. об уничтожении местничества и из сочинения Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Заканчивается том житиями Георгия Победоносца, Кирилла и Мефодия, Алексея, человека Божия и Повестью о затворнике. Как видим, А. Д. Галахов не оставил без внимания ни одной значительной известной ему публикации, из которых поместил 149 текстов и распределил материал согласно своему замыслу, – привёл в книге образцы всех “трёх родов языка”.

В издании примечаний нет, не было их и позже, т. к. эту хрестоматию А. Д. Галахов не переиздавал. Они появились в 1849 г. отдельной книгой к 3-му изданию другой его (уже двухтомной) хрестоматии, которая называлась «Полная русская хрестоматия или образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей» (М., 1849). Преподаватель А. Д. Галахов читал курс «Истории русской словесности», который издавался неоднократно, и выпустил в двух томах ещё одну «Историческую хрестоматию нового периода русской словесности» как пособие к своему курсу. В ней были представлены произведения писателей эпохи “от Петра до Карамзина”.

Акад. Л. Н. Майков писал, что “когда в 1850 г. А. Д. Галахову было поручено совместно с проф. Ф. И. Буслаевым составление конспекта по русскому языку и словесности, на почтенного московского профессора легла всецело обязанность обработать всю ту часть этого конспекта, которая касается языка, Галахов же занялся преимущественно отделом историко-литературным” [Майков 1892: 6].

Возможно, участие в этой работе побудила Ф. И. Буслаева к созданию собственной хрестоматии, в которой был учтён опыт именитого

предшественника. В 1861 г. в Москве вышла его «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков» [в слове *хрестоматия* сохраняем орфографию автора. – Л.А.]. В первом её отделении помещены “чтения из Священного писания и богослужебных книг, начиная с древнейших письменных памятников до исправленного текста Библии. Второе отделение содержит все остальные произведения церковнославянской и древнерусской литературы” [Буслаев 1861: I]. Приводятся тексты грамот и деловых памятников. Тексты, взятые из рукописей, пишет автор, “напечатаны с удержанием всех особенностей древнего правописания, взятые же из печатных изданий напечатаны так, как были изданы” [там же].

Ф. И. Буслаев не давал образцов древних почерков, перевода текстов на современный язык; комментарии его были кратки, касались прежде всего грамматических форм или значения отдельных слов, а иногда носили историко-культурный характер. Это была хрестоматия, чётко ориентированная на изучение древнего языка. Около 1000 произведений XI–XVII вв. были в отрывках представлены в этой книге, предназначенной для учащихся средних военных учебных заведений. В предисловии автор даёт совет начинать читать его хрестоматию с последних произведений, датированных XVII веком в том случае, если первые (самые древние) тексты покажутся трудными.

Хрестоматия Ф. И. Буслаева является промежуточным источником вторичного характера «Словаря русского языка XI–XVII вв.», в ней соблюдается точность в издании текстов, большую помощь оказывают примечания в толковании слов. Заметим: хрестоматия была ориентирована на неспециалистов, а именно – на будущих военных, которые, изучая историю древнего языка, должны были проникнуться уважением к отечественным духовным ценностям.

Из публикаций древнерусских произведений учебного характера в Советском Союзе отметим «Хрестоматию по древней русской литературе» Н. К. Гудзия (М., 1935). В неё, как пишет автор в предисловии, “включен лишь тот материал, который на основании жанровых или стилистических признаков может быть отнесён к памятникам литературы, а не письменности вообще, другими словами, материал, в котором имеется авторская установка на литературно-художественные средства его оформления” [Гудзий 1935: 3].

Хрестоматия отличается своей лингвистической содержательностью – особым подбором произведений, отрывки из которых помещены в ней: сюда, кроме древнерусских памятников, включены фольклорные произведения в записях конца XIX – начала XX века. При печати к современному гражданскому шрифту добавлена буква “Ѣ”. Справочный аппарат представлен краткими подстрочными примеча-

ниями, в которых переводятся вышедшие из употребления и иноязычные слова памятников. Приведён словарь со следующим пояснением: “Слова, объяснённые в примечаниях к текстам и притом редко встречающиеся, в словарь, как правило, не включаются” [там же: 386].

Как лингвистически ориентированную, необходимо отметить «Хрестоматию по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова (М., 1938), предназначенную для университетов и педагогических вузов. Тексты в ней начинаются с отрывка из «Остромирова евангелия». Для наглядности даются некоторые иллюстрации в виде снимков с подлинников. В Приложениях приведена «Таблица обозначения чисел буквами в кириллице (в соответствии с греческим алфавитом)», затем парадигмы «Древнерусского склонения» и «Древнерусского спряжения», а также «Список сокращений» и «Список иллюстраций». “Тексты печатаются, – поясняют авторы, – с точностью, какая необходима при изучении письменных памятников со стороны языка, причём древнейшие памятники печатаются строка в строку с соблюдением всех палеографических особенностей” [Обнорский 1938: 3]. Хрестоматия была рассчитана на самостоятельную работу студентов, поэтому “необходимые сведения по лексике даются в приложенном к хрестоматии словаре, где приводятся только те значения слов, которые встречаются в текстах” [там же: 4], и толкования некоторых выражений с указанием источника, например: *свьѣщати* – сговориться (Прол. 1383); *свьѣть свьѣщати* – замыслить уговор, намерение (Стогл.) и др.

Как одну из наиболее полных и методически выдержанных, упомянем «Хрестоматию по истории русского языка» В. В. Иванова, Т. А. Сумниковой и Н. П. Панкратовой (М., 1990). Основное содержание её “составляют тексты древнерусской и собственно русской письменности XI–XVII вв. разных типов и жанров и комментариев к этим текстам лингвистического и исторического характера” [Иванов 1990: 3]. В книге нашёл отражение новый этап “научного представления о достаточно широком распространении в Древней Руси грамотности (письменности) среди широких слоёв населения” [там же], чему способствовало открытие берестяных грамот – этих миниатюр эпистолярного жанра, то есть “грамоток”. Составители использовали весь накопленный к этому времени опыт лингвистических изданий древней письменности, что отражено в примечаниях и комментариях. Примечания касаются графико-орфографических, фонетических, морфологических и синтаксических особенностей памятников, а в комментариях к текстам “раскрываются некоторые собственные личные и географические имена, даются исторические справки о событиях и лицах, упоминаемых в памятниках, толкуется смысл неясных современному че-

ловеку терминов и понятий, а также содержание сложных для понимания целых текстов” [там же: 6].

Эти хрестоматии составляют единую линию дидактических изданий древних текстов, начиная с издания «Русской Правды» 1792 г., и являются вторичными источниками по русской исторической лексикологии, сформированными учёными с заданными целями. Лингвистическая содержательность этих хрестоматий определяется подбором помещённых в них отрывков из памятников, а также сопровождающими их примечаниями и комментариями, наличием или отсутствием справочного аппарата в виде словоуказателей.

В настоящее время в связи с изменившимися задачами высшего образования в стране всё большее распространение получают учебные пособия. В них преподаватели на основании своих теоретических разработок анализируют древнерусские тексты, а затем предлагают контрольные задания для самостоятельной работы студентов. Таково, например, учебное пособие проф. А. А. Припадчева в книге «История русского литературного языка» (второе издание – 2010 г.).

* * *

Становится очевидным, что основные этапы формирования промежуточных источников тесно связаны с деятельностью известных учёных – историков, литературоведов и лингвистов. Публикации рукописей на первых порах были ориентированы на формирование корпуса источников для создания истории России. В середине XX в. работа над подготовкой изданий письменных памятников способствовала возникновению новой отрасли языкознания – лингвистического источниковедения. На протяжении более двухсот лет работа учёных по изданию рукописей оказала заметное влияние на практическое становление этой науки, создала возможность её теоретического обоснования. Их деятельность способствовала сложению нового корпуса лингвистических источников, которые здесь обозначены как промежуточные – между объективно сложившимися (рукописями) и сформированными учёными для исследовательских и справочных целей (картотеки, лексиконы и др.). Издаваемые сначала с целью подготовки источников для создания истории России, они долгое время служили и для исследования древнего языка. Но со временем требования лингвистов к изданным текстам получили обособленное воплощение в своде правил, направленных на исследование древнерусского языка не только в его письменном виде, но и в звуковом.

Работы таких учёных, как В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлёцер, Н. И. Новиков, К. Ф. Калайдович, А. А. Шахматов, Б. А. Ларин, С. И. Котков и сотрудники Института русского языка им.

В. В. Виноградова, обозначили основные этапы в этом направлении: от подготовки первых публикаций письменных памятников, через поиски оптимального представления их в печати до введения в научный оборот труднейших, но чрезвычайно важных источников, сформированных на базе записей русской речи иностранцами, источников, дающих представление не только об истории языка, но и о его звуковом облике в те времена, от которых нет и не может быть звучащих источников.

Если сначала просто набирали в типографии текст рукописи, осуществляя издание всего лишь с целью её размножения и распространения, то в дальнейшем обозначились практические задачи, выдвигаемые разными исследователями. Одни стремились расширить источниковую базу для изучения истории России. Другие ставили задачу привести в известность произведения древнерусской литературы, показать её богатство и разнообразие, третьи обращали внимание на особенности древнерусского языка, а четвертые заботились о воспитании молодых поколений и издавали древние рукописи, предназначенные для обучения юношества. Эти способы представления старинных рукописей в печати отличались своими особенностями, от чего зависели лингвистическая содержательность, информационность и степень достоверности источников. Лингвист-историк, и в частности лексикограф, в настоящее время имеет дело со всеми видами этих источников, что определяет его отношение к ним с позиций решаемых им задач, связанных с созданием исторического словаря, с выполнением историко-лексикологических исследований.

В главе отмечены основные этапы становления промежуточных источников. Первое издание грамот в «Описании Сибирского царства» произведено в 1750 году Г. Ф. Миллером, известно его издание перевода на немецкий язык Радзивиловской летописи. Необходимо отметить 1767 год, когда было положено начало издания «Библиотеки русской исторической» И. С. Барковым – И. К. Таубертом, Русской правды и первого тома Никоновской летописи – А. Л. Шлецером и С. С. Башиловым. Затем необходимо указать на издания К. Ф. Калайдовича, особенно его работу над вторым томом СГГД, «Русскими достопамятностями» и сформулированные им «Правила» публикации древних рукописей. Издание 30 томов «Древней Российской Вивлиофики» Н. И. Новикова выявило источники российских архивных фондов, необходимые для создания истории страны. Издание новгородских и двинских деловых текстов А. А. Шахматовым способствовало оживлению лингвистических исследований и показало возможности более детальной разработки правил для издания рукописных источников. Работы Б. А. Ларина положили начало представлению в печати записей языка, сделанных в России иностранцами, что способствует

восстановлению звукового облика древнерусского языка. В секторе Института русского языка под руководством С. И. Коткова были разработаны правила, ориентированные на издание рукописей, предназначенные специально для лингвистических исследований. Были опубликованы сборники скорописных памятников, а также древние рукописи XI–XVI вв. по правилам лингвистических изданий.

В рамках деятельности Комиссии по изданию древнерусской литературы удалось опубликовать только четыре письменных памятника, однако созданная Н. К. Никольским картотека библиографического описания литературных произведений до сих пор не потеряла своего значения для истории русской литературы и языка.

Этот путь, длительный и трудный, увенчался положительным результатом: русская историческая лексикология и лексикография располагают теперь источниками, которые позволят в будущем раскрыть историю русской лексики с достаточной полнотой и глубиной в литературном языке и диалектах, хотя с особенной остротой встаёт вопрос о степени достоверности промежуточных источников.

*Высший и единственный
авторитет науки – истина.
М. Н. Сперанский. 1929 г.*

*В царстве истины нет авторитетов.
А. Л. Шлёцер. 1767 г.*

ГЛАВА V. ПСЕВДОГАПАКСЫ В ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Проблема достоверности слова со всей сложностью встаёт перед лексикологом и создателем исторического словаря: с одной стороны, перед ним необъятные объёмы лексики старинных источников, которую никто не описывал, не анализировал, с другой – не всегда есть возможность проверки по подлинникам. Во множестве лексем, представленных в читаемых источниках в виде сплошного рукописного текста, не всегда можно верно определить, является тот или иной набор букв одним словом или сочетанием двух или нескольких слов. Встречаются слова, вышедшие из употребления, не зафиксированные в словарях лексикографов-предшественников. С этим связаны главные трудности выявления значений слов из содержания древнерусского текста, что обусловлено невозможностью обозначить границы слова, определить его истинный орфографический облик.

Лексикограф-историк обязан в этом разобраться и не вносить в словарь ошибки издателей, а для этого проделать не только лексикологическую, но и источниковедческую работу. Иногда достаточно обратиться к рукописному тексту, чтобы увидеть ошибку издателя. Известный историк акад. С. Ф. Платонов писал в 1902 г.: “Непосредственное знакомство с рукописным текстом есть неременное условие правильности и плодотворности всякого вывода о памятнике, и нельзя не пожалеть, что не всегда это условие осуществимо” [Платонов 1902: 2].

Перед лексикографом-диалектологом также существует огромное количество записей, содержащих региональную лексику, иногда в единственной фиксации, записей, сделанных скорописью XIX–XX вв. Это своеобразные рукописные источники, которые необходимо изучать с позиций лингвистического источниковедения до их лексикографической обработки и помещения в словарь.

1. К вопросу о терминах

Прежде чем подойти к конкретному анализу лексики в источниках, необходимо очертить систему терминов, применяемых в данной работе.

Слова, которые встречались по одному разу в древнегреческих и латинских рукописях, учёные стали называть *hapax legomena* [гапак легомена]. Они отмечались исследователями в старинных еврейских, арабских, итальянских, английских рукописях. Высказывались догадки о значении таких слов, ставился вопрос о том, существовали они реально в языке или стали результатом какой-то ошибки.

В 1886 г. английский исследователь Walter William Skeat употребил термин *ghost-word* ‘*призрачное слово*’ по отношению к словам, которые образовались в результате недосмотра или явной ошибки.

The term “Ghost-words” was coined and originally presented in public by Professor Walter William Skeat in his annual address as president of Philological Society in 1886. [=Термин слова-призраки был создан и впервые представлен публике профессором Вальтером Вильямом Скитом, президентом Филологического общества, в его годичном послании в 1886 г.]. Он указал на слово **abacot**, которого не было в языке, на слово **kimes**, образованное из неясно написанного **knives**. “As it is convenient to have a short name for words of this character, I shall take leave to call them “ghost-words”... I only allow the title of ghost-words to such words, or rather forms, as have no meaning whatever”. [Skeat, 1886: 350]. [=Что касается короткого названия для слов такого характера, то я предложил бы оставить для них термин *ghost-words*. Этот термин слова-призраки следовало бы присвоить таким словам или формам, которые никогда не имели никакого значения].

Исследователи в России, встречаясь со словами и выражениями подобного рода, которых нет в языке, называют их ошибками (Д. С. Лихачёв), “тёмными” (В. И. Чернышев), “несуществующими”, “фантастическими”, “призрачными” (И. Г. Добродомов, А. Ю. Козлова), “словами-фантомами” (А. Ф. Журавлёв, А. Н. Шаламова), “мнимыми словами” и “лексикографической фикцией” (А. М. Молдован), псевдогапаксами (А. Б. Страхов, М. И. Чернышева). Термин “слово-призрак” зафиксирован в «Словаре лингвистической терминологии» О. С. Ахмановой: “**Слово-призрак** (слово ложное) *англ.* ghost-word, *нем.* Phantomwort, Gespenstwort, *лат.* vox nihili. Слово, обязанное своим существованием ошибке писца или другому какому-л. недоразумению. *русск.* поручик Кижэ вм. поручики же” [Ахманова 1966: 425].

Если принять во внимание тот факт, что эти слова имеют «материальное» выражение, что они **зафиксированы** в рукописях, публикациях, в словарях и картотеках, то есть **реально существуют**, то считать их при-

зрачными, фантомами, несуществующими некорректно. Другое дело, что «тёмной» представляется их семантика, которую невозможно определить, что и заставляет лексикографа вести источниковедческие разыскания. Однако лексикограф-историк встречается с массой слов, которые вышли из употребления, семантика которых ему неизвестна, но одно это не является поводом считать их несуществующими или призрачными. В настоящей главе речь пойдёт о словах, о которых наука знает всё и не считает их реально существовавшими или ныне существующими в языке.

Перечисленные выше термины не отражают истинного положения слов, о которых пойдёт речь ниже. Уже есть термин *haraх legomena*, применяемый к словам, о которых кроме единственной фиксации *ничего неизвестно*, поэтому считаем возможным «наши» слова называть *псевдоганаками*. Термин *ганаке* (греч. ἄταξ – ‘один раз, однажды’) относят к слову, употреблённому один раз в каком-либо источнике, чаще – в рукописи. *Псевдо* – препозитивная морфема со значением ‘ложный, мнимый, вымышленный’.

Современная лингвистика указывает на продуктивность компонента сложных слов *псевдо-* в составе русских терминологических систем. Проф. И. Г. Кудрявцева, на основе наблюдений над материалом, отражённым в лексикографических источниках, делает вывод, что “изменение статуса *псевдо-* на протяжении его эволюции в русском языке (от связанного компонента в составе сложных заимствованных слов до самостоятельной словообразовательной единицы) связано с возрастанием его сочетаемости, его продуктивности и регулярности, а также с увеличивающимся числом его модальных значений” (*псевдоним, псевдоартроз, псевдоморфозы, псевдореминисценция* и др.) [Кудрявцева 2005: 106].

В термине *псевдоганаке* (предложенном проф. М. И. Чернышёвой в нашей устной беседе, а затем обнаруженном нами в статье 2003 г. А. Б. Страхова) соединились элементы, отражающие характерные особенности определяемого понятия. Слова-псевдоганакасы и словосочетания-псевдоганакасы стали фактом письменного языка, т. к. были зафиксированы в опубликованных памятниках письменности, иногда – в исторических и региональных словарях, в Картотеке ДРС, но их в языке никогда **не существовало**. Наука **точно установила** не только их отсутствие в языке, но и тот факт, что они возникли вследствие определённых условий работы с текстами рукописей.

Встав во главе Картотеки ДРС в 1929 г., М. Н. Сперанский писал: “Число источников русского языка, как органа многовековой и богатой силами словесности, должно быть, самой собой разумеется, громадным, перечислить их невозможно не только потому, что этих источников так много, но и потому, что эти источники ещё не все нами

изучены. Трудность увеличивается и тем, что русский язык – язык живой, продолжающий развиваться, его история не кончена, как это мы знаем относительно, например, языков классических, история которых нашла себе отчасти продолжение в других языках” [«Об источниках истории русского языка» – РГАЛИ, ф. 439, оп.1, ед.хр. 28, л. 21 об. 1929 г.]. Рукописные источники по истории русского языка в нашей стране выявлены и изучены далеко не полностью, и со временем могут обнаружиться другие случаи употребления слова-гапакса, которое вызвало сомнение лексиколога, т. е. ещё **не доказано**, что слова не было в языке. Гапакс потенциально может стать псевдогапаксом, а может не стать им.

Останавливаемся на термине *псевдогапакс*, т. к. он однозначен, нейтрален по стилистической окраске, вписывается в систему лексикологической терминологии, значение его выясняется из составных частей слова. Предложенные ранее термины неоднозначны, коннотативны, имеют эмоционально-оценочную окраску, слабо соответствуют лексикологической терминологии.

Проф. И. Г. Добродомов предложил ещё один термин с приставкой *псевдо-*: *псевдослово*. Можно принять это наименование, но *слово* реально существует в источнике, оно материально зафиксировано, грамматически оформлено, как и все другие слова. Особенность его в том, что оно искусственно «сконструировано» и неизвестно его значение; к тому же несколько громоздко будет звучать псевдословословосочетание (или псевдословосочетание).

Термины *псевдогапакс* и *псевдогапакс-словосочетание* используем в их прямом значении, но в настоящей работе используем и сочетания *слово несуществующее, невозможное, призрачное* как синонимы. В цитатах перечисленные выше термины авторов не меняем.

Недавно нам стала известна работа А. Б. Страхова «К древнерусской текстологии (замечания и поправки к изданиям разных лет)», опубликованная в журнале *Palaeoslavica* [XI. 2003. – Р. 199–213], в которой автор употребил составленный им термин *псевдо-гапакс* по отношению к анализируемому им слову **гаснь** из Материалов И. И. Срезневского. Он пишет: “Псевдо-гапакс **гаснь** не попал ни в *Древнерусский словарь XI–XIV вв.*, ни в *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, зато чтение и этимология Срезневского были приняты составителями ЭС-СЯ [6, 105]...” [Страхов 2003: 210; автор доказал, что там испорчено слово **баснь**; см. далее]. Появление одинакового термина у двух независимых друг от друга исследователей, анализирующих одинаковое языковое явление, говорит о необходимости и закономерности этого термина в лингвистической науке.

Проблема выявления псевдогапаксов в различных источниках, и в частности в изданиях рукописных памятников письменности, является в настоящее время одной из актуальных для исторической и региональной лексикологии и лексикографии.

2. Псевдогапаксы в первичных источниках

Сначала необходимо рассмотреть вопрос о псевдогапаксах в рукописях. Можно ли считать псевдогапаксами слова, которые представляют собой явные описки, а публикаторами-лингвистами отмечаются в привычных примечаниях типа: «Так в ркп., с старостою?» – когда пропущен предлог; «Так в ркп., с сыном?» – к написанию **снном** во фрагменте «А на отказе были **снном** боярским» [Пам.Влад.: 17] и др., или недописанное **во дво**, к чему сделано примечание «Так в ркп., дворе?» [Пам.Влад.: 23], или при озвончении **п** в слове **брисады**. В последнем случае правильное слово **присады** встречается неоднократно в том же тексте, и можно легко восстановить его верное написание. Такие случаи, думается, тоже входят в понятие псевдогапаксы, хотя здесь ясно, какое слово «зашифровано» в каждой описке и в специальных разысканиях нет необходимости, достаточно примечаний издателя.

В самих рукописях встречаются (хотя и редко) слова, которые могут быть восприняты как «допустимые» в древнем языке. Нередко они и попадают в публикации, а оттуда – в число материалов Картотеки ДРС. Упомянем некоторые из них.

В Новгородской переписной книге 1498 г., составленной в Шелонской пятине, читаем: «Осташовская жь да Ивашковская да Якушовская деревня Дятлово пуста, а дана грамота **глотная** на 3 годы Гриде Палехову, а дати ему оброку впервые на Рождество лѣ(та) 7000 первагонадесять 2 гривны». Кн.пер.Шелон.пят. II, 13. В издании точно скопировали написанное в рукописи: «А дана грамота **глотная** на три годы Гриде Палеху» [РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, № 2а, л. 10]. Выносную букву **т** внесли в строку без примечаний в издании. Речь в грамоте идёт о льготе на три года. Грамота дана **льготная**.

В рукописной Приходо-расходной книге Антониева Сийского монастыря 1575 г. казначея Леванида, хранящейся в Институте истории РАН (Санкт-Петербург), читаем: «Шил мастер шестеры сапоги **сытцеловые**, дал от того могольца 6 алтын» [ф. 5, оп. 2, № 1, л. 6 об.]. В книге далее встретилось несколько раз в подобных же контекстах слово **исцельные** (л. 29 – «шил мастер сапоги семеры ицелнии»; л. 47 – «дали Деонисию сапоги исцѣльные красные да подьячому дали исцѣльные ж сапоги красные» и др.). В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксированы слова **исцеловый**, **исцельный** как определе-

ние к слову *сапоги* в значении ‘сделанный из целого куска кожи’ [вып. 6: 350]. Возможно, писавший не знал специального термина *исцеловый*, записал, как услышал, как запомнил, а может быть, это просто описка, которая привела к появлению нового слова, “разгадать” которое тогда не представилось случая вследствие единственного его употребления.

3. Псевдогапаксы в публикациях XIX в.

Одна из первых лингвистичноковедческих работ по изучению изданий русских рукописей на предмет выявления несуществующих слов-псевдогапаксов (без использования этого термина) была проведена К. Ф. Калайдовичем. Он обнаружил много неточностей по сравнению с рукописями в первом томе «Собрания государственных грамот и договоров» (СПб., 1813 – далее СГД).

В изданном в 1814 г. «Письме действительного члена Общества истории и древностей российских К. Калайдовича к Н. Н. Бантыш-Каменскому об издании государственных российских грамот и договоров» он указал на эти неточности и сделал многочисленные поправки. Осуществить проверку по рукописям он не имел возможности, поэтому опирался на свой опыт и знания. Одни исправления касались названий населённых пунктов: “*Городецъ* и *Палиць*, принадлежавшие новгородцам, соединены вместе и имя *Городца* напечатано малою буквою” [Калайдович 1814: 4]. Далее К. Ф. Калайдович говорит о четырёх известных ему селениях с названием Городец, которые все находятся вблизи Новгорода. “Страницы и строки, где *Городецъ* не отделён от *Палица* и напечатан малою буквою, суть следующие:

стр. 1	во втор. столб.	строка 7	
– 3	– *	– *	– * 4
– 6	– *	– *	– * 21
– 8	– *	– *	– * 1
– 10	в перв.	– *	– * 22
– 11	во втор.	– *	– * 13
– 19	в перв.	– *	– * 39
27	во втор.	* * 7	” [там же: 5].

Далее он замечает: “Город *Колонперемь* во 2-й *Грамоте* на стр. 2 во втор. столб. в стр. 6, встречающийся в другом месте, на стран. 13 во втор. столб. в стр. 2 назван *Голоперьемь* – здесь не ошибка ли, может быть, от того произшедшая, что начальные буквы сего города *К* и *Г* в рукописях между собою сходны?” [там же].

“На стран. 4 в перв. столб в стр. 19 сказано: *на Имовольскомь*, а на стран. 27 во втор. столб. в стр. 44 на *Имоложскомь*. Что-нибудь

одно; должно справиться с подлинником” [там же: 6]. “На стран. 4 в перв. столб. в стр. 23 напечатано *городискъмь*, но в подлиннике не *городскымь* ли поставлено. На стран. 6... два различных слова *Двуносаду* приняты за собственное имя, соединены вместе и большою буквою означены. Слово *носадъ*, или *насадъ*, часто встречающиеся в наших *Летописях*, значат ничто иное, как лодку” [там же].

Далее автор указывает, скорее всего, на опечатки: “Вместо *не наводити*, на стран. 15... должно читать *не навадити*, как печатано у Новикова (Древ. Росс. Вивл. – М., 1782. Ч. 1, с. 26)” [там же: 6–7].

“*Городокъ на Волге* неправильно напечатан малою буквою на стран. 16<...> Вместо *ечера* читай *Печера* стран. 19 втор. столб. в стр. 1. На стран. 19 во втор. столб. в стр. 40 правильно ли напечатано *ни изы иной?* Не ошибкою ли дважды поставлено слово *Князя* на стран. 20 во втор. столб. в стр. 21 и 22 в речении: *Князя докладая Князя?..* На стран. 22 в перв. столб. в стр. 21 не по ошибке ли дважды напечатано *головъ?*” [там же: 7].

К. Ф. Калайдович в своём письме указал на неверную степень родства князей, приводя точные даты: “Князь Иоанн Иоаннович, с 1353 по 1359 год княживший, будет прапрадед князю Иоанну Васильевичу, а не прадед, как сказано в *Грамоте* 20 на стран. 26 во втор. столб. в стр. 1 и 2” [там же: 7-8].

“Слово *Озвадъ* или *Взвадъ* в 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15 и 20-й *Грамотах* в таком выражении встречающихся *ездити на озвадъ звери гонитъ* должно быть напечатано во всех вышеприведённых местах большою буквою, ибо оно есть собственное имя. Преосв. Евгений, епископ Калужский, вот что пишет ко мне о сем слове: «Название *Озвадъ* или *Взвадъ* действительно есть собственное имя одного села и ныне существующего близ Старой Русы, при устьи реки Ловать. Там наши старинные князья имели охоту стрелять кабанов по болотам, простирающимся от *Озвада* до озера *Ильменя*. Там был некогда монастырь под названием *Звадский Спасской*» [там же: 8].

Помимо этого автор остановился на одной из проблем, с которой впоследствии, в XX в., столкнулись лингвисты-источниковеды, и предложил своё решение. Встретив в публикации написание *А и Суждальской земли*, К. Ф. Калайдович предложил свой вариант: **А и-Суждальской земли** и пояснил: “Черта между буквами **и** и **С** поставленная, здесь, через соединение, будет означать предлог **исъ** или **изъ** – точность в таких мелочах почитается добродетелью в палеографии” [там же: 6]. Текст рукописи, по его мнению, нужно было делить на слова так: **А из (ис) Суждальской земли**.

Указав на ошибки, которые при чтении рукописей делали А. Л. Шлёцер (вм. *рамяно* ‘плечо’ он создал наречие *румяно*), З. Е. Байер

(прочитал *ковгородцы* вместо *новгородцы*), Н. И. Новиков (вм. *от посадника Павши* напечатал *от посадника павшие*), М. М. Щербатов (вм. *Жана Безуна* прочитал *ростовка, жена безумная*), И. Щекатов (вместо *псовъ* прочитал *Псковъ*), отметив издание государственных грамот как значительное событие в русской истории и науке, К. Ф. Калайдович высказал мысль о том, что публикация этих грамот должна быть осуществлена “со всею палеографической точностью – словом, как издали просвещеннейшие народы древние памятники славы и благоденствия своего народа” [там же: 10]. Отмеченные погрешности в издании СГГД и высказанные предложения К. Ф. Калайдовича, говорящие о его стремлении видеть достоверное воспроизведение в печати всех особенностей древнего языка рукописных памятников, получили отражение только во втором томе этого издания [СГГД II. – СПб., 1819].

Сравнительная критика текста произведения, описанная В. Н. Перетцем в книге «Краткий очерк методологии истории русской литературы» (1922 г.), при которой сличаются различные списки, позволяет вернуть в систему языка старинные слова, утраченные при переписывании: писцы сочли их ошибочными и заменили другими, более понятными для них. Так, в Лаврентьевском, Троицком и Ипатьевском списках летописи читаем о погребении: “Радимичи, Вятичи и Северь... творяху *кладу* велику и възложахуть *на кладу* мертвеца, сожъжаху”. В Радзивилловском и Академическом читается *крату*, *на крату*. “Какое чтение следует предпочесть? – спрашивает В. Н. Перетц. – Слово «клада» обычно и соответствует русскому колода; слово «кратда» – очень редкое; оно встречается лишь в древнейших русских текстах, списанных с церк.-слав. оригиналов, напр.: «кратда огньна» в Свят. Изборн. 1073 г., значит «костер»... Вследствие этого акад. Соболевский признает большую древность за чтением «*кратда*»” [Перетц, 1922: 72]. Исследуя списки летописи, автор возвратил в русскую лексическую систему такие слова, как *реть* ‘спор, соревнование’ (в некоторых списках находим на этом месте *речь, рать*), *таль* ‘собир. заложники’ (в др. списках – *дань*) [см. там же: 73]. Эти слова не являются псевдогалаксами, но без критики текста были бы утрачены.

Большая работа по выявлению несуществующих слов и выражений выполнена акад. Д. С. Лихачёвым в его капитальном труде «Текстология» (М.;Л., 1962). Кроме теоретических вопросов, относящихся к исследованию памятников письменности с точки зрения истории складывания и бытования их текстов, он поднимает вопросы издания рукописей. Основной «операцией» при работе с рукописью он считает верное прочтение текста. “Первая задача, которая стоит перед текстологом, читающим текст, – это разбить текст на слова и уяснить его синтаксически, внести в него языковую ясность”, – писал

Д. С. Лихачёв [Лихачёв 1962: 142]. Он, однако, замечает: “Неясности с разделением текста на слова создавались не только у современных исследователей (хотя надо самокритично признать, что исследователи ошибаются чаще, чем древние переписчики рукописей)” [там же].

В доказательство справедливости этого положения он приводит пример одной издавна бытующей ошибки летописного сказания о вожде варяжского отряда Гаконе – Якуне, которую раскрыл Н. Ламбин. Статья Н. Ламбина – одно из ранних в истории русистики исследований, посвящённых раскрытию ошибочного чтения летописного текста, касающееся её языка. Помещаем в кратких отрывках эту статью как одну из первых источниковедческих работ по раскрытию достоверности лексики рукописного памятника.

В 1858 г. Н. Ламбин в «Журнале Министерства народного просвещения» опубликовал статью с объяснением стойкого явления, вызванного неверным прочтением разными переписчиками и издателями одного и того же места летописи. В этом случае слово реально существовало в языке, но его появление в неподходящем месте искажает смысл летописного сообщения, которое было использовано как достоверное составителями летописей в более позднее время. Кратко напомним статью Н. Ламбина, т. к. она помещена в малодоступном источнике и может выступать как один из первых примеров бережного отношения к древнему языку рукописи.

Летописец Нестор повествует о варяжском вожде Якуне, который “быль слепъ и носиль золотомъ истканную луду”. Во всех списках и редакциях русских летописей, опубликованных до 1858 г., именно эта запись даётся под 1024 годом: в Лаврентьевской, Ипатьевской, Хлебниковской, Радзивиловской, Троицкой, Софийской I (первой), в списках Толстовском, Царского, Бальзеровском, Карамзинском, Оболенского, Горюшкинском, Воронцовском. [Заметим, что в издании Лаврентьевской летописи (Л., 1926) к слову **слѣпъ** дано примечание: “Не изъ *съ лѣтъ* ли?” Лавр.лет., 147–148].

В Густинской летописи, опубликованной как Приложение к Ипатьевской, читается: “Приде ему в помощь Якун слепыи, брат Фриандов, иже имѣяше одежду златотканную”. В Сказании XII в. Симона, епископа Владимирского и Суздальского, о церкви Печерской говорится: “Князь Африкан брат Якуна слепого (онаго, иже отбѣже некогда златотканная одежды) бияся полком своим по Ярославѣ”. Н. Ламбин спрашивает: “возможны ли для слепого такие действия, а главное, можно ли рассказывать о них как о деле самом обыкновенном, не требующем никаких объяснений” [Ламбин 1858: 35], и ставит задачу “восстановить истинное чтение этого места” [там же: 39]. Он считает, что “летописец мыслил логично, что понятия и суждения воз-

никали в его мыслящем духе и слагались между собою по естественным законам мышления”. И далее: “Мысль наша не делает скачков, переходя от понятия к понятию, но всегда соблюдает строгий порядок в их сочетании, и даже совершенно отдельные акты мышления сближает между собой указанием точки их сопротивления” [там же: 43]. Автор поддерживает мысль другого исследователя о том, что слово **луда** – это дорожная верхняя одежда и уточняет: оно “означает вещь определённую, по употреблению имеющую только одно назначение, оно выражает подобно словам *очки, шапка, пояс* и т. п. не только понятие о вещи, но и понятие о её употреблении на известном месте и для известной цели” (с. 48–49). Следовательно, делает вывод Н. Ламбин, к слепоте Якуна следующее предложение о златотканной его одежде никакого отношения не может иметь. Тогда, задаёт он вопрос, каков же был Якун, одетый в такую богатую и красивую одежду? Каким словом мог летописец его охарактеризовать? конечно, словом *красивый, лепый*. Значит, это сообщение Нестора нужно прочитать так: **“Бѣ Якунь сь лепь, луда бѣ у него золотомъ исткана”**.

Причину неверного прочтения автор видит в том, что “обыкновенно читали и даже печатали Нестора с пропусками” [там же: 63]. В подстрочном примечании он напоминает о недостатках первого издания 1767 г. Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи, а далее подчёркивает, что рукописные тексты Нестора публиковались как источники по **истории** страны: “Мы искали у него только исторических фактов, оставляя без внимания всё то, что не имеет чисто исторического интереса. Посему неудивительно, что мы не воспользовались доселе теми данными, какие для объяснения слова **луда** представляет его сказание об одном из Печерских старцев, по имени Матон” [там же: 63]. Старец среди поющих в церкви увидел вдруг **“обиходяща бѣса въ образѣ ляха в лудѣ и носяща в приполѣ цвѣтки, иже глаголется лѣпок”** [ПСРЛ, т. I: 82 = Лавр.лет., 190], которыми, разбрасывая, бес усыплял верующих. Значит, и в русском языке было слово **луда**, которое пришло из польского вместе с вещью. Н. Ламбин оставляет это слово и связанное с ним понятие без толкования, “предоставив знатокам польской археологии точнее определить как слово, так и самый предмет” [там же: 65]. Сам же задаёт ещё один вопрос: как “могло возникнуть искажение **слепь**, повторяемое без всякой перемены во всех наших списках”. И отвечает, пытаясь отыскать причину данного явления: “**Слепъ** могло родиться под пером их [переписчиков – Л.А.] только вследствие описки или недоразумения; а будучи опискою, оно должно скрывать в себе подлинное выражение летописца, должно иметь с ним начертательное или фонетическое сходство <...> Действительно, нельзя не признать в нём прилагательного *лепъ*, которое, вполне удовлетворяя логическим условиям,

представляет собой истинное сказуемое данного предложения” [там же: 65–66]. А буква **с** – “это остаток древнего указательного местоимения **сь**, которое как определение подлежащего **Якунь** также логически необходимо в этом предложении; ибо по правилам связной речи летописцу невозможно было, вслед за предложением **и приде Якунь с варягы**, повторить здесь то же подлежащее без указательного местоимения **сь, си, сеи** или другого какого-либо. Мнимая местоименная форма **ось** вместе с примером (из ПСРЛ, т. II: 160) «**улюби же король Андрей съветь ось**» внесена в «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. как речение старинное, не имея на то никакого права; а между тем действительно старинное указательное местоимение муж. **сь**, ж. **си**, ср. **се** не удостоилось этой чести” [там же: 67]. Приводя другие примеры употребления этих местоимений, Н. Ламбин пишет: “Следовательно, местоимение **сь** по всем правам должно быть восстановлено здесь как подлинное выражение летописи” [там же: 74]. (Заметим: В. И. Даль местоимение **сь** внёс в свой словарь). Далее Н. Ламбин делает вывод: “Итак, не только законы мышления, но и законы слова необходимо обязывали летописца употребить в рассматриваемом нами предложении выражения **сь** и **леть**, вместо общего всем спискам искажения **слепь**. Таким-то образом ослеп Якунь красивый вследствие умственной слепоты переписчиков” [там же]. И указывает причину неверного чтения: “Эта ошибка, очевидно, вызвана тем произволом в употреблении полугласных, какой господствует почти во всех памятниках нашей древней письменности. Правила употребления **ь** и **ѣ**, если таковые и существовали для языка церковнославянского, едва ли когда-нибудь бывали строго соблюдаемы писцами. По крайней мере, мы не знаем доселе ни одной рукописи, которая бы отличалась совершенно единообразным и правильным употреблением этих букв <...> Невозможно отыскать и следов каких-либо правил” [там же: 75]. Отметим попутно, что и в скорописных источниках буквы **ь** и **ѣ** чаще всего употребляются произвольно, и только к концу XVII в. их употребление несколько дифференцируется. “**Слѣпь** есть ошибка совершенно естественная, – продолжает автор, – и притом, как видим, весьма древняя, которая, должно быть, появилась уже в первых непосредственных копиях с подлинной рукописи Нестора” [там же: 76–58]. [О статье Н. Ламбина упоминает и Г. Я. Романова в работе, посвящённой вопросам достоверности лексикографического материала см.: Романова, 2000].

Статья Н. Ламбина – одно из первых лингвистикоисторических исследований лексики, которое не только восстановило в своих правах древнерусское указательное местоимение, не только выявило многолетнюю фактическую ошибку, допущенную переписчиками летописей, но и поставило вопрос о значении смешения полугласных **ь** и **ѣ** на

письме, и шире – о необходимости отражения в текстах, изданных для изучения *истории* страны, особенностей *языка* и *правописания* древних рукописей. Это одна из первых работ, которая показала, **как** нужно относиться к рукописным оригиналам древнерусских текстов и какую роль играет изучение лингвистической содержательности и информативности при подготовке их к изданию (хотя и без использования этих терминов). Здесь отражено исследование достоверности опубликованных источников. В статье намечаются основы будущей отрасли языкознания – лингвистического источниковедения с его основными категориями и методами изучения источников по истории языка, а также пути взаимодействия его с исторической лексикологией.

Н. Ламбин указал на слова, которые существуют в языке, но употреблены в неверно прочитанном сочетании, отчего произошла фактическая неточность. Однако в изданиях рукописей нередко обнаруживаются слова, никогда не существовавшие в языке, которые возникают вследствие какой-либо ошибки или незамеченной опечатки.

В. И. Чернышёв называл подобные слова *тёмными* и посвятил им работу 1935 г. «Тёмные слова в русском языке», опубликованную в первом томе двухтомного собрания его сочинений в 1970 г. [Чернышев 1970: 303–317]. Он писал: “Тёмные словоупоребления неприятны, как пятна на пёстрой, яркой и выразительной лексической ткани языка. Они портят текст, затрудняют мышление, наталкивают говорящих и читающих на ложные идеи и заключения” [там же: 303].

Вначале В. И. Чернышёв отмечает, что слова *абатур*, *обатур* «упрямый, грубый, скрытный человек», известные в русском языке с конца XV в. как прозвища, получили «долгую жизнь» под воздействием исторической личности осаждавшего в XVI веке Псков Стефана Батория [там же: 303–305].

Далее он приводит “несколько случаев, где тёмные, часто бессмысленные слова являются вследствие ошибочного чтения источников, неточной записи слышанного или искажённой ещё до чтения передачи слов в письме и печати” [там же: 313].

Одно из тёмных слов он находит у акад. Я. К. Грота. “В его «Филологических разысканиях» (т. 1, СПб., 1876, 433, 448) показано в числе «дополнений» к Толковому словарю Даля слово *прошохала* с таким текстом «*прошохала* об его будущем богатстве и об его смиренстве, захотела быть старинной дворянкой и нарохтитя за него замуж» (Аксаков. Семейная хроника, 113). Нет никакого сомнения, что слово **прошохала** возникло из механического чтения неясно отпечатанного слова *пронохала*, с не оттиснутыми поперечными штрихами в буквах **н** и **ю**. Это слово *пронохала* обычно всегда и печатается на соответ-

вующем месте в изданиях «Семейной хроники» С. Т. Аксакова» [Чернышёв 1970: 313].

Далее он разбирает некоторые публикации народных песен, когда при их записи существовала реальная возможность неверно услышать произносимое, а при издании неверно прочесть записанный от руки текст: «В «Русских народных песнях» П. В. Шейна (М., 1870: 159, № 100) читаем:

На что на горе зародила?

На что *цупова* оженила?

Перепечатаывая эту песню в «Великорусе» (№ 367), Шейн избавился от тёмного слова *цупова*, изменив текст:

Почто меня, молодца, оженила?

Неясно, откуда взята эта поправка? Очевидно, что слово *цупова* получилось из небрежного изображения и неосмысленного чтения начальных букв слова г и л. И содержание песни, и известные варианты говорят здесь за необходимость читать *глупова* (т. е. слишком молодого) вм. *цупова*.

В «Сборнике Кирши Данилова» (см. превосходное издание 1901 г., стр. 163) читаем: «Сам бы то я тое земчуженку проалмазил, посадил бы я на золотой свой *спеченик*». Что за слово *спеченик*? В печати нет вариантов к данной песне «Сборника Кирши Данилова», но нам удалось познакомиться с замечательным рукописным песенником середины XVIII в., принадлежащим И. С. Абрамову, в котором нашёлся вариант к данной песне с совершенно ясно читаемым в данном месте *спенёчик*, т. е. *шпенёчек*, дающим полный смысл тексту.

Приведём несколько предположительных поправок подобного рода к книге В. В. Сиповского «Русские повести XVII–XVIII вв.» (СПб., 1905).

«С год времени спустя господин Кошкодавов, не захотя жить более на свете, *опокинул*» (стр. 89). Наверное, *опочинул*.

«И только с одним лакеем, *отиширишишь* от всех охотников, прямо поскакал ко двору» (стр. 99). Должно быть, *отишибишишь* – *отбивишишь* (впр).

«Проезжие люди *наперевод* их пребезмерно испужались» (стр. 103). Очевидно: *наперьод*. Ср. на стр. 107: *вперьод*, т. е. *вперёд*.

«Якоже и *протейи*, ко кралю португальскому» (прислал) (стр. 268). Очевидно: *протчи*.

«Много ли мне земли на *поможение* тела надобно?» (стр. 272). Наверное: на *положение*.

«Сапоги *соромятные*, потковы медные» (стр. 289). Очевидно: *сыромятные*» [Чернышёв 1970: 314].

На стр. 315–316 В. И. Чернышёв приводит свои поправки к сомнительным местам фольклорного издания «Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия» (вып. I, М., 1911; вып. II, ч. I, М., 1917; ч. II, М., 1929): “Это – самое замечательное собрание русских песен <...> в данном издании оказалось несколько мест, спорных в отношении передачи слов и затруднительных для их истолкования. Предлагаем, в виде опыта, некоторые поправки к тёмным местам данных текстов.

Твои кудри соломенные,
Уста твои *щипицильные* (I, 23, № 54).

Вероятно, *щипицильные* от *щипица*, колючий кустарник.
Еще *судят* его ветляные,
Нашесточки дубовые,
Уключинки шелковые (I, 25, № 61).

Предполагаем чтение: *суда-то*.
Тебе полно коня томить,
Тебе полно ковра *полетить* (I, 35, № 87).

Описка или опечатка. Очевидно: *полстить* – сбивать, мять ковр (волочный).

Конём у ворот шурмовал,
Дубовы вереюшки расшатал (I, 47, № 121).

По-видимому, вместо «*копъём шурмовал*». Ср. пословицу: «Конём воевать, а *копъём шурмовать*» (Симони. «Старинные сборники русских пословиц...», 114, № 1318).

По морозу босиком,
Покрове нагишом! (I, 58, № 159).

Вероятно: *по кроле* (псковское слово), т. е. *по кровле*.

«Ещё по нашим *счастном* (счастьем) попали в глаза ракитовые кусты» (I, 80, приговоры дружки). Предлагаем чтение: *по нашим счасткам* (счасткам), т. е. по нашему счастью.

Показался мне молодец
Почернее *тела* черного,
Побледнее листа капустного (I, 83, № 247).

Вероятно: *чела* (отверстия русской печи, через которое идёт дым).

Стакарели ли с рук железа крепкие,
Кандалы тяжёлые? (I, 208, № 748).

Может быть, видоизменение слова: *стокарíли* – сточили напильником.

Таусен, а ты *кложичка*,
Таусен, а ты *кочерёжечка* (I, 295, № 1071).

Вероятно, *клюжечка*, уменьш. от *клюка*, особый вариант слова *клюшечка*.

Полно, дьявол, *излияться* надо мной,
Пора ехать с пашенки домой (П., I, № 1341).

Следует: *изгиляться* – издеваться.

Из Питера из *Карфета*
Присылал милой билеты (П., II, 148, № 2193).

Замечание Киреевского: «Вероятно, из Кронштадта: странное изменение!». Предлагаем чтение: *из корвета* – вид морского судна, малый фрегат.

Ему люди говорят
Любовница твоя *раскирёная* была (П., II, 183, № 2350). По-видимому: *раскорёная* – от *корить* (упрекать).

Поехали *на скопы*
На высокой лошади (П., II, 273, № 2707).

Может быть: *по снопы*. Ср. детскую колыбельную песенку Московского у.:

Наша Дуня дура
Поехала *по снопы*
На высокой лошади... (Сб. ОРЯС, т. LXVIII, № 3, 88) [Чернышёв 1970: 315-316].

Подводя итог и намечая пути выявления аналогичных случаев, В. И. Чернышёв отмечает сложность подобной работы: “Достоверность подобных поправок зависит от более или менее удачного анализа условий происхождения возникающих ошибок. В основе конечной неверной графики, дающей несуществующие слова, лежит прежде всего возможность неправильной подмены нечётко изображаемых букв и частей их в рукописях сходными буквами и штрихами, принимаемыми при чтении: *пронюхала* – *прошохала*, *глупова* – *щупова* и т. п. Этот анализ следует вести в пределах общих фонетических, морфологических, синтаксических и лексических возможностей и невозможностей для каждого данного словоупотребления. В исключительных случаях, когда тексты могут быть проверены по первоисточнику или повторяются в вариантах, решение сомнительных чтений и толкование тёмных слов значительно облегчается показаниями этих источников” [там же: 317].

Как видим, причиной появления псевдогапаксов в печатных книгах могло быть неверное чтение букв, перестановка слогов, неверное понимание рукописных текстов, с которых производился набор.

Напоминая о работе В. И. Чернышёва, А. Ю. Козлова в статье 1993 г. пишет: “Для древнерусской письменности пока ещё никто не пытался создать типологию слов, затрудняющих чтение и понимание текста – «трудных» слов. Такое исследование, если оно в принципе воз-

можно, во многом бы облегчило чтение, перевод и толкование древних текстов: можно было бы искать прецеденты, проводить аналогии <...> Среди них можно выделить группу призрачных слов, возникших из-за всевозможных ошибок, описок, неверного членения текста, во-вторых, это неясные слова, оказавшиеся диалектными, и, в-третьих, заимствования из других языков, для которых весьма трудно бывает определить язык-источник” [Козлова 1993: 350].

4. Псевдогапаксы, вызывающие неоднозначное толкование

Нужно отметить, что задолго до высказывания А. Ю. Козловой большую работу в этом направлении выполнил акад. Д. С. Лихачёв. С рукописными источниками, предназначенными к изданию, прежде всего ведётся текстологическая работа. В книге «Текстология» (М.:Л., 1962) исходя из задач своей дисциплины, он дал как классификацию ошибок в древнерусских текстах, так и постарался наиболее полно представить все случаи, которые были выявлены ранее учёными, исследовавшими и публиковавшими древние тексты. Он писал: “Слабая осведомлённость текстологов, литературоведов и историков в области истории русского языка отрицательно сказывается во всех звеньях текстологической работы, начиная от прочтения текста и кончая вопросами атрибуции памятника, определения его времени и места возникновения” [Лихачёв 1962: 278].

Классифицируя изменения в древнерусском тексте, Д. С. Лихачёв призывает отличать описки, ошибки от намеренного искажения смысла произведения, вызванного идеологическими причинами: “Если даже в тексте имеются явные описки писца, то мы должны понять происхождение этих описок, суметь их понять как описки” [там же: 140]. Большое место автор уделяет произвольным изменениям текста писцами и приводит множество примеров таких изменений: “Если изменение текста произошло бессознательно, т. е. если перед нами ошибка, надо показать, как появилась ошибка, какой тип ошибки имел место в данном случае, объяснить её палеографически” [там же: 149]; “необходимо бывает привлечь данные психологии ошибок, палеографические данные, данные языка” [там же: 183].

Д. С. Лихачёв напоминает историю, связанную “с толкованием следующего места в русском проложном житии княгини Ольги: И заповеда ему (Святославу, – *Д.Л.*) с землею равно погresti ся, а могилы не сути (т. е. «не съсуги» – не насыпать, – *Д.Л.*), ни тризн творити, ни дына десяти, но посла злато к патриарху Царяграда. Выражение **ни дына десяти** не было понято ни позднейшими писцами, ни многими исследовате-

лями, на разные лады изменявшими и толковавшими этот текст. Исследователь погребальных обычаев древних славян А. А. Котляревский предложил читать это место «ни бдына деяти» и толковал слово «бдын» (им сочинённое) как производное от слова «буда» и вкладывал во всё выражение такой смысл: «не делать надстройки, сруба над могилою» [Котляревский 1868: 119-120]. “Однако, – пишет далее Д. С. Лихачёв, – Н. И. Серебрянский на основании изучения различных разночтений этого места, привлекая различные данные древнеславянских языков, вполне удовлетворительно истолковал это место: «ни тина (дына) деяти», или «ни тина раскряти» – значит не заниматься «кожекроением», «лицедраием» (ср. аналогичный погребальный обычай, отмеченный в житии князя Константина Муромского) [Серебрянский 1915: 26–28]. То, что слово **тин** или **дын** было забыто, привело к появлению большого числа разночтений в последующих рукописях. Продолжили эту работу переписчиков и позднейшие исследователи. Все они старались по возможности «облегчить» это место, но не понять его” [там же: 143–144].

Ещё одна версия толкования этого слова зафиксирована З. А. Гриценко. В статье «Загадочное “бдынь”» она пишет, что в Житии княгини Ольги “выражение **ни бдына деяти** появилось в рукописи с XVI в. В Прологах XIV–XVI вв. встречается **ни години деяти**”, – напоминает она, толкуя слово **година** как ‘поминки’ [Гриценко 1978: 107–109; она же, 1989: 284].

По-видимому, притягательной силой обладают загадочные слова. Так, в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ, вып. 23, – Л., 1987: 70] есть словарная статья, составленная А. Ф. Марецкой: “**Одын**, а, м. Сруб для покойника. *Заволжье, Ворон.* Бломквист.”

Опираясь на капитальную работу Е. Э. Бломквист 1956 г. о древних срубах, устраиваемых над погребениями, известный лингвист, издатель журнала «Palaeoslavica», А. Б. Страхов (2002: 190–191) сопоставил слово **одын** со словом **обруб** (“Обруб на верху могилы, вокруг бугорка, брёвнами в два ряда обкладывают <...>”), зафиксированным в «Словаре говоров Соликамского района Пермской области», составленном О. П. Беляевой. Приведём эту словарную статью полностью: **обруб**, -а, м. 1. Укрепление из брёвен вокруг могилы на кладбище. *Обруб разбросан, крест уронен на могиле* (д. Толстик). *Обруб на верху могилы, вокруг бугорка, брёвнами в два ряда обкладывают; и досками обшивают, как ящичёк, чтобы земля не обсыпалась с могилы* (д. Тюлькино). [Беляева 1973: 378-379].

И. Г. Добродомов и В. В. Шаповал считают слово **одын** опечаткой вместо **бдын** в работе Е. Э. Бломквист, приводя заключительную часть её работы, в которой она вспомнила этимологические заметки А. А. Котляревского: “ср. вышедшее из употребления великорусское

буда – склеп для покойников (Даль), затем *будка* – отдельная небольшая постройка, современное украинское *будинок* – строение, избушка; ср. также *домовина* – гроб у северных великорусов (устарелое) [Бломквист 1956: 13] [Добродомов, Шаповал 2005: 333].

В ответ на рассуждения этих авторов, считающих слово **бдынь** «призрачным», А. Б. Страхов помещает свою реплику, в которой доказывает реальное существование слов *бдынь* и *дынь*, указывая на глагол *дынити*, обозначающий “обрядовое действие, совершаемое в годовщину смерти (*мужа своего Федора дынити*), но отличное от обычного годовичного церковного поминовения” [Страхов 2005: 339]. Эти слова, по его мнению, имели отношение к сооружению сруба, укрепления над могилой: <...> “Слово дынь в значении ‘укреплённый (могильный) холм’ (этимологически связанное с кельт. *dīno-* ‘холм; укреплённый холм; поселение, форт’) могло получить начальное *â-* скорее всего путём переразложения приставки *îâ-*. <...> Форма *обруб* в значении ‘укрепление из брёвен вокруг могилы’, зафиксированная в дд. Толстик и Тюлькино Соликамского р-на Пермской обл. <...> представляет собой надёжную семантическую и словообразовательную параллель к реконструируемому **обдынь* и в этой функции вполне заменяет скомпрометированное *одын*” [там же].

Д. С. Лихачёв в «Текстологии» отметил случаи искажения слова *плючь*: “Так, в тексте славянского перевода Хроники Георгия Амартола писцы не понимали слова «плючь» – ‘лёгкое’: И вышел на брань и устрелен посреде препон в плючь. Один писец заменил предлог **в** на союз **и**, а другие после этого заменили слово «плючь» на **ключь** и **плечь** в Хрон.Г.Амарт., 178” [Лихачёв 1962: 81].

Другую фиксацию слова *плючь* в виде **ключе**, **ключе** отметила А. Ю. Козлова в Толковой Палее XIII в. (по сп. 1406 г.): “Ср(д)це же оубо вчинено и лежить на ср(д)нем месте в ширина(х) обдержимо и хранимо округ **ключца** (в др. сп. ключами) яко (ж) оубо имши(м) (в др. сп. обуимшимь) е и яко вл(д)ка ествьныи в чертозе и набдить инеми частми округ) обистоящие его оуды... и не дающе ближни(м) вредом приближити(с). Палея Толк.¹, 31 б” [Козлова 1994: 76; в круглых скобках А. Ю. Козлова передаёт выносные буквы. – Л.А.].

“Здесь же в Толковой Палее, – пишет она далее, – находится другое непонятное слово *ключами*: Есть же оубо и личная часть нарецаемыи нос им же вдымание (в др. сп. издыхание) о(т) скровища ср(д)чнаго **ключами** впускаемо в перси и в гортань приимата (в др. сп. приимаета) ноздри. и впровожаета (в др. сп. въпроваживаета) ноздри и па(к) опять (л. 31 а.)” [там же: 76–77].

“На протяжении пяти веков – XIV–XVIII вв. – переписчики Палеи воспроизводили его [это слово – Л.А.] в двух вариантах – *ключца* и

ключами. Уже в наше время оно попало в «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (Т. IV, с. 227. – М., 1991) [Козлова 1993: 343].

В подтверждение того, что слова *ключами* (*ключами*) является искажённым *плющами* ‘легкими’, А. Ю. Козлова приводит такое толкование-перевод первой цитаты: “Сердце же создано и находится в середине внутри тела, окружено и защищено вокруг ключами, как бы охватившими его, (и) как владыка настоящий в чертогах, следит за другими частями тела – окружающими его органами <...>, которые не дают близко приблизиться кому-то или чему-то с целью вреда” [Козлова 1994: 77]. Далее она спрашивает: “Что же окружает сердце? Ответ простой – лёгкие. Именно лёгкие соседствуют с сердцем, как бы охватывая его <...> В переводных памятниках древнерусской книжности «лёгкое» передавалось словом *плюще*, множественное число – *плюща*” [там же].

Ниже автор отмечает, что в древнерусской письменности было три слова для обозначения легкого: *плюще*, *плюче* и *лёгкое*, а во всех западнославянских языках и в настоящее время бытуют первые два слова, что зафиксировано М. Фасмером: “**Плюще** – первоначально то, что плавает” [Фасмер III: 797]. Но встретившись в «СлРЯ XI–XVII вв.» со словами **ключа** ‘почки’ и **ключья** ‘болезнь’, а в «Вопросах и ответах св. Сильвестра и препод. Антония» с прилагательным «**о кличнем составе**» [Оп. II (2): 147], А. Ю. Козлова оставляет вопрос об ошибочности этих слов открытым, напоминая, что Ф. Миклошич в своём лексиконе прилагательное *кличнем* решительно исправил на *пличнемь* (стр. 515), а в «Материалах» И. И. Срезневского (т. I: 1223) *кличный* осталось без изменения [там же: 80].

Подтверждая свои выводы упоминанием о том, что в Шестодневе Иоанна екзарха Болгарского и в Хронике Георгия Амартола встречается слово **плюще** (плюче), автор с осторожностью заключает: “Несмотря на все приведённые доводы, пока ещё трудно определённо отнести *плюще* и *ключь* Толковой Палеи либо к призрачным словам, либо к словам, реально существовавшим в литературно-письменном языке Древней Руси” [Козлова 1993: 350].

5. Бесспорный псевдогапакс

В различных работах текстологов, литературоведов, лингвистов выявлены слова, о которых можно с полной уверенностью сказать – это псевдогапаксы, их никогда не было в русском языке. Об одном из таких слов (а именно о слове **итолок**) Д. С. Лихачёв писал в «Текстологии»: “В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и в «Материалах для терминологического словаря

древней России» Г. Е. Кочина слово **итолок** приводится без толкования, хотя и входит в рубрику «должностные лица». Взято это слово из издания «Первой псковской летописи», где под 1463 г. читается следующий текст: Присла князь местер ризский своих послов, честные люди, Ивана князча Сивалдайсаго, итолка своего Индрика и иных немец добрых. Кроме того, Г.Е. Кочин ссылается ещё на грамоту новгородского посадника в Ригу 1418–1420 гг., изданную А. И. Соболевским и С. А. Пташицким (Палеографические снимки с русских грамот. – СПб., 1903, № 41). Любопытно, однако, что в изданиях Новгородской первой летописи и Новгородской четвёртой летописи слово это встречается в изложении начала войны между Новгородом и Ливонией 40-х годов XV в., но осмысляется как имя собственное: А воюеть вас князь Григорий из заморья Клевьский про своего проводника Итолка Ругодивца. [Новг. I лет. (Н.): 423-424; Новг. I лет.: 423; ПСРЛ IV: 123; ПСРЛ IV (2): 439]”. Далее Д. С. Лихачёв опирается на находившуюся в то время в печати статью Н. А. Казаковой [статья вышла в 1969 г.), в которой доказывается, что “никакого слова **итолок** или собственного имени **Итолок** не существовало. Текст во всех приведённых случаях следует читать – «и толка», т. е. «и переводчика»” [Лихачёв 1962: 145]. То же мнение об этом слове высказал И. Г. Добродомов в статье «Хотя слово и есть в словарях...» в журнале «Русская речь» [Добродомов 1973: 124–127].

Обобщая существующие в литературе сведения о слове **итолок**, без ссылки на «Текстологию» Д. С. Лихачёва, но с упоминанием статьи И. Г. Добродомова, А. Ю. Козлова пишет, что слово уже второе столетие существует “незаконно и в словарях, и в изданиях летописей <...> Несмотря на то, что уже в 1837 г. М. П. Погодин дал правильное чтение тёмного слова как сочетание союза *и* + винительный падеж от слова *тълкъ* ‘переводчик’ (Погодин М. Псковская летопись, изданная на иждивении Общества Истории и Древностей Российских, при Московском университете. – М., 1837: 94), мнимый **итолокъ** находится и в «Материалах» Срезневского, и в «Материалах для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина, и в IV томе ПСРЛ, выпущенного в 1848 г. Археографической комиссией, в издании Псковской летописи А. Н. Насонова (вып. 1. – М.;Л., 1941. – вып. 2. – М., 1955), в изданиях Новгородской летописи 1888 и 1950 гг. <...> И только после того, как И. Э. Клейнбергом были привлечены ливонские документы того времени, Н. А. Казаковой удалось показать, что речь шла именно о переводчике; И. Г. Добродомов проанализировал историю возникновения и закрепления ошибки” [Козлова 1993: 352–354].

6. Текстологи о причинах снижения достоверности промежуточных источников

Публикации старинных рукописных памятников, в тексте которых нет пробелов между словами, порой содержат неверные прочтения текста исследователями и издателями, что снижает степень достоверности источников. Д. С. Лихачёв в «Текстологии» привёл случаи неправильного разделения текста на слова (с. 140–146), которые способствовали появлению слов-псевдогапаксов.

Опуская в некоторых случаях подробные пояснения автора, ограничиваемся здесь параллельными сопоставлениями неверного и верного текстов, выделяя тёмным шрифтом неверные написания:

“В лето 6575 заратися Всеслав сын Бречеславль, Полоцкий **за Янов город** (Новгородский летописец – ДРВ II, Продолжение, с. 351)” – следует читать: “*зая Новгород* (указал известный археограф начала XIX в. Ермолаев, на которого ссылается в «Кратком рассуждении об издании Полного собрания дееписателей» А. Н. Оленин) (Оленин, 1814: 18–19)” [Лихачёв 1962: 140].

“В 1-й части древнего летописца на стр. 22-й” напечатано: отнял еси у нас Волхов и иные воды, **Утече** и **Миловцы**... отнял еси у нас поле **Заечь** и **Миловцы** – правильно: “отнял еси у нас Волхов и иные воды *утечеими ловцы* (т. е. ловцами уток) ... отнял еси у нас поле *заечьими ловцы*” [там же].

П. М. Строев в предисловии к «Софийскому временнику» указал, что в Русской летописи по Никонову списку (ч. VII, стр. 219) напечатано: и Нагаи **быка Сторохани** кочевали – правильно: и Нагаи *бы Асторохани* кочевали.

“В издании «Римскихъ деяний» напечатано: З’єднавши себѣже glare *в.м.* себѣ жегларе (т. е. моряков)” [там же: 141].

“И не ввадимъ <...> от сущихъ под рукою наших князи светлых **никакому же скъблазну** или вине (ПСРЛ, т. XXV: 344) – верно даётся в рукописи XVIII в.: *никакому мужескъ блазну* или вине” [там же].

Д. С. Лихачёв приводит цитату из «Повести временных лет», напечатанную под 859 годом: “А козари имаху на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверице от дыма” и предлагает иное деление на слова: по бѣлѣи вѣверице от дыма, поясняя, что “мех белки (по-древнерусски «вѣверицы») ценится только зимний, как наиболее прочный. Зимний мех белки – «белый», серый” [там же].

“И послаша гонцов своих **Нолна и Дикирь и Пигъ**” – так было напечатано это место из Псковской третьей летописи под 1472 г. в Северном архиве (1822, ч. IV, ноябрь, № 22: 260). Д. С. Лихачёв пишет: “За указание этого прочтения приношу благодарность Л. А. Дмит-

риеву”. Верное чтение: “и послаша гонцовъ своихъ *нолна* (вплоть, – *Д.Л.*) и до *Кирьпига*. Кирьпига – это ливонский город Кирипега (Ки-ремпе)” [там же: 144].

“В грамоте на бересте № 19 издатель следующим образом разделил слитный текст на слова: «Да только буде сътарому мьсель **до-водь ле**». Перевод этого места даётся следующий: «Да только едва ли будет старому выгода, добыча». Между тем разделение текста на слова должно быть, конечно, такое: «до Водьле», а не «доводь ле». Водла и Сухая Водла соединяют Онежское озеро с Водлоозером. Слово «мьсель» означает «намерение». Перевод того места должен быть такой: «Но если появится у старого намерение (плыть) до Водлы»” [там же: 145].

И. Д. Беляев, издавая «Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича» напечатал «всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ» вм. «в *семь вѣце* и въ будущемъ». “Ошибка издателя, – пишет Д. С. Лихачёв, – произошла здесь потому, что он был недостаточно знаком с устойчивыми формулами окончания литературных произведений” [там же: 146].

“Коньектуры – это исправления (точнее – частичные восстановления первоначального текста), предлагаемые исследователем на основании различных соображений, но которые не могут быть подтверждены чтениями других списков” [Лихачёв 1962: 148]. Как пример одной из коньектур приведём пример из издания «Слова о полку Игореве», процитированный Д. С. Лихачёвым: “Нъ рекосте **му жа имѣся** сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ – верное чтение предложил В. Г. Анастасевич: *му жасимся*. Характерно, – пишет он далее, – что и в издании «Поучения» Владимира Мономаха А. И. Мусин-Пушкин не понял слово «мужество». Вместо слов «Поучения» «мужество и грамоту» А. И. Мусин-Пушкин напечатал «**мужь твой грамоту**»” [там же].

Отметим псевдогапаксы, связанные с неверным словоделением: *Янов город, Утече и Миловцы, Заечь и Миловцы, Сторохани, glare, съкблазну, Дикирь и Пиг, довод ле*.

Если издатель древнего памятника неверно разделяет сплошной текст на слова, то при этом возникают ошибочные слова и словосочетания – псевдогапаксы. Д. С. Лихачёв пишет: “Иногда неправильное разделение на слова не сразу заметно даже современному текстологу<...> Так, в Волоколамском списке № 651 «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия говорится, что Веспасиан берёт приступом город, «устроивши **же лъвь** да быша не пакостили им из града». Следует же читать: «устроивше желъве» (т. е. особый вид военного строя «черепашой»; *желъвь* – черепаха). Неправильное деление старого слова «желве» встречаем уже в XIV в. в известном Паисиевском

сборнике в собрании Кирилло-Белозерского монастыря № 410. Здесь в одной из статей, перечисляющей обвинения против латинян, читаем – «ядять **же львы**» вм. «желвы». В тексте Палеи, которой начинается Хронограф 1494 г. (б. Румянцевского собр. № 410), читается непонятная фраза: «(огнь) земный **житель сем** облажен» вм. «(огнь) земный же телесем обложен» [Лихачёв 1962: 63].

Значительные исправления внёс Д. С. Лихачёв в один из списков Московской летописи. «Как известно, – пишет он, – Эрмитажный список представляет собой копию конца XVIII в. со списка более древнего. Переписчик конца XVIII в. плохо разобрал свой оригинал и сделал очень много ошибок, происхождение которых во многих случаях совершенно ясно. Переписчик<...> не всегда справлялся с внесением в текст выносных букв, путал юс большой и юс малый, смешивал буквы **е** и **о**, неправильно делил текст на слова» [Лихачев 1962: 64]. Далее приводим случаи, указанные Д. С. Лихачёвым на стр. 64–65, выделяя ошибочное написание с помощью тёмного шрифта.

Больше всего случаев неверного чтения одной-двух букв: Литва, Зимгола, Корсь, **Сетгола**, Любь – *Летгола* (с. 337); **давно** видехъ землю Славянску – *дивно* (с. 338); **Кровичи** – кривичи (с.339); **посреди** же при Ользе – *последи* (с. 339); Си бо Угри **почиша** быти при Ракли цари – *почаша быти* (с.339); браци не бываху в них, но игрища межи **силы** – *селы* (с.339); собравши кости и вложить в судину малу и поставляху на **пятехъ** – *на пухехъ* (с. 339); И испросиста **та** у него итти к Царюграду – *ся* (с. 340); и **судь** Новгородстия людие – *суть* (с. 340); **Ас-кордь** и Дирь – *Аскольдъ* (с. 341); посла по ня в Селунь ко **Льгови** – *Львови* (с. 342); И по Игореве же възрастьшо и **гождаше** по Ользѣ – *хождаше* (с. 343); бес комара **гряду** – *граду* (с. 346); И **бо** у него воевода – *бе* (с. 347); се дал единому **мяжеви** много – *мужеви* (с. 347); и **почиша** воевати – *почаша* (с. 347); кто от **лодѣи** несеть что – от *лодѣи* (с. 349); Ино даста **ряку** между собою – *руку* (с. 354); яко ту **взя** благая моа сходять – *вся* (с. 354); в **новѣрныхъ** чловецех – *неверныхъ* (с. 354); **Витичи** – *Вятичи* (с. 358); и яко приближись к реце, **сверхъ** порты – *свергъ* (с. 354); иже **суд** подо мною Русь – *суть* (с. 356); **позяху** по граду – *возяху* (с.367); потнеся конь под нимъ в рове и **напомиси** ногу Глебу – *наломи си* (с. 371); И **наша** скоть збирати – *нача* или *начаша* (с. 373); **рякъ** сице – *рекъ* (с. 375); на **пруднея** возвратимся – на *преднея* (с. 379); А Святославу даю Чернигов... **Гачеславу** Смоленскъ – *Вячеславу* (с. 379); в монастыре Всѣволожи на **Рыдубачи** – *Выдубачи* (с. 382).

Иногда писец вставлял лишнюю букву: и **без** языкъ единъ – *бе* (с. 337); под горами при **березлѣ** – *березъ* (с. 338); ни любодейати, **ни красити** – *ни красти* (с. 340); гости и **обящи** посла – *обици* (с. 348);

Виде же Святополкъ **побежде** в Ляхи – *побеже* (с. 372); **промчимъ** землямь – *прочимъ* (с. 382); а Вятко еде с родомъ своим по **Отце** – *по Оце* (с. 339)

Из-за непонимания порой в тексте выпадала нужная буква: и **сну** копием Святославъ на Древляны – *суну* (с. 352); Ярополкъ... **при** власть его – *прия* власть (с. 357); **отмстие** да – *отместие* (с. 360).

Нередко наблюдалась перестановка слогов, отчего возникали невероятные слова: Бужане, зане седоша по **Губу** – *Бугу* (с. 339); ходя яко **парсду** – *пардус* (с. 353); на **Полостекъ** – *Полотескъ* (с. 357); **Лѣжезная** врата – Желѣзная (с. 375); и прошед **погоры** и приидоша в Дунаи – *порогы* (с. 376); и дань даяти **заповоде** 2000 гривень – *заповеда* (с. 380).

Наблюдались ошибки из-за неверного деления сплошного рукописного текста на слова: **тогда** есть земля ваша – *то где* (с. 360); бе бо тогда **половина** града – *поле вне* града (с. 376). Иногда же писец неверно передавал слово целиком, вероятно, не задумываясь о содержании текста: и Хорса и Дажба и Стриба и Сѣмаргла и Мокошь и **тряжу** имь – *жряху* имь (с. 358);

Из этого списка исправлений отметим слова, которые можно считать псевдогапаксами: *Сетгола, при березле, парсду, гождаше, мяжеви, ряку, новерныхъ, Полостекъ, тряжу, Витичи, отмстие, позяху, напомиши, побежде, рякъ, Лежезная, погоры, на праднея, Гачеславу, заповоде, Рыдубачи*, словосочетания *почишиа воевати, промчимъ землямъ, обяци (послы)*. “Писцу конца XVIII в., – пишет далее Д. С. Лихачёв, – многое уже было непонятно в древнем тексте. В рукописях более ранних такие неправильные прочтения встречаются относительно реже” [Лихачёв 1962: 65].

Кроме этих ошибок прочтения, автор отмечает ошибки запоминания, ошибки внутреннего диктанта писцов [там же: 68–71]. В результате получаются описки типа **пред враты** – *пред врагы, секущиеся* – *секущи вся, елико обеща* – *елико отвеца* [там же: 70]. В таких случаях слова не деформируются, но возникает нарушение смысла текста или легко угадываемая описка (**попѣгоша** – *побѣгоша*, с. 70, **языхъ** – *язык*, с. 71). Иногда же появляется словосочетание-псевдогапакс типа **луками лютыми** вместо *муками лютыми* [там же: 71]. В Чудовском списке «Моления Даниила Заточника», ссылаясь на рукописные материалы В. Н. Перетца, Д. С. Лихачёв отметил: дивья бо **за дивьяном** кони паствити – *за буяном* [там же].

Неверное чтение букв рукописи, предназначенной для издания, вызывает появление псевдогапаксов: “Примеры смешения сходных по начертанию букв приводит В. Лебедев в исследовании «Славянский

перевод книги Иисуса Навина): «**поведать**» вм. «повелять», «**под Лерьмоном**» вм. «под Аерьмоном» [Лихачёв 1962: 62].

К ошибкам письма он относит путаницу “в одинаковых буквах, пропуск букв и слогов, повторение слогов, перестановки букв и слогов, орфографические упрощения” [Лихачёв 1962: 71]. Здесь отмечены именно перестановки слогов: не **позира** я – не *позази* я (Хрон.Г.Амарт., 276), **покоры** – *порокы* (Флавий.Полон.Иерус.II, № 651, л. 145 об., по материалам В. Н. Перетца); **ховраты** – *хорваты* (Новг IV лет. – ПСРЛ, т. IV, ч. 1, 1915, с. 6); из **горь** его – из *рогь* его [там же: 172, прим. 12].

Из этого списка в качестве псевдогапаксов отметим следующие слова: *поведят, под Лерьмономъ, попегоша, языхъ, позира, покоры, ховраты за дивьяном* и словосочетание-псевдогапакс *луками лютыми*.

В «Текстологии» Д. С. Дихачёв отметил исправления и в тексте Ипатьевской летописи (Ипат.лет. – СПб., 1908.; переиздание – М., 1962). Он пишет: “Под 1188 г. читаем: «Роман же бяшесть пришел с ляхы на брата с **Межькоуемь** своим»... Очевидно, надо читать так: «с Межько уем своим» (стлб. 662). Текст был испорчен уже в протографе всех дошедших списков Ипатьевской летописи, так как в Хлебниковском и Погодинском он повторяет ту же ошибку” [Лихачёв 1962: 72–73]. “Повторение слогов и целых больших частей слова порождает иногда своеобразные слова-монстры: **землеземлесъѣдцы, отеживы-выевые, сказазаеть** и пр.”, – эти примеры Д. С. Лихачёв приводит, опираясь на рукописные материалы акад. В. Н. Перетца.

Пропуски слогов – одна из самых частых ошибок письма. Д. С. Дихачёв приводит примеры из Ипат.лет. Здесь и далее тёмным шрифтом выделяем пропущенные слоги: Паленьскую землю – Пале**сти**ньскую землю (с. 154); за королечь – за королевичь (с. 256); къ роду – къ **г**ороду (с. 320); постоша на поли – постигоша на поли (с. 358); почь – **п**омочь (с. 386); граты – гра**м**оты (с. 686).

Из Ипатьевской летописи он приводит пример, когда пропуск слогов и выносных букв меняет смысл текста. Правильные варианты автор извлекает из Хлебниковского и Погодинского списков: **в**ости их (стб. 458) – волости; **п**оступити под горы (стб. 385) – подступити под горы; к **р**отнико (стб. 347) – к ротником; И дасть царь Василкови в Дунаи 4 **г**оры – 4 городы (под 1162 г.). “Особенно многочисленны в рукописях недописи в двусоставных буквах **ы** и **оу**. Приведу примеры из Ипатьевского списка, – пишет далее Д. С. Лихачёв, – Вячеславоу в помочь (стб. 311); докоучивахуть (стб. 313); рекоуче (стб. 324); идоша стрѣлци и с товарь[i] (стб. 331); выяша его ис пороуба (стб. 337); в роуце (стб. 406); моужь (стб. 840). – Такого рода пропуск мог быть и в рукописи «Слова о полку Игореве» в следующем месте: уже бо бѣды

его пасеть птиц по **доубию**. Вставка буквы **у** даёт вполне удовлетворительное чтение” [Лихачёв 1962: 73].

Такого рода недописи и нам пришлось недавно встретить в рукописном житии. Так, в Житии Александра Ошевенского (XVI в.) звук [у] изображался тремя способами: буквой **у** (редко), сочетанием **оу** и буквой **ук** (и), которая изображалась писцом в виде **о** с галочкой сверху **ѵ**. Иногда писец забывал ставить эту галочку, тогда вместо **у** получался **о**: на троды вместо трѣды (Ж.Ал.Ош., 34 об.), и в то же время троужаяся роуками, тяготоу [там же], и: **слѣжбою**, **мѣча тело** [там же: 35].

Примеры пропуска повторяющихся слогов, которые искажают слова, Д. С. Лихачёв выписал из рукописных материалов В. Н. Перетца по упоминавшемуся выше Волоколамскому списку № 651 (Флавий. Полон.Иерус. II): **варварско** (л. 105), **зане не бысть** человека (л. 92 об.), не попустил бы Еуспасиана **на** Галилею (л. 174 об.) [Лихачев 1962: 72].

Приведём ещё несколько примеров, которые, как отмечает Д. С. Лихачёв, меняют смысл текстов так называемых «неисправных» списков: “Именно эти «неисправные» списки могут оказаться весьма показательными для установления истории текста<...> Особенно часты замены малопонятных писцу слов сходными по звучанию, понятными: вм. «на стогнах» (т. е. на площадях) – на **стенах**, «рыдель» (т. е. рыцарь) – **рыдатель**, «зърно горюшно» (или горушно – горчичное) – зърно **горошно**, «иконому» – **и ко оному** и т. д. В «Повести о Басарге» в основных её списках говорится «и бысть **голка** (шум, мятеж, – *Д.Л.*) велика». В одном же из списков это место переделано так: «бысть же во дворе **голкъ** (горшок – *Д.Л.*) велий» (Из рукописных материалов В. Н. Перетца)” [Лихачёв 1962: 75–76]. Отметим, что все эти слова, заменившие лексемы оригиналов, существовали в русском языке, только были неверно восприняты писцом, подобравшим понятные ему эквиваленты, от которых искажается смысл высказывания.

7. Гапаксы и псевдогапаксы, выявленные при подготовке рукописи к изданию

В вопросах выявления псевдогапаксов надёжны работы лингвистов-текстологов, имеющих возможность обратиться к большому количеству списков одного произведения. Текстологическое исследование – это один из приёмов изучения источника, которые повышают степень его достоверности.

В 1880 г. в 20-м томе «Сборника» Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) Академии наук помещена работа И. И. Срезневского «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памят-

никах», в которой был охарактеризовано шесть списков «Жития Андрия Юродивого». Во второй половине XX в. акад. А. М. Молдован провёл текстологическое исследование всех известных к этому времени списков (более 200) этого «Жития», позволившее ему путём реконструкции рукописной истории текста обосновать “принадлежность того или иного слова древнейшему переводу и отделить его от аутентичных чтений вариантов позднейших редакций и отдельных списков” [Молдован 1994: 7].

Полученные данные свидетельствуют о том, что некоторые указанные в перечне И. И. Срезневского слова изученных тогда списков «Жития» не принадлежат переводчику, а являются следствием искажения или редактирования первоначального текста. Остановимся на так называемых “мнимых” словах, “лексикографических фикциях” (по терминологии автора), отмеченных в работе А. М. Молдована, который стремится определить причины, вызвавшие эти явления, и дать объяснения, опираясь на изученные им тексты.

ВИГНОСЬ: аще кто поидеть в вигнось ἐῖς τὸν ἀμπελῶνα in vineam (Срезневский 1880: 167). Со значением ‘виноградник vinea, ἀμπελῶν’ это слово включено в «Материалы» И. И. Срезневского (I: 254), но уже без соответствующей греческой параллели. Аналогичным образом толкуется оно в «СлРЯ XI–XVII вв.» [вып. 2: 71], где греческое соответствие воспроизведено, как и в перечне Срезневского, в усечённом виде. Между тем, это написание представлено только в группе списков Великих Миней Четиих, во всех остальных списках на этом месте читается: аще кто поидеть въ виноградъ гѣнь (43в) в соответствии с греческим текстом ἔχεις ἐῖς τὸν ἀμπελῶνα Κυρίου (PG 111, 784). “Очевидно, что это мнимое слово является следствием гаплографической ошибки в списках ВМЧ: виноградъ гѣнь – вино гѣнь – виногъ – вигнось” [Молдован 2000: 62]. Пример, пишет автор, “поучителен в том отношении, что сама по себе проверка значения слова по греческому тексту без учёта текстологических данных не защищает от ошибки” [Молдован 1994: 8];

ДИВЬ"КОВЬ: имаше очи дивь"ковы τοὺς ὀφθαλμοὺς ἠγῳμῆνοῦς (Срезневский 1880: 169). Слово представлено только в одном списке Син. 925, относящемся к сравнительно поздней (XV в.) украинской редакции В, в остальных списках сохранено первоначальное чтение перевода: **ДИКОВЫ** [Молдован 2000: 62]. В «Материалах» (I: 665) и в «СлРЯ XI–XVII вв.» (вып. 4: 245) слово **ДИВЬ"КОВЬ** иллюстрируется лишь приведённой цитатой, в других источниках оно не встретилось. Производное от праслав. *div'akъ ‘нечто дикое, пребывающее в естественном состоянии; животное (собственно дикая свинья); дико-растущее растение; человек, живущий в первобытном состоянии’

(Słownik prasłowiański. – Т. 3. – S. 214–215, с пометой *западное, южное*);

похрита: показнь приимъ и похритуо "вис" всѣмъ, αἰσχύνη (Срезневский 1880: 171). Только в списках редакции В. По данным остальных списков, в архетипе перевода было **охриту**. В «Материалах» И. И. Срезневского (II: 1320) в статье **похрита** представлена только эта цитата из редакции Б; в «СлРЯ XI–XVII вв.» из этого чтения правильно выведена начальная форма муж. рода **похритъ** (вып. 18: 62). “Однако и это слово может быть лексикографической фикцией, т. к. о нём нет никаких других документальных сведений. Вероятно, оно явилось в архетипе редакции Б следствием механического повторения в слове **охритъ**... приставки предшествующего слова: показнь... и охриту – показнь... и похриту” [Молдован 2000: 62];

“**хупавъ**: оунъ есть и хоупавъ сластолюбець (Срезневский 1880: 177). В списках, относящихся к архетипу 2, в противоположность написанию **мухавъ** в архетипе 1. На первичность чтения **мухавъ** указывают несомненно относящиеся к архетипу однокоренные с ним слова **муханиѣ** и **мухатися**” [там же: 63];

“**хупани**~: вѣгаи вациа и хупаниа... βλακείαν (Срезневский 1880: 178). Только в списках редакции В. В списках остальных редакций и групп списков **мухани**~” [там же];

“**хупатис**: нача нечиста” **мухатис**” и **хупатис**” (Срезневский 1880: 178). Только в списках редакции В. Чтение архетипа перевода представлено в списках остальных редакций и групп: нача нечиста” мухатис” и ломитис”” (36а) – σχήματα πρᾶττειν καὶ ἕξασ καὶ κινήματα καὶ βλακεύματα [Молдован 1994: 8].

В «Материалах» И. И. Срезневского слова **мухание**, **мухатися**, **мухавый** даны без толкования, только с греческими соответствиями. Напротив, **хупание** переведено как ‘леность, вялость’, а **хупатися** – ‘выпрашивать’ и (с примером из «Жития Андрея Юродивого») – ‘ломаться, кривляться’.

Наблюдения А. М. Молдована над текстами «Жития Андрея Юродивого», “византийского псевдоисторического романа, переведённого в Древней Руси в XI – нач. XII в., сохранившегося в более чем 200 списках” [Молдован 1994: 7], подтверждают положение С. И. Коткова о том, что лингвистическая содержательность источника зависит не только от его содержания, но и от “степени проникновения науки в материю языка” [Котков 1980: 10]. Они раскрывают один из путей такого проникновения: изучение всех известных списков произведения в текстологическом аспекте, сравнение вариантов слов всех списков и всех редакций. Такое изучение древнего памятника даёт определённые

доказательства наличия или отсутствия псевдогапаксов в текстах списков. До исследования А. М. Молдована, изучившего более двухсот списков «Жития Андрея Юродивого», существовала только работа И. И. Срезневского (Срезневский 1880). Рассматривая доступные ему шесть списков, он обнаружил лексическую вариативность в определённых местах текста. Если бы с той поры были изучены эти слова по другим произведениям, по диалектам, возможно, нашёлся бы ответ на вопрос: были ли они в массиве русского языка, или эти слова можно отнести к псевдогапаксам. Их существование нельзя объяснить неверным прочтением рукописи. Они извлечены из отдельных списков «Жития», учтены в словарях и стали фактом языка. А. М. Молдованом они не все внесены в Указатель слов его исследования [см.: Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. – М., 2000: 675–759]. Внесены **охрить** – 723, есть однокоренные глагол **похритатися** и существительное **похритъникъ** – 729), **мухавъ**, **мухание**, **мухатися** – 712, в то время как **вигнось**, **дивьяков** не внесены – они из других списков. Кроме того, на с. 67–68 приведён большой список гапаксов из этого памятника.

Как И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка», авторы «СлРЯ XI–XVII вв.» поставили задачу возможно более полной инвентаризации лексики письменных памятников, являющихся источниками Словаря. Теперь, когда А. М. Молдованом проведено текстологическое изучение «Жития Андрея Юродивого», можно ссылаться на результаты этого более надёжного и глубокого проникновения науки в материю языка. Именно это издание как основной источник используют теперь авторы «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Но нужны исследования лексикологов, которые ответили бы на вопрос, являются ли эти слова принадлежностью русского языка эпохи перевода «Жития», времени его списков, или это ошибочные, не существующие в русском языке слова, которые можно (по Инструкции 1988 г.) не включать в исторический словарь. Как видим, исследование А. М. Молдована заостряет этот вопрос и побуждает к дальнейшим исследованиям на базе проделанного текстологического изучения памятника.

8. Псевдогапаксы, выявленные в критическом издании рукописи

Публикации рукописных источников и в настоящее время в наборном тексте иногда передают особенности оригиналов неточно. Не часто учёные берут на себя труд проанализировать текст публикации, в большинстве случаев доверяя опыту издателей. Но когда такой труд предпринимается, то обнаруживается немало неточностей в изданном

тексте древней рукописи, которых можно было бы избежать, если бы издатели опирались на категории лингвистического источниковедения.

Недостаточное внимание издателей к вариантам различных списков публикуемых произведений (по требованию текстологии) ведёт к появлению псевдогапаксов в изданиях древнерусских памятников.

В рецензии на очередной том Декабрьской минеи, изданной по рукописи ГИМ в 1999 г. немецко-российским коллективом учёных под руководством проф. Г. Роте и проф. Е. М. Верещагина, проф. В. Б. Крысько отметил несколько несуществующих слов и словосочетаний, которые возникли в результате неверного прочтения текста. Опираясь на факсимильное издание 2000-го года этой рукописи, он пишет: “Из примечания 9 следует, что в П [список, по которому в издании приводятся разночтения – Л.А.] после существительного **сѣдѣтель** прибавлено **гоп** (?); на самом деле в рукописи употреблена редкостная членная форма существительного **сѣдѣтельго**, после которой идёт сокращение **ѣс**” [Крысько 2002: 382]. Здесь налицо неверное деление сплошного рукописного текста, и важно, что издатели отразили свое сомнение в примечании, которое помогло рецензенту при сличении с факсимильным изданием восстановить истинное чтение этого места.

После указания на неверно прочитанное слово автор рецензии стремится выяснить причину его появления: “На стр. 106 (примечание 13) приведена форма **прѣдиликъсть** из П; между тем наличие титла над **сѣ**, на наш взгляд, исключает слитное написание и определяет трактовку данного фрагмента как **прѣди ликъ сѣ**. Чтение С [другого списка, по которому в издании приводятся разночтения – Л.А.] – **предѣликоують** – показывает наряду с греч. **προχορεῦουσιν** что в протографе П, по-видимому, имелась форма **прѣдиликъствоуѣть**, искаженная при переписывании и в итоге разделённая на три осмысленные формы – вероятно, со значением ‘впереди ликов святых’. Исчезновение глагольного сказуемого потребовало введения нового сказуемого, которым по произволу писца стал глагол **подвизахоус**”, поставленный на месте дополнения **рожьство** (**τῆ γενέθλια**), сохранённого в С” [там же]. Указав на несуществующее слово, автор поясняет, что в П “нет чтения **бѣбначальное**, но – и **сѣбезначально~**” [там же].

Из-за неверного словоделения в публикации искажается смысл текста: “вместо **на оусти** должно быть **наоусти** – аорист от глагола **наоустити**” [там же: 383]. “Не произведён словораздел в отрезке **дньсь** (**спсеныи**), причём перевод ‘den heutigen Rettungstag’ создаёт впечатление, что **дньсь** было интерпретировано как имя существительное со значением ‘сегодняшний день’, тогда как исходя из славянской грам-

матики это может быть только днѣ съ ѿспенни ‘этот день спасения’ [там же: 384].

“Стр. 770. Едва ли следовало соединять в композит **благодаровати**”, – пишет далее В. Б. Крысько, указывая на словосочетание *блага даровати*, которому и в греческом соответствуют два слова – *χαρίων δ' ὀρηθήναι* [там же: 386].

Недостаточное внимание к лингвистической информативности рукописи заставляет авторов публикации делать примечания к таким словам, где этого не требуется: “Стр. 185. Чтение *въскли<к>нѣмъ* сопровождается примечанием: «в С ошибочно **въсклизнѣмъ**». Однако на фотокопии (F) совершенно ясно читается правильная форма *въскликнѣмъ*” [там же: 383].

Выявляется как псевдогапакс слово **раисѣи**, замеченное автором рецензии в примечании 7 на стр. 799. Эта форма “в рукописи выглядит несколько иначе: первоначально действительно было написано **раисѣи**, однако под строкой между **с** и **ѣ** приписана **т**” [там же: 386]. Переписчики вовремя заметили свою оплошность (здесь, конечно, слово *раистѣи* ‘райский’) и постарались её исправить, а редакторы не рассмотрели исправления.

В рецензии В. Б. Крысько отмечено сомнительное слово **сеостанокъ** “в поздней приписке. В другом списке зафиксировано чтение *сьостанокъ*, на фоне которого странная для существительного приставка **се-** выглядит как порча текста” [там же: 384].

Встретившееся в публикации слово-псевдогапакс **оукоиши** рецензент считает опiskой. Но она “в соответствии с принципами критического издания вряд ли должна быть помещена в основном тексте, тем более что в списке М присутствует правильное написание *оупокоиши*” [там же: 385], т.е. правильное чтение сомнительного места даёт другой список. Заметим, что в изданиях, выполненных по лингвистическим правилам, в тексте приводится та форма, которая есть в рукописи, но к ней обязательно даётся подстрочное примечание типа: *Так в ркп, упокоиши?* Лингвист-публикатор обычно лишь высказывает предположение, какое слово могло бы быть на месте установленного им дефектного написания.

В указанной публикации Декабрьской минеи, подготовленной как критическое издание, рецензент считает неправомерным раскрытие некоторых слов, данных в рукописи под титулом, т. к. “несмотря на декларации об очевидности и прозрачности сокращённых написаний, далеко не каждая форма под титулом может быть раскрыта с уверенностью в том, что это раскрытие не исказит её фонетическое содержание и даже морфологический статус” [там же: 387]. В этих случаях не исключено появление нескольких возможных вариантов; в частности, по

мнению В. Б. Крысько, “расшифровка сокращённого написания **блснь** как **благославлень** не может быть принята, т. к. это, бесспорно, благословень или благословень – точная калька греч. εὐλογητός” [там же: 382].

Отсутствие пробела внутри рукописного текста ещё не говорит о едином слове, а пробел внутри слова не является верным признаком отъединения слова в виде определённого набора букв от последующего текста и не позволяет воспринимать его как отдельное. Лингвистическое источниковедение предлагает при подготовке текстов к изданию изучать их со стороны лингвистической содержательности и информативности, что в значительной мере способствует надёжности в определении границ древнерусского слова. Важную помощь при подготовке изданий оказывает процесс составления словоуказателей, которые в последнее время всё чаще стали сопровождать издания рукописных памятников. Это позволяет правильно прочитать сплошной текст и вовремя исключить ошибочно воспринятые слова.

9. Псевдогапаксы в словарях

Наибольшее количество псевдогапаксов выявляется при работе над словарями – как уже вышедшими из печати, так и создающимися в настоящее время. Слова эти реально существуют, поэтому трудно согласиться с названием *призрачные, фантомные*: они зафиксированы не только издателями, но и авторами словарей, которые должны бы пристальнее отбирать лексику для включения в свои лексикографические труды, но всё же они восприняли их как реальные. Не остановила их единственная фиксация, вероятно, потому, что из-за неисчерпанности наших письменных источников остаётся надежда на вторую фиксацию и прояснение смысла таких слов. Не всегда автор словаря может с уверенностью сказать, что такого-то слова не было, поэтому включает все, даже сомнительные лексемы. Другое дело, что доискаться смысла в этих словах невозможно, зато можно увидеть, в чём причина искажения лексем, что именно привело к формированию подобных образований.

Об одном из таких слов провёл разыскание проф. И. Г. Добродомов. Так, в «Словаре церковно-славянского и русского языка», составленном Вторым отделением имп. Академии наук [СПб., 1847, т. III: 318], он указал на словарную статью **Полпаль**, и, с. ж. *Стар.* О мѣхахъ: испорченнѣй до половины отъ подпари; вылѣзшии от сырости. *Даль сорокъ бѣль да полпаль пополнка.* Акты Ист. I, 301. Краткая цитата взята из опубликованной в 1841 г. в первом томе «Актов исторических» Тарханной грамоты Кирило-Белозерскому монастырю от 20

марта 1556 г.: Кириль игумень купилъ въ домъ Пречистые у Серка ниву Волковскую съ вылазы, съ Серкова огорода на врагъ къ болоту, даль сорокъ бѣль да полпаль пополнка. АИ, 301. 1556 г. При такой солидной покупке давать продавцу попорченную шкуру (полпаль=«подпаль») в качестве «пополнка» как-то странно. И. Г. Добродомов убедительно доказал, что в тексте речь идёт о слове *подпаль*, а слова *полпаль* не существовало в русском языке: “В итоге следует сказать, – пишет он, – что призрачное слово *полпаль* обрело свой истинный облик *подпаль*, но полностью не слилось с ним, поскольку оно отличается от него семантически: оно составило новое значение для прежде считавшегося однозначным древнерусского слова *подпаль* – «черный бычок»” [Добродомов 1998: 278]. Добавим: «*подпаль* – молодой, недорослый бычок и обыкновенно черный бык. Иркут.», как это отмечено в «Опыте областного великорусского словаря» [СПб., 1852: 164]. Думается, что здесь следует говорить не о многозначности слова *подпаль*, а об образовании омонима.

Лингвисты ведут исследования в рамках определения достоверности тех или иных слов, обнаруживая их и в публикациях, и в словарях. Так, в «Словаре русских народных говоров» И. Г. Добродомов указал на слово *бѣткаръ* в значении ‘бревно на корме баржи, на котором висит якорь’. Камск. Миртов 1930 [СРНГ, вып. 3. – Л., 1968: 311]. Авторы словаря дали ссылку на запись, сделанную А. В. Миртовым в 1930 году. В фонде Словарного отдела ИЛИ РАН имеется большой недатированный «Уральский словарь» А. В. Миртова, вероятно, из него извлечено это слово. И. Г. Добродомов предположил, что “ошибка возникла из-за плохой противопоставленности букв *т* и *ш* в современной скорописи” [Добродомов 1974а: 159]. Выражая сомнения в существовании слова *бѣткаръ*, он ссылается на «Морской словарь» К. И. Самойлова (М.:Л., 1939), в котором “есть слово *бушкар* (волжское) ‘круглый или четырёхугольный деревянный брус, укрепленный на носу судна у форштевня. В наружном конце Б(ушкара) врезан шкив, через который проходит дректов (сука), служащий для подъёма якоря’”. Отмечено оно также в «Словаре волжских судовых терминов» С. П. Неуструева (Нижний Новгород, 1914) с более подробным объяснением и указанием, что этот же предмет у морских судов называется *бушприхт*. Боковой или кормовой бушкар, по С. П. Неуструеву, назывался *крамбалка* или *крамбал*” [Добродомов 1974а: 159]. Далее автор приводит многозначные слова (чувашское *пушкар* и марийское *пашкар*), которые могли бы, по его мнению, повлиять на возникновение волжского термина. И в конце статьи призывает знатоков “старой волжской терминологии” откликнуться и уточнить, “какая из приведённых в заголовке форма правильна – буткаръ или бушкар?” [там же].

В 1975 г., в год выхода первых двух выпусков «СлРЯ XI–XVII вв.», И. Г. Добродомов описал ошибочные элементы словарика некоторых словарей в статье «Проблемы филологической достоверности слова в словарях». Он напомнил “о мнимом судовом волжском термине **буткарь**’ возникшем в результате неправильного прочтения слова *бушкар*” [Добродомов 1975: 31]. И далее указал, что “специфика словарного дела, связанного с осмыслением очень большого материала, которым составитель владеет далеко не в одинаковой степени, не исключает возможности ошибок, обнаруживающихся в словарях как в словнике, так и в пояснительной части” [там же: 29].

Он напомнил и о “случае с мнимым древнерусским словом **вермие** ‘саранча, черви’, фиктивность которого (вм. *вершине*) была вскрыта А. Матлом” [там же: 30]. Ссылаясь на исследования А. Матла и А. Вайана, о выражении **вермие дубное** написала А. Ю. Козлова и напомнила, что здесь “речь идёт о случайной порче сочетания *вершине дубное* «верхушки, побеги дуба»” [Козлова 1993: 351].

Одной из причин появления псевдогапаксов в словарях является неверное деление текста на слова. “Аналогичная ошибка, – пишет И. Г. Добродомов, – породила «слово» **икеремень** у И. И. Срезневского (Х.Игн.См.), а что касается слова **керемень**, то его можно соотносить как с болгарским названием крепости, укрепления – *кермен*, *карман*, так и со словом *караван*: Тамо есть икеремень сараи поставлен, не доходя до Иордана реки съ пять версть (ср. караван-сарай). <...> В некоторых случаях ошибочное прочтение восходит к переписчикам текста, которые неточно воспроизводили оригинал. Таково ссылочное слово **актарь** (к правильному *актазь* ‘пегий’ или ‘белая арабская лошадь’?), восходящее к Ермолаевскому списку [Ипатьевской] летописи, хотя в этом слове было бы заманчиво увидеть следы болгарского ротацизма (соответствие з ~ р). См.: Изв. АН СССР ОЛЯ, XXIII, 3, 1964, стр. 258” [Добродомов 1975: 30].

“Вероятно, такого же ошибочного происхождения, – продолжает он, – записанное в 1961 году в Комаричском районе Брянской области и неизвестное по другим источникам слово **гапельник** ‘сковородник’ (вм. широко распространённого *чапельник*), хотя не исключена и возможность производства от *гáпля* ‘петелька для крючка у платья’ или *гáплик*, *гáплюк* смол. «крючок (на удочке)»” [там же: 31]. В той же статье, однако, автор высказывает предостережение: “При выяснении возможных ошибок в словарях необходимо весьма осторожно и тщательно выявлять причины ошибок и не торопиться с выводами, поскольку предполагаемая «ошибка» может оказаться закономерной хронологической или территориальной модификацией какого-либо слова” [там же: 31].

Своеобразный способ передачи отечественных слов в словарях, написанных иностранцами, также вызывает вопросы у И. Г. Добродомова. В той же статье он останавливается на слове из «Дневника Ричарда Джемса», опубликованного в 1959 г. проф. Б. А. Лариным: “В слове **porte** ‘род острого ножа’ у Ричарда Джемса Б. А. Ларин склонен был видеть опisku вместо **порт** (стр. 196, 204, 263, 280), но ввиду коми-зырянского и удмуртского **пурт** ‘нож’ слово **порт** ‘род острого ножа’ должно быть признано реальным для Русского Севера XVII в.” [там же: 32].

Исправление в другом словаре русского слова автор не считает обязательным. Он пишет: “Едва ли есть необходимость русское северо-западное название рукавиц *Dyanutz* [т. е. деяницы, дияницы, дяницы, дяницы] *Viehhandschuenn* в русско-немецком словаре XVI века<...> исправлять на сомнительное **Dlanutsy* ‘дланицы’, как это сделано М. П. Алексеевым в книге Словаря иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. – Л., 1968, стр. 132” [там же: 32].

В статье «“Трудные” слова в текстах и словарях» А. Ю. Козлова указала, что в «Материалах» И. И. Срезневского “находится непонятное слово без толкования – **коусина** из «Книги Александръ» сборника XV в. В. М. Истрин в своём издании «Александрия русских хронографов. Исследование и текст» дал верное чтение этого слова: въ воусинѣхъ вместо въ коусинѣхъ, то есть в одеждах из тонкой льняной ткани”. В подстрочном примечании А. Ю. Козлова сообщила: “На этот случай наше внимание обратил И. Г. Добродомов” [Козлова 1993: 352]. Действительно, в 1975 г. он писал: “Ошибочное прочтение породило слово **кусина** в «Материалах» И. И. Срезневского (т. I: 1381) вместо более правильного *вусинъ* (греч. βύσσινον, βυσσό ‘виссон, тончайшее полотно’): Ерѣм же предсто"щимъ въ коусинѣхъ, рекше въ зѣленахъ. Александр. 35” [Добродомов 1975: 30]. «Книги Александръ» находятся в сборнике XV века Московского главного архива Министерства иностранных дел – Сказание об Александре Македонском, о чем сообщил И. И. Срезневский в III томе «Сведений и заметок о малоизвестных и неизвестных памятниках» [СПб., 1879: 130–133], но указанной цитаты там нет.

В работе 2000 г. И. Г. Добродомов вернулся к этому источнику и к словам **кусинъ** и **зелень**. “В. М. Истрин, – пишет он, – <...>отметил ошибочность написания **въ коусинѣхъ** в издаваемом им списке и напечатал текст с исправлением по списку Ундольского: ерѣм же предсто"щимъ въ воусинѣхъ, рекше въ зѣленахъ, в примечании к последнему слову нерешительно пометив: «вероятно, глосса» (Александрия, 41)” [Добродомов 2000: 302].

В этой цитате, как считает автор, содержится также не отмеченная словарями глосса **зѣлена**, что соотносится с татарским *жылэн* ‘азям’. (Ошибочно воспринимает эту глоссу как указание на зелёный цвет Г. Н. Лукина. См.: Этимология 1970: 246–247) [см.: Добродомов 1975: 30; он же, 2000: 301–303].

В той же работе 2000 г. И. Г. Добродомов доказал существование в древнем русском языке тюркизма **зелена** в значении ‘азям; халат, летнее платье, пыльник’, ‘лёгкая верхняя одежда’, привлекая многочисленные соответствия из татарского, башкирского, чувашского, уйгурского, казахского, чагатайского и других языков [см. Добродомов 2000: 297–311]. Причём, самую раннюю фиксацию этого слова он приводит из текста берестяной грамоты № 262, обнаруженной в слое второй половины XIV в.: *портнице зелени*. В этом тексте слово было воспринято как прилагательное не только первооткрывателем берестяных грамот А. В. Арциховским при раскопках 1956–1957 гг., но и изучавшим древненовгородский диалект акад. А. А. Зализняком в 2004 г.

В этой же статье И. Г. Добродомов указал ещё на одно “призрачное” (по его терминологии) слово, которое зафиксировано в «СлРЯ XI–XVII вв.»: “**Иззелень**. Бѣлка иззелень – *белка, сохранившая летний рыжий цвет шерсти (?)*. Купиль онъ на Вишерѣ 2200 бѣлокъ чистыхъ иззелени, полтредья сорока горносталей. ДАИ XII, 285. 1685 г. [вып. 6: 159. – М., 1991]. Автор считает, что это слово основано “на не вполне правильном чтении одного и того же источника. Если бы при правильной форме **зелень** были приведены и другие текстовые примеры, это ликвидировало бы впечатление гапакса, возникающее вследствие единичности иллюстративной цитаты” [Добродомов 2000: 300]. В статье даются не использованные в Словаре и оставшиеся в Картотеке ДРС примеры со словосочетанием *белка зелень* (с. 299), так что вместо **бѣлокъ чистыхъ иззелени** нужно читать *чистыхъ и зелени*.

А. Ю. Козлова приводит свидетельство М. Фасмера, который “указал на призрачность гапакса **жюр**, встретившегося в одном из списков «Слова о погибели Русской земли». Вероятно, это описка вместо *жюр* ‘господин’, представленное в других списках памятника. Но **жюръ** до сих пор существует в 5 выпуске «Словаря русского языка XI–XVII вв.»” [Козлова 1993: 352]. Приведём цитату из Словаря: Буртаси, черемиси, вяда и морьдва бортьничаху на кнзя великог<о> Володимера, и жюръ Мануиль Цѣрегородскый опась имея... Сл.погиб.Рус. зем., 24. XV в. ~ 1238 г. (имеется в виду византийский император Мануил I Комнин, правивший в 1143–1180 гг., при котором было отражено нападение русских дружин на Константинополь). М. Фасмер пишет: “**Жюр** «господин», др.-русск.; встречается только один раз в так

наз. «Слове о погибели Русск. земли» («Ж.Ал.Невского»); описка в м. *кюр* *кѳрюс* «господин», встречающегося в др. списках» [Фасмер II: 69].

В работе А. Ю. Козловой есть свидетельство о том, что И. Г. Добродомов в статье 1987 г. «Существовало ли на Волге слово *фурстовина*?» “исследовал случаи возникновения чисто графическим путём неорганического *с* в памятниках старинной русской письменности и указал появившиеся в результате этого гапаксы – мнимые слова: в Азбуковнике XVI в. – **искра**, поясняющее греческое *хавыяръ* ‘икра’; **корскота** – название болезни, попавшее в «СлРЯ XI–XVII вв.» на основании одной фиксации в Лечебнике XVII в. без соотнесения с аналогичным *коркота* летописных текстов, а также **фурстовина** из *фуртовина* ‘буря’ с *с*, появившимся после внесения в строку какой-то вертикальной черточки над *фуртовина*” [Козлова 1993: 353]. В исследовании И. Г. Добродомова указано ещё и слово **фурстина** (с буквой *с*), попавшее в словари с тем же значением ‘буря’, которое также является ошибочным [Добродомов 2015: 209].

Итак, отмечены псевдогапаксы: *бѳткарь*, *икеремень*, *актарь*, *жюр*, *корскота*, *корт*, *коусина*, *полпаль*, *фурстина*, *фурстовина*, словосочетание *вермие дубное, иззелена* вместо *и зелена* (что соотносится с татарским *жилэн* ‘азям’).

В статье 2003 г. «К древнерусской текстологии (замечания и поправки к изданиям разных лет)» проф. А. Б. Страхов делает несколько поправок, относящихся как к изданиям письменных памятников, так и к словарям. В «Переписной окладной книге Вотьской пятины» 1500 г., читаем: **А ѳгодей в той волости рѳка Нѳва, да въ рѳцѳ въ Нѳвѳ тоня под Рогомъ подѳ деревнею, да прѳды прѳдѳтъ на порозѳ, а ловѳтъ выѳлохы, а даюѳтъ с тони и зѳ прѳдовѳ полѳ четвѳрты гривны съ денгою**. Кн.пер.Водск.пят.П, 131. Книга является источником «СлРЯ XI–XVII вв.», поэтому здесь даём принятый в нём шифр, а в статье А. Б. Страхова цитата зашифрована по имени издателя и времени издания: Оболенский 1851: 131. Далее он пишет: “Странное **выѳлохы** членится на три слова: *а ловѳтъ в ѳх* [т. е. в прудах!] **лохы**. Ср. статью **Лохъ**, м. *Отощавишии после нереста в реках лосось* (СлРЯ 8, 287–288), где среди иллюстраций содержится пример из того же издания: *Колят пруды и лохы ловѳт (ib., 288)*” [Страхов 2003: 199].

Автор отмечает несколько случаев неверного словоделения в топонимах и личных именах. Перечислим, отмечая тёмным шрифтом ошибочные написания: деревня **Бормасельской** – Борь Масельгский, находящийся около деревни Масельга (Оболенский 1851: 180); **въ... деревнѳ въ Дѳховѳ Выгаленѳвѳ** – в Ыгаленева [там же: 340].

Далее А. Б. Страхов пишет: “Одной из популярных ошибок в изданиях является неверная интерпретация предлога *иѳ* перед словом,

начинающимся с буквы гласного. Расчленение предлога на и и â, а потом присоединение этого â- к последующему слову ненужно умножает примеры в-протетического в др.-русском языке” [Страхов 2003: 200].

У Митрея **и Выгнатева** – ув Ыгнатева (Новг. каб. кн. VI: 51);

и Восипа Зеленого – ув Осипа [там же: 79];

оу Юрья **и Вонцифорова** – ув Онцифорова (АСВР I, 26, № 2);

у Восташки – ув Осташки (АСВР III 414, № 395).

“Необходимость отделить предлог от личного имени, – замечает далее А. Б. Страхов, – ощущается в публикации *Расходной памяти попа Тимофея, Спасского церковного приказчика* (Холмогорской епархии) 1618 г.: купиль у Шихутина **Упути** 30 гвоздей – у Пути (АХУ I: 34)” [Страхов 2003: 200].

Далее автор указывает на неверное деление на слова сплошного рукописного текста в издании, в результате которого текст приобретает иной смысл. В предложении “Се позва Левонтии Зачепинь Савка и всих княжоостровъчовъ на судъ дворяниномъ Матуго и Мартынкомъ (Гр.Новг. и Псков., 188. XV в.) – правильно Матугои Мартынком. “Речь идёт об одном дворянине, которого зовут Матуга Мартынько” [там же: 201].

В Хождении Игнатия Смольнянина (Х.Игн.См., 22. XVI в.) А. Б. Страхов отметил неверное словоделение: тамо Марья Егвпетцкаа преходила Иердань кои Зосимѣ, яко по суху – правильно: ко Изосимѣ [там же: 203].

В Отводной грамоте 1492 г. “кажется предпочтительным оперировать уменьшительной формой имени, а не полной: А повели Ивановы отводчики Монастырева ключник Иванов Вндрѣи Коплюгизов да слуга Иванов Огаѳоник (АСВР II, 290, № 216)... лучше читать Вндрѣико Плюгизов ” [там же: 204].

Из берестяной грамоты № 417 имя Матвѣи Кенище предлагается читать Матвѣике Нище(и) [там же].

Из Купчей попа Максима Ионовича 1-й четверти XV в. (Гр.Новг и Псков.: 190, № 135) в подписи А на то послухи: Ондри Конанович автор предлагает читать имя иначе: Ондрик Онанович [там же]. В этой же публикации в грамоте № 110 1435 г. по списку XVII в. (стр. 169) А. Б. Страхов нашёл два случая неверного словоделения: «Что **прикупле** отца моего (надо: при купле); <...> в отдел **усто** (надо: у сто); ...а то детемъ моим вопцы **усто** (надо: у сто)»... “Съто – административная единица” [там же].

А. Б. Страхов возвращает в фонд нашей ономастики личное уменьшительное имя: От воженья ото мху *паѳуры* даль 4 д. (АХУ I: 54. 1620-21 г.): “Слово паѳуры... есть, вероятно, род. ед. личного имени *Пафура*, уменьш. от *Пафнутий*” [там же]. В «Ономастиконе»

С. Б. Веселовского “встречается Пахура, крестьянин, 1498 г. Новгород (Веселовский: 240)” [там же: 202].

Под 1214 г. в Новгородской первой летописи по Синодальному списку читаем: **Князь же Мстиславъ въ вѣче поча звати они же** [новгородцы – А.С.] **не пондоша новгородци же створивъше вѣче о собе, почаша гадати.** (Новг. I лет. (Н.), 53) – по мнению А. Б. Страхова, “это либо краткая форма прилагательного ср. р. вѣче особе, т. е. ‘отдельное, обособленное (от князя) вече’, либо наречие” [там же: 205].

Неверное разделение на слова А. Б. Страхов видит в той же летописи под 1259 г.: вятшии **велятсѧ яти** меншимъ по числу (стр. 62). “Надо читать и членить это место иначе – *велят сѧ яти*. Местоимение *сѧ* относится не к форме *велят*, а к глаголу *яти* и находится в препозиции к нему” [там же].

В опубликованной Радзивиловской летописи (Л., 1989) А. Б. Страхов обнаружил места, требующие поправок.

– 988 г.: яко избавиль ны ес(ть) от враг наших, рекше от **идоль служитель** (Радзив.лет.¹, 54. XV в.). – “Правильное решение – объединение двух последних слов в одну композиту *идольслужитель* – издателям не смог подсказать даже приводимый ими же самими вариант из Московско-Академического списка XV в.:⁸⁴⁻⁸⁴ *А идолослужитель*”.

– 996 г.: и не могъ Володимиръ стати противу ему, и **подъбѣгоста** под мостомъ, одва укрыся противныхъ (Радзив.лет.¹, 56. XV в.). «Аорист дв. числа здесь неуместен, поскольку речь идёт об одном человеке. Ошибочное *подъбѣгоста*... разлагается на две нормальные аористные формы: *подъбѣго* (= *подъбѣзь*) *ста*” [там же: 206].

– 1092 г.: В си же времена мнози ч(е)л(о)в(ѣ)ци умираху различными недуги, якоже(е) гл(а)гола(х)у продающее **кр(е)сты**, яко: Продахом **кр(е)сть** яко от Филиппова дня до мясопуць 7 тысяць (Радзив.лет.¹, 87. XV в.). – “Упрощённая транслитерация, раскрытие сокращений под «титлами» таят свои специфические опасности и ставят перед издателями новые задачи, с которыми они не всегда в состоянии справиться <...> Внеся в раскрываемое сокращение букву (е), издатели обнаружили понимание этих форм как ‘кресты’, ‘крестов’, но значение их иное – ‘гробы’, ‘гробов’, и раскрытое сокращение должно выглядеть: к(о)рсты, к(о)рсть, или к(ъ)рсты, к(ъ)рсть” [там же: 207].

– 969 г.: яко десницею **покрыть** а, и мышцею защититъ я (Радзив.лет.¹, 35. XV в.) – “Верно *покрыеть*. Ср. *покрыеть* в Лавр.лет., 69” [там же].

Комментируя миниатюру в описании Лицевой Псалтири собрания А. С. Уварова № 13 (592), Е. К. Редин читал надпись на таблице LXII (рис. 22) так: **вѣси ^ аера постригахи жиды на Ха.** – “В надписи

явственно читается не **постригаху**, а **постричаху**. Справедливость такого чтения подтверждается глагольной формой, встречаемой в сходном контексте в Житии Нифонта 1219 г.: **онъ же сице стража постреченьъ въсы и възьмъ оуже оудавися** (Ж.Нифонта, 319). Все эти формы глагола **пострѣчати**, связанного с **пострѣкати** «подстрекать, побуждать» [там же: 208].

Относительно восстановления исходной формы от глагола **отъженемъ** (Изб.Св. 1073 г.², 167 б₇₋₈), приведённой в Указателе как **отъжешти**, А. Б. Страхов пишет, предлагая дополнить этой формой словарную статью **отыгнати** [там же].

а. Псевдогапаксы в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского

Задачей И. И. Срезневского было отразить в словаре материалы источников, которые были известны к середине XIX в. Не всегда можно было с уверенностью определить семантику лексем. В наше время, когда этот словарь стал одним из источников «Словаря русского языка XI–XVII вв.», пришло время проверки по источникам помещённых в нем материалов. Иногда источники невозможно найти, особенно когда в словаре приведены материалы из «Словаря церковно-славянского языка» А. Х. Востокова (СПб., 1858–1861), не имеющие точных ссылок на источники.

“На несколько сомнительных чтений” в «Материалах» И. И. Срезневского указал А. Б. Страхов в цитированной выше статье.

– **гаснь** (от гадати): Елико при гаснехъ родъ исполинский. Гр.Наз. XIV в.” (Срз. I: 510).

“В *Слове о нищелюбии (De pauperum amore)* Григория Назианзина, из перевода которого взят этот фрагмент, сказано следующее: *περ ἦν τι τὸ παλαιὸν, ὅσον ἐπὶ τοῖς μύθοις, γένος γυγάντων καὶ τῶν λοιπῶν ἀνθρώπων (Patrologia graeca 35, p. 888, ln. 40)*. В *Трудах св. отцев* в переводе Епифания Славинецкого (Московский печатный двор, 1655 г., л. 78, 2-ая фол.) интересующее нас место переведено правильно: **И якоже бѣ что древнѣе, елико при гаснехъ, родъ Исполновъ, и прочихъ Человѣкъ**. Впрочем, *ἐπὶ τοῖς μύθοις*, как можно догадываться, и в переводе XIV в., которым пользовался Срезневский, тоже было переведено правильно: при **гаснехъ**, но, видимо, нижняя петелька буквы **а** осыпалась, и Срезневский поэтому принял **а** за букву **ѣ**...>. Псевдо-гапакс **гаснь** не попал ни в *Древнерусский Словарь XI–XIV вв.*, ни в *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, зато чтение и этимология Срезневского были приняты составителями ЭССЯ (6: 105), которые на основе этого единственного примера (!) постулировали существование

праслав. *gasъnъ < *gad-sъnъ (с вопросом к словообразованию). Увлечение лингвистов однократно фиксируемыми формами известно, и доверие к ним достойно решительного осуждения. На гапаксах (самого сомнительного свойства) в славистике и русистике зиждятся целые теории” [Страхов 2003: 210]. [Заметим, что в этой части статьи А. Б. Страховым употреблено слово псевдо-гапакс. Наш термин «псевдогапакс» появился до знакомства с работой этого исследователя. Но так как она опубликована гораздо раньше, чем наша книга «Слово и его источники» (М., 2006), в которой обосновывается необходимость этого термина и его значение, признаём первенство появления этого слова за А. Б. Страховым].

В «Материалах» И.И. Срезневского есть слово **нет#жь** ‘ленивый, праздный’: **П@ть~ нет#жь настълани трънь**” (ἀέρως). Панд.Ант. XI в. л. 186 (Амф.). (Срз. II: 435). Та же цитата в СлРЯ (вып. 11: 324) иллюстрирует слово **нетяжа**¹, м. Лентяй, бездельник. Путье **нет#жь настълани трънь**” (ἀέρων). Панд.Ант.(Амф.), 79. XI в. – “А между тем, – пишет далее А. Б. Страхов, – у Амфилохия (1880, 25), на которого ссылаются оба словаря, находим иное, и надо полагать, правильное членение фразы: **а празнь зълѡб# наоуча~тъ трънов#. въ роукоу бо недѣл#** (гlossa на поле: нет#жа) тръни~ ничеть. и **п@ть~ нет#жьна. стълани трънь**”. Последняя синтагма есть цитата из Притч Соломоновых (15: 19): **Питѣе празныхъ постланы тернѣемъ<...>** Слово нет#жь не существует, а слово нет#жа, хотя и существует, но иллюстрироваться этой цитатой не может, так как здесь мы имеем дело с формой нет#жьна – т. е. с субстантивир. кратким прилагат. м. р. род. ед. от нет#жьнь” [Страхов 2003: 210–211].

Слово **утремыни** (?) даётся в «Материалах» И.И. Срезневского без толкования с цитатой: Оутремно неразумно слово. Поуч.Георг.Заруб. (см. **утремы**) (Срз. III: 1313). – “В заголовках словарных статей фигурируют несуществующие слова. В последовательностях оутремно и оутремове из *Поучения зарубского инокa Георгия* по списку, датированному Срезневым XIII веком, следует видеть конструкции с предлогом оу (въ): оу тремно, оу тремове. Форма ср. р. тремно, как кажется, представляющая собой гапакс, может быть тесно связанной с греч. τέρεμνον, τέρεμνον ‘дом, жилище’, в котором обычно видят источник древнерусского слова теремь (ср. Фасмер IV: 47)”. (Далее А. Б. Страхов приводит форму **трѣмъ** из Троицкого списка Хроники Г. Амартола, ц.-слав., сербские и болгарские соответствия). “В *Поучении*... оба существительных метафорически обозначают ‘пчелиный улей’... В первом тексте имеется ещё одно неверно прочитанное слово: стыдива, которое надо членить на сты (с потерянными «тит-

лом», т. е. **бты**) и дива (достойны). После совершения этих операций текст становится более понятен: ... "ко же бо бчелы ^ различень **цвѣтець, несуща оу тремно неразумно слово, оу тремове створ#юща сты дива достойны множествомъ клѣтокъ красныхъ**" [Страхов 2003: 211].

Ещё одно слово, данное в «Материалах» И. И. Срезневского без толкования, остановило внимание А. Б. Страхова: "**түтичь** **а ? а Придаю бтѣмоу бпсѣ ^ гоусни, ^ коуръ и ^ тоутича и ^ всего приплодька десятое.** *Вклад. гр. Мих. Конст. Пинск. (Ев. Рум. XIV в. 112)* [Срз. III: 1039]. Упомянутые ранее гуси и куры позволяют уверенно читать **^ оутича вл. ^ тоутича**", – пишет А. Б. Страхов и приводит примеры, когда "при выражении идеи предлога-приставки **от/от-**" возможно "появление лишнего -т-": например, в Паремейнике 1271 г.: **^твьѣщати** (Бусл.Христ.: 75), в Шестодневе XV в.: **^тъидоугъ** и др. "Что же касается слова оутича, то это форма род. ед. краткого притяжательного прилагательного оутичь (приплодькъ) 'утиный приплод', образованного от сущ. оутица" [Страхов 2003: 211].

б. Псевдогапаксы в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля

Несуществующие слова, или, по крайней мере, вызывающие сомнение в своём существовании, обнаружены В. В. Шаповалом в его статье «В. И. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса». Сомнения возникали у самого В. И. Даля, и такие слова он снабжал знаком вопроса, который ставился им сразу за словом – **настовать(?)**, после слова с внутренними скобками – **канди(ы)ристый?**, но иногда и внутри таких скобок – **обрез(г?)нуть**: "<...>где это, по искажению и по другим причинам казалось сомнительным, там и ставил вопросительный знак" (Даль I: IXX).

В. В. Шаповал пишет: "Более 1190 «красных» слов с **полужирным** знаком вопроса образуют особый слой не вполне надёжных, с точки зрения автора словаря записей, над которыми он немало потрудился <...> Сомнения Даля базировались на результатах критики словарных материалов, которая в принципиальных чертах изложена им в статьях и выступлениях, публикуемых обыкновенно в первом томе <...>" [Шаповал 2009: 159].

В. И. Далем отмечены и исправлены некоторые псевдогапаксы «Опыта областного словаря» 1852 г.: Академического словаря: **Тута** <...> 'уныние, тоска, грусть, скука' – не **туга** ли? [там же: 159–160]. В то же время в его словаре В. В. Шаповал обнаружил немало призрач-

ных *слов*, которые подверг рассмотрению в своей статье. Иногда у Даля “записи со знаком вопроса дополняются альтернативным чтением, напр. **Анева?** арх (*огнева?*) яркая полоса неба промеж туч; признак ветра оттуда” [там же: 160–161].

С помощью процедуры графической реконструкции В. В. Шаповал стремится восстановить путь возникновения ошибки в словарной записи с целью обоснования своего чтения. “Обнаруживаемая в процессе графической реконструкции нейтрализация графем, – пишет он, – характеризуется смешением по внешнему виду при чтении лишь отдельных допустимых в данной позиции вариантов графемы” [там же: 163]. И далее он приводит примеры из Словаря В. И. Даля, в которых одна буква принята за другую, отчего произошло невероятное слово. Приводим примеры из статьи В. В. Шаповала.

а – е: **Палёдь** *вд.* место в овине для входа в него (*пеледа?*) – Даль III: 7.

Пастикъ? (*нестик?*) растен. *Poligonum bistorta*, см. брилена – Даль III: 18.

Подара? *ж. пск.* буря, сильное волнение на воде (*сиб.* падера)? – Даль III: 145.

а – ть: **Важа?** *ж. арх.* (*вѣжа?*) кочевье, зимнее поселение кочевников на Груман (Гренландия) – Даль I: 141.

а – и: **Миза(и)ночникъ?** , растение *Dactylis glomerata?*, южа, ежа – Даль II: 921.

а – о: **Абодье?** *ср. арх.* (*обыдень?* или *ободнять?*) красный день и удача на лову – Даль I: 2.

Атульга? *ж. арх.* (*отульга, отулять?*) гряда кустарника, леса по краю тундры; опушка ея – Даль I: 25.

а – ог: **Анева?** *арх* (*огнева?*) яркая полоса неба промеж туч; признак ветра оттуда – Даль I: 15.

аст – от: **Плотать?** рыбу, *пск.* чистить (*пластать?*) – Даль III: 116.

б – г: **Обнива?** *ж. смб.-кор.* (*огниво < поперечина на столбах>, на барках? обнимать?*) нахлестка, прогон на мостовых сваях – Даль II: 1187. <...>Либо смешение *б – г*, либо всё-таки *б* написано верно, хотя производность от *обнимать* не вполне ясна [там же: 164]

б – д: **Либивый?** *ол.* хилый, плохой силами, здоровьем. См. *Лицина* (болезнь) – Даль II: 853.

г – п: **Гаклунь?** (вероятно то ошибка *паклун?*) барбарис, растение *Berberis vulgaris*, кислица, кислянка, паклун *донс.* – Даль I: 30.

г – т: см. выше **туга** – туга.

г – ч: **Гарузь?** *арх.* (не ошибка ли? *чарусь?*) топь, во(а)дья, окно, чарусь – Даль I: 305.

Раг(ч?)ать *лен, нвг.-брон.* трепать и чесать – Даль IV: 3 <...> Отсылочного *рачать* у В. И. Даля нет, из чего можно понять, что вероятнее, по его мнению, было *рагать* [там же: 164].

е – о: **Курелепъ?** (*куролепъ?* или *курослепъ?*) растение *Strastium semidecandrum* – Даль II: 826.

Поло(е?)вичникъ? *кур.* земляника, *Fragaria vesca* – *ю.*

е – с: **Керскоть?** *м. ол.* большой невод; вероятно ошибка, *вм. керегодь* – Даль II: 720 <...> Колебания *г-к* и *д-т* возможно, фонетические. Выделяем из этого примера В. И. Даля только смешение *е-с*, явно визуального характера [там же: 165].

е (ю) – ю: **Патюма?** *мск.* подслеповатый; вероятно *потёма* – Даль III: 19. “Диграф *ю* здесь прочитан как *ю*, а не как *ё*” [там же].

ж – к: **Перечетырживать?** *мск-руз. ярс-пош.* передразнивать кого, или ломать, корчить и представлять в лицах, перекартавливать. **Перечетыркивать** кого, *ниж. смб.* перебивать чью речь – Даль III: 88.

ж – т: **Атно?** *тмб ажно,* ально, анно, анда, инно, инда, так что, даже – Даль I: 25.

Жажель? *м. (тяжестъ?) смл.* трудная обязанность, бремя, обуза – Даль III: 468. “Здесь лаконизм не дает понять, какое же чтение имелось в виду у Даля в качестве верного: **тяжель* или всё-таки *тяжестъ*, ср. ниже *помлить*” [там же].

ж – х: **Памжа?** *ж. зап. пск.* (не *памха* ли? см. это слово), невзгода, беда – Даль III: 9. <...> **Памха**, *и. с. ж.* 1) Беда, напасть. Новгород. Тихв., 2) Повальная болезнь. Твер. Новотор. (Опыт 1852: 152).

ж – ш: **Боушикъ?** *м. (божикъ?) ряз-кас.* икона, образ – Даль I: 107. <...> “Здесь видится чтение **божникъ* ...точно совпадающее по числу и последовательности элементов с *боушикъ*. Ср. **Божникъ**... Полотенце, подстилаемое под образами. Кур.Обоян.Доп. 1858: 316” [там же: 165].

з – т: **Зуркаться?** (*туркаться?*) *вят.* стучаться – Даль I: 625.

к – л: **Скалунъ?** *м.* голубь, выбрасываемый из голубятни для заманки чужаго (*скалунъ* или *скаунъ*) – Даль IV: 174.

Шпыкъ? *м. влгд. шпыль?* *каз.* нечеса, косматый, включенный. Не *шпынь* ли? См. следщ. – Даль IV: 589. Ср. с иным толкованием: **Шпыкъ** *а, с. м.* Непричесанные волосы на голове Волог. **Шпыль** то же, что *шпыкъ* <...> **Шпынь**. Волосы. *вят.* (Опыт 1852: 267) [там же: 165–166].

к – н: **Чувильн(к?)а** *ж. волж.* птичка, пташка – Даль IV: 126.

к – х: **Сахвоня?** *ж. смл.* жареная говядина с приправами (соковня?)

Сукоратка? (не *сухорадка* ли?) *твр.* лихорадка. *Сукоратный?* *нвг.* золотушный – Даль IV: 327.

л – н: **Помдить?** вят. бзлч. почудиться, привидеться (*помнить?*) – Даль III: 249. <...> “Думается, возможно представить чтение *помстить, если л была «вчитана» в начертание ст, ср. *мстить(ся) ‘казаться, мерещиться, чудиться’, восстанавливаемое А. Ф. Журавлевым (Журавлев 2002: 388)” [Шаповал 2009: 166].

л – п: **Вапуй?** м. кстр. (валуй?) род лесного гриба – Даль I: 145.

м – н: **Том(н?)ковница**, растн. *Herniaria glabra*, бахромочная, остудникъ, кильникъ, грыжникъ – Даль IV: 379. “Видимо, в скобках чтение с -н- – от Даля, стремившегося опираться на деривационные связи слов для прояснения их смысла” [там же].

м – ш: **Мень** или *мень?* (мѣнь, от мѣнять?) сев. ол. пляска с песнями: становятся дружками в круг, делая поход (шенъ *chaîne*) – Даль II: 915. “<...> неверное написание через ять производного от *менять* или же ошибочное прочтение галлицизма *шен* «цепь»” [там же].

н – т: **Машн(т?)овать?** молиться Богу – Даль II: 908 <...> Ср. **Помаштовать?** арх. молиться – Даль III: 246.

п – р: **Сжущиться?** кур. съежиться сморщиться; *сжурииться?* тул. – Даль IV: 163.

р – с: **Шуртать?** ячмень, тмб. ‘отолакивать, шастать (*шустать?*)’ – Даль IV: 539.

ск – ш: **Шалики?** м. мн. кур. (*скалики?*) мелкие весы с разновесом – Даль IV: 566.

т – ш: **Вергильникъ?** *вершильникъ?* м. кожевн. кадка, мерою до двух бочек, для золки кож, особ козловых – Даль I: 160. “Не указан предпочтительный вариант: видимо, В. И. Далю важно было показать неясность словопроизводства, от которого зависел и выбор чтения” [там же: 166].

Микот(ш?)ана? влгд. хлеб ситный – Даль II: 922 <...> ср. **Микотка**, и, с. ж. Ситная лепешка (Опыт: 114., перм.) [там же : 167].

Свою задачу критики Словаря Даля В. В. Шаповал определяет как попытку “прийти к самой общей модели потенциальных нейтрализаций графем, как она сложилась у В. И. Даля <...> Примеры отдельных видов нейтрализаций представлены в основном 1–2 раза” [Шаповал 2009: 167]. Далее он указывает, что нейтрализации зависят от элементов, из которых состоят буквы, имеющие в начертании мачты, петли и овалы. Как пример смещения двухэлементных графических групп автор приводит слова **Гунакъ**, *гуначик*, (в своем издании Бодуэн де Куртенэ исправил на *гунанъ* ‘теленок по третьему году’) и **Ожика** – *ожина* ‘ежевика’ в которых нейтрализуются графемы **к** и **н**. В слове **Арегва?** ‘артель’ В. И. Даль увидел *арав* с нейтрализацией группы графем **а** и **ег**.

Для иллюстрации смешения трехэлементных графем В. В. Шаповал приводит слово **Едоша?** ‘общая крестьянская лесная дача, участок для хозяйственного использования или вырубки’. “Бодуэн добавил **Едома** см. **едма** (Даль I: 285)” [там же: 172].

Тушь – туошь (берестяной бурак, короб), **отсумливать** – отсумливать, **облитник** – обметник (большой стог сена), **сулить** – суметь (сугроб), **нагнавить** – нашавить (налгать), **проздукать** – профукать, **лишарь** – мшарь (болотная трясына), **палиха** – памжа, памха (ненастье), **ленивка** – мшевка (возвышенность на болоте) и др. – эти примеры В. В. Шаповал разбирает, чтобы определить виды нейтрализаций графем с целью восстановления исходного вида записей [там же: 172–177]. Эта методика глубокого анализа графики неясных написаний лексем в рукописных источниках приобретает большое практическое значение для лексикографов, авторов исторических и диалектных словарей, а также для издателей.

в. Псевдогапаксы в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»

В 2019 г. вышел 31 выпуск этого словаря (начало буквы У). Нужно признать, что первые два выпуска этого словаря, вышедшие в 1975 г., подверглись резкой критике учёных, которые отмечали массу неверных слов и форм на его страницах. С той поры многое изменилось. Изменились методы работы над словарными статьями, приобрёл опыт коллектив, поменялись основные установки, определяющие цели словаря. Теперь материал Картотеки ДРС используется для более подробной разработки семантики слова, привлекаются фрагменты из новых источников, особенно снабжённых указателями слов, слов и форм, материал готового выпуска подвергается тщательной сверке с источниками, а в сомнительных случаях – и с рукописными оригиналами.

В статье «Как появляются и живут “призрачные” слова» И. Г. Добродомов, давая небольшой обзор исследований псевдогапаксов, упоминая работы Н. А. Казаковой, А. Ю. Козловой, З.А. Гриценко, высказывает мысль о том, что “«Призрачные слова» должны также включаться в исторические словари с разъяснением их призрачности и ссылкой на исследования, в которых доказана призрачность соответствующих слов. В этом смысле исторические словари станут хорошими путеводителями по изданиям старинных текстов и помогут избежать дальнейшего повторения ошибок” [Добродомов 1998: 274].

Это высказывание И. Г. Добродомова выглядит как прямое обращение к авторам «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Если вспомнить, что последняя Инструкция, выработанная в 1988 г., когда большая часть Словаря была опубликована, исключала «испорченные сло-

ва» из его корпуса, то будет понятна позиция лексикографов, которые, встречая подобные слова, просто не брали их в Словарь.

Однако по мере продвижения по массиву русской письменности XI–XVII вв., отражённой в Картотеке ДРС, авторы всё чаще сталкиваются с псевдогапаксами. Легко было отбросить их, не вдаваясь ни в какие объяснения: не позволяет Инструкция 1988 года включать в Словарь то, что установлено как испорченное. Кстати, вопрос об *испорченных* словах не нашёл отражения в ней, такого термина в ней нет. “Не включаются в состав словаря, – читаем в Инструкции, – неправильно транслитерированные и неверно понятые переводчиками или переписчиками иноязычные слова <...> иноязычные слова, сохранившие в транслитерированном виде грамматические формы исходного языка, то есть оформленные не по правилам русского языка” [Инструкция 1988: 11]. “Ограниченно включается в словарь иноязычная лексика в цитатах, где отсутствуют проясняющие контекст русские слова<...> Ограниченно вводятся индивидуальные новообразования из поздних памятников письменности” [там же]. Далее говорится об отношении авторов к собственным именам, к названиям народов и жителей различных городов и местностей.

В процессе работы авторы и редакторы «СлРЯ XI–XVII вв.» нашли способ, позволяющий сохранить эти слова и дать некоторое объяснение причин исключения их из корпуса Словаря. Начиная с 10-го выпуска они увидели, что без объяснения причин исключать слова, зафиксированные в «Материалах» И. И. Срезневского, невозможно, и стали давать пояснения в предисловии к каждому выпуску. Со временем пояснения становились подробнее, а из Картотеки ДРС стали чаще поступать подобные слова, зафиксированные в выписках как из рукописей, так и из изданий древних памятников. Рукописи, расписанные в 30-х годах XX в., стали более доступными для сверки цитат в архивохранилищах. Однако не все издания XIX в. содержат указания о месте хранения оригиналов письменных источников; в карточках КДРС не всегда указаны номера дел и листов представленных из подлинников выписок, и нужны порой долгие поиски, чтобы доказать с привлечением достоверных материалов рукописей невозможность слова.

Сведения в печати о том или ином несуществующем слове обычно появляются **после** того, как оно зафиксировано в очередном выпуске Словаря чаще всего со знаком вопроса на месте толкования, что привлекает внимание исследователей. Возможно, после окончания «СлРЯ XI–XVII вв.» авторы соберут все псевдогапаксы и поместят их в особом приложении.

Выше разными авторами были отмечены случаи неверного прочтения слов в источниках словаря и попавшие в словарь. Приведём ещё несколько подобных случаев.

В «СлРЯ XI–XVII вв.» есть слово “**Ирпъ, м. Рыболовная снасть** (?). **И тѹ дѣ он рыбѹ ловил ѣзда по реке Игрень съ ирпомъ.** А.кунгур., 2. 1668 г.” (вып. 6: 250). Единственная фиксация слова всегдастораживает исследователя. И. Г. Добродомов в статье «Грамматическая и лексическая семантика в старинном тексте (призрачное слово *ирп* и хронология слова *сырп*)» указал, что здесь имеется в виду название рыболовной снасти **сырп** и привёл из Словаря В. И. Даля слово, известное в пермских местах: “**Сырп** *прм.* сеть в виде мешка с двумя тетивами (Наум.) – Даль IV: 356 (по изд 1955 г.)” [Добродомов 1983: 53–54].

Неправомерность начального **и** в словах **изинбиль, икентавр, иснулый, ичирьки**, внесённых в список ошибок при создании «Словника (обратного) СлРЯ XI–XVII вв. (вып. 1–25)» (Справочный выпуск. – М., 2001: 394) в своей работе прокомментировала А. Ю. Козлова. “**Изинбиль, ж. Куль, мягкая корзина как мера сыпучих тел.** Гилянец ж Сусеини Маметев сказал у себя 4 изинбили пшена; гилянец Аблусеин Маметевъ сказалъ у себя 2 изинбили ягодъ. Астрах. а., № 1782, сст. 3. 1646 г. – Ср. **зинбель**”. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6: 159). Заметим: цитата выписана из скорописного текста середины XVII в. По мнению А. Ю. Козловой, неверное словоделение сплошного рукописного текста породило эти несуществующие слова: “Вероятно, – пишет она, – в сочетании **четыри зинбили, двои зинбили** последний звук первого слова отошёл ко второму слову” [Козлова 1993: 354].

Икентавр, м. Кентавр... Яко сиринъ тако же и икентавръ; полъ его есть члѣва, полъ осляте. Физ<иолог>, 242. XV–XVI вв.” (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6: 220). Об этом слове А. Ю. Козлова пишет: “Начальное и слова появилось от союза, или слишком протянутого при чтении, или повторенного два раза” [Козлова 1993: 355]. Аналогично рассуждение автора статьи о слове **иснулый**, также подтверждённое в Словаре единственной цитатой: “**Иснулый, прил. Снулый (о рыбе)**... оброчные стерляди живыми и **иснулыми** (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6: 268). Долгое звучание и в окончании и союзе распространяется на следующее слово” [там же].

Ичирыки, *мн. Низкая кожаная обувь типа поришей*. Донские казаки 2 человек, Ларька да Ефтюшка, а рухледи у них... 2 ичирыки... (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6: 358). По-видимому, опять ошибка чтения: *двои чирьки*”, – пишет А. Ю. Козлова [там же]. Заметим, что это слово извлечено из источника 1630 г., опубликованного в 18 томе Русской исторической библиотеки «Донские дела» (СПб., 1898).

А. Ю. Козлова отмечает и иной, обратный процесс – потерю начального **и** в слове **зворогъ**: “**Зворогъ**, *м. Выкидыш*. (1096): Ядяху скверну всяку... женскыи зворогы ядяху... – Ср. изворогъ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 5: 358. – М., 1978). Совершенно очевидно, что при чтении или диктовке у переписчика слились конец первого и начало второго слова – *женскыи (и)зворогы*” [там же: 356]. Нужно пояснить, что эта цитата помещена в Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи под 1096 г., опубликованной по списку XV в. фотомеханическим способом в 1902 г. В других летописях под этим годом встречаются формы как с начальным **и**, так и без него. Так, во Львовской летописи (т. I, с. 98) читаем *женьския зворози*, в Московской летописи (с. 17) – *женьскыи изъврагы*, а в опубликованной наборным способом в Ленинграде в 1989 г. той же Радзивилловской летописи даётся: *женьскыи изворогы* (ПСРЛ, т. 38: л. 135).

В статье, представляющей своего рода обзор выявления псевдогапаксов различными исследователями, А. Ю. Козлова упоминает, что “значение непонятого слова **лаибина** «Материалов» Срезневского прояснила Г. А. Богатова через сближение с другим словом **ламба**, **ламбина** – заросшее мхом болото, озерцо” [Козлова 1993: 356]. В СлРЯ XI–XVII вв. слово попало уже в форме **ламбина** (вып. 8: 168).

Далее А. Ю. Козлова напоминает: “И. Г. Добродомов выяснил, что **кадамы** в переписке Ивана Грозного с Василием Григорьевичем Грязным-Ильиным передают осетинское слово **qadam** – кандалы, оковы” [там же: 357].

“Тюркизмом оказалось и чтение **бильдяга** Словаря русского языка XI–XVII вв. из воронежских документов XVII в.: **Бильдяга**, *ж. Изба из неотесанных бревен*. Двор, на дворе изба билдяга, жердѣми огорожена. Ворон.а., 210. 1633 г. (вып. 1: 185. – М., Наука. – 1975)<...> В. И. Хитрова указала иной вид этого слова – **бильдюга**, установила точное значение – ‘небольшая крестьянская изба, построенная из мелкого леса’, – этимологию и пути его проникновения в говоры Воронежской земли (Хитрова 1972: 149–152)” [Козлова 1993: 357].

Слово **грьдля** А. Ю. Козлова разделяет на два: **игры для**, считая что здесь предлог **для** стоит в постпозиции. Восстановление же истинного текста в этом месте даёт в критической статье А. Б. Страхов

«По страницам *Словаря русского языка XI–XVII вв.* (замечания и поправки)» [Страхов 1998].

Напомним словарную статью, помещённую в 4-м выпуске СлРЯ XI–XVII вв. (с. 147): “Грыдля, ж. (?). **О епсѣхъ и о причетницѣхъ иж(е) играютъ и глѣмятъсядьянъ и ѹпиваются и ловы дѣютъ и на позорища ходятъ и грыдля даютъ и гробы воскапываютъ.** Корм.Балаш., 16. XVI в.”

В работе 1998 г. А. Б. Страхов указывает, что в тексте Рязанской кормчей 1284 г., опубликованном И. И. Срезневским в издании «Синтагмы в XIV титлах» (Сб. ОРЯС, 1899, т. 65, ч. 2: 158), содержится иной текст. Приводим фрагмент, в котором переписчик Кормчей Балашова допустил ошибку: “**на позорища приход#т і ігры гл#даютъ**” [Страхов 1998: 254]. В слове *глядяют* вместо начального *г* переписчик написал *д*. Обращение к более раннему списку Кормчей позволило окончательно устранить ошибку.

В этой же статье А. Б. Страхов проясняет формы таких слов, как *литочек*, *оксены*, *околмоватый* и др.

Литочекъ, м. (?). Куплено въ патриаршѣ въ домовую казну 24 золотника золота прожиганого и съ литочкомъ, цѣна по рублю по шти алдыныи по 4 денги золотникъ. Д.Моск.пр. о мятежах, 80. 1652 г. – “Вместо двух слов: **съ литочкомъ** представляется оправданным видеть здесь одно слово – *сълиточкомъ*, – уменьш. форму дат. мн. от *слитокъ*. Вероятно, в цитате нужно изменить и синтаксическое членение, поставив запятую после *прожиганого* и убрав запятую после *сълиточкомъ*. Купленное *золото прожиганое* ‘очищенное золото’ (лат. *aurum costum*, ср.-в.нем. *gebranntes gold*, польск. *lite złoto*) было «в слиточках» и цена этим «слиточкам» была «по рублю и т.д.» [там же].

Оксены, мн. Род кислого соуса (?). Велено про гѣдрвъ овиход спины белужьян и осетръьян и языки с оксендѣьями готовить с великим радендѣьем. Астрах.а., № 2196, сст. 2. 1648 г. (вып. 12: 351). – “Это место я предлагаю читать так: «...спины белужьи и осетры и языки со ксенями...». Ср. в Домострое по списку 3-ей четверти XVII в.: «...пирог соковой подовой с хворосты короваи мневой со ксенем пирогъ долгои подовой с лодокою» (Дм.К., 59)” [Страхов 1998: 255]. После доказательств с приведением словарных материалов автор напоминает, что ранее в СлРЯ XI–XVII вв. было включено слово **Ксень, ж. Рыбья (преимущественно шучья) печень.** Ксени белужьи. Дм., 151. XVI в. Ставецъ ксени шучьихъ. АИ II, 428. 1613 г. Рыбные запасы: белуги... ксени, максы. Котош., 79. 1667 г. (вып. 8: 100). “Возвращаясь к цитате 1648 г., замечу, – пишет А. Б. Страхов, – что здесь под словом *ксень*, *ксен<ь>ми* подразумевается скорее всего печень

осетровых рыб. Это блюдо... вполне отвечает высоким требованиям «государева обихода» [там же].

В том же обзоре А. Б. Страхов говорит о невозможности существования в русском языке некоторых других слов.

Машгукъ, м. (?). И от него ко мне ведомости не бывало, да пошлю и нарошно о буровах и о долотах и напарь и о струггъ зъ ъ маштѹками. Грамотки, 197. 1698 г. (вып. 9: 50). “В букве ъ следует видеть эквивалент комплекса двѣ- и всю конструкцию читать: зъ ъ ма (двѣма) штѹками” [Страхов 1998: 254]. Здесь издателей ввело в заблуждение изображение числительного в виде цифры, обозначенной славянской буквой, к которой в рукописи добавлено падежное окончание, что иногда встречалось в частных письмах.

Аналогичный случай отметил А. Б. Страхов в другом источнике: “В своё время из похожей конструкции Ф. И. Буслаевым (Бусл.Христ., 699) было вычленено бессмысленное слово **тъимнети** (?) в тексте естественнонаучной (анатомической) статьи из Сборника XV в. Румянцевского музея № 358: «...в немъ ж оуми мѣсто ми#т. соутъ ж и корени трѹе. ^ коего же в вчю в мозги гр#доут велики. единъ середнѹи сею ж конецъ ходит до пригавници. и ѣ. **тъимнети** (?) ес в сам входит оу мозгъ и к ноздрема приходить». Последовательность:... ѣ **тъимнети**(?) ес... следует, видимо, читать: ѣ-тъи мнети ес, т. е. здесь речь идёт о «третьем (корне)», который «входит в мозг». Выражение **мнети ес** значит что-то вроде «надо думать, следует полагать» [Страхов 1998: 254–255].

Злыдни, мн. *Плутводство, обман*. Время переходчиво, да злыдни вопчие. Сим.Послов., 178. XVII–XVIII вв. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6: 36). Рассуждая о том, что слово **злыдни** могло обозначать ‘бедовое время’, ‘недолю’, приводя примеры из описания обрядов восточнославянских народов, А. Б. Страхов склонен в этой пословице усматривать два слова: **злы дни** [там же: 259].

Корка¹ (уменьшит. от **кора** [дерева и т. д.]). **Всякой же пѹшке мѣра срядѹ размѣрити диаметръ сиречь: размѣрѹ, конмъ же ядрамъ съ величиною въ стѹпеняхъ или въ коркахъ и въ долонѣхъ, по томѹ въ и развѣсы тронхъ разныхъ рѹдъ, как есть свинець, желѣзо и камень**. Устав ратных д. I, 166. XVII в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 7: 316). – “Совершенно ясно, что мы имеем дело не с уменьшит. от **кора**, а с искажённым **корхъ** ‘кулак, пригоршня, пядь’, используемых как мера длины / ширины: – русск. диал. **корх** ‘старая мера длины, равная приблизительно 9–10 см. – по ширине ладони, кисти’ (“Ряз., 1847. Влад., Азов.” – СРНГ, 15: 28)” [Страхов 1998: 260].

Коробовань, *прил.* (?). Кубокъ... на кровле травка коробовань. Кн.пер.казны Ник., 29. 1658 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 7: 331). “В слове **коробовань** следует видеть не прилагательное, а страд. прич. прош. вр. от глагола типа южнорусского **карбовати** ‘насекать’ (СРНГ 13: 81)” [там же: 261].

В примере к словарной статье **лакаться**, данной в СлРЯ XI–XVII вв. без толкования, А. Б. Страхов обнаруживает псевдогапак **перечлохи**: Кто б держал вербу верху при детех, которых не могут никто уврачевати или уречи, или которымъ бывают перечлохи, или лакаются, того дни держи вербу священную. Леч. II, гл. 54. XVIII в. ~ XVII–XVIII вв. (вып. 8: 165). Он даёт толкование: “Таинственные слова **лакаются** и **перечлохи** суть искажения двух весьма популярных в народной медицине терминов – **лякаются** (от **лякаться** ‘пугаться’, **ляк** ‘испуг’) и **переполохи** (**переполох** ‘испуг’)” [Страхов 1998: 262].

Справедливость этих соображений, как кажется, подтверждается другой словарной статьёй, основывающейся на извлечении из памятника того же круга: **Полякаться**. *Испугаться*. Тако же бывает переполох или полякаются, тогда держи при них вербину священную. Леч. IV, 32. XVII в. ~ XV в. (вып. 16: 289)” [там же].

Околмоватый, *прил.* *Лохматый*, *косматый*. Бородка съда, околмовата. Новг.каб.кн. II, 3. 1597 г. (вып. 12: 232). “Похоже, что мы имеем дело с метатезированной формой из ***оком(о)ловатый**. Ср.: **окомлать** ‘обстричь, остричь клоками’... Эти формы... восходят к праслав. прилаг. ***komoľь** и производным от него – типа русск. **комолити** (*скот*), чеш. **komoliti** ‘затуплять, обрезать’ (ср. ЭССЯ 10: 174–175). Та же идея ‘затуплённости, обрезанности’ проглядывает и в близком к ***окомоловатый** вологодском прилаг. **окомёлковатый** ‘невысокий, коренастый’ (СРНГ 23: 148). Если моя реконструкция и сближения правильны, то прилаг. **околмоватый** – применительно к бороде – может быть понято иначе: «коротко остриженный, клочковатый»” [Страхов 1998: 264].

[По нашему мнению, правильной формой следует считать **оком(о)ловатый**: в деревнях, например, Тамбовской области в середине XX в. безрогих коз и коров называли **комолыми**].

Орудити. (?). Та же вода лишей с лица или с тела згонит, кои оружены суть... Леч. V, 376 об. XVI–XVII вв. (вып. 13: 71). – “В нашем отрывке причастие **оружены**, применённое к ‘лицу’ и ‘телу’ значит: «покрытые рожей, кожной красной сыпью», поэтому “в формальном отношении базовым глаголом для образования причастия мог(ли) быть и глаголы ***оружити** или ***оружѣти**”, однокоренные с ***ружа** ‘рожа’ [там же].

“Иногда, – пишет автор далее, – составители почему-то пользуются вариантами лексем, на сомнительность и ошибочность которых уже указывали филологи прошлого. Так обстоит дело с цитатой из Жития Нифонта (на слово **Обругати**.1) Преобразижеся дияволь въ птицю рекому скомраньць... и нача скакати предъ нимь... блжженный же... гла ему: о окаяне, тольми еси охудѣль, яко и пѣтица, обругаемъ рабы Бий. Ж.Нифонта, 255. 1219 г. Такой птицы не существовало, и **скомраньць** есть контаминация **сковраньць** (жаворонок) и **скомрахъ** ‘скоморох’, возникшая под пером позднего редактора Жития, быть может, под влиянием «и нача скакати предъ нимь»” [Страхов 1998: 266]. О том, что в рукописи «киноварью в переделано на м», сказано издателем А. В. Рыстенко и И. И. Срезневским [Срз. III: 377].

“Вопрос о внесении в словари ошибок и искажений древнерусских и прочих писцов – совсем не праздный, – пишет далее А.Б. Страхов. – Мне представляется, что словари не должны рабски их копировать, но, включив их в текст, отметить ошибочность лексемы. В связи с последним привлекает внимание прилагат. **чедяговый** в цитате на слово **Опрометокъ**: ...да купить бы тебе иглицъ хвостовыхъ чедяговыхъ соколыхъ. ААЭ IV, 140. XVIII в. ~ 1657 г. <...> Вероятно, здесь должно быть **челиговыхъ**. Слово **челигъ** в значении ‘кречет’ упоминается в этих материалах неоднократно [Пис. к Матюшкину: 108, 115, 116, 138]” [Страхов 1998: 267].

Тот же автор, продолжая следить за выходом «Словаря русского языка XI–XVII вв.», в статье “Об «испанской» нашивке и «сопящем» дьяке” отметил псевдогапакс в 26 выпуске: **Спанешный, прил. Испанский (?)**. **Маня въ 28 день куплено в Новѣгородѣ нашивка спанешная шолковая, дано сорокъ алтнъ на Паромьеву епанчу**. Кн.солян.пром. № 22, 122. 1662 г. (СлРЯ, вып. 26: 277). – “Это плохо прочитанное слово **епанешный**... на что указывают фрагменты иллюстраций из статей **епанечный** и **епанчовый** в том же Словаре (СлРЯ вып. 5: 52), где тоже речь идёт о **нашивках**, т. е. ‘украшениях из горизонтальных полос ткани (или тесьмы, шнура и пр.), нашитых у переднего разреза одежды’: **Нашивка нитная епанечная цѣна 10 алтын**. Тов.цен.роп., 84. 1667 г. Нашивка епанчевая (там же)” [Страхов 2007: 345].

В 1994 г. в рецензии на 18 выпуск «СлРЯ XI–XVII вв.» В.Б. Крысько указал на несколько неверно восстановленных начальных форм глаголов и прилагательных. “**Форма прашеся в значении спорила**’ предполагает скорее инфинитив **прѣтися (пърѣтися)** (т.е. **прашеся** из **пъряшеся**), нежели восстанавливаемый ad hoc **пратися**” [Крысько 1994: 246]. “Реконструкция формы прилагательного **премений**, даже в квадратных скобках, неоправданна: единственная цитата с

формой премењшая не даѣт оснований для какой-либо иной началь-ной формы, кроме **премний (премьний)**” [там же: 247].

Иногда бывает достаточно указать на несуществующее слово и привести верное. Так, в книге Е. М. Иссерлин «Лексика и фразеология “Моления” Даниила Заточника» (Л., 1981), представляющей подробный указатель лексики всех списков этого произведения, приведено словосочетание **ту естью**, при котором дана помета *вм. Буестью* (с. 204), что говорит о наличии здесь псевдогапакса.

В Предисловии 30-го выпуска «СлРЯ XI–XVII вв.», вышедшего в конце 2015 г., помещены слова, не включѣнные в его корпус. Приводим здесь те слова, над которыми работал автор этой книги, остальные будут помещены в Приложении в «Список слов и выражений, не рассмотренных в работе».

Топѣка – см. **топека** в Предметно-терминологическом указателе к изд. АСВР III, 648 с толкованием: “Топека плужная, неизв., какая-то снасть в плуге или в его упряжке (м.б. для его остановки)”; слово встретилось в следующем контексте: Се аз Степан Окулов сын Теврюкова, дал есмь... в дом великому Спасу в Ефимьев монастырь архимандриту Нифонту и всеи братии на поминоку своему роду... пять волов, да двои топек плужныи, да высеяно на земле половинок ржи. АСВР III, 471. XVII в. ~ 1444–1445 гг.; в ркп. РГАДА, ф. 1203, оп. 1, № 35, л. 32 об., представляющей собой копию с оригинала, слово выглядит как **топѣ(к)** (с выносным **к** и с ѣ); форма, возможно, является опиской копииста, который по каким-то причинам не понял неизвестный и утраченный ныне оригинал [вып. 30: 5] Семантика остаѣтся неясной.

Торгище – (Словарь Том., 284); в рукописи – **торговище** [там же];

Трасна – опечатка; **тѣлогрѣи холоднаи камчатныя: кизыл-башская двоелична шолкъ алѣ да бѣлъ, трасна, круживо золотное кованое**. Плат. цар. Соф., 132. 1673 г.; в рукописи (РГАДА, ф. 396, оп. 1, № 789, л. 75 об.) читается **травна**, цитата приведена в исправном виде в статье **травный** (6-е знач.) [вып. 30: 6];

Тренье – поступился я вкладом в монастырь... купленнымъ своимъ усольемъ... з деревнею Савинской Починокъ, и с пахотною землею, и с сенными покосами, и с соляными варницами, и с треньи железными, и с трубною сна(с)тию со всею. Гр. Дв. II, 166. 1685 г.; ошибка писца, *вм.* **црены**, в др. документах того же лица далее везде **црены** (ОР РГБ, ф. 28 Собр. Большакова, оп. 1, № 9);

Трускъ – слово, цитируемое в Срз. III, 1032 по Софийскому времени (II, 401), не подтвердилось при переводе на современные издания; в Новгородской второй летописи более исправное чтение этого места: в тотъ час пришел трусь на землю. Новг. II лет, 71. XVI–XVII вв.;

Тумаковъй – собратъ цвѣтѹ тѹмаковаго дѣлати водка и вино. Мат.медиц., 714. 1658 г. – печатка в изд.: в рукописи РГАДА, ф. 143, оп. 2, № 386 читается **цвѣтѹ маковаго** [вып. 30: 7].

г. Псевдогапаксы, выявленные при составлении Обратного словника «Словаря русского языка XI–XVII вв.»

Являясь источником вторичным, сформированным учёными с определёнными целями, Картотека ДРС и создаваемый на её материалах Словарь, естественно, вобрали в себя особенности расписанных для неё источников. Здесь сказались недочёты работы малоопытных выборщиков с неопубликованными рукописями, ошибки, допущенные издателями в опубликованных текстах и недостаточный опыт работы с источниками авторов «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

При формировании «Справочного тома» Словаря решено было составить прямой и обратный словники к вышедшим 25 выпускам. Опубликовать прямой словник не было возможности, но обратный словник в него вошёл.

В Предисловии к Обратному словнику приведён список слов, признанных ошибочными и не включённых в этот словник: **аль¹, ащера**, безажю, бильдяга, **бочевь, вѣдий, вѣдунис, вѣдьмение, веска, влненный, вохрый, всточный**, грьдля, дмити, жюръ, зворог, (зябти), изинбиль, икентавръ, ирпъ, **исланъ**, иснулуй, **испукъ**, ичирыки, киперити, ключа, ключья, **конжий**, корскота, литочекъ, **лоновый**, маштукъ, **мѣстѣлица, накраснѣйшее**, (оксены), **плѣзати, псипакъ**, скитейный (СлРЯ XI–XVII вв. Справочный выпуск. – М., 2001. – С. 394). Некоторые из этих слов проанализированы в работах исследователей (безажю, бильдяга, грьдля, жюръ, зворог, изинбиль, икентавр, ирпъ, иснулуй, ичирыки, киперити, ключа, ключья, корскота, литочек, маштук, оксены), другие пока остаются, что называется, «в работе». Остановимся на некоторых словах из этого списка, присоединяя к ним другие, не включённые в него.

Слово **бочевь (бчвь)** ‘бочка’ представлено в Словаре со следующей иллюстрацией: **Пришедѣ въ храмѣ и обрѣте [ключарь] бчвь тѹ правѣ положенѹ и пълънѹ сѹщѹ медѹ.** Ж.Феодос.Нест., 79. XII в. ~ 1088 г. (вып. 1: 115). В Указателе слов и форм к изданному Успенскому сборнику (М., 1971: 515), где помещено Житие Феодосия, форма слова иная: *бчвьвь*.

Значение слова **вѣдий** определено через отсылку к **вѣдець**: ‘Знающий что-л., тот, кто сведущ в чем-л.’ и сопровождается примером: (Князь Святослав) **повелѣ мнѣ немѹдрѹ вѣдию прѣмѣнѹ сътворити речи ннако.** Изб.Св. 1073 г., 263. В Изборнике та же цитата по-

вторяется на л. 2 об., а в Указателе слов, опубликованном в Софии в 1993 г., приводится форма **вѣдь** –ж.р., ед.ч., тв.п. – **вѣдинѣ** (Изб.Св. 1073 г.², Указатель: 40). Как видим, в этих словарных статьях неверно восстановлены начальные формы.

Слово **влненный** дано в Словаре как отсылочное: **Влненный** (**влъненный**) см **волненный** (вып. 2: 227). На стр. 315 помещено два омонима: волненный¹ прил. к волна¹, волненный² (влънный) прил. к **вокна**² (в последнем случае имеем опечатку: нужно читать волна² – здесь псевдогапак). В примерах в этих словарных статьях встречаются формы: в первой – **вѣдѣ влъненныхъ** (Хрон.И.Малалы, V, 19), во второй – руно волньо (Палея Толк.¹: 349) и вольнено (Хроногр. 1512 г.: 95). Формы **влненный** в примерах не встретилось, следовательно, можно считать её искусственно воссозданной.

Такой же формой можно считать прилагательное **вохрый** ‘то же что **вохреной**’ (вып. 3: 77): Риза вохра, средня киноварь, исподь лазорь... риза празельнь, по плечь вохра и исподь вохрянъ. Подлинник новг., 23. XVI в. В однородных конструкциях слова **киноварь**, **лазорь**, **празельнь** являются существительными. в Им. падеже. Вероятно, и **вохра**, употреблённое здесь дважды, также можно считать существительным, выступающим в роли несогласованного определения.

Слово **всточный** также дано с отсылкой к **восточный** (вып. 3: 153). Прилагательное **всточный** (**въсточный**) имеет три значения, проиллюстрированные шестью цитатами, в которых форма **всточный** не зафиксирована [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 3: 62].

Первое значение глагола **дмити** (вып. 4: 250) ‘надувать, нагнетать воздух (мехами) в плавильном производстве’ проиллюстрирована цитатой из рукописи: А у тое домны у одного горна мѣхи болшие трех сажан дмут водою. Арх.Гамеля, № 247, 6 об. 1663 г. Второе значение ‘делать надменным’ сопровождается пословицей: Богатство дмет, а нищета вдвое гнет. Сим.Послов., 83. XVII в. Инфинитив для форм **дмут** и **дмет** должен быть восстановлен как **дути**. В примерах к словарной статье **дути** (вып. 4: 378–379) встречаются формы **дми**, **дмут**, **дметь**, причём, последняя форма проиллюстрирована той же пословицей. Восстановленная в том же выпуске начальная форма **дмитися** (вып. 4: 250) с формами в примерах **дмяся** и **дмящиися** также является неверной: в статье на слово **дути** [там же: 379] присутствуют формы **дмешися**, **дъмущся** и **дмется**.

Форма **зябти** ‘леденить, пронизывать холодом’ дана в словаре в квадратных скобках. Это означает, что форма гипотетическая. Иллюстрация приведена из Книги Еноха Праведного: Студении ледъ жежет и зебет. Кн.Енохова, 9. XV в. ~ XIII в. Обращаясь к короткой вводной статье М. И. Соколова, читаем: “В основу издания положен открытый нами бол-

гарский список Славянской книги Эноха Болгарской народной библиотеки № 321. Варианты подведены из русских списков Хлудовского XVII в. по изданию А. Н. Попова (П) и Уваровского XV в. (У)». Добавим: форма жежег приведена с конечным выносным г, а по русскому списку (У) приведены варианты жажда и з#блость. В опубликованном далее списке Е. В. Барсова соответствующее место читается так: река огненная находяща на место то студень и лёдъ [там же: 85]. Формы **зѣбти** в русском языке не было.

Псевдогапаксом является вызвавшее недоумение у составителей слово **конжий**: *прил.* Конжая кобыла (?). Приведём цитату: **Въ 27 дн дано Петру Длуеву как приѣзжал зъ гѣдревю вѣгомолною грамотою 20 лѣтнѣ;** (дано подъячому, что кобылу **кнѣжю**¹ в Новгород повел пол полтина). Кн.расх.Свир.м. № 160, л. 208. 1631 г. В Словаре приведена та часть цитаты, которую мы взяли в квадратные скобки, и слово приняло такой вид: к<о>нжюю (вып. 7: 276). К слову **кнѣжю**¹ в нижней части карточки с этой цитатой дана сноска: *конжей, конжуй, конжея* арх. ‘тюлений подросток, щенок, отставший уже от матери’ (Даль), что и смутило автора словарной статьи. В записи имеется в виду **князь кобыла**, которую подъячий повёл в Новгород. Слова **князь, княжий** в большинстве случаев в XVII в. писались сокращённо и под титлом.

В 15 выпуске (с. 83) есть слово **плѣзати, плежу**. В цитатах, приведённых к трём значениям, встречаются формы **плѣдѣщи, плежушь** на земли, **плежаше, плѣжѣщицѣ, плѣжетѣ**. На той же странице приведён глагол **плѣзти, плѣзѣ**; думается, эта форма объединяет все предыдущие. Скорее всего, верно отражена подобная ситуация в вышедшем на 11 лет позже «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)», в котором приведён инфинитив **плезти** с формой 1-го лица **пльзоу** (т. VI: 418).

В толковании к слову **псипакъ** (вып. 21: 36) стоит вопросительный знак. В Козмографии, откуда взят единственный пример, речь идёт о фауне «Полуденной Америки»: **Есть звѣри нѣкие псипаки, лвы, медвѣди, лисицы.** Козм., 433. 1670 г. В источнике слово напечатано с начальной буквой **пси**: **псипаки**. Принимая во внимание, что слово **паки (пакы)** имело значение ‘*кроме того, ещё*’, следовало бы разделить текст иначе: **Есть звѣри нѣкие, пси, паки лвы, медвѣди, лисицы.** Так что здесь – псевдогапакс.

Единственная фиксация всегда настораживает лексикографиста-историка: можно столкнуться с псевдогапаксом. Но велика опасность пропустить, не взять в словарь правильное слово: лексикографу известны случаи, когда через много лет находились новые памятники с

другими фиксациями и искомого слова и однокоренных. В таких случаях, если в Картотеке ДРС нет фиксаций по другим источникам, авторы Словаря стремятся проверить его прежде всего по подлиннику, ответить на вопрос: когда возникла ошибка, есть ли она в рукописи или старинный текст неверно прочитан при работе с ней; это удаётся, если известно место хранения рукописного памятника и указан номер листа. Пути выявления несуществующих слов показывают необходимость историко-лексикологической работы и с лексемами и с источниками, когда только сомнение автора словаря, справедливое недоверие к представленному единичной фиксацией материалу, критическое отношение не только к имеющимся в картотеке выпискам, но и к опубликованным источникам дают импульс для источниковедческого исследования, для тщательного поиска в рукописных текстах, в иноязычных оригиналах для поиска достоверного слова.

д. Псевдогапаксы в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)»

В «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)», который издаётся с 1988 г. под ред. чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова (с 6-го тома – под ред. д.ф.н. В. Б. Крысько), среди многочисленных поправок, помещённых в II, V, VII–IX томах, можно выделить несколько несуществующих слов – псевдогапаксов, возникших при работе над словарём.

В статье 2007 г. «Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): проблемы и перспективы» В. Б. Крысько сделал несколько поправок к словарным статьям этого Словаря. Он считает, что «статья **възбороти** (т. II: 8) основана на ошибочном соединении предлога **въ** с последующим существительным **съборъ** (въ зборѣ)». Приводим фрагмент цитаты: «...и **Нахоръ повѣди** " **словесы възборѣ главъ на(н) и аще ты самъ рѣша не при(д)ши, и поможеш на(м), вс# наша надежа оскүдѣ**. ЖВИ XIV–XV, 106 г. [Крысько 2007: 113]

По его мнению, неверно восстановлена начальная форма словарной статьи на слово **гнетати**. Приведём фрагмент цитаты из этой словарной статьи: «...и **гнѣта камени прѣ(д) ними и дасть камень водү свою и напоита всь съньмъ**». Палея Толк.¹, 142 об. 1406 г. ~ XIII в. (т. II: 334). В. Б. Крысько считает, что начальную форму в этом случае нужно восстановить в виде глагола **гъноути** [там же]. Коренному пересмотру подверглась словарная статья **Д#гъ**: «**Д#гъ. Ремень: горе привлачащимъ грѣхи сво** " **ко оужемъ долгомъ і безакони** " **сво** " **ко д# [вм. д#гомь ?] же семига оунча**». Мерило Пр., 16. XIV в. [т. III:173]. В. Б. Крысько пишет: «В древнерусском языке не было существительных **дягъ** и **семига** (статья **дягъ**) – при правильном слово-

разделе на месте сочетания «дя (вм. дягомъ?) же семига» появляется группа *дѣжесем ига* (ζουοῦ ἰάγντι, ср. Ис 5, 18: «ремнями колесничными»), с двумя существительными среднего рода – *дѣго* и *иго* [там же].

В том же томе (т. III: 195) “должна быть снята и статья **единосъпасьнии**, а приведённый в ней пример (с уточнённым словоделением: **едино** сп(с)ное) следует перенести в статьи *единь* и *съпасьнии* [там же]. На стр. 492 находим: И вси люди~ смотр#ху, и гла(с) исвѣщѣ и слышахуть гла(с) трубныи. Палея Толк.¹, 131. 1406 г. ~ XIII в. В. Б. Крысько пишет: “Статья **извѣщѣти** на самом деле включает цитату с предлогом *из* +род. пад. *свѣщѣ* (от *свѣща*)” [там же].

В IV томе на стр. 161 приводится наречие **иношь** в значении ‘за глаза’: <...> ~**динь имуть источникъ въ всегдахъ. блгословѣтъ в лице. иношь да оглаголютъ.** Сб.Тр., 177. XII–XIII вв. В. Б. Крысько считает, что здесь другое слово: **иношьда** ‘в другой раз’. Далее он отмечает в примечании: “Заметим, что в издании Троицкого сборника XII–XIII вв. (Popovski, Thomson, Veder 1988: 177) словораздел не такой как в словаре, но тоже неправильный: *и ношь да*” [там же].

Кажьнии мест. определит. То же, что кажьдѣи. В роли с.: Ты слова какъ ставишь дѣшь (так!) болванъ быти им оми не кажнему аминь. Стих XIV–XV, 43 (приписка) – Т. IV: 185. – В. Б. Крысько полагает, что нужно читать “вместо местоимения **кажьнии** ‘каждый’ – причастие **кажнень** ‘казненный’ [там же].

В том же томе (с. 331) слово *коуница* отмечено «В сост. им. личн. **О Максимѣ кунѣцѣ** ~**же на нь вѣщнь**~ в **Кост#нтинѣ градѣ бывше**~. Кормчая Варсонофьевская., 66. XIV в. В. Б. Крысько пишет: “Прозвища *коуница* в материале нет – форма **о кунѣцѣ** относится к слову *куникъ*, т.е. «киник, сторонник учения киников»” [там же].

“Не существовало и прилагательного **кърмъчневъ** (т. IV: 372), – пишет он далее, – зато правильное словоделение **кърмчнѣ въгласъ** позволяет выявить прилагательное **въгласъ** ‘знающий, опытный’ – кстати, правильно выделенное именно в данном контексте И. И. Срезневским” [там же]. При опоре на оригинальные иноязычные тексты легче замечаются несоответствия и искажения в русских переводах: “При подведении греческой параллели – εὐσεβέστατον – обнаруживается, – пишет В. Б. Крысько, – что существительное **благочѣтьць** означает не «чтец духовных произведений, поучительной литературы», а «благочестивый человек»” [там же].

Причиной появления псевдогапсов в словарях является чаще всего неверное чтение букв и отдельных слогов рукописей, неверное деление на слова сплошного рукописного текста, а также неверное

восстановление начальной формы слова. Во II-м и особенно в V, VI–IX томах помещены исправления, инициатором и автором которых в большинстве случаев является В. Б. Крысько.

Выбираем из обширного списка слов, помещённых в разделах «Исправления», и перечисляем здесь в алфавитном порядке те слова, которые, по нашему мнению, можно считать псевдогапаксами, выделяя тёмным шрифтом ошибочное написание, а светлым – правильное.

Агемонь – гемонь, **агност#нинь** – анагност#нинь, **арьимагерь** – архимагерь, **безгазъна** – блазнь, **беззажю** – безъ и зажь, **безславие** – безъ и славъна, **благодаровати** – благии и даровати, **благопри"тъи** – благопри"тънь, **благословствовати** – благословствовати, **благосло"ньнѣ** – **благосто"ньнѣ**, **благочиньствие** – благочиньствие, **благощь** – благодарити, **блазнь** – съблазнь, **блюудорезь** – блюдо и рѣзъ, **боголюбица** – боголюбънии, **богопоклонникъ** – Богъ и поклонникъ, **богослово** – Богъ и слово, **богоуоугодникъ** – Богъ и угодникъ, **боритися** – братися, **борсоуковьи** – ‘кабаний’ (от порсоукъ?), **братоучадо** – братъ и чадо, **бреговати** – небреговати, **бѣдимь** – небѣдимь, **бѣрзити** – дѣржати, **бѣрь** – боровь, **бѣчелъка** – бѣчька, **бѣдноизглаголань** – бѣдно и изглаголани, **бѣднооутѣшьнѣ** – бѣдно и оутѣшеньи, **ведемь** – (см. ведомь?), **вечери"** – вечерьн#, **вирьвьна"** – вѣрьвьна", **влиофика** – вивлиофика, **воробѣ** – своробѣ, **врачени~** – в рачени~, **врачитис#** – брачитис#, **въвожи** – вожь, **въвѣржены** – врежены, **въдрожитис#** – въдрожитис#, **възблагодѣ"ньнѣ** – **благодѣ"ньнѣ** и въз, **възбороти** – въ зборѣ (слово съборь), **възводьнитис#** – възвонитис#, **възвращени~** – възращени~, **възглаголани~** – въз и глаголани~, **въздѣржьнѣ** – невъздѣржьнѣ, **възмѣтатис#** – **въз#титис#**, **възпрѣзп#ти** – выспрѣ и зп#ти, **възтачати** – въскакати, **възрапш#ти** – възстрапш#ти, **възтрѣпѣтитис#** – възстрѣпѣтитис#, **въключитис#** – възключитис#, **вълшва** – вѣлшьба, **въмѣни~** – вѣмѣнени~, **въобразени~** – въобразени~, **выда"ти** – вы и да"ти, **выкнати** – выкноути, **выньзати** – вынизити, **върпати** – врети, върпоу, **въсевидѣние** – въсь и видѣние, **въседѣство** – въсь и дѣство, **въселоукавьство** – въсь и лоукавьство, **въсенечъстивьи** – въсь и нечъстивьи, **въсестепенънии** – въсь и степенънии, **въсесъмышлени~** – въсь и съмышлени~, **глубь** – въглубь, **глоубѣи** – глоублии, **гнетати** – гъноути, **голоть~** – голоть, **гонезти** – гонезноути, **городискьи** – городищъскьи, **градънии** – п#тъградънии, **грепольствовати** – гренольствовати, **гтовословье** – готовословье, **даропри~мьникъ** – дароприимьникъ, **дворьцькьи** – дворьцьскьи, **двоузажень** – дѣва и сажень, **добропѣсныи** – добропѣсньныи, **довольньствовати** – довольньствовати, **доли** – дольнии, **домьникъ** – съдомьникъ, **доскърбл#ти** – оскърбл#ти, **достоинопѣсныи** – достоинопѣсньныи, **досто"ньо** – пачедосто"ньо,

досъмысл#ти – недосъмыслити, **дос#ждени**~ – посаждени~, **дот#чи** – дот#гноути, **доушевно**"дени~ – съдоушьно"дени~, **дълвина** – дълвина, **дълви"** – дълви", **единедържавьнь** – ~динь и държавьньни, ~диносъпасьньни – ~динь и съпасьньни, **желудьньни** – крижъможелудьньни (μυροβάλανος), **жерельньни** – безжерельньни, **жечество** – жесточество, **жидовати** – жидововати, **заповани**~ – заповажени~, **избори** – изборьньни, **извъноудоу** – извъноуоудоу, **издроблень** – съдроблень, **издрогноутис#** – съдрьгноутис#, **излишьшии** – излишии, **изскрыти** – изкрыти, **изтесание** – тесание, **изт#чи** – сът#гноути, **изходата"ти** – изходатати, **изцъплень** – сцъплень, **именимыи** – и и мънимыи, **инокыи** – нагыи, **иношь** – иношьда, **иоулиане** – иоули"н#не, **ислугы** – и и слугы, **историца** – истори", **кинь** – киньдапсъ, **кольсоха** – коль и соха, **кратити** – кротити, **кромьногнъвливь** – оукромьногнъвливь, **крывати** – закрывати, **кръпли** – крѣплии, **коупьноръвнители** – коупьно и рвьнители, **лабъноватися** – ладъноватися, **лаккъ** – лакъть, **лосъ** – лосось, **лъжеипризьваникъ** – лъжъ и призьваникъ, **лѣгати** – долѣлѣгати, **лоучьша** – лоуща, **любиць** – любимикъ, **любочьтитис#** – любочьститис#, **метельникъ** – мѣтьльникъ, **мирослужитель** – коумирослужитель, **моудъни**~ – замоудъни~, **напредь** – предь, **невътихи"не** – ~втихи"не, **неотъстоупно** – неотъпоустно, **непостыжени**~ – непостижени~, **оаживати** – обоживати, **огража~мыи** – обража~мъ, **одаровати** – даровати, **окрашень** – окращеньни, **ониполовичи** – оный и половичи, **осинитис#** – осьнитис#, **отъродь** – отъ и родь, **отъчняка** – отъчняка, **паралипена** – паралипомена, **плошь** – въплоче, **погръблятися** – погръблятися, **пока"ньныи** – поко"ньнь, **попоустънѣти** – попоуснѣти, **смухия** – стухия, **съкрегующи** – съкрегчющи, **ты соушьникъ** – тысоушьникъ.

По мере выхода в свет X–XII томов этого словаря главный редактор В. Б. Крысько продолжает пересмотр материалов картотеки. При этом не только обнаруживаются новые слова, которые можно считать псевдогапаксами, но и возвращаются в язык те, которые раньше были приняты за несуществующие. Например, вот что сказано о слове **врачени**~ – в рачени~: «Исправление в т. V, стр. 592 снимается: оуѣ на врачени(е) → оуѣна врачени(е) [вм. -иѣ] възмъздые (τῆς ἰατρείας ἀντιμισθίαν)» [т. XI, стр. 697]. Аналогично сказано и о слове **възтачати** – въскакати; приводится инфинитив **«възтакати** – въстачающе → въстающе. Исправление в т. V, стр. 592 снимается» [т. XI, стр. 697].

Перечислим вновь обнаруженные псевдогапаксы в X–XII томах. **голъмыи** – глаголемыи [т. XI, стр. 698].

грахованье – «вм. страхование («см. Дополнения в наст. томе»)» – т. XII с. 665. – Но в Доп. сведений об этих словах нет. – Л.А.

жити – незти

заповельнь – «Статья снимается, пример (с уточнением за[н] повелено) переносится в **зане**, 2 знач., и **повельньны**, 1 знач.» [т. XII, стр. 666].

зьлити – «ГБ XIV; пример (с уточненным словоделением: жезлаше – βακτηρεύοντες) выделяется в статью **жьзлити**, гл. *Опираться на жезл*» [т. XI, стр. 698].

изпопърьникъ – «Статья снимается, пример (с уточнением: и споперьникъ) переносится в **сьпопърьникъ**» [т. XII, стр. 666].

изслъпити – «Статья снимается, пример (с уточненным словоделением: и слъпи) переносится в **слъпити**» [т. XI, стр. 698].

кытани~ – «вм. **кыхани~**. Пример с толкованием выделяется в статью **кыхани~** [т. XI, стр. 699].

напреждь – **напреждьспѣти** [т. XI, стр. 699].

обоитивъ – «КР 1284: пример (с уточнениями: обоитивъ жрѣби → обои ти въ жрѣбии; поравшимъ [вм. продавшимъ] → продавшимъ) переносится в статью **обои**» [т. XII, стр. 666].

огтьргзати – **огтьргати**² [т. XI, стр. 700].

прекывати – **пребивати**: *прекываи* → *пребиваи* [т. XI, стр. 700].

привидьныи – «Статья снимается, пример (с уточнением привидьныи) переносится в **привидѣни~**» [т. XII, стр. 669].

птьичесъмотрени~ – «Статья снимается, примеры (с уточненным словоделением: птьиче смотрении [в др. сп.. ние]; птьиче смотрени~) переносится в **птьичъ** и **съмотрени~**» [т. XII, стр. 670].

е. Псевдогапаксы в «Словаре русских народных говоров»

Источниками этого словаря является Картоотека, которая начала создаваться в 1886 г. Во вводной статье «Источники», помещённой в первом выпуске, они разделены “на 4 группы: 1) лингвистические записи, произведённые со специальной целью изучения диалектной речи; 2) разного рода общие и специальные (не диалектологические) словари, содержащие диалектные слова; 3) историко-этнографические исследования и описания, посвящённые особенностям жизни русского населения тех или иных местностей; 4) фольклорные источники” (СРНГ, вып. 1: 18–19). Качество материала в Картоотеке характеризуется составителем этого выпуска Ф. П. Филиным как “очень неравноценное”: “Его неравноценность, – пишет он, – обусловлена многими причинами: уровнем развития диалектологии и смежных дисциплин в прошлом, степенью подготовленности наблюдателя, различными целями и условиями наблюдения <...> Сравнительный анализ накопленных о том или ином слове сведений, должное критическое отношение

к этим сведениям позволит, как нам представляется, до некоторой степени исправить недостатки источников” [там же: 20].

В связи с развитием русской диалектологии повышается степень внимания к этому Словарю, усиливается обоснованная критика приводимых в нём сведений о тех или иных словах. Да и сами слова, особенно их начальная форма (часто – восстанавливаемая), подвергаются тщательному анализу. Так, начиная с 1995 г., в статьях А. Ф. Журавлёва, озаглавленных «Лексикографические фантомы», приводятся примеры лексем, вызывающих сомнения в их существовании в русском языке. Он пишет: “В настоящей работе я предлагаю несколько десятков конъектур, появившихся у меня при сплошном чтении СРНГ <...> Я не считаю свое чтение всегда бесспорным: моя цель состоит в том, чтобы сомнительные словарные единицы были выделены из массы надёжного диалектного лексического материала; их уточнение в данной работе большей частью гипотетично”: [Журавлев 1995: 184]. Несмотря на осторожность такого высказывания, А. Ф. Журавлев выдвигает серьёзные обоснования для своих сомнений. Приводя примеры анализа сомнительных слов, выписываем минимальную часть из контекста, используемого автором для пояснения.

“**Алабырь** <...>. Камень, упоминавшийся в знахарских наговорах <...> Юж.-сибир., Гуляев. 1848. Сибир., Опыт, 1852 (СРНГ, вып. 1: 229 – далее перед номером выпуска аббревиатура СРНГ не указывается – Л.А.) <...>Единичная в сущности регистрация, неподтверждённая варианта с **б** позднейшими диалектологическими данными наталкивает на подозрение, что её источником является чтение рукописного «одновертикального» **т**, напоминающего точную неконечную греческую сигму, как **б**, а оригинал на деле стандартен: *алатырь*” [Журавлев 1998: 101].

“**Аццпак** <...> (?). Толстая палка, дубина. Новооск. Курск. Кудрявцев, 1849 (вып. 1: 298). Неверно прочитанное *оццпок* или *оццпок* <...> ср. новооскол. курск. (1852) *оццпок* ‘толстая палка, дубина’, новг. *оццпок* ‘шест колодезного журавля’, донск. *оццпок* ‘обрубок дерева’ (вып. 25: 58) производное от *оцен...* Исходное значение – по видимому, ‘рукоятка цепа’: *о(б)- + цен*” [там же: 101-102].

“**Бахолда** <...>. Бранно. Дура. Ряз., 1828 (вып. 2: 97). Очевидная ошибка: рукописное **х** воспринято как **н**. Ср. *бахолда* ‘неопрятный и ленивый человек’, тамб. ‘неопрятная ленивая девушка’, тул. ‘вялый человек, разиня’, костром., перм., урал. ‘бахвал, самохвал; хвостун или лгун’, тамб. «‘балаболка» <‘бубенец’ или ‘пустомеля’? – А.Ж.>, нижегор. *бахалда* ‘бойкая, крикливая баба’ Даль, Доп. к Опыту 1858: 6

(вып. 2: 152, 156), далее *халда* ‘неопрятная женщина’ и др.” [Журавлев 2002и: 129].

“**Батшан** <...>. (удар.?). Единица веса в 10 фунтов, обычно для взвешивания соли <...>. Костром. Бурнашев (опечатка?). – Ср. Батман (в 1-м знач.) (вып. 2: 168) <...>. Рукописное *м* прочитано как *и*; наличие *г* непонятно” [Журавлев 1995: 184].

“**Безрешенье** <...>. То же, что безвременье. Кунгур. Перм. (вып. 2: 198). Ср. перм. *безременье* ‘несчастье’, мезен. арх. *безременице* ‘то же’ [там же], перм. *безвременье* ‘беда, несчастье или болезнь’ (вып. 2: 183), тамб., нижегор., перм., том., алт. *безвременьяне* ‘то же’ (вып. 2: 184). Как и в предыдущем случае, рукописное *м* прочитано как *и*” [там же: 184].

“**Битоок** <...>. Вошь. Оренб. (вып. 2: 298). Ср. иссык.-кульск. *битюк* ‘вошь’ (вып. 2: 303). Небрежное рукописное *ю* прочитано как *оо*. Слово является суффиксально оформленным заимствованием из тюркских языков, ср. тюрк. *bit/bit* ‘вошь’» [там же].

“**Буером** <...>. (удар.?). То же, что буераг (в 1-м знач.). Дон. (вып. 3: 252). Ср. *буераг* <...>. Рукописное начертание *аг* (или *ак*?) воспринято как *ом*” [там же: 185].

“**Буларка** <...>. Козьявка. Енис. (вып. 3: 267). По-видимому, неправильно прочитанное *букарка* или *бухарка*. Ср. севернорус., сиб. *букарка* ‘насекомое’, ‘жесткокрылое насекомое, жучок’, шуйск. иван. ‘личинка стрекозы’, далее яросл. *букара* ‘насекомое; букашка’, *букарака* ‘то же’, черепов. волог., боров. новг. *букараха* ‘то же’ (вып. 3: 263) и под. или же сиб. *бухарка* ‘букашка, козявка, насекомое’, ‘земляной клоп’, ‘жук, жучок’, ‘жесткокрылое насекомое – вредитель растений’ (вып. 3: 320), далее *бухара* рыб. яросл. ‘пчела’, пошех. яросл. ‘шмель’ (вып. 3: 319)” [там же].

“**Бусрага** <...>. Сильный ветер; вьюга. Пск.Пск. (вып. 3: 307). Небрежное строчное *е* прочитано как *с*: ср. петерб. пск. *буерага* ‘буря, сильный ветер, метель’ (вып. 3: 351)” [там же].

“**Буфага** <...>. Сильный ветер; вьюга. Пск. (вып. 3: 317). Слово, как видим, сильно не везёт. Сочетание букв *ер* читается как *ф* [там же].

“**Буфеково**. «Название пустоши». Черепов. Новг. (вып. 3: 317). <...> В данном случае неправильно прочитано название Буераково (к описанным сбоям в чтении добавляется восприятие небрежного *а* как *е*)” [там же].

“**Буфон** <...>. Влажный ветер. Стариц. Твер. (вып. 3: 317). Ср. буераг, буерак (см. выше)... В чтении записи сделаны две ошибки: *ер* прочитано как *ф*, а *аг* (менее вероятно *ак*) – как *он*. Невезение слову просто фатальное [там же].

Прежде чем приводить далее результаты наблюдений А. Ф. Журавлева, заметим, что в этих случаях не принималась во внимание такая категория лингвистического источниковедения, как лингвистическая информационность источников – не изучены особенности почерков авторов тех записей, которые легли в основу словарных статей. Именно эта причина большей частью порождает псевдогапаксы в исследуемом словаре.

“**Ваванок** <...>. Напиток из воины с хмелем. Обоян. Курск. (вып.4: 44). Из расположения вокабулы в этом выпуске между статьями *варанить* и *варанут* можно констатировать заурядную опечатку; следует: *варанок*, производное от *варить*. Ср еще названия напитков, производные от того же глагола, *варенец*, *вареника*, *варенуха*, *варенюха* (вып.4: 50–51) и особенно южнорус., в том числе курск., *воронок* ‘напиток из сотового меда, воды, дрожжей или хмеля, иногда с пряностями’ (вып. 5: 116)” [Журавлев 1995: 186].

“**Верешёна** <...>. Насекомое (какое?). Орл. Вят. (вып. 4: 143). Результат неверного чтения рукописного трехлинейного *т* как *и*; следует: *веретёна* (может быть, множ.ч.), ср. севернорус., в том числе орл. вят., *веретено* ‘стрекоза’ (вып. 4: 137)” [там же].

В словарной статье **Ветер** автор отмечает ошибку в выражении “**Ветер из гнилого улья**. Южный и юго-западный ветер как предвестник ненастья. Клыковский, 1855 (без указ. места) (СРНГ, вып. 4: 191). По-видимому, *улья* – описка, вместо *угла*<...> Фразеологизм, распространённый главным образом на севере и востоке России и в Зауралье, *гнилой угол*, которым обозначается практически любое направление, но в каждой данной местности одно – то, откуда приходят влажные ветры и дожди” [Журавлев 1998: 102].

“**Ветно** <...>. Сухая пища. Колым. Якут., 1901 (вып. 4: 196) и **Ветненко** <...>. Уменьш.-ласк. к *ветно* (там же). А. Е. Аникин (1997: 15–16) выяснил происхождение этих фантомных образований из неверного воспроизведения слов *вешно*, *вешненко* ‘то же’ в колымских материалах В. Г. Богораза (1901: 31). Буквальное значение слов – ‘вешнее’, то есть ‘скудный запас еды, оставшийся после зимы’ [Журавлев 2000: 277].

“**Виринье**, я, ср. (удар.?). (Знач.?). *Возьму колосовать, дак только и виринья полетят*. Петрозав. Олон. 1897 (вып. 4: 293). В диалектологической записи не опознано слово иверенье, *ивиринье ‘мелкие клочья, ошметки, щепки и проч.’, ср. новг., олон. иверенье (вып. 12: 58)” [Журавлев 1998: 102].

Эту же ошибку отметил в своей статье А. Б. Страхов: «Следует читать *ивиринья*. В другом выпуске СРНГ (12: 58) находим статью

Иверенье, я. ср., *соби́р*. Мелкие кусочки, клочки, щепки<...> *колосовать* значит ‘молотить’» [Страхов 1998: 260].

“**Волдат** <...>. 1. Солдат. Ряз., 1858. 2. Сорванец, своевольник. Ряз., 1858 (вып. 5: 37). Оба значения записаны, судя по тождественным датам, одним собирателем. Можно предположить, что его почерку были свойственны слишком крутые загибы концов буквы *с*, сблизившие её с рукописным строчным *в*” [Журавлев 1995: 186].

“**Всилянь** <...>. (удар.?). То же, что вскленъ. *Всилянь налить*. Касим. Ряз. (вып. 5: 199). Ср. *вскленъ*, *всклянь* ‘очень полно, доверху, вровень с краями’ (вып. 5: 201, 202). Несомненно, что бегло написанное *к* воспринято составителем статьи как *и*” [там же]. На это же слово обратил внимание и А. Б. Страхов: “Думаю, что **всиленъ** – это неправильно прочитанное *всклянь* ‘полно, доверху, вровень с краями’: налила молока (воды) в сосуд всклянь; см. это слово с пометами: Тамб., Опоч. Пск., 1852, Пск., Ряз.” – пишет он, указывая на это слово в СРНГ на стр. 202 [Страхов 1998: 266].

“**Выватия** <...>. Женщина, которая выводит невесту на смотр жениху. Обоян. Курск. (вып. 5: 252). Может быть, слово должно читаться как **выводня* (существенно менее вероятно **вывотня* с утратой внутренней формы), ср. арх. *выводница* ‘одна из двух женщин, выводящая невесту из угла к жениху’ (вып. 5: 256)... Даль дает курск. *выводчя* ‘женщина, выводящая невесту на смотрење жениху’ (т. 1: 281) <...> можно представить себе почерк, написание которым буквенного сочетания *одче* допустит ошибочное прочтение *ати* [Журавлев 1995: 187].

“**Выжливец** <...> Колдун, охраняющий свадьбу. Ср. Урал, 1963 (вып. 5: 279). Эта единичная фиксация очевиднейшим образом связана с *вежливец* перм., сибир. – «почетное название» ‘колдуна на свадьбе, являющегося (часто) и распорядителем свадьбы’, перм., тобол., курган. ‘знаток свадебного ритуала, ведущий свадьбу’, перм., оренб. ‘друга’ (вып. 4: 95–96)... Ошибка в чтении могла бы оправдаться смешением рукописного *ятя* (*гъ*) с *ы*, имеющим сходное начертание <...> («правильные» датированные случаи (примеры в выпуске – Л.А.) относятся к 1850–1898 годам)” [Журавлев 2000: 278].

“**Вырутить** <...>. Выбросить седока из седла (о коне). <...>. Олон. Рыбников (вып. 6: 14). Рукописное *и* прочитано как *т*. Ср. онеж. олон. *выруиить* ‘выбросить (из седла)’... Ср. *руиить*, помимо прочего – ‘ниспровергать, <...> низвергать’ (Даль IV: 116)” [Журавлев 1995: 187].

“**Вых** <...> «Особый вид травы, вредной для скота». Пск., Копаневич, 1919–1934 (вып. 6: 47). Заголовочная форма, видимо, могла возникнуть как фонетическое (и ложноэтимологическое?) преобразо-

вание широко известного диалектного слова *вех* ‘цикута’. Однако допустимо также предположить <...> что рукописный «ятъ» в записи *вѣх(ь)* воспринят составителями словаря как буква *ы* (в конце 1910-х – начале 1920-х годов диалектологические фиксации еще могли вестись с использованием старой, дооктябрьской орфографии)” [Журавлев, 2000: 279].

“**Гамока** <...>. Ветка дерева. Курск. 1848 (вып. 6: 132). Ошибочное чтение слова *галюка*, ср. курск. *галюка* ‘ветка дерева’, 1848 (вып. 6: 123) <...> – слова, принадлежащие гнезду праслав. **golъ(jь)* (см. ЭССЯ 7: 14-15), ср. далее южнорус. *голька* ‘ветка дерева’, белор. *галіна* ‘сук, ветка’, *галлѣ* ‘сучья’, укр. *гілка* ‘ветка’, *гілля* ‘ветки, сучья’ и т. д.” [Журавлев 1995: 187].

“**Гапельник** <...>. Сквородник. Комарич. Брян. (вып. 6: 137). Несомненное *чапельник*, с чтением рукописного *ч* как *з*, ср. *чапельник*, *чапальник*, *чаплинник*, *чаплиник*, *чаплик*, *чапарник*, *цапельник*, *цапальник* ‘сквородник’ (Даль IV: 570, 582)” [там же].

“**Гоёт**, (описка? гнёт?) <...>. Жердь, положенная на соломенной крыше, чтобы не сносило её ветром. Слобод. Вят. (вып. 6: 276). Сомневаться в правильности составительской конъектуры излишне” [там же].

“**Голошедь** <...>. «Гололедица». Иркут., Якут. (вып. 6: 330). Вероятно, в написании *л* имеется лишняя вертикаль, заставившая принять букву за *ш* <...>. Слово *гололедь* (вып. 6: 318) известно практически повсеместно” [там же].

“**Гоус** <...>. Насекомое – разновидность мухи. Сиб. (вып. 7: 100). Скорее всего, как *о* прочитано *и*. *гнус*. Ср. выше *гоёт*” [там же: 188].

“**Гря** <...>. Дря. Сиб. (вып. 7: 181) <...>не слишком аккуратное начертание рукописных *дл* читается как *гр*. Однако широко, в том числе и в Сибири, распространённый фонетический вариант *гля* (см. вып. 6: 225–226) значительно ослабляет, хотя и не устраняет вполне, подозрения в фантомности данной формы” [там же].

“**Гудить** <...>. Соблазнить, обманывать. Новг. (вып.7: 202). Связь с этимологическим гнездом *гуд-* вполне возможна (ср. новг. *(о)гудала* ‘плут, мошенник, ловкий обманщик’ (Даль I: 405), но нельзя <...>отвергнуть другое допустимое чтение – *чудить*, ср. *чудиться* ‘представляться, мерещиться, видеться, казаться, мниться; быть под обаянием, видеть или слышать мару, мороку; блазнить’ (Даль IV: 612)” [там же].

“**Гускарка** <...>. (удар.?). Разговорчивая, болтливая женщина. <...> Кадн. Волог., 1854 (вып. 7: 245). Скорее всего, с чтением *ск* на месте рукописного трёхштрихового *т*, *гутарка* – от *гутарить* (*гуторить*) ‘дружески беседовать, разговаривать между собой; говорить,

рассказывать что-нибудь', отмеченного в вологодских говорах (вып. 7: 250)" [Журавлев 2002и: 129].

"**Туш**, а, м. Часть цепа. (какая?). Кашир. Моск., Верхнехавск. Ворон., 1959 (вып. 7: 250) <...>. Ср. *гуж* 'ремень, соединяющий бьющую часть цепа (било) с рукоятью' (там же: 204). В таком случае остаётся сомнение, точно ли передан фонемный состав слова" [Журавлев 2002а: 387–388].

"**Дольежник** <...>. Прозвище жителя города Новгорода. Тихв. Новг. 1857 (вып. 8: 115). Несомненное *долбежник*, см. *долбежник* 'прозвище жителя г. Новгорода', тихв. новг. 1848 (вып. 8: 103) <...> Ошибочное чтение **ь** вместо **б** либо опечатка (по причине соседства литер **Б** и **Ь** на машинной клавиатуре)" [Журавлев 1995: 188].

"**Домонально** <...>. Обстоятельно, точно. Волог. (вып. 8: 123). Сочетание рукописных букв **ск** в слове *досконально* прочитано как **м**." [там же].

"**Дрёмово** <...>. *Дрёмово задать*. Испугавшись убежать. Кашин. Твер. Смирнов, 1904 (вып. 8: 184). Ср. кашин. твер. *дралово задать* 'убежать от кого-либо' (Смирнов 1897) <...> Сочетание рукописных букв **ал** воспринято как **ем**, диакритика к **е**, по-видимому, добавлена составителем словарной статьи" [там же].

"**Елибица** <...>. Злая женщина. Черепов. Новг. Герасимов, 1853 (вып. 8: 341). Рукописное **г** прочитано как **л**, ср. черепов. новг. *егибница* 'прозвище: злодейка, ведьма', вят. олон. 'баба-яга', 'злая женщина', 'прозвище старух', а также вят. *егибисна* 'дочь бабы-яги', *егибиха* 'баба-яга', вят., арх. *егибихина* 'баба-яга', вят., яросл. *егибоба* 'баба-яга', 'злая женщина, белозер. новг. *егибова* 'о пожилых женщинах: ведьма', сев.-двин. *егидична*, *егична* 'дочь бабы-яги', перм. *егихина* 'сварливая, злонравная женщина' (вып. 8: 315-316)" [там же: 189].

Это же слово отметил А. Б. Страхов: **Елибица**, **ы, ж.** <...> Злая женщина. Черепов. Новг., Герасимов, 1853 (вып. 7: 341). – "...удобно сопоставить со статьёй **Егибица**, **ы, ж.** Прозвище: злодейка, ведьма. Черепов. Новг., 1910 (ib. 315)" [Страхов 1998: 275].

"**Ерхакук** <...>. Оболочка. Ветл. Костром., 1907 (вып. 9: 36). Ср. ветл. костром. *ерхалук* 'одежда', 1905–1921, 'плохонькая верхняя одежда', 1911 (вып. 8: 316), преобразованное в диалекте *архалук*. Заголовочная вокабула вызвана к жизни ложным чтением рукописного **л** как **к**" [Журавлев 1995: 189].

"**Жадовник** (в статье **Жадомор** – вып. 9: 60 – как отсылочное слово). Видимо опечатка, статьи с таким заголовочным словом в СРНГ нет; следует: *жадовик*, ср. олон. *жадовик* 'жадный человек' (там же)" [там же].

“**Жподка** <...>. Кофта на вате. Грязов. Волог. (вып. 9: 218). Несомненно, неправильно прочитанное *исподка*, с восприятием рукописного *ис* как *ж*. Ср. севернорус., в том числе волог., *исподка* в значениях, объединяемых родовым ‘нижня (женская) одежда’ (вып. 12: 232)” [там же: 190].

“**Забегник** <...>. Длинная верёвка у верхних «ушей» невода. Тобол. (вып. 9: 249)<...>. Правильную морфонологию показывают амурск. *забежник* ‘верёвка, за которую тянут невод’ – Приамурский словарь, 88; сибир. *побежник* ‘верёвка, привязанная к основной тетиве невода’ (вып. 27: 191)” [Журавлев 2002а: 388].

“**Заболошный** <...>. Отдалённый от крупных населённых пунктов. Живёшь тут в заболошной стороне. Талицк. Свердл. (вып. 9: 266). Может быть, с чтением *ш* на месте рукописного *т*, *заболотный*? Ср. (вып. 9: 265) – ‘лежащий за болотом, по ту сторону болота’; тобол. заболотные татары [Журавлев 1995: 190].

“**Закуртевь** <...>. Заиндеветь. Тобол. (вып. 10: 180). Несомненное *закуржаветь*, с чтением рукописного *ж* как трёхлинейного *т*. Ср. севернорус., сиб. *закуржаветь*, *закуржаять*, *закуржевать(ся)*, *закуржеветь*, *закуржевить*, *закуржить* ‘покрыться инеем, заиндеветь’ (вып. 10: 177–178), соответствующие бесприставочные формы – *куржеветь*, *куржак* ‘иней’ и под. (вып. 16: 123–125)” [там же].

“**Закуша** <...>. Старая дева, оплакивающая невесту за день до свадьбы. Черепов. Новг., Герасимов (вып. 10: 187). В высшей степени вероятно неправильное чтение слова *зыкуша*, производного от *зыкать* новг., волог., влад. ‘плакать в голос, навзрыд’ (вып. 12: 35): ср. черепов. новг. *зыкуша* ‘в свадебном обряде – плакальщица (обычно старая дева) <...>’ 1910 (вып. 12: 37). <...> Возможность отражения реального перехода (ы) в (а) <...> ничтожна” [там же].

“**Заломел** <...>. (Знач.?). *Первая кликуха коров закликала, Вторая – заломел во ржи ломала*. Пск. (вып. 10: 219–220). Нелепость этой вокабулы очевидна <...> За нею стоят широко известные заломы, ср. южно- и среднерус. *залом* ‘несколько перевитых стеблей растущей ржи или другого хлеба с целью колдовства (злого)’ (вып. 10: 219). Небрежное рукописное *ы* составителем прочитано как *ел* [там же].

“**Запарес** <...>. (?). *Игра запаресом*. Игра в мяч. Соликам. Перм. (вып. 10: 302). Сильно испорченная форма. Можно осторожно предположить, что она отражает подлинное **запуск(ом)*, где небрежно написанное *ус* прочитано как *ар*, а *к* раскрыто как *ес*. Ср. грязов. волог., рыб. яросл. *запуски* ‘игра (какая?)’ (вып. 10: 369)” [там же: 190–191].

“**Запрашкий** <...>. *Запрашкое лекарство*. Хорошо сделанное, хитрое лекарство. Олон. Барсов. (вып. 10: 354) <...>Ср. *заправский* волог. ‘зажиточный, живущий в достатке’, вят., костром., яросл., олон.

‘хорошего качества, прочный, исправный’, покр. влад. ‘верный, заслуживающий доверия’ (вып. 10: 335), ещё яросл. *по-заправски* <...> ‘по-настоящему’ (там же). Перед суффиксом прилагательного **-к(ий)** в русских говорах фонема **ш** большая редкость” [там же: 191].

“**Захвой** <...>. Хвастун. Моск. Моск. (вып. 11: 146; с примечанием: «Ср. *Захеза, Захлыста*). Скорее всего это слово **захвост* или **захваст*, у которого беглое написание буквенного сочетания **ст** с одной вертикалью и «оторванной» горизонтальной чертой у **т** прочитано как **й**. Ср. фолькл. олон. кольск. *захвастливый* ‘хвастливый’ (вып. 11: 144), моск. *балахвост* ‘беспутный человек’ (вып. 2: 74)” [там же].

“**Зелеки** <...>. Глаза. *Протри свои зелеки*. Смол. (вып. 11: 246). В этом примере можно усмотреть ошибочное чтение слова *зенки*. Ср. арготич. (из диалектной речи) *зенки* ‘глаза’ <...> Менее вероятно, что заголовочная форма тесно связана с вытегор. олон. *зеленки* ‘глаза, зенки’: *Отвори зеленки-то, дак увидишь сама!* (вып. 11: 248)” [там же].

“**Зень** (зель?). Карман. Нижегород., 1850. Карман у шаровар. Бурнашев (вып. 11: 264). Скорее всего, действительно *зель*. Ср. широко (в говорах обоих великорусских наречий) распространенное *зель* ‘карман’, ‘пазуха’, также *зеп* (вып. 11: 264–265), ср. ещё *зель* – «так в некоторых местах России называют карман у шароваров», Бурнашев (вып. 11: 242) <...> Фантом имеет причиной сходство начертаний и рукописных, и печатных **п** и **п’**”. [там же].

“**Зерковать** <...>. Играть в карты. *До утра зерковали*. Сиб., Черепанов (с примеч. «вероятно, существовала игра в зерки») (вып. 11: 267) и **Зерновать** <...>. Играть в карты. *До утра зерновали*. Сиб., 1854. Играть в карты на деньги. Сиб., Даль, **Зерноваться** <...>. То же, что зерновать. *До утра зерновались* Сиб., Слов.Акад. 1907 (вып. 11: 268) <...> Ср. *зернь* ‘игра в кости или в зерна, которые употребляются в мощеннической игре на деньги, в чет-и-нечет’ (Даль I: 681)” [там же: 192].

“**Знык** <...>. Знак (?). *Их и зныку нет, где они*. Жиздр. Калуж., Слов.Акад. 1907 (с вопросом к знач.); **Знычит**. Значит. Ряз., Саратов., 1911. Ветл. Костром., Новос. Тул., 1900 (вып. 11: 320). Чтение **ы** вместо **а** не исключается <...> можно допустить сильную редукцию ударного гласного [там же].

“**Зоила**, **ы**, **м**. (удар.?). Рабочий, занимающийся сбивкой войлока. Казан. (вып. 11: 326). Наличие слова *сбивкой* в толковании подталкивает к усмотрению здесь неверного чтения формы **збила* (**сбила*), хотя и ненадежной: подобные слова чаще образуются от глагольных основ несовершенного вида” [там же].

В другой своей статье (1998 г.) А. Ф. Журавлев продолжает анализировать этот же труд, отмечая «лексикографические фантомы».

“**Изур** <...> (удар.?). Дождевой червь. Волог. Кадн. Волог. (вып. 12: 173). Неправильно прочитанное *иур*; ср. арх., волог., перм. шур ‘земляной червь, для наживки на уду’ (Даль IV: 659) <...> Ср. также любопытную форму *ишур* ‘червь’ в пинежском говоре: *Я ишуров* (червей) *много насобираю, можно удить* (вып. 20: 178)” [Журавлев 1998: 93].

“**Ионич** (?). Нынче. <...> Прейл., Латв. ССР (вып. 12: 206) Небрежное рукописное начальное *и* прочитано как *и*, ср. нонеча, нонече, нонечь, нонишний и под. (вып. 21, 275)” [там же: 94]. Эту же словарную статью отмечает как ошибочную А. Б. Страхов: “**Ионич** (?). Нынче. *Васька Баляс стрелил в кабана ионич*. Прейл., Латв. ССР, 1967 (вып. 12: 206). – Буква *и*- неправильно прочтена как *и*-. Вместо нелепого **ионич** надо читать *нонич(ь)*” [Страхов 1998: 282].

“**Испедвидный** <...> (удар.?). Лживый, неискренний. Ветл. Костром. (вып. 12: 226). Чтение обусловлено ошибочным отождествлением *о* с *е* ср. ветл. костром. *исподвидный* ‘хитрый; себе не уме’ (вып. 12: 231), ср. далее север., уральск., сибир. *подвидный* ‘лукавый, хитрый; неискренний, притворный’ (вып. 27: 356–357)” [Журавлев 1998: 94].

“**Какица** <...>. Заячье логово, нора. Дон., 1929. – Ср. кабица (вып. 12: 329). Содержащаяся в статье отсылка к *кабица* ‘печь’, ‘летняя кухня под открытым небом, земляная печь на дворе’, ‘будка для собаки’, ‘логово зайца’, ‘балка, овраг’ (там же: 285) имеет в виду слово, извлечённое со всеми его значениями из донского словаря Миртова. Это украинизм (*кабица* ‘очаг’), который в свою очередь крайне ненадёжно толкуется как заимствование либо из турецкого – тур. *kab(a) ig* ‘большой кол (ось, веретено)’ > *‘вертел, прут для жаренья мяса’, либо из шведского языка – *kabyss* ‘камбуз; логово’, см.: ЕСУМ, т. 2: 332; более перспективны соображения Ж. Ж. Варбот о возможной связи с гнездом *(*s*)*kob-*, индоевроп. *(*s*)*ke(m)b-* ‘сгибать, искривлять’ (Варбот 1981: 34–37; ЭССЯ, вып. 10: 91). <...> Не следует ли привлечь слова с корнем *коп-* (‘копать’), которые могли бы объяснить и консонантизм (**п**) > (**б**) – озвончение <...> и графику (чтение рукописного *и* как *к*) <...> Правда, это не объясняет удовлетворительным образом корневого вокализма *-а-* в украинском слове [там же: 94].

Заметим, что в путивльских и рыльских источниках 1628 г. встретилось слово *кобица*, имеющее отношение к бортничеству, о чем говорилось во второй главе.

“**Калаум** <...>. Охотничья сумка. Енис. (вып. 12: 336). Единичность формы *калаум* на фоне многочисленных севернорусских и зауральских фиксаций формы *калауш*, *калаус* с тем же и близкими значениями с несомненностью указывает на lapsus legendi (*иш* воспринято как *м*, см. Аникин 1997: 19)” [Журавлев 2000: 279].

“**Калчан** <...>. «Чаша для укладки хлебного теста перед сажанием в печь хлебов». Вышневол. Твер., Опыт, 1852 // Чашка, миска, выдолбленная из древесного корня. ...Кокчет., 1961 (вып. 3: 5). **Колчан** <...> Высокая кринка с узким горлом и дужкою сверху <...> (вып. 14: 202). **Колычан** <...> Плошка, в которой рубят мясо. Ярослав., 1820. – Ср. Калчан, 3. Калыган [Журавлев 1998: 95].

Несмотря на то, что формы *калчан*, *кол(ы)чан* со значением ‘миска, плошка, кринка’ зарегистрированы в СРНГ неоднократно (четыре раза), предпочтительно видеть в них результаты неверного чтения записей *калган*, *кол(ы)ган*. Формы с *-г-* (*калган*, *колган*, *калыган*, *колыган*², *калганка*, *калканок*, *калганчик*, *калгашка*, *колгашка*; *калгунка*, *калгуша*, *калгушка*, *колгушка*, *калгушечка*; *карган*, *корган*) безоговорочно преобладают, см. (вып. 12: 341–344; вып. 13: 6, 83)” [там же].

“**Караяуд** и **кароюд** <...>. Хоровод. *Айдате, девки, кароюд водить*. Вят., Васнецов, 1907 (вып. 13: 75). Рукописное *го* читается как *ю*, ср. широко распространённое *корогод* ‘хоровод’ и проч. (вып. 14: 358)” [там же].

“**Карний** <...>. Карнее молоко. Скисшее без заквашивания молоко, слитое в кадку на корм скоту. Холмог. Арх. (вып. 13: 96). Фонетически правильная исходная форма – *кадний*, ср. арханг., волог. *кадний*, *каднее молоко* ‘молоко скисшее без заквашивания и слитое в кадку на корм скоту’, ‘творог; сыр’ (вып. 12: 299), ст.-русск. *каднее молоко* ‘кислое молоко, которое накапливают в кадках’, в приходо-расходных книгах Антониево-Сийского монастыря 1639 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 7: 13). Не исключено, что рукописное *д* прочитано как *р*” [там же].

“**Каружки** <...>. Кружева. Бельск. Смол. (вып. 13: 107). Весьма велика вероятность чтения составителями *жс* на месте рукописного *н*. Ср. иркут. *карунки*, *корунки* ‘кружева на кровати’ (там же: 108) <...>*коруна*, уменьш.-ласк. *корунка* ‘старинный женский головной убор в виде разукрашенного и расшитого полукруглого щитка надобом’ (вып. 15: 27, 28)” [там же: 96].

“**Керолаки** <...>. Старообрядцы. Кунгур. Перм. (вып. 13: 189). Несомненно *кержаки*. См. Аникин, 1997: 16 <...>. **Керопак** <...>. Старообрядец. Том. (вып. 13: 189). Разумеется, следует читать **кержак**” [Журавлев 2000: 280].

Эти же формы отмечает А. Б. Страхов: “Кажется, две идущие друг за другом статьи **Керолаки**, *мн.* Старообрядцы. Кунгур. Перм. Слов. карт. ИРЯЗ (вып. 13: 189) и **Керопак**, *а. м.* Старообрядец. Том. Усанов (*ibid.*) являются плодами ошибочной интерпретации буквы *-жс-*, прочитанной в первом случае как *-ол-*, во втором – как *-он-*. Должно быть *кержаки*, *кержак*. Ср. статью **Кержак** в том же томе (*ib.* 186–187), где

это распространённое название старообрядца среди прочих территориальных помет имеет и пометы Перм., Том.” [Страхов 2008: 222].

“**Кириц** <...>. (удар.?). Таракан. Опоч. Пск. (вып. 13: 221). Несомненное *киргиз* с чтением последних трёх букв в ручной записи как *иц*, ср. пск. *киргиз* ‘род тараканов, несколько отличный от прусака’. «Впрочем многие киргизами называют всех вообще тараканов» (там же: 219), со ссылкой на Опыт <...> 1852 г.” [Журавлев 1998: 96].

“**Кичма** <...>. Созвездие (какое?). *Уж ты зоренька вечерняя, Ты кичма полуночная! Ты зачем рано в восход взошла?* Слобод. Вят. <...>. В Словаре Акад. 1909 в этой песне вместо «кичма» – «кичига» <...> (вып. 13: 248). Разумеется, *кичига*, с чтением рукописного *иг* как *м*, ср. севернорус., уральск., сибир. *Кичига, Кичиги, Кычиги, Кичеги* названия созвездий: Ориона (или его части – Пояса Ориона), Большой Медведицы, Плеяд (там же: 245, 246)” [там же].

“**Клеека** <...>. Пеньковый канат. Волж., 1939 (вып. 13: 273). <...>. Членение слова на морфемы вызывает затруднение, поэтому требуются сопоставления с иными формами, например, *клёвка* (3) чердын. перм. ‘небольшая верёвка, которая привязывается к буксирному канату для поворота баржи в какую-либо сторону» [Журавлев 2002а: 388].

“**Клянец** <...>. (?). Капкан. Оят. Ленингр. (вып. 13: 330) <...>. Ср. многочисленные названия капкана <...> *клеп, клепа, кляци, кляпки, кляпец, клепец, клепца, клянца, кляпса, кляпса, кляпцы, клепцы, кляпсы* (там же: 278, 280, 282, 332, 333) <...>. Рукописное *п* воспринято как *н* [Журавлев 1998: 97].

“**Кованкс** <...> (удар.?). Пучок вычесанной шерсти, приготовленной для пряжи. Нижегород. Бурнашев (вып. 14: 26). В этой безобразно испорченной форме очень трудно угадать графический оригинал. Тем не менее его восстановление возможно <...> *повес(ь)мо, повес(ь)ма, навесьмо* ‘мера волокна’ (вып. 25: 108, вып. 27: 231). Начальное строчное рукописное *п* читается как *к*, за буквой *а* стоит, вероятно, сочетание *ес*, сочетание букв *нк* отражает реальное *м* или *ьм*, а незамкнутое конечное *о* воспринято в качестве *с*” [там же].

“**Ког** (не коч?) <...>. Судно беломорских промышленников. Олон., Арх. (вып. 14: 40). Разумеется, *коч*. Ср. *коч* турух. краснояр. ‘палубное мореходное парусное судно’, ‘речное плоскодонное палубное судно с парусом и вёслами’ <...> сибир. *коча* ‘старинное мореходное судно’ (вып. 15: 132)” [там же].

“**Койвадже** <...>. Вчера. *Койвадже снег выпал*. Правильно *койвадне*, ср. севернорус. *койвадни, койводни, койваднись (-ся)*, ‘недавно, на днях; вчера’ (вып. 15: 132), *коевадне, коегодня, куёвадни* и проч.

(там же: 47–48; вып. 16: 18). С восприятием *н* как *ж* мы уже сталкивались (см. *Каружки*). [там же: 98].

“**Колгуха** <...>. Лихорадка. Охан. Перм. (вып. 14: 114). Читать следует *комуха*. Ср. широко известные варианты названия лихорадки: севернорус., среднерус. *комоха, комуха, комушка, кума, кумаха, кумоха, кумуха, кумушка*, рязан. *камаха*... (вып. 13: 15, вып. 14: 237, 239, вып. 16: 78, 80, 85, 87) [там же].

“**Кольянка** <...>. 1. Наконечник стрелы. Урал. <...> 2. Копьё. *Копьянки медные нашили, как пики, деревянных ручек-то нету*. Вост. Закамье. (вып. 14: 308). Опечатка: *копьянка*” [там же].

“**Корянуха** <...>. Иней. Арх. (вып. 15: 43). За сочетанием букв *ян* нужно видеть *ж*, ср. холмог. арх. *коржуха* ‘толстый слой инея на чем-либо’ (вып. 14: 330), к гнезду *куржак* ‘иней’, *куржеветь* ‘покрываться инеем’ см. (вып. 16: 123–125)” [там же].

“**Косвадись** <...>. (?). Когда-то. Енис. 1865; **Косвадни** <...>. (?). Прошлый раз. Енис., 1865 (вып. 15: 48). Уже знакомые нам *коевадни / койвадне / койвадни(сь)* (см. *Койвадже*), но с чтением *с* на месте правильного *е*” [там же].

“**Котоможа** <...>. Большой узел; котомка. *Жених принесёт котоможу невесте с гостинцам*. Сыктывд. <т.е. Сыктывк. – А.Ж.> Коми АССР (вып. 15: 110). Забавное слово, которое правильно, по-видимому, читается как *котомочка* (*чк* воспринято как *ж*)” [там же: 98].

“**Котьма** <...>. Котомка. Онеж. КАССР (вып. 15: 118). Рукописное *о* расценено как ‘мягкий знак’. Ср. севернорус. *котама* ‘дорожная сума, носимая обычно за плечами; котомка’, ‘узел с вещами’, ‘корзина с вещами’, моск. ‘мешочек, сумочка для денег’ (вып. 15: 110)” [там же: 99].

“**Котьсать** <...>. Делать что-либо. Енис. 1865. Слов. Акад. 1914 (с вопросом к слову и значению) (вып. 15: 118). <...>Ср. *котосать* сольвыч. волог., забайк. ‘ломать, коверкать, крушить’, сибир. ‘бить кого-либо’, сольвыч. волог. ‘корчить от боли, сводить судорогой’, сольвычег. волог. *котосаться* ‘капризничать, ломаться’, ‘важничать, чваниться, держаться высокомерно’, ‘упрямиться, не соглашаться’, ‘браниться, ссориться’, *котоситься* то же (вып. 15: 113)” [там же].

“**Коукотиться** <...>. Суетиться. Волог. (вып. 15: 119). Слово, конечно, вполне реальное, но запись навязывает слоговое произношение *у*, в то время как очевиден его неслогообразующий характер, ср. волог., костром., яросл., уральск. *колкотиться* ‘суетиться, беспокоиться, возиться с чем-либо, проявлять излишнюю хлопотливость’ (вып. 14: 138). Билабиальное произношение *л* (ω) в ряде позиций характерно для северо-восточных говоров европейской части России” [там же].

“**Кочень** <...>. Петух. *Мой-то кочень Куриц топчет* (песня). Ярен. <должно быть Яран. – А.Ж.> Вят. 1903 <...> (вып. 15: 126)

<...>Вне всякого сомнения, присутствует результат ошибочного чтения *нь* на месте рукописного трёхлинейного *т*: *кочет, кочета*. Уверенность в этом внушает не оцененное составителем статьи изящество песенной рифмы *кочет – топчет*” [там же: 99].

“**Кочешок** <...>. Петух. *Дал мне панушко Кочешков за это*. Яран. Вят. Слов. Акад. 1914 (вып. 15: 132). Вместо *ш* скорее нужно читать *т* (*кочеток*) [там же: 100].

“2. **Кочешок** <...>.То же, что *кочет* (в 13-м знач.) <т.е. ‘ручка у косовища, за которую берутся правой рукой при косьбе’. – А.Ж.>. *Кто кочешок называет, кто кочето*. Лысьв. Перм. (вып. 15: 132). Случай, аналогичный предыдущему” [там же: 100].

“**Крашеник** <...>. Внебрачный ребёнок. Перм. Слов. Акад. 1916 (вып. 15: 204). Очевиднейшее *крапивник* (рукописное *пи* прочитано как *ше*), ср. широко распространённые *крапивник, крапивница, крапивничек* ‘внебрачный ребёнок’, *крапивный* ‘внебрачный (о детях)’ (там же 169) <...>.Ср. также чебокс. казан. *капустничек* ‘ребёнок, рождённый вне брака’ (вып. 13: 169)” [там же].

“**Кудсеть**, сею, сеешь <...>. (удар.?). Шутить. Ветл. Костром. (вып. 16: 16). По-видимому, рукописная буква *и* воспринята в качестве сочетания *се*. Ср. ростов. яросл. *кудить* ‘принуждать, уговаривать’ (там же: 11) и особенно префиксальные образования, например, *прокудить* ‘шалить, дурить, проказничать и творить пакости, шkodить; бедокурить или наносить кому вред из шалости; забавляться дурачествами, вредя другим’ (Даль III: 491)” [там же: 100–101].

“1. **Куйей** (удар.?). Женская коса. Ряз. 2898; 2. **Куйей** (удар.?). Длинная узкая отмель, идущая от берега; мыс. Ряз. 1898 (вып. 16: 18). Переключка значений не оставляет сомнений в том, что мы имеем дело со словом *коса*” [там же: 101]. К этому слову А. Ф. Журавлёв возвратился в 2000 г.: “Сделанное нами ранее замечание, предположительно относящее букву *у* в этом ошибочном чтении к особенностям почерка эксплоратора, совершенно излишне: опознанное в этой рязанской записи слово *коса* на деле должно читаться *куса* (со знаком ударения, который составителем статьи расценен как обозначение краткости над *й*), ср. мещер. ряз. 1. *куса* ‘коса волос’ и 2. *куса* ‘отмель, идущая от берега’ (вып. 16: 155; взято из Опыт. 1852), отражающие лабиализацию корневого гласного” [Журавлев 2000: 280].

“**Кулоха** <...>. Лихорадка. Волог. (вып. 16: 70). Скорее всё-таки *кумоха*. Ср. выше *Колгуха*” [Журавлев 1998: 101].

“**Кулоха** <...>. Лихорадка; малярия. Параб. Том. <...>Хакас. Краснояр. <...>Бранное слово. Енис. (вып. 16: 76–77). Та же *кумоха* (*м* читается как *лю*)” [там же].

“**Курмушка** <...>. Прозвище: коротышка. Верхнеуд. Забайкал. (вып. 16: 133). Не спутано ли с **м** реальное трёхлинейное строчное **т**? Ср.: *куртыга* воронеж. ‘хромой человек’, зарайск. ряз. ‘прозвище су-туловатого человека’, судог. влад. *куртыжный* ‘короткий; оборван-ный’, зарайск. ряз. *куртаня* ‘прозвище’, хакас. краснояр. *куртуком* ‘перевёртываясь с боку на бок’ (вып. 16: 146). Однако многократно свидетельствуемое сибирск., прибайкал. *курмушка* ‘пальто’, ‘короткая женская верхняя одежда’, ‘куртка’, ‘мужской пиджак’ и т. п. (вып. 16: 133) наряду с *куртушка* ‘куртка’ (в том числе прибайкал.), ахтуб. астрах. *куртушка* ‘теплая женская кофта’ (вып. 16: 146) заставляет делать такое предположение более осторожно” [Журавлев 2000: 289].

“**Курта** <...>. Метель, пурга; непогода (вып. 16: 145). См. **Лурта**” [там же: 281].

“**Лапля** <...>. Цапля. *Длинная, чисто лапля*. Мещов. Калуж. (вып. 16: 264) <...> Допустимо видеть в слове *лапля* суффиксальное образование от *лапа* или, даже скорее, *лапать*, конечно, не без аналогического влияния со стороны слова *цапля*” [там же: 266].

“**Ларский** <...>. Ларские двери – царские двери (в церкви?). Кирил. Новг., 1989 (вып. 16: 272). По-видимому, буква ц(Ц) неправильно прочитана как л(Л)? Или всё же мы имеем дело с каким-то преобразованием слова *райский* (ср. *райские врата, двери*), например, его контаминацией с царский” [там же].

“**Лепечайло** <...>. *Ирон*. Язык. Пинеж. Арх. 1885 (вып. 16: 363). <...> Начертание строчного **т** похожим на **ч** с сильно удлинённой вниз мачтой вызвало неверное чтение слова. Ср. пинеж. арх. *лепetailo* ‘язык’ (вып. 6: 361). Слово *лепetailo* встречается в загадках, если вообще не принадлежит только этому фольклорному жанру” [там же].

“**Липинка** <...>. Личинка. Дон. (вып. 17: 54). Не *личинка* ли всё же? Бегло начертанное строчное рукописное **ч** с «факультативной» засечкой перед первым строчным «обязательным» штрихом могло быть прочитано как **п** [там же: 266].

“**Лисгоца** <...>. Предмет упряжи (какой?). Тим. Курск. (вып. 17: 61). Несомненное *лисица*: небрежное рукописное **и** прочитао как **го**. Ср. *лисица* талицк. свердл. ‘тяж из толстой проволоки, скрепляющий рассоху, ральник и оглобли (сохи)’, далее морш. тамб., орл., новг., терск. ‘нижняя (иногда изогнутая) перекладина жердь, брус, соединяющая переднюю и заднюю ось или подушки повозки, телеги’, смол. ‘при перевозке бревен – брус, положенный поперек кузова, к которому привязывается бревно’ (вып. 17: 60–62)” [там же: 267].

“**Листук** <...>. Причина возникновения фантомного лексического образования содержится в ошибочной идентификации начального сегмента некоей лексемы в тексте как самостоятельного слова (числи-

тельного) и механическом присоединении остатка к следующему: иллюстрирующий данную статью частушечный текст *Загremели две листук, я простилась с милым-друг* следует понимать как *Загremели двери: стук!*. Стоит ли за меной (р') > (л') что-то вроде «сладкоязычия», встречающегося кроме Нижней Колымы в ряде русских говоров севера Европейской России... или ее нужно расценивать как ослышку собирателя, останется непрояснённым [там же: 268].

На этот же случай указал в своём исследовании А. Б. Страхов: “**Листук**. (Знач.?). *Загremели две листук, я простилась с милым-друг*. Ярен. Вят., Зеленин (с вопросом), 1903 (вып. 17: 69). – Д.К. Зеленин не понял при записи, что *двели* в **загremели двели** получено по слоговой ассимиляции. В песне имелось в виду: *Загremели *двери: стук!* Я простилась с милым-друг...” [Страхов 1998: 286].

“**Лихонга** <...>. Болезнь лошадей (какая?). Том. (вып. 17: 81). Рукописное трёхлинейное *т* прочитано как *нг*. На деле это слово *лихота*. Ср. многочисленные обозначения болезней и нездорового состояния с корнем *лих-*: *лихая, лихорадка, лихоманка лихость, лихач* (в том числе сужд. курск ‘болезнь лошадей с кашлем’) и др., а для нашего случая особенно *лихота* (в том числе ‘тошнота, рвота’, ‘недомогание’, ‘болезнь’), *лихотка, лиходка, лихоть* (вып. 17: 75–84)” [Журавлев 2000: 269].

“**Лихья** <...>. Каша на сусле из муки, приготовленной из сушёных ягод черемухи. Сольвыч. Сев.-Двин. 1928 (вып. 17: 84). Невписываемость заголовочной формы в каноны исконной русской морфологии и словообразования более чем заметна <...>Подозрения в фантомности слова подталкивают к поискам графического оригинала в виде чего-то вроде **мекота* (**мякота*), ср. обилие северновеликорусских названий блюд, главным образом хлебных, но также и ягодных, с корнем *мяк-* (вып. 19: 76–83)” [там же].

“**Лохлатый** <...>. Лохматый. Ворон. Матер.Срезневского (вып. 17: 160). Контаминация (идиолектная?) *лохматый+хохлатый* вероятна, однако ошибочное прочтение диалектной записи или описка в ней всё же не исключены” [там же].

“**Лупеликой**, нареч. Картошка лупеликой. Картошка в мундире <...>. (вып. 17: 200)” [там же: 271]. “Наличие в подмосковных говорах наречия *нелупешкой* ‘о вареной картошке в мундире’, свидетельствуемое материалами из пяти деревень в Дмитровском, Шаховском и Солнечногорском районах... позволяет предположить, что за формой синонимичного наречия *лупеликой*, отмеченного в «Словаре говоров Подмосковья», а также в «Лексическом атласе Московской области» (1: 32, 43) того же автора может стоять ошибочное прочтение ручной

записи слова *лупешкой*, когда написание *ш* было воспринято как *ли*” [Журавлев 1995: 183].

“**Лурга** <...>. Вьюга, метель. Обоян. Курск. Машкин (1862 г.) (вып. 17: 204). Почти несомненное *пурга*, с подменой в чтении диалектологической записи букв *п* (/П) на *л* (/Л) и *г* на *т*. <...>Ср. ещё сенг. симб. (Архив РГО) *курта* ‘метель, пурга; непогода’ (вып. 16: 145)” [Журавлев 2000: 271].

“**2. Малеть** <...>. Шалеть; глупеть. Орл. 1850. (вып.17: 324). Похоже на то, что это и есть *шалеть*: рукописное *ш* (/Ш) с несколько укороченным начальным штрихом читается как *м* (/М), а слово целиком объединено с гнездом *мал(ый)*, хотя бы при этом семантическая реконструкция ‘умаляться’ > ‘терять разум’ и выглядела натянутой” [там же].

“**Малешкий** <...>. Очень маленький. Кирил. Новг. <...> Черепов. Волог. (вып. 17: 326); **Малюсешкий** <...>. То же, что малюсенький (очень маленький, крошечный) <...> Том. 1964. (вып. 17: 346). Скорее всего, *маленький* и *малюсенький*, то есть бегло, с незамкнутым «ерем» написанное *нь* понято как *ш*” [там же].

“**1. Матка** <...>. Жатная матка. Стебель с большим количеством колосьев; его стараются найти во время жатвы. Смол. 1900 (вып. 18: 32).<...>На самом деле это хорошо известная из этнографических и словарных материалов В. Н. Добровольского смоленская *житная матка* – спорыш, многоколосый стебель, найти которой жнице считается большой удачей” [там же: 273].

“**Мелебек**, бка, *м*. Молебен. Нижнедев. Ворон. 1893 (вып. 18: 95). Скорее всего, это и есть неверно прочитанное *молебен*” [там же: 273].

“**Мимолость** <...>. Растение *Lonicera coerulea* L, сем. жимолостных; жимолость голубая. Арх. Слов. карт. ИРЯз (вып. 18: 166). Рукописная буква *ж/Ж* вполне может быть спутана с *м/М* [там же: 274].

“**Мирево** <...>. Испарения (земли). Арх., 1850 (вып. 18: 171). Несомненное *марево* (см. вып. 17: 371)” [там же: 274].

“**Млгало** <...>. Станок для гнутья полозьев. Арх., Водарский (вып. 18: 183). Начальное сочетание согласных в заголовочной форме отражает этимологическое **bъg-* (**bъgadlo*; ЭССЯ вып. 3: 114), менее вероятно **gъb* (**gъbadlo*; ЭССЯ, вып. 7: 187). Однако оно довольно труднопроизносимо, ср. более удобную артикуляцию в *гало*, *галы* ‘снаряд для гнутья дуг, ободьев, полозьев’ (вып. 6: 116), влад., костром., сарат., ульян. *мгало* ‘приспособление для сгибания дуг, полозьев’ (вып. 18: 63)” [там же: 275].

“**Могалки** (?), мн. Кладбище. *Ходимте через могалки*. Зап.-Брян., асторгуев. – Ср. Могилки (вып 18: 190). Гораздо вероятнее всё же *могилки*, а чтение *а* на месте *и* ошибочно. Ср. новозыбк. брян. *мо-*

гилки ‘кладбище’ (Схоронили на могилах, Уже лежит на могилах, там же)” [там же].

“**Мольния** <...> (удар.?). Молния (?). Курск., 1958. (вып. 18: 250). Не *мольня* / *моляня* ли (если, конечно, значние достоверно)? Впрочем, ср. укр. диал. (черкасск.) *мольня* ‘молния’ (ЭССЯ, вып 20: 221), (бойковск.) *момля* (Онишкевич 1984: 451) – то есть вариации в духе комментируемой заголовочной формы” [там же: 276].

“**Наперекрос**, м. (удар.?). Новолуние. Север. Барсов (вып. 20: 71)<...>. Несложно усмотреть в качестве словообразовательной базы заголовочной формы существительное *перекрой*: арханг., беломор., мурман., южносиб. *перекрой* ‘изменение фазы Луны: начало ущерба после полнолуния’, далее предложные формы с адвербиальной семантикой смолен., перм., южно-сиб., иркут., амур. *на перекрое*, *на перекрою*, *на перекрой месяца* (вып. 26: 133–134). Заголовочный вариант<...> представляет собою результат ошибочно прочитанного *с* на месте *е*” [Журавлев 2002а: 388–389].

В двух публикациях 2002 г. А. Ф. Журавлев анализирует слова СРНГ (в выпусках 23–30 на буквы О–П), которые ему представляются лексикографическими фантомами, являющимися, как правило, гапаксами. Приводим краткие сведения из его статьи об этих словах.

“**Опасесать** <...>. Очесать (лен). Свердл., 1965. (вып. 23: 240). <...> производное от *пачес(а)*, *пачесь* <...> *опачесать* ‘очёс(ыв)ать лён’, ‘вычесывать, вычесать лен второй раз’, *опачесить* ‘то же’ (Среднеуральский словарь, Дополнения: 370). Прокомментировать подозрительное *опасесать* обещано А. Б. Страховым (Страхов 2000: 159)” [Журавлев 2002а: 382].

А. Б. Страхов отметил это слово в статье 2004 г. **Опасесать**, опасешу, опасешишь, сов. перех. Очесать (лен). Свердл. 1965 (вып. 23: 240). – “Этот фонетический вариант к *Опачесать*, etc. ‘вычесать лён второй раз’... (ib., 245) получен либо в результате слоговой регрессивной ассимиляции (*-чеса-* > *-сеса-*), либо в результате развития мягкого цоканья и деаффрикации аффрикаты (ч’ > ц’ > с’)” [Страхов 2004: 299].

“**Орехать** <...>. Болтать вздор, пустяки, пустословить<...>. **Орехло**. Пустомеля (вып. 23: 336, 337). Похоже, что рукописное *б* <...> прочитатно как *о*; *брехать*, *брехло* [Журавлев 2002а: 382].

“**Оречать** <...>. Отвечать. *Ен Христос оречает*. Смол., 1914 (вып 23: 337) <...>. Можно видеть фонетическое (не лексикализованное) искажение глагольной формы *отвечает* – **фечает* (^о*фечает*), где *ф* из *тв*” [там же].

“**Осшутся** <...> Ломаться, церемониться. Тихв. Новг.<...>. *Озмваться*, *не озмуйся*” [там же: 383].

“**Отжан**, а. м. То же, что отжин. Лысьвен. Перм. 1981; **Отжанки**, мн. То же, что отжин <...>. *Сегодня на отжанки ходили* (вып. 24: 180, 181). <...> *Отжин, отжинки* ‘окончание жатвы’, ‘празднество по поводу окончания жатвы’ (вып. 24: 185, 186)” [там же: 383].

“**Отрамшак** <...>. Грубый недобрый человек. *Не отрамшак – не противник, не рсстройщик, не грубиян* (вып. 24: 289). Может быть, не *отрам-*, а *отрам-* (с эпентетическим *-т-* в *отрам-*)? Суффикс – тот же, что в *лоншак* (ср. *лонисъ*)” [там же].

“**Отрогить** <...>. Отвязать, ослабить корабельную снасть Арх. <...>. 1848 (вып. 24: 296). Ошибочно прочитанное *отрочить*; ср. севернорусск. *отрочить* ‘ослабить или отвязать (корабельную снасть)’, иркут. ‘отцепить что-либо от чего-либо (там же: 302; Иркутский словарь, вып. 2: 110)” [там же].

“**Отфуткивать** <...>. Отбрасывать при веянии. *Веяли лопаткой с короткой ручкой с углублением. Садисься на маленку* (‘кадка’ или ‘короб’) и *отфукиваешь*. Медвежьегор. КАССР, 1970 (вып. 24: 350). Видимо, в заголовке опечатка <...> (фукать ‘дуть’)” [там же].

“**Ошноковенно** <...>. Обыкновенно. Арх. 1886–1887 (вып. 25: 94) <...> Можно предположить чтение *и* на месте трёхлинейного рукописного *т*, что предполагает также смешение приставок *об-* (**обвык-*) и *от-* или вычленение этого *от-* в «переосмысленной» контаминированной форме **однаковенно*” [там же].

“**Ошь**, и, ж. Ость, шелуха. *Шелуха, когда молотят, отлетает. Это ошь и есть*. Пинеж. Арх., 1973 (вып. 25: 100). Не *ость* ли всё же?” [там же].

“**Пазят**, а, м. Паз в столбе изгороди. Сузун. Новосиб. 1964 (вып. 254: 151) <...>. Не имеем ли мы здесь... глагольную форму 3 лица множ. числа настоящего времени к *пазить* ‘делать паз’, неверно трактованную синтаксически (**пазят в колоде, *пазят до зарубки*)?... Нет возможности проверить эту догадку контекстом” [там же: 383–384].

“**Паисный** <...>. Полезный. *Молоко паисно*. Любыг. Новг. 1868 (вып. 25: 151). <...>В «Новгородском словаре» регистрируется прилагательное *паёсный* ‘вкусный’ (*Щи паесные. Пиво... паесное*) ‘высокого качества питательный’ <...>.Ср. *Паёсное сено значит съедобное, без объедей* (там же)” [там же: 384].

“**Панкружство**<...>. Банкротство. *У торговца товарами в нашем селе – полное панкружство*. Теренг. Ульянов., 1971 (вып 25: 196). Неверно прочитанное *панкрутство*: рукописное трёхлинейное *т* спутано с *ж*. Ср. диал. *панкрут* ‘банкрот’, но особенно теренг. ульян (1969, там же)” [там же: 385].

“**Паужик**, а. м. То же, что *паужин* <...> (‘третий приём пищи между обедом и ужином, полдник (обычно в летнее время)’). Новг.

1857 (вып. 25: 276), Почти нет колебаний в том, что это реальное *нау-жин*. Буква *н* спутана с *к*” [там же: 385].

“**Пауп**, а, м. Овод. *На второй день также налетело паупов, и он ударил и убил двенадцать паупов*. Белозер. Новг., Соколовы (вып. 25: 283) <...>. Чтение *паук*, ср. *паук* томск. ‘овод’, пермск. ‘слепень’ (там же: 282), более вероятно, чем альтернативное широко распространённое *паут* ‘жалящее крылатое насекомое (овод, слепень, большая муха, мошка и т.п.)’ (там же: 283): с *п* легче смешать букву *к*, чем *т*” [Журавлев 2000а: 385].

Об этом же слове пишет А. Б. Страхов: “В сказке «Кузьма Феррапонтович», откуда взята эта цитата, форма **паупов** употреблена не два раза, а один <...> Я думаю, что братья Соколовы при расшифровке своих полевых записей ошиблись и прочли в первом случае букву **-т-** как **-п-**. Либо ими зафиксирована и сохранена случайная («ассимилятивная») оговорка рассказчика. Ср статью **Паут, паут** с северными и сибирскими территориальными пометами (СРНГ 25: 283)” [Страхов 2008: 233].

“**Пашос**, а, м. (?). Окученный картофель. Павин. Костром. Ганцовская, 1977 (вып. 25: 309) <...>. Ср. приамур. *пашек* ‘разработанный участок земли, используемый под картофель и другие культуры’: *Пашек-то? Это разработанная земля, картошку сажаем* (там же: 303)” [Журавлев 2000а: 385].

“**Пашь**, и, ж. Ловушка для песка. Индигирка, 1918–1931 (вып. 25: 309). <...> В качестве более предпочтительного напрашивается чтение *пасць* (с фиксацией в диалектной записи ассимилированного произношения [т’]), ср. *пасть* – распространённое по всей Сибири название захлопывающихся ловушек на зверя <...>. (там же: 269)” [там же: 385–386].

“**Пенева** <...>. «Термины при молотье: ... ворох, пенева, мякина, омеш, озарод». Меднов. Калин. Отв. на вопр. ДАРЯ, 1940 (вып. 25: 338). По всей вероятности, *пелева*, ср. *пелева, пелёва*... ‘мякина’ – в том числе, конечно, калин., твер (там же: 321). Рукописное *л* прочитано как **н**” [там же: 386].

“**Пеплён** <...>. Вывих у лошади <...>. (вып. 25: 350). Несомненное *исплёк* ‘повреждение верхней части передней ноги у лошади’ (вып. 12: 222, 228) <...>. Ср. *исплечить* ‘повредить хомутом грудь, плечи лошади’, *исплечиться* ‘вывихнуть или повредить тяжёлой работой переднюю ногу в плече, лопатке (о лошади)’ <...>. Сочетание *ис* прочитано как **пе**, а буква *к* спутана с **н**” [там же: 387].

“**Переточек** <...>. Пальчик (?). <...> (вып. 26: 292). Опечатка: *персточек*” [там же].

“**Перешисье** <...>. Кратковременный штиль. Арх., Рейнеке и др. 1844 (вып. 26: 278) <...>. См. *перетишь, перетишье* (там же: 24 – новгор., арханг., сибир.), также *перетихать, перетихнуть* (там же; Новгородский словарь, вып 7: 126)” [там же: 387].

В другой статье 2002 г. оценивая «Словарь русских народных говоров» как имеющий «исключительную ценность», представляющий «собой национальное достояние», А. Ф. Журавлев констатирует, что он издан «к сожалению, на редкость небрежно, с неизвинительным – для лексикографического жанра в особенности – множеством опечаток, по-видимому, вообще не проходя корректуры» [Журавлев 2002и: 120]. Он отмечает несколько опечаток, допущенных в СРНГ: **Плубут** (вып. 29: 138) – правильно *полубут*, **Побатмана** (вып. 29: 39) – нужно *полбатмана*, **Поляреньеше** (вып. 31: 45) – опечатка: *поядреньеше* [Журавлев 2002и: 120], **Полкиканьице** (вып. 28: 385) – следует *покликаньице* [там же: 121], **Порасхать** (вып. 30: 50) – опечатка: *порасхают* [там же: 125].

Приводим слова, которые вызвали сомнения у А. Ф. Журавлева, а по нашей терминологии, являются псевдогапаксами:

“**Позументика** <...>. Вырезная доска. Слов. карт. ИРЯз (вып. 28: 339). Следующая словарная статья описывает слово петрозав. олон. *позументина* ‘вырезная доска’ из записей 1918 г.” [там же: 120].

“**Покотуагъ** <...>. Побить, поколотить. Мосал. Калуж., 1899 (вып. 29: 5) <...>. На деле это глагол *поко(т)цать*, ср. илим. иркут *коцать* ‘убивать’, медын. калуж. *коцнуть* ‘ударить’ (вып. 15: 121), илим. иркут *прикоцать* ‘убить’ (вып. 31: 261)” [там же: 120–121].

“**Покукакать** (?), сов. Побить, поколотить слегка. Рыб. Яросл., 1901 (вып. 29: 21) <...>. Ср. чуть ниже статью **2. Покукать**, почти идентичную с цитированной и отличающуюся от неё лишь «одним» *ка* в заголовке” [там же: 121].

“**Положилый** <...>. Эпитет кукушки. *На городе конопля, Кукушка положилая, Девка с парнем постояла, Семь раз побожилася*. Новоторж. Твер., 1916 (вып. 29: 100). Непростительная оплошность: глагольная форма *положилася* прочитана как прилагательное женского рода (неизвестно с каким значением), несмотря на изумительно красивую частушечную рифму. <...>. Ср. смол., пск., новг., волог., ленингр., в русских говорах Эстонии, Латвии, Литвы *положиться* ‘снести яйцо, снести’ (правда, только о курице) (там же: 103)” [Журавлев 2002и: 121].

“**Полудуржье**, ср. Помощник на свадьбе. <...>. Моск. Моск. 1901 (вып 29: 147). Форма с метатезой (*пу > ур*, из *полдуржье*, см. там же: 146-147) при акценте на префиксе возможна – как артикуляционно

несколько более удобная (ср. даже калуж. *полудуружье*). <...> Не стоит исключать и описки собирателя” [там же].

“**Польдра**, м. Половина телеги чего-л. *Польдра* – мало сена. Краснохолм. Калинин., 1939 (вып. 29: 180). Рукописное *о* воспринято как *ь*, следует *полодра*, ср. мяксин. волог. *пол-одра* ‘половина одра (телеги для перевозки сена, снопов)’ (там же: 99; *одёр* <...> см. вып. 23: 14–15)” [там же: 121–122].

“**Поматить** <...>. Показаться, почудиться, неясно вспомниться. Сев.-Двин., 1928 (вып. 29: 199). <...>Возможность восстановить правильную форму двояка: это либо *помстить* (ср. *помстить*, *помститься* ‘показаться, представиться; померещиться’, там же: 231), либо *поманить* (ср. волог. *поманить*, *поманиться* ‘показаться, почудиться’, там же: 197). Вторая кажется более вероятной: смешать рукописное *н* <...> с рукописным трёхштриховым *т* легче, чем спутать буквы *с* и *а*” [там же: 122].

“**Помелех**, м. Помольщик на мельнице. Новоторж. Пск., 1930 (вып. 29: 203). Форма новг., перм., урал. *помелец* ‘помольщик (на мельнице)’ (вып. 29: 199) подсказывает источник фантомности заголовка комментируемой статьи: *ц* спутано с *х*” [там же: 122].

“**Помереть**, жс. Эпидемия. Черепов. Новг., 1910 (вып. 29: 206). <...>. Калуж., зап., пск., новг., волог. *пошерсть*, зап., пск., калуж. *пошереть* ‘повальная болезнь, эпидемия’ (вып. 31: 30, 31). Даль III: 373: «*Пошерсть* <...> произн. *пошесть*, *пошерець* ж., *пошава* ‘поветрие, наносная, повальная болезнь’, бол. о скоте <...> Ср. польск. *posześć*, *poszedło* ‘эпидемия, поветрие’, – позднеслав. **pošьstь*, к **po-xoditi*, **šьd-*; см. Славянские древности, 1: 225, статья «Болезни скота»)” [там же: 122]. Сюда автор даёт отсылку от слова **Пошереть** (вып. 31: 30) со значением ‘повальная болезнь, эпидемия’ [там же: 129].

“**Поостивить** (?), несов. Пасти (?). *Пришел в деревню и нанялся свиней поостивить*. Смол., 1890 (вып. 29: 287). Ошибка регистратора. Ср. смол. *пастивить*, калуж., брян. *пастивать*, ср.-урал. *пастывать* ‘пасти скот иногда или долго’ (вып. 25: 263)” [там же: 124].

“**Попереника**, жс. Перекладина у ворот, служащая запором. *Заложить поперенику*. Р.Урал, 1976 (вып. 29: 306). Слово с нарушенными словообразовательными связями. Формально оно может быть диалектным производным от *перенять*, *перенимать*, однако поскольку ни в словаре Даля, ни в СРНГ эти глагольные формы (как и *перейать*, также субстантивы *перейм(-)*, *перейм(-)*, *перейм(-)*) в узком техническом значении ‘перекрывать, запирают ворота’ (‘воротной запор’ и под.) не отмечены, нельзя вполне исключить неверного чтения, например вместо *поперечина* или *поперечинка*” [там же: 124–125].

“**Попетье**, ср. Подполье. Бежецк. Твер., 1925, Калинин. (вып. 29: 312). ввиду пск. *попечье* ‘место, где стоит печь’ (там же: 313) можно осторожно предположить ошибочное чтение *т* на месте *ч* <...>. Наличие префикса *по-* там, где в соответствии словообразовательной семантике ожидалось бы *под-* (*подпечье*, *подпечек*), можно объяснить её затемнением (особенно если учесть широту и известную размытость семантики префиксального *по-*)” [там же: 125].

“**Попечерчник**, м. Чересседельник. Грязов. Волог. (вып. 29:312). Если это ошибочно воспроизведённое *поперечник* (в значении ‘чересседельник’ – там же: 309), то может смутить ударение” [там же].

“**Порохливый** <...>. Пугливый. Колым. 1901 (вып. 30: 83). Этимологически это слово *полохливый*, ср. главным образом севернорусское и сибирское *полохливый* ‘пугливый, боязливый, робкий’ (вып. 29: 129), к **polxati*” [там же: 125].

“**Портенник**, м. То же, что портежник <...> *да никакой портенник испортил*. Север., Рыбников (вып. 30: 92). Это по всей видимости, и есть *портежник* (арх., онеж. ‘колдун, насылающий на людей и скот порчу, болезни (посредством злых чар, дурного глаза, наговорной воды – там же): рукописное *ж* воспринято как буквосочетание *не*<...>. Ср. <...> на следующей странице выпуска СРНГ нижегор. *портинник* – колдун” [там же: 125].

“**Портяника**, ж. То же, что *портно* (в 1-м знач. ‘грубый домотканый холст’). *Портянику изю льну ткали*. Камен. Свердлов. 1983 (вып. 30: 99). Не *портянина* ли? Ср. урал. (среди прочего) *портянина* ‘то же’ (там же), *портянино*, *портяника* ‘домотканый холст’ (Среднеуральский словарь, 1996: 445)” [там же: 126].

“**Посеучить**, сов. Взболтать. *Бражка ты, бражка моя, Дорогая бражка посеучена была*. Онеж. Арх., Соболевский (вып. 30: 153). В высшей степени вероятно, что в песенном тексте фигурирует краткое страдательное причастие *помучена* от *помутить* (*мутить*, *мутный*, ср. *взмученный* ‘взболтанный’). Рукописное *м* с «паразитической» петлею в последнем штрихе может быть прочитано как буквосочетание *се* [там же: 126].

“**Посиститься** <...>. Почудиться, померещиться. *Посистилось, будто меня медведь душил*. Свердлов., 1983 (вып. 30: 162). Слову *помститься* ‘померещиться’ <...> сильно не везёт <...>. Рукописное *м* прочитано как *си*” [там же: 126].

“**Посластничать** <...>. Полакомиться. Похвистн. Куйбыш., 1947 (вып. 30: 180). Гласный (ó) на месте ожидаемого (á) (ср. уральск. *посластничать* ‘полакомиться сладким’, там же: 174) вызывает сомнения. Может быть, **послатничать*, с фонологизацией глухого (т) в

корне (ср. простреч. *слатенький* <...> то есть рукописное *а* прочитано как *ос*?) [там же].

“**Постождиться** <...>. Не отважиться, не решиться сделать что-л. *Хотели пенсию больше дать да постождились*. Пинеж. Арх., 1970 (вып. 30: 231). *Постыдиться*: рукописная буква *ы* воспринята как *ог*” [там же].

“**Потава**, ж. Заразная болезнь. Лесн. Калин., 1939 (вып. 30: 261). Достоверное *пошава*, ср. сев.-зап. *пошава* ‘павальная болезнь, эпидемия’ (вып. 31: 23), по Д. К. Зеленину, к *шавать* ‘красться’ (<...> Фасмер III: 349). Рукописное *ш* спутано с *т*” [там же: 127].

“**Потавни**. Тележка для навоза. Бурят. АССР, 1970 (вып. 30: 261). <...> Приемлема конъектура *пошавни*, *пошевни* (чтение *т* на месте рукописного *ш*) <...> *пошевни* <...> в сибирских говорах ‘сани с кузовом в виде ящика, короба для перевозки рыбы, зерна, кормов, навоза’ (вып. 32: 29). Переход от ‘сани’ к ‘тележка’ в этом случае базируется на общности функций (хозяйственного назначения) называемых видов транспорта” [там же].

“**Потемкивати** <...>. *Посадили нашу совыньку на лавыньку. Как начали нашу совыньку потолкивати, Начала ли наша совынька потемкивати, Про села, про губернии рассказывати*. Волж., 1937 (вып. 30: 273). Может быть, *потешкивати*” [там же].

“**Потихоженьку** <...>. Медленно, потихонечку. *Со двора-то потихоженьку*. Белое море, 1935 (вып. 39: 283). <...>. Вероятно *потихошеньку*, с чтением *ж* на месте *ш*” [там же: 128].

“**Потова**, ж. Эпидемия, поветрие, мор. Олон., 1896 (вып. 30: 287). Продолжаются злоключения уже знакомого нам слова *пошава* (см. выше «*Потава*»)” [там же].

“**Потясучий**. Кобель потясучий. Бранное выражение. Слов. карт. ИРЯз (вып. 30: 330). Несомненное *потягучий*, ср. Прейл. (Латв. ССР) *потягуха* ‘женщина лёгкого поведения, развратница’ (там же: 327), далее *таскаться*, *потаск-ун/-уха*, *волочиться*, *волокита* и под. Рукописное *з* читается как *с*” [там же: 128].

“**Пофизало**, м. Тот, кто наушничает, сплетничает. Пошех. Яросл., 1849 (вып. 30: 337). Скорее что-нибудь вроде *подлизало*: рукописное *д* с петлюю вниз и следующая буква зрительно слились в *ф*. От значения ‘лысец’, преобладающего у образований с основой *подлиз*- (см. СРНГ, 28: 65-66), до ‘наушник, доноситель; сплетник’ недалеко” [там же].

“**Пош**, м. Плетенная из прутьев или сетяная ловушка для рыбы, с очень широким входным отверстием. Свердл., 1955. Урал. (вып. 31: 22). По-видимому, рукописное *к(К)* прочитано как *п(П)*. Ср. *кош* ‘рыболовный снаряд в виде корзины, вроде верши’ (вып. 15: 137)” [там же].

“**Пошка**, ж. Птица. Ветл. Костром., 1926 (вып. 31: 35). Рукописное трёхштриховое *m* ошибочно прочитано как *ш*. На деле – хорошо известное в северо-западных и северновеликорусских говорах *пошка* ‘птица’ (вып. 306 284) (**рът-ъка, *рът-ика*)” [там же: 129].

“**Пошкальчик**, м. <...> Бутылка водки ёмкостью в половину шкалика <...> (вып. 29: 173). Опечатка: *поликальчик*” [там же].

Немало слов в различных выпусках диалектного словаря анализирует в двух обширных обзорах «По страницам *Словаря русских народных говоров*» А. Б. Страхов в журнале *Palaeoslavica* 1998 г. (№ IV) и 2008 г. (№ XIV).

Внимание автора чаще всего останавливали словарные статьи, не получившие дефиниций. Иногда он и сам сомневался в существовании того или иного слова, и тогда свои соображения сопровождал знаком вопроса или знаком *, что обозначало предположительное восстановление начальной формы слова. Здесь перечисляем слова, которые вызвали вопросы у автора и подверглись исправлениям, а нам представляются псевдогапаксами, о которых наука теперь точно знает, что их не было в языке. Выделяем неверные написания темным шрифтом и приводим минимальные пояснения из помещённых в статьях А. Б. Страхова.

Безуговный (?) (удар.?) (вып. 2: 199. – М.;Л., 1961). Непослушный. Слобод. Вят (год и автор неизвестны). – «Скорее всего, диссимилировано из *безугомный < безугомонный ‘беспокойный, неугомонный (о детях)’» [Страхов 1998: 255]. В вып. 2 на стр. 200 есть слово **Безугомонный** в значении ‘беспокойный, непослушный’.

Богочесливый, ая, ое. Богомольный. *Говорят, старухе, одной богочесливой вдове, прснился сон.* Нижнеуд. Иркут., 1926 (вып. 3: 54) – “В единственной... иллюстрации слово **богочесливый** отсутствует... Какая же форма была в источнике и в действительности?” – спрашивает А. Б. Страхов [там же: 255].

Бодаст, а, м. Рог. *Два бодаста, четыре ходаста...* (загадка). Пск., Осташк. Твер., 1955 (вып. 3: 55). – “Ниже читаем: **Бодасто**, а, ср. Рог. Казан., 1890. новг., Пск., Самар. ...Форма *бодаста* (а по искажению далее: *бодасто*) представляет собой сигматический аорист 2- го л. двойств. числа глагола *бодати*” [там же: 256].

Бухвальный, ая, ое (удар.?). (Знач.?). *Будьте мои слова вострее вострого ножа, вострее вострого топора... крепче бухвального слова.* Арх., 1878 (вып. 3: 321). – “Эпитет **бухвальный** в этом заговоре употреблён в явно положительном значении и... ближе соответствует своему прототипу: *б(ог)ухвальный*” [там же: 257].

Бухвистить, стишь, *несов. неперех.* Звонить. Новоторж. Твер., 1852 (вып. 3: 321). – “Здесь отражено стяжение **б(ог)увьстить* в *бухвистить*... Сближение поддержано передачей **Ъ** как (i)” [там же].

Быжок, *м.* Танец вроде гопака. Амур., 1913–1914 (вып. 3: 339). – «Не *бычок* ли? Ср. укр. *бычок* ‘род танца’» [там же].

Вадево, *частица* На! вот! бери! Сольвыч. Волог., 1819 (вып. 4: 11). – «Скорее всего не частица, а сочетание императива *вадь* (от *вадить*) и личн. местоим. в род. ед. *его* (фонетически: *ево*), т. е. *вадь его!*... *вадить* ‘ловить рыбу вадой’» [там же: 257–258].

Вамлять. Унимать, упрашивать Жиздр. Калуж., 1905–1921 (вып. 4: 36). – «Мне представляется, что этот гапакс есть результат акающей ассимиляции (или стяжения) книжного *воумлять* (из поздн.-слав. *воумляти* ‘вразумлять, наставлять’)» [там же: 258].

Велегливый. Заносчивый (вып. 4: 106) – «...есть все основания подозревать что форма *велегливый* восходит к ц.-славянскому написанию ‘под титлом’ *велегливый*, т. е. *велеглаголивый* ‘многооречивый, многословный’» [там же].

Статья “**Вершала**, *мн.* Колья, вбитые в дно озера или реки для просушки невода. Рост. Яросл. 1902” «содержит любопытное дополнение: – Доп. (Знач.?) *И вершала берут теперь да бритвы вострые, И они бреют у него да кудри желтые.* Север., Барсов (вып. 4: 172). Думаю, что барсовские *вершала* – это дальнейшее искажение уже искаженного народного (*мн.*) *фершала* < *фельдшера*» [там же: 259].

“В статье **Вилавый** значение 2. Лукавый, хитрый” иллюстрируется следующим примером: “*Змея мотая, семиглавая, Семиглавая была, вилавая*” (вып. 4: 279)... *мотая* – это ошибочно прочитанное *лютая*, – устойчивый эпитет змеи в фольклоре” [там же: 260].

«В статье **Вить** значение “Вьет. Спорится” иллюстрировано так: *Девка просужая, говорить не це, за це не возьмется – все так и вьет в ее руках-то.* Красноуфим. Перм., 1913 (вып. 4: 303). Вместо *не це* надо писать и читать *неце*, т. е. ‘нечего’» [там же: 261].

Власт, *нареч.* В карточной игре – в масть. Дмитр. Моск., Орлов, 1904 (вып. 4: 318). – “Выражение *дать в лист* ‘дать в масть’ отмечено и в СРНГ (17: 63)... Словарное **власт** контаминировано из *в лист* и *в масть*” [там же];

Воименки, *мн.* (удар.?). Грибы (какие?) (вып. 5: 31). – «...имеются в виду волменки ‘волнушки’» [там же].

“Статья **Волкодлак** (вып. 5: 41–42) ошибочна. Дialeктного слова **волкодлак** не существовало. Этот научный термин, использовавшийся русскими учёными мифологической школы для обозначения оборотня, был амальгамирован из с.-х<орв.>. *вукодлак* и русск. *волк*” [там же]. [Заметим: в работе Д. К. Зеленина 1930 г. «Табу слов у наро-

дов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 2. Запреты в домашней жизни» отмечено: “среди волков преобладают оборотни и *волколаки*” – с. 33].

Вопудать, аю, аешь, *несов.* и *неперех.* Петь (обычно громко, протяжные песни) (вып. 5: 97). – «В действительности это – восходящая к Словарю Даля (1, стлб. 591) ошибочная лексикализация выражения *вону дать*... Ср. сущ. *вон* ‘крик, вопль, громкий плач’» [Страхов 1998: 263].

«Вочник, а, м. Сыпь на губах и лице <...> Лебедян. Тамб., Волков. Архив АН (вып. 5: 165). – “Эту статью полезно сопоставить с 4-ым пунктом статьи **Огник** <...>Род сыпи (обычно на лице или губах). Севск. Орл., Слов. Преображенского (СРНГ 22: 330)”. – “Что же до нелепого *вочник*, то буква *-ч-* в ней есть плод неправильного чтения письменной буквы *-з-*”» [там же: 265].

Вперевал, *нареч.* Перевалив через плечо. Нести мешок вперевал. Иркут., 1924. – Доп. (Знач.?). *Тело вперевал валят, а душу в рай тащат.* Шенк. Арх., (Срз) (вып. 5: 170). – “Архангельское дополнение представляет собой конец произвольно усечённой загадки о молотье и снопах на току... Сомнительно, чтобы *вперевал* ...было наречием. Скорее здесь нужно видеть сущ. с предлогом: *в перевал*. Ср. *перевал* ‘продолговатая куча зерна на гумне’ с пометой «Пинеж. Арх. 1960» (СРНГ 26: 38)” [там же: 265–266].

При анализе словарной статьи **Вывет** (вып. 5: 254) А. Б. Страхов возражает против толкования выражения, характерного для купчих и закладных грамот, *без вывету*. Оно, по его мнению, “означает не ‘запрет, запрещение’, а ‘без исключения’, как это следует из приведённой иллюстрации: *А продала я и заложила ему без вывету, а впредь нам до тое ножки дела нет.* Другое возражение касается слова **ножки**, которое он видит как «искажённое или плохо прочитанное редакторами слово *пожни*, т. е. род. ед. от *пожня*” [там же: 266].

Слово **Вызывать** ‘вычерпывать, выкидывать’ (вып. 5: 284) А. Б. Страхов предлагает читать как *вызобать*, ‘съесть’, что подтверждается цитатой-иллюстрацией из северного заговора: *Тому бы злому человеку С берега синего моря Песок вызобать* [там же].

«Вымястись, метушь, метешься, *сов.* Приобрести внешний лоск. *В писарях жимши, он немного вымелся, хоть в город посылай* (вып. 5: 310). – «Надо: *вымяться* (от *мяться*), т.е. *вымялся*... Ср. *обминаться, обмяться* ‘становиться мягче, податливее’» [там же: 267].

Гладок, дка. Камень в перстне, серьге и т. п. Саратов., 1918 (вып. 6: 180). – “Этот горе-гапакс, без сомнения, – результат неправильного чтения писанного от руки *-з-* как *-д-*; должно быть *глазок*” [там же].

Глушенесь (?). Глушенесь ночи. В глухую полночь. *А что у тебя в дому? – Вот глушенесь ночи набьется нечистого духу, заведут*

игру, даже стены дрожат. Вят., Зеленин, 1915 (вып. 6: 217). – “Сочетание **глушенесь ночи** восходит к сочетанию **глуше нѣсть ночи**, и поскольку зафиксировано оно, как будто, однократно, то бытие **глушенесь** как самостоятельного слова кажется мне несколько проблематичным” [Страхов 1998: 267–268].

Гместо, нареч. Вместе. *Стукни них лопам* (=лбом) *гместо* (=вместе) – вмѣстѣ. Петрозав. Олон., 1896 (вып. 6: 233). – “У А. А. Шахматова (1896: 249), которому составители СРНГ обязаны этим примером, это место выглядит так: Лопь, лопа, лопу, лопомъ, лопамаы вм. лоб, лба и проч. *Стукни јих лопамъ* (или *-мы*) *гместо* (вместе)... Итак, **них** вм. **јих** в СРНГ ошибочно. Ошибочно и понимание формы **лопам** как ‘лбом’ ... а не ‘лбами’... Ср.... замечание Шахматова: «...творительный постоянно заменяется дательным» и его примеры: *видим глазам, слышать ушамъ*” [там же: 268].

Гордыхать, аю, аешь, *несов. неперех.* Дрожать. *Идешь по болоту. Зуб до зубу не доходит, гордыхаешь, а бегишь.* Комарич. Брянск., 1961 (вып. 7: 30). – “Глагол получен по метатезе из экспресс. **дрогыхать** (от *дрогать*, форме, достроенной по народной этимологии из *дрожать*” [там же].

Горипни, мн. Игра в горелки. Росл. Смол., Опыт, 1852 (вып. 7: 36). – “Смол. **горипни** является лексикализацией сочетания императива *гори* и им. мн. от слова *пень*. Писать эту композиту лучше с дефисом: *гори-пни*” [там же: 268–269].

В цитате в словарной статье **Гороховик** (вып. 7: 66) есть слово **скленицавина** – “верно *скленица* ‘скляночка’ *вина*” [там же: 269].

“**Горокуха** (вып 7: 82) – надо *Горькуха*” [там же].

Готонить, ню, нишь, *несов., перех. и неперех.* Говорить, спрашивать. *Не видал ли, кто наши станухи украл? – готоня девки.* Остров. Пск., Козырев, Слов. карт. ИРЯЗ (вып.7: 100). – “Материал для образования нового невероятного глагола дало составителям ошибочное чтение написанного от руки *-м-* как *-т-*” [там же] – слово *гомонить*.

Гредить, ишь, *несов., неперех.* Грешить (вып. 7: 130). – “Писанная от руки буква *-з-* была неправильно прочтена как *-д-*, а написано было *грезить* (см. это слово в значениях ‘лгать, безобразничать, совершать преступление’ etc.)” [там же].

Греч, а, м. (Знач.?). *Ай не греч-от головою поворачивае, Как не малый горносталюшко прорыскивае...* Пудож. Олон., Гильфердинг (вып. 7: 136). – “Параллелизм: *не греч-от – не горносталюшко* позволяет в первом слове увидеть название животного, но читать его несколько иначе... *кречет*” [там же: 269–270].

Гунужинкан, а, м (удар.?). Успенский пост. Жители... строго исполняли посты... Великий... Петров, «гунужинкан» (успенский) и

Филиппов. Тунк., Иркут., Гущина (вып. 7: 234). – “Это странное слово есть, вероятно, какое-то искажение субстантивации **госпожинкин* (пост), ср. Госпожинкина неделя. Двухнедельный пост перед днём Успения Богородицы” [там же: 270].

1. Гурак, а, м. 1. Дикий козёл. Сиб., 1843 (вып. 7: 237). – “надо: Гуран. Ср. гуран ‘косуля’ (СРГС 1, 1, 300) ... **2. Гурак**, а, м. 1. Казак. Вообще же в Сибири казаков зовут *гуранами*” [там же: 270–271].

Гядера, ы, ж. (удар.?). (Знач.?). *А подите вы черные звери... дам вам пятера гядера, ешьте зеленую траву...* Онеж. Арх., 1878 (вып. 7: 253). – “В **гядера** естественно видеть форму **ядера** с заменой йотовой протезы протетическим (g’-). Ср. *гичко* вм. *яичко*” [там же: 271].

Доброушьице, а, ср. *И возвратись да, наш спорядный ты соседушко... На утехушку ты нам на доброушьице.* Север., Барсов (вып. 8: 79) – “Это то же **доброушьице**, искажённое за счёт неправильного чтения какого-то, близкого к **-ш-** начертания буквы **-м-**” [там же: 272].

Доглый, ая, ое. Хитрый, дошлый. *Парень дотлый* Кадр. Волог., 1895–1896 (вып. 8: 154) – “Это плохо прочитанное ... обыкновенное **дошлый**” [там же].

Дяка, и, ж. Благодарность. *Одна дяка (одно спасибо) что за рыбу, что за рака.* Южн., Зап., Даль. *И не в дяку, да скажет.* Ветл. Костром. (вып. 8: 307) – «Костромской пример... должен быть приписан к статье о наречии **Невдяку**... ‘поневоле’» [там же: 274].

Задьгумень, я, ср. Зад гумна. *Я по старым по приметам по задь-гуменью пройду.* Соболевский (без указ. места) (вып. 10: 74) – “...**позадь** предлог (см. статью **Позадь** в СРНГ, 28, 308)” [там же: 275].

Запуха, ж. ‘затычка, отверстие в потолке для дыма; сажа’... *Вынимает из запухи свечу* (вып. 10: 371). – “Слово **запуха** из этой цитаты не имеет никакого отношения к ‘затычкам’ и ‘саже’. Это слово **пазуха**, пережившее метатезу (быть может, под влиянием глаголов *запахивать, запахнуть* (полу, одежду). Ср. статью **Зупага**, и. ж. Пространство между грудью и прилегающей к ней одеждой; пазуха (вып. 12: 24)” [Страхов 1998: 277].

Заправинка, и, ж. Наказание. *В заправинку* (вып. 10: 352). – “Мы имеем дело не с сочетанием сущ. с предлогом, а с наречием **взапровинку**. Ср. статью: **Взапровинку**, нареч. Не напрасно, за дело. *Взапровинку наказать.* Пск. (вып. 4: 236)” [там же].

Запрека, и, ж. Досада (?)... *Одно слово пришло девке в запреку, Не ходи девка распутно за реку.* Олон., Архив РГО... (вып. 10: 354). – “... здесь фигурирует не сущ., а наречие **взапреку** (или **взапреку́**). Ср. однородные наречные лексикализации: **взабеду́** ‘обидно’... **взаправду́**” [там же].

Зарошение, я, ср. Плата за невесту... Пудож. Олон., 1885 (вып. 11: 7). – “Ошибочная лексикализация. Это сочетание предлога и существительного. Значение ‘5. Воспитание (ребенка)’ в статье **Рошение** и **рошение** иллюстрированы... бесспорно правильным образом: *Родители невесты берут с жениха плату за рошение* (вып. 35: 211)” [там же: 278].

Заскалиться. Приподнять, подоткнуть подол платья. *Попадья с дочкой заскались, ищут на дне (чесалку), ворочуют*. Олон. Ончуков (вып. 11: 34). – “У Ончукова употреблена форма прош. вр. от глагола *заскаться*” [там же: 278–279].

Засопса (?). “Помер от пьянства”. Сев.-Двин., Романов, 1928 (вып. 11: 49). – “Это форма 3 л. ед. прош. вр. от глагола *заснуться*: *засоп са* (=ся) – как *усоп* от *уснуть*, *утоп* от *утонуть*” [там же: 279].

Засцелой, ая, ое. Неопрятный (вып. 11: 77). – «Более правильная форма будет *засцёлой* прич. от *засцати*, *засцать* ‘обмочить, облить мочой’» [там же].

Зачантаться, ится, сов. Излечиться. *Пока жениться – все зачаит-ся* (вып. 11: 171). – “...**Зачаится** есть неправильно прочтенная акающая форма к *загоится* «заживет (о ране)»” [там же].

Зезл, а, м. Улей (?). *Посла их в Нарименские горы за силою пчелиною поймать крапчика и матку и посадити в зезл свой*. Арх., Слов. Акад., 1905 (с вопросом) (вып. 11: 244) – “Чудотворцы Зосима и Савватий принесли на Русь из далеких краев пчелиную матку и трутня (крапчика) в своем посохе, жезле” [там же].

Изаязднуть, ну, нешь, сов., *неперех.* (Знач.?). *У меня сердечушко-то так изаяздо*. Архив АН СССР (без указ. места) (вып. 12: 85). – “Обилие вопросов к слову понуждает к двойной конъектуре: ...*так и заяздо*. Рукописные *-д-* и *-б-* при чтении могут смешиваться, и речь в иллюстрации вполне может идти о ‘захолонувшем, заябшем’ сердце, – как в одном северном причитании: “*Заябное ретивое сердце*” (СРНГ 10, 100 s.v. **Заяблый**)” [Страхов 1998: 280].

Изарбарный, ая, ое, (удар.?). (Знач.?). *А была она в изарбарном сарафане* Урал., 1968 (вып. 12: 85). – “С этой статьёй связана ещё одна, обнаруживаемая в том же выпуске: **Изорбатный** ая, ое, (удар.?). (Знач.?). *Праздничные же сарафаны китайчатые с изорбатным шелковым кружевом* (ib., 164)... См. статьи **изорбафъ** у Срезневского... **изарбат** у Даля... **изарбат** и **зарбав** у Фасмера... В случае со словом **изарбарный** мы вероятней всего имеем дело не с фонетической ассимиляцией, а со смешением рукописных букв *-р-* и *-ф-*, случившемся при чтении или заполнении словарной карточки” [там же: 281].

Измитя (удар.?). Бранное слово. Олон. Барсов (вып. 12: 146). – “На с. 159 того же труда в конце статьи **Изнимать**, etc. находим: *Изнимай ты*. Бранно. Олон., 1842. *Изми ты*. Бранно. Север. 1872... Итак,

измита – это неверно расчленённое, непонятное проклятие *изми ты* (т. е. тебя)” [там же].

Камюк, а, м. (удар.?). (Знач.?). *Камюк у нас на море стряпчий, Рябчик на море урядник* (песня). Рыб., Яросл., 1909 (вып. 13: 34). – “**Камюк** – искажённое канюк. Ср. в тексте, записанном Гильфердингом (1894, 464 № 62) на Пудогге от И. Фепопова:

А канюк-отъ был человальник,

Рябчик-отъ на мори стряпчей.

Эти песенные тексты восходят к известному в древнерусской литературе *Сказанию о птицах*” [там же].

Колпаница, ы, ж. Женщина, которая всем кружит головы. *Вдоль по улице метелица метет, За метелицей колпаница идет, Под полою разну музыку несет*. Орл., 1905 (вып. 14: 193) – “Никакой “женщины” в тексте песни нет, есть **компаница, компаньица**” [там же: 283].

Комляга, и, ж. (удар.?). То же, что 1 **Комяга** (в 1-м знач.) ... (вып. 14: 234). – “У В. И. Даля... читаем: **Комяга** ж. юж. вост., **комей** м. пск. *комляга, комель*?... ‘обрубисто и топорно выдолбленное корытом бревно’... Отсюда ясно, что **комляга** есть несуществующая, выдуманная Далем промежуточная форма, которая понадобилась ему для установления псевдоэтимологической связи слова **комяга** (<слав. *komęga, см.: ЭССЯ 10: 172–173) с **комель**” [там же: 283–284].

Коромный, ая, ое. (Знач.?). *Приезжают ко крылечку скорешенько, Проходят во коромное строеньице*. Север., Барсов. *В пуни коромные хлеба кладут*. Печор. Пск. 1960 (вып. 14: 362). – «В обоих примерах **коромный** значит ‘хоромный, относящийся к дому, хоромам’» [там же: 284].

Крата ы, ж., в знач. *суц.* (Один) раз. Слов.Акад. 1847... *Встану я и пойду из избы в двери, из ворот в ворота на быструю реку, и стану я по три краты мыться и полоскаться*. Южн. Сиб., 1848 (вып. 15: 203). – “Пример из южносибирского заговора... содержит слово м<уж.> р<ода> **крат**, нормальный ц.-славянизм, а не **крата**. Ср. “ко прѣже даже коурь не възгласить дѣва краты, отъврѣжешися мене три краты (Мрк. XIV, 72. Остр. ев.)” [там же].

Кульбоба, ы, ж. (Знач.?). *Пястку соли съест под заклад и выпьет пять литров воды. Ну сильный был. Кульбобу съел и кумначок и не лопнул*. Преил. Латв. ССР, 1967 (вып. 16: 73). – «Непонятное **кульбобу съел** надо расчленить на **куль бобу съел** ‘мешок фасоли съел’. Древний... пример род. ед. на -у от слова **бобь** содержится в *Прологе* 1262 г.: *корчагу бобу мочена* – 63 об. ... Слово **кумначок** есть искажение... слова **кумпячок**, уменьш. от **кумпяк** ‘ококор’... Ср. сходный текст... “*Петра съел кумпяк и не лопнул. Цельный кумпячок съел, и недоваренный был кумпячок...*” (СРНГ 16: 86)» [там же: 285–286].

Курмолить <...> Религиозный обряд – обычай жарить курицу или петуха накануне 1 ноября (ст. ст.). Нижнедев. Ворон., 1854 (вып. 16: 133). – “Несуществующее слово. Ранее в том же выпуске в статье **1. Кура** рассматривался фразеологизм *кур молить*, снабжённый теми же территориальными пометами... В другом выпуске в конце статьи **2. Молить** находим Кур молить (удар.?)... Нижнедев. Ворон., 1861 (СРНГ 18: 219)” [там же: 286].

Луговье, я. ср. Картофельная ботва. *У нас луговье уже скошено*. Старооск. Белг., 1970 (вып. 17: 177). – “Статья есть следствие ошибочного чтения *-ч-* как *-з-*. Ср. *лучовье* ‘картофельная ботва’... *лучовина*, *лучовник* ‘ботва картофеля и свёклы’ (ib., 210, 212), ср. также статьи: *Лучей*... *Лыч*, *Лычѣ*, *Лычей* (ib., 210, 227, 228)” [там же: 287].

«В конце статьи “**2. Лыга**, и, ж. Овечья шуба. Дон. 1929” приведено: “Доп. (Знач.?). *Кривские (девушки) недоросточки Поизмяли в лыгах косточки*” (вып. 17: 218)... Правильно было бы *в лычах*, т. е. в ‘ботве корнеплодов, овощей’ (см. статью **1. Лыч** – СРНГ 17, 227)» [там же].

Ляхва, ы, ж. (Знач.?)... *Я гриб нашел об четырех ногах с глазами*. – *Это ляхва!*.. Тихв. Новг., Архив РГО, 1853 (вып. 17: 285). – “Слово *ляхва* есть своеобразная запись (произношения?) слова *лягва*, *лягва* ‘лягушка’, которое приводится в СРНГ с многочисленными территориальными пометами, в том числе и с новгородской (см.: ib., 255)” [там же: 288].

Мачить. 3. Манить, завлекать. *То-то вот нас одинарно беда наша мачит*. Колым., 1901 (вып. 18: 56). – “Этот глагол, как представляется, образовался посредством корневого стяжения из *маячить*” [Страхов 1998: 288–289].

Моглявина, ы, ж. 1. Лужа Пск. 1904–1918. 2. Конец пашни, отведенный под траву. *Моглявины совсем не пахнут, под траву бросают*. Демян. Новг., Слов. карт. ИРЯЗ (вып. 18: 192). – “Неправильно прочитанная форма *мочлявина*... с характерной для составителей словарей и редакторов полевых записей путаницей рукописных *-з-* и *-ч-*” [там же: 289].

Мочилен, а. м. Кожаная сумочка для табака, спичек, а также денег, которую носили на поясе поверх рубашки. Никол., Сольвыч. Волог., Баженов (вып. 18: 319). – “Слово неправильно прочитано составителями вместо реального *могилёк* (путаница: *-ч-* вместо *-з-*, *-н* вместо *-к*). Ср. статьи *Могилёчек* (ib., 190), *Могиль* (ib., 191), **2. Могильник** (ibid.), *Магиль* (вып. 17: 289), где рассказывается о том же самом предмете” [там же: 290].

Надчелаться, сов. Надсидеться. *Вот и надчелася, хоть сейчас и ниче не делаю, а все равно хвораю*. Перм. 1970 (вып. 19: 257). – “Ин-

финитив реконструирован неверно, надо: *надчестья*. Это диалектное преобразование *надсестья*: сначала с аффрикатизацией *-с-* (**надцестья*), а потом с подключением «чоканья» (*надчестья*)” [там же: 291].

Напосад, нареч. К свадебному застолью (вып. 20: 92). – А. Б. Страхов видит «здесь сочетание предлога с сущ. “...готовила <рубаху> жениху *на посад*” (ср. готовить *на свадьбу, на праздник* и т. д.)» [там же: 291–292].

Насилошный, ая, ое. Действующий насилем. В заговоре: *Чтобы не ходили в моей поскотине, черный зверь широколапый, насилошный, ...волк рыскучий*. Шенк. Арх., 1897 (вып. 20, 161). – “Ошибочность толкования явствует из сравнения его с другой статьёй в том же выпуске: **Насылочный**, ая, ое. В суеверных представлениях – насылаемый на кого-, что-либо путём заговора со злым умыслом... *Вы придите, звери, медведь широколобый насылочный опрокидень, волк рыскучий...* Сольвыч. Волог., Ордин. ...(*ib.*, 210). В иллюстрации к первой статье эпитет **насилошный** (=насылочный) относится к «опрокиденю», произвольно выпущенному из цитаты” [там же: 292].

В статье **1. Ненянь** помещён фразеологизм *Ненянь веры*. Не доверять. *А я веры неняла, мазукантов наняла* (песня). Смол., 1893 (вып. 21: 97). – “Отметим правильное *музыкантов* вм. нелепого *мазукантов*. Вообще ряд примеров из статьи **1. Ненянь** должны быть перенесены в статью **Нянь** (*ib.*, 335)” [там же: 293].

Ноголки, мн. Приспособление (какое?) для обработки крупы. Калинин., Калинин. Слов. 1972 (вып. 21: 265). – “Вм. **ноголки** здесь надо видеть *ночолки*, т. е. обычные *ночѣвки, ночвы* ‘корытца для очистки зерна и крупы от мелкой шелухи’ с ошибочным чтением *-ч-* как *-з-* и передачей [w] с помощью *-л-*. К первому ср. статьи **Ночвы** и **ночвы**, **2. Ночѣвки** (*ib.*, 297, 299), ко второму – статьи: **Нялгать**, с одной стороны, и **Нявгать, Нявжить** (*ib.*, 331) – с другой” [там же].

Ножичимы, мн. (удар.?). Фольк. Ножницы. *Пресвятая Богородица... стальным топором подрубает, хрустальными ножичима остригает* (заговор) (вып. 21: 269). – “Заглавная реконструируемая форма ошибочна. В заговоре представлена форма твор. двойственного числа, образованная от формы мн. ч. *ножичи*. Форма *ножичи* (мн.) ‘ножницы’ отмечена в Пудожском р. Архангельской обл. (СРГК 4, 36)” [там же].

Норазно, нареч. (?). Иначе, по-разному. *Они одинакие, эти травки, полина, а кто и норазно говорит, по другому*. Галич. Костром., 1975 (вып. 21: 278). – “Слова не существует. Вместо **и норазно** следует читать *ино разно*” [там же: 294].

Обрунец, нца, м. (удар.?). Фольк. (Знач.?). *Во тебе, моя рученька, Много цветного камня И в обрунцем (?) и со яхонтом*. Белозер.

Новг., Шейн (вып. 22: 213). – “Однородная конструкция *со яхонтом* подсказывает членение: *И со брунцем*. К полученному таким образом слову **брунец* близкую параллель может представить арханг. *бруниски* (мн.): *Бисер по-прежнему брунисками называли, разны камешки* (АОС 2, 132). Слова **брунец* и **бруници* (> *бруниски*), пережив метатезу в первом слоге (*бур-* > *бру-*), видимо, восходят к др.-русскому названию поддельного жемчуга – бирмицки” (зерна)” [там же: 294].

В статье **Обчинить** ‘очинить etc.’ находим: “3. Открыть (?). *От коробочка не простая, Не простая, золотая, Как в ней были цевонцы, Вот цевонцы золочены, Золотые очунь ценны, Что никому не обчинить*. Беломор. Чужимов, 1955 (вып. 22: 266). – “В иллюстрации имеются следы «цоканья» (*цевонцы* bis) и «чоканья» (*ченцы*). Это обстоятельство подсказывает, что **не обчинить** есть фонетическое преобразование **не обцѣнити**, т. е. ‘не оценить, не сосчитать’. Объединение этого глагола с **обчинить** ‘очинить’ в одну статью – ошибочно” [там же: 295].

Овединьѣв, а, о. Овединьев день. (Знач.?). *Лекрутов брали в овединьев день* (вып. 22: 293). – “Надо полагать, речь идёт о празднике **Введения** (Богородицы во храм, 21 ноября ст. стилия) с передачей ъ как [i]. Членение *в овединьев* ненадежно (возможно: *во вединьев*)” [там же].

Огробы, мн. (Знач.?). *Или отошла она в огробы?* Печор. Ончуков, 1904 (вып. 22: 235). – “Нелепое слово неправильно вычленено из текста. Надо: *во гробы*” [там же].

Огунячь... (удар.?). Поправиться. Петрозав. Олон., Куликовский, 1885–1898 (вып. 22: 364) – “Заглавное слово – результат неправильного чтения письменного *ч* как *г*. Надо: *очунячь*. Ср. новг. *очунуть*, курск. *очунеть*, смолен. *очунячь* ‘выздороветь’... и статьи **Очуняться, Очунеть, Очунивать, Очуниться, Очунуть, Очунуться, Очунячь, Очунячься** в СРНГ (25: 72–73)” [Страхов 1998: 296].

Одалица, ы, ж. (Знач.?). *Выдь-ко, любезный брателько, В одалицу да во чисто поле* (вып. 23: 5) – “Слово, вероятно, есть плод неверного членения: *во далицу да во чисто поле*. Полученное таким образом слово *далица* – уменьш. от *даль*. Ср. статью **Далица** (вып. 7, 269)” [там же].

Опачей (?), (удар.?), нареч. Фольк. “Задом к реке”. *Видел во чистом поле Добрынюшку убитого – Головкой он лежит во ракитов куст – Ножками лежит опачей реку*. Пудож. Олон. Рыбников (вып. 23: 244–245) – “Информация о положении тела Добрыни относительно природных объектов (*лежит во ракитов куст*) подсказывает видеть в *лежит опачей реку* чьё-то искажение исходного *лежит о Почей-реку* (<**о Пучай-реку*). Эта река (историческая **Почайна**, река под Киевом) часто упоминается в былинах о Добрыне” [там же: 300].

Опочик (?), а, м. *Опочик* держать. *Фольк.* (вып. 23: 286). – “Я думаю, что **опочик** – фонетический вариант слова *опочив:* (*опочиѳ*) > (* *опочих*) > **опочик**” [там же].

Опрекать. Оберегать (?). *Опрекала его родима матушка отдавать в солдаты* (вып. 23: 293). – “Фонетический (возможно, субстратный) вариант к *обрекать* (ср. вариативность слов: *празга / бразга* в северных говорах). Значение, предполагаемое составителями, ошибочно” [там же: 300–301].

“В самом конце статьи **Пиво** приведён фразеологизм “**На пиво не теча.** О неудаче в каком-либо деле” (вып. 27: 19). – Слово *нетеча* должно писаться слитно. Ср. статью: **Нетеча**, и, ж. Неудавшееся пиво, которое не течёт по руслу (при изготовлении его в домашних условиях). *Пиво – нетеча, если не бежит; нетеча де не вышла...* (СРНГ 21: 174)” [там же].

Пида, ж. (?). Мера длины, равная расстоянию от большого до указательного пальца руки (примерно четверть аршина); пядь. *Тут будет пидов десять.* Трубч. Орл. Сполохов (вып. 27: 21). – “Во-первых, формой им. ед. при род. мн. **пидов** должна быть не *пида ж. р.*, а *пид м. р.*, во-вторых, тут явно чья-то ошибка: рукописное *-я-* в более реальной форме **пяд* (м. р.) кем-то прочитано как *-и-*” [там же: 302].

Пкетой, ая, ое. Проклятый. *Будь ты трою пкетая от меня!* Соликам. Перм., 1852 (вып. 27: 63). – “Анлаут формы настолько невероятен, что подталкивает к значительной коньектуре: не *пкетая*, а *клетая* (< *клятая*). К полученному *трою клетая* ср. *треклятая*» [там же].

Подземь, ж. Удобрение (?). *Все ушли подземь сеять, а я одна на льну работала* (вып. 28: 17). – “На самом деле *-е-* в **подземь** неэтимологическое; слово связано не с *землѣй*, а с *зимой* (т. е. *подзимь*), и обозначает ‘озимые, сеемые *под зиму*’. Ср. *подзимь* ‘всходы, посевы озимых’ (СРНГ 28: 18)” [там же: 303].

Подкурахом, нареч. В состоянии опьянения, выпивши. *Дядя Василий видно подкурахом.* Ветл. Костром., 1911 (вып. 28: 51) – “Вряд ли это наречие, а не обстоятельство сущ. с предлогом (ср. синонимические: *под мухой, под газом*). У В. И. Даля... имеется **турах**: *он маленько под турахом.* Это словосочетание и, возможно, выражение *под куражем* соединились в костромском **под курахом**” [там же: 304].

Пожилки, мн. Жилы... За пожилки схватить. Схватить за горло. *За пожилки схватил да и хряснул.* Пинеж. Арх. (вып. 28: 294) – “...Возможен двойной предлог: **за-по жилки схватил**. Ср. популярный двойной предлог с обратным порядком компонентов: **по-за**” [там же].

Пораздяти, сов. То же, что поразделить... *Не с кем горя пораздяти, Не с кем горя поубавити* (вып. 30: 38). – “...Я предполагаю, что

в Картоотеке в слове **пораздияти** пропущено -л-, а в песне было **пораздияти** с передачей корневого **Ъ** как (i)» [там же: 306].

“Заглавное слово **Порасхать** (вып. 30: 36), но в иллюстрации стоит: *Бабы-дуры порасхали меня*. Видимо, и статья должна называться **Порасхаять**” [там же].

В статье **Порожний** выражение “из пустого в порожнее воду не переливать” иллюстрировано: *Чездря из пустого и порожнее воду переливать* (вып. 30: 71). – “Слитное **чездря** следует разделить на **че здря**, т. е. ‘чего зря’, а вместо **и** читать **в**» (с. 306); **Портенная**, ж. Кабак, кабачок (искажённая “подтерная”) (вып. 30: 92). – “Составители сами исказили исходное слово **портерная**” [там же].

Посвятить, сов. Освятить? *Господь пожаром места посвятит; ен и накажет, ен и помилует* (вып. 30; 142). – “Сочетание **-ств** в основе получено путём «обратного» аналогического производства из ц.-славянизма **посвящать**, в семантическом отношении контаминированного с **посещать** (с управлением твор. п.). Ср. Господь посетил чем-л. Бог наказал. *Нынче нас Господь тоже посетил рожью-то: костер один... метла*. Моск. Моск., 1910 (ib., 153)” [там же: 307].

Постреще, ср. Место под стрехою, под крышей. *Не раз, не два по пострещу ходила... воробышков ловила* (вып. 30; 239). – “Эта статья лишняя. Над ней помещена статья, основанная <на> материале, очень похожем во всех отношениях. К ней нет претензий. Ср.: **Пострешье**, ср. Место под стрехою, под крышею. *По пострешью галичка летала, сама себе крылушки обивала* (песня)” [там же: 308].

Постыть, сов. (Знач.?)... *Отойди прочь от меня... Когда я ж тебе не мила, Не мила ли, красная девушка, Я постыла без тебя!* (вып. 30: 246). – “Глагольная форма, вероятно, получена путём стяжения из **поостыть**” [Страхов 1998: 308].

Потвередить, сов. Повредить что-л., причинить боль. *Потвередить руку ... Потвередиться*, сов. Надорваться, надсадиться (вып. 30: 269). – «Неэтимологическая запись (с оглушением) глагола ***подвередить(ся)** (от **веред**). Ср. **вередить** ‘ушибать’» [там же: 310].

В статье **Потесь** значение ‘длинное весло на барках’ красочно иллюстрировано отрывком описания седлания богатырского коня: *На коня положил он войлочки, На войлочки клал он потеси, На потеси седельшко черкасское Подвязывал двенадцать потесей... Для ради закрепы богатырской* (вып. 30: 279). – “Полагаю, что **потесь** (<* **потец**, с мягким «цеканьем» и деаффрикатизацией) – то же, что **потник**” [там же].

Погоба, ж. Эпидемия, поветрие, мор. Луж. Петерб. (вып.30: 287). – “Этой статье корреспондирует статья **Потова**, ж. Эпидемия, поветрие, мор (ibid.). Обе они, на мой взгляд, объясняются неправильно-

ным прочтением записи надёжно зафиксированного в тех же регионах слова *пошова* ‘тж’. Ср. *пошова... пошава* ‘повальная болезнь, эпидемия’ (Осташк. Твер., 1820. Новг., Твер., Калин., Олон. Прионеж. КАССР, Горьк.) – СРНГ 31: 23, 37) [там же].

Прибийоца, ж. То, что прочно прикреплено, прибито. *Баюшки, баю! Во каменном во дому люлечка висит, там малюточка лежит; кольца прибойца серебряные, подушечка пуховенькая* (вып. 31: 17). – «Форма, вынесенная в заглавие статьи, искажена опечаткой, подразумевалось **Прибойца**. Но и это неверно. Сочетание *кольца прибойца серебряные* говорит об исходной форме **Прибоец**, м. ...Речь должна идти...о конкретной детали устройства подвесной детской люльки, колыбели. Вероятно, *прибоец* – это род планки или карниза, прибитых к потолку или к матице» [там же: 310–311].

Приобретохать, сов. *перех.* Приобрести, обрести (вып. 31: 322). – “Инфинитив (если только он существовал в народной речи) образован от ц.-славянской формы сигматического аориста 1-ого л. ед. *приобрѣтохъ* (от *приобрѣсти*)” [там же: 311].

Пробрюгнуть, сов. *неперех.* 1. Отсыреть, разбухнуть от влаги. *Пробрюзгли дрова и стали как смирдюки*. Смол., 1914. 2. Прокиснуть. *Пробрюзг*. Мосал. Калуж., 1898 (вып. 32: 87). – «Куда же делось -з- в заглавном слове?» [там же].

Прбудеться, сов. Пробудиться. *Пробуделся*. Колым. Якут., 1947 (вып. 32: 87). – “А где -о-?” – спрашивает А. Б. Страхов [там же].

Прох, м. *До проха*. Слишком много. *Хорошей-то жизни не видела, а плохой до проха*. Дрегельск. Новг., 1970. Новг. (вып. 33: 22). – «С толкованием ‘очень много’ приводит выражение *до пра́ха*, записанное в Пестовском р. Новгородской обл., другой словарь, – СРГК 95: 139. Оба выражения синонимичны выражению *до чёрта* и обязаны табуистической замене слова *чёрт* словом *прах*» [там же: 312].

Прочищи, мн. Нечистая сила. *Прочищи, урочищи, озёнищи отойдите прочь от нас* (приговоры матери в бане, обращённые к ребёнку). Ветл. Костром. 1931 (вып. 33: 42) – “Буква *-н-* в *Озёнище* результат неверного чтения (должно быть *-н-*), ср. статьи *Озёп*, *озеп* и *Озепать*, *озёпать* (СРНГ 23: 89). Имеется статья *Озепище*... Мати приговаривает ребёнку в бане: – *Урочищи, прочищи, озепищи, отойдите прочь от нас*. Костром. (ib., 90)... Выразим сомнение, в том, что мн. *прочищи* имело значение ‘нечистая сила’, скорее это обозначение вредящей порчи, однородное с *урочищи* и *озепищи* и представляющее собой метатезу из **порчищи* (от им. ед. **порчища*, увелич. от *порча*)” [там же].

Прошить, *несов. перех. и неперех.* Рассыпать что-л. сыпучее и мелкое, как пыль; сорить. *Начшто прошишь!* (вып.33: 50). – “В за-

главном слове содержится либо ошибка, либо опечатка, надо: *Прошить*... Явно ошибочно и слово *начшто*, – надо думать, плохо прочитанное наречие *начисто*... ‘совершенно абсолютно’: *начисто не сплю* (СРНГ 20: 289)” [там же: 313].

“Статью *Прошупать*, *сов. перех.* Прозевать, просмотреть. *Я прошупала-то великое родительское желаньице* (вып. 33: 53) любопытно сравнить со статьёй *Прошупать сов. перех.* Пренебречь чем-л., не заметить, не учесть что-л. (ib., 59), которая иллюстрирована тем же примером, но в расширенной редакции: *Я прошупала-то великое родительское желаньице за горушки-то высокие, за водушки стоячие* (ibid.)” [там же].

“На слово *Пурзаться* (вып. 33: 136) помимо 1-го значения ‘медленно и неаккуратно есть’... дано 2-е значение ‘ходить с большим трудом’ с иллюстрацией: *Покуль ходил да пурзался все, не могли его излечить*. Невельск. Пск. 1978. – Непонятно: *пурзался* – это опечатка?” [там же: 314].

“В единственном примере, иллюстрирующем употребление слова *Пятишина* ‘пять рублей’, использовано другое слово – *пятишница*: *Трешника не пожалел, а загоняешь супротивника, за пятишницей не постою*. Волог., 1902 (вып. 33: 226)” [там же].

Пятье, *ср.* В загадке: *Двадцать четыре брата стоят под пятьем Головками в куче, а спинками врозь (шиши)*. Зап. Сиб., Садовников (вып. 33: 236). – “Ошибочная статья... нелепое слово *пятем* (написанное от руки *-ы-* принято составителями СРНГ за *-ье-*), хотя структура загадки настойчиво требовала рифмы: *брата – пятым*. Неплохо было бы раскрыть технический смысл загадки... ср. у В. В. Митрофановой: “Шиш на котором сушат снопы”. Отгадка может иметь в виду... способ укладки снопов *шишом* для просушки” [там же: 316–317].

Рабация, *м.* Раб. *Ишла Божия Матерь со всем своим архангельским собором на яркие луги гулять, вялых цветов сорвать, раба такого прикладать, у Ядрани реки водицы набирать, такого рабацию умывать*. Росл. Смол., 1890 (вып. 33: 238). – «Неправильное членение. Концовку заговора следует читать: “*такого раба цию* (= ‘тою’, т. е. водицею. – А. С.) *умывать*» [там же: 317].

Раец, *м.* (Знач.?). *Да Светогор богатырь-эт; На плечах-то он ведь держит хрустальный-от раец-от*. Беломор., Марков (вып. 33: 251). – «Значение, конечно же, ‘ларец’... Имеется примечание собирателя: А. М. Крюкова поправила *ларец*, но дочь стояла на своем... Слово *ларец*, видимо, сначала пережило слоговую ассимиляцию (**рарец*), а потом было диссимилировано в *раец* (ср. *колидор* < *коридор*)” [там же].

«Единственный пример на *Разбрюмчатся* ‘разворочаться’ гласит: *Бабка! А чего ты разбрюмчалась?* (вып. 33: 272)” [там же].

Разбуть, сов. перех. *Разбуть кадило*. Быстро нажить деньги, *Ребята хотят разбуть кадило*. Сиб., 1916 (вып. 33: 276). – «Составителями или кем-то ещё письменное *-д-* в гораздо более осмысленном *раздуть кадило* принято за *-б-*. Ср. сибирские устойчивые сочетания: **Раздуй кадило**. О человеке озорном, готовом на выдумку. *Твоя мамка тоже раздуй кадило*. Сиб. 1971...» [там же: 318].

“Второй пример, приведённый на глагол **Разбегаться** выглядит так: *Сынок во сне разбегается*. Яросл. 1898 (вып. 33: 277) – Сближение с *разбрыкаться* или просто опечатка?» [там же].

Разговий, м. Разговенье (?). *В какой день Маковий, в такой и разговий*. Вознес. Ленингр., Еремин, 1936 (вып. 33: 305). – “Скорее форма **разговий** – это императив разговѣй с передачей **ѣ** как (**і**). То же фонетическое явление отражено и в форме Маковий < Маковѣй (1 августа ст. ст. день мчн. Маковеев). Поговорка ироническая, возможно, близка к клише со значением ‘никогда’, поскольку с 1-го августа начинается Успенский пост, и «разговление» в этот день проблематично» [там же].

“Статья **Сдобарить** (вып. 37: 72) объединила разные глаголы. Пример *Тащил, тащил, и наконец сдобрил*. Новолад. Петерб., 1858, давший основание составителям для выделения 1. *Перех.* ‘Осилить, одолеть (тяжёлую работу и т.п.)’ должен фигурировать под статьёй **Сдабривать**... В конце статьи приведено: 3. *Неперех.* Не сдобарить. ‘Не прийти к соглашению, не договориться’. *С ним николи не сдобарить*. Новг. Новг., 1905–1921. Инфинитив сов. вида **сдобарить**, вероятно, создан на основе инфинитива несов. вида **раздобаривать** ‘болтать, разговаривать’... путём отсечения приставки **раз-** и прибавления приставки **с-** – по аналогии с отношениями форм: **разговаривать** / **говаривать** / **говорить** / **сговорить(ся)**” [там же: 320].

Сеедный, ая, ое. Сеедная неделя. Скоромная неделя, когда разрешается по церковным правилам есть молочную и мясную пищу. На Рождество бывает неделя сеедная. Дон., 1975 (вып. 37:120). – «В статье всё правильно, кроме заглавного слова» (с. 320). Далее автор отсылает к своему исследованию статьи **Крутила** (с. 285), в которой есть исследуемое словосочетание: «**Всеедная крутила** – все свадьбы *крутит* (вып. 15: 326). «Под “всеедной”, – пишет далее А. Б. Страхов, – подразумевается какая-то из немногих мясоедных недель (неделя о мытаре и фарисее, пасхальная, троицкая, святочные, наконец, но их две) обычное время свадеб» [там же].

Селегень, м. Фольк. Селезень. *Люли, люли, селезень, Люли, люли, молодой, В кафтане селезень, В камзоле селегень, В черных бархатных штанах, В белых шелковых чулках*. Самар. 1862 (вып. 37: 129). – «Действительное существование этой формы с “непрошедшей палата-

лизацией» рядом с двумя нормальными написаниями слова *селезень* в одном и том же крошечном тексте крайне сомнительно» [там же: 320].

В дополнение к своим «замечаниям, поправкам, соображениям» А. Б. Страхов поместил ещё одну статью «По страницам Словаря русских народных говоров» в 2008 г. В слове *вполог* (вып. 5: 209), считает автор, “конечное -г- ... есть продукт гиперкоррекции записывающих, должно бы быть *всполох*” [Страхов 2008: 218].

Начальной формой глагола из примера *Девка застряла – женихи не едут* (вып. 11: 70) следует считать не *застрясть*, как дано в заголовочной статье, а *застрять* [там же: 220].

Автору представляется малооправданным “выделение специальной статьи для форм, полученных (в лучшем случае) по ассимиляции зубных, а в худшем, – по ошибке «недослышавших» собирателей” для слова *иска* (вып. 12: 213), которое явно восходит к *истка* ‘незатканый остаток основы при тканье полотна’, к слову, помещённому в том же томе на с. 256 [там же].

Глагол *кайтить* в примере из сказки “*Вот ёна отцу говорит: – соберу всех старых, и малых, и убогих, чтоб колечко кайтить*. Старорус. Новг. 1946–1950” (вып. 12: 326) автор считает результатом неправильного чтения буквы *н-* в начале слова *найтить* [там же: 221].

Керета. Могила. *Да нушу свой незвычен голос На керету, на моголу глубокою.* Олон. Каргоп. Арх. (вып. 13: 186). – “Буква *-с-* в слове ошибочно прочитана как *-е-*. Должно быть *керста*... У Фасмера (II, 225): *кёрста, керста* «гроб, могила»” [там же: 222].

Кестить. Крестить. Оренб. 1905-1921. – Ср. **Кетины** (вып. 13: 190). – “Отсылка ошибочна: статьи **Кетины** нет в СРНГ, есть статья **Кстины** (вып. 15: 373). Видимо, здесь, как и в заглавном слове, буквы *-е-* и *-с-* смешались. Впрочем, даже и отсылка к статье **Кстины** в статье, посвящённой глаголу, выглядела бы странной, ожидалось бы: Ср. **Кстить**. Не восходит ли заглавное слово **кестить** к написанию **кссить?*” [там же].

Кешматор. *Приводили тут маера ко кешматору.* Кольск. Арх. Марков. (вып. 13: 192). – “Итак, *маер* – это маёр, майор, а **кешматор** – фантастическая контаминация *фельдмаршал* с *император* (?) в значении ‘фельдмаршал’. ...Песня была записана... от исполнительницы М. С. Борисовой... в больших военных чинах явно не разбиравшейся” [там же].

Лямац, а, м. Войлок. Зап. Брян. 1975 (вып. 17: 275). – “Слово представляет собой форму сущ. *лямец*, полученную в результате воздействия аканья или слоговой ассимиляции. Её выделение в отдельную статью вряд ли оправданно” [там же: 224].

Далее А. Б. Страхов пишет: “Некоторые сомнения вызывает статья **Молодиво**, а, ср. Молоко в первое время после отёла, молозиво. Росл. Смол. Архив АН. Брян., 1968 (вып. 18: 223). Не следствие ли это путаницы письменных *-д-* и *-з-* (явление в словарях нередкое), т. е. не обычное ли это *молозиво*?” [там же: 226].

Молохи играют. Молнии сверкают. Онеж. Арх. 1901 (вып. 18: 242). – “Слово **молох** в **молохи играют** возникло из контаминации форм мн. ч. *молоны* и *сполохи* в распространённом выражении *сполохи играют* – обычно применительно к северному сиянию” [там же].

Нажилка. *Выходите из костей... из жил, нажилок суставцев, полусуставцев, от буйной головы, от быстрых глаз...* (заговор). Смол. Добровольский, 1890 (вып. 19: 270). – “Статья есть плод неправильного чтения начального *п-* как *н-*. Правильная форма – **нажилка**. Ср. формы и статьи **Пажилка** и **Пажила** (вып. 25: 140–141)” [там же: 227].

“Статью **наплевушка** ‘оплеуха’ иллюстрирует единственный пример: *Если худо, он ей таких наплеушек даст* (вып. 20: 79). А где же **наплевушка**?” [там же].

“В статье **Нарэхать** (вып. 20: 121) объединены два глагола: один со значением ‘оклеветать’ (Весьегон. Твер.), другой со значением ‘напугать’ (Углич. Яросл). Тверской глагол есть преобразование глагола *нарекать* ‘клеветать’ (Моск., 1968), ‘осуждать’ (Смол., Пск. – *ib.*, 124). К угличской форме ср. твер., яросл. *рахать* ‘пугать’, углич. *рахливый* ‘пугливый’ (вып. 34: 341)” [там же: 227–228].

Нитнуть. В угрозах: *теперь ты у меня никуда нитнуть*. Дон. Миртов (с вопросом к слову), 1929 (вып. 21: 241). – “Единственность и неясность этого примера понуждает предполагать в форме **нитнуть** неправильное прочтение рукописного *-ш-* как *-т-*, т. е. *нишнуть* ‘молчать’ (см. этот широко засвидетельствованный глагол: *ib.*, 249) *вм. нитнуть*... и в синтаксическом отношении словарная иллюстрация должна члениться так: *Теперь ты у меня никуда. Нишнуть!*” [там же: 228]. Далее А. Б. Страхов указывает на глаголы **ничкнуть**, **нишкнуть**, **нишнуть**, помещённые в том же выпуске СРНГ.

О словосочетании **обежная книга** в словарной статье **Обежный** автор пишет: “В суеверных представлениях – святая книга. *Не продажна обежна эта книга, вот что-либо болит, вот обвечнишься, эту книгу пролистать, так и пройдёт*. Пинеж. Арх. Симины 1959 (вып. 22: 28). Скорее всего, это – неправильно прочитанное (за счёт путаницы письменных *-т-/-ж-*) слово **обетная** (а по-местному, скорее ***обветная**)” [там же: 228].

В статье **обездорожиться** (вып. 22: 29) А. Б. Страхов отметил опечатку: напечатано **рапутицей** *вм. распутицей* [там же].

Обеушки, *мн.* Щипцы для выдёргивания гвоздей. *Обеушками из доски натянешь гвоздей.* Куштов. Новосибир., 1965 (вып. 22: 40). – “Статья повторяет статью из Новосибирского словаря (СРНГО, 339; ср. также: СРГС 3, 21)... Я подозреваю, что заглавные слова во всех этих статьях ошибочны, и облик новосибирского слова искажён за счёт неправильного прочтения *-с-* как *-е-*, т. е. слово было записано как **обеушки* (< *обцуэшки*, уменьш. от *обцуги*, см.: СРНГ 22: 263) с *-с-*, изображающим дезаффрикатазацию *ц* или мягкое произношение этого согласного, и *-ш-* на месте этимологического *-ж-* в позиции оглушения. Ср. пск., смол., зап.-брян. *обцуэшки* ‘клещи’ (ibid.)” [там же].

Облыстно, *нареч.* Ложно. Орл. 1850 (вып. 22: 115). – “Скорее всего буквы *-ст-* были прочитаны на месте неразборчивой буквы *-ж-*, и наречие должно читаться *облыжно*” [там же: 229].

В словарной статье **Обуход** присутствует пример со словом *обиход* [см.: Страхов 2008: 229].

Обха... Оглобля у сохи, обжа. *Обха мокра, так и во ржи метла.* Тихв. Новг., Эрдман, 1857 (вып. 22: 258). – “С той же территориальной пометой «нвг.-тхв.», но в виде **обга**, слово отмечено у В. И. Даля (2: 1499). Форму **обха** можно было бы счесть своеобразной записью фрикативного произношения *-з-* в **обга**, но та же поговорка, встреченная у Даля (ib., 1500): «*обжа мокра – во ржи метла* (сей рожь в сухое время)», более склоняет посчитать *-х-* в **обха** следствием неправильного прочтения *-ж-* в нормальном слове *обжа*” [там же].

Обцепки, *мн.* Клещи. *Подай обцепки гвоздь выдернуть.* Серов. Свердл., 1911 (вып. 22: 263). – “Как представляется, этот псевдогапакс есть результат прочтения буквы *-н-* в записи как *-п-*. Ср. статью **Обценки** ‘клещи, щипцы’ с пометами. Зап.-Брян., Болх., Орл., Дон. (ibid.)” [там же: 230].

Отшущивать... – “Форма получена по ассимиляции из *отшущивать*... Более взвешенное объяснение дано в статье *Отшущивать*: «По суеверным представлениям – колдовством заставлять разлюбить кого-либо» (СРНГ 24: 330)” [там же: 231].

Отщепенец, *нца, м.* Нелюдимый человек, дикарь. Влад. 1905–1911 (вып. 25: 12). – “Не *отщепенец* ли – по путанице письменных букв *-п-* и *-т-*? Вряд ли слово возникло из того же *отщепенец* под влиянием книжных слов *тщета, тщетный*” [там же].

Офофан, *м.* детская игра (какая?). Играть в офофан. *Мы в девках были, так и в офофан играли.* Верхнепышм. Свердл., 1981 (вып. 25: 20-21). – “Скорее: *во фофан играли*, в карточную игру, в которой проигрывает тот, у кого на руках остаётся *фофан*, ‘бубновый король’ (< Феофан, Феοφάνης)” [там же: 232].

А. Б. Страхов далее пишет: “Функция *-х-* в вятской форме **охроматный** ‘громадный’ (вып. 25: 51) неясна. Быть может, *-х-* выражает экспрессию или несёт чисто индивидуальную мотивировку и характер. Ср. широко (в том числе, в вятском говоре) засвидетельствованные формы **огромадный, огроматный** ‘т. ж.’ (СРНГ 22: 355)” [там же: 232].

Перегорнить. Вороша, разгребая перевернуть. *Перегорни жар в печке и разбей головни*. Смол. 1914. (вып. 26: 71). – “Императив *перегорни* с большим успехом мог быть произведён от инфинитива *перегорнуть*. Ср. тот же императив в статье *Перегортать, перегорнуть* (ib., 72)” [там же: 234].

“Статья **Перезяб**... Перелог. Яросл., Мельниченко (с вопросом к знач.), 1961 (вып. 26: 110), видимо, является плодом неправильного чтения: и вм. вероятного *-я-*, т. е. правильное: *перезяб*. Ср. ярославские формы в старых записях: *перезябль* и *перезябля* ‘поле, вспаханное с осени, зябь’ (ib., 111)” [там же: 236].

“Форма **Перезмяить**, змиет, *сов., неперех.* Не совсем истлеть. Беков. Пенз., 1945 (вып. 26: 110) равным образом может быть результатом ошибочного чтения *-м-* вм. *-н-*, так и результатом диссимилиации зубных согласных: *-зн-* > *-зм-*. К первичности *-зн-* ср. *зняить* ‘тлеть, гореть без пламени’ (Твер., Пск., Буйск., Костром., ‘гореть, пылать’ (Пск., Осташк. Твер., 1855 – СРНГ 11: 317) и далее статьи: *Знеть, Знеять, Зноить, Зноять*” [там же: 236].

“В конце статьи **Перекаат** имеются две опечатки: *перекаатрава*, т. е. растение «перекаати-поле», в иллюстрации называется «**перекет-трава**» и вместо пометы «Урал» приведено нелепое «**Трал**» (вып. 26: 118).

Далее А. Б. Страхов отметил пропуск слога *-пе-* в словарных статьях **Перелестый** (воронежск.) и уральск. **Перелесый** (вып. 26: 110), которые “являются упрощениями широко (и в том числе в тех же местах) засвидетельствованных форм *перепелестый* и *перепелесый* (ib., 182).” [там же: 237].

Словарную статью **Перепариться** в значении ‘переодеться’ (вып. 26: 179) А. Б. Страхов сопоставляет со статьёй *Перепериваться, перепериться* ‘менять оперение, линять’ (с. 183). “Корневое *-е-* по связи глагола с сущ. *перо* закономерно, а вот *-а-* в *перепариться* непонятно” [там же: 237].

Перескать, *сов., перех.* Пересчитать. *Перескли – пересчитали*. Черепов. Новг., 1922. (вып. 26: 219). – “Форма *перескли* перекликается с зафиксированными в своё время Псков. *прачькли* ‘прочли’, ленинград. *поч’кл’и* ‘посчитали’, ярослав. *соч’кл’и* ‘сосчитали’, *н’еч’кл’и* ‘не считали’, южнопсков. *прачка, проч’кл’и*... Буква *-с-* в череповецкой записи *перескли* изображает мягкое цоканье **n’er’ec’kl’i* (ср.

великолуцк. *прицклась* = причлась)... Форма *перецок* ‘перечёл’, неоправданно возводимая А. А. Шахматовым (1915: 101), а вслед за ним А. Г. Авксентьевой (1976: 6), к якобы исходному **перецокл*, есть совершенно правильная «без-элевая» форма прош. вр. от глаголов с основой на согласную (как *вёз, нёс*). В единичных случаях новый корень *-ч(ь)к-* выводился из презентной парадигмы и обобщался в инфинитиве... Инфинитив с *-ч(ь)к-*, как кажется, прямо засвидетельствован только в псковском *почкаться* с вторичным ироническим значением ‘перекинуться бранью’ (Даль, II: 970)” [там же: 238].

Из трёх написаний с взаимными отсылками *пересква*, *переспа* и *перества* со значением ‘песчаные наносы’ (вып. 26: 219, 226, 229) А. Б. Страхов считает, что “единственно правильная форма – *переспа*, связанная с *сытать*... Форма *пересква* есть результат ошибочного прочтения *-п-* как *-к-* и/или следствие подключения каких-то народно-этимологических ассоциаций. Подобными причинами (в частности ошибочным чтением *-п-* как *-т-*) может объясняться и заглавная форма *перества*” [там же: 239].

Песнё-место. Место, на котором стоит печь. Онеж. КАССР, Калинин, 1933 (вып. 26: 304). – “Запись фиксирует деаффрикатизацию, возможно, вызванную ассимиляцией зубных. Ср. «А это *печно место*, деревянно оно, а на *печно место* каменну печь кладут» (Кемский р. Карелии – СРГК 4: 500)” [там же].

Следующая статья имеет такие же пометы и обязана тому же источнику: **Песнёугол** (?). «Угол против речки, по одной стороне с большим». Онеж. КАССР, Калинин, 1933 (ibid.). Слово *речки*, надо полагать, явилось в толковании по ошибке вместо *печки*. Невероятная форма **Песнёугол** есть, видимо, искажение терминологического сочетания *песнёй угол*, т. е. *печной угол* ‘угол налево или направо от входа, где находилась печь’ (Кемский и Пудожский рр. Карелии и др. – СРГК 4: 501)” [там же: 241].

“Появление статьи **Пирзять**, *несов.* То же, что *пирдать* (в 1-м знач.) Кем. Арх. Дуров (вып. 27: 38) обязано неправильному чтению скорописного *-д-* как *-з-*. Ср. лучше документированную северным материалом статью **Пирдать**: 1) неумело рубить, кромсать; 2) плохо играть на музыкальном инструменте; 3) медленно ехать (ibid)” [там же: 243].

О слове «**Почбранюшечка**, *ж. Ласк.* Ссора, размолвка. Амур., 1913-1914 (вып. 27: 204)» А. Б. Страхов пишет: “Буква *-ч-* забрела сюда по опечатке” [там же: 246].

Погимать, *несов.* (Знач.?). *Уж он утушку ведь ту да догоняет, Мою волюшку ведь он да погимает.* Север. (вып. 27: 291). – “Слово *погимает* (такого ударения требует размер и рифма *догоняет*) значит

‘ловит, хватает’. Ср. *погнмать* ‘поймать; схватить’... (Медвежьегорский р. Карелии – СРГК 4: 604) < *погнмать* с заменой *-j-* на *-z-* в интервокале на морфемном шве перед передней гласной” [там же].

В словарной статье *Погонистый* А. Б. Страхов отметил опечатку в примере: *Я могу сжаты соток десять-одиннадцать, если пожь погонистая, а если густая – то соток шесть-семь*. Старорус. Новг. 1946–1950 (вып. 27: 304): “Вместо **пожь** надо читать рожь” [там же].

Аналогично в словарной статье *Полоть* в костромском примере *Полям крупу: насыпем в почвы, пропалываем над ветром*. А. Б. Страхов вносит поправку: “Имеются в виду ночвы” [там же: 247].

Далее он отмечает опечатки в словарных статьях *Полудра* – в единственном примере напечатано **полудра** (вып. 20: 155) и в словарной статье *Попутать*, где также в примере напечатано слово **пенся** вместо *песня* (вып. 30: 18) [там же: 248].

Попукорить, *сов.* Поворчать, побрюзжать. *Без её попукорили тихонько*. Тонкин. Горьк., 1972 (вып. 30: 15). – “В глаголе отражено стяжение *-оу-* в *-у-*. Исходная форма **попоукоритъ*” [там же].

“В одной из иллюстраций статьи *Похитнутся* форма фигурирует с перестановкой букв: *Доска-то как похитнется, он и упал в реку*. Дон. (вып. 30: 348). Опечатка?” [там же: 249].

“Лишнюю букву *-т-* содержит заглавное слово **Приклятковатый** ‘недопечённый’, судя по единственной иллюстрации: *Хлеб сегодня у нас получился прикляковатый*. Трубоч. Брянск., 1937 (вып. 31: 250)” [там же: 250].

Прогарчивать, *несов. перех.* Пить вино для аппетита. *Я ведь, Миколечка, не пью много, а токо прогарчиваю*. Р. Урал, 1976 (вып. 32: 107). – “Как представляется, глагол связан не с *гореть* и прилагат. *прогарчивый* ‘быстро сгорающий’ (ib., 108), а с *харчи, харч*, и буква *-z-* употреблена вм. *-x-* по ошибке или вследствие гиперкоррекции. В плане словообразования, но не семантики, ср. казан. *прохарчить* ‘пролить, расплескать’ (СРНГ 33: 23). Возможное этимологическое значение **прохарчивать* «пропихивать харчи, еду»” [там же].

“Сомнения вызывает, – пишет далее А. Б. Страхов, – правильность прочтения глагола, составившего статью **Прогладить**, *сов., перех.* Упустить, прозевать что-н. Пск., Осташк. Твер., 1855 (вып. 32: 108). Не *проглазить* ли? Ср. новгород. (1851 г.) *проглазевонить* ‘прозевать, проглядеть’ (ibid). Следствия ошибочного смешения рукописных *-d-* и *-z-* в СРНГ попадались нам неоднократно” [там же].

Псень, *ж.* Печень (животных и рыб). Сольвыч. Волог., 1883–1889. Волог. (вып. 33: 98). – “Подозреваю, что это не диалектное видоизменение слова *ксень* ‘рыбья печень’ (см. статью *Ксень*: СРНГ 15: 373), а результат ошибочного чтения буквы *к-* как *п-*” [там же: 252].

А. Б. Страхов считает, что “единственный пример в статье **Разведяля** (вып. 33: 283) содержит слово с иным исходом: *Вышла* (замуж) **разведягою** (разведённой женой). Заглавное слово статьи **Рагнилёшенький** не имеет *-з-*, требуемого иллюстрирующим текстом: **Разнилёшенька колода** (вып. 33: 304)” [там же].

Раздикрешить, *сов., перех.* Спеть (?). *На гулянках мы бы вам раздикрешили песню.* Орл., Котков., 1940–1950 (вып. 33: 327). – “Я полагаю, – пишет А. Б. Страхов, – что в **раздикрешить** отражена обычная для СРНГ путаница рукописных *-ш-* и *-т-*, и слово должно читаться: **раздикрешить** (от **декрет**). Значение же этого отыменного глагола: «объявить, обнародовать»” [там же].

Раздудеть, *сов., перех.* Забодать. *Раздудеть.* Холмог. Арх., 1961 (вып. 33: 335). – “Рискну предположить, – пишет А. Б. Страхов, – что и в этом слове первое *-д-* явилось не по слоговой регрессивной ассимиляции, а по словарной ошибке, – на месте *-б-*. – Иллюстративная форма должна читаться: **разбудёт**, а инфинитив – **разбусти**. Ср. вологод. **бусти** ‘бодать’, арханг. вологод. **бустись** ‘бодаться’: **коровы будутся** (СГРС 1: 230)” [там же: 252–253].

Рáзупица, ж. Неделя после Пасхи. Тул. Тул., 1898 (вып. 34: 75). – “Вместо слова **Рáзупица**, результата смешения букв *-з-* и *-д-*, *-п-* и *-н-*, могущих иметь близкие начертания на письме, надо читать: **Рáдуница** «день поминовения усопших на кладбище, вторник на Фоминой неделе, 2-ой седмице по Пасхе»... см.: СРНГ 33: 249 – **Рáдоница**” [там же: 254–255].

Ралубой, ая, ое. Серый. *Ралубой на им кахтан, А на шеюшке платок.* Смол., 1903 (вып. 34: 93). – “Не **голубой** ли, – спрашивает А. Б. Страхов, – (по «аканью») и путанице заглавных письменных **Г-** и **Р-**), или начальное **р-** есть результат гиперкоррекции грассирующего информанта?” [там же: 255].

Ружать, *несов., перех.* Разделять на части чем-л. острым; резать. *Ружать хлеб.* Шуйск. Влад., 1912. (вып. 35: 236). – “Статья ошибочная. По путанице письменных *-ш-*/*-ж-* оказался неузнанным широко распространённый по севернорусским говорам глагол **рушать** (ср. статью **Рушать**: *ib.*, 288–289), часто применяемый именно к дележу хлеба и противопоставляемый в этой функции более общему глаголу **резать**: *По правилу – хлеб рушают. Это человека режут ножом, либо скотину.* Перм. (*ib.*, 288). В Тобольском крае употребление глагола **резать** применительно к хлебу считалось неприличным, там говорили: **рушить хлеб** (Зеленин 1930: 16)” [там же: 257].

Складина, ж. (вып. 38: 16). – “Единственный пример, иллюстрирующий статью **Складина** ‘складчина’, содержит литературную

форму с **-ч-**: *На складчину так у него деньги есть.* Камен. Свердл., 1987” [там же: 258].

Два близких по звучанию слова **скоржула** и **скоржупа** с одним значением ‘скорлупа’, записанные в одном и том же месте, но в разное время (Покр. Влад. 1895 и 1910 – вып. 38: 89), вызвали сомнение у А. Б. Страхова: “Если бытие слова **скоржула** подтверждают зафиксированные там же производные **скоржулина**, **скоржулинник** ‘кора, кожура’ (ibid.), то слово **скоржупа** вызывает сомнение. Конечно, контаминация **скоржула** со **скорлуна** возможна, но возможно и то, что слово **скоржупа** более поздней записи явилось результатом ошибочного прочтения буквы **-л-** как **-п-**. [там же: 259].

“В статье **Скороподстижно** единственная иллюстрация содержит слово **скроподстижно** (вып. 38: 102)” [там же].

“В статье **Скромкий** находим: «2. Тихий, слабый (о голосе). *А скричал Михайло гласом скромцием.* Онеж. Киреевский» (вып. 38: 151). Недоумение здесь вызывает и несогласие в буквах **-к-** и **-н-** в иллюстрирующем и заглавном словах и предложенное составителями значение” [там же: 260].

Скрыницы, *мн.* Последовательницы старой веры, старообрядки. *Раньше у нас были скрыницы, скрывались, не ходили по людям, жили в кельгах, вера другая была.* Медвежьегор. КАССР, 1970 (вып. 38: 163). – “Форма **скрыницы** (без **-т-**) вызывает сомнения. Ср. запись с теми же географическими и хронологическими пометами, давшую материал для статьи: **Скрытница**, *ж.* Последовательница старой веры, старообрядка. *Сестрёнка была скрытна, скрытница, в подвалах жили, спасались.* Медвежьегор. КАССР, 1970 (вып. 38: 166)” [там же].

“В статье **Скрынуть** имеется **скрынуть зубами**. Озлобиться. Влад., 1870., где **скрынуть** восходит к ***скрыпнуть** (ср. литер. **скрипнуть зубами**)” [там же: 261].

Скубареть, *несов., неперех.* В свадебном обряде – голосить, причитать. *Подружки невесты натопят баню и скубарят.* Любыт. Новг., 1970 (вып. 38: 171). – “Ср статью **Скугорить** ‘плакать; стонать; скулить; тосковать’ с многочисленными территориальными пометами (ib., 173-174) и почти синонимичные: **Скугрить** (ib., 174), **Скуголить** (ib., 173). Глагол **скугорить** был отмечен в 1968 г. и в Любытинском р. Новгородской обл.: *Скугорят замуж выходя, скугорят по покойнику. Только я не скугорила, потому что я не умею* (ibid.)... Появление **-б-**, в принципе, возможно по радикальной лабиализации в интервокале (**-уго-** > **-убо-**), но тогда форма инфинитива должна быть ***скуборить**, а не **скубареть**, как заявлено заглавием статьи” [там же].

“В заглавном слове **Сульбакать**, надо полагать, пропущено **-к-**. В единственной иллюстрации: *Скульбакаю – варю наслех* (вып. 38: 184)” [там же: 262].

“В статье **Слабый** (вып. 38: 211) фигурирует, надо полагать, – пишет А. Б. Страхов, – вследствие опечатки **склабый** грунт, земля” [там же: 263].

“К статье **Слаща** добавлено: – Доп. (Знач.?). *В сравн. Мендовый лес легко строится. Кремлистый тот крошится, а мендовый лес как по маслу, как слаща*. Кыштов. Новосиб. 1968. (вып. 38.: 240). Цитата взята из Картотеки Новосибирского словаря. Посмотрим, как она выглядит в нём и подчеркнём «разночтения»: *Мендовый лес – этот легко строится, кремлистый – тот крошится, а мендовый – как по маслу, как слонится* (СРНГ, 295). Итак, форма **слонится** превратилась в **слаща**” [там же].

Анализируя лексику СРНГ, А. Б. Страхов попутно исправляет и ошибку, допущенную в Словаре В. И. Даля. “**Слепоочи**, м. Слепой, слепец. *Приходил вчера печник, слепоочи*. Арх., Даль. **Слепоочий**, ая, ее. Слепой. *Приходил вчера вечером старик печник слепоочий*. Шенк. Арх., 1852 (вып. 38: 267). Текст В. И. Даля (4: 275 s. v. слѣпоня) скопирован в СРНГ довольно точно, от себя составители внесли только запятую после слова **печник**. Второй текст, иллюстрирующий статью **Слепоочий**, взят ими, вероятно, из *Опыта...* Востокова (1852 г.). Однако, судя по всему, к этому же тексту *Опыта...* восходит и иллюстрирующий пример Даля. При копировании *Опыта...* Далем были выпущены два слова и была допущена ошибка: недописанным оказалось прилагат. **слепоочий**. Сущ. **слепоочи** скорее всего никогда не существовало” [там же: 265]. “Видимо, по опечатке заявлено в качестве заглавного слово **Слолбец** (вып. 38: 288) вм. **Слобец** ‘ловушка’ (в примере: **слобец**)” [там же].

“Очередную ошибочную передачу **-с-** как **-е-** находим в примере в статье **Спализивать**: *Носки свяжут да сполетят, я спализивала* (вып. 40: 108). Надо: **сполстят**” [там же: 267].

“Статья **Спендели**, мн. Вид одежды (какой?). *Спендели – это из точи с рукавами*. Мошен. Новг., Новг. Слов. 1995 (вып. 40: 130) скорее всего ошибочная (составители прочитали рукописное **-з-** как **-д-**). Ср. статью **Спензель**, посвящённую названию короткой женской одежды с рукавами, известному в Пермской, Вологодской, Архангельской и Ярославской губерниях и областях (СРНГ 40: 131)” [там же].

“В статье 1. **Сплеснуться** среди глаголов и значений, связанных с **плескать**, **плеснуть**, встретилось: 4. *Споткнуться (?)*. *Раз лошадь сплеснулась, я пала, с тех пор до теперь хрома*. Север., Барсов (вып. 40: 160). Форма **сплеснулась** отразила деаффрикатизацию **-ч-**: ло-

шадь *сплечнулась*, т. е. вывихнула или повредила переднюю ногу или плечевой сустав. Ср. статьи *Сплечить, сплечиться* (ib., 162), укр. *сплечитися* ‘(о лошади) вывихнуть плечо’ (Гринченко 4, 179)” [там же: 269].

Сполстично, нареч. Удобно, прилично. Иркут., Якут., 1846 (вып. 40: 214). Здесь рукописное *-е-* было прочитано как *-е-*, написано же было слово *сполетично*. Ср. *Сполитично* ‘удобно, сподручно, выгодно’ с сибирскими пометами: Алт., 1858, Курган., Тобол., Тюмен., Сиб., Иркут., Якут., Вост. Сиб., Амур. (ib., 207) – от литер<атурного> *политично*” [там же].

“Выражение *спражить пожно*. Арендовать поле, пожно. Олон., 1885–1898, составившие статью *Спражить* (вып. 40: 260), интересно тем, что глагол в нём образован от старого севернорусского названия земельной аренды *празга*, т. е. *спражить* <**спразжити*” [там же: 269–270].

Срыдыбачить, несов. *неперех. Неодобр.* Горячиться, раздражаться. Тул., 1850. (вып. 40: 330). – “Автор статьи не знает слова *фордыбачить*, иначе он не смог бы прочитать *ф-* как *ср-* в форме **фырдыбачить*” [там же: 270–271].

В 2019 г. А. Ф. Журавлёв выступил с новой статьёй «Лексикографические фантомы», в которой пишет: «Предлагаемая серия заметок о сомнительных, с точки зрения автора, заголовочных формах (как правило гапаксах) в сводном диалектном словаре русского языка (СРНГ) является продолжением предыдущих публикаций на ту же тему, где оговорен характер наблюдений и выдвигаемых прочтений (см. Журавлев 1995–2014)» [см. Palaeoslavica XXVII\2019, № 1: 241–260]. Приводим его наблюдения.

Саботельник, м. 1. Человек, намеренно срывающий какую-л. работу или умышленно плохо ее исполняющий...

Саботельничать, несов., *перех. и неперех.* 1. Намеренно срывать <> Забайкалье, 1980 (СРНГ 36: 13). Эти слова взяты из «Словаря русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова (М., 1980). «Жаль, – пишет А. Ф. Журавлев, – что издатели элиасовского словаря поспешили на благодарную память о собирателе, совершившим, по словам Ф. П. Филина «научный подвиг», и не снабдили издание образцами авторского почерка – фотокопиями хотя бы двух-трёх оригинальных рукописных страниц: возможно, некоторые недоумения критиков получили бы разрешения» [Palaeoslavica XXVII\2019 № 1: 241]. Далее автор пишет: «Сочетание рукописных букв *-аж-* (*саботажник, саботажничать*) при перебеливании записей могло быть прочитано как *-ель-*» [Журавлев 2019: 241].

Савн, м. Погребальное одеяние саван. *Хоронят мужчин – в азамы надевают и савн всем.* Р.Урал 1976. (СРНГ 36: 15). «Соединение звуков, которое он передал на письме в виде *-вн вс-* («савн всем»), нет

причин видеть здесь доведение редукции среднерядного гласного до лексикализуемого фонемного нуля ([вэн] – [вн] */вн/): запись, которая напоминает поэтические транскрипции Игоря Сельвинского с его особенным пристрастием к синкопам, скорее всего отражает обычное *саван* [сав³н]. Единственным убеждающим аргументом в пользу предложенной словарём леммы была бы иная парадигматическая форма (**савна*, **савну*, **савны* и проч.), но она-то как раз не предъявлена» [там же].

Самутя, м. Гордец. Черепов. Новг. (СРНГ 36: 113). Немного выше цитируемой размещена статья **Самуня** («м. и ж. [?]. Прозвище спесивого крестьянина. Черепов. Новг., 1898»), которая проясняет суффиксальное распространение корня *сам-* (с одной стороны – *самолюбивый*, диал. *самолюбимый*, *самолюбство*, *самотный* ‘высокомерный’ (там же: 92, 93, 107), *самондравие* и проч., с другой – отадеквативные и отглагольные характеристические именованья человека *рябуня*, *кривуня*, *почесуня*, *сопуня*, *хитруня* и под.). Рукописная строчная *-н-*, вероятно, прочитана как трёхштриховая *-т-* [там же: 242].

Сановар, м. Самовар. Яросл., 1961 (СРНГ 36: 121). Строчные *м* и *н* в середине графического слова могут зрительно смешиваться, ср., например, *камюк* → *канюк* [Страхов 2004: 282]. Однако и мена сонорных звуков [м] → [н] вследствие деэтимологизации – неоспоримая диалектная реальность, ср. *санопрядка*, *санопрялка*, *санопряха*. Поэтому предложенное здесь замечание носит условный характер [там же: 243].

Сасек, м. Закром, сусек. *Амбары были крепки, сасеки для овса, для пшеницы. Сасек делали и в погребке.* Амур., Хабар., 1983 (СРНГ 36: 118). Результат необоснованной кабинетной фонематизации акающего рефлекса в слабой позиции; ср. *сосъкъ* вост. ‘сусек, загром’ (Даль IV: 282; СлРЯ XI–XVII вв. 26: 190); в СРНГ не привлечено [там же: 243].

Сбруевянеть, сов., *неперех.* Покрасеть (о лесном месте, покрытом <sic. – А.Ж.> ягодами брусники). Пск., Арх. 1927 (СРНГ 36: 118). «Заголовочное написание, – пишет А. Ф. Журавлёв, – появилось на стадии компьютерного набора готового текста тома – как опечатка или бездумная поправка: статья находится между **Сбруня** и **Сбруснуть**. Следует: *сбрусвянеть*. Ср. арх. *брусвяный*, *брусвянеть*, *брусвянить*, *забрусвянеть* ‘начать созреть’ и т. д. (Даль I:131; Подвысоцкий: 43; СРНГ 3: 204; 9: 277). В Инверсионном индексе, вышедшем ранее 36-го выпуска, слово отсутствует» [там же: 245].

Сбух, м. Нетвердая поверхность [?]. *На сбухе рожь не вымолатишь.* Курск., Робуш, 1848 (СРНГ 36: 197). «**Обух**, конечно. Подробно см. [Журавлёв 2016: 221–222]» [там же: 245].

А. Ф. Журавлёв в своих разысканиях смог восстановить слово *сбежесть*, которое не нашло отражения на страницах СРНГ: “**Све-**

жесть, ж. Сужение. *Свежесть большая* – это когда к вершине дерево идет шилом. Дерево такое называют закомлистое: комель большой, а вершины нет. Амур. 1983 (СРНГ 36: 167). «Уже по месту статьи – между **Сбежаться** и **Сбежечки** – можно утверждать, что в заголовке должно фигурировать слово *сбежесть*, ср. чуть ниже яросл. *сбежистый* ‘более тонкий (о дереве)’, далее ср. *сбегаться* ‘уменьшаться в объёме’, *сбежаться* ‘уменьшиться, сесть после стирки (о ткани)’ *сбегистый* ‘наклонный, покатый’ и под.” [Журавлёв 2019: 245].

Свирип, м. Фолькл. [Знач.?). *Эсаул-то речи эх, речи говорил, Во свирип свистал, со свирип свистал*. Преобразование *свирель* в *свирип* (в воспроизведении песни «Что не чёрные вороноченьки солеталися...») фонетическому объяснению не поддаётся, но смешение небрежного рукописного начертания *-ель-* с *-ип-* вполне возможно. Ср. стих исторической песни «Поход гольтыбы под Казань» (Известия АН, Прибавление, 1854, III: 319–320). *Эсаул-то речь возговорит, как в свирель играет*, который восходит к тому же прототексту, что и двустипшие, ставшее иллюстрацией в комментируемой статье СРНГ [там же: 246].

Сворот, м. Болезнь чесотка. Тюкал. Тобол., 1955–1958 (СРНГ 36: 327). Почти несомненно, *свороб*, с его севернорусской и сибирской географией, см. (СРНГ 36: 325–326). Строчные буквы **б** и одновертикальная **т** подвержены нередкому смешению [там же: 246].

Сворох, м. Сыпь на теле. Каргоп. Олон., 1858 (СРНГ 36: 328). Слово в заголовке ненадёжно. Ср. *свороп* олон. ‘кожное заболевание, зуд, чесотка’, перм. ‘короста (на лошади)’ (СРНГ 36: 327) – вариант к *свороб*, с фонологизацией глухого в исходе (ср. производное олон. *своропный*). Смешение в чтении рукописных **п** и **х** наблюдается: запись *помха* ‘сухой’ была воспроизведена в виде *помпа* (СРНГ 29: 230), см. [Журавлёв, 1995–2014: 7] [там же: 246].

Сгагсить, сов., перех. Поджарить (мясо, рыбу и т.п.). *Омулей деять сгагсим, на пятерых хватит*. Забайкалье, 1980 (СРНГ 37: 10)... Скорее всего этот нелепый глагол возник в результате ошибочного чтения формы вроде **сгошим*: ср. пск., смол., яросл. *сгошить* то же, что *сгоношить* < ‘сделать, изготовить, смастерить’, ‘сготовить, сварить, состряпать’, ‘сделать на скорую руку’ и проч.> (СРНГ 37: 41, ср. Даль IV: 164); бесприставочный глагол несовершенного вида – новг., пск., твер., смол., яросл. *гоношить* (СРНГ 7: 101; Даль I: 388; СлРЯ XI–XVII вв. 4: 112; Аникин РЭС 11: 337–338)... Ср. ещё, однако, русск. в Прибалтике *сгамзить* ‘сделать какую-л. вещь плохо, грубо, кое-как’ (СРНГ 37: 13), ‘испортить’ (Немченко, Сеница, Мурникова; Паликова, Ровнова: 133), смол. *сгомзить* ‘сложить что-л. небрежно, кое-как’ (СРНГ 37: 37) [там же: 247].

Сгонуть <...> **Язык сгонёшь**. Язык проглотишь (о чем-л. очень вкусном). Иркут., 1967 (СРНГ 37: 35). Допустимо предположить, что диалектолог, записывавший речь, не смог расслышать сильно ослабленный в неудобоартикулируемом сочетании согласных твёрдый латеральный (*сглонёшь*; см. многочисленные иллюстрации в статье **Сглонуть** – СРНГ 37: 20). Но возможен и просто механический пропуск буквы при регистрации формы с его дальнейшим лемматическим закреплением [там же: 247–248].

Сдонянить, *сов., перех.* Изгнать, выжить кого-л. откуда-л. каляз. Твер. 1892 (СРНГ 37: 81). Страничное соседство со статьями **Сдонжить** и **сдоньжить** (перм., твер., вят., моск. ‘доставить до крайности, замучить, погубить кого-л.’, твер., вят. ‘осилить, одолеть’, ‘справиться с чем-л.’, ‘стеснить, смять, расстроить’, твер. ‘расправиться с кем-л.’, пенз. ‘вывести из терпения, донять кого-л. (просьбами, капризами, плачем и т.п.)’ и др. (см. также Даль IV: 168) не оставляет никаких колебаний относительно того, что в заголовке статьи мы имеем дело с неверным восприятием рукописного **-жс-** как **-ян-**. Ср. ещё **вздонжить** пенз., сарат. ‘причинить кому-либо сильное беспокойство’, нижегор., пенз., самар., сарат. ‘прибить кого-либо’ (СРНГ 4: 260). Этой констатацией я здесь вынужденно и ограничусь, хотя глагольная основа **-дон(ь)жс-** и её формальные отношения с передающими идею ‘одоления’ основами **doz *duz* (*дужс-*: (*с*)*дужить*, *вздужить*... *дужс-*: (*с*)*дужить*... представляют необыкновенно интересную проблему. Разбирать её нужно в другом месте. Решение, упирающееся в «чистую» графику (*lapsus legendi -дон(ь)жс-*, *-донян-* на месте реального *-дужс-*), малоудовлетворительно из-за неустранимых шероховатостей [там же: 248].

Сёгнечь. Молодой зеленый лук-сеянец. Новг., 1857 (СРНГ 37: 107). Морфемные идентификации затруднены, может быть, **сеянец** и есть, с ошибочным чтением *г* на месте упрощённого в беглом письме **я**? Правда, нуждается в подтверждении факт диалектного «чоканья» (*[с’э’јән’эч’]?). Установление связи с сибирским названием лука-сеянца **севунец** (там же) требует ещё больших усилий [там же: 248].

Селедоцковка, *жс.* Бочка, бочонок из-под селедок. *Купил селедоцковку на капусту*. Пск., 1919 (СРНГ 37: 129). Простая опечатка (лишняя буква). Против заголовочного написания – нарушение алфавитного порядка в следовании словарных статей (комментируемая помещена после **Селёдочница**) и форма в иллюстрирующем тексте. В Инверсионном списке этого слова нет [там же: 249].

Селяжа, *жс.* Корытце, лоток, куда просеивают муку. Енис. Енис., 1909 (СРНГ 37: 142). В том же столбце ниже размещена статья **2. Селянка** (:«1. Сито. Зауралье, 1962; 2 Деревянная посуда в виде

миски или корыта, в которой месят тесто, сеют муку. Енис.Енис., 1909. <...> Том., Свердлов.). Регистрация этой формы в четырёх местах к востоку от Урала (одна из которых совпадает по месту и времени с записью, которая представлена в статье, выбранной для комментария) заставляют думать, что единичная форма **селяжа** – результат ошибочного прочтения: сочетание рукописных букв **-нк-** воспринято как **-ж-**. Исходное слово **селянка** возникло, можно думать, путём «усиления» средненёбной йотовой артикуляции (ср. *гравель* ‘гравий’, *мольщица* ‘прачка’, *муравель(ник)*, *ротозеля*, *скамелька* и под.) в слове *сеянка*, см. *сеянка* дон. ‘приспособление из одного или нескольких сит для просеивания муки’, забайкал., амур. ‘корытце, долблённый деревянный лоток, берестяная корзина и т. п. для просеивания, хранения муки’ (СРНГ 37: 256) [там же: 249].

Сеяка, ж. Моча. *Ванюшка, под тобой сеяка, видно, мочился ночью-то*. Ветл. Костром., 1910 (СРНГ 37: 274). Строчная рукописная *с* прочитана как *е*. Ср. *ссяка, ссяки, сака, саки, сцаки, сцяца* ‘моча’ (Дополнение к Опыту: 254; Даль₂ IV, стб. 664; СРНГ 40: 338; 41: 11); 43: 83), *ссяка* ‘часто испускающий мочу, ссыха’ (Опыт: 914) [там же: 250].

Сиволзай, м. *Бранно*. То же, что **сиволдаина** < **сивалдаина** ‘необразованный, неотесанный, грубый человек’>. Брон. Моск., 1897 (СРНГ 37: 274). От мысли об опечатке, проскочившей из-за соседства литер *д/Д* и *з/З* на клавиатуре пишущей машинки или компьютера, нужно отказаться: статья помещена после **Сиволезый**. Похоже на результат зрительного смешения рукописных *з* и *д* (с нижней петлей); фонетические колебания [д] ~ [з] в рассматриваемой позиции маловероятны. В приведённом значении **сиволдай** отмечается у Г. Успенского, А. Серафимовича. В орфографии Даля – **сивалдай** (Даль₂ IV: 181). Ср. с иной семантикой **сиводай** ‘плохо очищенная водка, сивуха’ (Ушаков IV: 171; Елистратов: 473) (вероятно, экспрессивное переключение фонетически выразительного слова с непрозрачным строением в другой смысловой регистр, спровоцированное сходством корней); встречается у А. Полежаева, Н. Лейкина, М. Салтыкова-Щедрина, А. Мариенгофа. Любопытно, что Инверсионный индекс [175] упоминает **сивалдай** и **сиволдай**, но таких статей в СРНГ нет. Может быть, составители исключили слово, расценив его как принадлежащее «просторечию», а не собственно диалектам? [там же: 250–251].

Синеворял, м. Лекарственное растение, применяемое в народной медицине. Сольвыч. Волог., 1879 (СРНГ 37: 326). В предыдущих словарных статьях описываются извлечённые из Даля и ботанического словаря Н. И. Анненкова фитонимы **синеворот** и **синевороть** (жен. р.), относящиеся к ряду растений из лютиковых, губоцветных, молочайных и точно не опознанных; ср. также **синевороть**, **синовороть**

‘растение змееголовник Рюйша (*dragosephalum Ruischiana*), семейства губоцветных’, *синеворотная трава* то же (СлРЯ XI–XVII вв. 24: 149, 153). Сравнение с этими словами может пролить свет на загадочный морфемный исход заголовочной формы. Небрежный почерк, в котором буквосочетание *-отъ* или *-отъ* напоминает начертание *-ял(ъ)*, вообразить можно (кружок *о* с лигой слева может быть воспринят как начальная часть буквы *я*, а поспешно наштрихованная буква *т*, да ещё с «ером» или «ерем», завершающим графическое слово, может быть спутана, как мы уже знаем, с чем угодно). При сопоставлении фитонима *синеворотъ* с разбираемой вологодской формой узкой географической помете Анненкова при нём («курск.», единственной во всём перечне) принципиального значений придавать не следует, поскольку названия лекарственных растений имеют книжную природу: они проникали в народную речь из эзотерической литературы – травников [там же: 252].

Синеутка, *ж.* Сорг пшеницы. Змеиногор. Том., 1896 (СРНГ 37: 328). Останавливают внимание непосредственное соседство со статьёй **Синеуска** (в которой значение слова и место его записи те же, а отличие состоит в указании на год регистрации – 1895), а также наличие в русской народной номенклатуре сортов пшеницы термина *черноуска* (она же – *черноколоска*; а *синеуска*, кстати, – синоним *синеколоски*). Форма, помещённая в вокабулу, конечно, вторична, но квалифицировать её как явление фантомное, говорам не известное, может быть, и необязательно. В замене *с* на *т* в корне *-ус-* могло сказаться влияние термина *арнаутка* ‘сорт яровой твердозёрной пшеницы’ (Даль₂ I: 23 – «юж<ное>»), но для такого утверждения нужны сведения об известности этого сорта и, соответственно, его названия в Томской губернии [там же: 252–253].

Скачетаться, *несов.* Умереть (о животном, птице). *Гусак-то скачетался у нее.* Некрас. Яросл. 1981 (СРНГ 37: 398). В Мышкинском районе той же Ярославской области записан глагол *скапетиться* ‘умереть, скончаться’ (дальнейшие и здесь вряд ли нужные ассоциации – *скопытиться*, *скапутиться*). Поскольку смешение рукописных букв *п* и *ч* возможно, ср. чтение *липинка*, допущенное на месте *личинка* [Журавлёв 1995–2004: 3] заметим и эту статью как несколько подозрительную по части достоверности [там же: 253].

Сколупочка <...> ...**Сколуша** <...> (СРНГ 38: 90). Нахождение обеих статей в интервале слов, начинающихся на **Скорл-**, как и благополучие в иллюстрациях ко второй из них, указывают на пропуск буквы *р* в заголовках. Заметить это нужно, поскольку пропуски букв осложняют компьютерный поиск, а возможная механическая (машинная) обработка словника чревата умножением ошибок [там же: 253–254].

Срытень <...> (СРНГ 38: 166). Аналогичный случай: из алфавитного места иллюстрации следует *скрытень* [там же: 254].

Скрытощик <...> (СРНГ 38: 166). Аналогично: пропущена буква в *скрытощик*. Корректуры выпуск, видимо, вообще не проходил: только на этой странице я насчитал пять опечаток, две из которых – в вокабулах. Техническое качество академического издания внушает серьёзную тревогу [там же: 254].

Сладкокоротик, *м.* Сладкоежка, лакомка. Хакас. Краснояр., 1969. Усть-Канск. Горно-Алт. (СРНГ 38: 225). Описка: механическое повторение буквосочетания, отвечающего слогу; В Инверсионном индексе [273] – *сладкоротик*. Верность отражения семантики, даже при отсутствии текстуальных иллюстраций, подвергать сомнению нет причин [там же: 254].

Следница, *ж.* Нижняя юбка (СРНГ 38: 249). Без сомнений, испорченное *сподница* (СРНГ 40: 184–185) [там же: 254].

Слухлатить, *сов. перех.* Взлохматить волосы. Курск., 1858 (СРНГ 38: 316). Фонетика корня воспринимается не очень органичной – из-за повторения твёрдого латерального в соседних слогах; к тому же этот повтор сильно затемняет этимологические связи слова. Не **слухматить* ли (с экспрессивной лабиализацией корневого гласного)? С другой стороны, не могут ли к сопоставлению быть привлечены слова в корнем *мухл-*, ср. *мухлить* твер., пск. ‘ерошить’ (ИОРЯС, 1: 309), ‘делать гладкую поверхность шероховатой’, твер. ‘делать что-либо небрежно, как попало’, (2.) *мухлеватый, мухлистый* ‘шероховатый’ (СРНГ 19: 36-37) (не родственные, по [Фасмер III: 19], глаголу *мухлевать* ‘жульничать’)? [там же: 254].

Слухляный, *ая, ое.* Послушный. Казаки-некрасовцы, 1969 (СРНГ 38: 316). То же ощущение малой органичности. Может быть, всё же обычное *слухмяный*? [там же: 254].

Слясля, *м. и ж.* Человек, лишённый бодрости, вялый. Нижегород. 1840 (СРНГ 38: 336). Слишком уж напоминает слово в том же значении – *мямя*. Но если в спешке написанное инициальное *м-* может быть прочитано как *сл-* (кстати, см. выше сопоставление *слухл-* и *мухл-*), то второй слог таким графическим отождествлениям поддаётся труднее [там же: 255].

Слятьба, *ж.* Посев. Сев.-Двин., 1928 (СРНГ 38: 336). Там же, на Северной Двине, и тогда же, в 1928 году, было зарегистрировано слово *сеятьба* ‘сев, посев’ (СРНГ 37: 258). Я даже думаю, что мы имеем дело с кабинетным раздвоением единой записи, и форма в заголовке настоящей статьи призрачна. По превращении гласной буквы в согласную знак ударения ожидаемо сполз в более удобное ему место [там же: 255].

Наряду с подробным анализом 37 и 38 выпусков СРНГ А. Ф. Журавлёв возвращается к начальным выпускам и высказывает свои замечания.

Бежа, ы, ж. Небольшая лоханка. Вольск. Саратов., 1854 (СРНГ 2: 179). В вокабуле, ввиду единичности регистрации и ненаходимости в русских диалектах «однокоренных» наименований посуды, можно заподозрить неверно прочитанное обычное *дежа*. Как буква **б** могла быть увидена рукописная **д** с выносом вверх завершающего её штриха. Для оправдания смыслового сдвига ‘кадь, квашня’ → ‘посуда меньшего объёма, не служащая для заквашивания теста’ ср. великолукск., пск. *дежа* ‘небольшая чашка’ (СРНГ 7: 333). Из крохоборских придинок: по принятой орфографии флексию родительного падежа (при заголовке) лучше было писать через **-и**, а не через **-ы** [там же: 255].

Белебѣт, а, м. То же, что белезь <‘рыба язь’>. Бурнашев, Даль [?] (СРНГ 2: 211). Стандартный lapsus legendi, вызванный теми же причинами, которые например, заставили Эмиля *Бенвениста* в книжке (Лосев 1976: 343) превратиться в *Бенвениота* (по образцам *Искарриот*, *патриот*, *киприот*?). Следует: *белест*, ср. *бѣлесть*, *белест* ‘язь’ (Даль 2 I: 155; СРНГ 2: 211). Вопросительный знак, сопровождающий в комментируемой статье указание на лексикон Даля как её источник, выставляет наружу какие-то мелкие составительские сомнения: форму, ставшую заголовком, обнаружить у Даля не удаётся. Постановка ударения на последнем – незаконно возникшем – слоге отражает акцентологическое чутьё лексикографа [там же: 255–256].

Наничв, нареч. 1. Наизнанку. 2. Не так, как следует, наоборот (СРНГ 20: 49). В заголовке не опечатка, но замена неверно почитанного «еря» сходной литерой **в** при наборе записи *наничв*, что выявляется всеми четырьмя иллюстративными контекстами [там же: 256].

Развизляй <...> Ярослав. <...> (СРНГ 33: 287). Осторожность, с которой я говорил об этой форме как возможно призрачной [Журавлёв 1995–2014: 9], должна быть усилена. Может статься, что мы имеем дело с ассимилирующим озвончением глухого свистящего в слове *развизляй* (СРНГ 33: 290) (без географических помет из Даля), параллельного словам *развихляй*, *развихлюй* [там же: 258].

Как видим, А. Ф. Журавлёвым и А. Б. Страховым проделана большая серьёзная работа по критическому рассмотрению материалов «Словаря русских народных говоров» и отмечено множество псевдогапасков, появившихся большей частью из-за слабых навыков правильного чтения рукописных текстов XIX–XX веков, а также отсутствия учёта специфики лексического материала, который послужил источником для этого словаря, то есть не изучались лингвистические параметры источников и вышедших ранее выпусков словаря.

10. Псевдогапаксы в публикации вторичного источника

В защищённой в мае 2012 г. в МПГУ кандидатской диссертации Л. Л. Крючковой и в вышедшей в 2014 г. её книге «Комментарий к “Словарной картотеке Г. С. Новикова-Даурского”» (Благовещенск, Изд-во БГПУ, 2014) исследуется публикация словарных материалов, среди которых отмечены слова – псевдогапаксы. Рассматриваем их как дополнительный материал, раскрывающий способы выявления псевдогапаксов в опубликованном вторичном источнике, который, будучи изданным, стал промежуточным, прошедшим через восприятие человека.

В Амурском областном архиве хранятся рукописные словарные материалы краеведа Г. С. Новикова-Даурского, собиравшего местные слова на территории Забайкалья и Амурской области. Эти материалы датируются 1913–1936 годами, хотя в его автобиографии имеются сведения о том, что начало записей народного фольклора и словарных материалов относится к 1900 году. В 2003 г. в Благовещенске была опубликована «Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского», подготовленная к печати Л. В. Кирпиковой, В. В. Пирко и И. А. Стринадко. Издатели работали с первичными источниками, то есть с отдельными листами и карточками, на которых были рукой собирателя записаны различные слова с толкованиями или краткими пояснениями. Таким образом, публикация представляет собой промежуточный источник со всеми достоинствами и недостатками. Л. Л. Крючкова провела сопоставительный анализ рукописных материалов Г. С. Новикова-Даурского с публикацией его картотеки. Анализ показал, что в публикации содержатся ошибки, связанные с трудностями прочтения записей автора. Эта работа подтверждает, что псевдогапаксы появляются при неверном восприятии скорописного текста, обусловленном игнорированием лингвистической информативности источника.

В процессе исследования Л. Л. Крючковой удалось, опираясь на рукописи Г. С. Новикова-Даурского, уточнить орфографический облик некоторых слов, зафиксированных в Словаре В. И. Даля, в «Опыте областного словаря» (1852 г.) и других лексикографических трудах.

В Словаре В. И. Даля со знаком вопроса есть иркутское слово **оманжа**: ‘боязливый, пугливый человек’, см. **оминзра** (Даль 1989, II: 672). Л. Л. Крючкова пишет: “Форма слова *олганжа* (или *ольганджа*, по А. Е. Аникину) ‘больная или больной особой болезненной пугливостью (эмерячка)’ подтверждается словарными материалами Г. С. Новикова-Даурского (с. 126), поэтому имеются все основания предположить, что В. И. Даль сомневался не случайно: **оманжа** не что иное, как неверно прочтённое слово *олганжа*, где две буквы **лг** были

прочитаны как буква **м**. То же можно утверждать и по отношению к слову **оминзра**, где буквы **лг** прочитаны как **м**, буква **а** – как **и**, а буква **ж** – как **зр**. К сожалению, в «Словаре русских народных говоров» слово **бманжа** дано только со ссылкой на «Опыт областного великорусского словаря» (СРНГ 23: 202) и является ошибочным. Эта же ошибочная форма как пример заимствования приведена в написанном С. А. Мызниковым «Предисловии» к переизданному «Опыту областного великорусского словаря» (в 2008 г.), где слово отмечено как иркутское и якутское: **Оманжа**. Боязливый, пугливый человек (с. 141)” [Крючкова: 63–64, Ком. 35–36. – первые страницы указаны по диссертации, а вторые – по «Комментариию...» 2014 г., так как не все слова вошли в Ком.].

Также со знаком вопроса в Словаре В. И. Даля находим слово “**Шпыкъ?** м. *вгд. шпыль?* каз. нечеса, косматый, всклоченный. Не шпынь ли?” (Даль 1991, IV: 644). Л. Л. Крючкова пишет: “В. В. Шаповал показал, что и слово **шпык** и слово **шпыл** ошибочны, так как появились в результате смешения букв **к**, **л**, **н**, где реальная запись должна быть с буквой **н**. Материалы Г. С. Новикова-Даурского подтверждают правильность этого вывода. В словарной картотеке записано слово **шпын** ‘непричесанные волосы’, к которому дана иллюстрация: *Голова шпын-шпыном, три дня нечесаная*. Новиков-Даурский (с. 195)” [Крючкова: 66, Ком. 39].

В издании «Словарная картотека», – пишет Л. Л. Крючкова, – “в разделе «Замечания Г. С. Новикова-Даурского о фонетических и грамматических особенностях амурских говоров» записана строка: «**В** выпадает в слове (**в**) *отерное*. Нерч.» (с. 16). Слово нечитаемое, так как лишено смысла. В действительности это слово *ватернас* ‘простейший прибор для проверки горизонтальности плоскостей и измерения небольших углов наклона, употребляемый при плотничных, земляных и каменных работах, уровень’ (СлРЯ, т. 1: 138), известное и в литературном языке. В слове оказались нераспознанными три буквы: **а** (вместо них в обоих случаях записана буква **о**) и буква **с** (записанная как **е**)” [Крючкова: 100, Ком. 126].

В «Словаре русского языка» встретилось слово “**Близáрничать** – См. **близарить**” (т. 1, изд. 2-е. М., 1983. С. 34). – “Слова *близáрнуть* в «Словарной картотеке» Г. С. Новикова-Даурского нет, – пишет Л. Л. Крючкова, – но есть *близírнуть* ‘близирничать, лстить, делать вид сожаления’ (с. 34). Необходимость написания слов *близírничать*, *близírнуть* через **и** в обоих случаях подтверждается и группой однокоренных слов: *близírник* ‘лыстец’, *близír* ‘фальшь’ и фразеологизмом *для близíру* ‘для виду’ (там же). Кроме того, в рукописных материалах, сохранившихся в архиве на листах, четко просматривается запись слов

блезирник, блезирничать, блезир, где возможно чередование е/и, поэтому в картотеке слова записаны с буквой **и**... Такое написание слов находит подтверждение в «Словаре русских говоров Приамурья» [Изд. 2-е. Благовещенск, 2007. С. 40], где есть ссылка на Г. С. Новикова-Даурского: *Близирник, бризирник*, а, м. Неодобр. Лицемер. Нов.-Даур.: близирник. **Близирничать**, -аю, -аешь, несов. Неодобр. Лицемерить. Нов.-Даур.” [Крючкова: 101, Ком. 103–104]. Для доказательства Л.Л. Крючкова ссылается на Приложение к своей диссертации, в котором фототипически приведены рукописные «Карточки из словарных материалов Г. С. Новикова-Даурского», подтверждающие эти выводы, а в ее книге «Комментарий...» они приведены в качестве иллюстраций на соответствующих страницах.

В издании «Словарной картотеки Г. С. Новикова-Даурского» на с. 58 находится словосочетание “**Гунявый вова** – Енис. нечистоплотный, неряшливый (Анучин). Оплешивевший от болезни, облещий, вытертый. Словарная статья *гунявый вова* воспринимается как фразеологизм, хотя в действительности это слово было записано Г. С. Новиковым-Даурским в соответствии с материалами В. И. Анучина: *гунявый, вова* ‘нечистоплотный, неряшливый’, где часть *-вова* указывает на форму родительного падежа имени прилагательного *гунявова* (см. Приложение)” [Крючкова: 102, Ком. 107].

Далее Л. Л. Крючкова в нескольких словах раскрывает «историю» слова **ри**, к которой приложил свои силы не один исследователь. На это слово “обращает внимание В. В. Шаповал. Он приводит пример гапакса *ри* ‘моховое болото’, которое в словаре В. И. Даля сопровождалось знаком вопроса: «**Ри?** мшар, мшарник, мшина, моховина, моховое болото», записанное в словаре Бурнашева так: «**Мшарь** и **ри**. Так называются небольшие болота, заросшие белым и красно-рыжим мохом. (От Н. И. Курнакова.)». Бурнашев поместил *ри* в качестве заглавного слова отсылочной статьи. Запись «Мшарь и ри» следует читать как *мшарь* и *мшари*” [Крючкова: 103, Ком. 107-108]; *-ри* форма родительного падежа.

В издании «Словарной картотеки Г. С. Новикова-Даурского» на с. 76 записан глагол “**Заскарбло** – засохло. Напр., кожаная обувь, овчинные рукавицы, шуба, пропотевшие или промоченные, при высыхании потерявшие гибкость и съезжившиеся (Новиков-Даурский, 2003: 76)”. Л. Л. Крючкова пишет об этом глаголе: “В слове во втором слогe должно быть написание через **о**. Буква **о** читается нечётко, но её можно объяснить другими записями: «*Заскорбнуть* – засохнуть (применительно к кожаным или овчинным вещам, когда после отсыривания оне теряют гибкость и смарщиваются)» [там же]; «*Заскорубнуть* – для кожаных предметов – засохнуть; после промокания. *Ичиги-то бросил*

мокрые под лавку и забыл – гляди, как заскорубли. Марково (с. 77)» (см. Приложение)” [Крючкова: 103, Ком. 108–109].

“В сибирских говорах **слопéц** употребляется в значении ‘ловушка для птиц’ (Новиков-Даурский 2003: 101), ‘капкан, ловушка для лесных птиц и мелких зверей’ (СРГП: 417), ‘охотничий заряд на медведя’ (Элиасов: 383, СРСГСО: 147), а *кладенец* – ‘кладеное животное’, ‘человек скопец’ (Опыт: 83, Даль IV: 114). В материалах В. И. Анучина, на которые ссылается Г. С. Новиков-Даурский, нет слова **слопец**, но есть *кладенец, -нца* в значении ‘скопец’ (Анучин: 51). Неясное прочтение буквы **к**, которая похожа на **л**, стало причиной его [слова *скопец* – Л.А.] неверного написания в «Словарной картотеке» (см. Приложение)” [Крючкова: 105].

Кливить – доводить до слез, дразнить ребенка. Клёвить – Енис. Анучин. Каслить – Волог. Оренб. Орл. Тамб. [Новиков-Даурский 2003: 88]. В толковании к этому слову вопрос исследовательницы вызвало слово **каслить**. Она считает: слово нужно читать как *квелить*: “Если обратиться к оригиналу, то можно увидеть, что на карточке в слове *квелить* неясно написана буква **в**, а буква **е** из-за выцветших чернил действительно читается как **с**. Только многократное увеличение позволяет распознать ошибку, поэтому публикаторами вместо двух букв **ве** прочитано две буквы **ас** (см. Приложение)” [Крючкова: 105, Ком. 111–112]. В доказательство она приводит примеры, подтверждающие существование таких слов, как *кливить, квелить, расклевить, квёлость, квёлый*.

Култук, кривун – излучина реки, пади, дороги, котвун; 2) верхняя часть г. Нерчинска’ (Новиков-Даурский 2003: 97). “Ошибка допущена в толковании: слова **котвун** не существует. Это ошибочно записанное слово *кривун*. Оно в значении ‘крутой поворот реки, излучина; поворот дороги’ в словарных материалах Г. С. Новикова-Даурского записано отдельной словарной статьей (с. 95)... Появление же несуществующего слова **котвун** в «Словарной картотеке» трудно объяснить, так как на карточке совершенно чётко просматривается написание всех букв, а слово *кривун* дописано позже, поэтому словарная статья должна иметь следующий вид: *култук* – кривун, излучина реки, пади, дороги (см. Приложение)” [Крючкова: 106, Ком. 113].

Следующие три ошибки возникли оттого, что издатели не изучили лингвистическую информационность такого рукописного источника, как карточки автора. Они неверно прочитали букву **п**, которую Г. С. Новиков-Даурский писал с горизонтальной чертой над буквой. «*Малахай* – шутовское шайка. По-монгольски малогай – шайка, подаурски магал – шайка» (Новиков-Даурский 2003: 105); «*Сай* – 1) известная заразная болезнь животных, 2) эгоист (бранное)» (там же:

156); «**Стёйная курица** – дрофа» (там же: 165) – это нужно читать как **стенная курица**. Л. Л. Крючкова пишет: “В слове *шапка* буква **п** с горизонтальной чертой сверху прочитана как буква **й**, хотя букву **й** Г. С. Новиков-Даурский писал с кружочком сверху... *Сан* – слово известное в русском языке. Ошибка идентична той, что встретилась в слове *шайка*: вместо буквы **п** написана буква **й** (см. Приложение)” [Крючкова: 106, Ком. 114–115]. Та же особенность почерка автора не учтена и в слове **стейная** – **стенная**.

«**Мбзить** – хныкать, плакать. *Ты не мизь, а говори*. 1932. М.А. Стародуб.» (Новиков-Даурский 2003: 108). Отрицая реальность глагола, Л. Л. Крючкова пишет: “Вместо глагола **мозить** следовало написать **мизить**. Во-первых, в иллюстрации к нему записан глагол **не мизь**, во-вторых, имеющееся в словарных материалах Г. С. Новикова-Даурского существительное **мизия** ‘плакса’, производное от **мизить**, написано через букву **и**. Глагол *мизить* связан с *мизгать* ‘квелиться, плакать’ (Даль II: 325)” [Крючкова: 107, Ком. 144].

«**Млеме** – мнение; мечта, суеверный страх. *У меня како-то млеме было – боюсь, не знаю чо*. Кумара» (Новиков-Даурский 2003: 109). – “Вместо **м** в заголовочном слове нужно писать **н**, так как на карточке в заголовочном слове и в иллюстрации буква **н** написана одинаково (см. Приложение). Это один из тех случаев, когда к слову нельзя применить законы языка: если исходить из значения, где в качестве синонима приведено слово *мнение*, то можно говорить о диссимиляции согласных, если брать во внимание иллюстрацию, то вполне возможно образование от слова *млеть*” [Крючкова: 107, Ком. 115-116].

«**Моржоны** – бусы из красного коралла. Енис. Анучин» (Новиков-Даурский 2003: 110). Этой местной лексеме Л. Л. Крючкова посвящает убедительные этнографические свидетельства и пояснения: “Слово должно быть написано через букву **а** во втором слоге. К словарной статье **моржаны** имеется ссылка на материалы В. И. Анучина, у которого записано: *моржаны*, *-нов* – красный коралл (в ожерельях) (с. 55). Редкое в Сибири слово отмечено ещё в словарных материалах М. Ф. Кривошапкина, относящихся к Енисейскому округу: *моржан* – коралл (так!) (Цомакион, 1960: 68)... И эти немногочисленные примеры позволяют уточнить написание слова через букву **а** во втором слоге: *моржаны*. Правда, в старообрядческих говорах известна словоформа *маржаны* ‘бусы из янтаря или стекла под янтарь’, ‘украшение в виде полоски ткани с нашитыми на нее бусинами или бисером и расшитой цветными нитками’. Так как говоры старообрядцев относятся к акающим, в первом слоге произносится буква **а**. В старообрядческих говорах также употребляются слова *маржанка* ‘стеклянная бусина под

жемчуг или янтарь’, *маржано́чка*, ласкат. к *маржа́нка*, производные от *маржа́н*” [Крючкова: 108, Ком. 116].

«**Посло́вкой** – ‘послушный, исполнительный’. *Вот какой по-словкой*. Нерчинск. Бессарабка» (Новиков-Даурский 2003: 143). “Ошибка в слове появилась в результате нечеткого написания Г. С. Новиков-Даурским букв **к** и **н**. Слово *посло́вный* ‘послушный, скорый к выполнению приказаний’ было отмечено ещё в «Опыте областного великорусского словаря» (Опыт: 172), а позднее – В. И. Далем: *посло́вный* ‘послушный, повинующийся, исполнительный’ (Даль III: 334)” [Крючкова: 108, Ком. 116].

«**Соральд́жа** – (быт.) трава из полынных. Употребляется на венники и на покрытие поветей. См. паровина» (Новиков-Даурский 2003: 163). Неправильное чтение издателями подлинных карточек автора заставило Л. Л. Крючкову проделать своё разыскание. Она пишет: “В одной словарной статье в публикации сделано три ошибки. Во-первых, речь идёт о ботаническом слове, поэтому следовало написать «бот.»(аническое). Во-вторых, неверно написано слово *соральд́жа*. Заметим: в разных случаях публикаторами по-разному написано слово *саральд́жа*: *соральд́жа́* и *сарольд́жа*. В «Словаре русских говоров Приамурья» имеется словарная статья *саральд́жа́* (*саранд́жа́*, *саранд́жа́*, *саранч́а*) ‘растение полынь, род *Artemisia* из семейства сложноцветных’ (с. 394), но без ссылки на материалы Г. С. Новикова-Даурского. Возможно, это и стало причиной невнимательного прочтения его словарных статей. В-третьих, отсылочная статья в словарных материалах Г. С. Новикова-Даурского *парави́ка* ‘сарольд́жа’ (так написано в публикации) (с. 132) показывает, что в слове **паровина** допущено две ошибки: во втором случае вместо буквы **о** следовало написать **а**, а вместо **н** – **к**. В карточке со словом *парави́ка* все буквы просматриваются чётко. Здесь же чётко читается *саральд́жа* (см. Приложение)” [Крючкова: 109, Ком. 117–118].

«**Форто́нуло** – посчастливилось. *Фартануло Ермаку – два чирья на боку*» (Новиков-Даурский 2003: 180). “В заголовочном слове в первом и во втором случае написаны две буквы **о**, а в иллюстрации – две буквы **а**: Оно входит в группу однокоренных слов, также отмеченных Г. С. Новиковым-Даурским: *фарт* – ‘счастье, удача, счастливый случай, фортуна. *Fatum*; *фартит* – везет... *фарто́вый* – счастливый, удачливый. В переносном смысле вороватый’ (с. 179), где в первом слове пишется буква **а**” [Крючкова: 110, Ком. 119–120].

«**Шалохво́стка** – безделица, проводящая время в хождении по гостям, да в гулянке» (Новиков-Даурский 2003: 192). Л. Л. Крючкова замечает: “Данная словарная статья содержит два ошибочно записанных лексических факта: во-первых, в сибирских говорах широко рас-

пространено слово *шилохвостка* (*шилохвость*) в значении ‘род дикой утки с двумя длинными перьями в хвосте’ (СРГП: 509–510; СРСГСО: 240). Но слово *шилохвостка* употребляется и с переносным значением ‘о праздношатающейся женщине, сплетнице’... поэтому в «Словарной картотеке» допущена ошибка в словоформе. Во-вторых, вместо *безделица* необходимо было написать *бездельница*. На карточке слово читается ясно” [Крючкова: 111, Ком. 123–124].

«Шухобат – бегодня, беспокойная тревожная суета, тревога» (Новиков-Даурский 2003: 196). “Чтобы объяснить ошибку в слове **шухобат**, достаточно сравнить запись в материалах Г. С. Новикова-Даурского со словарём В. И. Даля, где записана форма слова *шухобот* ‘шум, беспокойство; всякое движение толпы’; ‘возмущенье, смуты’, образованное от глагола *шухоботиться* ‘возиться, метаться, ботаться, шевелиться’ (Даль IV: 650)” [Крючкова: 111, Ком. 124].

Псевдогапаксы, выявленные Л. Л. Крючковой: *бларничать* – близирничать, *близарить* – близирить, (*в*) *отерпое* – ватерпас, *гунявый вова* – гунявый, гунявова, *заскарбло* – заскорбнуть, заскорубнуть, *каслить* – квелить, *котвун* – кривун, *млемие* – мление, мнение, *мозить* – мизить, *моржоны* – моржаны, маржаны, *оманжа*, *оминзра* – олганжа, ольганджа, *паровина* – паравика, *пословкой* – пословный, *ри* – мшарь и мшари, *сай* – сап, *слопец* – скопец, *соральджа* – саральджа, *стейная курица* – степная курица (дрофа), *фортуноло* – фартануло, *шалохвостка* – шилохвостка, *шпыкъ*, *шпыль* – шпын, *шухобат* – шухобот.

11. Псевдогапаксы и искажения слов в печатных книгах

Весной 2021 г. специалист по арабской филологии Д. А. Морозов указал на множество искаженных слов, отмеченных Б. В. Томашевским в его работе 1928 г. «Писатель и книга. Очерк текстологии» (Изд-во «Прибой»; 2-е изд. – «Искусство», 1959). Автор пишет: «Искажения, которым подвергается книга в печати, совершенно иного рода, чем искажения переписчиков, которые часто не понимают то, что они переписывают... Типография, подобно писцу, искажает оригинал» (1928: 7, 8). Из разных изданий сочинений А. С. Пушкина автор приводит примеры опечаток, противоречащих оригиналам: напечатано *башня*, а нужно *богиня*, *топот* вместо правильного *шопот*, *следовательно* вместо *следственно*, *цензура* вместо *цезура*, *душа утомилась* вместо верного *душа умилилась*, *крылос* вместо *клирос* и др. Можно ли включать такие случаи, действительно искажающие текст оригинала, в число псевдогапаксов?

Псевдогапаксом является слово или словосочетание, которых никогда не существовало в русском языке. В случаях, отмеченных

Б.В.Томашевским, в результате искажения в печати в текстах книг обнаруживаются нормальные слова, которые существуют в литературном языке или в просторечии. Другое дело, что их появление искажает смысл предложений, в которых они стоят, но не должны быть. Такие случаи псевдогапаксами не являются и учёту в настоящей работе не подлежат. Но вот Б. В. Томашевский отметил опisku в рукописи «Домика в Коломне»: вместо *попробуем* Пушкина написал **побруем** (1928: 109), это – псевдогапакс: слова *побруем* в русском языке не было.

В работе Б. В. Томашевского отмечены заимствования **цитовать, мистифицировать и организовывать** (1928: 37). Признать эти слова псевдогапаксами можно, так как в современном русском языке они употребляются в форме *цитировать, мистифицировать и организовывать*, однако на этапе их вхождения в наш язык формы, признанные искажёнными, могли представлять один из этапов их освоения в языке, и они реально существовали в статьях исследователей. Здесь должны быть проведены широкие исследования текстов конца XIX – начала XX века различных авторов, чтобы признать эти слова псевдогапаксами или отказаться от такой их характеристики.

Отметим ещё один случай, подтверждающий разные этапы утверждения слова в русском языке. В тексте книги самого автора нередко встречается слово *невязка* (1928: 108, 125, 128), которое в современном языке изменилось в *неувязка*. Скорее всего, на определённом этапе в литературном языке именно слово *невязка* было общепринятым, т. к. нет оснований считать, что Б. В. Томашевский невнимательно читал корректуру своей книги. В «Русском орфографическом словаре» (ок. 160 000 слов) под ред. В. В. Лопатина («Азбуковник», М., 1999) приведены оба слова, тогда как *мистифицировать, организовывать и цитовать* в нём нет, они не закрепились в языке. Условно их можно назвать псевдогапаксами.

12. Классификация псевдогапаксов

В псевдогапаксе обязательно скрывается какое-то знакомое, но не узнаваемое слово. Работая с такими словами, исследователь должен “добраться” до истинного слова, в данном случае – испорченного.

За счёт чего может деформироваться подлинное слово, превращаясь в несуществующее? В поисках причин все случаи можно разделить на несколько групп в зависимости от так называемого “дефекта”, из-за которого слово принято за другое, стало псевдогапаксом.

В первую группу включаем те немногочисленные случаи, когда в именно в *рукописи* встретилось неверно написанное слово или сло-

во, которое писец искажил в силу каких-то причин: не знал слова, недослышал (если ему диктовали). Таких слов немного: **глотная** (вм. льготная грамота), **сыгцеловые** (вм. исцеловые сапоги), **сырьи** (вм. сыры), **брисады** (вм. присады).

Все последующие группы связаны с формированием промежуточных источников, при выписке цитат из рукописей и при работе в процессе подготовки рукописей к изданию.

Вторая группа объединяет слова, в которых, читая рукопись, публикатор или выборщик, эксцерпирующий материал для словарной картотеки, мог принять одну букву за другую, из-за чего получалось невероятное слово или словосочетание. Приведём несколько примеров из «Материалов» И. И. Срезневского, которые являются одним из источников «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

Оклоснити, оклюишно – в «Материалах» И. И. Срезневского (II, 642) толкование дано со знаком вопроса: “вм. оклоснити (?) — *изувечить*: (Феодор уговорил жену Даниила Саидского покориться мужу и от Даниила взял обещание жить с нею мирно; но Даниил воротясь домой с женою) “обрѣтъ извѣтъ нѣкыи на тоу, носа еи оурѣза; она же паки дошедши манастиря, въпаше оу блѣженаго, "ко, того послушавши словесь, оклюшена бысть”. *Жит.Фед.Сик. Мин.чет.апр. 498*”. И. И. Срезневский считает, что здесь должно быть слово **оклоснити**. Редактор СлРЯ XI–XVII вв. Г.Я. Романова поддерживает его мнение и помещает именно это слово в выпуске на алфавитном месте с его цитатой (XVI в.) и с более ранней – из Лествицы XIV в. [вып.12: 5, 327].

Палекида. В «Материалах» (II, 869) слово дано с толкованием ‘*наложница*’ “(греч.παλλακή): – Палекиду имы (παλλακήν, concubinam; по др. сп. женимоу). *Никон. Панд. сл. 13*”. Авторы «СлРЯ XI–XVII вв.», не включая это слово в соответствующий выпуск, пишут: “Не подтвердилось наличие слова *палекида* в ранних списках Пандектов Никона Черногорца: *палакиду* (не *палекиду*) *имый* читается только в Почаевском издании 1795 года (церковнославянский язык украинского извода, по списку 1670 г.)” [вып. 14: 4].

Пиритель. В «Материалах» (II, 881) слово дано с толкованием ‘*носящийся в высоте*’: “ко паритель, прѣрче, заченъ. *Мин.шол. XIV в. л. 97*”. Авторы «СлРЯ XI–XVII вв.» пишут: “Проверка по ранним исправным спискам и греческому оригиналу обнаружила *пиритель*” [вып. 14: 5]. В 15 выпуске Словаря слово **пиритель** толкуется как ‘*устроитель пира*’, а цитата из той же июльской Минеи приведена шире: “Яко пиритель прор<о>че изыщнь творяи ти враньмь възвеселие (ὁ ἐστίατορ). *Мин.июль*², 14 об. XI–XII вв.” Другая цитата в качестве иллюстрации взята из памятника ограниченного использования

для подтверждения наблюдений и выводов авторов: “Убогъ будеть пиритѣль (ἑστιάτωρ). Златостр., 48. XV–XVI вв.”

Платати. В «Материалах» (II, 954) слово дано с толкованием ‘*накладывать заплаты, чинить*’: “Платаху мрежа (измен. вместо плакахоу – полоскали; в греч. ἀπέπλυναν). Лук. V. 2. Ев. XIV в. (Оп. I, 260)”. В Словарь слово не взято: “Очевидно, вследствие переосмысления возникло слово *платати* вместо *платати* (Оп. I:260–ἀπέπλυναν)” [вып.15: 4].

Понывати, понываю в «Материалах» (II, 1185) дано с толкованием ‘*ныть, стонать*’: “Стояше "ко обу~нь, поныва". *Жит.Ниф. XIII в.*” Авторы «СлРЯ XI–XVII вв.» нашли, что в источнике эта цитата даётся со словом **покывая**. Ж.Нифонта, 275 [вып. 17: 4].

Хотя лексикографическая форма описания языка лапидарна, мысль учёного может быть выражена с достаточной ясностью. Так, слово **пошьньникъ** в «Материалах» (III, Дополнения: 224) приводится со знаком вопроса: “*вм. пошьньникъ (?) – ‘работающий пошевни’ (?)*: Противу дву дворовъ Тимохи пошенника да Микитки колпачника. *Купч.Петр.Скобелец. 1579 г.*” Выше в «Материалах» приведено слово **пошьвни=пошевни** ‘*широкие сани, обитые внутри лубом*’. И. И. Срезневский и заканчивавшие словарь его дети Ольга и Всеволод правильно указали на слово **пошевникъ**, включив как вариант, так и иное его написание, данное под вопросом. Слово **пошьньникъ** извлечено из рукописи. Оно могло существовать и в таком написании: **-вн-** в речи могло звучать как **-нн-**; но в «СлРЯ XI–XVII вв.» оно не взято ни в каком виде, т. к. признано испорченным (см. Инструкцию 1988 г.). Другой же фиксации слова **пошевникъ** пока не обнаружено в источниках. Возникает вопрос: правомерно ли отказываться от подобных слов в историческом словаре?

Попудитися. В «Материалах» (II, 1198) слово дано с толкованием ‘*испугаться*’: “Онъ же (Тохтамышъ) попудився, и оттолѣ поча по малу поступати отъ града Москвы. *Соф.вр. 6890 г. (т. I. 376)*”. В Новгородской IV летописи (с. 337) авторами «СлРЯ XI–XVII вв.» обнаружено правильное **понудитися** [вып. 17: 4].

Порушати. В «Материалах» (II, 1222) находим: “*вм. порошати – ‘орошати*: Возми воду сѣенну и порушай села (в др. сп. влѣи въ ниву). *Никон.Панд. XIV в.*” Здесь – описка в рукописи, которую заметил И. И. Срезневский [см. СлРЯ XI–XVII в., вып. 17: 5].

Отметим как частный случай особенность старинной русской орфографии, когда вместо одной буквы публикатором были прочитаны две, что помешало правильному восприятию слова. Так, в 18 выпуск редактор О. И. Смирнова) не взяла слово **поучьство**. В «Материалах» (II, 1312) оно дано с толкованием ‘*изучение, вникание*’: “*Велику о немъ члѣволоубству покажетъ поучьство. Ио.екз.Бог., 226*”.

В Богословии Иоанна Дамаскина, напечатанном в 1981 г. в Германии, представлено слово *пучьство* – греч. *πέλαγος* ‘пучина’. Ио.екз.Бог.¹, II, 140. XII–XIII вв. (вып. 18: 3). В 21 выпуске «СлРЯ XI–XVII вв.» приведено **пучьство** с указанной цитатой и с другой – из Алфавита XVII в.: Пучьство (гр.) – ширина. Алф.¹, 192 об. Псевдогапакс возник оттого, что способ изображения звука “у” буквами **оу** не был принят во внимание, а с греческим оригиналом перевод не сопоставили.

Просматривая 47 выпуск СРНГ (СПб., 2014), необходимо отметить некоторые слова, которые относятся к группе псевдогапаксов.

с. 73: **Укоки**. Болезнь от сглаза. – ср. старинное слово **уроки** (?);

с. 244: **Упекаять**, *сов., перех.* Сослать кого-л. *Его упекакали на Печору*. Черепов. Волог., 2005. – Фонетически **-как-** в русском языке почти невозможно. Скорее всего, за первое **-к-** была принята буква **-н-**, тем более что далее (с. 245) есть глаголы **упенькать** – ‘избить, нанести увечья’, **упенькаться** – ‘устать, утомиться от игр (о детях)’;

с. 282: **Упояхать**, *сов., перех.* То же, что упоясать. Здесь скорее всего, буква **-с-** была принята за **-х-**.

К этой же группе псевдогапаксов можно отнести *актарь, бильдяга, базарничать, близарить, богочесливый, быжок, брисады, буткарь, вамлять, вермие, воименки, вомять, вочник, всиянь, вьсклизнем, вызы-бать, гапельник, гаснь, гладок (глазок), гместо, гождаше, горокуха, гредить, гурак, дотлый, елибица, жюр, заподове, зачаиться, зезл, изарбарный, изиляться, ионичь, кайтить, камюк, керета, кетины, кложичка, колпаница, коромный, корт, кумначок, кусина, лаибина, луговое, лыга, лямац, ляхва, млемие, могилен, моглявина, мозить, молодиво, моржоны, мотая (змея), мяжеви, нажилка, напомиси, нарахать, насилошный, начито, непорочным делом, нитнуть, из нищей деньги, новерных, ноголки, обезная книга, обеушки, облыстно, обуход, обха, обчинити, обцепки, огунять, озёнице, оклоснити, оманжа, оминзра, опокинул, опочик, опрекать, отиширишь, отицетенец, охроматный, палекида, паровина, пауп, пенце, перегорнить, перезиб, перекет-трава, перечлохи, пирзати, платати, поведают, подземь, подморие, пожь, поэяжу, покрывать, полетить, полпаль, поможение, понывати, попегоша, ппортенная, порушати, постригаху, потвередить(ся), потесь, потоба, почвы (ночвы), пошоба, пошньник, прогарчивать, проглядить (проглазить), протеи, прох, проиохала, проиупать, псень, пьявство, пятелька, раец, разбусть, разбрюмчатся, разведяла, разговорий, раздикрешити, раздудеть (разбусту), ралубой, раскирёная, распаивать, ружать, румяно, сай, сверхь порты, сдарывать, симин, скитейный, скомранец, на скопы, скопта, скоржуна, скромкий, slopeц, смехозорный, соральджа, спанешный, спендели, сплеснуться, сполстично, срырдыбачить, стейная (курица), суглина, талтуй, тачаны, теменский, терасы, терпелие, типа, узурос-*

нул, чедяговый, шпык, шпыл, шупова, щитицильные, языкъ и др. В них вместо одной буквы рукописи публикатор, выборщик увидел другую.

В **третью** группу включаем слова, в которых могла быть пропущена одна или две буквы, что привело к образованию нового слова.

Невъдь в «Материалах» (II, 366) дано со знаком вопроса и без толкования: “Да ~сть от **Адама** в **толицѣ** жъ **числѣ** **лѣтъ** **часовѣ** **ѣ** **невѣднн**, и **ѣ** **невѣднн**, и **а** (в) **х** (н) **ѣ** **часа** **кромѣ** **нощнн**. *Кирик. Учен. 6644 г.*” При сверке с фотомеханическим воспроизведением рукописи «Учения» Кирика оказалось *несъвьдь* [вып. 11: 3, 281].

Понѣщати, понѣщаю. И. И. Срезневский (II, 1185) считает, что этот глагол употреблён вместо **погнѣщати** ‘разжигать’: “**Огнь** **во** **срдѣчннн** **понѣща**~**тъ** **истынѣ**. *Конст.Болг.поуч. XII в. (Op. II. 2. 425)*” [вып. 17: 5]. Возможно, писец написал это слово «по слуху» – непроизносимое *г* перед **н** не услышал (если писал под диктовку) или здесь произносилось *г* фрикативное.

К этой группе примыкает случай употребления разных формантов в одном слове, который может быть обусловлен неверным чтением рукописи, сверить слово по которой не представляется возможным. Так, иногда слово в одном издании приводится с одним суффиксом, а в другой публикации того же текста – с другим. **Поплужьскый: поплужьское** в «Материалах» (II, 1193) дано с толкованием ‘то же, что поплужьное’ [*поплужьная пошлина* – ‘вид земельной подати’]: “Дань ли на насъ емлють или иное что ни буди: тамга ли, поплужское ли, ямы ли... а отъ соборныя церкви и отъ Петра митрополита никто же да не вьзываетъ. *Ярл. Узб. 1315 г. (Григор.)*”. Авторы «СлРЯ XI–XVII вв.» обнаружили в издании того же «Ярлыка царя Узбека митрополиту Петру» (СГГД II, 9. – М., 1819) слово **поплужное** [вып. 17: 4], в других источниках нашлась **поплужная пошлина** [там же: 89], и редакторы И. И. Макеева и М. И. Чернышёва сочли, что слово **поплужьскый** не следует включать в Словарь, т. к. его нельзя проверить по рукописи.

К этой же группе относятся следующие псевдогапаксы: *астет, бухвальный, бухвистить, варско, велегливый, вирынье, вости, граты, зворог, игливый, иска, королечь, мачить, мистифировать, неведь (несъведь), неждь (нежидь), овединьев день, орота (съ ворота), отмстие, перелесый, попукорить, порасхать, постоша, постреще, поступити (под горы), постыть, прбудеться, пробрюгнуть, разбывать, разгнилѣшенькый, рапутицей, к ротнико, сеедная неделя, складина, скрыницы, скрынуть (зубами), слвноименитый, слепочи, снаратовати, собе (особе), споловье, спражить, сульбакать, сытитися, твержение, твореный, творный, темнокарий (в темне карь), токъ (начаток), токы, тыи, укоиши, цитовать* и др. Сюда же примыкают своего рода «недописи»: *по добию (доубию), докочивахуть (докоучивахуть),*

ечера (Печера), можь (моужь), рекоче (рекоуче), Паленьскую (Палестинскую землю), из пороба (пороуба), ри (миари), к роду (городу), на троды (троуды) и др.

К **четвертой** группе можно отнести слова, в которых не были прочитаны выносные буквы – не замечены издателем или прочитаны неверно, т. к. разные выносные могли иметь похожие начерки: *бадьюный, игливый, крсты (кърсты), поьям (епискупьям), раисты, сменные списки, стрегует, струинный, таши, трельший, тынье, утынью* и др.

К **пятой** группе относим слова, в которых могла быть “прочитана” и при издании внесена в слово лишняя буква, которой не было в рукописи. В 13 вып. (редактор О. И. Смирнова) читаем: “В Уставе Студийском XII в. (л. 233) <...> сличение цитаты с рукописью выявило на месте слова *оринець* другое слово, а именно: *орницъ*” [вып 13: 4]. В «Материалах» (II, 706) *ориньць* даётся без толкования с примером: “**Въ годъ стоудени ничьсо же боле дъвою ризоу... чьрнаго оринц# свиты оуч#щены, въ нухъ же ход#щен довьлно съгръвающес# тѣми, ни ~дино" лютости зимьны" чювьства приноутъ.** Уст.п. 1193 г. 233. – Ср. *орьница*”. В *орьница* также толкование отсутствует. Оба примера к этому слову взяты из летописей: “**Повелѣ Володимеръ рѣжючи паволоки, орници, вѣль розметати народу**”. Ипат.лет., 281; “**И повелѣ Володимеръ метати паволоки, фодудью и орнич#, вѣль.** Лавр.лет. 6623 г.”. Далее в «Материалах» к *орьница=орница* в скобках даётся пояснение: “(По мнению Карамзина, *орница* происходит от византийского слова *орна* – *limbus*; может быть это и *ортьмица*, уменьш. к сл. *орьтма*; ср. также *ориньць*)” (II: 711). В «СлРЯ XI–XVII вв.» формы *орница* ж. и *орницъ* м. даны как предполагаемые, в квадратных скобках, с толкованием ‘вид шерстяной ткани’ и с цитатами из «Материалов».

Из других источников сюда можно отнести следующие псевдогапаксы: *ащера, при березле, дивьяковы, пожилки, заскалиться, застрясть, изазяднуть, изинбель, икентавр, икермен, иснулый, ичерыки, кестить, комляга, корскота, красити* (‘красть’), *крата, наперевод, наплевушка, ножичимы, обрунец, обяци (послы), оксены, организовать, по Отце, офофан, пересква, перества, пида, побежде, погимать, посвятить, почбранюшечка, премений, прибийоца, приклятковатый, приобретохать, промчим (землям), проишть, рыдатель, сестрасиць, скороподстижно, слобец, стрегуют, с уличеньемъ, умаурливается, фурстовина, тутич* и др.

В **шестую** группу входят слова, в которых переписчик мог поменять местами соседние буквы в слове или соседние слоги:

Подморие в «Материалах» (II, 1063) дано с примечанием “**подъморие** (вм. подроие) ‘*ипподром, ристалище*’: Приидохоъм на

подморие (in hyppodromum). *Прохор.Жит. Ио.Богосл. XXXI.* – Ср. **подъгори-, подримие**. Авторы «СлРЯ XI–XVII вв.» (вып. 15: 4) не взяли это слово, т. к. на эту описку указано у И. И. Срезневского.

Порова. В «Материалах» (II, 1208) читаем: “*вм. повора – ‘жердь’*: Въздвигнуша ея на поровахъ (ἤραν αὐεττο; *v εεττ αετ* ναφορευσι, УТОЧНИТЬ *tulerunt illud super gestatoria*; в др. сп. на поворахъ, на жердь). *Чис. XIII. 24. по сп. XIV в.*” Здесь явная описка в рукописи (вып. 17: 4), которая отмечена в «Материалах». Другие источники добавляют сюда небольшую группу слов: *гордыхать, запуха, лежесная, мазуканты, околмоватый, парсду, погоры, Полостек, полуднра, порова, похтинется, прочища, пузрался, сдобарить, спеченик, ховраты* и др.

К **седьмой** группе относим случаи, когда сплошной рукописный текст мог быть неверно разделён на слова.

Неволитися в «Материалах» (III, Дополнения: 178) толкуется ‘*совершаться против воли*’: “Неволися ~му слушати мене. *Книг. откр. Авр. 49.*” Автор «СлРЯ XI–XVII вв.» А. Н. Шаламова считает, что “иное, чем в «Материалах», деление текста на слова было подсказано контекстом: неволи ся ему слушати мене, ни язъ же последовахъ деломъ его. (Откр.Авр.) П.отреч. I, 49. XIV в.” [вып. 11: 4]. Частица **-ся** здесь относится к глаголу *слушати*.

К **нешаровный** в «Материалах» (II, 442) дано толкование ‘*не относящийся к внешней красоте*’: “*Красоту телеснѣю на първо досто*”ни~ *Пелагиа славна*”, претворила ~си *нешаровными цвѣтъми. Мин. 1096 г. (окт.) 17.* – Ср. **шаровный**”. Данное как заголовочное, слово оказалось комбинацией частицы *не* и прил. *шаровный* (в греч. οὐχὶ χρομάτων τοῖς ἄνεστιν). [вып. 11: 3].

К **оземный** в «Материалах» (II, 634) толкование дано со знаком вопроса: ‘*загробный*’(?): “*Ѡ б@d@щнхъ оземныхъ микахъ не рожд@.* *Мин.Пут. XI в. 20*”. Авторы «СлРЯ XI–XVII вв.» считают, что слово возникло в результате неправильного словораздела текста Пуятиной Минеи: необходимо выделить второй предлог *о* (о земных муках идёт речь) [см. вып. 12: 4].

Поопыговати, поопытую. В «Материалах» (III, Дополнения: 221) слово дано с толкованием ‘*распытывать, исследовать*’: “*Бола поопыговати. Изб. 1073 г. л. 6.*” Авторы «СлРЯ XI–XVII вв.» считают, что этот “несуществующий глагол” возник вследствие неверного деления текста на слова. *Бола поопыговати* следует читать: *есть во льпо опытовати явь бѣ* – ἐστὶ γοῦν διαλυθῆσθαι σαφῶς τοῦ θεοῦ [вып. 17: 4].

Придеревый. В «Материалах» (II, 1399) слово дано без толкования со знаком вопроса: “Ди”воль придеревый. *Жит.Ниф. XIII в. 24*”. Авторы «СлРЯ XI–XVII вв.» сопоставили это место с греческим оригиналом и сочли, что правильное чтение – *приде ревыи* в соответствии с греч. ἤλαθεν βρύχων. Из-за неверного словоделения образовался псевдогапакс [вып. 19: 3; см. также: Романова, 2000].

В 47 выпуске СРНГ (СПб., 2014) к этой группе можно отнести глагол **Умарехнуться**, *сов.* Сойти с ума (с 175). – Скорее всего, это два слова, хотя ударение на **е** может подтвердить существование в диалекте и этого слова.

Сюда примыкают и другие псевдогапаксы: *благодаровати, вадево, велятся, вигнось, в колицем разе, власт, вотерное, вперевал, врось княжсья, выхлохы, glare, глушенесь ночи, горипни, греч-от, грьдля, Двуносаду, доводь ле, дяка, же львы, житель семь облажен, задьгуменье, Заечь и Миловцы, заправинка, запрека, зарощенье, злыдни, от идол служитель, иззелень, измитя, и ко оному (иконому), испросиста та, итолочь, киперить, кульбоба, кълубриш, листук, маштукъ, Межъскоуемъ, му жа имеса, му жъ твои грамоту, на пакты и арты, напосад, на стругу, нолна и Дикирь и Пигъ, норазно одалица, опачей реку, песнѣ-место, песнѣмугол, подкурахом, пожилки, предиликсть, пряхъ, псипак, пятетем, скленицавина, съдгътеля гоп, теча, трусченко, туестью, тутичь, тымнети, уличенье, усто, Утече и Миловцы, у тыню, чездря, за Янов город и др.*

В **восьмую** группу можно включить случаи неверного соотношения формы слова, употреблённой в предложении, с начальной формой, что приводит к появлению в словаре либо омонима, либо нового значения уже известного слова.

Неждь в «Материалах» (II, 382) дано с толкованием ‘сукровица, материя’ со знаком вопроса: “Идуци же изъ нея (из раны) нежди смертныи. *Соф. вр. 1534 г. (т. II, 326)*. – Ср. **неждь**”. Это результат неверного прочтения текста издателями Софийского временника: **нежд** с выносным **д** было прочитано как форма дательного падежа **нежди** [вып. 11: 3].

Охождати. В «Материалах» (II, 838) дана ещё форма “**охожда**и – *вм.* отъхождати ‘отходить’: **И та въдова, до осмидес#тъ и четырь лѣтъ "же не охощаше отъ цркъве (ἀφίστατο). Лук. II.37. Остр. ев.**” Авторы Словаря считают, что имперфектная форма **охождааше** в примере из Остромирова евангелия 1056–1057 гг. должна быть отнесена к инфинитиву **оходити** [вып. 14: 4].

Порос#. В «Материалах» (II, 1214) слово во втором значении дано с толкованием ‘стенобитное орудие’: “Акы поросями разбиени (ἐξ ὀργάνου, vi machinae) – *Io. Флав. В. Иуд. V. 2. 5*”. Авторы «СлРЯ XI–XVII вв.» нашли, что это слово нужно читать как **порочами** (Фла-

вий. Полон. Иерус. II, 72. XV в. ~ XI в.), а начальную форму следует восстановить как **порокъ** [вып. 17: 4]. Очевидно, слово **порося** как название стенобитного орудия не функционировало в языке, следовательно, это слово – псевдогапакс.

К этой группе можно отнести такие слова, как *ножичимы, оружити, отженити, навише, пятишина* и др.

Деформироваться слово может ещё и оттого (**девятая** группа), что при переводе с иноязычного оригинала одно слово иноязычной рукописи было принято за другое. Так, в 17 выпуск не попало слово **посринути**: “Разделенная же и яко близъ сложения, рекше воинство, чинъ, отечество, ликъ; при чювьственныхъ же съединение, животно, древо, миръ; раздѣление же посринути, стадо, людей множество, съсыпание, ликъ”. (Дионисий Ареопаг.) ВМЧ, Окт. 1–3, 441. XVI в. ~ XV в. В источнике этот глагол «появился, видимо, в результате неправильного прочтения переводчиками греческого оригинала: *κατὰ σορεῖαν* ‘по наличию составных элементов’ понято как глагол *катаσορεβεῖν* ‘нагромождать, накапливать’» [вып. 17: 4–5].

Так, в 20 выпуск не включено слово **притружатися**: “Посла же (Феофил епистолию) и къ блаженному Епифанию епископу град(а) Константина, притружаяся къ мужу тому святому [правившему церковью 36 лет), его же преже яко еретика имѣаше”. (Ж.Ио.Злат.) ВМЧ, Ноябрь, 13–15, 1012. XVI в. ~ XV в. В древнейшем сербском списке «Жития Иоанна Златоуста» XIV в. имеется глагол “*придружатися*, что соответствует греческому оригиналу *σπένδεται δὴ τὴν... φιλίαν* (ср.: E. Hansack. Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung. Bd. 3. – Freiburg I. Br., 1984. – S. 196).” [вып. 20: 3].

В 25 выпуск не вошли два слова, зафиксированные в Картотеке ДРС из Великих Миней Четиих, но выявленные авторами и редакторами как неверные. В отрывке из Миней читаем: “Сущее: 1. Еже премудрый не разумѣвъ, подражаетъ подвижникъ неискусопобѣдники, иже многаши немощныя быти супротивъ подвижники, непщеваше, по мьнимомъ имъ, и къ несущимъ тѣмъ мужественъ снератующе, и въздухъ суетными ранами благодерзостнѣ биюще, непщуютъ супротивоборники самыя удержати, и пропобѣдають (=проповѣдають) себе ниже видѣвше онѣхъ силу”. (Д.Ареопаг. О бож.им.) ВМЧ, Окт. 1–3, 564. XVI в. ~ XV в. Здесь неверным оказалось слово **снератующе**. В результате исследования лексикографов выяснилось, что “на алфавитном месте **сне-** в Картотеке оказалось написанное в источнике с пропуском буквы слово *сньнератовати*, передающее греч. *σκιαμαχέω* ‘сражаться с тенью, бороться впустую, вести ненужный спор’ [вып. 25: 5]”. В Картотеку ДРС внесли, переписав на карточку, то слово, которое

нашли в издании Великих Миней Четиих (СПб., 1870), не снабжённом списком опечаток.

В десятую группу можно отнести псевдогапаксы как результат типографского брака, возникшего при наборе или вёрстке текста. Так, в «Житии Стефана Пермского» на стр. 34 читаем:

“Да стадо Хѣо ты
астет и умножаетс# по вс# дни, а невѣрных стадо умагы
рливаетс#, и оубываетъ и ускудѣваетъ. И тако помагающе
ты Бгѣу блгвола#щѣу ж и дѣйствиющеу, дроугою постави
цркъвь ты. Ж.Стеф.Перм.Епиф., 34. XV–XVI вв. ~ XV в. Здесь три псевдогапакса: **астет**, **умаурливается** и **помагающе**. Видимо, при печати сдвинулся набранный текст. К слову **астет**, помещённому в начале строки, должна быть присоединена буква **р**, попавшая в начало следующей строки в слово **умау|рливается**. А вторая буква **у** в этом слове, помещённая в конце строки, должна быть присоединена к концу слова **помагающе**, находящемуся в конце следующей строки. Таким образом, получаем три известных в русском языке слова *растет*, *умаливается* и причастие в дательном падеже *помагающеу*.

Ещё одна группа псевдогапаксов (**одинадцатая**) образуется от неправильного чтения и понимания не одного слова, а фрагмента текста, содержащего два или более слов: *быка Сторохани кочевали, гунужинкан, за дивьяном, кеиматор, конѣм шурмовал, тимы тынье уские, почернее тела, рабаця, слаца, смутеникам не верить, сполутче, двор суслени* и др.

Возникает вопрос: почему так много псевдогапаксов именно в «Материалах» И. И. Срезневского? Ответ содержится в его «Записке», представленной в Отделение русского языка и словесности Академии наук вместе с рукописью начала словаря. В ней он пишет, что хочет составить словарь, “который сообщил бы понятие об образованности, о жизни и характере народа”, о его “внимании к собственной мысли... желании выражаться как можно яснее”. Всякое слово, как считает И. И. Срезневский, “есть представитель вещи, или осязаемой, или вещи, умом представляемой, умственного предмета”. В словах отражена жизнь народа, нравственная и интеллектуальная. Поэтому, по его мнению, нужно обращать внимание на такие места “в памятниках, которые содержат все оттенки различных значений этих слов”. “Из всего этого видно, – пишет он далее, – что нельзя составлять словаря русского языка только народного, а нужно вместе с тем составлять и словарь книжного языка – следовательно, всех слов, которые можно проследить в памятниках” [Материалы, с. IV–VI]. Встречая в источниках слова, ошибочные с его точки зрения, И. И. Срезневский всё равно вносил их в словарь со знаком вопроса, иногда без толкования. Види-

мо, он считал, что дальнейшие разыскания исследователей могли бы прояснить, были такие слова в языке или нет. А тогда для него важен был сам факт фиксации слова. Отношение И. И. Срезневского к неясным по форме и семантике словам – это забота о будущих исследователях, чтобы они не проделывали тех разысканий, которые сделал он, а шли дальше в своих поисках. Это есть один из путей осмысления и лексикографического отражения всего корпуса древнерусской лексики, зафиксированной в источниках.

13. Причины появления псевдогапаксов и пути их устранения

Отсутствие филологически достоверного описания источников, предназначенных для формирования словарной картотеки, является причиной значительного влияния субъективного фактора на её лексическую содержательность.

Как не вспомнить сожаление Б. А. Ларина о том, что источники Картотеки ДРС не изучены в филологическом отношении на предмет их достоверности, которое он высказывал при начале её формирования в 1936 г. в «Проекте древнерусского словаря»: “Учесть итоги филологической разработки текстов так же необходимо, как и достижения исторической критики для верного понимания их смысла. Но лексикологи не могут брать на себя все эти задачи по отношению к неисследованным и текстологически необработанным текстам. Некоторые рукописи будут использованы в «сыром» виде – и в этом уж не наша вина, а наша беда, – таково состояние всего комплекса общественных наук на феодальном участке. Мы не считаем более правильным вовсе отказаться от использования текстов, неразработанных филологически и исторически” [Ларин 1936: 44–45].

Работая с материалами, входящими в корпус Картотеки ДРС (основной базы «СлРЯ XI–XVII вв.»), авторы встречаются со словами, вызывающими сомнения в их достоверности. При тщательных разысканиях, когда авторы вынуждены изучать отдельные источники со стороны их лингвистической содержательности и информационности, выясняется, что нередко в них обнаруживаются псевдогапаксы.

Один из них внесён в «Словарь церковно-славянского языка» (СПб., 1858) А. Х. Востоковым. Уверенность в правильности чтения рукописного текста позволила ему увидеть в тексте одного из Прологов слово, которого не было в языке: “**наѣдние** ‘действие наевшегося’. Прол. янв. 20: не имаѣ токмо съ наѣдние десяти мужемъ” [Вост. I: 236]. От этого слова авторам «СлРЯ XI–XVII вв.» пришлось отказаться, хотя Словарь А.Х. Востокова входит в число его источников с

шифром **Вост. I–II**. Наши разыскания показали, что Пролог 1431 г. – источник словаря А. Х. Востокова – не зарегистрирован в каталогах ни в РНБ, ни в РГБ. Приводим чтение соответствующего места по Прологу 1432 г. (дата, близкая к указанной Востоковым): “он же речѣ не имам но | токмо съна"день~м I мужь и | где возму пищу на селикъ народъ” [РНБ, Ф.п.I.48, л. 195]. В чтениях на 20 января в других Прологах в этом предложении употребляются слова **снѣдение**, **снабжение**. После просмотра ряда Прологов представляется вероятным, что А. Х. Востоков встретился с этим словом в рукописи Пролога 1481 г. [РНБ, Ф.п.I.311, л. 443], где между **съ** и **наѣдение** проходит граница строки: “он же рече | не имамъ токмо съ|на"деніе дес#ти моужь и кдѣ возми | хлѣбъ на селико наро|да”. Предполагаем, что ошибочно была напечатана дата Пролога из И.П. б-ки, которую А.Х. Востоков указал в списке источников, – 1431 г. вместо 1481 г. Возможно, поэтому **съ** в его Словаре выступает как самостоятельное слово – предлог. Читая не разделённый на слова текст XV в., легко связать начало строки с началом новой лексемы. Снятие слова **наѣдение** из выпуска «СлРЯ XI–XVII вв.» представляется обоснованным (сомнения возникли у автора этого словарного отрезка О. И. Смирновой). Но о самом слове, о путях, приведших к признанию его псевдогапаксом, ничего не сказано в Предисловии к 10-му выпуску, так что лексиколог, который встретит это слово у А. Х. Востокова и не найдёт его на соответствующем месте в «СлРЯ XI–XVII вв.», в дальнейшем будет вынужден проделать своё разыскание. В связи с этим возникает вопрос: правомерно ли историческому словарю отказываться от подобных слов, когда они уже попали в публикации и другие словари. Нужно, видимо, их фиксировать в словаре с необходимыми пояснениями на соответствующем алфавитном месте, хотя в настоящее время они поясняются в Предисловии к каждому выпуску.

Одной из причин появления псевдогапаксов является неверное чтение букв рукописи, что отражается как в изданиях рукописных памятников (промежуточных источниках), так и в процессе формирования такого вторичного источника, как картотека. В число источников Картотеки ДРС включено более 500 рукописей, из которых в 30-х годах XX в. производились выписки. Недостаточный опыт выборщиков и отсутствие теоретических разработок лингвистического источниковедения, на которые они могли бы опереться, приводили к ошибочным чтениям рукописного текста и перенесению этих ошибок на карточки. Изучение лингвистической содержательности и информационности источника, в котором обнаружено неясное слово, вызывающее сомнение у авторов Словаря, чаще всего даёт ответ на вопрос о существовании слова или его ошибочности. Так, в учётной книге, касающейся

монастырских земельных владений, слово **распахивать** могло употребляться. Сомнение вызвала буква **ш** в нём и единственная фиксация. Оно зафиксировано в материалах, представленных выборщиком И. М. Калининым и вынесено в заголовок карточки в 1934 г. (тогда в Картотеку ДРС поступило более 2000 его выписок из рукописей Онежского Крестного монастыря) с такой цитатой: “Тимошке Евтихиеву велено за рекою против Подтабалской деревни подсеку распахивать без оброку на 5 лет”. Сокращённое обозначение источника, данное на карточке (А.О.Кн.власт.ук. 1688 г.), можно расшифровать, опираясь на опись фонда, так: “Архив Онежского Крестного монастыря. Книга властелинским указам 1688 г.” Как видим, отсылка глухая, не указан точный «адрес» цитаты – нет номера единицы хранения, не обозначен лист. В РГАДА, где теперь хранится этот фонд, названия книг в описи не всегда совпадают с обозначениями единиц хранения, указанными И. М. Калининым на карточках, но иногда помогают догадаться, где можно найти вызвавшую сомнение цитату по году записи или по названию источника. За 1688 г. среди множества хозяйственных книг Онежского Крестного монастыря «Книга властелинским указам» – единственная. Она написана скорописью на 12 листах четырьмя почерками. На л. 12 обнаружилась эта цитата: “Тимошкѣ Евтихиеву велено за рекою против Продтабалнои дрвни подсѣку роспахиват<ь> без оброку на пят<ь> летъ” [ф. 1195, оп. 1, ед. хр. 387, л. 12]. Слово **роспахиват** с выносным *т* на конце в рукописи написано чётко, его может прочитать человек, и не знакомый со скорописью XVII в. В журнале «Palaeoslavica» (1998, т. VI) эта книга опубликована по рукописи. Из «СлРЯ XI–XVII вв.» слово **распахивати** было изъято на стадии подготовки выпуска.

Из-за отсутствия точного «адреса» цитаты на карточке долог и неясен бывает путь к разысканию местонахождения слова, вызвавшего сомнение лексикографа-историка, которого всегдастораживает единственная фиксация лексемы. Иногда при работе с текстами, написанными скорописью XVII в., выборщики не замечают букв, относящихся к вышедшим из употребления или малоизвестным словам.

Ещё одно слово, из числа выписанных тем же выборщиком И. М. Калининым, не вошло в Словарь. В Картотеке ДРС есть единственная цитата на слово **споловье**: “В Каменеу дрѣвню и на споловье дано 41 четверть ячменя”. А.О. П-Р-К. Б.Д. 1670 г. В РГАДА в том же фонде за 1670 год имеется 27 книг, в которых могла бы содержаться эта цитата. Выбираем по описи только приходо-расходные книги, относящиеся к Белому Двору (как подсказывают буквы П-Р-К. Б.Д. в выходных данных карточки), т. е. непосредственно к хозяйству самого монастыря, и оставляем в стороне книги принадлежащих монастырю

деревень и подвластных ему других монастырей. Книг Белого Двора пять. В одной речь идёт только о выдаче монастырского “борошня” (вещей), в другой переписаны крестьяне по дворам, в третью внесены денежные расходы, ассигнованные на устройство монастыря и на монастырское имущество (на одежду, обувь, посуду, починку амбаров, инвентаря и др.), а в четвёртой наряду с денежными выдачами есть сведения и о выдаче зерна на посев. Она имеет архивное название: «Приходо-расходные книги (денежные и материальные) службы монастырского Белого двора в Устье Онежском в период управления приказчика старца Афонасия. 30 октября 1669 г. – октябрь 1670 г. На 85 листах». Здесь на л. 34–34 об. нашлась указанная цитата. Только слово в ней другое: “**Старци Юсию в Каменеви дръвно і на исполовьє дано сорокъ полгоры тыгы четверти ячмени да двѣ четверти овса**”. Арх.Он., № 159, л. 34–34 об. Поиск привёл к тому, что слово **споловьє** было изъято из текста Словаря – оно в форме **исполовьє** с другими цитатами-иллюстрациями уже было помещено на букву “И” в 6-м выпуске. В Картотеке ДРС к карточке И. М. Калинина теперь добавлена верная цитата с указанием её точного места в рукописи.

Отметим случай, когда начальная буква **и**, написанная с выходом в нижнее междустрочие в слове **испод**, была не замечена тем же выборщиком: “Треух лазеревого сукна спод лапчатой лисей”. Нам удалось разыскать эту цитату в двух книгах: в книге № 87 (л. 6 об.) и в книге № 88 (л. 8), написанных в 1665 году. Это же слово искажено и в публикации А. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.»: Шапка сукно тьмо зелено **сьисподь** с пухом. Д.холоп., 388. 1627 г. – В рукописи: Шапка сукно тмозеленое испод с пухом [РГАДА, ф. 396 оп. 25, стб. 40317, л. 3]. В слове **тмозеленое** конечное **е** принято за **с**. Слова **сьисподь** и **сподь** из очередного выпуска Словаря были сняты.

Как видим, слова **распашивать**, **споловьє**, **сподь**, **сьисподь** возникли в процессе формирования по рукописи карточек для будущего словаря, то есть создавался вторичный источник (картотека) на основе выдержек из первичного, на которые повлиял субъективный фактор: недостаточное внимание выборщика к тексту рукописи.

Аналогичен случай со снятием из очередного выпуска Словаря слова **суглина**, которое тоже обнаружилось в выписке из рукописи: “Веревка суглина подолнишной пряжы”. Цитата взята из расходной книги № 108 Холмогорского архиерейского дома 1696 г., хранящейся в архиве Института истории (Санкт-Петербург). Здесь оставалось только проверить по рукописи, верно ли была сделана выписка, так как в карточке был указан номер листа (л. 94). На первый взгляд, сочетание буквы **с** и последующей буквы **и** (ук) в слове **суглина** нужно было чи-

тать именно так. Изучение лингвистической информационности рукописи показало, что сочетание букв **б** и **и** в неоднократно встречающемся слове *обувь* в книге написано точно также, как и в *суглина*. Сомнения разрешились: слово *буглина* ‘снасть для оттяжки парусов’ уже отражено в первом выпуске «СлРЯ XI–XVII вв.» (с. 344). В Словаре Н. А. Смирнова, помещённом в его работе 1910 г. «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху», отмечено заимствованное из голландского языка слово “**Булинь** *boeluy* – булинь, веревка для вытягивания наветренной стороны паруса к ветру. Морск. Кн. Устав. Морск., с. 870” [Лекс.вокаб нов., 68. Нач. XVIII в.].

Ещё один случай свидетельствует о том, что неверное чтение букв рукописи искажает слово в издании. За пределами основного корпуса «СлРЯ XI–XVII вв.» останется слово *уйтерпети* с толкованием: *Терпеть; испытывать чье-л. терпение, (не) вытерпеть; выждать*: И вида... что хотят они (турки) насъ за тѣмъ своимъ миромъ и за послами своими искусить, и, не уйтерпя мы, холопи твои, их лукавству, для подлинныхъ мы языковъ подъ Азовомъ къ нимъ казаковъ своихъ конныхъ степью посылали. Дон.д. II, 524. 1644 г.

Слово представлено в публикации «Приезд в Москву атамана...» в 1644 г., опубликованном в Русской исторической библиотеке «Донские дела» (СПб., 1898, т. 18). Проверка по рукописи [РГАДА, ф. 111, Донские дела, оп. 1, 1644 г. дело № 5, л. 1] показала, что слово *уйтерпя* написано с начальным **и** (ук). У этой буквы (писец дал её похожей на греческую гамму) от правого крыла отходит вниз росчерк, который можно было принять за **и** десятиричное, изображённое как латинское йот (j). Возможно, публикаторы так и восприняли этот росчерк и передали его как **и** краткое (*уй-*). Однако точно с таким же росчерком в букве **и** строкой выше написано слово *умышление*, а ещё выше на том же листе так же написано слово *украина*. В этих словах публикаторы после **у** не напечатали **й**. Значит, и слово *уйтерпя* следует читать как *утерпя*, без **и** краткого после первой буквы. Перед нами – особенность почерка писца, индивидуальный способ изображения буквы **и** в абсолютном начале слова, что помогло выявить изучение лингвистической информационности рукописного подлинника.

Так же в начале слова была неверно прочитана омега **ω**, что отразилось в издании. Из челобитной Григория Неронова, опубликованной Н. Субботиным в первом томе «Материалов для истории раскола за первое время его существования» (М., 1874), узнаём, что (как он пишет) «И того ради обличения заточил меня убогова **во стокъ** окяна моря, край Российского государства в монастырь, нарицаемый Кандоложский» (Чел.Неронова) Суб.Мат. I, 237. 1667 г. В подлиннике, хранящемся в Отделе рукописей Государственного Исторического музея,

обнаружилось «въ ѿток моря». Слово **отокъ** находится в начале строки и начинается с омеги – буквы, которую в рукописи невозможно принять за с [ГИМ, Син. грам., ед. хр. 1105, сст. 8]. Опять – влияние субъективного фактора

Нередко псевдогапакс оказывается в печатном издании, в то время как в рукописи употреблено верное слово. В «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки в 1607 и 1621 гг. Выбрал из иностранных военных книг Онисим Михайлов (Радишевский)», опубликованном в 1777 г., читаем: “Всякому жъ воеводѣ свой станъ обороняти, только бѣ **сполутчее** было”. Устав ратных д. I: 126. XVII в. В рукописи, хранящейся в РНБ в Санкт-Петербурге (F.IX.3), на этом месте, как выявилось при нашей проверке, оказалось известное **лутчее** (глава 79). Неверное прочтение слова можно объяснить только условиями работы с рукописью: возможно, было плохое освещение, а неровности бумаги приняты за элементы слова.

Есть издания древних памятников, в которых приводится несколько различных списков одного произведения, содержащих различные варианты слов. Такова публикация А. Д. Григорьева «Повесть об Акире Премудром» (М., 1913). Слово **сестрасиць** оказалось в Картоотеке ДРС при расписывании этого издания: “И семи всеми наоучи азъ Акирь сестрасица своего Анадана”. Пов. об Акире, 103. XV в. ~ XI–XII вв. К этому слову издатель дал примечание, указав, что в другом списке на этом месте читается **сестричича**. Но выборщик сохранил для КДРС это написание одного из списков, возможно, боясь потерять слово и в надежде, что в картоотеке окажутся подобные написания из других источников. Начальная форма в «СлРЯ XI–XVII вв.» приведена как **сестричичь**. В «Материалах» И. И. Срезневского (III, 341–342) представлены слова **сестричичь**, **сестричиць** и **сестричь**.

Нередко к появлению псевдогапаксов приводит неверное деление на слова сплошного рукописного текста при выписке его на карточку или при подготовке к изданию. Так, для Картоотеки ДРС выписана из книги Белого Двора Онежского Крестного монастыря цитата со словом **спожати**: “Служним и бобыльским женам за работу, что они ячень и овес спожали... дано рубль”. (Кн.прих.-расх. Бел.дв.) Арх.Он. 1672 г. Опять здесь глухая отсылка. В идентифицированной нами прихода-расходной книге № 203 на л. 6 находим: ячень и овес с пол жали. Выборщик не заметил выносную букву л в слове **пол** (мы бы написали **с полей**) и неверно разделил рукописный текст на слова.

В КДРС встретилось слово **тайноконечный** в выписке из «Стихиаря месячного на крюковых нотах» XII в., написанного уставом. Проверка по рукописям БАН (34.7.6, л. 108 об.) и РНБ (Q.n.I.15, л. 135 об.) помогла выяснить, что при извлечении цитаты неверно произве-

дён словораздел – здесь не одно, а два слова: “Отъвьръгъся мира. и еже въ мирѣ прѣподовные еуангеліе възъмъ. евангельскы Христу послѣдова. и в кѹци прибывая яко въ раи тинно. коньчныимъ. жестоко пребываніемъ плѣти гүбителя змя повѣдилъ еси”. Здесь намеренно сохранены точки, встречающиеся в древнем тексте: они указывают на смысловые отрезки, которые имел в виду переписчик. Выборщиком же был неверно разделён на слова рукописный текст.

Публикация В. А. Борисова 1853 г. «Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей», осуществлённая по орфографии XIX в., ввела в заблуждение известного исследователя старинных деловых памятников проф. Г. В. Судакова. Говоря о богатстве и разнообразии лексической содержательности таких источников, как отписки и челобитные с мест, он пишет в книге «Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика)»: «Отписки и челобитные, поступающие снизу к властям, отличались формой документа, свободным употреблением языковых средств в основной части текста. См. уникальный пример употребления уменьшительного образования *трусченко* (от *труссы*) в сказке 1649 г. из Шуи: Платъе на немъ кафтанишко сермяжное смуро худенько, а рубашенко да порты да штанишки серые, онучишки серые худые ж, на трусченко поясенко жиченые, лаптей и креста на нем нет (Борисов 1853: 115). Время предполагаемого заимствования слова *труссы* из английского языка не известно, в картотеке ДРС представлен наш пример» [Судаков 1978: 11]. Рассуждение и выводы из приведённого текста опровергаются самим автором, который здесь же дал отдельную вклейку: “Дополнение к стр. 11: Можно предложить иное, нежели у издателя, словоделение в примере из шуйской сказки 1649 года, а именно: *натрусченко* поясенко жиченые” [там же].

В данном случае исследователь своевременно указал на другое возможное деление на слова сплошного скорописного текста шуйского документа. *Поясенко* и *натрусченко* – суффиксальные образования от *пояс* и *натруска*. В «СлРЯ XI–XVII вв.» (вып. 10) есть *натруска*, *натрусник*, *натрусок*, *натрусток*, *натрушница* (*пороховая*) с одинаковым значением: ‘небольшая пороховница для хранения и насыпания на полку затравочного пороха’. Закономерно было бы здесь и уменьшительно-уничтожительное *натрусченко*, которое, к сожалению, осталось за пределами Словаря. Картотеке ДРС пришлось отказаться от слова *трусченко*.

С большими трудностями разрешается вопрос о делении на слова скорописных текстов, содержащих выносные буквы, когда писцы при быстром письме одним и тем же начерком могут обозначать разные буквы. Очень часто выносные л, м, н, с, ч, т, а также и, у изобра-

жаются почти одинаково в верхнем междустрочии, иногда – в словах под титлом. И только сопоставление изображений их в различных словах может привести к правильному чтению. В Картотеке ДРС встретилась карточка с цитатой: “**Пришел тот Дружина ко племяннику моему Алеше на дворъ и почал на дворъ нахвално того племянника моего Алешу тут бранит и с повѣти почал в него ослопьемъ бросати и вилами стожными утымо на укол шивати**”. Коллекция Зинченко, № 34, сст. 1. 1633 г. Кто-то карандашом разделил в карточке слово на **у** и **тыню** и поставил над словом вопросительный знак, а карточка с цитатой оказалась в алфавитном отрезке на букву “Т” среди материалов на слово *тынъ*. При сверке с рукописью в архиве Института истории РАН (Санкт-Петербург) оказалось, что выносная буква в выделенном слове написана так, что её можно прочесть как **н**, **л**, или **ч**. Изучение лингвистической информативности источника, в частности, особенностей почерка писца, показало, что слово скорее можно прочесть как **утыч(ь)ю**, потому что выносные буквы в словах **явочку**, **Федорович** написаны аналогично. Материалы картотеки «Словаря русских народных говоров» зафиксировали наречие **утычью** в уральских, зауральских, вологодских, северодвинских местах в значении: ‘стоймя’, ‘горчком, перпендикулярно’. Приведены краткие тексты, записанные и в городе Кургане: “Ставь доски-те утычью. – Дак ведь заноза-та утычью воткнулась, не скоро достанешь.” В «Опыте областного словаря» 1852 г. читаем: “**Утычью**, нар. Концом прямо, а не съ боку, невоскь. Волог. *Никол.*” (Опыт: 242). Это же слово есть и в недавно опубликованном Словаре Дилакторского (2008 г.: 532) со ссылкой на «Опыт областного словаря».

В настоящее время, когда обострено внимание историков-лексикографов к такому явлению, как псевдогапаксы, и появилась возможность предварительной проверки по первичным источникам, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» уже не попадают некоторые слова, представляющие единственную фиксацию в издании рукописи и вызывающие сомнение в их достоверности: они получают отражение в Предисловии к каждому выпуску.

Из 28 выпуска «Словаря русского языка XI–XVII вв.» пришлось исключить слово **струинный**: “Дороги цвѣтныя, сруинныя, другия полосатыя”, встретившееся в «Росписи всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова...» 1655–1659 гг. [Чтения ОИДР, 1887, кн. 3: 148]. В публикации не было указано ни номера фонда, ни номера дела, ни листа, т. е. не было элемента издания, которое получило название «легенда» С помощью сотрудника А. И. Гамаюнова, высказавшего предположение относительно фонда, в котором может храниться подлинник, была найдена руко-

пись. При нашем фронтальном чтении книги было обнаружено, что *дороги* определены в ней как *струистые* [РГАДА, ф. 141 Приказные дела старых лет, оп. 3, ед. хр. 108: 313]. Издатели неверно прочитали сочетания под титлом двух выносных букв *с* и *т*.

Псевдогапакс *таша* зафиксировано в Расспросных речах волуйского станичника Ивана Савина: “Донские казаки... посыланы были х калмытцкимъ ташам”. Дон.д. V, 7. 1655 г. Проверка по рукописи показала, что в слове *таишам* (дат. множ. от *тайша*) не замечено было выносное *и* [РГАДА, ф. 111, оп. 1, ед. хр. 1: 5].

При работе с рукописным текстом особого внимания требует положение слова в строке. Так, в полууставе и скорописи на конце строки при отсутствии знака переноса слова могут не только утрачивать буквы и слоги, но и употребляться с наращением по типу *ответьет*, *пожаывал* или *ответывает*, *пожаыжаловал*. Ср.: различает иночечество и срьдобольство рассыпает – Палея Толк.²: 170. 1477 г. ~ XIII в.; к сумаымам гсдрвым – РГАДА, ф. 214 Сибирский приказ, оп. 1, ед.хр. 26: 376 об. 1632 г.; отцу ево Олешкину Семечымену – ф. 137, оп.1 Боярские и городовые книги. Устюг, ед. хр. 10: 150 об.; тому их дозоыызору – там же: 150 об.||151. Отметим повторение слова на границе строки: “Призъывавъ Ибъ оба на дес#те ты оученика сво” и наычатъ я сълати два ты два и да"ше имъ власть ты на доусъхъ нечистыныхъ” – (Марк. VI, 7) Мст.ев., 264. До 1117 г..

В изданиях, выполненных по лингвистическим правилам, всегда обозначается не только конец страницы (двумя вертикалями), но и конец строки (одной вертикальной чертой). О своеобразии положения слова или слога в конце строки в древнерусских рукописях и о лингвистических выводах, сделанных на основании многолетних наблюдений (например, о слоговых плавных *р* и *л*), писала В. С. Гольшенко в статье “Конец строки и приёмы его маркирования в раннем восточнославянском письме” в сборнике статей «Лингвистическое источниковедение и история русского языка» [Гольшенко 2000: 9–25].

Особого внимания требует чтение букв, находящихся в конце строк скорописных текстов: буква может искажаться из-за того, что писцу не хватило строки. Напомним случай, когда неверное чтение буквы в конце строки привело к появлению псевдогапакса в публикации. Из 28 выпуска «СлРЯ XI–XVII вв.» пришлось снять глагол **стреговать**. Начальная форма его установлена по форме настоящего времени **стрегует**, которая извлечена из публикации Н. П. Сильванского «Акты о посадских людях закладчиках» [ЛЗАК за 1909 год. – Вып. 22. – СПб., 1910]: “Елфимко Осиповъ, на Ямской улице, посадкой человекъ въ тяглѣ написанъ, а сказываетца въ ямщикахъ, а въ ямщикахъ

ево нѣтъ, племя у него въ ямщикахъ и **стереуеть** ево у себя”. А.закл., 148. 1642 г. Издатель указал лист рукописи (л. 30) и источник: «Дело Архива Оружейной палаты, 151 г<ода> № 13 на 495 листах. Под № 30 на стр. 135–255 напечатаны из этого дела л.л. 1–171, 228–291, 406–427» (А.закл., 255). С помощью заведующего хранилищем поместных и дворцовых фондов РГАДА Антонова А. В. удалось найти номер дела по новой описи этого фонда [ф. 396, оп. 1, ч. 27, ед. хр. 41766]. В рукописи употреблён известный глагол **стеречь** в настоящем времени **стерегут**. Публикатор не обратил внимания на особенности передачи буквосочетания **сте** в конце строки: **стегырегут ево у себя**. **Сте** написано так, что издатель не заметил **е** в конце строки, посчитал его элементом буквы **т**. Конечное **т** в слове **стерегут** – выносное, написано над буквой **у** и началом следующего слова **ево**, над буквой **е**. Кстати, если публикатор прочитал текст как **стереует его**, то мог бы заметить, что в рукописи не хватает одной буквы **е**, которая должна бы стоять после конечной буквы **т**, начиная слово **его**.

Иногда неверное деление текста на слова или использование испорченного места рукописи приводит к нарушению хронологии появления слова в языке, а именно – к удревнению. Так, “существительное **разь**, заявленное в «Материалах» (И. И. Срезневского – Л.А.) для двух текстов раннего периода, – пишет А. Н. Шаламова, – оказалось в одном случае продуктом неправильного словоделения (**в колницѣм разьѣ** вм. **в колницѣ мразьѣ**), в другом – результатом использования испорченного места источника: в ряде более поздних списков Богословия Иоанна экзарха читается **с(ъ)разумѣша**, в сп. XII–XIII вв. **сьразурѣша**, причём ни одно из этих чтений не соответствует греческому (см.: Ио.екз.Бог.¹, II, 46)” – СлРЯ XI–XVII вв., вып. 21: 4. Ещё один пример со словом **разь** взят И. И. Срезневским из «Жалованной грамоты 1388 г. вел. кн. Александра-Витовта литовским евреям», помещённой в «Актах, относящихся к истории Западной России», – источнике, содержащем западнорусские тексты и ограниченно используемом в Словаре. Следовательно, слово **разь** в русском языке зафиксировано в последней четверти XVII в. (1688 г., 1699 г.), как об этом свидетельствуют материалы картотеки «СлРЯ XI–XVII вв.» (вып. 21: 134).

Приведём примеры неверного прочтения фрагментов текста, которые способствовали появлению в изданиях псевдогапаксов, порой очень похожих на верные слова.

В публикации «Дело о патриархе Никоне» (СПб., 1897) есть «Сказка по допросу думного дворянина Ордина-Нащокина, дополнительная, о речах с Никитою Зюзиным» от 23 дек. 1664 г., в которой читаем: “он Ѧфонасей емѹ Никитѣ сказывалъ ли, что отъ великаго

государя на патриарха гнѣву нѣтъ, и что къ нему великому государю приѣзжалъ отъ патриарха Воскресенского монастыря архимаритъ и билъ челомъ со слезами, чтобъ смутеникамъ не вѣришь, и что великий государь ему архимаритѣ сказалъ, что ево государева гнѣву на патриарха нѣтъ и смутеникамъ не вѣрять, и что...” Д.патр. Никона: 204. Слово смутеник встретилось ещё раз в аналогичном контексте в этом же памятнике. Других фиксаций этого слова в Картотеке ДРС не оказалось.

Задолго до этого допроса, в 1652 г. было выделено в особое производство и передано в Патриарший приказ судебное дело против Н. Зюзина, который был осуждён за измену и отправлен в ссылку в Казань. В рукописном свитке этого дела, хранящемся в Государственном Историческом музее под № 1064, на сставе № 50 обнаружился следующий текст письма Н. Зюзина: “билъ челом со слезами чтобъ смуте ты никакон не вѣришь и что великий гдѣрь еми архимарити сказалъ ты что ево гдѣрва гнѣву на патриарха ты нѣтъ и смуте никакон не вѣришь”. Слова смутеник не было в русском языке, хотя оно и оказалось в авторитетной публикации. На нашей проверке по рукописи настояла А. Н. Шаламова – автор соответствующего словарного отрезка.

Затруднение вызвало слово *техлавых*: “Лѣта 7035-го году посланы на Романов для денежного збору из Дворца в Борисоглебскую и в Рывную слободу для рывных ловельды и *техлавыхъ* правей Стефан Федоров снѣ Рагазин да кнѣзь Михаил Казловскон”. ДТП II, 52. XVII в. Нужно читать *тягловых* (раскрыл В. Б. Крысько). Слово искажено, возможно, оттого, что ударение было на последнем слоге, и в условиях аканья второй предупредительный слог испытывал сильную редукцию, а звук г произносился как г фрикативное.

Что же помогает обнаруживать и устранять псевдогапаксы? Единственная фиксация в Картотеке ДРС вызывает сомнения в существовании некоторых слов. Важную роль играет лексикографический опыт работы по созданию исторических словарей.

На настоящем этапе развития исторической лексикологии и историколингвистики в русистике лексикограф работает с источниками, которые, если и опубликованы, но не изучены в филологическом аспекте, не говоря уж об их лингвоисторическом описании. Нельзя с уверенностью говорить об их абсолютной достоверности. Поэтому авторы и редакторы исторического словаря, сталкиваясь со словами, вызывающими сомнение в их подлинности, сами становятся лексикологами-исследователями. Автор и редактор 25-го вып. «СлРЯ XI–XVII вв.» Г.Я. Романова в своей статье не только приводит искажённые по

разным причинам слова, но и намечает пути подбора источников для их выявления. Она пишет: “Ошибочное прочтение слова *ствсарство* (СГД V, 29. 1505 г. – СПб., 1894) вм. *цвсарство* удаётся исправить по более точному изданию того же документа в Памятниках дипломатических сношений с Римскою империею (СПб., 1858. Т. 1: 127). Сверка цитат по новым изданиям в значительной степени помогает избежать ошибок в лексикографической работе” [Романова 2000: 227]. Здесь ошибка прозрачна, и более раннее издание помогает восстановить истинное слово.

Историки-исследователи тоже не всегда бывают удовлетворены прежними публикациями, что заставляет их переиздавать уже опубликованные тексты, иногда по тем же самым, а иногда по другим спискам. Поэтому один из путей выявления псевдогапсов и устранения их в очередном выпуске «СлРЯ XI–XVII вв.» Г. Я. Романова видит в проверке по новым переизданиям опубликованных ранее текстов. Так, например, “выражение *сместетя судъ* (АИ I, 98. 1450 г. – СПб., 1841) при сверке с переизданием этой грамоты (АСВР III, 258. – М., 1964) оказывается традиционной формулой *смѣшается судъ* (кому-л., с кем-л.) – о возникновении ситуации *смесного суда*, то есть суда, имеющего в своём составе представителей гражданской и церковной власти” [Романова 2000: 227].

Другой путь, более сложный, требующий «кропотливых изысканий», приходится проделывать лексикографу-историку при исследовании неправильных прочтений в текстах непереизданных документов. “Здесь, – пишет Г. Я. Романова, – может помочь сравнение разных текстов, относящихся к одной и той же территории. Так, в издании Жалованной несудимой грамоты Ладожскому Васильеву монастырю дважды встречается выражение **тоня скитейная**, которое не может быть удовлетворительно истолковано: На новой сѣчи, противъ березы, полтони скитейная... да на усть Волхова пожни Олгина, тоня скитейная. АИ III, 200. 1624 г. Обращение к более раннему документу, относящемуся к этому же монастырю, проясняет ситуацию: **Угодья водяные въ моухъ книгахъ подлинныхъ написаны Васильевскому монастырю на Волховѣ рѣки полтони зимная... да на Новосѣчи противъ березы полтони снитейная**. ААЭ III, 157. 1620 г. (СПб., 1836). Сочетание *снитейная тоня* может быть вполне удовлетворительно потолковано как ‘рыбное угодье для ловли снетков’... Привлечение более позднего документа” этого же монастыря подтверждает правоту автора: в нём дважды встречается словосочетание **полтони снтѣйная** [Романова 2000: 227–228].

Нередко обращение к двум публикациям, в которых помещён текст одного и того же рукописного подлинника, не даёт правильного ответа относительно сомнительного слова.

В результате проверки по архивным подлинникам из корпуса очередного выпуска Словаря были исключены такие слова, как **пьявство**, зафиксированное в источнике «Слово и дело государево» (Сл. и д. II: 26) и **пятелька** из «Записных вносных книг большому государеву наряду» (Кн.гос.нар.: 103. 1644 г.), “в которых соответственно оказались (при сверке с рукописью) несуществующие слова **пьявство** (вм. *пьянство*) и **пятелька** (вм. *петелька*)” [вып. 21: 6; Шаламова 1996: 38]. Здесь причиной появления псевдогапаксов стали опечатки публикации. Проверка оказалась возможной, т. к. в издании указаны точные «адреса» рукописей. Далее А. Н. Шаламова замечает: “Неправильные чтения встречаются и в изданиях, признаваемых весьма авторитетными. Так, обстоит дело с СГГД и Дух. и дог.гр., причём ошибки первого из этих изданий воспроизводятся во втором. Это прояснённое уже в 20-е годы нашего столетия неверное чтение СГГД **попьямь** [в Дух. и дог.гр. **п(о)пьямь**] вм. *п(и)с(ку)пьямь* в духовной грамоте Ивана Калиты (об этом случае писал Унбегаун в 1935 г.) и загадочное **пятетемь** (СГГД I, 135, без конечного **ь** – Дух. и дог.гр., 119), которое, по мнению авторитетного историка В. А. Кучкина, следует интерпретировать как *пять темь*” [Шаламова 1996: 38].

Слово **пятетемь** попало в Картотеку ДРС из публикации 1813 г. «Собрание государственных грамот и договоров»: “А въ прадѣдину нашу и въ дѣдину и въ отчину въ Суздаль, въ Новгородъ, въ Городецъ, и въ Вятку, и во всю **пятетемь** Новгородскую тобѣ господину нашему князю Дмитрию Юрьевичю и твоему сыну Ивану не вступатися”. СГГД I, 135. 1446 г. В «Духовных и договорных грамотах» (М; Л., 1950) это же слово дано без конечного **ь** (Дух. и дог.гр.: 119). В грамоте имелась в виду так называемые Новгородские пятины: Бежецкая, Вотская, Деревская, Обонежская и Шелонская. “Предпринятое нами совместно с Л. Ю. Астахиной обращение к рукописи, – пишет А. Н. Шаламова, – показало, что *пять темь* написано без всяких отклонений от нормы: после **т** в числительном стоит **ь**. В копии XV в. **т** выносное, что нисколько не противоречит данным оригинала” [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 21: 6].

Как видим, главным шагом к устранению псевдогапакса является проверка изданного текста по рукописи, если это возможно. Так, при работе над словарным отрезком на букву “Т” были включены в качестве источников «СлРЯ XI–XVII вв.» некоторые новые словари, отражающие местную обиходную лексику, а также записанную иностранцами.

Свидетельства словарей известных авторов, принимаемые в качестве достоверных, особенно в случае единичности фиксации лексемы, могут ввести в заблуждение тех, кто обращается к ним без необходимой критики. Известен случай, когда псевдогапакс “перекочевал” из одного словаря в другой. В вышедшем в 2004 г. первом выпуске «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» встретилось слово **бadyюный**: “Четыре пуда олова бadyюных и в торелях, цена тритцеть два рубли”. Сл.Мангаз., 31. 1634 г. Слово с примером и толкованием (‘прил. к **бadyя**’) взято из «Словаря мангазейских памятников XVII – начала XVIII в.» Н. А. Цомакион (Красноярск, 1971). В этом словаре указан шифр цитаты: Сиб., № 26, л. 411 об. Редакторы «СлРЯ XI–XVII вв.» Г.Я. Романова и М.И. Чернышёва, написавшие рецензию на первый том «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», усомнились в реальности этого слова. Наша проверка по рукописи показала, что в книге № 26 Сибирского приказа на л. 411 об. такой цитаты нет. Фронтальный просмотр этой книги, хранящейся в РГАДА, помог найти запись на л. 426 об.: “Четыре пуда олова блюдных и в торе|лях”. В слове **блюдных** в букве **л** левая наклонная линия, проведённая гусиным пером сверху вниз, имеет ещё и тонкую линию, образовавшую узкий овал тогда, когда писец вёл перо вверх, чтобы из верхней точки опустить правую наклонную. Вероятно, при беглом просмотре эта буква была принята за **а**. Буквы **д** и **х** в этом слове – выносные. Трудности поиска рукописи и проверки по ней в некоторой степени оправдывают доверчивое отношение к печатному тексту «Словаря мангазейских памятников» как к достоверному источнику по лексике середины XVII в., однако сомнение здесь было бы не излишним.

Иногда выявить псевдогапакс в словаре помогает простое логическое сопоставление между собой окружающих его слов. В «Словаре народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века» (Томск, 2001), включённом в число наших источников, встретилось слово **тачаны** (с. 281) со знаком вопроса вместо толкования и со следующим примером: “Со многих гёдрвых ясашных людей он, Пospelка, поминки многие имал соболями, и хвостами, и железом, крищами и таचनाми” (Томск, 1653)”. Источники этого словаря не всегда доступны для того, чтобы можно было проверить данное в нём то или иное слово. Иногда помогает простая догадка, подтверждающая отсутствие слова в языке. В данном примере скорее всего в слове **тачаны** за **ч** была принята буква **г**. Из контекста следует, что речь здесь может идти о **таганах** – приспособлениях, на которые ставят котлы при приготовлении пищи на открытом огне. Если бы в XVII в. были приняты современные знаки препинания, то после слова **железом** нужно было бы

поставить двоеточие, т. к. **крица** – это кусок, слиток металла, в данном случае железа, а **таган** – изделие из железа.

При подготовке первых выпусков «СлРЯ XI–XVII вв.» остро ощущалась, невозможность проверки изданий по рукописям из-за их недоступности, отсутствие навыка работы авторов с рукописными источниками, неумение сопоставить между собой однокоренные слова в целостном объёме корпуса словаря, увидеть их в системе языка, что привело к появлению невероятного толкования невероятного слова (псевдогапакса). Слово **игливый** в Словаре (вып. 6: 78) имеет толкование ‘цвета стальной иглы, светло-голубой’ и сопровождается примером из Русского исторического сборника XV в., описанного И. И. Срезневским в «Сведениях и заметках о неизвестных и малоизвестных памятниках» [Сб. ОРЯС, № 1, 12, 15, 20, 22. – СПб., 1867–1881]: “Море же (сътвори) вльну игливу” (πόντου τε χαροπό οἶδ μα). (Рус.ист.сб.) Свед. и зам. III, 119. XV в. [Заметим, что этот труд И. И. Срезневского – одно из первых лингвистическо-этимологических произведений, которое ввело в научный оборот во второй половине XIX в. многочисленные памятники русской письменности, и сейчас служащие науке). Рядом с этой лексемой в «СлРЯ XI–XVII вв.» даны слова **иглиный (игълиный), иглица, игляный, игъльный**, однокоренные со словом **игла**. Как видим, конечного буквосочетания **-вый** в производных от **игла** нет. Но в том же выпуске есть слова **игреливый, игрливый (игръливый)**, однокоренные со словом **игра**. Думается, вернее было бы предположить, что качество, признак, вид морской волны обозначен в связи с движением, **игрой** воды в море; волна описана скорее как игровая, нежели похожая по цвету на стальную иглу. На стыке двух сонорных одна могла выпасть не только в произношении, но и в передаче слов на письме. Так, например, название реки Нерль в деловых памятниках Владимирского края неоднократно встречалось нам без **р** – **Нель**, а в других написаниях в этом слове буква **р** была выносной, “лежачей”, изображаемой в виде волнистой линии над словом.

Возник псевдогапакс: слова **игливый** (а тем более со значением ‘светло-голубой, цвета стальной иглы’) не было в русском языке. В указанном примере следовало бы прочитать **иг<р>ливый (игреливый, игръливый)**. В нём прилагательное выступает в своём прямом значении – в роли признака предмета в значении ‘игривый, играющий, отражающий игру света на воде’. В Словаре же слово **игръливый** приведено в цитате только в роли существительного со значением ‘участник театрального представления, актёр’: “Яко скомрах<a> украсиша и святительскими ризами, яко игрлива чюжимь лицом, и научиша и, что в

которое время творити”. Флавий.Полон.Иерус. II, 18. XVI в. ~ XI в. [вып. 6: 84].

Опыт работы с большим массивом лексики, возможность встроить в корпус словаря неясные слова и осознать их как принадлежащие к системе русского языка прошлых эпох, а также проверка по рукописям изданных текстов позволяет выявить псевдогапаксы и вовремя устранить их.

В недавно проработанных материалах Картотеки ДРС на букву “У” нами обнаружено слово **укатем**. В Столовом обиходнике Новоспасского монастыря 1648–1649 гг. читаем запись о трапезе в день помяновения Иоанна Предтечи: “Отбѣжимъ, братие, молимъ вы ся, пьянственнаго сего злаго **укатемъ** же воздержимся, постомъ и молитвами оградимся”. (Столов.обих. Новоспасск.м., 107). Можно предположить, что это творительный падеж от какого-то существительного мужского рода *укать* (*укать*) или среднего рода (*укатье*), хотя это предположение никак не оправдывает находящихся перед ним определений в родительном падеже и вряд ли подходит по смыслу. Скорее всего, в публикацию вкралась ошибка.

В рукописи, хранящейся в ОР РГБ, исправлений нет. Оказалось, что издателем неверно разделён на слова сплошной скорописный текст. В древнерусском языке существовало слово **укъ**, которое будет включено в соответствующий выпуск на букву “У”: **УКЪ**, м. *Умение, воля, действие (человека), участь; навык, обычай (?)*. **Не укъмь члвкомъ, Бжи(е)ю блгодатню очищаета недугы члвчскы, славная, сего ради, по дългѹ похваляюще ваю блжимъ** (οὐ τέκνῃ ἀνθρώπινῃ). Мин.ноябрь, 275. 1097 г. В наш язык слово **укъ** вошло в составе таких слов, как *наука, навык, обыкновение, обычай, привычка* и др. В книге «Мудрость Менандра» находим слово **наукъ**: “Наукъ золь исказитъ вещь... Наукъ золь мука есть члкъ”. Менандр, 26. XVI в. Ср. в македонско-русском словаре: ука 1. *ж. разг.* привычка: по ука – по привычке; 2. *ж. разг.* совет, наставление; 3. *ж. разг.* опыт, наука [Кретов 1988: 52].

Следовательно, в цитате из Столового обиходника деление на слова должно быть таким: Отбѣжимъ, братие, молимъ вы ся, пьянственнаго сего [царя Ирода] злаго ука, темъ же воздержимся, постомъ и молитвами оградимся. Становится понятной мысль писавшего, который призывает избежать обычая, привычки («ука») к обильным возлияниям в такие торжественно-грустные праздники.

Большой опыт работы с материалами Картотеки ДРС помог А. Н. Шаламовой обнаружить псевдогапакс в Словоуказателе к Изборнику 1073 г. Будучи автором и редактором 21 выпуска «СлРЯ XI–XVII вв.», она ознакомилась с изданным в 1993 г. в Софии (Болгария)

Словоуказателем уже на стадии выхода выпуска со словарным отрезком **Прочный–Раскидати**. “Однако здесь, – пишет она, – нам пришлось столкнуться со словом-фантомом **пряжь**, ж. В тексте Изборника представлено существительное **подъпряжь**: Скоть же – имъже под-пряжь вражия бы и послушникъ (ὁτὸ ζυγὸν ἦν τοῦ βελίαρ). Изб.Св. 1073 г.², 712” [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 21: 6; Шаламова, 1996: 38].

Особое внимание требуется при работе в текстах, в которых буквенными обозначениями передаются числительные в косвенных падежах. Отметим случай включения в «СлРЯ XI–XVII вв.» псевдогапсов из Указателя слов к «Грамоткам XVII – начала XVIII века» – первого опыта составления словоуказателя к сборнику эпистолярных текстов этого времени. Одно из этих слов – **маштукъ** (вып. 9: 50). Об этом слове выше уже приведена цитата из работы А. Б. Страхова. Но для понимания смысла текста и причин ошибки необходимо привести цитату шире, чем это сделано в Словаре: “писал к Василию Дардину об трубах і от него ко мне въдомости не бывало да пошло і нарошно о буравах і о долотах і напарі і о стругу съ В маштуками к мѣсти твоеи гсѣдръ послат с сею грамоткою не успел”. Грамотки: 197.

Буква В обозначала в древнерусской азбуке число 2 (“дѣва”). Предлог **съ** требует творительного падежа, следовательно, текст нужно прочитать **съ дѣвѣма штуками**. Числительное **дѣва** при существительном женского рода имеет форму **дѣвѣма**. Слово **штука** в форме дательного-творительного падежа двойственного числа выступает с окончанием **-ми** – **штуками**. Количественное обозначение **В** относится к слову **трубы**: о них приказчик писал ранее, но ответа не получил, поэтому вместе с двумя трубами (“штуками”), которые собираются отправить адресант, обещает послать и свой запрос относительно буравов, долот, напарь и струга (см. выше о приведённом в исследовании А. Б. Страхова слове **тьмнети**, которое следует читать как ҃-тъи мнети, т. е. *третий мнети*).

Неразработанность зарубежной топонимики в русском языке не позволила верно прочитать текст Вестей-Курантов, что привело к неправильному словоразделу и появлению псевдогапса в публикации, выполненной лингвистами-источниковедами. Так, слово **пакты**, помещённое в Указателе слов к изданию «Вестей-Курантов» (М., 1983), исчезает при правильном делении на слова сплошного скорописного текста 1649 г. “И от тѣхъ един был болен на **пакты и арты** господинь Галахтионъ и с нимъ послал есми многие грамоты”. Куранты³: 90. Нужно читать: *На<в>пакты и Арты господинь*. Заметим, что издатель-лингвисты Р. В. Бахтурина и В. Г. Демьянов к выделенной нами части текста сделали примечание *Так в ркп.*, которое и насторожило

лексикографов-историков, нашедших-таки объяснение трудному месту текста (данные предоставила О.Б. Страхова).

Важную роль играет тот момент, который С. И. Котков определил как «проникновение науки в материю языка». Человек, который первым прикасается к древнему тексту, должен обладать большими знаниями о древних реалиях, касающихся быта людей, производственных процессов, социальных отношений и пр. Недостаточность знаний авторов в области металлообработки способствовало тому, что в 7-м выпуске «СлРЯ XI–XVII вв.» (М., 1980) оказался глагол **киперити**, данный без толкования в цитате из Тульской переписной книги 1663 г.: “Иноземец Арбут Спрют приказано ему в вертелне, гдѣ стволы сверлят, над работники смотрит<ь> и стволы правит<ь> и сверла **киперит<ь>**”. Архив Гамеля, № 234: 73. Здесь неверно разделён на слова рукописный текст памятника. Нужно читать: **стволы править и сверлаки перить**. Этот пример ещё раз приведён в 14 выпуске «СлРЯ XI–XVII вв.» с верным словом **перити**.

Из рукописи, хранящейся в Архиве Гамеля (Институт истории РАН в Санкт-Петербурге), выписки производились в начале 30-х годов XX в. В 1930 г. в издательстве Академии наук в Ленинграде вышла книга «Крепостная мануфактура в России. Часть I. Тульские и Каширские железные заводы» в серии «Труды Археографической комиссии. Материалы по истории экономического развития России». Текст в этом издании приведён по орфографии XX века, и на стр. 37 находим ту же цитату с правильным словоделением: “стволы править и сверлаки перить”. Но выписки из этой публикации делались гораздо позже, нежели из рукописи, и другими выборщиками.

Выявлению псевдогапаксов способствует оптимальный способ представления рукописи в печати, с параллельным изданием – наборным способом и фототипически. В «Археографическом ежегоднике за 1963 год» напечатана статья А. Л. Хорошкевич «Новые новгородские грамоты XIV–XV вв.». В конце приведён подлинный текст грамоты 1417 г. из Рижского госархива [ф. 2, ящ. 18, № 99]. Автор пишет, что текст “публикуется... в упрощённой транскрипции без славянских букв, с раскрытием титл, внесением выносных букв в строку и с расстановкой соответствующих знаков препинания” [Хорошкевич 1964: 272]. На с. 275–276 воспроизводятся и фототипически два листа грамоты, названной издателем «Обидный список убытков новгородцев». Приводим отрывок из этого документа, данного в наборном виде: “друга нашего покололи с уличеньемъ розбоиника изымали и повегле есме в городъ къ судьи... И ту оу наше дружин[ы] оборвале съ орота съ шесть рублевъ, да взяли три тсивере да триньки да...” (с. 272). В тексте при таком разделении на слова образовалось сразу четыре псев-

догапакса: **уличеньеимъ, орота, тсивере и триньки** Публикуемая в журнале фотокопия этой рукописи – недостаточно чёткая, но изучая её, всё же удалось псевдогапаксы ликвидировать. В ней текст читается так: “**друга нашего покололи сѣличнем и мы розбойника изъымали и повегль есме в городъ къ сѣдн... И тѹ оу наше дружин[ы] оборвалѣ с ворота съ шесть рѹблевѣ, да взяли три киверѣ да три ножи да...**” (с. 275). Заботливое отношение публикатора к способу воспроизведения рукописи, когда вместе с наборным текстом приведена фотокопия, позволило авторам «СлРЯ XI–XVII вв.» исправить ошибки издания.

Особую роль в устранении псевдогапаксов играют примечания, предлагаемые издателями к публикуемым текстам. Они иногда выражают свои сомнения в правильном прочтении рукописных источников, что настораживает лексикографов. И если даны точные сведения о подлинниках, то по ним можно уточнить достоверность лексических данных публикации. Приведём примеры, когда издатели, заметившие неверное написание слов в рукописях, передают их в изданиях, отмечая верное чтение в примечаниях, что, несомненно, повышает достоверность таких промежуточных источников. Усмотрев в рукописи необычное написание слова, издатель указывает в подстрочном примечании своё мнение, а иногда прямо в печатном тексте оставляет ремарку (sic!). Так, в Картоотеке ДРС имеется пример из Великих Миней Четиих: “**По часѣ же нача вѣсть съ кд"твою молити единого брата скопта сѹща, именем Стефана гл" сице**”. ВМЧ, Апр. 22–30, 834. XVI в. В издании к слову **скопта** дано подстрочное примечание: “sic. скопта?”. Здесь правильное слово – **скопец** в родительном падеже.

В писцовой книге Костромского уезда 1593 г. читаем: “А монастырскихъ доходовъ имали въ монастырь съ с<ела> съ Костомы съ живущихъ съ 15 вытей оброку по 20 алт<ын> да за сырьи (sic!) и за масла и за московские дрова съ выти по 5 алт<ын>”. Кн.п.Моск.І, 908. Поставленное издателем в скобках (sic!) заставило обратиться к подлиннику, хотя номера листа в публикации не было указано. В рукописи слово **сырьи** написано без поправок [РГАДА, ф. 1209 Поместный приказ, оп.1, ед. хр. 541: 143 об.]. Однако в других местах той же рукописи встречается формула “за сыры и за масла” [л.л. 150 об., 153 об., 179 об., 192 и др.]. Следовательно, слово **сырьи**, зафиксированное в книге в первый раз, – просто ошибка писца.

Иногда, встречая псевдогапакс в издании рукописного памятника, можно объяснить его появление как опечатку, не замеченную издателями, особенно тогда, когда публикация сопровождается списком опечаток. К таким случаям можно отнести слово **симинь**. Оно не взято в 25 выпуск в значении ‘солдат, воин’, греч. στρατιώτης: “**Нѣкто паки**

Коньста именем... прииди къ вѣжнному д...ѣ по сотворени их мѣтвы его и по мѣтвѣ службѣ яже въ цѣбви въспраша симина". ВМЧ, Апр. 22–30, 812. XVI в. Примечание издателя "вм. оимина" оправданно: слово *оиминь* встретилось на той же странице несколькими строками выше. Возможно, в рукописи наполовину стёрлась буква *о*, и издатель передал её как *с*. Но в примечании он обращает внимание читателя на это написание, исходя из предыдущего употребления слова *оиминь*. В список опечаток в книге этот отрезок текста не попал, т. к., видимо, в рукописи тоже было *симина*. Этот случай показывает значимость лингвистикоисторических примечаний при изданиях рукописей.

Для авторов исторического словаря важными являются примечания, в которых издатели-историки отражают свои сомнения относительно чтения тех или иных мест в публикуемых текстах и указывают точное местонахождение этих текстов. Так, в книге Л. М. Марасиновой «Новые псковские грамоты XIV–XV веков» (М., 1966) есть подстрочное примечание к слову *сзарывати*: "Вторая буква написана нечётко, возможно *сдарывати*, возможно, слово искажено" (с. 68). При знакомстве с рукописью оказалось, что на этом месте написано *съарывати* в следующем контексте: "А в тых полосах не съарывати меж никому жс" [РГАДА, ф. 1209 Поместный приказ. Столбцы по Пскову, № 43259, ч. 3, № 8, (дело 1), л. 35]. Буква *ъ* была принята публикатором за *з* или *д*. Выявление ошибки оказалось возможным благодаря точному указанию издателя на «адрес» рукописного текста, а также его примечанию, имеющему лингвистикоисторический характер. При нашем обращении к рукописи выяснилось, что нечёткость в написании второй буквы мнимая: после *с* ясно читается *ъ*. В букве *ы* в этом слове виден аналогичный начерк первого элемента, то есть *ъ*, как и после *с*.

В русском языке существовал глагол *арывати* – многократное от *орати*, зафиксированный в акте 1597 г. на землю Константино-Еленинского монастыря Владимирского уезда: "Те крестьяне старожилцы сказали что они в селце Сулоломне [со] своими отцы живали, и на той земле у отцов у своих поганяли, и сами *арывали* [т. е. 'пахивали'], и межи валовые пашенные земли, и лугов, и пожен, и в лесех и во всяких угодых помнят и знают" (А.феод.землевл. III, 65. – М., 1961). С приставкой *с* образовался глагол *съарывати*, означающий 'нарушать межи, перепахивать межи, уничтожая их'. В «СлРЯ XI–XVII вв.» глагол *арывати* не нашёл отражения.

Понятие «лингвистическая информационность источника» пока ещё не вошло широко в научные разработки и совсем не принималось во внимание публикаторами-историками. Недостаточный опыт, разная квалификация публикаторов, различные задачи, которые они ставят,

издавая рукопись, – это субъективные факторы, способствующие рождению псевдогапаксов в изданиях.

Анализ причин появления псевдогапаксов подсказывает и направление работы по преодолению этого феномена, по выявлению несуществующих в языке слов. Однако серьёзным препятствием является невозможность проверки по подлиннику материалов промежуточного источника. В одном случае внедрения псевдогапакса в «Словарь русского языка XI–XVII вв.» проверить изданный текст по оригиналу было нельзя: Отдел рукописей РГБ, где хранится подлинник изданной грамотки, в то время закрылся на ремонт и Словарь вышел с тем словом, которое было в Указателе, помещённом в «Грамотках XVII – начала XVIII века»: “**Пенце**, с., собир. Пни (находящиеся на меже и являющиеся межевыми знаками). Приказал ты людям и крестьяням своим перепахать межу писцовую и грани пожеч<ь> и пенце выламать и ямы заровнять. Грамотки, 45. XVII в.” [вып. 14: 193]. Когда же представилась возможность проверить это место по рукописному памятнику, то выяснилось, что в тексте стоит уже взятое в Словарь слово **пенье** (с тем же значением), но **ь** написан с таким горизонтальным росчерком внизу, что оба публикатора – Н. П. Панкратова (обращавшаяся к рукописи дважды) и Н. И. Тарабасова – приняли его за **ц**. При первом чтении и автор этих строк принял указанное слово за **пенце**. И только сравнив эту букву в грамотке с изображением буквы **-ц-** в слове **писцовые**, которую писец изображает в три приёма (две вертикали, подчёркнутые закруглённой вниз и справа налево горизонтальной чертой), можно было определить, что здесь “имеет место” **ерь**. Оказалось, что только изучив лингвистическую информационность рукописи, можно правильно прочитать предпоследнюю букву в слове **пенье**.

В 24 выпуске «СлРЯ XI–XVII вв.» осталось слово-псевдогапакс **сегоду** в единственной цитате из хозяйственной грамоты 1660 г. архива Онежского Крестного монастыря: “А страды... пострадали, сена недорось сегоду”. (Отп.прик.Перт.м.) Арх.Он.(Ар.). При подготовке выпуска проверить по рукописи нам не представилось возможности: в РГАДА в книгах и грамотах за 1660 год фонда Онежского Крестного монастыря этой цитаты не оказалось. Позднее, при повторном просмотре архивной описи в поисках уже другого дела обнаружилось, что материал на слово **сегоду** взят из документа не 1660 г., а датированного “не ранее 1669 г. – не позднее 1676 г.” и приведённого в описи № 3 под названием “Отписки служителей Пертоминского монастыря и приписанной к нему пустыни архимандриту Онежского Крестного монастыря Сергию о «хлебной скудости», о продаже соли, об урожае сена и др. вопросам”. Уточним: служитель называет пустынь Пертоминский монастырь, а цитата в рукописи выглядит несколько иначе:

“А страды гѣдѣри поыстраданы а сѣна гѣдѣрь недоростѣ сего году ты а хлѣбѣ гѣдѣрь зелен не в приходе в ядро не дошол” [РГАДА, ф. 1195, оп. 3, № 155, л. 1]. Как видим, слово “распалось” на два, псевдогапакс исчез, наука (то есть – проверка по рукописи) точно установила, что слова **сегоду** не было в русском языке.

Ещё одно слово было изъято из «СлРЯ XI–XVII вв.» в результате сопоставления авторами параллельных текстов в разных источниках: “Не включено в Словарь присутствующее в Картотеке явно испорченное слово *смѣхозорный* из рукописного памятника «Похвала и чудеса Варлаама Хутынского» (Варл.Хут., 176. XVI–XVII вв. ~ XV в): **Игры и смѣхозорная словеса, яко же обычаи дѣтец, ненавидяще**. В практически совпадающем тексте летописного рассказа «От жития святого Варлаама» (Львов.лет. I, 224. XVI в.) читается хорошо известное и традиционное для агиографии XV–XVII вв. словосочетание *смѣхотворная словеса: Игры или смѣхотворныхъ словесъ, якоже есть обычай дѣтемъ, ненавидяще*” [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 25: 5]. Рукопись для сверки получить пока не удалось: она находится в работе у сотрудников РГБ. Но возникает вопрос к авторам Словаря: правомерно ли рукописный подлинник проверять по печатному изданию летописи? Не совсем проясняет ситуацию археографическое описание изданного списка Львовской летописи. Когда печатание первой её части “было доведено до конца, случайно была приобретена... ещё одна рукопись... писанная скорописью” XVIII в. [Львов.лет. I. – СПб., 1910. – С. IV]. Ныне она принадлежит Археографической комиссии. “При ближайшем изучении этой рукописи... выяснилось с несомненностью, что она представляет копию с рукописи Спасо-Евфимьева монастыря, сделанную по поручению Н. А. Львова и послужившую типографским оригиналом для издания 1792 г. В начале Коммиссейская рукопись по возможности точно воспроизводила свой оригинал, и Н. А. Львов сам выправлял её, внося изменения, отличающие ныне печатный текст от рукописного. В последующих частях уже писец подновлял язык, эти подновления целиком перешли также в печатное издание” [там же]. Это сообщение о работе над изданием Львовской летописи наводит на вопрос: нет ли в слове смѣхотворный (вместо рукописного смѣхозорный) такого же подновления. Обычно печатное издание проверяется по рукописи, а здесь – наоборот. Так что вопрос о существовании слова **смѣхозорный** пока остаётся открытым.

Одним из путей выявления псевдогапаксов является учёт совпадения разных букв русского алфавита в одном и том же графическом изображении. Например, в скорописи часто отмечается совпадение букв **п** и **и**, что, казалось бы, должно настораживать как издателя, так и лексикографа. Вследствие этого иногда одинаковые псевдогапаксы

встречаются в различных источниках. Так, в 11 выпуск не вошло выражение **непорочным делом**. В публикации Н. Новомбергского «Слово и дело государевы (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.)» под № 95 помещена «Челобитная Алексею Михайловичу от Сеньки Прозоровского и Петрушки Беклемишева». В ней читаем: “А кто у него на той челобитной прописаль, того де онъ не вѣдаетъ, а была у него та челобитная в щели положена въ избѣ, разве де приписаль братъ его Лукьянъ **непорочнымъ деломъ**, какъ ему ту челобитную переписываль”. Сл. и д. I, 165. 1645 г. Выделенное выражение вызвало сомнение у одного из авторов «СлРЯ XI–XVII вв.» А. Н. Шаламовой. Рукопись можно было найти, т. к. издатель в оглавлении указал её точный «адрес»: оригинал хранится в РГАДА среди документов Разряда, в Приказном столе, на столбце 162, л. 194. Наша проверка по рукописи показала, что публикатор не изучил лингвистической информативности рукописи, то есть не обратил внимание на особенности написания в памятнике букв **и** и **п**, слогов **по** и **на**. Писец изображал букву **и** так, что переключатель поднималась до верхней точки правой вертикали, и **и** легко можно было принять за **п**. Букву **а** он иногда писал как греческую альфу, а иногда был замечен только овал и её можно было принять за **о**; второй элемент буквы **а** написан высыхающим пером. Слово **ненарочным** публикатор передал в издании как **непорочным**.

В другом случае путь проверки этого словосочетания был тот же и дал аналогичный результат. Из «Сказки попа Григория» 1686 г., помещённой в Приложении к книге С. И. Коткова «Южновеликорусское наречие в XVII столетии. Фонетика и морфология» (М., 1963), где указан точный «адрес» рукописи, узнаём, что “**Онисимаву доч Кононава дѣвкѣ Просков(ъ)ю он Ёрмол не пиццали пострелил непарочным дѣлам, стреляя в примѣтѣ, а она сидѣла за тынам**” [Котков 1963: 231]. Эта «Сказка» является одной из первых публикаций скорописного памятника, осуществлённой С. И. Котковым, и в ней не была учтена свойственная издаваемой рукописи XVII в. особенность, которую он, разрабатывая основы лингвистического источниковедения, назовет “лингвистической информативностью”. Черты южновеликорусского аканья, о которых, в частности, шла речь в теоретической части книги, отразились в орфографии «Сказки» ярко (см.: формы творительного падежа единственного числа *делам, за тынам*; форму винительного падежа единственного числа притяжательного прилагательного *Онисимаву* дочь и др.), что, по-видимому, ослабило внимание автора к характеру и индивидуальным особенностям почерка писца.

Совпадение на письме букв **п** и **и** вообще характерно для русской скорописи. В. А. Борисов в сборнике «Старинные акты, служа-

щие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей» (1853 г.) в одной из публикуемых рукописей принял букву *n* за *н* и слово *пищий* ('писчий') передал в издании как *нищий* в следующей фразе: "Велено мне сиротѣ твоему в Шуе в таможене во дьячках быть без жалован(ь)я из нищие дѣги" (акт № 122). Эта челобитная 1674 г. Афоньки Постникова переиздана в книге «Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край» (М., 1984) под № 171 по рукописи и ошибка исправлена (из *пищие* – 'из писчие деньги').

Неверное чтение сокращённого слова, приведённого в публикации с выносной буквой под титлом, может привести лексикографа к неверному восстановлению начальной формы этого слова. В публикации Н. П. Лихачёва «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» 1453 г. (по списку XVI в.) есть фрагмент: "И сии убо слѣвноименитыи иже въ Хсѣ блѣгчствыи и блѣгородныи велики кнѣзь..." Четвёртое слово в Картотеке ДРС было восстановлено как **славноименитый**. При сверке обнаружилось, что под титлом мелким шрифтом напечатана буква *с* в междустрочии. Значит, скорее всего, слово нужно прочесть как *словесноименитый* [ПДПИ, № 168. – СПб., 1908. – С. 15].

Отметим случай, когда одно и то же слово (псевдогапакс) появилось по разным причинам у разных исследователей, работавших с разными рукописями в разное время. Речь пойдёт о слове **тынье**.

Отсутствие опыта работы с рукописными памятниками у выборщика привело к появлению неверных слов на ранних этапах формирования корпуса Картотеки ДРС. Сначала скажем о том, что неверное чтение памятника 1704 г. отразилось в передаче названия источника. Он обозначен шифром "**Арт.повар**. Артикул поварня. – Рукоп. ГПБ, Q X, № 4" (Указатель источников СЛРЯ XI–XVII вв. – М., 1975: 12). Необычное сочетание двух слов "*Артикул поварня*" заставило усомниться в его реальности. Наша проверка по рукописи показала, что на первом листе читается "Артикул поварничъ \ принадлежить". Как известно, большинство движений гусяного пера при изображении букв было направлено сверху вниз, реже – горизонтально, слева направо. Три элемента, из которых состояла буква *и* во втором слове, были приняты молодой сотрудницей Группы ДРС за *я*. Следующая за ней буква *ч*, "чашечка" которой приподнята над строкой, не остановила её внимания, а часть буквы *ь* в конце строки оказалась срезанной при переплѣте книги. Тогда, в начале 30-х годов XX в., мало кто из приглашённых выборщиков мог квалифицированно работать с рукописями, избегая так называемых "подводных камней", и возможность допустить ошибку при выписывании цитат из скорописных памятников, к которым впервые прикасалась рука лингвиста, была велика.

В выписке из этого источника, находящейся в КДРС, оказалось слово **тынье**. Обращение к подлинной рукописи Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге показало, что в книге это слово несколько раз написано с выносной согласной в сходных контекстах типа: “Ветчины нареж в длину на палець а тонко в ножевое ты?е и поклади на тѣ ж места” (л. 19), “нареж вдол в ножевое ты?е влож в горшокъ” (л. 27 об.) и т. п. Здесь нами намеренно поставлен знак вопроса на месте выносной. При изучении почерка писца, как элемента лингвистической информативности источника, оказалось, что это слово **тылье** с выносным *л* (без еря), т. е. имеется в виду тыльная сторона ножа, может быть, толщина его рукоятки. В тексте были найдены многочисленные случаи аналогичной передачи выносного *л* тем же начерком в словах *стол*, *котел* – на конце слов, *шпильки*, *миндалный*, *телный*, *мелко* – в середине слов, в императиве глагола *толки* и др. Выносное же **н** встретилось в словах *голиндра*, *фиронтелли*, *голендерский* и др. в виде четко изображённого знака **н** под титлом. Когда в 1934 г. для Картотеки ДРС расписывалась эта рукопись, о лингвистическом источниковедении и его категориях не было речи. Вопрос о достоверности источников и об изучении их с этой позиции хотя и стоял, но недостаточно конкретно, да и невозможно было этим заниматься. Не было разработано теоретических основ для такой работы. А молодой выборщик, будучи человеком любознательным и смелым, не спасовал перед трудным рукописным текстом, взявшись за него. Это была Евгения Марковна Иссерлин, впоследствии доктор филологических наук, всю жизнь проработавшая с древнерусскими текстами, оставившая ценные исследования и полный указатель слов по «Моление Даниила Заточника».

Иногда источником псевдогапакса является способ издания памятника, т. е. особенности материала, с которого производится копирование текста для публикации, если перед издателем не лежит подлинная рукопись. Например, в фотокопиях и микрофильмах не всегда ясны элементы букв, пропитавшиеся с противоположной страницы, или написанные высыхающим пером. Так, со словом **тынье** пришлось столкнуться ещё раз уже в наше время. К публикации Л.М. Городиловой «Енисейские товарные ценовые росписи XVII в.» в журнале *Palaeoslavica* [XV/2007.– No.2: 207–260] прилагается указатель слов, в котором зарегистрировано это слово. На л. 31 читаем: “пимы долгие половинчатые тыне иские \ цена шесть алтнь четыре денги”. Как видим, это слово написано также с выносной буквой. В публикации, осуществлённой А. Н. Зерцаловым [Чтения ОИДР, 1900. – Кн. 2, отд. 1: 63–130], на этом месте читается слово **тынгуские**. Рукопись хранится в Сибирском приказе РГАДА [ф. 214, оп. 1, № 254], её можно ис-

пользовать для сверки. Оказался прав А. Н. Зерцалов. Причина появления псевдогапакса объясняется тем, что в подлиннике в слове *тынзуские* буква *z* после *n*, поднятая в верхнее междустрочие, написана высыхающим пером, и вероятно, в микрофильме, по которому осуществлялась публикация «Енисейских росписей» Л. М. Городиловой, её было невозможно прочитать правильно.

Иногда вследствие ошибки древнего писца получается совершенно фантастическое слово. В Псковских актах встретилось слово **тархиенскопли: Покамѣста дѣ тѣ тархѣнепископли и иные, которые называютца тархалшиками, не учнутъ дѣлатъ, до тѣхъ дѣ мѣстъ и они слушать и городовыхъ подѣлокъ дѣлатъ не хотятъ.** Псков. а., 415. 1655 г. Слово «собрано» писцом из *тархальщики архиенскопли* – из словосочетания, неоднократно встретившегося в этом тексте. Эмоции, выраженные в протестной грамоте, ослабили внимание писца к написанному тексту и привели к ошибке.

14. Лексические приобретения вследствие исключения псевдогапаксов

Археографическое описание рукописного подлинника не предполагает выявления особенностей почерка и языка рукописи. Палеографических же описаний расписываемых для картотеки рукописных источников в большинстве случаев не существует. И хотя, по мнению Б. А. Ларина, руководившего в 30-е годы XX в. Группой ДРС, хорошо было бы, если б памятники имели филологическую обработку, исследования на предмет их достоверности, прежде чем материалы из них попадут в Картотеку ДРС и в исторический словарь, – этого не было, да и теперь нет. Ошибки неверного понимания текста закономерны, когда историческая лексикография идёт впереди исторической лексикологии, впереди филологического и источниковедческого изучения достоверности письменных памятников. Более того, можно описать рукопись – источник Словаря – с применением категорий лингвистического источниковедения, но невозможно исследовать в историко-ведческом аспекте каждую включаемую в словарь лексему. Поэтому в настоящее время историкам-лексикографам приходится самим проводить лексикологическую и источниковедческую работу, чтобы определить графический облик слова, его семантику и дать толкование.

У автора исторического словаря есть уважительные причины и оправдывающие обстоятельства: в его арсенале нередки слова, которые не имеют однокоренных образований и значение которых нельзя определить даже приблизительно, тем более, если слова называют давно исчезнувшие реалии. Но ему известны случаи, когда в конце

концов (иногда – более чем через столетие) всё же удавалось это сделать (см. сведения о группе слов с начальным *изор-* в главе II).

Приведём пример из собственной практики, когда истинный облик слова (не псевдогапакс ли оно?) и разгадку его значения пришлось искать 22 года. Да и знает это слово человек, который слышал его в детстве. В 1975 г. в описи 1577–1578 гг. одной из церквей Голутвина монастыря нам встретилась запись: “**образ на бѣли, на немъ крестъ написанъ; да образъ межъ воконъ съ затворы на солори, а на затворѣхъ Василий Великий, Петръ и Алексей чудотворецъ**”. Кн.п.Моск. I: 331. Сверка с рукописью показала правильность написания – исправлений в слове и на всей странице нет. Ни один словарь не зафиксировал слов **солорь, солор, солора**, которые могли бы считаться начальной для формы местного падежа *на солори*: в безударном положении на конце в звуке *и* могло слиться и окончание **ѣ**. В книге Н. А. Замятиной «Терминология русской иконописи», смело восстановившей начальную форму как **солорь** с толкованием ‘*название краски*’ (М., 1997: 157–158), пример указан нами.

Музейные работники разных городов и реставраторы древнерусской живописи, историки и химики, к которым мы обращались, такого термина не знали. Печатные работы исследователей, посвящённые иконописи, живописному мастерству, также не содержат этого термина. Некоторую надежду оставлял включённый в Большую советскую энциклопедию (М., 1957. – Т. 40: 53) термин *солорина*: “*Solorina* – ‘род лишайников из сем<ейства> пелтигеровых, слоевище листоватое или чешуевидное, прикрепляется ризоидами к глинистой или известковой почве. Апотеции сидячие или вдавленные в слоевище, чёрные или красновато-чёрные, споры двуклеточные, коричневые. Известно 9 видов, в СССР – 6 видов, наиболее обычны 2 вида – *Solorina saccata* и *S. strosea*, последний вид – в тундре и в горах; в свежем состоянии имеет темно-зелёный верх и ярко-красный низ слоевища, содержит лишайниковую солориновую кислоту”.

На Международном съезде русистов в Красноярске в октябре 1997 г., когда в нашем докладе прозвучал этот пример, в перерыве между заседаниями преподаватель Красноярского педуниверситета Евдокия Семёновна Бойко подошла и сказала, что знает это слово. Приводим её рассказ.

– Мы – старообрядцы, и когда я была маленькая, мама мне показывала иконы: “Вот видишь, это Христос. На солнышке. Здесь всё золотистое, оранжевое... А это – на лазори, видишь, фон голубой. А на солори – дядя Панкрат увёз”.

– Мама, а что такое “на солори”?”

– Это такое сине-зелёное и шершавенькое. – Говоря, Евдокия Семёновна провела пальцами по невидимой и как бы шероховатой поверхности.

Рассказ Е.С. Бойко подтверждает реальность слова, это не псевдогапакс. Возможно, есть «родство» значения слова с теми солоринами, по внешнему сходству или по названию сырья, из которого готовили соответствующего цвета краску (или лак) и «шероховатость» для фона. Сказать пока трудно.

Если исследователь (историк-лексикограф, лексиколог, лингвист-источниковед) остановил внимание на слове, которое показалось ему невероятным, то он обязан, провести определённую поисковую работу, в результате которой выявится (или не выявится) псевдогапакс. Каждый псевдогапакс имеет свою историю: момент первоначального сомнения (было ли слово?), догадка, поиск в источниках и, образно говоря, – в недрах знаний и памяти носителей современного языка. Это своего рода поиск и открытие неведомого.

Говоря о словах, изъятых из корпуса «СлРЯ XI–XVII вв.», необходимо упомянуть и о приобретениях. Отметим случай, когда семантически ёмкое слово исчезло, а лексикографу А. Н. Шаламовой удалось его вернуть в русский язык: она настояла на проверке по рукописи. В «Отписке терского воеводы А. И. Хворостинина в Посольский приказ о смерти кабардинского князя Камбулата Изарова и о борьбе между мурзами за княжение» от 3 июня 1589 г. читаем: “Смута была великая врось княжья, а на княжение еще не посадили”. Кабард.-рус.д., 56. В РГАДА из Посольского приказа был выделен фонд № 115 «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.». Из него и взята опубликованная отписка, в рукописи которой нам удалось прочитать: “Смута была великая в роскняже а на княжене не посадили” [ф. 115, дело № 3, л. 7 об.]. Выносное *ж* и окончание *е*, ясно читающиеся в рукописи, подсказывают, что здесь деление на слова должно быть иное, чем у издателей. Без сверки с рукописью утрачено было бы редкое слово *роскняжье*. Вариант *раскняжье* приведён в «СлРЯ XI–XVII вв.» с толкованием: ‘Период между двумя княжениями, когда престол не занят’ и с цитатой из названной публикации с ремаркой об ином словоделении согласно рукописи [вып. 22: 11].

Если вести речь о лексических приобретениях, то нельзя обойти вниманием монографию А. М. Ломова «“Слово о полку Игореве” и вокруг него» (Воронеж, 2010). В 5-й главе «Дефектные фрагменты “Слова”» автор даёт чтения некоторых «тёмных» мест этого произведения, обосновывая их ссылками на мнения других исследователей, на летописи, призывая к “интеграции исследовательских устремлений”. “Решающую роль в этом сложном процессе перевода исследователь-

ских поисков на новые рельсы, – пишет он, – должна сыграть лингвистика. Именно она в силу специфического характера её объекта – языка <...> в состоянии свести все без исключения науки, ориентированные на «Слово», в некое единство более высокого порядка, свободное от естественной односторонности отдельно взятых его составляющих» [Ломов 2010: 129].

Отрывок текста о князе Всеславе, который “утрь же возни стрикусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влькомъ до Немиги съ Дудутокъ”, автор предлагает читать иначе: “утрьже вазни с три кусы (здесь он ссылается на чтение, предложенное Р. О. Якобсоном), отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влькомъ с Немиги съ добытъкы”. “То, что Всеслав захватил Новгород, – одна удача, – пишет А. М. Ломов, – то, что он затмил славу Ярослава Мудрого, некогда даровавшего Новгороду особые права, – вторая. А где же третья?” [там же: 130–131]. Обосновывая слово *добытъкы* как третью вазнь (удачу) Всеслава сообщениями из Ипатьевской и Софийской летописей, А. М. Ломов напоминает о “факте ограбления русским князем (!) русской же церкви Святой Софии в Новгороде”, из которой “он вывез колокола, паникадила, служебные сосуды” [там же: 132]. Можно сказать, что в данном случае исчезает псевдогапакс *стрикусы* и неясный топоним *Дудутокъ*.

Другой фрагмент о Всеславе: Тъи клюками подпръ ся о кони, и скочи къ граду Киеву и дотчеса стружиемъ злата стола киевскаго. Автор спрашивает: на кого опирался Всеслав? Обращаясь к летописи, которая “сообщает, что Всеслав бывши нощи, утаився кыян, бѣжа из Бѣлагограда Полотъску” и предлагает читать не «о кони», а «о кыяни», которые освободили его из заточения и провозгласили князем, от них же он потом «утаився» сбежал [там же: 132–133].

А. М. Ломов, поддерживая Л. А. Булаховского в чтении фрагмента *птицю* как *пытцю*, предлагает определение к этому слову *горазду* читать как *праздну* в фрагменте «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божиа не минути». Перевод автора: “Ни умному, ни сильному, ни напрасно испытывающему судьбу суда Божьего не миновать” [там же: 134].

Далее приведём минимальные фрагменты, которые А. М. Ломов читает иначе, чем в опубликованном в 1800 г. «Слове о полку Игореве».

Сорокы не троскоташа, по лозию ползаша только – полозие ползаша только. “Здесь, – пишет автор, – должна быть старая форма существительного с собирательным значением *полозие*” [там же]. “В специальной литературе, – продолжает он, – (отмечается, что) благодаря длинным пальцам с большими дугообразно изогнутыми, очень острыми когтями поползни свободно карабкаются по деревьям, скалам

и стенам” [там же: 136]. Далее он приводит три названия этих птиц: древнерусское *полозы*, диалектное *ползики* и современное литературное *поползни* [там же].

Солнце ему тьмою путь заступаше, ночь стонуци ему грозою птичь убуди, свисть звѣринь въ стазби. – Чтение А. М. Ломова: Солнце ему тьмою путь заступаше, ночь, стонуци ему, грозою птичь убуди, свистьмь звѣрии въ стаи зби [там же: 139–140].

Невылонъ овидѣ порождено ни соколу, ни кречету ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине. А. М. Ломов пишет: “Ни в один из периодов (развития пассивных конструкций в русском языке) не допускалось употребление дательного падежа в значении источника действия (этот падеж был и остаётся специализированным здесь на обозначении предмета, которому адресуется или предназначается нечто)” [там же: 142]. Следует, по мнению автора, читать: не было от него (храброго Ольгова гнезда – о нём шла речь выше), обиды порождено ни соколу, ни кречету. ни тебе... половчин. “После смерти Мстислава, сына Мономаха, в 1132 г., – пишет он, – когда усиливаются русские междоусобицы, половцы опять начинают активно вмешиваться в русские дела. И примерно с 80-х годов XII в. вплоть до появления татар идёт «рать без перерыва». Таким образом, «обида» действительно шла не от русских, а от половцев”. И поход Игоря – это вынужденный ответный шаг, призванный обезопасить Русь [там же: 144].

Спала князю умъ похоти – Слава князю умъ похити, т. е. «Желание славы похитило у князя ум». По его мнению, это “хорошо согласуется с известным нам фактом, что автор «Слова» осуждал сепаратный, плохо подготовленный поход Игоря” [там же: 152].

В заключение А. М. Ломов пишет о том, что интерпретация неясных фрагментов – “серьёзное, кропотливое занятие, которое сродни” работе детектива или художника-реставратора, и выражает надежду, что “само понятие дефектные фрагменты текста в приложении к «Слову» выйдет из употребления за ненужностью” [там же: 155].

Представленные в главе 11 групп псевдогапаксов разделены по принципу их «формирования», по причинам, приведшим к их появлению; описаны способы их поиска, попытки определить основные черты групп и наметить пути выявления с помощью категорий и методов лингвистического источниковедения.

Проблема достоверности лексики в источниках со всей остротой встала при практической работе над «Словарём русского языка XI–XVII вв.», когда в Картотеке ДРС, являющейся его базой, всё чаще обнаруживались слова, которых не было в языке – псевдогапаксы. Они поступали преимущественно из опубликованных текстов вследствие безусловного доверия выборщиков к печатному слову и отсутствия

проверки источников на достоверность. Это привело к изменению принципа классификации лингвистических источников, предложенного С. И. Котковым. В особую группу по степени достоверности пришлось выделить публикации, – источники промежуточные, находящиеся между рукописями (первичными источниками) и картотеками, лексиконами – источниками вторичными, создаваемыми учёными. Именно в них выявляется наибольшее число псевдогапаксов, возникающих под влиянием субъективного фактора, т. е. воздействия на первичный источник (рукопись) человека, который первым его читает, делит на слова, интерпретирует трудные для понимания места, подготавливая к изданию или делая выписки для картотеки.

То же можно сказать и об источниках «Словаря русских народных говоров», в котором исследователи обнаружили большое количество ошибочно воспроизведённых слов. Авторы СРНГ работают с промежуточными источниками – рукописными полевыми записями лингвистических экспедиций 50–90-х годов XX века. Необходимо критическое внимание при работе со скорописью любого времени.

Термином *псевдогапакс* называются *зафиксированные один раз (случайно – два раза) слова и выражения, о которых наука точно знает, что их никогда не было в русском языке*. Формирование группы стало возможным в результате лексикографической проработки историками и диалектологами значительного массива русской лексики и проверки её достоверности с помощью методов и категорий лингвистического источниковедения. Отмечено одиннадцать факторов, способствующих появлению псевдогапаксов. Среди них есть реальные слова, употреблённые в несвойственных им сочетаниях, а есть несуществующие слова и словоформы, что доказано исследованиями учёных – К. Ф. Калайдовичем, В. И. Чернышевым, Д. С. Лихачевым, В. Б. Крысько, И. Г. Добродомовым, А. Ф. Журавлевым, А. Б. Страховым, А. М. Ломовым, В. В. Шаповалом, А. Ю. Козловой, Л. Л. Крючковой, Г. Я. Романовой, А. Н. Шаламовой и др. Ошибочное прочтение и понимание текста рукописи, которое в дальнейшем вносится в публикацию, исследование или в картотеку, может объясняться не только уникальностью древнерусских источников, существующих иногда в единственном списке, единичностью диалектных записей, но в большинстве случаев субъективными причинами: недостаточным владением навыками чтения рукописей, особенно скорописных, недостаточно ярким освещением при работе с рукописями, что позволяло исследователям принять одну букву за другую; особенностями состояния писчего материала и другими причинами. Способствует появлению псевдогапаксов и слабое проникновение науки в материю языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе изучения источников по исторической лексикологии русского языка пришлось столкнуться с некоторыми проблемами.

Необходимо было выявить способы формирования источников в зависимости от возникающих перед разными исследователями задач: перед историками, стремившимися к накоплению источников по истории России, перед литературоведами, ставящими задачу изучить историю создания текста литературного памятника и его бытования, и перед лингвистами, изучающими историю русского языка

Вопрос о соотношении понятий *источник*, *памятник*, *текст* и *отдельная рукопись* как разновидностей источников заставил обратиться к теории лингвистического источниковедения и согласно его категориям дать характеристику основных видов источников – первичных (рукописей), вторичных (картотек, лексиконов) и промежуточных, к которым пришлось отнести все публикации рукописей. Рассмотрены их лингвистическая содержательность и информационность, и определены возможности их для изучения истории лексики языка.

Вопрос о степени достоверности источников по истории лексики высветился в связи с созданием обобщающих исторических и диалектных словарей. когда при сплошной обработке больших объёмов лексики стали обнаруживаться слова и выражения, которых не было в русском языке (*псевдогапаксы*). Нарастание их в исторической Картолке ДРС по мере продвижения к концу русского алфавита заставило пристальнее присмотреться к этой группе слов. Выявлены масштабы этого явления и его причины, изучены возможные пути обнаружения и устранения этих слов из корпуса словарей. В то же время встал вопрос о сохранении сведений о подобных словах и выражениях в пределах исторического «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

В связи с этим пришлось обратиться к разработкам лингвистического источниковедения, теоретические основы которого сформулировал проф. С. И. Котков в 60-х годах XX века. Категории и методы этой отрасли русистики позволили получить ответ на поставленные вопросы и изменить взгляд на градацию лингвистических источников, предложенную С. И. Котковым. По степени достоверности кроме первичных и вторичных источников пришлось в отдельную группу выделить источники промежуточные – публикации. Этому способствовало изучение источников как по их происхождению, так и по способу введения их в научный оборот. Условно принята достоверность первичных, естественно сложившихся источников (рукописей) за абсолютную, степень достоверности вторичных и промежуточных источников оказывается значительно ниже. Вторичные источники (пять больших

картотек русского языка) сформировались на основе извлечений языкового материала как из рукописей, так и из публикаций. Оказалось, что даже выписки непосредственно из рукописей не всегда обладают абсолютной достоверностью. Недостаточна достоверность и публикаций рукописей, так как на них главное влияние оказывает субъективный фактор. Меньшей достоверностью обладают выписки материалов из публикаций, так как сказывается влияние и издателя, и выборщика.

Рукопись же публикуется либо с целью расширить круг источников для создания *истории* страны, либо для исследования текста *литературного памятника*, либо для изучения *древнего языка*, либо для *обучения* подрастающего поколения. От этого зависят характерные черты опубликованных источников: способы представления в печати древнего текста (факсимильный, наборный или оба), специфика комментирования, характер примечаний, состав справочного аппарата.

Характеристика источника по степени достоверности, включаемой в число категорий лингвистического источниковедения, расширяет его теоретическую основу. Поставлен и решается вопрос определения сферы использования терминов *достоверность* и *подлинность* источника, которые функционируют в разных научных и практических плоскостях. Для лингвиста вопрос о достоверности источника связан с отражением в нем особенностей древнего языка. Подлинником же он называет ту рукопись, которую изучает или издаёт. В работе указывается на недопустимость смешения терминов *информация*, *информативность* и лингвистическая *информационность* источника, которые функционируют в философии, истории и лингвистике.

Историческая лексикология нуждается в обнаружении путём издания таких письменных памятников, которые могли бы с достоверностью способствовать решению её задач. Это побуждает источниковедов-лингвистов с подбором рукописей проводить их “изучение для издания”, обработку для введения их в научный оборот сообразно с историко-лексикологическими задачами.

Задачи лингвистических публикаций отличаются от задач, стоявших перед издателями в XVIII–XIX веках, когда накапливались сведения из древних текстов для создания истории России, для изучения древнерусской литературы. Теперь необходим тщательно разработанный справочный аппарат, который отражал бы лексическую наполняемость источника, его лингвистическую информационность, а лексиколог мог бы получить надёжные данные. Нужны источники, содержащие лексику, ещё не отражённую известными историческими словарями, источники, раскрывающие семантику лексем, толкование которых вызывает затруднения у лексикографов, стремящихся найти точную дефиницию. Нужны источники разных жанров, содержащие

разнообразную в стилистически отношении лексику. Наконец, нужны источники, имеющие параллельные иноязычные тексты, если русские рукописи переведены с других языков.

Классификация источников по истории русской лексики, принимающая во внимание их лексическую содержательность, градуирует памятники по мере убывания в них церковно-славянской лексики и нарастания нейтральной, а также народно-разговорной.

Оценка источников по их достоверности способствовала бы уменьшению ошибок в определении границ слова, а следовательно, снижала бы возможность появления *псевдогапсов* – слов и словосочетаний, которых никогда не было в русском языке, как точно установила наука. Они появляются во вторичных и промежуточных источниках под воздействием субъективного фактора. Задача их обнаружения – одна из важнейших для исторической лексикологии. Выявлены они в результате работы со значительным объёмом лексического материала при создании исторического и диалектного словарей. Авторы нашли способ для отражения таких слов в историческом «Словаре русского языка XI–XVII вв.», сопровождая их комментариями

С позиций задач исторической лексикологии даётся оценка лингвистическим источникам. Если первичные источники изучал и неоднократно характеризовал в своих работах проф. С. И. Котков, то источники с заданными свойствами (вторичные), приобретающие в настоящее время большое значение в историко-лексикологических и лексикографических изысканиях, получили в настоящей работе достоверную и достаточную характеристику на примере анализа содержательности и лингвистической информативности материалов Картоteki ДРС. Пять исторических картоtek русского языка (в Москве и Санкт-Петербурге), охватывающие и «письменный» его период, и «печатный», дают возможность изучить историю как отдельного слова, так и динамику функционирования различных лексических групп.

Исследования истории отдельного слова и групп слов (тематических, лексико-семантических) показали сложность стоящей перед будущими учёными задачи, – создание академического труда по русской исторической лексикологии на основе обобщения опыта историко-лексикографических и лексикологических достижений отечественной науки. Стало очевидным, что изменение семантики, изменение иерархического строения в лексических единствах происходит не только в лексико-семантических группах, когда движение вариантов значений в них совершается путём развития полисемии, омонимии, синонимии, под влиянием процессов метонимизации и метафоризации, перехода в ряд «историзмов». Интенсивному изменению подвергаются и тематические группы, со временем переходя из разряда оби-

ходно-бытовых в разряд терминологических, как например, произошло с наименованиями полевых культур, когда изменились родовые и видовые соответствия внутри группы.

Тщательный отбор источников (первичных, вторичных, промежуточных) помогает проследить движение семантики отдельного слова в процессе его функционирования в языке, от первых, ранних фиксаций до времени выхода из активного употребления. История утрачиваемых слов (обычно – это слова-синкреты, конгломераты) показывает, что язык не теряет вместе со словом присущих ему понятий, но находит новые способы для их выражения. Происходит раздробление семантики слова-конгломерата, распределение элементов значения слова-синкреты (его дифференциальных признаков) на другие языковые средства, а следовательно, и формирование новых словосочетаний для выражения смыслов, находившихся ранее в недрах одной лексемы.

В поисках значения не зафиксированных словарями слов исследуются источники, раскрывающие их семантические и словообразовательные связи, и в то же время приходится признать, что отмечены случаи, когда на материале известных ныне источников невозможно с надлежащей точностью определить семантику лексем без прямого сопоставления их с древними реалиями, которые исчезли, а анализируемые слова вышли из употребления.

Среди рукописных текстов XVII в. найден новый жанр деловой письменности “нетные книги”. Выявлен источник, отразивший в течение всего трёх лет универсальный лексический процесс в сфере определения качественной семантики «от конкретного к абстрактному». Такие источники нужно держать на особом учёте.

В работе приведены наблюдения, отражающие процесс постепенного открытия и обнародования источников, всё яснее и яснее раскрывающих значение слов, о которых в течение долгого времени не было новых свидетельств и не стихали дискуссии.

Если лингвистическое источниковедение будет продолжать характеризовать памятники по их содержательности и лингвистической информативности, обобщать известный уже опыт работы с источниками, лексикологи и лексикографы-историки получат надёжный путеводитель по бесконечному множеству неопубликованных рукописей, которые пока что остаются невостребованными в наших архивохранилищах. Путём их публикации или хотя бы обнародования источниковедческих сведений о них лингвисты-источниковеды могут оказать серьёзное влияние на подготовку обобщающего труда по истории русской лексики, способствуя расширению и уточнению семантики лексем. Это был бы ещё один шаг в развитии отечественной науки, кото-

рый приведёт к системной и упорядоченной работе с источниками – имеющимися на сегодня письменным наследием.

Решение проблем исторической лексикологии и лексикографии определяет и способ введения в научный оборот новых памятников письменности – принципы и способы представления текста в печати, место и виды примечаний к текстам, характер комментариев, специфику и состав справочного аппарата изданий. На этой научной платформе происходит взаимодействие таких ветвей лингвистики, как историческая лексикология, лексикография и лингвистическое источниковедение.

Лингвистическое источниковедение зародилось в 60-е годы XX века и получило теоретическое обоснование и закрепление в терминах своих категорий и методов в трудах С. И. Коткова. Он охарактеризовал понятия «лингвистический источник», дал формулировку терминов «лингвистическая содержательность источника», «лингвистическая информативность источника». Можно не соглашаться с терминами, но необходимо признать, что в работе с первичными, а особенно, с вторичными и промежуточными источниками, эти категории функционируют и оказывают воздействие на историко-лексикологические работы

Практически же лингвистическое источниковедение (как можно считать) возникло в середине XVIII в., когда В. Н. Татищев впервые озаботился обнаружением не столько своей «Истории Российской», сколько (и гораздо раньше!) тем, чтобы «привести в известность свод законов русских», по которым Россия продолжала жить и в его время. Он не увидел напечатанными приготовленных им к изданию «Свода законов царя Ивана Васильевича» и «Русскую Правду». Пожаром уничтожен был его архив.

Можно считать 1767 год годом официального начала научных изданий в России русских рукописей, когда была напечатана Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись И. С. Барковым и «Русская Правда» А. Л. Шлёцером. Но нельзя обойти молчанием тот факт, что в 1732 г. акад. Г. Ф. Миллер впервые опубликовал русские летописи, правда, в переводе на немецкий и латинский языки, а в 1750 г. поместил тексты ста русских грамот в качестве подстрочных примечаний в своём «Описании Сибирского царства».

Значительны заслуги Н. И. Новикова, напечатавшего 32 тома первого и второго изданий «Древней Российской Вивлиофики» в 1773–1791 гг. с «Продолжением», когда учёный мир увидел неисчерпаемое богатство русских архивов. К концу XVIII в. были опубликованы почти все известные летописные списки. Следует отметить значение трудов К. Ф. Калайдовича, который впервые почувствовал необ-

ходимость «приведения в известность» особенностей старинного русского письма и языка, но под давлением обстоятельств составил в 1821 г. первый сильно ограничивающий издателя свод правил для публикации древних рукописей. Однако в двух томах «Русских достопамятностей» (в 1815 и 1847 годах) и особенно во втором томе «Собрания государственных грамот и договоров» (1819 г.) всё же осуществил своё намерение – отразил в изданиях особенности древнего языка со всей возможной полнотой и достоверностью.

Истинный источниковед и лингвист сказался в акад. И. И. Срезневском, когда он издал сводный текст «Жития Бориса и Глеба» по 27 спискам, с целью дать полный текст этого литературного произведения, но в той же публикации привёл факсимильное воспроизведение списка XIV в. Ещё большая заслуга его и его детей Ольги и Всеволода в том, что ими по письменным памятникам был завершён начатый отцом первый исторический словарь русского языка «Материалы для древнерусского языка по письменным памятникам» в трёх томах (1890–1912).

Лингвистический подход к рукописям обнаруживается в трудах акад. А. А. Шахматова, который не только исследовал историко-юридическую значимость новгородских и двинских деловых памятников – грамот, но и описал их язык, и – для убедительности, в качестве иллюстраций – опубликовал их полностью с точной передачей специфики их письма, особенностей языка, а также сформулировал краткие правила, которыми руководствовался при издании.

Следующим этапом в развитии лингвистического источниковедения, в формировании нового вида лингвистических источников было обращение проф. Б. А. Ларина к записям русской речи иностранцами, выполненным согласно привычной для них (их родной) транскрипции. Эти работы помогают восстановить не только лексические особенности отражённых в записях говоров, но и их звуковые черты.

Труды этих учёных сформировали мощный корпус промежуточных источников, которые служат основой и для исторических, и для литературоведческих, и для лингвистических исследований.

Таким образом, лингвистическое источниковедение имеет почти двухсотлетнее практическое основание, на котором были построены его теоретические положения. Оно помогает историкам-лексикографам найти истинный облик неясного, на первый взгляд, слова, а также призвано при оптимальном подборе источников с использованием своих методов создать фундамент для подготовки обобщающего труда по русской исторической лексикологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР – Академия наук СССР
БАН – Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге
БСК – Большая словарная картотека ИЛИ РАН в СПб.
ГАВО – Государственный архив Владимирской области
ГИМ – Государственный Исторический музей
ДРС – Древнерусский словарь
ИЛИ – Институт лингвистических исследований РАН
ИРЛИ – Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом)
ИРЯ – Институт русского языка РАН
КДРС – Картотека Древнерусского словаря (СлРЯ XI–XVII вв.)
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛЗАК – Летопись занятий Археографической комиссии
ЛИФЛИ – Ленинградский институт философии, литературы и истории
- ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории РАН
МГОУ – Московский государственный областной университет
НИИ – Научно исследовательский институт
ОДРЛ – Отдел древнерусской литературы ИРЛИ
ОИДР – Общество истории и древностей российских
ОЛДП – Общество любителей древней письменности
ОПИ – Отдел письменных источников ГИМ
ОР – Отдел рукописей
ОРЯС – Отделение русского языка и словесности Академии наук
ПДПИ – Памятники древней письменности и искусства
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека им. В. И. Ленина
РГО – Русское географическое общество
РИО – Русское историческое общество
РНБ – Российская национальная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)
СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.
СПб ИИ – Санкт-Петербургский Институт истории РАН
СРНГ – Словарь русских народных говоров
СССР – Союз советских социалистических республик
Тип. – типография
ТОДРЛ – труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ
УЗ – Ученые записки

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ААЭ I–IV — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. — СПб., 1836. — Т. I–IV.

Ав.Ж. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // РИБ. — Л., 1927. — Т. 39.

Авд. — *Авдеева М.Т.* Словарь украинских говоров Воронежской области. Воронеж. Изд-во Воронежского гос. ун-та. Т. 1. 2008, 228 с.; Т. 2. 2012, 307 с.

Аз.пов.(сказ.) — *Орлов А.* История об Азовском взятии и об осадном сидении от турского царя Брагима донских казаков... лета 7135 г. // РФВ. — СПб., 1906. — Т. LVI. — № 3, 4.

АИ I–V — Акты исторические, собранные и изданные Археографич. комиссиею. — СПб., 1841–1842. — Т. I–V.

А.закл — *Сильванский Н.П.* Акты о посадских людях — закладчика ЛЗАК за 1909 г. — СПб., 1909. — Вып. 22.

Акты — Акты Русского государства. 1504–1526 гг. — М., 1975.

А.кунгур — Кунгурские акты XVII века (1668–1699). Изд. А.Г. Кузнецова. Ред. А.А. Титов. — СПб., 1888.

Александрия — *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов / Исследование и текст. — М., 1893.

Алф.¹ — Книга глаголемая гречески алфавит. — Рукоп. БАН., Арх.д., № 446.

АМГ I–III — Акты Московского государства, изданные Академией наук. / Под ред. Н.А. Попова и Д.Я. Самоквасова. — СПб., 1890–1902. — Т. 1–3.

Англ.д. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею // Сборник РИО. — СПб., 1883. — Т. 38.

А.Пыскор.м. — Акты Спасо-Преображенского Пыскорского монастыря. — Рукоп. СПб. ИИ РАН, к. 115, № 388.

Арс.Сух.Ст.сп. — Статейный список Арсения Суханова // Православный палестинский сборник. — Вып. 21. СПб., 1889. Т. VII. Вып. 3.

Арх. Гамеля — Собрание Гамеля. — Хранится в СПб. ИИ РАН, ф. 175.

Арх.Курак.V — Архив князя Ф.А. Куракина. — Саратов, 1894. — Кн. V.

Арх.мат.I–II — Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. — М., 1909. — Т. I–II.

Арх.Он. — Крестный Онежский монастырь. — РГАДА, ф. 1195, оп. 1, 3.

А.Свир.м. — Акты Александра Свирского монастыря XVII в. — Рукоп. СПб. ИИ РАН, ф. 3, оп. 1, № 204.

АСВР I-III — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI века. — М., 1952–1964. — Т. 1-3.

А.Тр.-Серг.м. — *Арсений, иером.* Доклады, грамоты и другие акты Троицкого Сергиева монастыря о службах // Чтения ОИДР. 1867. — Кн. 3. — Отд. 1.

АХУ II — Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Кн. 3 // Русская историческая библиотека. — СПб., 1908. — Т. 25.

Баг.Мат. — *Багалея Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI-XVIII столетии, собранные в разных архивах и редактированные Д.И. Багалеем. — Харьков, 1886.

Балашов — *Балашов Д.М.* Симеон Гордый // Роман-газета. 1988. № 9.

Бондарчук, Кузнецова — *Бондарчук Н.С., Кузнецова Р.Д.* Тверская деловая письменность XVII–XVIII вв. / Уч. пособие. — Калинин, Калининский гос. ун-т, 1986. — 78 с.

Борисов 1853 — *Борисов В.А.* Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. — Шуя, 1853.

Борисова 1974 — *Борисова Е.Н.* Лексика Смоленского края по памятникам письменности / Уч. пособие. — Смоленск, Смоленский гос. пед. ин-т, 1974. — 161 с.

Буслаев — Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков / Сост. Ф. Буслаевым. — М., 1861.

Былин.Т. — Русские былины старой и новой записи. / Под ред. Н.С. Тихонравова и В.Ф. Миллера. — М., 1894.

Варл.Хут. — Похвала и чудеса Варлаама Хутынского. — Рукоп. РГБ, ф. 256 (Рум.), № 154.

Веселовский — *Веселовский С.Б.* Ономастикон. — М., «Наука», 1974. — 382 с.

ВК — Вотчинная контора Поместного приказа. — РГАДА, ф. 1209, оп. 300.

ВМЧ — Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. — М.: СПб., 1868–1917.

ВНП — Великорусские народные песни. Собранные А.И. Соболевским. — СПб., 1895–1902. — Т. I–VII.

Галахов 1848 — *Галахов А.Д.* Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка. М., Унив. тип. 1848. — 667 с.

Грамотки — Грамотки XVII — начала XVIII в. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова. Под ред. С.И. Коткова. — М., 1969.

Гранин — *Гранин Д.А.* Зубр // Новый мир. — 1988. — № 2.

Гр.Дв. — *Шахматов А.А.* Исследование о двинских грамотах XV в. Изд. ОРЯС АН. — СПб., 1903. — Ч. I и II // Исследования по русскому языку. Т. II. — Вып. 3.

Гр.новг. — *Шахматов А.А.* Исследования о языке новгородских грамот XIII и XIV века // Исследования по русскому языку Изд. ОРЯС АН. — СПб., 1885–1895. — Ч. I и II.

Гр.Новг. и Псков. — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. — М.;Л., 1949.

Гр.Сиб.Милл. — *Миллер Г.Ф.* История Сибири. — М.:Л., 1937–1941. — Т. I–II.

Гудзий 1935 — *Гудзий Н.К.* Хрестоматия по древней русской литературе (XI–XVII вв.). — М., Учпедгиз, 1935. — 392 с.

ДАИ I–XII — Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. — СПб., 1846–1872. — Т. I–XII.

Дм. — Домострой по списку ОИДР // Чтения ОИДР. 1881. Кн.2.

Док.моск.театра — Московский театр при царях Алексее и Петре / Материалы собр. С.К. Богоявленским // Чтения ОИДР. 1914. — Кн.2. — Отд. 1.

Дон.д.I–V — Донские дела. Кн. I–V // Русская историческая библиотека. — Кн.I — Т. 18. — СПб., 1898; Кн.II — Т. 24. — СПб., 1906; Кн.III — Т. 26. — СПб., 1909; Кн.IV — Т. 29. — СПб., 1913; Кн.V — Т. 34. — СПб., 1917.

Дух.и дог.гр. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.;Л., 1950.

Д.холоп. — *Яковлев А.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. — М.; Л., 1943. — Т. I.

Ежемесячные сочинения — Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие / Ред. Г.Ф.Миллер. СПб., Имп.Ак.наук, 1755–1765 гг.

Ж.Ал.Ош. — Житие Александра Ошевенского 1567 г. — Рукоп. РГБ, ф. 310 (Унд.), № 276. XVI в.

Ж.Серг.Р.Епиф.² — Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия чудотворца списано бысть от премудрейшего Епифания / Сообщ. Архим. Леонид. — ПДПИ. — СПб., 1885. — № 58.

Ж.Стеф.Перм.Епиф. — Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. — СПб., 1897.

Заб.Ик. — *Забелин И.Е.* Материалы для истории русской иконописи // Временник ОИДР. 1850. — Кн. 7.

Заб.Разр. — Дополнения к Дворцовым разрядам, собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты И. Забелиным. Ч. 1. — Чтения ОИДР. — 1882. — Кн.1. — Отд. 1.

Зализняк 2004 — *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. — М., 2004.

Зап.Сильв. — Записки Сильвестра Медведева // Записки русских людей времен Петра Великого. — СПб., 1841.

Златоуструй — *Малинин В.Н.* Десять слов Златоуструя XII века. — СПб., 1910.

ИВ – Иосифо-Волоколамский монастырь. РГАДА, ф. 1192, оп. 2.

Иванов 1990 — *Иванов В.В., Панкратова Н.П., Сумникова Т.А.* Хрестоматия по истории русского языка. — М., «Просвещение», 1990. — 496 с.

Изб.Св. 1073 г.² — Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.) в три тома / под общата редакция на акад. Петър Диневков. — София : Изд-во на Българската Академия науките, 1991. — Т. 1. — Исследвания и текст. — 728 с.; Т. 2. — Речник-индекс.— София, 1993. — 220 с.

Изб.Св. 1076 г.¹ — Изборник 1076 г. / Изд. 2-е, переработ. и доп. / Изд. подгот. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Гольшенко. Под ред. А.М. Молдована. Т. I–II. М: «Рукописные памятники Древней Руси», 2009.

Изм. — Сельскохозяйственные книги дворцового села Измайлова – Рукоп. ГИМ ОПИ, ф. 342 Барятинские, ед. хр. 47. Опувл. в журнале *Palaeoslavica*. — XVI / 2008. — № 1 (Cambridge, Massachusetts): «Книга посевная, ужиная и умолотная всякому хлебу дворцового села Измайлова (1689–1692)» — С. 148–164.

Ио.екз.Бог.¹ — *Sadnik L.* Johannes von Damaskus / Ἰωάννης ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes. — Wiesbaden: Freiburg. — 1967–1983. — Bd. I–IV.

Иос.Вол.Сл.об. — Трактат Иосифа Волоцкого о неприкосновенности церковных и монастырских имуществ // *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. — Киев, 1901.

Ипат.лет. — Ипатьевская летопись // ПСРЛ — СПб., 1908 (воспроизв. текста издания 1908 г. — М., 1962).

Ист.Трои — История в ней же пишет о разорении града Трои. — М., 1709.

Кабард.-рус.д. — Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. — М., 1957. — Т. I.

Каз.ист. — Казанская история / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. — М.:Л., 1954.

КБ Ник. — *Никольский Н.* Кириллов Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века (1397–1625). — СПб., 1910. — Вып. 2. — Отд. 2.

Кирша Дан. — Сборник Кирши Данилова. / Под ред. П.Н. Шеффера. — СПб., 1901.

Кн.гос.нар. — *Кологривов С.Н.* Записные вносные книги большому государеву наряду (1641–1649) // Вестник археологии и истории. — СПб., 1906. — Вып. 17. Отд. II.

Кн.Енохова — Соколов М.И. Славянская книга Еноха Праведного. Тексты, латинский перевод и исследование.— Чтения ОИДР — 1899. — Кн. 4; 1910. — Кн. 4.

Кн.зап.Моск.ст.III — Записные книги Московского стола 7173 г. (сент.1664 — авг. 1665 гг.) // Русская историческая библиотека. — СПб., 1889. — Т. 11.

Кн.Ивер.м.I — Приходо-расходная книга Иверского Валдайского монастыря 1665–1666 гг. — Рукоп. СПб. ИИ РАН, ф. 181, оп. 2, № 20.

Кн.пер.Водск.пят.II — Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 года, 2-я половина // Временник ОИДР, 1851. — Кн. 11.

Кн.пер.Нил.Столб.IV — Переписные книги Ниловой Столбенской пустыни. — Рукоп. б-ки Смоленского пед. ин-та. 1673 г. (утрачена).

Кн.пер.Рост. — Переписные книги Ростова Великого второй полов. XVII века // РИБ. — СПб., 1889. — Т. 11.

Кн.п.Моск.I–II — Писцовые книги Московского государства / Изд. Русского Географич. об-ва под ред. Н.В. Калачова. — СПб., 1872–1877. — Отд. I–II.

Кн.п.Нижегор. — Писцовая книга 1621–1622 гг. — Писцовая и переписная книги по Нижнему Новгороду XVII века // РИБ. — СПб., 1898. — Т. 17.

Кн.п.Путивл. — Писцовая книга Путивльского уезда 1628–1629 гг. — Рукоп. РГАДА, ф. 1209 Поместный приказ, ед. хр. 368.

Кн.прих.-расх.Ивер.м. — см. Кн.Ивер.м.I.

Кн.прих.-расх.Моск. — Приходо-расходные книги Московских приказов. Кн.1 // РИБ. — М., 1912. — Т. 28.

Кн.расх.Болд.м. — Болдин Дорогобужский монастырь. Книги расходные. — РИБ. — Л., 1924. — Т. 37.

Кн.расх.Дорогобуж.м. — Книга расходная Троицкого Дорогобужского Болдина монастыря 1585–1586 гг. — Рукоп. СПб. ИИ РАН, к. 124, № 139.

Кн.расх.Завелич.ц. — Расходная книга Псковской Завеличской церкви Успения Пресвятыя Богородицы 1531 г. / Сообщено от И.П. Сахарова // Зап. Отделения русской и славянской археологии Археологического об-ва. — М., 1851. — Т. I. — Отд. 3. — С. 1-4.

Кн.Тул. и Каш.зав. — Книги Тульских и Каширских железных заводов // Крепостная мануфактура в России. — Л., 1930. — Ч. 1.

Козм. — Книга глаголема Козмография сиречь описание сего света земель и государств великих. — СПб., 1878–1881. (Изд. ОЛДП № 21, 57, 68).

Козм.V — Книга, нарицаемая Козмография, сиречь всемирное описание земель и назнаменование степенъ во округах небесных. — Рукоп. Пушкинского Дома, собр. В.Н. Перетца, F.IV.91, № 175, нач. XVIII в.

Корм.Балаш. — Кормчая Балашова. — Рукоп. БАН, 21.5.4. XVI в.

Котош.¹ — Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstovanie Alekseja Miħajloviča. Text and commentary / Ed. A.E. Pennington. — Oxford, 1980.

Лавр. — Описание семи рукописей С.-Петербур. Публичной библиотеки П.А. Лавровского // Чтения ОИДР. 1858. — Кн.4.

Лавр.лет. — Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-Археографической комиссиею Академии Наук СССР — первый. — Вып 1. Повесть временных лет. — Издание второе. — Л., 1926–1928. — Вып. 1–3.

Лекс.вокаб.нов. — Лексикон вокабулам новым по алфавиту. / Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сборник ОРЯС. — СПб., 1910. — Т. 88. — № 2. — С. 3-398.

Леонов 1988 — *Леонов Л.М. Evgenia Ivanovna* // Роман-газета. 1988. — № 11.

Лихачев 1957 — *Лихачёв Д.С.* Заключение об указателе источников. — Рукопись. Хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина Санкт-Петербургского ун-та.

Лож. и отреч.кн. — Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А.Н. Пыпиным. — СПб., 1862.

Львов.лет. I–II — Львовская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1910–1914. — Т. 20. — Ч. I–II.

Макарий.ИРЦ — История русской церкви Макария. — СПб., 1857. — Т. I–III.

Максимович 2010 — Византийская Синтагма 14 титулов без толкований в древнеболгарском переводе. Славянско-греческий, греческо-славянский и обратный (славянский) словоуказатели. / Составил Кирилл А. Максимович. Научный редактор Людвиг Бургманн. — Frankfurt am Main. — 2010. — Ч. I–II.

Мат.медиц. — Материалы для истории медицины в России. — СПб., 1881–1885. — Вып. I–IV.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. — М., 1968.

Мерило пр. — Мерило праведное по рукописям XIV в. — М., 1961.

Мин.ноябрь — Месяц ноябрь. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. Труд ИВ. Ягича.—Изд. ОРЯС АН.—СПб., 1886.— С. 267–512.

Мурзакевич 1847 — Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 году, издана по списку, хранящемуся в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова. [Опубл. Н. Мурзакевичем]. — Одесса, Город. тип., 1847. — 35 с., с разд. паг.

Мух. сб. — Сборник [ПА.] Муханова.—СПб., 1836. (изд. 2-е— 1866).

Новг. I лет. — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археоргафической комиссии. — СПб., 1888.

Новг. I лет. (Н.) — Новгородская летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. — М.;Л., 1950.

Новг. IV лет. — Новгородская четвертая летопись / ПСРЛ. — Т. IV. — СПб., 1848; Т. IV. — Вып. 2. — Л., 1925.

Новг.п.кн.I — *Майков В.В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. // ЛЗАК за 1911 г. — СПб., 1912. — Вып. 24. — Кн. 1.

Новг.п.кн.II — *Греков Б.Д.* Описание Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI века // ЛЗАК за 1911 г. — СПб., 1912. — Вып. 24. — Кн. 1.

Новиков 1773 — Древняя Российская Вивлиофика. — Изд. Н.И. Новиков.— М., 1773–1775. — Т. 1-10; М., 1789–1791. — Т. 1-20; Продолжение № 1— 1782, Продолжение № 2 —1776.

Обнорский 1940 — *Обнорский С.П.* Записка в Отделение гуманитарных наук АН СССР о «Словаре древнерусского языка» — Хранится в Моск. отделении Архива РАН, ф. 1618, оп. 1, № 34., л. 1–6.

Оп. I–III. — Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки / Сост. А.В. Горским и К.И. Невоструевым. — М., 1855-1869. — Отд. I–III.

Опис.гос.кит. — Описание книги сея государства китайского или хинского.1731 г. — Ркп. б-ки Смоленского пед. ин-та № 124 (утрачена).

Отказн.кн.южновеликорус. — Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Изд. подгот. С.И. Котков и Н.С. Коткова. — М., 1977.

Палея ист. — Книга бытия небеси и земли (Палея историческая) / Труд А. Попова // Чтения ОИДР. — 1881. — Кн. II.

Пам.Влад. — Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край. / Под ред. С.И. Коткова. — М., 1984.

Панд.Ант. — Пандект Антиоха Черноризца. — Рукоп. ГИМ. Воскрес., № 30.

Патерик Печ. — Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911.

Переп.Мих.Фед. — Переписка царя Михаила Федоровича // Письма русских государей и других особ царского семейства. — М., 1848. — Т. 1.

Петр — Письма и бумаги императора Петра Великого. — СПб., 1887–1946. — Т. I–VII.

Пискар.лет. — Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. — М., 1955. — Т. II.

Пис. к Матюшкину — Письма царя Алексея Михайловича к стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину // Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартнев. — М., 1856.

Писц.д. — Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1. Акты 1587–1627 гг. // Чтения ОИДР. — 1913. — Кн. 2. — Отд. II.

Пов.Вас.Злат. — Повесть о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли / Сообщ. И.А. Шляпкина // ПДПИ, № 31. — СПб., 1882.

Повести — Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Н. Костомаровым // Памятники старинной русской литературы. — СПб., 1862. — Вып. IV.

Посольство Бярятинского — Посольство князя Михаила Петровича Бярятинского // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. — СПб., 1898. — Т. 3.

Пох.журн. — Походный журнал 1695... 1726 года. — СПб., 1853–1855. — Вып. 1–5.

Правда Рус. — Правда Русская / Под ред. Б.Д. Грекова. — М. : Изд-во АН СССР, 1940. — Т. 1–2. — Т. I. Тексты. — 505 с.; Т. II. Комментарии. — 862 с.

Пролог (П.) — Славяно-русский пролог. Ч. I. Сентябрь-декабрь // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. — СПб., 1896. — Вып. 2.

ПСГ — Псковская судная грамота. / Издана Археографической комиссией. — СПб., 1914.

Псков.лет.I–II — Псковские летописи / Пригот. к печати А.Н. Насонов. — М.:Л., 1941–1955. — Вып. I–II.

Псков.п.кн. — Псков и его пригороды. Кн. 1. Писцовая книга по Пскову и его пригородам XVI в. // Сборник Московского архива Министерства юстиции. — М., 1913. — Т. 5.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. — СПб., 1848. — Т. IV; СПб., 1901. — Т. XII.

Пчела — Пчела / Древнерусский перевод. Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. — Т. I–II. — М., «Рукописные памятники Древней Руси». — 2008.

Радзив.лет. — Радзивиловская или Кенигсбергская летопись, I. — СПб., 1902.

Радзив.лет.¹ — Радзивиловская летопись // ПСРЛ. Л. 1989. Т. 38.

РИБ — Русская историческая библиотека. — СПб., 1872–1927. Т. 1–39.

Рим.имп.д.I–IX — Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. — СПб., 1851–1868. — Т. I–IX.

Росп.им.Н.Ром. — Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова... // Чтения ОИДР. — 1887. — Кн. 3. — Отд. I.

Рус.дост.I–II — Русские достопамятности. — М., 1815–1843. — Т. I–II.

Руставели — *Руставели Ш.* Витязь в тигровой шкуре. — М., 1969.

СВГ — Словарь воронежских говоров / Науч. ред.: Г. Ф. Ковалёв. Вып. 1. Воронеж, 2004; Вып. 2. Воронеж, 2007; Вып. 3. Воронеж, 2019.

Свед и зам. — *Срезневский И.И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т. I–IV // Сборник ОРЯС. — Кн. 1, 12, 15, 20 и 22. — СПб., 1867, 1874–1876, 1880, 1881.

СГГД I–V — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. — М., 1813–1894. — Ч. I–V.

Сильвестр, 1553 — Учительные послания священника московского Благовещенского собора Сильвестра к казанскому воеводе А.Б. Шуйскому-Горбатову // Христианское чтение. — 1871. — № 3.

Симони — К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении / Собрал и снабдил вводною статьею и объяснительными примечаниями П. Симони. — СПб., 1906. — Вып. I.

Сим.Послов. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. / Собрал и приготовил к печати П.Симони // Сборник ОРЯС. — СПб., 1899. — Т. 66. — № 7.

Скрижаль — Скрижаль Арсения Грека. — М., 1656.

Сл.Дан.Зат. — Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. — Л., 1952. и «Лексика и фразеология “Моления” Даниила Заточника». — Л., 1981. — 212 с.

Сл. и поуч. против языч. — Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси // Летописи русской литературы и древности. Т. II // Зап. Моск. археологич. ин-та. — 1913. — Т. XVIII.

Сл.мт.Дан. — Слово митрополита Даниила. — *Дружинин В.Г.* Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века // ЛЗАК за 1908 г. — СПб., 1909. — Вып. 21.

Смол.гр. — Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Изд. подгот. Т.А. Сумникова, В.В. Лопатин. — М., 1963.

СП — Суздальский Покровский монастырь. — ГАВО, ф. 575, оп. 1.

Спис.единогл.Аг. — Списание от божественных книг о единогласии церковнем некоего Агафоника // *Преображенский А.Б.* Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII-го века // ПДПИ. — СПб., 1904. — № 155.

Стоглав — Стоглав. — Изд. 2-е. — Казань, 1887.

Столов.обих.Новоспасск.м. — Столовый обиходник Спаса, что на Новом (Новоспасского) монастыря / Сообщ. архим. Леонид // Чтения ОИДР, 1880. — Кн. 3. — С. 24–113.

Ст.сп.рос.послов — Статейный список российских послов князь Антона Ромодановского, И. Висковатого и П. Совина с товарищи, бытности их в Дании... 7072 г. // Маяк. — 1841. — Ч. 20.

Татищев 1968 — *Татищев В.Н.* История Российская. — Л., 1968. — Т. 7.

Татищев 1990 — *Татищев В.Н.* Записки. Письма 1717-1750 гг. — М., 1990 // Научное наследство. — Т. 14.

ТГ — Троицко-Гледенский монастырь. — РГАДА, ф. 1187 оп. 1.

Требник — Требник. — Рукоп. БАН. Арх.д., № 72.

Успенский 1912 — *Успенский А.И.* Столбцы бывшего Архива Оружейной палаты. — М., 1912. — Т. I-III.

Усп.сб. — Успенский сборник XI–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. Под ред. С.И. Коткова. — М., 1971.

Устав ратных д. I–II — Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки в 1607 и 1621 г. / Выбрал из иностранных военных книг Онисим Михайлов [Радишевский]. — СПб, 1777. Ч. II.

Учен.ратн.строения — *Вальгаузен И.Я.* Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. — М., 1647.

Флавий I–II — История Иудейской войны / *La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif. Par V. Istrin.* — Paris, 1934. — Т. 1-2. XI в., по сп. XVI в.

Флавий.Полон.Иерус. II — Иосиф Флавий. О полонении Иерусалима, кн. 4-7. — Копия с рукописи ОР РГБ, ф. 113 (Иосифо-Волокол. м.), № 651, л. 100-160. XI в., по сп. XVI в.

Флавий.Полон.Иерус.(Арх.) — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия / Древнерусский перевод. — Т. I–II. Изд. подгот. А.А.Ричхадзе, И.И.Макеева, Г.С.Баранкова, А.А.Уткин. — М., «Языки славянской культуры». — 2004.

Флоринова економия — Флоринова економия. — СПб., 1775.

Х.Афан.Никит. — Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472. — М.;Л., 1958.

Х.Игн.См. — Хождение Игнатия Смольнянина 1389–1405 гг. / Под ред. С.В.Арсеньева // Правосл.Палестинск.сб.—СПб, 1887.—Т.IV. Вып. 1.

Хоз.Мор. I–II — Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. [Хозяйство боярина Б.И. Морозова, ч.I] // Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства. — М.:Л., 1933. — Вып. I.

Шестоднев — Шестоднев Иоанна, екзарха Болгарского. / Изд. подгот. Г.С. Баранкова. — М., 1998.

Эбаноидзе 1989 — *Эбаноидзе А.* Вниз и вверх // Дружба народов. — 1989. — № 10.

Юрнал — см. Пох. журн.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анучин В. И. Материалы к областному словарю сибирского наречия. Красноярский уезд Енисейской губернии // Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отделения РГО, 1902, т. 1, вып. VI. — С. 34-71.

Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг. / А.В. Арциховский, В.И. Борковский. — М. : «Наука», 1963. — 226 с.

Астахина Л. Ю. Особенности наименований участков в русских сельскохозяйственных книгах XVI–XVIII вв. // Системные отношения в лексике северновеликорусских говоров / под ред. Ю. И. Чайкиной. — Вологда: Изд-во Вологодского гос. пед. ин-та, 1982. — С. 106-120.

Астахина Л. Ю. Словоуказатель и задачи исторической лексикографии // Теория и практика русской исторической лексикографии / под ред. Г.А. Богатовой, Г.Я. Романовой. — М.: «Наука», 1984. — С. 243-252.

Астахина Л. Ю. Картотека ДРС как база для лингвистических исследований // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка / под ред. Г. А. Богатовой [и др.]. — М. : «Наука», 1995. — С. 21-45.

Астахина Л. Ю. Древнерусская рукописная картотека XI–XVII вв. // Вопросы языкознания — 1996. — № 4. — С. 115-119.

Астахина Л. Ю. К семидесятипятилетию Картотеки ДРС // Восточнославянская историческая лексикография на современном этапе / к 75-летию Древнерусской рукописной картотеки XI–XVII вв. / под ред. Л. Ю. Астахиной. — М., 2002. — С. 14-32.

Астахина Л. Ю. Слово и его источники : Русская историческая лексикология, источниковедческий аспект : монография. — М. : Изд-во Московского гос. ун-та печати, 2006. — 332 с.

Ашнин Ф. Д. «Дело славистов»: 30-е годы / Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов / Под ред. Н.И. Толстого. М., «Наследие», 1994. — 285 с.

Баракова О. И. Таможенные книги как жанр деловой письменности русского языка XVII века : (на материале книг таможен Северного речного пути) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01; Вологодский гос. пед. ин-т. — Вологда, 1995. — 16 с.

[Барков И. С.] Сокращенная российская история [приплетена к книге : Г. Курас. Сокращённая универсальная история. Перевод Б. Волкова]. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1763. – С. 357-390.

[Барков И. С.] Библиотека Российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. Часть 1. Летопись Несторова с продолжителями по Кенигсбергскому списку до 1206 г., изд. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1767. – 366 с.

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. – М. : «Наука», 1976. – 326 с.

Бахтурина Р. В. Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов // Лингвистическое источниковедение / под ред. С. И. Коткова. – М., 1963. – С. 35-57.

Бахтурина Р. В. Лексика «Назирателя» в источниковедческом аспекте : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01; ИРЯ АН СССР. – М. : 1982. – 22 с.

Безсонов П. А. Материалы для жизнеописания К.Ф. Калайдовича и особенно для изображения ученой его деятельности // Чтения ОИДР. – М. : 1862. – Кн.3. – С. 3- 276.

Беляев И. Д. Крестьяне на Руси : исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. – М. : Университетская. тип., 1860. – 326 с.

Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев, белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Труды Ин-та этнографии, им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия. Т. XXXI. Восточнославянский этнографический сборник / Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. – М. : 1956. – С. 3-458.

Богатова Г. А. О работе над Малым словарем древнерусского языка XI–XVII вв. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1966. – Т. XXV. – Вып. 6. – С. 524-527.

Богатова Г. А. Соотношение цитаты и словаря (об особенностях иллюстрирования слов и значений в словарях исторического жанра) // Вопросы языкознания. – 1980. – № 6. – С. 56-58.

Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии. – М. : «Наука», 1984. – 255 с.

Бондалетов В. Д. Арготическая лексика в диалектологических словарях русского языка : о критическом отношении к словникам ранее составленных областных словарей // Слово в русских народных говорах. – Л. : «Наука», 1968. – С. 66-112.

Бондалетов В. Д. В. И. Даль и тайные языки в России. – М. : «Флинта: Наука», 2005. – 456 с.

Борисова Е. Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. – Смоленск : Смоленский гос. пед. ин-т, 1974. – 146 с.

Борхвальдт О. В. Лексика золотопромышленности в аспекте исторического терминоведения русского языка / автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01; Томский гос. ун-т. – Томск, 2000. – 56 с.

Валк С. Н. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В. Н. Татищева // В. Н. Татищев. История Российская. – Л. : «Наука», 1968. – Т. 7. – С. 5-35.

Варбот Ж. Ж. Славянские этимологии // Этимология. Ежегодник. 1979. – М. : «Наука», 1981. – С. 28-42.

Васильев А. Д. Введение в историческую лексикологию. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ин-т, 1997. – 104 с.

Верещагин Е. М. Древнейший славянский богослужебный сборник «Ильина книга» / Факсимильное воспроизведение рукописи. Билinearноспатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Подгот. Е. М. Верещагин. – М. : «Индрик», 2006. – XLVI+978 с.

Веселовский С. Б. Ономастикон. – М. : «Наука», 1974. – 382 с.

Виноградов В. В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 3-22.

Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике // В. В. Виноградов. Избранные труды. В 5-ти томах. – Т.2. – М. : «Наука», 1975. – 559 с.

Виноградов В. В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // В. В. Виноградов. Избранные труды. В 5-ти томах. – Т. 3. Лексикология и лексикография. – М. : «Наука», 1977. – 312 с.

Винтер Э. И. В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732 г.) //XVIII век. – М.;Л.:АН СССР, 1959. № 4. С.313-322.

Витвицкий Н. Практическое пчеловодство или Правила для любителей пчёл, извлечённые из долговременного опыта с объяснением вновь усовершенствованного улья.– СПб. : Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1835–1845.– Ч. I–V [I –174 с., II – 240 с., III – 240 с., IV – 241 с., V – 178 с.].

Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII в. / Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства.–Л., 1977. 164 с.

Волков С. С. Стилиевые средства деловой письменности XVII века на материале челобитных. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006. – 342 с.

Вопросы образования восточнославянских языков / под ред. В. П. Волгина. – М., 1962. – 143 с.

Высоцкий С. А. Киевские граффити XI–XVII вв. – Киев : «Наукова думка», 1985. – 207 с.

Выхрыстюк М. С. Деловые документы Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII в. как лингвистический источник : автореф. дисс. ...канд. филол. наук : 10.02.01; Уральский гос. ун-т. – Екатеринбург, 1999. – 22 с.

Выхрыстюк М. С. Тобольская письменность XVII–XVIII вв. в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01; Челябинск. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2008. – 56 с.

Гольщенко В. С. Конец строки и приёмы его маркирования в раннем восточнославянском письме / под ред. А. М. Молдована, В. В. Калугина // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – М. : «Древлехранилище», 2000. – С. 9-25.

Гольденберг Л. А. О занятиях И. К. Кирилова русской историей / Материалы к биографии К. Кирилова и В. Н. Татищева / Л. А. Гольденберг, С. М. Троицкий // Археографический ежегодник за 1970 год. – М. : «Наука», 1971. – С. 145-157.

Городилова Л. М. Словарь языка памятников Приенисейской Сибири XVII века / Проект. Источники. Пробные словарные статьи / Препринт. – Хабаровск, Хабаровский гос. пед. ун-т, 2000. – 116 с.

Городилова Л. М. Письменность Приенисейской Сибири XVII в. и региональная историческая лексикография : автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Хабаровск : Хабаровский гос. пед. ун-т, 2004. – 48 с.

Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. – М. : «Наука», 1977. – 365 с.

Горячева Т. В. К этимологии русск. диал. *мотрошить* // Этимология. Ежегодник. 1979. – М. : «Наука», 1981. – С. 92-97.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века / изд. 2-е, испр. и доп. – М.;Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – Кн. 1-2. – Кн 1. – 534 с.; Кн. 2. – 468 с.

Григорьев А. В. Источниковедение истории русской библейской фразеологии : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01; МПГУ. – М., 2008. – 40 с.

Гриценко З. А. Загадочное слово *бъдынъ* // Русская речь. – 1978. – № 6. – С. 107-109.

Добродомов И. Г. Хотя слово и есть в словарях... // Русская речь. – 1973. – № 1. – С. 124-127.

Добродомов И. Г. Проблемы филологической достоверности слова в словарях // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии : тезисы конференции. Октябрь 1975 г. Москва. – Вып. 4. Теория и практика исторической лексикографии. (Посвящается 50-летию Картотеки ДРС). – М. : 1975. – С. 29-32.

Добродомов И. Г. Язык исчез – слова остались // Русская речь. –

1978. – № 1. – С. 89-92.

Добродомов И. Г. Грамматическая и лексическая семантика в старинном тексте (призрачное слово *чрп* и хронология слова *сырп*) // Грамматическая семантика русского языка – Сб. научных трудов. – Вологда : Вологодский гос. пед. ин-т., 1983. – С. 53-54.

Добродомов И. Г. Проблемы источников для русской исторической лексикологии нового времени // Вопросы языкознания. 1995. – № 1. – С. 117-125.

Добродомов И. Г. Как появляются и живут “призрачные” слова // *Palaeoslavica*. – Cambridge – Massachusetts, 1998. – VI. – P. 273-280.

Добродомов И. Г. О “призрачных” словах // Русская речь. – 1999. – № 1. – С. 101-104.

Добродомов И. Г. Полнота эксцерпированного материала и достоверность лексикологических разысканий (тюркизм *зелена*, *зелень*, *зилян* в русской письменности) // *Palaeoslavica*. – Cambridge – Massachusetts, 2000, VIII. – P. 297–311.

Добродомов И. Г. Проблема исторической достоверности материала в исторических исследованиях // Древняя Русь : вопросы медиевистики. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2002. – № 4 (10). – С. 5-20.

Добродомов И. Г. О призрачных словах у лексикографов / И. Г. Добродомов, В. В. Шаповал // *Palaeoslavica*. – Cambridge – Massachusetts, 2005. – XIII. – № 1. – P. 331-337.

Добродомов, И. Г. Проблемы этимологии в нормативной лексикографии / И. Г. Добродомов. Магадан: Новая полиграфия, 2009. 32 с.

Добродомов И. Г. Об одном призрачном слове у В.И. Даля (Вклад Ахмеда Ибн Фадлана и О.И. Сенковского в русскую лексику) // И. Г. Добродомов. Владимир Даль в счастливом доме на Пресне. – М. : Academia, 2010. – С. 99-108.

Добродомов И. Г. Об аланизмах в русском языке // И. Г. Добродомов. Избранные труды по этимологии и лексикологии. – М. : МПГУ, 2015. – С. 162-167.

Добродомов И. Г. Существовало ли на Волге слово *фурстовина*? // И. Г. Добродомов. Избранные труды по этимологии и лексикологии. – М. : МПГУ, 2015. – С. 206-213.

Жуковская Л. П. О публикации памятников русского языка и письменности / Л. П. Жуковская, С. И. Котков // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 114-126.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 1. СРНГ, А-3 // *Dialectologia Slavica*. – М. : «Индрик», 1995. – С. 183-195. [На обложке: Сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна].

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 2. СРНГ. И–К // Слово и культура / Памяти Никиты Ильича Толстого. – М. : «Индрик»,

1998. – Том. 1. – С. 93-103.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 3. СРНГ. Л–М // Слово во времени и пространстве: сб. статей к 60-летию В.М. Мокиенко. – СПб. : ФОЛИО-ПРЕСС, 2000. – С. 265-282.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 4. СРНГ. Н–О // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2001. – С. 265-281.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 5. СРНГ, О–П // Аванесовский сборник / К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. – М. : «Наука», 2002. – С. 382-389.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 7. СРНГ. П // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2002. – С. 120-131.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы // *Palaeoslavica*. – Cambridge – Massachusetts, 2012. – XX. – № 1. – С. 261-276.

Замятина Н. А. Терминология русской иконописи. – М. : «Языки русской культуры», 1997. – 271 с.; 2-е изд. – 2000. – 271 с.

Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 2. Запреты в домашней жизни // Сб. Музея антропологии и этнографии. – Л. : 1930. – Т. 9. – С. 1-167.

Зеленцов И. А. Методика распознавания древнерусских скорописных текстов : автореф. дис. ... канд. технич. наук : 05.13.17; Моск. гос. технич. ун-т им. Н. Э. Баумана: – М., 2011. – 16 с.

Иванцова Е. В. Картотека «Полного словаря диалектной языковой личности» как источник изучения идиолексикона // Восточнославянская историческая лексикография на современном этапе (источники, картотечные собрания, словари) / К 75-летию Древнерусской рукописной картотеки XI–XVII вв. – М., 2002. – С. 235-238.

Извлечение из протоколов заседаний Академии в июне, августе, сентябре и октябре 1867 г. / ОРЯС // Записки Академии наук. – СПб., 1867. – Т. XII. – Кн. 1. – С. 73-86.

Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка / под ред. Г. А. Богатовой, З. М. Петровой. – М., 1991. – Ч. 1. – 296 с., Ч. II. – 111 с.

Ильинский Г. А. Юрьевская грамота 1130 г. / Подгот. текста и публикация Г. С. Баранковой // Лингвистическое источниковедение и история русского языка / под ред. А. М. Молдована, В. В. Калугина. – М. : «Древлехранилище», 2000. – С. 321-356.

Инструкция для составителей «Словаря русского языка XI–XVII

вв.». – М. : ИРЯ РАН, 1988. – 73 с.

Исаченко А. В. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып.1 (А–Б). – М., 1975. [Рецензия] // Russian Linguistics. – 1976. – Vol. 3. – P. 63-81.

Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка / под ред. Р. И. Аванесова. – М., 1964. – 336 с.

Историческая лексикология и лексикография русского языка / Методические материалы в помощь студентам и преподавателям филологич. фак-та. – Вологда, Вологодский гос. пед. ин-т, 1988. – 64 с.

Истрин В. М. А. А. Шахматов как учёный // Известия ОРЯС Российской академии наук. – Пг., 1920. – Т. XXV. – С. 23-43.

Казакова Н. А. О загадочном слове “итолок” новгородских и псковских летописей // ТОДРЛ. – Л.: «Наука», Ленинградское отд-ние, 1969. – Т. XXIV. – С. 139–142.

Калайдович К. Ф. Письмо действительного члена Общества истории и древностей российских К.Ф. Калайдовича к Н.Н. Бантыш-Каменскому об издании государственных российских грамот и договоров. – М. : Тип. Селивановского, 1814. – 19 с.

Калайдович К. Ф. Сведения о трудах Швайпольта Феоля, древнейшего славянского типографщика. – М., 1820. – 13 с.

Калачов Н. В. Псковская судная грамота / Рец. Н. В. Калачова // «Москвитянин», 1847. – Ч. 1. – Вып. 1. – № 2. – С. 178.

Капралова С. Г. Из наблюдений над словарным составом Псковской судной грамоты // УЗ МГПИ им. В. П. Потемкина. Кафедра русск. языка – М., 1954. – Т. 33. – С. 177-184.

Каратаев И. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491–1730.. – СПб. : Изд-во Акад. наук, 1861. – 288 с.

Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. – М. : «Наука», 1979. – 494 с.

Кафенгауз Б. Б. Псковские “изорники” // Уч. зап. Моск.гос. пед. ин-та им. К. Либкнехта. Серия историч.. – М., 1939. – Вып. II. – С. 28-48.

Кафенгауз Б. Б. О псковских крестьянах XV–XVI вв. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. – М.: АН СССР, 1952. – С. 132-139.

Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. I. Источники изучения и вопросы авторства документа. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 119 с.;

Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. II. Филологический метод анализа документов. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 120 с.

Кириллов И. Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Вели-

кий, отец Отечества, император и самодержец всероссийский. – М. : Унив. типография, 1831. – Кн. 1-2. – Кн. 1– 184 с.; Кн.2 – 202 с.

Князевская О. А. Некоторые вопросы словоделения текста // Лингвистическое источниковедение / под ред. С. И. Коткова. – М., 1963. – С. 24-34.

Князевская О. А. Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности / О. А. Князевская, С. И. Котков. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 64 с.

Ковтун Л. С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. – Л. : «Наука», 1977. – 111 с.

Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. (старшая разновидность). Тексты. – Л. : «Наука», 1989. – 295 с.

Козлов В. П. Колумбы российских древностей. – М. : «Наука», 1981. – 168 с.

Козлова А. Ю. “Трудные” слова в текстах и словарях // Герменевтика древнерусской литературы. – Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького, Общество исследователей Древней Руси РАН. – М. : 1993 (на обложке – 1994). – Сб. 6. – Ч. 2. – С. 342-357.

Козлова А. Ю. Загадочные слова ключице и ключь Толковой Палеи. // Русская речь. – 1994. – № 3. – С. 75-80.

Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 295 с.

Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. – Л. : «Наука», 1977. – 211 с.

Котков С. И. О совместном издании древнерусских скорописных памятников лингвистами и историками // Лингвистическое источниковедение / под ред. С. И. Коткова. – М., 1963. – С. 5-23.

Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). – М. : «Наука», 1963. – 235 с.

Котков С. И. О предмете лингвистического источниковедения // Источниковедение и история русского языка / под ред. С. И. Коткова. В. Ф. Дубровиной. – М., 1964. – С. 3-13.

Котков С. И. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVIII – начала XVIII века / С. И. Котков, Н. П. Панкратова. – М. : «Наука», 1964. – 312 с.

Котков С. И. *Пасека, осек и пчельник* в прошлом в южновеликорусской области // УЗ МГПИ им. В.И. Ленина. № 341. Вопросы филологии. – М. : 1969. – С. 139-145.

Котков С. И. Отказные книги // Вопросы языкознания. – 1969. – № 1. – С. 130-135.

Котков С. И. Монастырские фонды рукописей во Владимирском областном архиве (XVII – нач. XVIII в.) / С. И. Котков, Н. Ф. Савченко

// Изучение русского языка и источниковедение / под ред. В. Ф. Дубровиной. – М., 1969. – С. 211-222.

Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII вв.. – М. : «Наука», 1970. – 317 с.

Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. – М. : «Наука», 1974. – 359 с.

Котков С. И. Несколько замечаний о Русской грамматике Лудольфа // Источники по истории русского языка / под ред. С. И. Коткова, В. Я. Дерягина. – М., 1976. – С. 104-108.

Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – М. : «Наука», 1980. – 292 с.

Котков С. И. От линейной меры к качественной в XVII в. [Из истории выражений *большой руки*, *малой руки* и т. п.] // Русская речь. – 1985. – № 5. – С. 138-141.

Котков С. И. Источниковедческие исследования и научное издание памятников в области русского языка // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. / под ред. В. Г. Демьянова, Н. И. Тарабасовой. – М., 1991. – С. 3-12.

Коткова Н. С. Названия русских бортных знамен – историко-лингвистический источник // Исследования по лингвистическому источниковедению / под ред. С. И. Коткова, О. А. Князевской. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 120-133.

Коткова Н. С. Книги Денежного стола // Источниковедение и история русского языка / под ред. С. И. Коткова, В. Ф. Дубровиной. – М., 1964. – С. 190-202.

Коткова Н. С. Выявление московских лексических норм XVII в. путём сравнения с периферийными данными // История русского языка и лингвистическое источниковедение / под ред. В. В. Иванова. А. И. Сумкиной. – М., 1987. – С. 131-142.

Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. – М. : Изд-во Синодальной типографии, 1868. – 306 с.

Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в.. – М.;Л. : «Наука», Ленинградское отделение, 1965. – 462 с.

Кретов А. А. О «Македонском словаре с русскими толкованиями» // Материалы по русско-славянскому языкознанию / Межвуз. сб. науч. трудов под ред. Г. Ф. Ковалева. – Вып. 23. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998. – С. 44–52. [Вып. посвящается 200-летию Адама Мицкевича] / Выпуск сборника приурочен к открытию XII-го Международного Съезда Славистов (Kraków – 1998).

Кретов А. А. Славянские этимологии: монография. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2009. – 364 с.

Крысько В. Б. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 18 (Потка-Преначальный). – М. : «Наука», 1992. – 288 стр. [Рецензия] // *Russian Linguistics*. – 1994. – № 18. – С. 242-247.

Крысько В. Б. [Рецензия на публикации:] *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. Teil 3: 20. bis 24. Dezember einnschlie*lich der Sonntage vor Christi Geburt*. Besorgt und kommentiert von Dagmar Christians, Dieter Stern und Arnd Wöhler; hrsg. von Hans Rothe (=Abh. der Nordrhein-Westfälischer Akademie der Wissenschaften, Bd. 105; *Patristica Slavica*, Bd. 6), Opladen, Wiesbaden 1999, XL, 802 S.; *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM)*. Mit einer Paläographischen Beschreibung von E. V. Šul'gina; hrsg. von Hans Rothe (=Abh. der Nordrhein-Westfälischer Akademie der Wissenschaften, Bd. 106; *Patristica Slavica*, Bd. 7), Wiesbaden 2000, XLVI, 610 S.; *Das Dubrovskij-Menäum. Edition der Handschrift F. N. I 36 (RNB)*. Besorgt und kommentiert von M. F. Mur'janov; überarbeitet und mit deutschen Übersetzungen versehen von Hans Rothe und Arnd Wöhler; hrsg. von Hans Rothe (=Abh. der Nordrhein-Westfälischer Akademie der Wissenschaften, Bd. 104; *Patristica Slavica*, Bd. 5), Opladen, Wiesbaden 1999 – LXX, 322 S. // *Russian Linguistics*. – 2002. – Vol. 26. – № 3. – 381-386.

Крысько В. Б. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): Проблемы и перспективы // *Вопросы языкознания*. – 2007. – № 1. – С. 103–118.

Крючкова Л. Л. Словарные материалы Г. С. Новикова-Даурского как источник для русской исторической лексикологии: Дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01; Московск. пед. гос. ун-т. – М., 2012. – 287 л.

Крючкова Л. Л. Комментарий к «Словарной картотеке Г. С. Новикова-Даурского». – Благовещенск: Изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2014. – 158 с.

Кудрявцева И. Г. Эволюция процессов словообразования и морфемообразования в системе субстантивной префиксации (на материале препозитивного компонента *псевдо-* // *Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: Материалы Всероссийской Академической школы-семинара под ред. С. С. Волкова (отв. за вып. С. А. Эзерина)*. – СПб., 2005. – С. 103–112.

Кулакова Л. И. Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева // XVIII век. Сб. 11 : Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени / под ред. Г. П. Макогоненко. – Л. : «Наука», Ленинградское отд-ние, 1976. – С. 16-23.

Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. – Л. : «Наука», Ленинградское отд-ние, 1977. – 228 с.

Курас Г. Введение в генеральную историю, изданное на немецком языке от Гильмара Кураса, а на русский язык переведено анцеллярии Академии наук секретарем Сергеем Волчковым. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1747.– 242 с. [Издано под заглавием: Сокращенная универсальная история / Пер. с нем. С. Волчкова. – СПб., 1748].

Кутина Л. Л. К вопросу о синонимии в языке XVII в. // Уч. зап. ЛГУ. Серия филол. наук. – 1958. – Вып. 42. – № 243. – С. 104-134.

Ламбин Н. О слепоте Якуна и его златотканной луде / Критико-филологическое разыскание // Журнал Министерства народного просвещения. – М., 1858, май. – С. 34-78.

Ларин Б. А. Проект древнерусского словаря (Принципы, инструкции, источники). – М.;Л. : Изд-во АН СССР, 1936. – 175 с.

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (избранные работы): уч. пособие для студентов пед. ин-тов / Сост. Б. Л. Богородский, Н. А. Мещерский. М.: «Просвещение», 1977.– 224 с.

Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 2002. 685 с.

Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. / под ред. Г. А. Богатовой, Л. Ю. Астахиной. – М. : ИРЯ АН СССР, 1991.– 194 с.

Левшин В. Всеобщее и полное домоводство, в котором ясно, кратко и подробно показываются способы сохранять и приумножать всякого рода имущества, с показанием сил обыкновенных трав и домашней аптеки и проч. и проч., с приложением нужных гравированных рисунков / Издано трудами Василья Левшина, члена Имп. Санкт-петербургскаго и Лейпцигскаго вольных экономических обществ, состоящее в XII частях. – М.: Университ. тип. у Хр. Редигера и Хр. Клаудия иждивением их. – СПб., 1795. – Ч. 1-12. – Ч. 10. – X, 236 с.

Лихачев Д. С. Текстология. – М.; Л. : «Наука», Ленинградское отделение, 1962. – 605 с.

Ломов А. М. Два этюда о тёмных местах в «Слове» // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, ВГУ, 2003. – Вып. 25. – С. 25-33.

Ломов А. М. «Слово о полку Игореве» и вокруг него. – Воронеж, Издательско-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та. – 2010. – 244 с.

Ломоносов М. В. Замечания на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского. Репорт в Конференции Академии наук 16 сентября 1746 г.» // М. В. Ломоносов. Избранные произведения в 2-х томах. – М. : Ин-т истории естествознания и техники АН СССР, «Наука», 1986. – Т. 2. – 15-22.

Мазилова А. Ю. Исторические хроники 1535–1609 гг. как лингвистический источник : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01; М. : Московский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М., 1980. – 14 с.

Майков Л. Н. А. Д. Галахов. Некролог // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. Балашева, 1892. – Ч. 284 – № 12, Декабрь. – С. 124–133. [Отд. оттиск. – С. 3-8.]

Малышева И. А. Язык Архангельской таможенной книги XVIII века : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01; МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1975. – 24 с.

Малышева И. А. Памятники деловой письменности XVIII в. как объект лингвистического источниковедения. – Хабаровск : Изд-во Хабаровского гос. пед. ин-та, 1997. – 182 с.

Материалы для истории Императорской Академии наук. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. – Т. 1. – 700 с.

Меркулова В. А. Мелкие заметки по истории и этимологии слов // Этимология. 1971. – М. : «Наука», 1973. – С. 183-190.

Мжельская О. С. К вопросу о словарном составе диалекта периода феодальной раздробленности / на материалах псковской деловой письменности XIV–XV вв. // УЗ 1 ЛГПИИЯ. Новая серия. – 1955. – Вып. II. – 28-59.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена; сочинено Герардом Фридериком Миллером, историографом и профессором Университета Академии наук и Социетета аглинского членом / Перевели Василий Лебедев и Иван Голубцов. – СПб. : при Имп. Акад. наук, 1750. – Кн. I. – 457 с.

[Милютин В. А.] Очерки русской журналистики, преимущественно старой / Ежемесячные сочинения: журнал 1755–1764 годов // «Современник» в Тип. Эдуарда Прона, 1851. – Т. XXV. – Отд. I. – С. 1–52; Отд. II. – С. 157–182, – Т. XXVI. – Отд. II. – С. 1-48.

Михайлова Л. П. Наименования народных игр и танцев в севернорусских говорах // Лексика и грамматика севернорусских говоров / Межвуз. сб. научных трудов / под ред. В. И. Чернова. – Киров, Кировский гос. пед. ин-т, 1986. – С. 139-146.

Моисеева Г.Н. Археографическая деятельность Н. И. Новикова // XVIII век. Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. – Л.: «Наука», 1976. – С. 24-36.

Молдован А. М. Лексика древнерусского перевода в региональном аспекте. – М. : ИРЯ РАН, 1994. – 84 с.

Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. – М. : «Азбуковник», 2000. – 759 с.

Мордкович М. В. Типы лексических замен в архангельской та-

моженной книге 1719 г. : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01; МПГУ. – М., 2000. – 16 с.

Мордовина С. П. Об источниках «Словаря русского языка XI–XVII вв.» / С. П. Мордовина, Г. Я. Романова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 3. – С. 52–56.

Мордовина С. П. Картотека ДРС и перспективы ее пополнения / С. П. Мордовина, Г. Я. Романова // Вопросы практической лексикографии / под ред. Р. П. Рогожниковой. – Л. : «Наука», 1979. – С. 36–41.

Мызников С. А. Начало русской диалектной лексикографии // Опыт областного великорусского словаря и Дополнение к Опыт областного великорусского словаря / Репринтное издание. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – С. VI–XVI.

Неустроев А. Н. “Древняя российская вивлиофика”. 1788–1791 гг. : библиографическое описание. – М. : Тип. Товарищество друзей. – 1873. – 29 с.

Нидерле Л. Славянские древности. / Пер. с чешского Т. Ковалевой и М. Хазанова. Предисл. проф. П. Н. Третьякова. Редакция А. Л. Монгайта. – М. : Изд. иностранной литературы, 1956. – 450 с.

[Никольский Н. К.] Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). – Л. : Изд. АН СССР, 1929. 24 с.

Новиков-Даурский Г. С. Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского / Подготовка к печати: Л. В. Кирпикова, В. В. Пирко, И. А. Стринадко. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – 198 с.

Обнорский С. П. Хрестоматия по истории русского языка / С. П. Обнорский С. Г. Бархударов. – М. : Учпедгиз, 1938. – 320 с.

Обнорский С. П. Русская грамматика Лудольфа 1696 года // С. П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1960. – С. 144–162.

Оленин А. Н. Краткое рассуждение об издании Полного собрания деесписателей // «Сын Отечества», 1814. – Ч. XII. – № 7. – С. 18–19.

Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория : автореф. ...дис. д-ра филол. наук : 01.02.19; Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2010. – 34 с.

Пекарский П. История Академии наук. – СПб. : Изд. ОРЯС АН, 1870. – Т. I. – XVIII+774 с.

Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы / В. Н. Перетц. – Петроград, «Academia», 1922. – 164 с.

Платонов С. Ф. К вопросу о Никоновском своде. – СПб. при Имп. Акад. наук, 1902. – 128 с.

Погодин М. Псковская летопись, изданная на иждивении Общества Истории и Древностей Российских, при Московском университе-

те. – М. : Унив. типография, 1837. – 294 с.

Погодин М. О трудах г-дь Беляева, Бычкова, Калачова, Попова, Кавелина и Соловьёва по части русской истории // «Москвитянин», журнал на 1847 год, издаваемый М. Погодиным. – М.: Унив. типография, 1847. – Ч. I. – С. 155–184.

Поленов Д. В. Библиографическое обозрение русских летописей Д. Поленова – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1850. – 148 с.

Попова З. Д. Виды синтаксических связей в Азовской записной книге 1698–1699 гг. : дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 1954. – 476 л.

Попова З. Д. Система предложных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. : дисс. ...д-ра. филол. наук: 10.02.01 – русский язык; Воронежский гос. ун-т.–Воронеж, 1969. 600 с.

Попова З. Д. Введение в языкознание / Пособие для практических занятий / Науч. ред. – д.ф.н. проф. И. А. Стернин. – Воронеж, Изд-во ВГУ, 1993. – 72 с.

Попова З. Д. Рукописи XVII–XVIII вв. в Курском областном архиве // Исследования источников по истории русского языка и письменности / под ред. Л. П. Жуковской, Н. И. Тарабасовой. – М., 1966. – С. 225–235.

Попова З. Д. Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII в./З. Д. Попова, С. И.Котков. – М. : «Наука», 1986. 160 с.

Правила издания исторических документов в СССР. – М. : Гл. архив. упр-е при СМ СССР, – 2-е изд., перераб. и доп., 1990. – 186 с.

Припадчев А. А. Проблемы исторической лингвистики текста. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. – 600 с.

Припадчев А. А. Теоретические основы исследования речевой системности текста : дисс. ...д-ра. филол. наук : 10.02.19; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 444 л.

Припадчев А. А. История русского литературного языка; уч. пособие, 2-е изд. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та. – 2010. – 122 с.

Приселков М. Д. История рукописи Лаврентьевской летописи и её изданий // Уч. зап. ГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1939. Т. XIX.С. 181-200.

Прокопович П. И. Избранные труды по пчеловодству. – М. : Сельхозгиз, 1960. – 312 с.

Пронштейн А. П. История и лингвистика / А. П. Пронштейн, Ю. В. Коваленко, Л. А. Введенская. – [Ростов] : Изд-во Ростовского ун-та, 1970. – 115 с.

Редин Е. К. Лицевые рукописи собрания графа А.С. Уварова // Древности. Труды Имп. Московского Археологического общества. – М., 1904. – Т. XX.– Вып. I. – С. 81–98, с 13-ю таблицами.

Русская историческая лексикология и лексикография под ред. С. С. Волкова. – Л. : Ленингр. ун-т. – 1983. – Вып. 3. – 142 с.

Романова Г. Я. Филологическая достоверность слова и лексикографическая практика // Русская историческая лексикография на современном этапе / К 25-летию издания «Словаря русского языка XI–XVII вв.» / под ред. М. И. Чернышевой. – М., 2000. – С. 223–231.

Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв.. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1992. – 171 с.

Руководство к содержанию пчёл во все времена / Выписано из английского подлинника. – СПб.: Печат. в тип. Горного училища – 1788. – 182 с.

Русская региональная лексика XI–XVII вв. / под ред. В. Я. Дерягина. – М. : ИРЯ АН СССР, 1987. – 252 с.

Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненная коллежским советником Имп. Акад наук корреспондентом Петром Рычковым. – СПб. : при Имп. Акад. наук, 1762. – Ч. 1. – 331 с.; Ч. 2. – 262 с.

Савельева Е. А. Издание русских летописей в «Sammlung Russischer Geschichte» Г. Ф. Миллера // Немцы в России: Петербургские немцы / под ред. Г. И. Смагиной. – СПб., 1999. – С. 506–510.

Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II на основании документов Архива Конференции Имп. Акад. наук. – СПб.: Тип. «Сириус», 1914. – 161 с.

Серебрянский Н. Древне-русские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. – М.: ОИДР при Моск. ун-те, 1915. – т. I–VI, 295 с; Тексты – С. 1–186.

Сидоренская Н. Д. Нетные книги Псково-Печерского монастыря 1682 г. – Псков : Псковский гос. пед. ун-т, 2010. – 170 с.

Смирнова О. И. Картотека Древнерусского словаря (ДРС) // Лингвистические источники : фонды Института русского языка / под ред. С. И. Коткова, А. И. Сумкиной. – М., 1967. – С. 100–124.

Соболевский А. И. Докладная записка о составлении словарей древнерусского и старорусского языков // Вопросы языкознания. – 1960. – № 2. – С. 110.

Соболевский А. И. Палеографические снимки с русских грамот / А. И. Соболевский, С. А. Пташицкий. – СПб. : Археол. ин-т, 1903. – № 41. – 13 с, 52 л. илл.

Совещание по проблемам источниковедения и издания памятников // Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка. – М., 1962. – Т. XXI. – Вып. 2, март-апрель. – С. 182–185.

Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии: краткий очерк. – М.: Гл. архив. упр-е при СМ СССР. 1967. 157 с.

Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неиз-

вестных памятниках. – Т. 3. – № 87. Житие Андрея Юродивого // Сб. ОРЯС. – СПб., 1880. – Т. 20. – № 4. – С. 149-184.

Статина Н. В. Динамика учетно-регистрационных документов Флоро-Лаврской церкви села Белоярского в аспекте лингвистического источниковедения (по архивным материалам конца XVIII – начала XX в.) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01; Челябинский гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2010. – 23 с.

Страхов А. Б. По страницам Словаря русского языка XI–XVII вв. (замечания и поправки) // *Palaeoslavica*. – Cambridge, Massachusetts. – VI. – 1998. – P. 253–272.

Страхов А. Б. Из области обрядовой терминологии: ц.-слав. трызна, (б)дынъ, etc. // *Palaeoslavica*. – Cambridge, Massachusetts. – X. – 2002, № 2. – P. 166–196.

Страхов А. Б. К древнерусской текстологии (замечания и поправки к изданиям разных лет) // *Palaeoslavica*. – Cambridge, Massachusetts. – XI. – 2003. – P. 199–213.

Страхов А. Б. По страницам *Словаря русских народных говоров* (замечания, поправки, соображения) // *Palaeoslavica*. – Cambridge, Massachusetts. – XII. – 2004. – № 1. – P. 254-324.

Страхов А. Б. О мнимой “призрачности” др.-русск. **бдынъ** (реплика) // *Palaeoslavica*. – Cambridge, Massachusetts. – XIII. – 2005. – № 1. – P. 338–341.

Страхов А. Б. Об «испанской» нашивке и «сопящем» дьяке // *Palaeoslavica*. – Cambridge, Massachusetts. – XV. – 2007. – №1. – P. 345-346.

Страхов А. Б. По страницам Словаря русского языка XI–XVII вв. (замечания и поправки, соображения): дополнения // *Palaeoslavica*. – Cambridge, Massachusetts. – XVI. – 2008. – P. 218–275.

Судаков Г. В. Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика): уч. пособие по спецкурсу. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1978. – 101 с.

Сумкина А. И. Обзор некоторых материалов московской деловой письменности XVIII века // Памятники русского языка: исследования и публикации / под ред. В. С. Гольщенко, А. И. Сумкиной. – М., 1979. – С. 55–64.

Сухомлинов М. И. Проект издания собрания русских писателей / М. И. Сухомлинов, А. А. Шахматов // Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.) – Л. : Изд-во АН СССР, 1929. – С. 18–20.

Тарабасова Н. И. О некоторых особенностях языка деловой письменности // Источниковедение и история русского языка / под ред. С. И. Коткова, В. Ф. Дубровиной. – М., 1964. – С.157–172.

Тарабасова Н. И. Лингвистические сведения в подстрочных примечаниях // Памятники русского языка: вопросы исследования и издания / под ред. Л. П. Жуковской, Н. С. Котковой. – М., 1974. – С.258–267.

Тарабасова Н. И. Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. – М. : «Наука», 1986. – 164 с.

Терновский М. Календарь для любителей пчеловодства или опытное наставление, служащее к содержанию пчел, расположенное на каждый месяц в году, с немецкого на российский язык переведенное Московской академии студентом Матвеем Терновским. – М. : Сенатская тип., 1793. – 277 с.

Титов В. Т. Квантитативные характеристики лингвистических объектов как проблема лингвистической онтогностики // Проблемы лингвистической прогностики / под ред. А. А. Кретова. – Воронеж, 2002. – Вып. 2. – С. 51-80.

Томашевский Б. В. Писатель и книга / Очерк текстологии. – «Прибой», 1928. – 229 с.; 2-е изд. М., «Искусство», 1959. – 279 с.

Токмачева И. Б. Поручные записи как памятники русского языка : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01; ИРЯ АН СССР. – М., 1984. – 17 с.

Трубачев О. Н. К вопросу о реконструкции различных систем лексики // Лексикографический сборник. – М., 1963. – Вып. 6. – С. 3–16.

Трубачев О. Н. Следы язычества в славянской лексике: 1. *trizna*, 2. *peti*, 3. *kovь* // О. Н. Трубачев. Труды по этимологии : Слово. История. Культура. – Т. 1–2. – М., 2004. – Т. 1. – С. 694-706.

Трубачев О. Н. *Ad septuagintam* // О. Трубачев. Заветное слово. – М. : ИИПК «Ихтиос», 2004. – С. 137–147. [Союз писателей России. – Славянский мир. Приложение к журналу «Новая книга России»].

Трусман Ю. А. Финские элементы в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии: сообщение, сделанное в заседании Отделения этнографии 7 дек. 1884 г. – СПб., 1885. – С. 11–13.

Улуханов И. С. Древнерусское *бъдынъ* // Историческая грамматика и лексикология русского языка. / Материалы и исследования / под ред. Р. И. Аванесова. – М. : ИРЯ АН СССР, 1962. – С. 196-200.

Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке: доломонсовский период отечественной русистики. – М. : «Наука», 1975. – 232 с.

Устрялов Ф. Н. Исследование Псковской судной грамоты 1467 г. – СПб. : Тип. А. Фридрихсона, 1855. – 192 с.

Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы (на материале англ. языка). – М.: ИЯ АН СССР, 1962. – 287 с.

Филин Ф. П. Исследование о лексике русских говоров: по материалам сельскохозяйственной терминологии. – М.;Л.: ИЯМ АН СССР, 1936. – 207 с.

Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (По материалам летописей). – УЗ ЛГПИ. Т. 80. Кафедра русского языка. Серия Slavica / под ред. акад. Б. М. Ляпунова. – № 1. – Л., 1949. – 287 с.

Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. – София, 1957. – С. 523–538.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков : историко-диалектологический очерк. Л. : «Наука», 1972. 655 с.

Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М. : «Наука», 1981. – 326 с.

Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. – М. : «Наука», 1984. – 175 с.

Хабургаев Г. А. Локальная письменность XVI–XVII вв. и историческая диалектология // Изучение русского языка и источниковедение / под ред. В. Ф. Дубровиной. – М., 1969. – С. 104–126.

Хитрова В. И. Слово “бильдюга” в воронежской письменности // Вопросы грамматики и лексики русского языка / Известия Воронежского гос. ун-та. – Воронеж, 1972. – Т. 126. – С. 149–152.

Хитрова В. И. Воронежские ревизские сказки XVIII в. // Источники по истории русского языка / под ред. С. И. Коткова, В. Я. Дерягина. – М., 1976. – С. 51–59.

Хорошкевич А. Л. Новые новгородские грамоты XIV–XV вв. // Археографический ежегодник за 1963 г. – М., 1964. – С. 264–276.

Черепнин Л. В. А. Л. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки // Л. В. Черепнин. Отечественные историки XVIII–XX вв. – М. : «Наука», 1984. – С. 45–73.

Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии : древнерусский период. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 243 с.

Чернышев В. И. Тёмные слова в русском языке // В. И. Чернышев. Избранные труды в двух томах. – М. : Просвещение, 1970. – Т. 1. – Ч. 2: Лексикология и лексикография. – С. 303–317.

Чикунев И. М. Электронное издание древнерусских рукописей и первопечатных книг // Интеллектуальные технологии и системы / Сб. статей аспирантов и студентов. – М., 2001. – С. 61–63.

Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Русским Географическим обществом. Юго-Западный отдел / Материалы и исследования в 7 томах, собранные П. П. Чубинским. – СПб., РГО, 1872–1878. – Т. 7,

вып. 1: Евреи, поляки – племена малорусского происхождения. – Малоруссы. – 1872. – 367 с.; Т. 7. – Вып. 2: Малоруссы Юго-Западного края. – СПб.: Изд. под наблюдением П. А. Гильтебрандта. 1872. – С. 368–608

Шагапова О. М. Ревизские сказки первой половины XVIII в. // Памятники русского языка : исследования и публикации / под ред. В. С. Голышенко, А. И. Сумкина. – М., 1979. – С. 65-75.

Шагапова О. М. Фонетико-морфологические данные ревизских сказок первой половины XVIII в. // История русского языка: Исследования и тексты / под ред. В. Г. Демьянова, В. Ф. Дубровиной. – М., 1982. – С. 53–75.

Шаламова А. Н. Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (на материале двух авторских томов) / Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М. : ИРЯ РАН, 1996. – 50 с.

Шаламова А. Н. Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (на материале двух авторских томов) // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 35-54.

Шаповал В. В. В. И. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса // Русский язык в научном освещении. – М., 2009. – № 1(17). – С. 158-181.

Шаповал В. В. Единого слова ради // Добродомов И. Г. Избранные труды по этимологии и лексикологии. – М.: МПГУ, 2015. – С. 6-10.

Шаповал В. В. Номенклатура лингвистической географии: проблема унификации // Актуальные проблемы русской диалектологии : К 100-летию Диалектологической карты русского языка в Европе. Тезисы докладов Международной научной конференции 30 октября – 01 ноября 2015 г. – М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2015. – С. 222-223.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. – Пг., ОРЯС Ак. наук, 1915. (Энциклопедия славянской филологии. – Вып. 11/1). – 367 с.

Шлецер А. Л. Правда Русская, данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и его сына Изяслава Ярославовича / Изд. А. Л. Шлецера. – СПб. : при Имп. Акад. наук, 1767. – 47 с.

Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древне-славенском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудвиком Шлецером; пер. с нем. Дмитрий Языков. – СПб. : Имп. типография, 1809–1816. – Ч. I–III [Ч. I. – 1-175 с., 1-477 с.; Ч. II. – 833 с.; Ч. III. – 687 с.].

Шлецер А. Л. Общественная и частная жизнь А. Л. Шлецера, им самим написанная // Сб. ОРЯС. – СПб., 1875. – Т. XIII. – 532 с.

Шляпкин И. А. Русская палеография. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1913. – 102 с.

Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М. : «Просвещение», 1964. – 244 с.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М. : «Наука», 1973. 280 с.

Шмелева И. Н. Играя в карты (о названиях карточных мастей) // Русская речь. – 1969. – № 6. – С. 100-102.

Щепкин В. Н. Учебник русской палеографии. – М. : Изд. ОИДР при Моск. ун-те, 1918. [на обл.: М. : Госиздат, 1920]. – 182 с.

Юрасова В. В. Десятни – источники по истории русского языка XVI–XVII вв. : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01; МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1974. – 24 с.

Юхт А. И. О записках и письмах В. Н. Татищева // Научное наследство. Том 14: Василий Никитич Татищев : записки, письма. 1717–1750 / под ред С. Р. Микулинского. – М. : «Наука», 1990. – С. 5-32.

Keenan E. L. S. G. Barkudarov et al. eds. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.: Fasc. I–IV, Index of Sources. [Рецензия] – Kritica. A review of current soviet books on Russian history. – Vol. XIV, № 1. Winter 1978. – Cambridge, Massachusetts. – С. 17-20.

Lunt H. G. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv., vyp. III–IV / H. G. Lunt [Рецензия] // Language, vol. 55, № 4. – 1979. – P. 920-924.

Maier Ingrid. Verbalrektion in den “Vesti-Kuranty” (1600–1660). Teil 2. Die präpositionale Rektion. – Uppsala. Universitet. – 2008. – 466 s.

Nosowicz J. Словарь русского языка XI–XVII вв. (вып. 1, 2, 3). [Рецензия] // Slavia Orientalis, Rocznik XXVII, № 1. [Рецензия] – Warszawa, 1978. – S. 125-128.

Schibli R. Die ältesten russischen Zeitungübersetzungen (Vesti-Kuranty). 1600–1650. Quellenkunde, Lehnwortschatz und Toponomastik. – Bern; Frankfurt am Main; New York; Paris. – 1988. – Bd. 29. Slavica Helvetica. – 376 s.

Skeat W. W. Presidential address on ‘Ghost-Words’ / W. W. Skeat // Transactions of the Philological Society. 1885–1887; Published for the society by Trübner & Co., Ludgate Hill, London, 1887. – P. 350–373.

СЛОВАРИ

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков : 2-е изд., испр. и доп. – М.;Новосибирск ; Сибирское отд-ние Ин-та филологии, 2000. – 767 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : «Советская энциклопедия», 1966. – 607 с.

Беляева О. П. Словарь говоров Соликамского района Пермской области / под ред. Е. А. Голушковой. – Пермь, 1973. – 706 с.

Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. – М. : «Советская энциклопедия», 1966. – 768 с.

Борхвальдт О. В. Словарь золотого промысла Российской империи. – М. : «Русский путь», 1998. – 240 с.

Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. – СПб., 1843–1844. – Т. 1–2. –Т. 1: А-П. 1843. – 487 с.; Т. 2. Р-Ө. 1844. – 415 с.

Вахитов С. Карточная терминология и жаргон XIX века: словарь., 2-е изд, испр. и доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2007. – 296 с.

Войтенко А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. – Изд. 2-е доп., испр. – М. : Моск. пед. ин-т, 1995. – Вып. 1. – 216 с.

Войтенко А. Ф. Лексический атлас Московской области. – М. : Изд-во МОПИ им. Н. К. Крупской, 1991. – 223 с.

Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. – Киев : «Киевская старина», Друк акційного товариства, 1907–1909. – Т. 1–4. [Т. 1, А-Ж. – 1907. – 495 с.; Т. 2, З-Н. – 1908. – 575 с.; Т. 3, О-П. – 1909. – 507 с.; Т. 4, Р-Я. – 1909. – 564 с.].

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. В 4-х томах. – М. : «Цицель», 1998. – Т. I, А–З. – 944 с.; Т. II, И–О. – 1024 с.; Т. III, П–Р. – 896 с.; Т. IV, С–V. – 832 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М. : «Русский язык», 1989-1991. – Т. I–IV.

Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия: по рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот. А. И. Левичкин и С. А. Мызников. – СПб. : «Наука», 2006. – 678 с.

Дифференциальный сербско-русский словарь / Сост. Л. А. Ми-чачек. – П. А. Лавров. Краткая грамматика русского языка. – СПб., 1903. – 728 с, 58 с.

Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. – Смоленск : Тип. Силина, 1914. – Т. 1-2. Т.1. А-Ничемь. – 488 с.; Т.2. Ни-щенький-Я. – С. 489-1022.

Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. – СПб. : Издание 2-го Отделения Имп. Акад. наук, 1858. – 328 с.

Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. – М. : «Моск-витянин», 1845. – Т. 1-2. – Т. 1 – 328 с.; Т. 2 – 290 с.

Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря Древней Руси / под ред. Б. Д. Грекова. – М.;Л.: Изд. АН СССР, 1937. – 487 с.

Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собрал на месте и составил Герман Куликовский. – СПб.: Изд. ОРЯС Имп. Акад. наук, 1898. – 151 с.

Лавровский П. А. Сербско-русский словарь. СПб. : Изд. ОРЯС Имп. Акад. наук, 1870. – 806 с.

Миртов А. В. Донской словарь: материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов-на-Дону, 1929. – 415 с. [Труды Северокавказской ассоциации науч.-исслед. ин-тов № 58].

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Имп. Акад. наук. – СПб., 1852. – 275 с.

Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи Сибири XVII – первой половины XVIII в. / под ред. В. В. Палагиной, А. К. Тимофеева. – Новосибирск, «Наука», Сибирское отд-ние, 1991. – 180 с.

Пискунов Ф. Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи / Составил Фуртунат Пискунов :2-е изд., испр. и доп. – Киев, 1882. 304 с.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собрал на месте и составил Александр Подвысоцкий. – Изд. 2-го Отделения Имп. Акад. наук. – СПб., 1885. – 198 с.

Полякова Е. Н. Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. – Т. 1–2.– Т.1: А-О, Т. 2: П-Я.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка / Составил А. Преображенский. – М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1910–1914. – Т. 1 А-О, – 674 с., Т. 2. П-С – 419 с., вып. последний (тело–ящур) – М.;Л., 1949. – 144 с. [Труды ИРЯ АН СССР. – Т. I].

Псковский областной словарь с историческими данными. – вып. 1-25. – Л.;СПб.: Изд-во ЛГУ – С-Петербур. ун-та, 1967–2014. – Вып. 1-25. – Вып. 19. – 2008. – 436 с.; Вып. 20. – 2008. – 446 с.

Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / под ред. Е. Н. Борисовой. – Смоленск : Смоленский гос. пед. ун-т, 2000. – 367 с.

Русско-чешский словарь / под ред. Л. В. Копецкого, О. Лешки. – М.: «Русский язык», Прага : Гос. пед. изд-во, 1978. – Т. 1–2. – Т. 1. А-О. – 863 с., Т. 2. P-Z. – 580 с.

Сельскохозяйственная энциклопедия в 6-ти частях / под ред. В. Мацкина, П. Лобанова. – М., 1969–1975.– Ч. 5. – 1974. – 1120 стб. [т. 1. – 1969 – 1200 стб.; т. 2. – 1971. – 1232 стб.; т. 3. – 1972. –1184 стб.; т.4. –1973. – 1376 стб.; т. 5. 1974. – 1120 стб.; т. 6 – 1975. – 1232 стб.]

Серейский Б. Краткий литовско-русский словарь. – Каунас : Гос. изд-во энциклопедий, словарей и научн. литературы Литовской ССР. – 1948. – 314 с.

Словарь воронежских говоров. Вып.1. А – Вячать. – Воронеж, ВГУ, 2004, 304 с. – Вып.2. Га – Жучок. – Воронеж, ВГУ, 2007, 307 с. – Вып.3. З – Й. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2019. 503 с.

Словарь говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск : АН СССР : Сибирское отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии, 1979. – 605 с.

Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья / под ред. О. И. Блиновой. – Томск, Том. гос. ун-т, 2003.– 369 с.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / под ред. Р. И. Аванесова (т. 1-6), И. С. Улуканова (т. 5-6), В. Б. Крысько (т. 7-10). – М.: «Русский язык», 1989–2014. – Т. I–X.

Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. – Томск, Изд-во Томского ун-та, 2001. – 335 с.

Словарь обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под ред. О. С. Мжельской. – СПб. : «Наука», 2004–2014. – Т. 1–6. [Т. 1: А-Бязь, 2004. – 333 с., Т.2: В-Вопь, 2006. – 349 с., Т. 3: Вор-Вящий, 2010. – 123 с., Т.4: Гагара-Гуца, 2011. – 312 с., Т. 5: Да-Дотянуть, 2012. – 341 с., Т. 6: Доучиваться-Заехать, 2014. – 360 с.].

Словарь промысловой лексики Русского Севера XV–XVII вв. / под ред. Ю. И. Чайкиной [и др.]. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 2003–2005. – Т. 1–2. [Т. 1 – 285 с.; Т. 2. – 332 с.].

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / под ред. А. С. Герда. – СПб. : С.-Петербур. ун-т, 1994–2005. – Вып. 1–6. – Вып. 4 : Необрятный–Поружорной.– 1999. – 687 с.

Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии, «Наука», Сибирское отделение, 1979. – 105 с.

Словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск, Изд-во СО РАН ОИГГМ, 1999–2006. – Т. 1-5. [Т. 1, ч. 1 А-Г: 1999. – 304 с.; Т. 1, ч. 2 Д-И : 1999. – 291 с.; Т. 2 К-Н : 2001. – 392 с.; Т. 3 О-П : – 2002. – 488 с.; Т.4 П-С : 2005. – 507 с.; Т. 5 Т : – 2006. – 394 с.].

Словарь русских донских говоров. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. н/Д. гос. ун-та, 1975–1976. – Т. 1–3. – Т. 1– А-3 (закласть) – 172 с., Т. 2 – 3 (заклевать) – П (перветка) – 224 с., Т.3 (первитка) – Я. – 207 с.

Словарь русских народных говоров. – Л.;СПб. / под ред. Ф. П. Филина [и др.]. – 1965–2015. – Вып. 1–47.

Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби / под ред. В. В. Палагиной. – Томск, 1967. – Т. 1–3. – Т. 2: Ж-О.– 1965. – 233 с.

Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой, Г. П. Князьковой, Т. Н. Поповцевой, М. Н. Судоплатовой, Л. Л. Кутиной, В. В. Замковой. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. – 1957–1958. –Т. 1-4.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. С. Г. Бархударова, Д. Н. Шмелева, Ф. П. Филина, Г. А. Богатовой, В. Б. Крысько, Р. Н. Кривко. – М., 1975–2019. – Вып. 1–31.

Словарь русского языка Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. – СПб., при Имп. Акад. наук, 1806–1826. – Т. I–VI. [Т. 1 А-Г : 1806. – 1310 стб.; Т. 2 Д-К : 1809. – 1178 стб.; Т. 3 К-Н : 1814. – 1444 стб.; Т. 4 О-П : 1822. – 1536 стб.; Т. 5 П-С : 1822. – 1142 стб., Т. 6 С – до конца : 1822. – 1478 стб.].

Словарь современного русского литературного языка / под ред. В. И. Чернышева, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина и др. – М.;Л. : «Наука», 1948–1965. – Т. 1-17.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. –М.:«Русский язык»,1994.–842 с.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», ОГИЗ, 1935–1941. – Т. I-IV.

Толстой И. И. Сербско-хорватско-русский словарь / И. И. Толстой. – М. : «Советская энциклопедия», 1970. – 735 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М. : «Прогресс», 1964-1973. Т. I А-Д : 1964. – 562 с.; Т. II Е-Муж : 1967. – 671 с.; Т. III Муза-Сят : 1971. – 827 с.; Т. IV Т-Ящур : 1973. – 855 с.

Цомакион Н. А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в. – Красноярск, КГПИ, 1971. – 581 с.

Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. – М., «Наука», 1974-2019. – Вып. 1-42.

Этимологический словарь современного русского языка / под ред. А. К. Шапошникова. – М. : Флинта: Наука, 2010.– Т. 1-2. – Т. 1 – 582 с.; Т. 2. – 576 с.

Билецкий-Носенко П. Словник української мови / підгот. до вид. В. В. Німчук. – Київ : «Наукова думка», 1966. – 422 с.

Геров Н. Речникъ на българскый языкъ съ тлъкувание речи-ты на българскы и на русскы. – Пловдив, Дружественна печатница «Съгласие», 1895–1897. – Т. 1-2 [Т. 1: – 1895. – 396 с.; Т. 2. – 1897. – 448 с.].

Гістарычны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. А. І. Жураўскага, А. М. Булькі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977–2014. – Вып. 1–34. – Вып. 34. – Мінск : «Беларуская навука», 2014. – 428 с.

Никовський А. Українсько-Російський словник. – Київ : Гороно, 1926. – 864 с.

Словник староукраїнської мови XIV–XV вв. / под ред. Д. Г. Гринчишина [и др.]. – Київ : «Наукова думка», 1977–1978. – Т. 1–2.

Словник української мови в 11 томах. – Київ : «Наукова думка», 1970–1980. – Т. 4. – 1973 – 840 с.

Тимченко Е. Историчний словник українського язика / Уложили Е. Тимченко, Е. Волошин, К. Лазаревська, Г. Петренко / Зредачував Е. Тимченко – Харків-Київ, Держ. вид. України, 1930. – Т. 1-2. [Т. 1. Зошит 1. – А-Глубина. – 528 с.].

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, Wiedza powszechna, 1957. – 805 с.

Linde M. S. B. Słownik języka polskiego / Przez M. Samuela Bogumiła Linde. Wydanie drugie, poprawne i pomnożone staraniem i nakładem Zakładu narodowego imienia Ossolińskich. – Lwów : w Drukarni Zakładu Ossolińskich : 1854–1860. – Т. I–VI. [Т. I, A–F. – 1854. – 684 s.; Т. II, G–L. – 1855. – 693 s.; Т. III, M–O. – 1857. – 642 s.; Т. IV, P. – 1858. – 740 s.; Т. V, R–T. – 1859. – 763 s.; Т. VI, U–Z. – 1860. – 1232 s.]

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. – Praha : Československá Akad. Věd. – 1957. – 627 с.

Rusko-slovenský slovník. – Bratislava : Slovenske pedagogicke nakladatel'stvo, 1973. – 758 s.

ПРИЛОЖЕНИЕ

а. Список псевдогапаксов, рассмотренных в работе

абодье? – ободень	302
агемонь – гемонь	318
агностанинь – анагностанинь	318
атно? – ажно	303
актарь – актазь	293
алабырь – алатырь	322
анева – огнева	302
арегва – артель	304
Артикул поварня – Артикул поварничь	417
арьимагерь – архимагерь	318
Асфорд – Аскольд	282
астет – растет	393

атульга? – отульга?	302
ацчпак – оцепок <i>или</i> оцшпок	322
бадьюное (олово) – блюдное	403
банолда – бахалда	322
бгатшан – батман	322
бебначальное – събезначальное	289
бежа – дежа	375
без (без языкъ един) – бѣ язык един	281
безгазъна – блазнь	318
беззажю – безъ <i>и</i> зажь	318
безрешенье – безвремяе, безвременице)	322
безславие – безъ <i>и</i> славна	318
безуговный – безугомонный	344
бех языкъ единъ – бѣ язык единъ	281
белеот – белест(ь)	375
березле (при березлѣ) – при берегу	280
бильдяга – бильдюга	308, 314
битоок – битюк	322, 323
благодаровати – благый <i>и</i> даровати	290, 318
благоприятъи – благоприятънъ	318
благословѣствовати – благословѣствовати	318
благослованънѣ – благостотанънѣ	318
благочинѣстивие – благочинѣствие	318
благощь – благодарити	318
блazarничать – близирничать	378
блазнь – съблазнь	318
близарить – близирить	378
блоудорезъ – блюдо <i>и</i> рѣзь	318
боголюбица – боголюбъный	318
богопоклонникъ – Богъ <i>и</i> поклонникъ	318
богослово – Богъ <i>и</i> слово	318
богоуоудольникъ – Богъ <i>и</i> угодникъ	318
богочесливый – богочестивый	345
бодаст – бодасто	345
боритися – братися	318
борсоуковыи – ‘кабаний’ (от порсоукъ?)	318
боушикъ? – божникъ?	303
бочевъ (бчвъ) – бѣчвъ	314
братоучадо – братъ <i>и</i> чадо	318–319
бреговати – небреговати	319
брисады – присады	41, 264, 385
буером – буераг	323

буларка – букарка <i>или</i> бухарка	323
бурсага – буерага	323
буткарь – бушкар	292–293
буфага – буерага	323
Буфеково – Буераково	323
буфон – буерак	323
бухвальный – б(ог)ухвальный	345
бухвистить – б(ог)увѣстить	345
бѣдимь – небѣдимь	319
бѣдынь, дын ?	274
бѣрзити – дѣржати	319
бѣрь – боров	319
бѣчелька – бѣчька	319
быжок – бычок	345
быка (нагаи быка Сторохани кочевали) – бы к Асторохани	280
бѣдноизглаголань – бѣдно <i>и</i> изглаголаны	319
бѣднооутѣшьнь – бѣдно <i>и</i> оутѣшены	319
ваванок – варанок	323
вадево – вадь его	345
важа – вѣжа	302
вамять – воумлять	345
вапуй – валуй	304
варско – варварско	285
ведемь – (<i>вм.</i> ведомь?)	319
вѣдий – вѣдь	314
велегливый – велѣглаголивый	345
велятся яти – велят ся яти	298
верешѣна – веретено (‘стрекоза’)	324
вермие (дубное) – вершие	293
вертильник – вершильник	304
вершала – фершала (‘фельдшера’)	345
ветно, ветненько – вешно, вешненько	324
вечерита – вечерьня	319
взя – вся	282
вигнось – виноградъ гѣнь	286, 288
виринье – иверенье(я)	324
вирвььнага – вѣрвььнага	319
витичи – вятичи	282
власт – в лист, в масть	346
влиофика – вивлиофика	319
влненный – волненный	314–315
водалицу – во далицу	353

воименки – волменки	346
вокна – волна	312
волдат– солдат	324
волкодлак – вукодлак + волк	346
вопудать – вопу дать	346
воробъ – своробъ	319
восты – волосты	284
вотерпое (в отерпое) – ватерпас	378
вохрый – вохра, охра	315
вочник – вогник, огник	346
вперевал – в перевал	346
враты (пред враты) – пред врагы	283
врачениѣ – в рачениѣ	320
врачитисѧ – брачитисѧ	319
врось княжья – в роскняжье	421
всилянъ – всклянъ	324
всполог – всполох	357
всточный – восточный	315
въвожии – вожь	319
въвържены – врежены	319
въдрожитисѧ – въдрожитисѧ	319
възблагодѣань~ – въз и благодѣань~	319
възбороти – въз зборѣ ('в сборе')	317, 319
възводьнитисѧ – възвонитисѧ	319
възвращениѣ – възращениѣ	319
възглаголаниѣ – въз и глаголаниѣ	319
въздържьнъ – невъздържьнъ	319
възмѣтитисѧ – възмѣтитисѧ	319
възпрызъпати – выспры и зъпати	319
възтачати – възскакати, възтакати	319, 320
възтраплѣти – възстраплѣти	319
възтръпѣтитисѧ – възстръпѣтитисѧ	319
въключитисѧ – възключитисѧ	319
вълшва – вълшба	319
въмѣник – въмѣнениѣ	319
въобразениѣ – възображениѣ	319
въсклизнѣмъ – възкликнѣмъ	290
выватия – вывотня, выводня ('выводница')	325
выдѣати – вы и дѣати	319
выжливец – вежливец	325
вызыбать – възобать	347

выкнати – выкнути	319
вымястись – вымяться	347
выньзати – вынизти	319
вырутить – вырушить	325
вых – вех (цикута)	325
вылохы (ловят) – ловят в ых (в прудах) лохы	296
вьрпати – вретти, вьрпоу	319
вьсевидѣние – вьсь и видѣние	319
вьседѣство – вьсь и дѣство	319
вьселоукавьство – вьсь и лоукавьство	319
вьсенечствивьи – вьсь и нечствивьи	319
вьсестепенньи – вьсь и степенньи	319
вьсесьмышлениѣ – вьсь и съмышлениѣ	319
гаклунь? – паклун?	302
гамока – галюка	325
гарузь? – чарус?	302
гапельник – чапельник	293, 325
гаснь – баснь	263, 299–300
Гачеславу – Вячеславу	282
гладок – глазок	347
гларе (себѣже гларе) – себе жегларе	279
глотная грамота – льготная грамота	264, 384
глоубь – вьглоубь	319
глоубѣи – глоублии	319
глушенесь ночи – глуше несть ночи	347
гместо – вместе	347
гнѣта – <i>от инф.</i> гьноути	317
гоёт – гнёт	326
гождаше – хождаше	282
голѣмый – глаголемый	320
голкъ – бысть голка	285
Голоперьемь – Колоперемь	265
голоть~ – голоть	319
голошедь – гололедь	326
гонезти – гонезноути	319
(из) гор его – из рог его	284
горазду – праздну	418
гордыхать – дрогать, дрогахать (‘дрожать’)	347
горипни – гори пни	347
городискьи – городищьскьи	319
городискымь – городскымь	266
горокуха – горькуха	348

горошно (зърно) – горюшно, горушно	285
горы (дасть 4 горы) – 4 города	283
готонить (готона девки) – гомонить	348
гоус – гнус	326
градънии – пѣтыградънии	319
граты – грамоты	284
грахованье – страхованье	320
гредить – грезить	348
грепольствовати – гренольствовати	319
греч-от – кречет	348
грьдля (и грьдля дают) – игры глядают	113, 308–309, 314
гря – гля ('для')	326
гряду – граду	282
гтовословье – готовословье	319
(по) Губу – по Бугу	281
гудить – чудить	326
гунак – гунан, гуначик	304
гунужинкан – госпожинкин (пост)	348
гунявый вова – гунявый, гунявова (<i>род. надеж</i>)	378
гурак – гуран	348
гускарка – гутарка	326
гуш – гуж	326
гядера – ядера	348
давно (давно видехъ землю) – дивно	282
дань – таль ('заложник')	267
даропри~мьникъ – дароприимьникъ	319
дворьцькыи – дворьчьскыи	319
Двуносаду – дву носаду	266
двоусаженъ – дѣва и сажень	319
дивьяковы – диковы	// 286, 288
(за) дивьяном – за буяном	283
дланицы – де(и,ь)яницы, дяницы	292
дмити, дмитися – дуги, дугися	315
дньсьспсеныи – днѣ сыѣсеныи	289
(по) добию – по доубию	285
добропѣсныи – добропѣсьныи	317
доброушьице – доброумьице	348
доводъ ле – до Водъле	281
доволѣньствовати – довольньствовати	317
докочивахуть – докоучивахуть	284
долии – дольнии	319
долъжник – долбежник	326

домонально – досконально	326
домъникъ – съдомъникъ	319
доскърблѣти – оскърблѣти	319
достоиноуѣсныи – достоиноуѣсныи	317
достоѣнно – пачедостоѣнно	319
досъмыслѣти – недосъмыслити	319
досѣденик – досажденик	319
дотлый – дошлый	348
дотѣчи – дотѣгноути	319
доушевноѣденик – съдоушевноѣденик	319
дрѣмово (дрѣмово задать) – дралово задать	326
(съ) Дудутокъ – с добытъкы	422
дынъ, бдынъ, одынъ	275–277
дълвина – дълвина	319
дълвиѣ – дълвиѣ	319
дягъ – дяго	319
дяже семига – дяжесем ига	317
дяка – невдяку	348
единедържавьнъ – ѣдинъ и държавьныи	319
ѣдиносъпасьныи – ѣдинъ и съпасьныи	319
едоша – едома	305
елибица – егибица	327
ерхакук – ерхалук (‘архалук’)	327
ечера – Печера	264
жадовник – жадовик	327
жажель – тяжель, тяжесть	303
желоудьныи – крижьможелоудьный (μυροβάλανος)	319
же лъвь – желвь	281–282
жерельныи – безжерельныи	319
жечьство – жесточъство	319
жидовати – жидововати	319
жизти – незти	320
жподка – исподка	327
жюр – кюр	295
забегник – забежник	327
заболошный – заболотный	327
задыгуменье – позадь гуменья	348
Заечьи (Заечь и Миловцы) – заечьими ловцы	280
закуртеветь – закуржаветь	327
закуша – зыкуша	328
заломел – заломы	328

запарес – запуск	328
заповани~ – заповажени~	319
заповелѣнь – зане повелѣньни	320
заповоде – заповеда (‘заповедал’)	283
заправинка – взапровинку	349
запрашкий – заправский	328
запрека – взапреку	349
запуха – пазуха	349
зарощенье – за рощенье	349
зскалиться – заскаться	349
заскарбло – заскорбнуть, заскорубнуть	379
засопса – засопся (‘заснул’)	349
застрясть – застрять	359
засцелой – засцалой, зассалый	349
захвой – захваст, захвост	328
зачаиться – загойться	349
зворог – изворог	308
зезл – жезл	349
зелеки – зенки	328
зелен – <u>жилэн</u>	295–296
зень – зепь, зебь	328
зерковать – зерновать	329
злыдни – злы дни	310
знык – знак	329
зоила – збила, сбила	329
зуркаться? – туркаться?	303
зълити – жзълити	320
зябти – зяблость	315
игливый – игръливый, игреливый, игрливый	408
идол (от идол служитель) – идолослужитель	298
изазяднуть – зазябнуть	349–350
изарбарный – изорбатный	350
избори – изборьныи	319
извѣщети (исвѣще) – из свѣще	319
извъноудоу – извъноуоудоу	319
издроблень – съдроблень	319
издрогноутис# – съдрггноутис#	319
иззелень – и и зелень	295
изинбиль – и и зинбель	307
излишьшии – излишии	319
измитя – изми тя	350
изпопърникъ – съпопърникъ	320

изскрыти – изкрыти	319
изслѣпити – слѣпити	320
изтесание – тесание	319
изтѣчи – сътѣгнути	319
изур – шур	329
изходатагати – изходатати	319
изцѣплень – сцѣплень	319
изшляться – изгиляться	274
икентавр – и <i>и</i> кентавр	307
икеремень – и <i>и</i> кермен, карман	293
и ко оному – иконому	285
именимы – и <i>и</i> мѣнимы	319
инокыи – нагыи	319
инощь – инощьда	319, 321
иоулиане – иоулианане	319
ионичь – ноничь(ь)	329
ирпъ – сырп	307
иска – истка	359
искра – икра	296
ислугы – и <i>и</i> слугы	319
иснулуй – и <i>и</i> снулуй	307
испедвидный – исподвидный	329
испросиста та – испросиста ся	280
историца – историта	319
итолокъ – и <i>и</i> тълкъ	278–279
ичирыки – и <i>и</i> чирыки	307
кадамы – кандалы	308
кайтить – наитить	359
какица – кабица	329–330
калаум – калаус, калауш	330
калчан – калыган, колыган	330
камюк – канюк	350, 367
караюд, кароюд – корогод	330
карний – кадний (‘кадное молоко’)	330–331
каружки – корунки, коронки (‘кружева’)	331
Карфет (из Карфета) – из корвета	274
каслить – квелить, кливить	379
керета – керста	359–360
керолак, керопак – кержак	331
керолаки – кержаки	331
керскоть – керегодь	303
кестить – кстить	360

кетины – кстины	360
кешматор – фельдмаршал + император	360
кинъ – киньдапсъ	319
киперить (сверла киперить) – сверлаки перить	113, 314, 411
кириц – киргиз	331
кичма – кичига	331
клада – крада	267
клеека – клёвка	331
кложичка – клюшечка	273–274
ключе, ключе – плючь, плющь	277–278
клянец – кляпец, клепец	332
кованкс – повес(ь)мо	332
ковгородцы – новгородцы	184, 267
ког – коч	332
койвадже – койвадне	332
колгуха – комуха	332
колпаница – компаница	350
кольсоха – коль <i>и</i> соха	319
кольянка – копянка	332
комляга – комяга <i>и</i> комель	350
конём шурмовал – копьём шурмовал	273
конжий – княжий	315–316
кони (подпръ ся о кони) – о кьяне	418
корка – корх (в корхах)	310
коробованъ – <i>страд. прич. прои. врем от карбовати</i>	310
королечь – королевич	284
коромный – хоромный	350
корскота – коркота	296
корт – порт (‘нож’)	294
корянуха – коржуха	332
косвадись – коевадни, койвадне	332
косвадни – коевадни, койвадне	332
котвун – кривун	380
котоможа – котомочка	332–333
котьма – котома	333
котьсать – котосать	333
коукотиться – колк(г)отиться	333
коупьнорвььнитель – коупьно <i>и</i> рвььнитель	317
кочень – кочет	333
кочешок – кочето, кочеток	333
(ни) красити – красть	281
крата – крат	351

кратити – кротити	319
крашевник – крапивник	333
крѣплѣи – крѣплии	319
кровичи – кривичи	282
кромьногнѣвливѣ – оукромьногнѣвливѣ	319
крѣсты – крѣсты, корсты (<i>не</i> кресты!)	298
крывати – закрывати	319
кудсеть – кудить	333-334
куей – куса (коса)	334
кулоха – кумоха	334
кульбоба – куль бобу (съел)	351
кулюха – кумоха	334
кумначок – кумпячок	351
курелепь? – куролепь? курослепь?	303
курмолить – кур <i>и</i> молить	351
курмушка – куртушка <i>или</i> куртышка	334
курта – пурга	334
кусина – вусинѣ ('виссон')	294
кърмъчиевъ – кърмчи <i>и</i> вѣгласъ	320
кытание – кыхание	320
лабьноватися – ладьноватися	319
лаибина – ламбина	308
лакаются – лякаются ('пугаются')	308-309
лакѣкъ – лакѣтъ	319
лапля – цапля	334
ларские двери – царские двери	334
левъ (же лѣвъ) – желѣвъ	279
лев (ядять же лѣвы) – ядять желвы	279
лѣгати – долѣлѣгати	320
лѣжезная – железная	283
ленивка – мшевка (возвышенность на болоте)	305
лепечайло – лепетайло	334
(под) Лерьмоном – под Аерьмоном	284
липинка – личинка	335
лиргоца – лисица	335
листук – двели стук (двери стук!)	335
литочек (с литочком) – слиточком	309
лихонга – лихота	335
лихѣтя – мекота, мякота	336
лишарь – мшарь	305
лодья (кто от лодей несет что) – от людей	280
лосѣ – лососѣ	317-318

лоучьша – лоуща	320
лохлатый – лохматый, хохлатый	336
луговье – лучовье	351
луками лютыми – муками лютыми	283
лупеликой – лупешкой	336
лурта – пурга	336
лъжеипризываникъ – лъжь <i>и</i> призываникъ	320
лыга – лыч	351
(до) льгови – до Львови	282
любиць – любимиць	320
любочьтитис# – любочьститис#	320
лямац – лямец	360
ляхва – лягва	351
мазуканты – музыканты	350
малеть – шалеть	336
малешкий – маленький	336
малосешкий – малосенький	334
матка жатная – матка житная	336
мачить – маячить	351-352
машн(т?)овать – (по)маштовать	304
маштук (с В-ма штуками) – с двама штуками ... 114, 309, 314, 409	
(с) Межькоюемь своим – с Межько, уем своим	284
мелебек – молебен	337
мень, мень – шень? (‘цепь’)	304
метельниць – мѣтьльниць	320
миза(и?)ночникъ – мизиночник	302
микот(ш?)ана – микотка	304
Миловцы – заечьими ловцы	279
мимолость – жимолость	337
мирево – марево	337
мирослужитель – коумирслужитель	320
мистифировать – мистифицировать	383-384
млгало – мгало	337
млемие – мление, мнение	380
могалки – могилки	337
моглявина – мочлявина	352
мозить – мизить	380
молодиво – молозиво	360
молохи играют – сполохи играют	360
мольмия – молния	337
моржоны – моржаны, маржаны	381
мотая (змея) – лютая (змея)	345-346

моудѣни~ – замоудѣни~	318
мочилен – могилѣк	352
му жа имѣся – мужаимся	281
мужь твои грамоту – мужество и грамоту	281
мяжеви – моужеви	282
(не) наводити – не навадити	264
нагнавить – нашавить (‘налгать’)	305
надчелаться – надцестья (надсестья)	352
наѣдение – снѣдение, снабдение	395
нажилка – пажилки	360
наничв – наничъ	376
на оусти – наоустити	289
на пакты и арты – На<в>пакты и Арты (господин)	410–411
наперевод – наперьод (‘наперѣд’)	272
наперекрос – на перекрой	337
наплеушка – наплеушка	360
напомиси – наломи си ногу	282
напосад – на посад	352
на праднея – на преднея	280
напреждь – напреждьспѣти	320
нарахать – нарекать <i>и</i> рахать	360
насилошный – насылочный	352
на стругу – настругу (<i>вин. падеж от наструга</i>)	48–49
начшто – начисто	355
наша (скоть збирати) – нача, начаша	282
небылонь обидѣ – не было [от него – <i>Ольгова гнезда</i>] обиды	423
невѣдь – несъвѣдь	388
неволися ему слушати – неволити ему слушатися	390
невѣтихи"не – ~втихи"не	320
неждь – нежидь	391
ненять – не нять	352
неотьстоупно – неотьпоустьно	320
непарочным, непорочным (делом) – ненарочным делом	416
непостыжени~ – непостижени~	320
не теча – нетеча	354
нет#жь – нет#жьнь	300
не це – неце (‘нечего’)	346
нешаровный – не шаровный	390
нитнуть – нишнуть, нишкнуть	361
(из) нищей деньги – из пищей (‘писчей’) деньги	417
новѣрныхъ – неверных	282
ноголки – ночовки, ночвы	352–353

ножичимы – ножичи (‘ножницы’).....	353
(до тое) ножки – до тое пожни	347
нолна и Дикийрь и Пигь – нолна и до Кирьпигиге	280–281
норазно – ино разно	353
обаживати – обоживати	320
обежная книга – об(в)етная книга	361
обеушки – обсушки, общужки	361
обеща (елико обеща) – отвеща	283
облитник – обметник	305
облыстно – облыжно	361
обнива? – огниво?	302
обоитивъ – оои ти въ жрѣбии	321
обрунец – брунец (‘бурмицкие зерна’)	353
обуход – обиход	361
обха – обжа	361
обцепки – обценки	362
обчинить – обценить	353
обящи послы – общи послы	280
овединьѣв день – праздник, день Введения во храм.....	353
огража~мыи – обража~мь	320
огробы – во гробы	353
огунять – очунять	353–354
одалица (в одалицу) – во далицу.....	354
одаровати – даровати	320
ожика – ожина	304
озвад – Озвад, Взвад	266
оземьный – о земных (муках)	390
озѣнище – озепище	357
оклюснити, оклюшно – оклюснити	385
околмоватый – окомо(о)ловатый	311
окрашень – окращены	320
оксены – ксены	309
оманжа, оминзра – олганжа, ольганджа	377
ониполовичи – оный и половичи	320
опасесать – опачесать	338
опачей (опачей реку) – о Пучей-реку	354
опокинул – опочинул	272
опочик – опочив	354
опрекать – обрекать	354
организовать – организовать.....	383–384
орехать – брехать	338
орехло – брехло	338

оречать – отвечать	338
оринец – орниц	389
(сь) орота – съ ворота	412
оружены – <i>от</i> орудити <i>или</i> оружьѣти	311
осинитис# – осьнитис#	320
осуться – озмоваться (не озмуйся)	338
(по) Отце – по Оце (<i>по</i> Оке)	283
отжан – отжин	338
отжанки – отжинки	336
отженемь – <i>от</i> отъгънати (<i>не от</i> отжешти!)	299
отмстие – отместие	283
отрамшак – страмшак	338
отрогить – отрочить	338
отсумливать – отсушивать	305
отфуткивать – отфукивать	338
отширишись – отшибшись (‘отбившись’)	272
отшушивать – отсушивать	362
отщегенец – отщепенец	362
отъродь – отъ <i>и</i> родь	320
отътързати – отътъргати	321
отъчьника – отъника	320
офофан – фофан	362
охождати – отъхождати (отходить)	391
охроматный – огромный	362
ошноковенно – одинаковенно	338–339
ошь – осьть	339
павшие – от Павши (посадника)	264
пазят – <i>3 л. мн. ч. от</i> пазить	339
паисный – паёсный	339
палекида – палакида	386
палѣдь – пеледа	302
Паленьскую (землю) – Палестиньскую	284
палиха – памха (ненастье)	305
памжа? – памха?	303
панкружство – панкрутство (‘банкротство’)	339
паралипена – паралипомена	320
паровина – паравика	382
паритель – пиритель	386
парсду – пардус	283
пастик – пестик	302
патюма – потѣма	303
паужик – паужин	339

пауп – паут <i>или</i> паук ('овод')	339
пашос – пашек	339–340
пащь – пасць, пасть	340
пенева – пелева	340
пенся – песня	362
пенце – пенье (<i>собир. к пень</i>)	39, 114, 414
пеплён – исплёк	340
перегорнить – перегорнуть, перегортать	362
перезиб – перезябь, перезябь, перезябля	362
перезмять – (пере)знять	362
перекет-трава – перекат-трава	362–363
перелестый – перепелестый	363
перелесый – перепелесый	363
перепариться – перепериться	363
перескать (перескли) – перечькли ('пересчитали')	363
пересква – переспа	363
перества – переспа	363
переточек – персточек	340
перечетырживать – перечетыркивать	303
перечлохи – переполохи	310–311
перешисье – перетишье	340
песнё-место – печное место	363
песнёмугол – печной угол	363–364
пида – пяд, пядь	354
пирзать – пирдать	364
пкетой – клетой ('клятый')	354
платати – плакати ('полоскать')	386
плъзати – плезти	316
плотать – пластать	302
плошь – въплоще	320
плубут – полубут	338
плюче – плюще	276
побатмана – полбатмана	338
побежде – побеже	283
поведят – повелят	284
погимать – поимать	364
погоры – пороги	283
погръблятися – погърблятися	320
подара – падера	302
подъбѣгоста – подъбѣгъ <i>и</i> ста	298
подземь – подзимь	355
подкурахом – под куражём	355

подморие – подроимие, подрумие	390
подяреньше – поядреньше	340
пожилки – за-по (по-за) жилки	355
пожь – рожь	364
позира – порази	284
позументика – позументина	340
позяху по граду – возяху	282
покоры – пороки	284
пока"ньныи – поко"ньнь	320
покогуать – покотцать	341
Покрове – по кроле ('по кровле')	273
покрысть – покрыеть	298
покукакать – покукать	341
полетить – полстить	273
полкиканьице – покликаньице	340
половина града – поле вне града	283
положилая – положиться ('снести')	341
по лозию – полозиe (<i>собир. к</i> полоз)	423
Полостекъ – Полотеск, Полоцк	283
полпаль – подпаль	291–292
полуднра – полундра	364
полудуржье – полудружье	341
польдра – пол одра	341
поматить – помстить	341
помелех – помелец	341
померсть – пошерсть, пошерец	341–342
помлить? – помстить?	304
поможение – положение	272
понывати – покывати	386
понѣцати – погнѣцати	388
(болѣ) поопытовати – естѣ бо лѣпо опытовати	390
пооставить – пастивить, пастивать	342
попегоша – побегоша	283
попереника – поперечина, поперечинка	342
попетье – попечеь, подпечеь	342
попечерчник – поперечник	342
поплужьский – поплужный	387–388
попоустыньти – попоуснѣти	318
попудитися – понудитися	386–387
попукорить – попоукорить	364
попьям (псѣпьям) – (е)п(и)с(ку)пьям	406
пораздияти – пораздѣляти	355

порасхать – порасхаять	340, 355
(ис) пороба – из пороуба	284
порова – повова	390
пороса – порок	391
порохливый – полохливый	342
портененик – портежник	342
портенная – портерная	355
портяника – портянина	342
порушати – порошати ('орошать')	387
посвятить – посетить	355
посеучить – помучить ('помутить')	343
посиститься – помститься	343
пословкой – пословный	381
послостничать – посластничать	343
поснѣ – почнѣть	223
посреди – последи	282
посринути	392
постогдиться – постыдиться	343
постоша – постигоша	284
постреще – пострешье	355
постригаху – пострѣчуху	299
поступити (под горы) – подступити	282
постыть – поостыть	356
потава – пошава	343
потавни – пошевни	343
потвередить – подвередить	356
потвередиться – подвередиться	356
потемкивати – потолкивати <i>или</i> потешкивати	343
потесь – потец ('потник')	356
потихоженьку – потихошеньку	343
потоба – пошова	356
потова – пошава	344
потясучий – потягучий	344
поучьство – пучьство	387
пофизало – подлизало	344
похоти (спала князю умъ похоти) – слава князю умъ похыти	419
похтинетса – похитнетса	362
похрита – охрита	287
почбранюшечка – побранюшечка	364
почернее тела черного – почернее чела (печного)	273
почь – помочь	283
почвы – ночвы	364

почиша воевати – почаша воевати	282
пош – кош	344
пошка – потка	344
пошкальчик – полшкальчик	344
пошьньникъ – пошьвьникъ, пошевник	386
(на) праднея возвратимся – на преднея	282
прашеса – <i>от инф.</i> пьрѣтися	312
прбудеться – пробудиться	356
прѣдиликъсть – прѣдиликъствоують <i>или</i> прѣди ликъ сть	289
прекывати – пребивати	321
премений – премнии, премьнии	312
прибийоца – прибоец	356
привидьный – привидьние	321
при власть – прия власть	283
придеревый дьявол – приде ревый	390
приклятковатый – прикляковатый	364
прикупле – при купле	297
приобретохать – приобрести	356
притружатися – придружатися	391
пробрюгнуть – пробрюзгнуть	356
прогарчивать – прохарчивать	365
прогладить – проглазить	365
проздукать – профукать	305
промчим землям – прочим землям	283
протеи – протчии	272
прох (до прохá) – прах	357
протищи – порчищи	357
проишь – проишь (‘порошить’)	357
прошохала – пронохала	271, 274
прошупать – прощупать	357
пряжь – подпряжь	410
псень – ксень	365
псипаки львы – пси, паки львы	316
Псковъ – совъ	267
птицю – пытьцю	422
пузрался – пурзался	357
пътичесьмотрение – птичь <i>и</i> съмотрение	321
пьявство – пьянство	114, 405
пятельница – петелька	405
пятетемъ – пять темъ	406
(на) пятех – на путехъ	282
пятишина – пятишница	357

пятем – пятым	357–358
рабация – раба цию (раба <i>этой</i> водицею умывать)	358
раг(ч?)ать – рачать	303
рагнилёшенький – разгнилёшенький	365
раец – ларец	358
раз (в колицѣм разѣ) – в колицѣ мразѣ	403
разбрюмчаться – разбрюнчаться	358
разбутъ кадило – раздуть кадило	358
разбыгаться (разбрыгається) – разбрыкаться	358
разведяла – разведяга	365
развизляй – развисляй, развихляй	376
разговий – разговей (<i>от</i> разговеться)	358
раздикрешить – раздикретить	365
раздудеть – разбудѣт, разбусти	365
разупица – радуница, радоница	365
раисѣи – раистѣи (‘райский’)	289
ралубой – голубой	366
рапутицей – распутицей	361
раскирёная – раскорёная	274
распашивать – распахивать	396–397
рать – реть	267
рекоче – рекоуче	284
речь – реть	265
ри – мшари (<i>род. надеж от</i> мшарь)	379
(к) роду – к городу	284
(к) ротнико – к ротником	282
(в) роце – в роуце	284
ружать – рушать	366
румяно – рамяно	266
рыдатель – рыдель (‘рыцарь’)	285
Рыдубачи – Выдубачи	282
ряку (даста ряку межи собою) – руку	282
рякъ сице – рекъ	282
саботельник – саботажник	369
саботельничать – саботажничать	369
савн – саван	369
садовники, ястребѣи – садовники ястребѣи	46–47
сай – сап	380
самутя – самуня	369
сановар – самовар	360
сасек – сосек, сусек	369–370
саховня? – соковня?	303

сбруевянуть – сбрусвянуть.....	370
сбух – обух.....	370
свежесть – сбежесть.....	370
сверхъ порты – свергъ порты	282
свирип – свирель.....	370
сворот – свороб.....	370
сворох – свороп, свороб.....	370
сгагсить – сгошить, сгоношить, сгамзить, сгомзить.....	371
сгонуть – сглонуть.....	371
сдарывать – съарывать	413
сдобарить – раздобарить	358–359
сдобарить – сдобрить, слабривать.....	356–357
сдонянить – сдонжить, сдонъжить.....	371
сегнечь – сеянец.....	372
сегоду – сего году	414–415
сеедная неделя – всеедная неделя	359
секущеися – секущи вся	283
селегень – селезень	359
селедоцовка – селедцовка.....	372
селяжа – сеянка, селянка.....	372
сеостанокъ – съостанокъ	290
сесарство – цесарство	402
сестрасиць – сестричь, сестричиць, сестричишь	399
Сетгола – Летгола	282
сеяка – ссяка, сака.....	372
сжупиться – сжуриться	304
сзарывать – съарывать.....	413
сиволзай – сиволдай.....	372–373
силы (игрища межси силы) – меж сёлы	282
симинь – оиминь	413
синеворял – синеворот, синеворотъ.....	373
синеутка – синеуска.....	373
скалунь? – скакунь?	303
скачататься – скапетиться, скапутиться.....	374
скитейная тоня – снетейная (от снеток)	405
склабый – слабый	367
складина – складчина	366
скленицавина – скляница вина	347
сколупочка – скорлупочка.....	374
сколуша – скорлуша.....	374
скомранец – сковранец	311
скопта – скопца	412

скопы (поехали на скопы) – на снопы	274
скоржупа – скоржула	366
скороподстижно – скроподстижно	366
скромкий (скромнием гласом) – скромный, громкий.	366
скрыницы – скрытницы	366
скрынуть (зубами) – скрыпнуть	367
скрытощик – скрытовщик	374
скубареть – скуборить, скугорить	367
скъблазну (никакому же скъблазну) – никакому мужескъ блазну	280
сладкоротик – сладкоротик	374
слаца – слоится	367
слѣвноименитый – словесноименитый	417
следница – сподница	374
слепоочи – слепоочий	367
слолбец – слобец	368
слопец – скопец	379
слухлатить – слу(о)хматить (‘вздохматить’)	374
слухляный – слухмяный	375
слясля – мямля	375
слятьба – сеятьба	375
смехозорный – смехотворный	415
смещетса суд – смешаетса (о смесном суде)	401
смутеникам не верит – смуте никакой не верит	404
смухия – стухия (‘стихия’)	318
снератовати – сѣнератовати	393
сну (копием) – суну	283
собе (сотворивъше вече о себе) – особе	296
(на) солори – солор, солора, солорь	420–421
соральджа – саральджа	381
соромятный – сыромятный	272
спала князю умъ похоти – слава князю ум похыти	423
спанешный – епанешный, епанечный	312
спендели – спензели	368
спеченик – спенёчек, шпенёчек	272
сплеснуться – сплечнуться, сплечиться	368
спод – испод	397
спожали (ячмень и овёс) – с поль жали	400
сполетят – сполстят	368
споловье – исполовье	397
сполстично – сполетично, сполитично	368
сполутчее – лутчее	399

спражить – спразжить (<i>ср.</i> : празга)	368
срыдыбачить – фырдыбачить, фордыбачить	368
срытень – скрытень	374
стазби – въ стаи зби	423
стакарели – стокарили (‘сточили’)	273
стейная курица – степная курица (‘дрофа’)	380
(на) стенах – на стогнах	285
сток моря – оток моря	399
Сторохани (быка Сторохани кочевали) – бы к Асторохани	279
стрегуют его – стерегут	403
стрикусы – с три кусы	418
струг (на стругу) – наструга	48-49
струинные (дóроги) – струистые	402
суглина – буглина	398
суд (иже суд подо мною Русь) – суть	282
судят его – суда-то его	273
сукоратка? – сухоратка?	303
сулить – сумёт (‘сугроб’)	305
сульбакать – скульбакать	367
суслени (двор суслени) – двор суконника	58-59
съдѣтел# гоп – съдѣтел#го	289
съисподь – исподь	397
съкрегующи – съкрегчющи	320
сьлепъ – се лепъ	368-369
сырьи – сыры	385, 412
сытцеловый – исцеловый	264, 384
тайноконечный – тайно. конечный	400
тархиепископли – тархальщики епископли	419
тачаны – таганы	407-408
таши – тайши	402
тела (чернее тела) – чернее чела (печного)	273
террасы – тарасы	152
техлавых (правежей) – тягловых	404
теча – нетеча	352
тогда есть земля – то, где есть земля	283
торгище – торговище	313
Трал. – Урал	361
трасна – травная	313
тренье – црены	313
триньки – три ножи	412
троды (на троды) – на троуды	283
трускъ – трус	313

трусченко – натрусченко	400–401
трьбольший – требующийся	152
тряжу – жряху	283
тсивере – три кивера	412
ту естью – буестью	312
тумакового (цвету) – цвету макового	313
туда – туга	301
тутичь (^ тутича) – от утича	301
тушь – туюс, туес	305
тынье – тылье	417–418
тынье (пимы тынье уские) – пимы тынгусские	148, 418–419
ты соущикъ – тысоущикъ	320
тымнети – третьи, мнети	310, 410
у воды – <i>твор. падеж множ ч. от</i> увод	9
уйтерпети – утерпети	398
укатем – злаго сего ука, тем (воздержимся)	409
укоиши (оукоиши) – упокоиши	290
уоки – уроки	387
улей (ветер из гнилого улья) – угол	322
уличенье (покололи с уличеньеимъ) – суличием	412
умарехнуться – ума рехнуться	380
умаурливается – умаливается	393
упекаять – упенякать, упенькать	387
упояхать – упоясать	387
усто (в отдел усто) – у сто	297
Утечь (Утече и Миловцы) – утечьими ловцы	280
утремно – (у) т(е)ремно(го)	300
у тыню – утычю	401
фортуноло – фартануло	382
фурстина, фурстовина – фуртовина	296
ховраты – хорваты	284
хупавъ – мухавъ	287
хупание – мухание	287
хупатися – мухатися	287
цитовать – цитировать	383–384
чедяговый – челиговый	312
чездря – че(го) з(д)ря	355
чувильн(к?)а – чувилька	303
шайка – шапка	378
шалики – скалики	304
шалохвостка – шилохвостка	382
шнып – шпын	303

шпыкъ, шпыль – шпын	303, 377
шухобат – шухобот	382
шипидильные – шипидильные	273
щупова – глупова (глупого)	272, 274
языхъ – язык	283
Янов (за Янов город) – зая Новгород	280

б. Список псевдогапаксов, не рассмотренных в работе

<p>аонина – <i>ажина</i> ащера – <i>ащер</i> ('<i>ящер</i>') вых – <i>вех</i> ('<i>цикута</i>') дерегбить – <i>дерябить</i> застреж – <i>застреха</i> кълоубри(и) – <i>къ лоубри(и)</i> лесик – <i>лешак, лесак</i> лирь – <i>аирь</i> межипирница – <i>межиперстица</i> мопухи – <i>мотри!</i> (<i>смотри</i>) набалмать – <i>набалмашь</i> набатерово – <i>набашерово, на- обошарово</i> навлихк – <i>наволок</i> накедь – <i>наледь</i> налаки – <i>лалаки</i> наносник – <i>наносник</i> напасьевна – <i>напасьевна</i> нарукта – <i>нарушка</i> насбевать – <i>настебать</i> насмоха – <i>насмока</i> насогбить – <i>насытить</i> насяяндать – <i>насяндать</i> натекнуть – <i>намякнуть</i> натика – <i>натина</i> начипикивать – <i>начиликивать</i> небесы – <i>небесье</i> неводис – <i>неводич</i> невтоста – <i>невъста</i> недостижки – <i>недостатки</i> недостилки – <i>недостатки</i> недька – <i>нетька, нетки</i> нежточко – <i>нещечко</i></p>	<p>ровьствие – <i>суров(ь)ствие</i> родище – <i>городище</i> розмѣнный – <i>розметный, разметный</i> рукодѣтель – <i>рукодѣлатель</i> сбѣдовати – <i>събесѣдовати</i> свѣтълотворити – <i>свѣтло творити</i> сессии, съсь=сесь=сесии – <i>се с ними</i> серебрьство – <i>любосеребрьство</i> сѣрь, сѣрьнь – <i>сѣрие</i> сивць – <i>сивка, сивко</i> сидионъ – <i>сигна</i> ситъце – <i>ситие</i> сквърнавити – <i>осквърнавити</i> скибеть – <i>кибить</i> скирбъ – <i>кирбъ, кербъ</i> скорець – <i>воды с корець</i> скрѣнь – <i>скрѣня</i> средю (сладость) – <i>средню (сладость)</i> стегненица – <i>остегньница</i> суринникъ – <i>сурийник</i> сусѣдити – <i>съсудити</i> сусобрадый – <i>русобрадый</i> сусый – <i>русый</i> сходнѣ – <i>исходнѣ</i> съжуждение – <i>сосуждение</i> съимство – <i>соимство</i> съкровитыи – <i>сановитый</i> съмысьць – <i>смыкъ</i> сънарицати, сънарещи – <i>нари-</i></p>
--	---

<p>немтуст – <i>немтуй, немтырь</i> нестерь (нестерья) – <i>нестерь</i> неталь – <i>нетель</i> нишкуть – <i>нишкнуть, ничк- нуть</i> новский (день) – <i>навский</i> (день) ночколый – <i>ночной</i> ношабур – <i>нашатыр(ь)</i> нычьеть – <i>нычьешь</i> (2 л. ед. ч. от ныкать) обастеть – (<i>обо</i>)<i>сцать</i> обедгод – <i>обед</i> и <i>год</i> обнаковение, обнаковение – <i>обнаковение</i> обшалахтаться – <i>обмалах- таться</i> озес – <i>озев, озёв</i> (от озевать) озиморожь – <i>озима(я) рожь</i> окад – <i>жад</i> окаятка – <i>окайшка</i> оклоза – <i>оклада</i> ококо – <i>окошко, оконко</i> окоронаветь – <i>окоржаветь</i> омеж – <i>омёт</i> омерникъ – <i>омежникъ</i> опаракать – (<i>о</i>)<i>маракать, ме- рекать</i> отожко – <i>атожно, отожна</i> поло(е)вичник – <i>полевичник</i> попутник – <i>лапушник</i> поцвѣтильникъ – <i>спасающими</i> по <i>цвѣтилкоу</i> пралагати – <i>прѣлагати</i> пратитель – <i>прѣвратитель</i> прѣкратькыи – <i>прекрасный</i> прѣпояснь – <i>препояски</i> привѣлнство, приволнство – <i>триволнство</i> придь – <i>приди</i> (преди) <i>плака- тися</i> прикровникъ – <i>трекровник</i></p>	<p><i>цати</i> сьнеглядати – <i>не глядати, не гледати</i> сьпресѣдание – <i>сьпрѣ,</i> <i>сѣдание</i> (и лаание) сытитися – <i>насытитися</i> та (испросиста та у него) – <i>ис- просистася</i> талтуй – <i>тахтуй</i> твержение – <i>утвержение</i> творитие – <i>творити я</i> твореный – <i>боготворенный</i> творный – <i>путитворный</i> теменский – <i>тюменский</i> темнокарий – <i>втемнѣ карь</i> темномухортый – <i>втемнѣ му- хортый</i> тереба – <i>треба</i> терпѣлие – <i>терпѣние</i> типа – <i>тина</i> токъ – <i>начатокъ</i> (отъ) токы – <i>отокы</i> томашь – <i>тамаша, томаша</i> тонимый – <i>гонимый</i> топерво – <i>то перво</i> торгой – <i>торговый</i> торжение – <i>натрижнение</i> тракъ – <i>антракъ</i> трапятьскъ – <i>трепясток</i> трахва – <i>драхва</i> (‘дрофа’) трѣбение – <i>гребение</i> трѣзвитый – <i>трѣзвый</i> трекаменный – <i>трекапный</i> трепеть – <i>репеть</i> (‘ропот’) третие – <i>трѣние</i> (‘терние’) трижнение – <i>натрижнение</i> трижь – <i>трижды</i> троеество – <i>трое естест- въмъ</i> тропь – <i>стропь</i> труплии – <i>дуль</i> (‘пустой, полый’)</p>
---	--

<p> приплодѣти – <i>пригодѣти</i> присый – <i>присносушити</i> повороза – <i>павороза, поворуза</i>. пятникъ – <i>пятецикъ</i> радованный – <i>богодарованный</i> рвение морю – <i>рать с моря</i> развивьница – <i>розвъница</i> раскужати – <i>раскажати</i> растрасновение – <i>растръсновение</i> растроитель – <i>всего мира</i> строитель рать, речь – <i>реть</i> рекоче – <i>рекоуче</i> ретный – <i>реченный</i> </p>	<p> труховый – <i>трухавый</i> трытѣся – <i>тертѣся</i> трястоный – <i>тростяный</i> туждаюштий – <i>сътужаюштий</i> туканье – <i>таканье</i> туно – <i>ту и но</i> тутось останет – <i>туто ся</i> <i>останет</i> тутьный (прил.) – <i>тутень</i> (сущ.) тухнати – <i>хухнати</i> ('роптать, выражать недовольство') тчящи – <i>търчящи</i> или <i>тычаща</i> тяклоревнитель – <i>тякло</i> и <i>ревнитель</i> узуроснул – <i>вздогнул</i> </p>
--	---

Научное издание

Астахина Людмила Юрьевна

**Источники по исторической лексикологии
русского языка**

Монография

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 30,75. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии издательства

